

КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

Д Ж О Р Д Ж
Б У Ш

 OLMA
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru

В этой откровенной и увлекательной
книге президент Джордж Уокер Буш
описывает переломные решения,
оказавшие влияние на его жизнь
и его политику.

Джордж У. Буш был президентом Соединенных Штатов в течение восьми важнейших лет американской истории (2001–2009). Решения, которые он принимал, оказали влияние на людей во всем мире и определили суть времени, в котором мы живем.

Книга «Ключевые решения» переносит читателей в Губернаторский особняк в Техасе в ночь выборов 2000 года, на Борт №1 в первые часы после атак 11 сентября, в комнату для переговоров накануне начала войны в Ираке и за кулисы Белого дома в момент принятия многих других исторических президентских решений.

Из этой книги мы узнаем много нового о Буше:

- о его решении бросить пить и о пути, который привел его к христианской вере;
- о выборах вице-президента, министра обороны, госсекретаря, судей Верховного суда и других официальных лиц;
- о его отношениях с женой, дочерьми, родителями, включая откровенную переписку президента с его отцом накануне войны в Ираке;
- о его антитеррористических программах, в том числе о допросах ЦРУ и Программе отслеживания террористов;
- о том, почему самым ужасным моментом всего президентского срока было слышать обвинения, что расовые вопросы играли существенную роль в действиях федерального правительства при ликвидации последствий урагана «Катрина» и критику его антикризисных мероприятий;
- о его глубокой обеспокоенности тем, что поражение в Ираке может обойтись намного дороже, чем Вьетнам, и о том, как он решил бросить вызов общественному мнению, увеличив контингент войск;
- о его законодательных инициативах — о сокращении налогов и изменении системы образования и медицинского обеспечения, а также о его неудачах в сфере социального обеспечения и иммиграционной реформы;

- о его отношениях с другими мировыми лидерами, с теми, кому он доверял и кому нет;
- о том, почему неудача в попытке привести Осаму бен Ладена на скамью подсудимых рассматривается, как самое его большое разочарование, а успех в предотвращении новых атак террористов на Америку — как одно из самых существенных достижений.

Новые президентские мемуары «Ключевые решения» порадуют сторонников политики Буша, удивят его критиков и изменят взгляды на восемь выдающихся лет в американской истории — а также на человека, находившегося в самом центре событий.

После окончания своего срока президент Джордж У. Буш занимается организацией Президентского центра Джорджа Буша в Южном методистском университете в Далласе, штат Техас. В рамках этого центра будет проводиться активная политическая институциональная деятельность, направленная на развитие инициатив в области реформы системы образования, здравоохранения, экономического роста и свободы человека, с особым акцентом на продвижение социального предпринимательства и создание возможностей для женщин по всему миру. Центр, который откроется в 2013 году, также будет включать в себя официальный правительственный архив и музей.

Оформление обложки: У. Дж. Кукман

Фотографии на обложке предоставлены изданием *White House*

Фото Пола Морса (передняя сторона)
и Эрика Дрейпера (оборотная сторона).

КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

Д Ж О Р Д Ж

Б У Ш

КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

ДЖОРДЖ БУШ

МОСКВА
2011

ББК 66.1(0)

Б 90

GEORGE W. BUSH. DECISION POINTS

Copyright © 2010 by George W. Bush

This translation published by arrangement with Crown Publishers, an imprint of The Crown Publishing Group, a division of Random House, Inc. and with Synopsis Literary Agency

Джордж Буш

Б 90 Ключевые решения / Перевод с англ. О. Акимовой, М. Козыревой, Е. Ганиевой. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 544 с.

ISBN 978-5-373-04418-9

В этой откровенной и увлекательной книге президент Джордж Уокер Буш описывает переломные решения, оказавшие влияние на его жизнь и его политику.

Джордж У. Буш был президентом Соединенных Штатов в течение восьми важнейших лет американской истории (2001–2009). Решения, которые он принимал, оказали влияние на людей во всем мире и определили суть времени, в котором мы живем.

Книга «Ключевые решения» переносит читателей в Губернаторский особняк в Техасе в ночь выборов 2000 года, на Борт №1 в первые часы после атак 11 сентября, в комнату для переговоров накануне начала войны в Ираке и за кулисы Белого дома в момент принятия многих других исторических президентских решений.

Президентские мемуары порадуют сторонников политики Буша, удивят его критиков и изменят взгляды на восемь выдающихся лет в американской истории – а также на человека, находившегося в самом центре событий.

ББК 66.1(0)

*Посвящается самым любимым людям в моей жизни:
Лоре, Барбаре и Джерри*

ISBN 978-5-373-04418-9

© Дж. Буш, текст, 2010

© Акимова О. В., Козырева М. Ю.,

Ганиева Е. Р., перевод, 2011

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
Глава 1	
ИЗБАВЛЕНИЕ	12
Глава 2	
ВЫБОРЫ	53
Глава 3	
ЛИЧНЫЙ СОСТАВ	87
Глава 4	
СТВОЛОВЫЕ КЛЕТКИ	135
Глава 5	
ДЕНЬ ОГНЯ	158
Глава 6	
БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ	187
Глава 7	
АФГАНИСТАН	219
Глава 8	
ИРАК	263
Глава 9	
РУКОВОДСТВО	315
Глава 10	
«КАТРИНА»	356
Глава 11	
ЭФФЕКТ ЛАЗАРЯ	383
Глава 12	
БОЛЬШАЯ ВОЛНА	407
Глава 13	
ПЛАН СВОБОДЫ	450
Глава 14	
ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС	497
Заклучение	535
Слова благодарности	540

ВВЕДЕНИЕ

В последний год своего президентского срока я всерьез задумался о написании своих мемуаров. По рекомендации Карла Роува я встретился более чем с дюжиной известных историков. В откровенной беседе они посоветовали мне непременно писать, утверждая, что важно, когда повествование идет от первого лица.

«Вы когда-нибудь смотрели фильм "Аполлон-13"? — спросил меня историк Джей Винник. — Все знают, что астронавты вернутся домой в самом конце. Но тем не менее вы сидите на краешке своего кресла, удивляясь тому, как они это делают».

Почти все историки предлагали мне прочитать «Мемуары» президента Гранта, что я и сделал. Книга была написана оригинальным стилем: он писал в виде коротких рассказов, описывая свой опыт в период Гражданской войны. Я понимал, почему его работа выдержала испытание временем.

Так же как и Грант, я решил не давать исчерпывающую информацию о моей жизни или о периоде моего президентства. Вместо этого я собирался рассказать историю того времени, когда я находился в Белом доме, фокусируясь на самой главной части своих обязанностей: принятии решений. Каждая глава основана на описании какого-то важного решения или целой серии связанных между собой решений. В результате этого повествование в книге складывается тематически, а не хронологически. Я не смог охватить все важные проблемы, которые прошли через мой стол. Многие преданные мои сотрудники были упомянуты лишь вскользь, или о них не упоминалось вовсе.

Я очень ценю их за добросовестную службу и всегда буду благодарен им.

Когда я писал книгу, я ставил перед собой двойную задачу. Во-первых, я надеялся, что смогу наглядно показать, что значит быть президентом в течение восьми лет. Я считаю, что невозможно однозначно оценить итоги моего президентского правления — и не только моего, раз уж на то пошло — до тех пор, пока не пройдет несколько десятилетий. С течением времени страсти утихают, результаты проявляются, а ученые получают возможность сравнить различные подходы. Я надеюсь, что эта книга будет служить ценным источником для всех, кто изучает данный период американской истории.

Во-вторых, я писал эту книгу, чтобы показать читателям, как принимаются решения в сложных условиях. Многие решения, которые достигают президентского стола, являются жестким вызовом с сильными аргументами с обеих сторон. В книге я описываю те варианты, которые я взвешивал, и те принципы, которым я следовал. Я надеюсь, что это позволит вам лучше понять, почему я принимал именно те решения, которые принимал. Возможно, это может даже оказаться полезным, когда вы сами будете стоять перед сложным выбором в своей жизни.

«Ключевые решения» базируются, преимущественно, на моих воспоминаниях. Не без помощи исследователей я разбавил свою работу государственными документами, современными заметками, личными интервью, выпусками новостей и другими источниками, ряд из которых до сих пор остаются закрытыми. В книге описываются также эпизоды, основанные исключительно лишь на моих воспоминаниях. И если в них окажутся неточности, то вся ответственность за это будет лежать на мне.

Я постарался рассказать о своих правильных и ошибочных решениях и о том, что я бы хотел изменить, если бы мне представился такой шанс. Конечно, будучи на посту президента, ты мало что можешь потом исправить. По тому нужно делать то, что считаешь правильным, и брать на себя ответственность за все возможные последствия. Я старался делать это каждый день в течение своего восьмилетнего срока. Быть президентом было огромной честью для меня, и я ценю тот факт, что вы даете мне возможность поделиться своей историей.

ГЛАВА 1

ИЗБАВЛЕНИЕ

Это был довольно простой вопрос. «Ты можешь вспомнить последний день, когда не выпивал?» — Лора спросила характерным ей тихим, успокаивающим голосом. Она не угрожала и не придиралась. Она просто ждала ответа. Моя жена была одним из тех людей, кто умеет дожидаться нужного момента. Это был как раз один из таких моментов.

«Конечно, могу», — возмущенно ответил я. Затем я прокрутил в памяти события последней недели. Я выпил несколько банок пива с друзьями в по-недельник вечером. Во вторник я не отказал себе в моей любимой выпивке после ужина: употребил так называемый «Б и Б» ликер бенедиктин и бренди. В среду, после того как я уложил Барбару и Дженну в кровать, я выпил бурбон и «семерку»¹. В четверг и пятницу у меня были пивные вечера. В субботу мы с Лорой поехали к друзьям. Я выпил мартини перед ужином, пиво во время него и «Б и Б» после. Похоже, эту неделю я провалил.

Я начал копаться в памяти, пытаюсь найти хоть один «безалкогольный день» за последние несколько недель, потом за прошлый месяц, потом пошел еще дальше. Но так и не смог вспомнить. Выпивать каждый день стало для меня привычкой.

Я вообще был склонен к плохим привычкам. Я курил сигареты в течение девяти лет, начав еще с колледжа. Смог бросить курить только при помощи снюса².

¹ Алкогольный напиток, ингредиенты которого являются виски и «7-ур».

² Снюс — вид табачного изделия. Представляет собой измельченный увлажненный табак, который помещают между верхней губой и десной на длительное время — от 30 до 60–70 минут. (Прим. переводчика.)

От снюса я избавился с помощью жевательного табака. В конце концов, я перешел на сигары.

В какой-то период времени я пытался оправдать свою привычку. Я не был запойным пьяницей, которых я знал в своем родном городке Мидленд, штат Техас. Я не пил в течение дня или на работе. Я был в хорошей форме, бегал на пробежку каждый вечер, а это была уже другая привычка.

Со временем я понял, что бегал не только чтобы держать себя в форме, а еще чтобы выводить токсины из организма. Вопрос Лоры заставил меня задать еще больший вопрос самому себе. Хочу ли я проводить время дома с дочерьми или мне больше хочется уходить куда-нибудь, чтобы напиться? Хочу ли я читать перед сном в постели с Лорой или предпочту напиться бурбоном после того, как все заснут? Могу ли я сблизиться с Всевышним или моим богом давно стал алкоголь? Я знал ответы на эти вопросы, но было невероятно тяжело собрать волю в кулак и измениться.

В 1986 году нам с Лорой должно было исполниться по 40 лет. Так же, как и нашим близким друзьям — Дону и Сьюзи Эванс. Мы решили, что будем отмечать дни рождения вместе в курортном комплексе Бродмур в Колорадо-Спрингс. Мы пригласили друзей детства Джо и Джен О'Нилл, а также Пэнни Сойера, еще одного друга из Мидленда.

Ужин по случаю празднования был назначен на субботу. У нас было огромное количество еды и множество бутылок вина «Серебряный дуб», которые стоили по 60 долларов за каждую. За столом было произнесено несчетное количество тостов: за наше здоровье, за детей, за няnek, которые остались с ними в тот момент дома. Мы разговаривали все громче и громче, рассказывая одни и те же истории. В какой-то момент мы с Доном решили, что мы настолько крутые, что стали ходить от столика к столику и выпивать с незнакомыми людьми. Мы закончили празднование, оплатили чек на огромную сумму и пошли спать.

На следующее утро у меня было похмелье. Так как я пропустил ежедневную пробежку, я мало что мог вспомнить из событий предыдущей ночи. Примерно после того как я пробежал половину намеченного пути, у меня в голове начало проясняться. В течение нескольких месяцев я молился, чтобы Бог показал мне, как наилучшим образом отразить Его волю. Чтение Писания раскрыло для меня природу искушений и реальность того факта, что любовь к земным удовольствиям может заменить любовь к Богу.

Моей проблемой было не то, что я выпиваю, а скорее мой эгоизм. Пьянство приводило к тому, что я ставил себя впереди всех, впереди даже своей семьи. Я любил Лору и дочерей так сильно, что не мог позволить, чтобы это продолжалось. Вера указала мне выход. Я знал, что могу полагаться на Божью благодать в стремлении измениться. Это не могло быть легко, но под конец пробежки я принял твердое решение: завязать с выпивкой.

Когда я вернулся в свою гостиничную комнату, я сказал Лоре, что больше никогда не напьюсь. Она посмотрела на меня, будто я еще пьяный. И ответила: «Это хорошо, Джордж».

Я знаю, о чем она подумала. Я уже говорил о том, что завязываю, и раньше, но это ни к чему не приводило. Но она не знала, что я поменялся внутренне – и это должно было помочь мне изменить свое поведение навсегда.

Понадобилось примерно пять дней, чтобы осознать, что принятое мной решение абсолютно бесполезно. Когда похмелье полностью стерлось из моей памяти, влечение к алкоголю начало усиливаться. Мое тело разрывалось от жажды к алкоголю. Я молил о силе, чтобы побороть свои желания. Я бегал все усерднее и дольше, это был способ дисциплинировать себя. Я также ел много шоколада. Мое тело требовало сладкого, и поедание шоколада было самым простым способом. Это также давало мне еще одну мотивацию для бега: удерживать на одном уровне свой вес.

Лора меня поддерживала. Она чувствовала, что я действительно завязываю. Всякий раз, когда я поднимал эту тему, она умоляла меня не останавливаться. Иногда я говорил о выпивке лишь для того, чтобы услышать слова ее поддержки.

Мои друзья мне также помогали, даже несмотря на то, что многие из них не переставали пить, когда я был рядом. В самом начале было довольно тяжело смотреть, как другие люди получают удовольствие от коктейля или пива. Но лишь будучи трезвым, я начал понимать, какие бессмысленные вещи я мог говорить, когда был пьян. Чем больше времени проходило, тем большую силу я чувствовал в себе. В конце концов отказ от выпивки стал привычкой, которую я рад был сохранять.

Отказ от алкоголя был одним из самых тяжелых решений, которые я когда-либо принимал. Но если бы его не было, то все остальные решения,

описанные в книге, были бы невозможны. В то же время без всего этого сорокалетнего жизненного опыта сам отказ от выпивки также был бы невозможен. Множество моих качеств и убеждений были сформированы в эти первые четыре десятилетия. Мой путь включал в себя испытания, усилия и неудачи. Все это доказывало силу любви и веры и истину, что человек может измениться. В любом случае это было увлекательное путешествие.

Я первый сын Джорджа и Барбары Буш. Мой отец воевал во Второй мировой войне, женился на своей любимой, как только вернулся домой, и быстро создал семью. Эта история схожа с историями многих молодых пар того поколения. Однако в Джордже Герберте Уокере Буше всегда было что-то необычное.

Когда произошла атака на Перл Харбор, отец только заканчивал школу. Он уже был зачислен в Йельский университет. Однако на свое восемнадцатилетие вместо учебы он пошел служить в Военно-морские силы и стал самым молодым пилотом, получившим право на полеты. Перед самым отплытием в регион Тихого океана он влюбился в прекрасную девушку, которую звали Барбара Пирс. Он сразу сообщил своим друзьям, что женится на ней. В знак любви к ней он написал ее имя на своем самолете.

Однажды утром в сентябре 1944 года отец отправился на задание к острову Чичи-Джима, который был оккупирован японцами. Его «Эвнджер» (*TBM Avenger*) был подбит, но он еще пытался лететь, снижаясь со скоростью 200 миль в час, пока не сбросил бомбы на цель. Он приказал своему экипажу катапультироваться и только после этого сделал это сам. Будучи совсем один в южной части Тихого океана, он доплыл до какого-то резинового фрагмента, оказавшегося подушкой от его сиденья. Когда отец был спасен подводной лодкой, ему сообщили, что он может отправиться домой. Но вместо этого он опять присоединился к своей эскадре. Его служба закончилась лишь под Рождество, и 6 января 1945 года они с мамой поженились в церкви в городе Рай, в штате Нью-Йорк.

После войны мама с папой уехали в городок Нью-Хейвен, поэтому отец смог учиться в Йельском университете. Он был хорошим атлетом – пер-

вым бейсменом (*basetan*) и капитаном бейсбольной команды. Мама посещала почти каждую его игру, даже весной 1946 года, когда уже была беременна мной. К счастью для нее, на стадионе позади финальной базы¹ было довольно широкое место, сделанное специально для бывшего профессора права Уильяма Ховарда Тафта.

Отец отличался в учебе, без особых проблем он окончил Фи-Бета-Каппа² за два с половиной года. Я, дремля большую часть церемонии, присутствовал на вручении диплома у мамы на руках. Это, как оказалось, было не в последний раз, когда я спал на лекции в Йеле.

Спустя годы миллионы американцев узнают историю моего отца. С самого начала я чувствовал это сердцем. Одним из моих первых воспоминаний было следующее: мы сидели с мамой на полу и просматривали старый альбом. Она показывала мне фотографии отца в Корпус-Кристи, таблицу его результатов в Университетской мировой лиге и знаменитую фотографию, где он запечатлен с Бейбом Рутон³ на позиции питчера на поле Йельского университета. Я сосредоточенно изучал фотографии с их свадьбы: офицер Военно-морского флота и его улыбающаяся молодая невеста. Больше всего в этом альбоме мне нравился тот самый кусочек резины, который спас отца в Тихом океане. Я часто просил его рассказать мне военные истории. Но он не хотел хвастаться. Вместо него рассказывала мама, которая его обожала, как и я. Пока я буду взрослеть, в моей жизни будут и другие люди, на которых я буду смотреть снизу вверх. Но правда в том, что я никогда не искал примера для подражания. Я был сыном Джорджа Буша.

Когда отец закончил университет, многие думали, что он отправится работать на Уолл-стрит. В конце концов, его отец был совладельцем ус-

¹ Home plate – финальная база в бейсболе, до которой необходимо дотронуться в последнюю очередь, чтобы заработать очки. (Прим. переводчика.)

² Фи-Бета-Каппа — престижное студенческое общество с отделениями во многих колледжах США, в которое избираются лишь наиболее успевающие студенты, обычно менее 10 % от общего числа. (Прим. переводчика.)

³ Бейб Рут — известный американский бейсболист, выступавший за Бостон и Нью-Йорк. (Прим. переводчика.)

пешного инвестиционного дома. Но отец хотел сделать все по-своему. Они с мамой нагрузили свой красный «студбеккер»¹ и отправились на Запад. Я всегда восхищался своими родителями, они не побоялись риснуть, и я им благодарен, что они решили осесть именно там. Одним из самых великих благ, доставшихся мне от родителей, была возможность расти в Западном Техасе.

Первый год мы провели в рабочем городке под названием Одесса. Все что там было — это несколько проложенных улиц и частые пылевые бури. Мы жили в крошечных апартаментах и делили свою ванную, в зависимости от того, у кого вы спросите, с двумя или тремя проститутками. Отец работал в одной из обслуживающих компаний нефтяной отрасли. Он занимался тем, что чистил склады и красил нефтяные насосы. Один рабочий спросил у него однажды, учился ли он в университете. Отец ответил ему, что учился в Йеле. Этот парень немного помолчал и ответил: «Никогда не слышал о таком».

После непродолжительного пребывания в Калифорнии мы вернулись в Западный Техас в 1950 году. Мы осели в Мидленде, городке, который я сразу представляю, когда я думаю о своем детстве. Он находился в двадцати милях на восток от Одессы. Деревьев там практически не было. Земля была ровной, сухой и пыльной. А под ней находилось целое море нефти.

Мидленд был столицей Пермского бассейна², на который приходилось примерно 20 % всей добычи нефти в Америке в 50-е годы. Город имел какое-то независимое, предпринимательское чутье. Внутри него была ожесточенная конкуренция, в особенности в нефтяной сфере, но также присутствовало и чувство некой общности. Каждый мог преуспеть в этом деле, но каждый мог и провалиться. Приятели моего отца были задействованы во всех видах работ. Один из них красил дома. Другой был хирургом. Третий заливал цемент. Через десять кварталов жил строитель мистер Гарольд Уэлч. Спустя четверть века после того, как я встретил его, я начал ухаживать за его прелестной дочерью Лорой Лэйн.

¹ «Студбеккер» — американская марка автомобилей, которая существовала с 1868 по 1966 год. (Прим. переводчика.)

² Район на Западе США, где сосредоточены основные месторождения нефти и газа страны.

Жизнь в Мидленде была незамысловатой. Я катался на велосипеде со своими друзьями Майком Проктором, Джо О'Ниллом и Робертом Мак-Клески. Мы ходили в походы, и я продавал для благотворительных целей конфетки Лайф Сэйверс¹. Мы с друзьями могли играть часами в бейсбол, бросая друг в друга мячи, пока мать не звала меня на ужин через решетку, огораживающую наш двор. Я трепетал, когда отец выходил с нами поиграть. Он был знаменит тем, что умел ловить летящий сверху мяч за своей спиной, это был трюк, которому он научился в колледже. Мы с друзьями пытались подражать ему. Заканчивалось всё тем, что на наших плечах появлялись синяки.

Один из тех моментов, которыми я больше всего горжусь, случился в юности, когда мне было 11 лет. Мы с отцом кидали друг другу бейбольный мяч во дворе. Он швырнул в меня мяч со всей силы, но я сумел удачно поймать его перчаткой. «Ты делаешь успехи, сынок! — сказал он с улыбкой на лице. — Теперь я могу кидать тебе мяч так сильно, как только пожелаю».

Это были спокойные, беззаботные годы. Сейчас я называю их «идиллическими». Пятничными вечерами мы болели за команду «Бульдоги» Мидлендской средней школы. Каждое воскресенье утром мы ходили в церковь. В те времена никто никогда не закрывал своих дверей. Годы спустя, когда я буду говорить об Американской Мечте, я буду иметь в виду именно Мидленд.

Посреди счастливой жизни внезапно случилась беда. Весной 1953 года моей трехлетней сестре Робин поставили диагноз: лейкемия, это форма рака, которая в те времена считалась неизлечимой. Мои родители отвезли ее на лечение в Нью-Йорк в Онкологический центр им. Слоуна-Кеттеринга². Они надеялись на чудо, также понимая, что врачи узнают много нового, исследуя ее заболевание.

Мама проводила месяцы рядом с кроватью Робин. Отец постоянно курсировал между Техасом и Восточным побережьем. Я находился у друзей родителей. Когда отец бывал дома, ему приходилось рано ехать на работу. Позже я узнал, что каждое утро в 6:30 он ездил в церковь и молился за Робин.

Мои родители не знали, как сообщить мне, что моя сестра умирает. Они просто говорили мне, что она боится. Однажды моя учительница в средней школе имени Сэма Хьюстона в Мидленде попросила меня с одноклассниками перенести видеомагнитофон в другое крыло школы. Пока мы тащили эту громоздкую машину, я испытал шок, увидев маму и папу, садившихся в наш зеленого цвета «олдсмобиль»¹. Я мог поклясться, что видел в окне светлые локоны Робин. Я помчался к автомобилю. Мама крепко меня обняла. Я посмотрел на заднее сиденье. Робин там не было. Мама пришептала мне: «Она умерла». По пути домой я видел моих родителей плачущими первый раз в жизни.

Смерть Робин опечалила меня тоже, так, как может опечалить семилетнего мальчика. Мне было грустно терять мою сестру и возможного друга в будущем. Мне было грустно, потому что я видел, как страдают мои родители. Прошло много лет, прежде чем я смог понять разницу между моим горем и мучительной болью моих родителей, которую они испытывали, потеряв свою дочь.

После смерти Робин мы с мамой стали очень близки. Отец часто отсутствовал из-за своего бизнеса, и я почти все свое время проводил с ней, одаривая ее своей любовью и пытаясь поддержать своими шутками. Однажды она услышала, как в дверь постучался Майк Проктор и позвал меня поиграть на улицу. «Нет, — сказал я ему. — Я должен остаться с матерью».

Некоторое время после смерти Робин я чувствовал себя единственным ребенком в семье. Мой брат Джеб, который на семь лет младше меня, был еще совсем малышом. Два других брата — Нил и Марвин, и моя сестра Дора появились на свет позднее. По мере моего взросления мама продолжала играть огромную роль в моей жизни. Слово скаутов она возила нас в Карлсбадские пещеры, где мы гуляли посреди сталактитов и сталагмитов. Она входила в организационный комитет Малой Лиги², и поэтому помнила счет в каждой игре по бейсболу. Она отвезла меня к ближайшему ортодонту в Биг-Спринг и пыталась по дороге учить меня французскому. Я до сих пор

¹ Life Savers — американская марка мятных конфет. (Прим. переводчика.)

² Memorial Sloan-Kettering Cancer Center — самый старый частный центр лечения раковых заболеваний, находится в штате Нью-Йорк. (Прим. переводчика.)

¹ Олдсмобиль — американская марка автомобилей. (Прим. переводчика.)

² Бейсбольная лига для мальчиков и девочек 8–12 лет.

вспоминаю, как мы ехали через пустыню, повторяя: «Ferme la bouche...ouvre la fenêtre»¹. Если бы только Жак Ширак мог меня тогда увидеть.

В те времена я перенял множество черт характера у своей мамы. У нас с ней абсолютно одинаковое чувство юмора. Пытаясь проявить заботу, а иногда просто чтобы что-то доказать, мы любим поязвить. Мы можем вспылить с невероятной скоростью. И можем быть очень наивными, это та черта, из-за которой мы время от времени попадаем в неприятности. Когда я баллотировался в губернаторы Техаса, я сказал людям, что у меня папины глаза и мамин рот. Я сказал это, чтобы рассмешить их, но в какой-то степени это было правдой.

Тот факт, что я был сыном Джорджа и Барбары Буш, накладывал на меня огромную ответственность, но они были не такими, как считали многие. Мои родители никогда не пытались через меня реализовать свои мечты. Даже если они надеялись, что я стану великим питчером или художником (что в принципе было невозможно), они никогда мне об этом не говорили. Их взгляд на роль родителей заключался в том, что они дарили мне любовь и поддерживали меня в поиске своего собственного пути.

Они установили для меня некие рамки поведения, но периодически я переходил черту. Мама была человеком, который мог применить силу. Она могла очень сильно разозлиться, и так как у нас были схожие характеры, я всегда знал, как можно ее раззадорить. Я мог даже выразить неуважение к ней, и она позволяла делать это. Однако если, как она считала, я говорил что-то непристойное, она заставляла меня вымывать свой рот с мылом. Это происходило несколько раз. Большую часть времени я пытался не провоцировать ее. Я всего лишь был энергичным мальчиком, искавшим свой путь, в то время как она искала свой в качестве одного из родителей. И я лишь наполовину шушу, когда говорю, что я виновен в половине ее седых волос.

Становясь старше, я начал осознавать, что любовь моих родителей была безусловной. Я знал это, потому что чувствовал ее. Я попадал два раза в аварию, когда мне было четырнадцать (в то время возраст, необходимый для получения прав, был гораздо ниже). Родители продолжали меня любить. Я одолжил папину машину, небрежно дал задний ход и оторвал ему дверь. Однажды я вылил водку в аквариум и погубил тем самым золотую

¹ «Закрой рот... открой окно» (фр).

рыбку моей младшей сестры Диры. В те времена я был упрямым, требовательным и нахальным. Несмотря на все это, мои родители продолжали меня любить.

В конечном итоге любовь моих родителей оказала на меня сильное влияние. Когда ты знаешь, что тебя так сильно любят, понимаешь, что нет смысла в сопротивлении, и перестаешь бояться неудач. Я был способен следовать своей интуиции, наслаждаться жизнью и любить своих родителей в той мере, в какой они любили меня.

Однажды, через некоторое время после того, как я научился водить машину, и пока отец был в отъезде, мама позвала меня в свою спальню. В ее голосе звучала настойчивость. Она попросила меня отвезти ее в госпиталь немедленно. Я спросил у нее, что случилось. Она ответила, что расскажет в машине.

Как только я вырулил на дорогу, она попросила меня ехать без остановок и избегать кочек. И только потом она мне сказала, что у нее только что случился выкидыш. Это сообщение застало меня врасплох. Это была тема, которую я вряд ли мог обсуждать с мамой. Я также никогда не ожидал, что увижу останки эмбриона, которые она сложила в банку, чтобы отвезти в госпиталь. Я помню, как думал: это была человеческая жизнь, мой маленький братик или сестричка.

Мама записалась на прием к врачу, и ее завели в кабинет. Я ходил взад и вперед по коридору, пытаюсь успокоить свои нервы. Когда я прошел мимо одной пожилой женщины несколько раз, она сказала: «Не переживай, дорогая, твоя жена будет в порядке!»

Когда мне разрешили зайти в кабинет, доктор пообещал мне, что с мамой все будет хорошо, но ей нужно будет провести ночь в госпитале. Я рассказал ей о том, что мне сказала пожилая женщина в коридоре. Мама громко расхохоталась, и я поехал домой, чувствуя себя намного лучше.

На следующее утро я приехал в госпиталь, чтобы забрать маму. Она поблагодарила меня за то, что я был таким заботливым и ответственным. Она также попросила меня никому не говорить о выкидыше, она считала это частным вопросом семьи. Я уважал ее желание до тех пор, пока она не дала мне разрешение рассказать эту историю в книге. То, что я сделал для матери в тот день, — в сущности пустяк, но это было очень важно для меня. Этот случай помог укрепить наши с ней отношения.

Пока я рос в Техасе, остальные представители семьи Буш были для меня частью другого мира. Когда мне было шесть лет, мы навестили родителей моего отца в Гринвиче, в штате Коннектикут. Меня пригласили пообедать с взрослыми. В тот день я надел пальто и галстук, чего никогда не делал в Мидленде вне воскресной школы. Стол был очень красиво накрыт. Я никогда не видел столько аккуратно разложенных ложек, вилок и ножей. Женщина, одетая в черное с белым фартуком, поставила рядом со мной странно выглядящую тарелку красного супа с большой белой каплей посередине. Вскоре все смотрели на меня, ожидая, когда же я закончу этот деликатес. Мама предупредила меня, что я должен есть все и не жаловаться. Но она забыла предупредить повара, что вырастила меня на бутербродах с арахисовым маслом и джемом, а не на настоящем борще.

Я многое слышал о своих бабушке и дедушке по линии отца. Мой дед Прескотт Буш был очень высоким человеком — 6 футов 4 дюйма. Он очень громко смеялся и был важной персоной. Он был хорошо известен в Гринвиче как невероятно честный и успешный бизнесмен, а также как бессменный председатель городского собрания. Он также был выдающимся гольфистом, президентом Американской ассоциации гольфа, однажды сумевшим набрать 66 очков на Открытом чемпионате США по гольфу.

В 1950 году Гэмпи, как мы его называли, баллотировался в Сенат. Он уступил сопернику лишь тысячу голосов, и после этого вообще отказался от политики. Но два года спустя республиканцы убедили его попробовать еще раз. И на этот раз он победил. Когда мне было 10 лет, я поехал провести Гэмпи в Вашингтон. Он вместе с бабушкой взял меня с собой в Джорджтаун. Когда я бродил среди подростков, Гэмпи схватил мою руку. «Джорджи, — сказал он, — я хочу тебя кое с кем познакомить». Он подвел меня к внушительных размеров мужчине, единственному из находящихся в помещении, кто мог тягаться с ним в росте.

«Я привел к тебе одного из твоих избирателей», — сказал Гэмпи этому мужчине. Его огромная ладонь пожала мою руку. «Очень рад с тобой познакомиться», — сказал коллега Гэмпи, лидер большинства в Сенате Линдон Джонсон.

Мой дед был очень строгим человеком. Он учился в школе для детей, которых лучше видеть, но не слышать, и которая была в какой-то степени чуждой для такого бостливого маленького умика, как я. Он умел находить порядок крайне быстро, и это понял, когда он стал гнаться за мной по комнате из-за того, что я дернул его любимую собаку за хвост. В то время я думал, что он страшный. Годы спустя я понял, что у этого импозитного человека было очень ласковое сердце: мама рассказала мне, как он утешал ее, выбрав красивое место на кладбище Гринвича для Робина. Когда мой дедушка умер в 1972 году, его похоронили рядом с ней.

Папа любил и уважал своего отца; свою мать он просто обожал. Дороти Уокер Буш была как ангел. Мы называли ее Ганни, и она, безусловно, была самым милым человеком, которого я когда-либо встречал. Я помню, как она укладывала меня в кровать, когда я был маленьким, и как шептала мою спину, и это мы называли с ней ночными молитвами. Она была скромной и всегда учила нас не хвастаться. Она мечтала дожить до того момента, когда папа станет президентом, и умерла в возрасте 91 года, буквально через несколько недель после его поражения на выборах 1992 года. Отец был с нею до самого конца. Она попросила его сесть рядом с ее кроватью и прочитать отрывки из Библии. Как только он открыл ее, оттуда выпала стопка старых бумаг. Это оказались письма, которые отец писал ей в прошедшие годы. Она хранила их в течение всей жизни и хотела, чтобы они были рядом с нею до самого конца.

Родители моей мамы жили в городе Рай, штат Нью-Йорк. Ее мать, Полин Робинсон Пирс, умерла, когда мне было 3 года. Она погибла в автокатастрофе, когда мой дедушка Марвин, бывший за рулем, резко дернулся, чтобы поймать на лету стаканчик с кофе. Машина вылетела с дороги и врезалась в каменную стену. Моя сестра получила имя в память о ней.

Мне очень нравился мой дедушка, Марвин Пирс, которого называли Монах. Он преуспел в четырех видах спорта, когда учился в университете Майнах. Он придавало ему некую загадочность в моих глазах. Он был президентом журнала *McCall's* и дальним родственником президента Франклина Пирса. Я помню его как вежливого, терпеливого и скромного человека.

Мои поездки на Восток научили меня двум вещам: во-первых, я стал чувствовать себя комфортно в любой среде. Во-вторых, мне действительно нравилось жить в Техасе. Конечно, был один большой плюс пребывания

ния на Восточном побережье: я мог посещать матчи главной бейсбольной лиги. Когда мне было десять лет, мой любезный дядя Баки, младший брат моего отца, взял меня на игру «Нью-Йорк Джайентс»¹ в Поло Граунде. Я до сих пор помню тот день, когда наблюдал за моим кумиром Уилли Мэйсом², игравшем на дальней части поля.

Пятьдесят лет спустя я увидел Уилли снова, когда он в качестве почетного представителя присутствовал на матче по ти-болу³, проходившем на Южном газоне Белого дома. Ему было 75 лет, но мне казалось, он совсем не изменился. Тогда я сказал молодым игрокам: «Я хотел быть Уилли Мэйсом своего поколения, но я не мог отбить мяч. Поэтому, вместо этого, я в конце концов стал президентом».

В 1959 году моя семья уехала из Мидленда, и мы преодолели 550 миль через всю территорию штата, направляясь в Хьюстон. Отец был руководителем компании, специализировавшейся на бурении в оффшорных зонах, что было тогда перспективным направлением. Для него имело смысл поселиться ближе к его нефтяным вышкам, находившимся в Мексиканском заливе. Наш дом был расположен в густой лесной зоне, которая часто заливалась ливнями. Это была полная противоположность Мидленда, где единственной бурей, которая могла тебя накрыть, была пыльная буря. Я нервничал по поводу переезда, но Хьюстон был действительно захватывающим городом. Я научился играть в гольф, приобрел новых друзей и пошел учиться в частную школу под названием Кинкейд. В то время разница между Мидлендом и Хьюстоном казалась мне огромной. Но это было ничто по сравнению с тем, что стало происходить далее.

Однажды, возвращаясь после школы, я увидел, как мама ждала меня в конце дороги. Я был в 9-м классе, и мама никогда не выходила встречать автобус —

¹ «Нью-Йорк Джайентс» — профессиональный американский бейсбольный клуб, который до 1957 года выступал в Нью-Йорке, а затем переехал в Сан-Франциско. (Прим. переводчика.)

² Уилли Мэйс — прославленный американский бейсболист, выступавший за различные клубы в 1951–1973 гг. (Прим. переводчика.)

³ Ти-бол — игра для детей, в основе которой лежит прививка бейсбола. (Прим. переводчика.)

по крайней мере, мой автобус. Ясно было, что ~~она чем-то встревожена~~. Как только я вышел из автобуса, она сказала: «Поздравляю, Джордж, ты пришел в Эндовер!» Для нее это была хорошая новость. Но я не был в этом уверен.

Отец предыдущим летом брал меня с собой, чтобы показать свою альма-матер, Академию Филиппа в Эндовере, штат Массачусетс. Это было нечто отличное от того, что я привык видеть. Большая часть общежитий представляла собой огромные кирпичные здания, расположенные вокруг квадратных дворов. Академия выглядела, как колледж. Мне нравился Кинкейд, но решение было принято. Эндовер был семейной традицией. И я собирался туда поступать.

Моей первоочередной задачей было рассказать про Эндовер моим друзьям в Техасе. В те дни большинство техасцев, уезжавших в гимназии, имели проблемы с дисциплиной. Когда я рассказал другу, что направляюсь в школу-интернат в Массачусетс, он лишь спросил: «Буш, что ты сделал не так?»

Я приехал в Эндовер осенью 1961 года. Мы носили галстуки, когда ходили на занятия, в столовую и на обязательные церковные службы. В зимние месяцы можно было подумать, что мы находимся в Сибири. Будучи техасцем, я обнаружил для себя четыре новых сезона: ледяной снег, свежий снег, тающий снег, серый снег. Там не было женщин, кроме тех, что работали в библиотеке. И со временем они стали для нас выглядеть, как кинозвезды.

Обучение стало для меня самым серьезным академическим испытанием. Учеба в Эндовере оказалась сложнее всего, что я делал до тех пор, пока не баллотировался на пост президента почти 40 лет спустя. Я отставал от всех студентов по успеваемости, хотя и занимался с утра и до вечера. В первый год свет в наших комнатах отключали в 10 вечера, и много ночей я пытался читать при помощи лучика света, пробивавшегося из-под двери.

Больше всего усилий я прилагал к занятиям по английскому языку. В качестве одного из моих первых заданий я написал о горечи утраты своей сестры Робин. Я решил, что должен использовать более подходящее слово, чем «слезы». В конце концов, я находился на Восточном побережье и должен был попробовать усложнить себе задачу. Я достал словарь синонимов, который мама положила в мою сумку, и сформулировал: «Терзания текли по моим щекам».

Когда моя работа вернулась ко мне после проверки, на первой странице стоял огромный ноль. Я был шокирован и унижен. Я получал в Техасе лишь положительные оценки; и это был мой первый учебный провал. Я позвонил своим родителям и рассказал им о своем несчастье. Они убедили меня остаться. Я решил вытерпеть всё это, я не был человеком, бросающим дело на полпути.

Моя социализация протекала гораздо быстрее, чем адаптация к учебе. В Эндовере была небольшая группа людей из Техаса, включая парня из Форт-Уорта по имени Клэй Джонсон. Мы говорили на одном языке и стали близкими друзьями. Вскоре мой круг общения расширился. Для молодого человека, интересовавшегося людьми, Эндовер был отличным местом.

Я осознал, что являюсь организатором от природы. Во время выпускного года я сам назначил себя главой нашей стикбольной лиги¹. Я прозвал себя Твидс Буш, это была отсылка к имени известного нью-йоркского политика². Я сформировал кабинет помощников, включая главного судью и психолога. Мы разработали правила и систему плей-офф. Уайлд-кард не предусматривался, в этом плане я был пуристом.

Мы также разработали схему использования удостоверений участника лиги, которые можно было применять и как фальшивое удостоверение личности. Этот план не был одобрен учебным руководством. Мне было приказано прекратить все это и воздерживаться от подобных идей, что я и сделал. Моим последним действием в качестве главы лиги было назначение своего преемника, им стал мой кузен Кевин Реферти.

В том году в Эндовере у меня историю преподавал Том Лайонс. Он любил привлекать наше внимание, ударяя одним из своих костылей по доске. Когда-то мистер Лайонс играл в футбол в Брауновском университете, пока он не заболел полиомиелитом. Он был для меня настоящим примером. Во время его лекций оживали исторические личности, в особенности президент Франклин Рузвельт. Мистеру Лайонсу очень нравилась политика, которую проводил этот лидер, и я подозреваю, что именно в биографии Рузвельта он черпал вдохновение, чтобы бороться со своей болезнью.

¹ Стикбол — уличная командная игра, в основе которой лежат правила бейсбола. (Прим. переводчика)

² Уильям Твид (1823–1878) — один из самых беспринципных американских политиков XIX века, лидер демократической партии в Нью-Йорке. (Прим. переводчика)

Мистер Лайонс заставляет нас всех прилагать чрезмерные усилия. Он требовал, но в то же время воспитывал. Он грубил, но и давал. Он действительно требовал многого, и спасибо ему за то, что он открыл для меня любовь к истории на всю жизнь. Спустя десятилетия я признаю это в Овальном кабинете. Это был особенный момент для меня: студент, который создает историю, стоит напротив человека, который учил его той самой истории давным-давно.

Дни в Эндовере подходили к концу, наступала пора поступления в колледж. В первую очередь я подумал о Йельском университете. В конце концов, я родился в тех краях. Одним из самых трудоемких требований к поступлению была необходимость заполнить так называемую синюю карту, в которой нужно было перечислить всех своих родственников, бывших выпускниками данного заведения. Это были мой дед, отец. Также все его братья. И мои двоюродные братья. Имена троюродных братьев я должен был писать уже на обороте карточки.

Несмотря на семейные узы, я сильно сомневался насчет своего поступления. Мои оценки и результаты тестов в школе были неплохими, но по успеваемости я сильно отставал от многих. Директор Эндовера, Гренвиль Бенедикт, был реалистом. Он посоветовал мне «подумать о том, чтобы подстраховаться» на тот случай, если у меня не получится с Йелем. Я подал заявку также в университет Техаса в Остине, и мы с отцом поехали в кампус. Я представил себя там частью программы под названием «запасной план».

Неудивительно, что я был потрясен, обнаружив в почтовом ящике толстый конверт с документами о поступлении в Йельский университет. Мистер Лайонс написал для меня рекомендательное письмо, и я все думал, что же он такого написал, что меня приняли. Клэй Джонсон открыл свое письмо примерно в то же время. Когда мы договорились между собой быть соседями по комнате, решение о нашем зачислении было официально оформлено.

Выпуск из Эндовера был для меня чем-то вроде избавления от смиренной рубашки. Моя философия в университете сводилась к одному очень старому клише: трудись упорно, играй упорно. Я придерживался первого

и значительно преуспевал во втором. Я присоединился к братству Дельта Каппа Эпсилон¹, играл в регби и другие виды спорта, тайком пробирался в женский колледж и проводил много времени, болтаясь с друзьями.

Мой неистовый дух время от времени уносил меня. Во время выпускного года мы отправились играть в футбол в Принстон. Вдохновленный победой Йеля – даже больше, чем скромной выпивкой, – я отправился с друзьями на поле, чтобы снести регбийные стойки. Люди из Принстона были не очень довольны. Я сидел на перекладине, когда охранник свалил меня вниз. Потом меня провели через все поле и усадили в полицейскую машину. Друзья стали колотить по машине и кричать: «Освободите Буша!»

Почувствовав неладное, мой друг Рой Остин – огромный парень из Сент-Винсента, бывший капитаном футбольной команды Йеля – приказал толпе расступиться. Потом он прыгнул в машину и сел рядом со мной. Когда нас доставили в участок, нам было приказано покинуть кампус и никогда не возвращаться. После этого я действительно не возвращался в Принстон. Что касается Роя, он продолжил оттачивать свои дипломатические навыки. Через сорок лет я назначил его послом в Тринидаде и Тобаго.

В Йеле я никогда особенно не стремился быть лидером и активно участвовать в жизни университета. Но несколько раз я все-таки был вовлечен в политические дела в кампусе. В мой первый год обучения, осенью, отец баллотировался в Сенат. Ему противостоял демократ Ральф Ярборо. Отец тогда получил больше голосов, чем любой другой республиканец за всю историю штата Техас, но общенациональная победа президента Джонсона была слишком внушительной, чтобы рассчитывать на успех. Вскоре после выборов я познакомился с йельским капелланом Уильямом Слоуном Коффином. Он был знаком с моим отцом еще с тех времен, когда они вместе учились в Йельском университете. Я думал, он найдет слова утешения для меня. Вместо этого он сказал мне, что «отец проиграл более достойному человеку».

Его слова оказались суровым ударом для восемнадцатилетнего мальчика. Когда эта история была опубликована в газетах, спустя более чем тридцать лет, Коффин прислал мне письмо, где выразил сожаление по поводу

¹ Дельта Каппа Эпсилон – студенческая организация в Йельском университете, созданная в 1844 году. (Прим. переводчика.)

своего замечания, если такое имело место быть. Я принял его извинения. Но его самоуверенная позиция стала предвестником того сарказма, который будет исходить от многих университетских профессоров в период моего президентского правления.

Йель был местом, где я чувствовал свободу в определении своих пристрастий и следовании им. В качестве дисциплин я выбрал астрономию, градостроительство, доисторическую археологию, шедевры испанской литературы и, до сих пор любимую, японскую хайку. Также я выбрал предмет «Массовые коммуникации» в рамках курса политической науки, на котором нам рассказывали о «содержании СМИ и их влиянии». Я сдал этот курс с результатом 70 баллов, что во многом может объяснить мои последующие натянутые отношения со СМИ.

История стала для меня главным увлечением. Я получал удовольствие, когда слушал лекции таких профессоров, как Джон Мортон Блум, Гэддис Смит и Генри Тернер. Один из моих первых курсов по истории был ориентирован на изучение Французской революции. «Мое дело – прошлое», – любил говорить профессор Стэнли Меллон. Он увлекательно, как никто другой, мог рассказывать о терроре Робеспьера и восхождении на престол Наполеона. Я ужасался тому, как идеи, вдохновившие народ на революцию, были в дальнейшем отброшены, когда власть сконцентрировалась в руках нескольких человек.

Одним из самых запоминающихся курсов была «История Советского Союза», которую преподавал нам Вольфганг Леонхард из Восточной Германии. Господин Леонхард бежал из нацистской Германии будучи еще мальчиком и вырос уже в Советском Союзе. Его мать была арестована в ходе сталинских репрессий. Его готовили к официальной службе в рядах компартии, но он бежал на Запад. С легким немецким акцентом он рассказывал про показательные судебные процессы, массовые аресты и всевозможные лишения. После его лекций я больше никогда не рассуждал о Советском Союзе или коммунистическом движении, как прежде. Эти занятия стали своеобразным введением в проблему противостояния тирании и свободы, к которой было приковано мое внимание всю последующую жизнь.

В последний год обучения я посещал занятия по истории и практике американского ораторского искусства, которые преподавал профессор Роллин Остервейс. Мы читали известные американские речи, начиная с пла-

менной речи военного проповедника Джонатана Эдвардса «День позора», адресованной президенту Рузвельту после событий в Перл Харбор. Я был поражен тем, насколько сильно слова формируют историю. Я написал сочинение, где анализировал речь о Новом Юге журналиста из Джорджии Генри Грейди, и выступал в течение четырех минут, агитируя за избрание Карла Ястржемски¹ мэром Бостона. Профессор Остервейс учил нас, как структурировать речь: должно быть обязательно введение, три главных тезиса, заключительная часть и выводы. Я запомнил его модель на всю жизнь, которая, как оказалось, включала довольно много речей.

Ничего из вышесказанного не предполагает, что я был особо примечательным студентом. Честно говоря, я получил намного больше опыта, чем мои преподаватели. Однажды у Джона Мортон Блума спросили, что он помнит о своем знаменитом студенте Джордже Буше. Он ответил: «У меня нет ни малейших воспоминаний о нем». Но я лично помню профессора Блума.

Окончание университета должно было произойти в довольно бурное время. Мартин Лютер Кинг был убит в апреле этого года. В Чикаго и Вашингтоне происходили расовые бунты. Когда за несколько дней до церемонии вручения дипломов мы с друзьями возвращались из поездки в северную часть Нью-Йорка, мы услышали по радио, что Бобби Кеннеди убит. Никто в машине не проронил и слова. Было ощущение, что все вышло из-под контроля.

Большую часть времени в Йеле мы говорили о гражданских правах. Но в последний год обучения на первый план вышла другая проблема. Ситуация во Вьетнаме обострялась, президент Джонсон объявил военный призыв. У нас был выбор: вступить в ряды армии или уклониться от призыва. Я принял решение довольно быстро – я решил идти служить. Я был воспитан отцом, готовым в любой момент пожертвовать собой ради своей страны. Было бы нечестно избегать выполнения своего долга.

Мое отношение к войне было скептическим, но я был согласен с ее необходимостью. Скептически я относился скорее к стратегии и к людям в

¹ Карл Ястржемски – прославленный американский бейсболист, выступавший до 1983 года за команду Бостон Ред Сокс. (Прим. переводчика.)

администрации Джонсона, применявшим эту стратегию. Я считался с основной целью войны: остановить распространение коммунизма. Однажды осенью в выпускной год я прочитал много притяной комиссии, где в окне увидел плакат, на котором был изображен пилот. Полеты на самолетах должны были стать действительно захватывающим способом службы. Я записался у вербовщика и подал заявление.

Когда я отправился домой на Рождество, я рассказал родителям, что заинтересовался службой в ВВС. Отец отвел меня к человеку по имени Сид Адгер, бывшему пилоту, имевшему тесные связи с авиационным сообществом. Он посоветовал мне подумать о вступлении в ряды Национальной воздушной гвардии Техаса, где были свободные места для новобранцев. В отличие от регулярных войск, здесь пилотам требовалось пройти год тренировок, затем шесть месяцев специализации и только потом можно было приступить к регулярным полетам для подтверждения своего статуса.

Служба в качестве пилота мне действительно нравилась. Я должен был обучаться новым навыкам. Если требовалось, я должен был вылетать на боевое задание. Если нет, у меня был гибкий график, и я мог делать что-то другое. В тот период своей жизни я не пытался строить карьеру. Я рассматривал первые десять лет после университета как время для приобретения опыта. Мне не нужны были якоря, которые потянут меня вниз. Если что-то действительно привлекало мое внимание, я мог попробовать себя в этом деле. Если нет, я двигался дальше.

Это был тот самый подход, который я использовал в период летних работ. В 1963 году я работал на ранчо крупного рогатого скота в Аризоне. Главным там был седой парень по имени Турман. Он говорил про образованных людей: «В книгах умный, а во всем остальном тупой». Я решил, что не позволю применить эту фразу по отношению к себе. В разные годы в летние месяцы мне пришлось работать на нефтяной вышке в Луизиане, в торговом отделе брокерской фирмы, а также продавцом спортивных товаров в компании «Сирс и Робак»¹. Я встретил множество интересных людей на своем пути: ковбои и кейджны², неквалифицированные рабочие. Я все-

¹ Sears, Roebuck and Company – американская международная торговая сеть, с 2005 года называется Sears Holdings Corporation. (Прим. переводчика.)
² Кейджны – своеобразная субэтническая группа в США, потомки франкоканадцев, депортированных британцами из Акадии в 1755–1763 гг. (Прим. переводчика.)

гда ощущал, что в те времена получал два образования: одно в учебных заведениях, другое от простых людей.

Осенью 1968 года я явился на военно-воздушную базу Муни в Джорджии для прохождения тренировочных полетов. Когда мы начинали, нас было около сотни стажеров, а в итоге справились с нагрузками лишь около 15 человек. Неудачи начались с самого начала и затем часто повторялись. Я помню одного парня из Нью-Йорка, который после своего полета на «Цесна-172» был полностью зеленым, под цвет своего костюма, если не считать ту его часть, на которую он пролил свой ланч.

Мои первые успехи в воздухе были ненамного лучше. Мой инструктор идеально чувствовал опасность, но он не верил в эффективность обычных консультаций. Во время одного из моих первых полетов он неожиданно схватил штурвал, потянул его назад со всей силы и заглушил самолет. Нос самолета начал резко подниматься. Самолет вернулся в нормальное положение. Инструктор показал мне тогда первый раз, что такое «сваливание». Он посмотрел на меня и сказал: «Парень, если хочешь стать пилотом, ты должен сам управлять этой машиной, а не давать ей управлять тобой».

Я воспринял его совет всерьез. Я стал мастером в основах пилотажа, включая петли, бочки и чтение панели приборов. Когда отец приехал на базу, чтобы лично приколоть на мою форму значок пилота, я испытал громадное чувство удовлетворения. После школы пилотов я отправился в Хьюстон, чтобы научиться летать на истребителе F-102 на военно-воздушной базе Эллингтон. F-102 был одноместным самолетом-перехватчиком с одним двигателем. Когда ты доезжал на нем до самого конца взлетной полосы, переводил рычаг в форсаж и чувствовал, как двигатель начинает барахлить, в этот момент не имело значения, кто ты и откуда, тебе необходимо было максимально сосредоточить внимание.

Я любил летать, но в 1972 году на меня свалилось множество хлопот. Я занимался полетами каждый вечер по несколько часов и на выходные, днем же я работал в агробизнесе. Мои обязанности в офисе заключались в проведении исследований грибной индустрии в Пенсильвании, а также посещении парников, которые компания приобретала. Все это с трудом можно было назвать увлекательным занятием.

Однажды мне позвонил мой друг Джинни Эллисон, политический деятель из Мидленда, который провел удачную опционную кампанию на выборах в Палату представителей в 1966 году. Он рассказал мне о возможности принять участие в кампании Реда Блаунта, который баллотировался в Сенат от Алабамы. Это звучало действительно интересно, и я изложил желание ехать.

Мой командующий, лейтенант Джерри Киллиан, одобрил мой переезд в Алабаму, когда понял, что я могу проводить необходимые полеты там. Я оповестил командующих Воздушными войсками в Алабаме, что, возможно, буду пропускать некоторые мероприятия во время выборной кампании. Они сказали, что я могу восполнить пропуски уже после выборов, что я и сделал. В течение следующих десятилетий я вообще об этом не вспоминал.

К несчастью, ведение записей полетов было очень небрежным, и документы по поводу моей посещаемости были не совсем в порядке. Когда я занялся политикой, мои оппоненты использовали эти пробелы в системе, заявляя, что я не выполнял своих обязательств. В конце 90-х я попросил проверенного помощника Дэна Бартлетта раскопать реестр моих полетов. Они свидетельствовали, что я выполнил свой долг. В 2004 году, в то время когда критики утверждали, что я уклонялся от службы, он обнаружил стоматологические записи, в которых было указано, что я как раз в это время был обследован на военно-воздушной базе Дэннели в Монтгомери, штат Алабама. Если мои зубы находились в то время на базе, как он с сарказмом сообщил прессе, они могут быть полностью уверены, что и остальная часть моего тела тоже находилась там.

Я думал, что это все осталось позади. Но однажды вечером в сентябре 2001 года, когда вертолет, в котором я летел, шел на посадку на Южной лужайке, я увидел силуэт Дэна в окне Кабинета для дипломатических встреч. Согласно общему правилу, если главный советник президента встречается его вертолет, это к плохим вестям. Дэн протянул мне лист бумаги. Это чает его вертолет, это к плохим вестям. Дэн протянул мне лист бумаги. Это была напечатанная на бумаге Национальной гвардии записка, в которой утверждалось, что я не выполнил свои нормативы в 1972 году. Она была подписана моим командующим Джерри Киллианом. Дэн сказал мне, что корреспондент Си-Би-Эс Дэн Ратер собирается выступить с репортажем об этом документе в выпуске «60 минут».

Бартлетт спросил у меня, помню ли я что-нибудь об этой заметке. Я ответил ему, что не припоминаю ничего, и попросил его проверить эту информацию. На следующее утро Дэн вошел в Овальный кабинет, он выглядел абсолютно спокойным. Он рассказал мне, что были обнаружены признаки того, что данный документ является подделкой. Шрифт печатался на современном компьютере, который попросту не мог существовать в 70-е. В течение нескольких дней было сделано окончательное заключение: документ оказался фальшивкой.

Я был неприятно поражен и чувствовал отвращение. Дэн Ратер обнаружил сообщение, основанное на фальшивом документе, которое могло повлиять на президентские выборы. Вскоре он был уволен. Как и его продюсер. Спустя годы необоснованные заявления по поводу моей службы окончательно утихли.

Я всегда буду гордиться тем временем, когда я служил. Я узнал много нового, приобрел друзей на всю жизнь и с честью носил форму своей страны. Я всегда восхищался и уважал тех, кто был отправлен непосредственно во Вьетнам. Около шести тысяч из них так и не вернулись домой. Моя служба ни в коей мере не могла сравниться с их подвигом.

В 1970 году отец решил снова баллотироваться в Сенат. Мы положительно оценивали его шансы против того же Ральфа Ярборо. Но сенатор Ярборо стал настолько непопулярным среди избирателей, что потерял свое преимущество перед Ллойдом Бентсеном, консервативным демократом. Для отца это были довольно удачные выборы, но он опять недотянул совсем немного. Урок заключался в том, что было довольно тяжело, будучи республиканцем, избраться в Техасе.

Еще один урок состоял в том, что поражение, даже очень болезненное, не всегда является концом. Вскоре после выборов 1970 года президент Никсон назначил отца постоянным представителем в ООН. Тогда, в 1973 году, Никсон попросил отца возглавить Национальный республиканский комитет. Отец пытался вывести партию из Уотергейтского скандала, и это должно было стать ценным опытом управления в условиях кризиса.

Мать и отец были в Белом доме, когда Никсон ушел в отставку, а Джеральд Форд принял присягу. Вскоре Форд предложил отцу стать послом в

Лондоне или Париже, эти должности всегда являлись самыми престижными дипломатическими постами. Отец сказал ему, что с большим удовольствием отправится в Китай, после чего они с мамой провели четырнадцать увлекательнейших месяцев в Пекине. Они вернулись тогда, когда Форд предложил отцу возглавить Центральное разведывательное управление. Неидеальный вариант для дважды проигравшего на выборах в Сенат. И, конечно же, на этом еще ничего не закончилось.

Я восхищался достижениями своего отца. Еще начиная с юношеских лет мой жизненный путь во многом был близок к отцовскому — Эндовер и Йель, затем военная служба в качестве летчика. Повзрослев, я осознал одну важную вещь: никто не просил меня равняться на отцовский послужной список, и я не должен был даже пробовать этого делать. Мы были в совершенно разных ситуациях. В возрасте 30 лет он уже прошел войну, был женат и имел троих детей, одного из которых потерял из-за болезни. Когда я закончил служить, мне было почти тридцать и на мне не лежала серьезная ответственность. В поисках приключений я был неорганизованным и любопытным. Моей целью было установление своей идентичности и поиск своего собственного пути.

Со своей стороны, родители признавали мой жизнерадостный дух и не пытались его погасить. Они указывали мне только тогда, когда я переступал черту. Один из самых жестких разговоров с моим отцом состоялся, когда мне было 20 лет. Я был дома на каникулах и работал в это время на нефтяной вышке Серкл Дриллинг неподалеку от Лейк-Чарльз в Луизиане. Я работал через неделю. После долгой тяжелой работы я решил, что проведу свою последнюю неделю в Хьюстоне со своей девушкой.

Отец вызвал меня в свой кабинет, и я по неосторожности сказал ему, что собираюсь уйти с работы на неделю раньше. Он объяснил мне, что компания наняла меня как добросовестного сотрудника и что я дал согласие отработать до определенной даты. У меня был контракт, и я его нарушил. Я стоял перед ним, и мне становилось все хуже и хуже. Мне было очень стыдно, когда он закончил разговор словами: «Сынок, я очень разочарован».

Через несколько часов у меня дома зазвонил телефон. Это был отец. Я боялся, что буду слушать очередную лекцию с его стороны. Вместо этого он спросил у меня: «Что ты делаешь сегодня вечером, Джордж?» Он сказал, что у него есть билеты на игру «Хьюстон Астрос», и тут же пригла-

сил меня туда с моей девушкой. Я сразу же согласился. Благодаря этому случаю я осознал, насколько важно держать свое слово. И задно мне стало ясно, насколько глубока может быть отцовская любовь.

Отец был серьезным, когда это было необходимо, но наш дом всегда был полон смеха. Отец любил подшучивать, когда мы были детьми. «Ты слышал эту шутку про самолет? Ладно, не обращай внимания, он летит прямо у тебя над головой». Он постоянно придумывал прозвища членам семьи и своим друзьям. Иногда он называл меня Джуни, как более короткий вариант Джуниора. Моего брата Нила называл Уайти¹, позже это прозвище поменяется на Уитни, из-за его светлых волос. Близкий друг отца Джеймс Бейкер стал просто Бейком². Но главным его достижением было прозвище, которое он дал матери, — Серебряная Лиса.

Чудесное чувство юмора, присущее моему отцу, не покидало его всю жизнь. Когда он был президентом, он в шутку учредил премию Скоукрофта, в честь своего советника по безопасности Брента Скоукрофта — для сотрудников, которые засыпают на важных встречах. Сейчас, после 80 лет, он делится шутками по электронной почте, присваивая каждой из них рейтинг по десятибалльной шкале. Несколько лет назад отец восстанавливался после операции на бедре в клинике Майо. Когда медсестра подошла проверить его самочувствие, он спросил: «Мои яички черного цвета?» Она была ошеломлена. «Извините, господин президент?» Он повторил свой вопрос: «Мои яички черного цвета?» Когда она потянулась к его одеялу, он с сарказмом сказал: «Я спросил: прислали ли результаты моих анализов?» Хохотал весь медперсонал.

В течение долгого времени было множество спекуляций относительно моих отношений с отцом. Я полагаю, что это вполне естественно, учитывая, что мы были первыми отцом и сыном президентами за последние 172 года. Правда состоит в том, что я всегда преклонялся перед ним. В течение всей жизни я уважал его, восхищался им и был признателен за его любовь. Существует одна довольно постыдная история обо мне, когда я ехал домой на машине, пролетел через соседские мусорные баки, после чего стал дерзко разговаривать с отцом. Когда некоторые люди пытаются представить

¹ Whitley (aunt) — белая, беленький (Прим. переводчика.)

² Baker (aunt) — вытиска (Прим. переводчика.)

себе эту картину, они видят двух президентов, выискивающих отношения, а не ссору отца с сыном. На самом деле я был просто раздраженным парнем, а отец был очень раздражен, что естественно. Мы не слышим часто думали об этом, пока эта история не всплыла в прессе спустя 20 лет.

Подобные моменты словно напоминают, что я не был только лишь напивным сыном. Во мне есть много от напористой и непотопительной Барбары Буш. Периодически я пытался продемонстрировать свою независимость, но я никогда не переставал любить свою семью. Я думаю, они понимали это, даже когда я действовал им на нервы.

В конце концов, когда я сам стал отцом, на многие вещи я стал смотреть с родительских позиций. Моя дочь Дженна могла быть такой же нахальной и резкой, каким я сам когда-то был. Когда я баллотировался на пост губернатора в 1994 году, во время моей первой голубиной охоты, я по неосторожности застрелил двухгалстучного зуйка, птичку, отстрел которой был строго запрещен. Эта оплошность тут же породила множество заголовков в газетах, но шумиха скоро утихла. За несколько недель до выборов мы с Лорой и девочками поехали агитировать на Техасскую ярмарку в Даллас. Дженна, которой на тот момент было двенадцать лет, выиграла в аттракцион плюшевую птичку. В тот момент, когда на нее направили камеры, она вскинула игрушку в воздух. «Смотри, папа! — хихикая, сказала она. — Это двухгалстучный зук!»

Осенью 1972 года я поехал во Флориду, чтобы провести бабушку. Мой университетский друг Майк Брукс жил неподалеку, и мы сыграли с ним в гольф. Майк тогда только что закончил Гарвардскую школу бизнеса. Он сказал, что мне следует рассмотреть вариант поступления туда. Позже он по почте прислал мне форму заявления. Я был действительно заинтересован и решил заполнить ее. Через несколько месяцев я уже был зачислен.

Я не был уверен, хочу ли я вернуться к учебе или поехать на Восточное побережье. Я поделился своими сомнениями с братом Джемом. Я не слишком хорошо его знал, пока он рос — ему было всего восемь лет, когда я уехал учиться, — но со временем мы становились с ним все ближе и ближе.

Джеб всегда был рассудительнее меня. Он был очень интеллигентным, сосредоточенным и вездомым во всех отношениях. Он научился бегло раз-

говаривать по-испански, интересовался отношениями с латиноамериканскими странами и был выпускником Фи-Бета-Каппа в университете Техаса. В течение своего выпускного года он жил в Мексике, отправившись туда по программе обмена студентов. Там он встретил прекрасную женщину по имени Колумба Гарника. Они были достаточно молоды, но было очевидно, что Джеб искренне полюбил ее. Мы ходили вместе на стадион Астро-доум, я смотрел бейсбольный матч, а он в это время писал ей письма. Они поженились спустя две недели, после того как ему исполнился 21 год.

Однажды вечером в Хьюстоне мы с Джембом отправились в ресторан поужинать с отцом. Я тогда работал в программе наставничества в одном из самых нищих районов Хьюстона – *Third Ward*, и у нас с отцом началась дискуссия относительно моих планов на будущее. Джеб вдруг взболтнул: «Джордж поступил в Гарвард».

Немного подумав, отец сказал: «Сынок, ты должен всерьез подумать о поездке туда. Это будет прекрасная возможность расширить свои горизонты». Это было всё, что он сказал. Но это действительно заставило меня задуматься. Расширение горизонтов – это было именно то, что я пытался делать в те годы. Другими словами, это могло звучать так: «Поднажми, чтобы реализовать дарованные тебе Богом таланты».

Второй раз в своей жизни я совершил поездку из Хьюстона в Массачусетс. Таксист остановил машину у Гарвардского кампуса и поприветствовал меня в «западном оплоте капитализма». В Эндовер я уезжал, пытаясь оправдать свои ожидания, в Йель – соблюдая традиции семьи. В Гарварде я оказался, сделав осознанный выбор. Там я освоил финансовые механизмы, бухгалтерский учет и экономику. Я вышел оттуда, намного лучше разбираясь в принципах менеджмента, а именно – в важности постановки ясных целей для организации, распределении задач и поручений, а также распределении ответственности между сотрудниками. Я также приобрел уверенность в том, что мне следует и дальше развивать мои предпринимательские навыки.

Обучение в Гарвардской школе бизнеса было подкреплено неожиданным источником впечатлений: поездкой к маме и папе в Китай сразу же после окончания заведения. Контраст был очень ярким. Я приехал из западного (мелкого) капитализма в восточные заставы коммунизма, из республики индивидуального выбора в страну, где все общество являло собой серую массу. Пока я катался на велосипеде по улицам Пекина, я время от

времени замечал черный пемзуни с тигрированными оспами, который, по всей видимости, принадлежал какой-то партийной элите. В основном же там было немного машин и никаких признаков свободного рынка. Было удивительно видеть, насколько может быть мрачной страна со столь богатой историей.

В 1975 году в Китае завершилась так называемая Культурная революция, ставшая попыткой государства очистить и оживить общество. Коммунистическое руководство запустило идеологические программы, велась усиленная пропаганда, руководство готово было подавить любое сопротивление, отрицались доказательства древней истории Китая. Толпы молодых людей набрасывались на старейшин и интеллектуальную элиту. Общество было разделено на части и утопало в анархии.

Опыт Китая напомнил мне Французскую революцию и революцию в России. Сама модель была схожей: люди захватывали власть, обещая провозгласить определенные идеи. Как только власть консолидировалась в их руках, они начинали злоупотреблять ею, отбрасывая на задний план все свои убеждения и подавляя любое сопротивление сограждан. Это выглядит так, будто человек обрекает сам себя на страшную болезнь. Я еще более укрепился в мнении, что свобода – экономическая, политическая и религиозная – это единственно справедливый и действенный способ управления обществом.

Большую часть времени, что я находился в Гарварде, я плохо себе представлял, как я смогу использовать свое образование в области бизнеса. Я знал, чего я точно не хочу делать. У меня не было ни малейшего желания работать на Уолл-стрит. Зная таких замечательных и порядочных людей с Уолл-стрит, как мой дед Прескотт Буш, я все равно считал финансовую индустрию довольно подозрительной областью. Я часто говорил друзьям, что Уолл-стрит – это такое место, где тебя будут покупать и продавать, но там никому никогда не будет до тебя дела, если на тебе не смогут сделать деньги.

В 1975 году я все еще стоял перед выбором будущей карьеры, когда мой приятель из Гарварда Дэл Мартин пригласил меня провести весенние каникулы на ранчо его семьи в Тусоне, штат Аризона. По пути на Запад я решил заехать в Мидленд. Я слышал от своего друга Джими Эллисона, ставшего владельцем газеты «Мидленд Репортер-Телеграмм», что город стал

развиваться быстрыми темпами. Он был прав. Энергетическая промышленность стабильно росла после нефтяного эмбарго 1973 года, объявленного арабскими государствами. Требования для вхождения в эту индустрию были довольно низкими. Более того, мне была по нраву идея начать свое дело. Я принял решение вернуться обратно в Техас.

Я вернулся в город осенью 1975 года на своем «олдсмобиле», груженном всеми моими вещами. Мне необходимо было многому научиться, и я стал подыскивать себе наставника. Одним из первых людей, кого я навестил, был местный юрист Бойд Лафлин, которого называли ласковым прозвищем Лазейка. Он назначил мне встречу с Базом Миллсом, крупным мужчиной с короткой стрижкой и с многолетним опытом ведения нефтяного бизнеса. Я нашел База и его партнера Ральфа Вэя, имевшего привычку чавкать с сигарой во рту, играющими в джин-рамми¹. Я не могу точно сказать, сколько денег они ставили на кон, но эта сумма была в разы больше, чем все мои сбережения.

За их дружественными сельскими нравами скрывалось довольно серьезное понимание всех тонкостей нефтяного бизнеса. Я сказал Базу и Ральфу, что хочу стать арендатором. Работа арендатора заключалась в том, что он ездил по зданиям окружных судов и выискивал имена людей, владеющих правами на земли, которые в будущем могут быть пригодны для бурения скважин. Ключ успеха в данной работе — это готовность читать огромные стопки бумаг, умение видеть мелкие детали и надежная машина. Я пошел по стопам опытных арендаторов, которые ознакомили меня с основами предстоящей работы. Дальше я уже сам совершал поездки в окружные суды, где мне разрешали просматривать записи за ежедневную плату. В конечном итоге я купил несколько лицензий и небольшую долю на скважинах База и Ральфа. В сравнении с выдающимися нефтяниками того времени, я лишь собирал крохи. Но я только начал строить достойную жизнь, и мне предстояло многому еще научиться.

Я пытался экономить деньги на всём. Я арендовал дом площадью пятьсот квадратных футов, который друзья называли «свалкой токсичных отходов». Один из углов моей кровати был скреплен галстуком. У меня не было

спиральной машины, поэтому я стирал в доме Дона и Сьюэн Эванс. Со Сьюэн мы знали друг друга еще с начальной школы. Она вышла замуж за Дона, уроженца Хьюстона, имевшего две степени университета Техаса, и они переехали в Мидленд, чтобы заняться нефтяным бизнесом. Дон был приземистым, скромным парнем с прекрасным чувством юмора. Сначала мы ходили вместе на пробежку, играли в гольф, а потом стали близкими друзьями.

Весной 1976 года Дон и еще один мой друг, мидлендский хирург-ортопед Чарли Янгер, предложили мне отправиться с ними на концерт Уилли Нельсона в город Одесса, штат Техас. Конечно, нам необходимо было выпить, чтобы как следует подготовиться к этому событию. Мы купили несколько бутылок бурбона и стали периодически к ним прикладываться. Когда мы дошли до Колизея Эктор Каунти¹, мы вспомнили, что проносить туда выпивку запрещено. Мы сделали еще пару глотков, выкинули бутылки и прошли на свои места.

Чарли решил, что нам необходимо раздобыть еще выпивку, чтобы повеселиться на полную катушку. К нашему удивлению, ему каким-то образом удалось убедить рабочего сцены, что Уилли Нельсону нужно принести пива. Этот парень покорно сбежал и купил пива за деньги Чарли. Чарли оставил один ящик для Уилли, а один принес для нас. Мы сели сгорбившись на свои места и стали пить как умирающие от жажды странники. После того, как каждый из нас выпил по несколько бутылок, Чарли решил, что нам необходимо подняться на сцену и поблагодарить нашего нового друга. Дон предусмотрительно решил остаться на месте. Но не я.

Сквозь громкую музыку выступающей группы я услышал, как какие-то люди выкрикивали мое имя. Группа парней из Мидленда, сидевшие в первых рядах, узнали меня и Чарли. Они стали нам кричать, что тоже хотят пива. Мы поделились с ними. Чарли спрятал несколько бутылок себе под рубашку. Когда мы стали уходить, бутылки выскользнули и разбились на полу одна за другой. Это было примерно то же самое, если неожиданно включить сигнализацию. Наш спокойный шаг перешел в бег на короткую дистанцию, трое субъектов бежали, изо всех сил спасая свою репутацию.

¹ Джин-рамми — стартовая карточная игра, произошедшая из мексиканской игры кун-жен и популярная в США с 40-х годов XX века. (Прим. переводчика.)

¹ Площадка под открытым небом в г. Одесса, штат Техас, для различного рода развлекательных мероприятий.

На следующий день десятки людей в Мидленде рассказывали, что видели меня на сцене с Уилли. Первый же, кто прокомментировал эту ситуацию, сказал, что я вел себя как дурак. Похоже, он был прав.

В 1976 году я провел выходные по случаю Дня труда в нашем семейном доме в Кеннебункпорте, штат Мэн. В субботний вечер я был в баре со своей сестрой Дорой, Питом Розуеллом, в течение долгого времени бывшим помощником отца, а также с двумя друзьями семьи – австралийским теннисистом Джоном Ньюкомбом и его женой Энджи. Джон познакомил меня с австралийской традицией пить пиво без рук. Ты зубами хватаешь ободок кружки и закидываешь свою голову назад, пиво прямоком льется в твоё горло. Мы чудесно провели время, после чего отправились домой.

Местный полицейский Кэлвин Бриджес посчитал странным, что я еду со скоростью 10 миль в час. Когда я не смог пройти перед ним по прямой линии, он отвез меня в участок. Я, конечно, был виновен, в чем сразу признался представителям власти.

Я был так растерян. Я совершил серьёзную ошибку. К счастью, я не нанес вреда своим спутникам, другим водителям или самому себе. Мне пришлось заплатить 150 долларов штрафа, более того, мне запретили садиться за руль в Мэне в течение некоторого времени. Дело было закрыто. Или это я так думал.

Той осенью я всерьёз задумался о том, что пришла пора успокоиться. Речь, конечно, шла в первую очередь об управлении автомобилем в пьяном виде, но на самом деле это чувство формировалось у меня в течение многих месяцев. Выбранный мною путь никуда не годился. Как и я сам. Летом мне стукнуло тридцать лет. Я обещал самому себе, что проведу первые десять лет после учебы, набираясь опыта и не обременяя себя ничем. Это обещание я сдержал. Но эти десять лет почти уже закончились.

Когда я вернулся в Мидленд в июле 1977 года, мой старый друг Джо О'Нилл пригласил меня на бургеры. Я редко отказывался от домашней еды. А питаясь я, как правило, фастфудом. Джо и его жена Джен хотели меня кое-где с кем познакомиться: ею оказалась одна из подружек Джен, Лора Уэлч.

Я немного опоздал. Джен и Лора, одетые в синие сарафаны, уже хлопотали на заднем дворе.

Она была великолепна. У нее оказались сногсшибательные голубые глаза, она очень грациозно двигалась. Ее явно высокий интеллект удично сочетался с некой восторженностью, и еще она очень тепло и легко смеялась. Если существует любовь с первого взгляда, то это была именно она.

Выяснилось, что мы с Лорой росли неподалеку друг от друга, в седьмом классе оба учились в средней школе Сан Якинто. Мы даже жили в одном жилом комплексе, пока учились в Хьюстоне. Только она – в тихой его части, где люди в основном лежали у бассейна и читали книги. А я обитал на той стороне, где люди до поздней ночи играли в водный волейбол. Неудивительно, что наши пути никогда не пересекались.

Мы договорились с Лорой встретиться следующим вечером. Я спросил, не хочет ли она поиграть в мини-гольф. Когда она неожиданно согласилась, я понял, что эта девушка по мне. Она играла немного робко, но ей было приятно находиться рядом со мной. Мои вчерашние впечатления о ней стали еще более положительными. Единственное, что расстраивало, – она должна была ехать обратно в Остин, где работала библиотекарем в Доусоновской школе. После ее отъезда я очень быстро по ней соскучился и стал навещать ее, как только появлялась такая возможность.

Мы были идеальной парой. Я все время что-то рассказывал, она все время слушала. Я был неугомонным, она – спокойной. Меня могло иногда слегка уносить в сторону, она же была практичной и приземленной. Самое главное – она была настоящей и естественной. В ней не было ни капли фальши. Она привлекла мое внимание сразу и навсегда. В августе я поехал в Кеннебункпорт к своей семье, планируя задержаться там на неделю. Однако после первой же ночи я полетел обратно в Техас, чтобы быть с Лорой.

Через несколько месяцев после нашего знакомства Лора познакомила меня со своими родителями, Гарольдом и Дженной Уэлч. Ее мама была очень доброй, милой и терпеливой женщиной, заставлявшей меня чувствовать себя как дома. Ее отец увлекался спортом и любил делать ставки на футбольных матчах. Его любимым местом был ресторан «Барбекю Джонни». С чьей-то легкой руки это заведение получило название «Большая Свинья» из-за ужасной деревянной фигуры свиньи на крыше ресторана. Однажды ее отец

познакомил меня со своими друзьями в этом ресторане, включая самого владельца Джонни. Это были своеобразные смотрины, и я думаю, что я их удачно прошел, так как в конце концов мне предложили выпить водку с апельсиновым соком и льдом. Я отказался. Было уже 9 утра.

Мои ухаживания за Лорой становились все более интенсивными. Однажды мы с ней поехали на ранчо Энни и Тобины Армстронг, которое находилось на юге Техаса. Энни была когда-то послом США в Великобритании, они с Тобином как-то даже умудрились сыграть с принцем Чарльзом в поло. В другие выходные мы посетили Джона и Энджи Ньюкомб в их теннисной академии, находившейся в Нью-Браунфелсе, в Техасе. На этот раз я держал кружку пива исключительно руками и подальше от руля. Я очень сильно привязался к Лоре. Я был небольшим любителем кошек, и я понял, насколько наши отношения крепки, когда привязался к ее короткошерстной Дьюи, названной в честь десятичной системы классификации книг.

Я никогда не боялся принимать решения, и тогда, в конце сентября, я принял самое главное. Вечером в съемном домике Лоры в Остине я сказал ей: «Давай поженимся». Она сразу согласилась. У нас был бурный роман, и теперь мы готовы были взять на себя обязательства.

Вскоре после помолвки мы с Лорой отправились в Хьюстон, где Джеб и Колумба отмечали крещение своей дочери Ноел. Я познакомил Лору со своей семьей. Они были в восторге от нее, так же как и я. Она знала, что ей предстоит присоединиться к большой дружной семье, и это ее вполне устраивало. Будучи единственным ребенком в своей семье, она получала удовольствие от шумного рода Бушей.

Мы с родителями, согласовав свои планы, назначили свадьбу на 5 ноября 1977 года, первую субботу месяца. Свадьба была довольно скромной, она проходила в кругу семьи и близких друзей в Мидленде. Приглашения были написаны вручную мамой Лоры. У нас не было шаферов, друзей невесты и жениха. Только я, Лора и ее отец, который вел ее к алтарю.

Хоть я еще не мог осознать этого в тот период, но я верю, что была причина, по которой наши с Лорой пути не пересекались долгие годы. Бог послал ее в мою жизнь в самый нужный момент, когда я искал спутника жизни и был готов создать семью. И это было лучшее решение, которое я принимал в своей жизни.

Вскоре после женитьбы мы с Лорой решили завести детей. Но два года усилий ни к чему не привели. Мы обсуждали эту проблему, размышляли, молились и в итоге приняли решение усыновить ребенка. Сначала мне было нелегко думать о воспитании чужого ребенка. Но чем больше я изучал процесс усыновления, тем спокойнее я к этому начал относиться. У нас были друзья, взявшие к себе детей и любившие их так, словно им было дано благословение свыше. И нам посчастливилось узнать о чудесном агентстве под названием Дом Эдны Глэдни в Форт-ворте.

Основанный в 1887 году миссионерами, Глэдни стал одним из главных центров усыновления в мире. По телефону нас познакомили с Раби Ли Пистер, которая в течение долгого времени была директором центра. Она пригласила нас в госпиталь при центре, где мы встретились с несколькими беременными женщинами на поздних сроках. Я был тронут их бескорыстным решением произвести на свет своего ребенка и отдать его бездетным парам, таким, как мы.

Процесс подачи заявки занял несколько месяцев. Вначале было интервью, которое включало в себя длинный опросный лист. К счастью, с этим мы справились. Затем Глэдни планировала прислать к нам в дом представителя центра. Мы с Лорой стали тщательно готовиться к этому событию. И именно тогда, в 1981 году, она ошеломила меня новостью, что, похоже, она беременна.

Несколько недель спустя мы отправились в Хьюстон на прием к милому врачу Шрине Малине, американке индийского происхождения. Я очень нервничал, когда она водила прибор по телу Лоры. Она посмотрела на монитор и сказала: «Вот голова, а вот тело. Это девочка!» Она передвинула прибор, чтобы найти лучший ракурс. Неожиданно она вскрикнула: «Я вижу двух детей, двух красивых детей! Это тоже девочка. У вас будет двойня». Мои глаза наполнились слезами. Это было двойное благословение. Позже я начал называть сделанный врачом снимок нашей первой семейной фотографией.

Когда мы позвонили в Глэдни, чтобы сообщить директору центра об этой новости, мы чувствовали себя виноватыми, как если бы ввели ее в заблуждение. Она сказала Лоре очень добрые слова: «Дорогая, такое инпо-

да случается. Глазни помогает парам получить ребенка так или иначе». Раби Ли была еще более права, чем сама думала. В том опросном листе Лора отметила в одном из пунктов, что мы хотели бы иметь двойню.

Доктор предупредил нас, что вынашивание близнецов может нести определенный риск. Лора не захотела украшать детскую из-за суеверий. На седьмом месяце ей диагностировали сильный токсикоз, состояние, которое может причинить серьезный вред почкам и подвергнуть риску плод. На следующий день Лора записалась в госпиталь Бэйлор в Далласе, где ее дядя работал хирургом. Доктора прописали ей постельный режим.

Я знал, что Лора получает самый лучший уход, но все равно волновался. Я помнил о выкидыше у мамы и видел своих родителей после смерти Робин. Я знал, насколько это больно — потерять своих детей, и рассказал ей о своей тревоге. Никогда не забуду ее реакцию. Она посмотрела на меня своими голубыми глазами и сказала: «Джордж, я собираюсь принести этих девочек в наш мир. Они родятся здоровыми». Я был восхищен силой духа своей жены. Эта тихая и скромная женщина обладала крепкой волей.

Две недели спустя, когда я сидел в своем офисе в Мидленде — в то время я курсировал между Мидлендом и Далласом, — мне позвонил доктор Джеймс Бойд. Он ухаживал за Лорой и не был силен в болтовне. «Джордж, — сказал он, — ваши детишки появятся на свет завтра утром». Я спросил о самочувствии Лоры. Он заверил меня, что с нею все будет в порядке. «А что насчет девочек?» Он ответил: «Они родятся на пять недель раньше срока. Но все будет в порядке. Время уже пришло». Я позвонил Лоре и сказал ей, что сильно взволнован. Потом я позвонил ее родителям, находившимся в Мидленде, затем своим родителям в Вашингтон, нашим общим друзьям и, конечно же, в авиакомпании.

У меня случалось огромное количество волнующих событий в жизни — президентская инаугурация, речи перед огромными толпами людей, первый бросок мяча на стадионе Янки — но ничего не могло сравниться с моментом рождения моих девочек. Лора лежала в кровати и была спокойной. Я погладил ее по голове. Вскоре доктор поднял крошечного красного младенца. Ребенок закричал, и доктор объявил нам, что она здорова. Медсестра помыла ее и дала мне на руки. Маленькую Барбару. То же самое было и с Дженной. Мы хотели дать девочкам имена двух хороших женщин, поэтому назвали их в честь наших матерей.

Я думал о своих дочках так долго, что не мог поверить, что держу их теперь на своих руках. Это произошло за день до Дня Благодарения 1981 года. И благодарность — это было именно то чувство, которое я в тот момент ощущал. Я был благодарен Богу за их жизнь, благодарен квалифицированному медицинскому персоналу за заботу и благодарен Лоре за то, что она помогла девочкам родиться здоровыми.

Это был момент необычайного единения, когда я держал Барбару и Дженну на руках первый раз. Мне было послано свыше не только благословение, но и ответственность за них. Я поклялся быть лучшим отцом, каким я только могу быть.

Первые месяцы девочки привыкали к новому ритму жизни, они начинали плакать в середине ночи, а я брал их на руки и носил по дому. Я хотел петь им колыбельную, но не знал ни одной. Вместо этого я обычно напевал им кричалку из Йелы: «Бульдог, Бульдог, Бау-уау-уау!» Это их периодически успокаивало, видимо потому, что они хотели, чтобы я прекратил петь. Независимо от причины, это срабатывало. Я укладывал их в кроватки и шел обратно в постель к Лоре, как настоящий счастливый отец.

Пока мы с Лорой приспосабливались к нашей новой большой семье, я занялся бизнесом. В 1979 году я основал небольшую компанию по поиску энергоресурсов в Мидленде. Я заработал деньги, по большей части на Восточном побережье, чтобы вложить их в бурение газовых и нефтяных скважин. Доход мой был довольно скромным, но и риск был невелик. Я обнаружил несколько приличных мест, где велась добыча. Я также пробурил часть сухих скважин. Ведение небольшого бизнеса научило меня многому, в особенности тому, что условия на рынке могут меняться довольно быстро, так что всегда нужно быть готовым к неожиданностям.

Когда цены на нефть стабилизировались в 1983 году, я решил объединить свои операции с двумя предпринимателями из Коннектикута, Биллом Де Виттом и Мерсером Рейнольдсом. Я должен был быть глазами и ушами в Техасе, а они должны были привлекать средства на Востоке. Бизнес был довольно успешным в течение двух лет, и мы стали очень близкими друзьями. Но в начале 1986 года цены на нефть рухнули с 23 до 10 долларов за баррель. На многих из тех, кого я знал, висели кредиты, и теперь они нахо-

дился в тяжелом финансовом положении. К счастью, у нас было немного долгов, и мы были в состоянии объединиться с крупной открытой акционерной компанией «Харкен Эндржи».

Середина 80-х в Мидленде была очень мрачным временем. Не покидало ощущение тревоги, многие метались в поисках своей цели. Религия всегда была частью моей жизни, но я никогда не был по-настоящему верующим. Я был крещен в Йельской часовне Дуайт Холл. В пору моей юности родители водили меня в Первую Пресвитерианскую церковь в Мидленде, Епископальную церковь Святого Мартина в Хьюстоне и Епископальную церковь Святой Анны в Кеннебункпорте.

Я посещал церковь в Эндове, потому что это было обязательно. В Йеле я почти никогда этого не делал. Только изредка, когда навещал своих родителей, и исключительно для того, чтобы не раздражать свою мать. Мы с Лорой обвенчались в церкви в Мидленде. Регулярно мы стали посещать церковь уже после рождения девочек, потому что чувствовали, что на нас теперь лежит ответственность — привести их к вере. Я любил проводить время с друзьями на религиозных собраниях. Мне нравилась сама возможность размышлять там. Изредка я слушал проповеди, которые меня вдохновляли. Периодически я читал Библию, но видел в ней лишь некую возможность для самосовершенствования. Я знал, что мне необходимо совершенствоваться, но религию воспринимал больше как традицию, а не как духовный опыт. Я слушал, но не слышал.

Летом 1985 года мы отправились в ежегодную поездку в Мэн. Родители собрали у нас всю свою родню и пригласили евангелического священника Билли Грэхема. Отец попросил его за ужином ответить на несколько вопросов. Это было похоже на отца, любившего всегда всем делиться. Мы расселись, нас было примерно тридцать человек — Лора, моя бабушка, братья и сестры, двоюродные и троюродные братья — все собрались в большой комнате в самом конце дома в Уокер Пойнт.

Первый вопрос прозвучал от отца. Он сказал: «Билли, некоторые говорят, что человек должен испытать опыт духовного перерождения, чтобы попасть в рай. Мама — самый религиозный человек из всех, кого я знаю, но даже она еще не испытала чувства духовного перерождения. Попадет ли она в рай?» Это, какой глубокий вопрос прозвучал из уст пожилого человека! Мы все посмотрели на священника. Своим тихим и сильным голосом он ответил:

«Джордж, некоторым из нас требуется опыт духовного перерождения, чтобы постичь Бога, а некоторые из нас уже рождаются христианами. Это означает, что твоя мама просто была рождена христианином».

Я был очарован Билли. Он обладал ярким обликом, полным доброты и изящества, а также острым умом. На следующий день он попросил меня прогуляться с ним по имению. Он расспрашивал про мою жизнь в Техасе, мы говорили о моих дочерях. Я поделился с ним мыслью, что чтение Библии может сделать меня более положительным человеком. Очень вежливо и с любовью Билли начал углублять мое примитивное понимание веры. Он убедил меня, что нет ничего предосудительного в том, чтобы использовать Библию как способ для самосовершенствования. Жизнь Иисуса дает нам великий пример. Но самосовершенствование не является главным смыслом Библии. В центре христианства — не ты сам. А Христос.

Билли объяснил, что мы все грешники, и что мы не можем постичь любви Бога через благие дела. Единственный путь к спасению лежит через Божью благодать, а путь к этой благодати проходит через принятие Христа как Воскресшего Господа — Сына Бога, настолько могущественного и любящего, что Он отдал своего единственного сына на борьбу со смертью и грехом.

Это были очень глубокие рассуждения, и я полностью так и не смог постичь их в тот день. Но Билли посеял во мне зерно. Его вдумчивые и толковые объяснения сделали почву во мне менее твердой, а заросли — менее густыми.

Через некоторое время, после того как мы вернулись в Техас, нам пришла посылка от Билли. В ней была «Живая Библия». Он подписал ее: «Мошле другу Джорджу У. Бушу. Пусть Господь всегда благословляет тебя и Лору». Он также оставил ссылку на отрывок из Послания Филиппийцам: «...будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа».

В начале осени я рассказал о своем разговоре с Билли Дону Эвансу. В этой связи он поделился информацией, что он с одним своим мидлендским приятелем Доном Джонсом недавно посещал Общество изучения Библии. Встречи эти проходили каждую среду вечером в Первой Пресвитерианской церкви. И я решил туда сходить.

Каждую неделю мы изучали какую-нибудь из глав Нового Завета. Поначалу я немного скептически относился ко всему этому. Мне было довольно тяжело воздерживаться от саркастических замечаний. Однажды

глава группы спросил: «Что такое пророк (prophet)?» Я ответил: «Это когда доход превышает затраты (profit). Но никто не видел ничего подобного здесь со времен Элайи».

Вскоре я стал воспринимать собрания более серьезно. Закончив читать Библию, я был тронут историями о доброте Иисуса по отношению к страдающим, его способностью лечить слепоту и увечья и его жертвенной любовью, во имя которой он принял смерть на кресте. На Рождество в том году Дон Эванс подарил мне версию Библии, которая была разделена на 365 отдельных отрывков. Я читал ее каждое утро и молился, чтобы суметь понять ее как можно яснее. Со временем моя вера начала расти.

Поначалу я чувствовал некоторые сомнения. Понимание живого Бога было огромным скачком в моем мироощущении, в особенности для человека с логическим мышлением, каковым был я. Окружение самого себя Всевышним является большим испытанием для внутреннего эго. Но я пришел к пониманию того, что борьба и сомнения являются естественными составляющими веры. Если ты никогда не сомневался, вероятно, ты не слишком глубоко думал о том, во что веруешь.

В конечном счете вера — это движение, это путешествие к более величественному осознанию мира. Невозможно доказать существование Бога, но это не может служить основанием веры. В конце концов, точно так же невозможно и доказать, что Бога не существует. В любом случае, верующий ты или нет, твоя позиция должна быть основана на вере.

Понимание этого дало мне возможность различать знаки божественного присутствия. Я видел, насколько прекрасна природа, насколько чудесны мои дочери, насколько неизменна любовь Лоры, я ощущал свободу, которая приходит с прощением — все то, что проповедник Тимоти Келлер называет «Понятиями о Боге». Я все более уверенно шел по своему пути. Молитва была для меня той пищей, которая меня поддерживала. Как только я стал глубже понимать Христа, я начал осознавать истинную цель моего стремления стать хорошим человеком — не потому что я набирал очки, чтобы иметь шанс попасть в рай, а потому что я был движим Божьей Любовью.

Я осознал кое-что еще. В тот вечер, когда Билли начал отвечать на наши вопросы в Мэне, я потягивал уже третий бокал вина, после двух банок

пива перед ужином. Его речь заглушила мою тугу и алкоголь. Но не всегда было так. В течение долгого времени я был не в состоянии выжить в компании. Я выпивал с друзьями, за обычной трапезой, на спортивных событиях, на вечеринках. Ближе к третьему десятку у меня уже выработалась потребность выпивать ежедневно, а иногда с утешением и притибу.

В Западном Техасе было популярно выражение: «Он думал, что был прошлой ночью крутым, когда на самом деле он был задицей». Оно было вполне применимо по отношению ко мне. Я любил пошутить, но алкоголь превращал любую шутку в резкую критику или даже оскорбление. То, что кажется смешным в состоянии опьянения, на самом деле может звучать довольно глупо. Однажды летним вечером после чудесного дня, игры в гольф и рыбалки у нас был ужин в Мэне. Я умираю от жажды, которую утолил несколькими бокалами бурбона и коктейлем. Во время еды я повернулся к семейной паре — близким друзьям моих родителей — и задал спьяну вопрос: «Так что же такое секс после пятидесяти?»

Все за столом молча уставились в свои тарелки — за исключением моих родителей и Лоры, которые в ужасе смотрели на меня и не могли поверить в услышанное. Женщина выдавила из себя нервный смех, и разговор потихоньку продолжился. Когда я проснулся на следующее утро, мне напомнили о вчерашнем происшествии. Я почувствовал сильные угрызения совести. После того как я позвонил той женщине и извинился, я задал сам себе вопрос: действительно ли это именно то, к чему я хотел прийти в итоге? Годы спустя, когда мне исполнилось 50 лет, эта добродушная женщина прислала небольшую записку в особняк губернатора Техаса: «Ну так что же это, Джордж?»

Лора видела, что я не хочу менять свои привычки. То, что мне и моим друзьям казалось веселым занятием, ей казалось скучным и несерьезным. Она не боялась говорить мне, что думает, но не могла бросить пить вместо меня. Я должен был сделать это сам. В 40 лет я наконец нашел в себе силы сделать это — благодаря своей любви и вере.

С той ночи в Бродмуре в 1986 году я больше не употребляю алкоголь. Трудно предположить, к чему бы я пришел, если бы не принял тогда решение завязать с выпивкой. Но я уверен, что вряд ли смог обо всем этом написать, будучи бывшим губернатором Техаса и президентом Соединенных Штатов.

Меня спрашивали, считаю ли я себя алкоголиком. Я не могу точно сказать. Одно я знаю наверняка — моя личность находится под сильным влиянием привычек. Я пил много, и это стало создавать для меня серьезные проблемы. Мое искреннее стремление отказаться от алкоголя дало мне силы поверить, что у меня нет устойчивой зависимости. Другим везет меньше. Я восхищаюсь теми, кто использует всевозможные методы избавления от пьянства, такие, например, как «Двенадцать шагов Общества анонимных алкоголиков».

Мне бы никогда не удалось бросить пить без веры. Но я также считаю, что моя вера не была бы настолько сильной, если бы я тогда не бросил пить. Я верю, что Господь помог мне открыть глаза, замутненные от пьянства. Может быть, именно по этой причине я всегда испытывал невероятное благоговение при исполнении моего любимого церковного гимна «Удивительная благодать»: «Я однажды был потерян, но сейчас нашел себя. / Я был слеп, но теперь прозрел».

ГЛАВА 2

ВЫБОРЫ

Утро 12 июня 1999 года в Техасе выдалось чудесным. Рейнджеры находились на первом месте в Западной американской бейсбольной лиге. Индекс Доу Джонса находился на отметке 10 490 пунктов. Отец только что отметил свой 75-й день рождения удачным прыжком с парашютом. Я тоже был близок к прыжку, но в другом направлении.

Спустя месяцы душевных терзаний и бесчисленное количество часов, когда я взвешивал все за и против, я направился в штат Айова, место проведения первого собрания своих сторонников в рамках президентских выборов 2000 года. Я уже был свободен от необходимости принимать решения и с нетерпением ждал отъезда. Мы с Лорой поцеловали девочек на прощание, поехали в аэропорт и поднялись на борт самолета.

Самолет был забит, по большей части журналистами. Они заполнили экраны телевизоров и всю прессу дебатами, вопросами и рассуждениями относительно того, буду ли я принимать участие в выборах. Сейчас они собирались получить от меня ответ на этот вопрос. Я решил немного подшутить над ними, окрестив наш самолет «Великие ожидания». Вскоре после того как мы взлетели, я схватил микрофон и объявил: «Говорит ваш кандидат. Уложите, пожалуйста, свои ожидания в отсеки, расположенные над вами, так как во время полета они могут перемещаться по салону и наносить травмы кому-нибудь, в том числе и мне».

Я всегда прибегал к шуткам, когда было необходимо снять напряжение. Но при этом помнил о том, что взваливаю на себя довольно серьезные обя-

ательства. Я намного лучше остальных кандидатов понимал, что влечет за собой выдвижение на столь высокий пост. Я имел возможность видеть, как отец проживал изнурительные месяцы своей предвыборной кампании, находясь под постоянным контролем со стороны средств массовой информации. Я видел, как искажались его послужные списки, как он подвергался нападкам, как издевались над его внешностью. Я был свидетелем того, как от него отворачивались друзья и отступали помощники. Я знал, насколько сложно ему было победить. И я знал, насколько тяжело проиграть.

Более всего я беспокоился о семнадцатилетних дочерях, Барбаре и Дженне. Я знал, что быть ребенком политика намного сложнее, чем быть политиком самому. Я понимал боль и разочарование, которое испытываешь, когда слышишь, как твоему отцу дают обидные прозвища. Я знал, каково это — переживать всякий раз, когда включаешь телевизор, и что значит жить, каждую минуту осознавая, что каждый невинный промах может бросить тень на репутацию президента Соединенных Штатов. Я прошел через это всё лишь на пятом десятке своей жизни. Если бы я стал президентом, мои дочери уже учились бы в колледже. Я мог лишь предположить, насколько труднее им пришлось бы.

Я мучился над некоторыми вопросами. Готов ли я к роли публичного человека? Нужно ли втягивать мою семью в общенациональную кампанию? Смогу ли я на глазах у всей страны справиться со своими чувствами в случае поражения? Готов ли я к этой должности?

Мне казалось, что я знаю ответы на эти вопросы, но я не был до конца уверен в своей правоте.

Я знал, что хочу принять участие в выборах. Я был озабочен будущим своей страны, и ясно представлял, куда необходимо ее вести. Я хотел снизить налоги, улучшить систему образования, изменить систему социального обеспечения и здравоохранения, поддержать религиозные благотворительные организации и оправдать ожидания американского народа. В одной из своих речей я произнес следующую фразу: «Когда я положу свою руку на Библию, я поклянусь не только защищать законы нашей земли, я также поклянусь не уронить честь и достоинство той должности, на которую меня выберут, да поможет мне Господь».

Возможность жить бок о бок с президентом помогла мне понять тонкости этой должности. Двое знакомых мне президентов, отец и Рональд Рей-

ган, использовали свое время на посту для решения исторических задач. Президент Рейган бросил вызов Советскому Союзу и помог победить его в холодной войне. Отец помог обрести свободу Кувейту и привел Европу к единству и миру.

Я знал и иную сторону президентства. Несмотря на публичность и постоянное напряжение, отец любил эту работу. Он покинул пост, не изменив своим идеалам и ценностям. Более того — этот отцовский опыт сплотил нашу семью.

Процесс принятия решения захватил все мои мысли. Я много думал об этом, говорил об этом, анализировал и молился. Я хотел двигаться дальше, и я был убежден, что смогу собрать свою команду, достойную этого поста. У меня было достаточное финансовое обеспечение, чтобы прокормить свою семью независимо от результата выборов. В конечном счете решающим фактором стал отнюдь не материальный. Я чувствовал стремление сделать нечто большее в моей жизни, мне хотелось испробовать свои возможности, навыки на высшем уровне. Я был вдохновлен примером того, как мои отец и дед служили своему народу. Я видел, как мой отец покорял высокие вершины и добивался успеха. Я хотел проверить, хватит ли у меня воли, чтобы добиться того же.

Даже в случае поражения у меня все равно была бы чудесная жизнь. Моя семья любила меня. Я оставался бы губернатором великого штата. И я бы мог не задаваться вопросом, что бы могло быть в ином случае. «Когда мой срок подойдет к концу, — сказал я друзьям, — мне будет чем заняться».

Мое заявление прозвучало на барбекю в маленьком пригороде Айовы, в Амоне. Я произнес свою речь в ангаре перед огромным кукурузным полем, на платформе, покрытой сеном. Конгрессмен Джим Нассл, который позже станет главой Административно-бюджетного управления, представил меня, спев песню *Iowa Stubbhorn* из мюзикла *The Music Man*. Лора стояла рядом со мной, когда я произнес: «Я собираюсь баллотироваться на пост президента Соединенных Штатов. Теперь нет пути назад, я собираюсь стать следующим президентом».

К этому дню я шел нетрадиционным способом. Я не вынашивал планов стать президентом. Если бы это было так, то я должен был, вероятно, быть

поэсмитетельнее в молодости. Но желание и навыки для ведения предпринимательской кампании и для победы в ней я успел выработать. Семя этого решения, как и многих других решений в моей жизни, было посажено в пыльную землю под бескрайним небом Мидленда в Техасе.

Политика, проводимая в Мидленде, носила консервативный характер. Западный Техас вообще имел независимый дух и периодически показывал недоверие к централизованному управлению. Как и в большей части Техаса, в Мидленде долгое время доминировала демократическая партия. Избирательный округ Мидленда, в лючавший в себя 17 округов, был представлен демократом Джорджем Мэхоном в течение 43 последних лет. Он был конгрессменом дольше, чем кто-либо другой в Америке. 6 июля 1977 года, на мой 31-й день рождения, он объявил, что уйдет на пенсию по окончании своего действующего срока.

К тому времени я уже два года как вернулся в Мидленд после Гарвардской школы бизнеса. Я обучался нефтяному бизнесу, налаживал общение со старыми друзьями и, что самое главное — получал удовольствие от жизни. Я также чувствовал влечение к политической сфере.

Пока я не рассматривал политику в качестве будущей профессии, я только помогал своему отцу вести кампании: выборы в Сенат в 1964 году, выборы в Палату представителей в 1966 году, вторую попытку избраться в Сенат в 1970 году. Перед своими тренировочными полетами в 1968 году я на протяжении нескольких месяцев работал в качестве помощника конгрессмена Эдварда Герни, баллотировавшегося в Сенат от штата Флорида. Главным итогом кампании Герни стало собрание в Джексонвилле, где его поддержал высокий и загорелый губернатор Калифорнии Рональд Рейган. В 1972 году я курировал политические вопросы в кампании Рэда Блаунта, избравшегося в Сенат от Алабамы. В 1976 году я принимал участие в мероприятиях президента Форда на западе Техаса в ходе республиканских праймериз.

Такой стиль жизни был мне по нраву. Я получал удовольствие от поездок и встреч с людьми. Я преуспевал, невзирая на напряженные условия и соперничество. Мне нравился заключительный этап дня выборов, когда голоствующие выбирают победителя, и мы все идем дальше. Я никогда ничего не планировал, но к тому времени, когда конгрессмен Мэхон объявил о своем уходе на пенсию, я был уже довольно закаленным политическим деятелем.

Я стал раздумывать о том, чтобы побороться за это место. У меня был опыт ведения политической борьбы на выборах. Я также чувствовал, что какая-то сила толкает меня туда. Я был заинтересован в управлении страной. Опыт, приобретенный мной в бизнес-школе, в Китае и нефтяном бизнесе, вылился в ряд твердых убеждений: свободный рынок — лучший способ распределения ресурсов, более низкие налоги — награда за тяжелую работу и поощрение за риск, стимулировавший создание рабочих мест. Необходимо добиваться устранения торговых барьеров для новых рынков экспорта американских производителей и для большего выбора для наших потребителей. Правительство должно уважать свои конституционные границы и давать людям свободу жить своей жизнью.

Когда я сравнивал времена президента Джими Картера с сегодняшним днем, я замечал большую разницу. У них был план усилить налоги, усилить государственный контроль в сфере энергетики и заменить государственные затраты на создание рабочих мест частными вложениями.

Меня волновало, что Америка движается «влево», к европейскому государству всеобщего благосостояния, где центральное правительство планирует вытеснить свободное предпринимательство. Я хотел сделать что-то с этим. Я уже имел первый опыт политической ошибки.

Когда я изложил родителям свою идею, они были удивлены. Мое решение должно было выглядеть так, будто оно появилось из ниоткуда, но они не хотели гасить моего энтузиазма. Отец спросил, готов ли я прислушаться к советам его приятеля, бывшего губернатора Техаса Алана Шивера. «Конечно», — ответил я. Шивер был легендой. Он дольше всех был губернатором Техаса. Он был консервативным демократом, и его советы могли стать бесценными в борьбе с Кентом Хэнсом, сенатором штата, правым центристом и наиболее предпочтительной кандидатурой от демократов.

Когда я поехал на встречу с бывшим губернатором, он решительно меня спросил, собираюсь ли я бороться за место Мэхона. Я сказал ему, что все-таки рассматриваю участие в выборах. Он посмотрел в мои глаза и сказал: «Сынок, ты не можешь победить». Понятно, что в этом не было ничего обнадеживающего. Он сообщил мне, что избирательный округ идеально подходил для выбора Кента Хэнса. Я пробормотал что-то вроде «я надеюсь, что вы ошибаетесь, если решусь участвовать», и поблагодарил его за потраченное на меня время.

Я помню, как искренне не понимал, зачем отец представил меня этому губернатору. Сейчас, возвращаясь в то время, я понимаю, зачем он сделал это. Он хотел сообщить мне без ущерба для моих амбиций, что я всегда должен быть готов проиграть.

Первой стадией выборов были республиканские праймериз. Моим противником был Джим Риз, который очень уверенно разговаривал и был когда-то спортивным комментатором и мэром Одессы. Он участвовал в выборах против Мэхона в 1976 году и рассчитывал на победу в 1978 году. Он был очень несчастен, когда я победил его в первом же раунде праймериз.

Риз был очень резок в своих методах, как и многие из тех, кто его поддерживал. Их стратегия заключалась в том, чтобы выставить меня либеральным политическим авантюристом. Они говорили о всевозможных теориях заговора. Якобы мой отец был в составе кампании трехсторонней комиссии, стремящейся установить мировое правительство. А я сам был направлен сюда семьей Рокфеллеров, чтобы скупить все сельскохозяйственные угодья. За четыре дня до выборов Риз сделал копию моего свидетельства о рождении, чтобы доказать, что на самом деле я родился на Востоке США. И как я должен был реагировать на это? Я ответил фразой, которую когда-то использовал мой отец: «Нет, я не был рожден в Техасе, потому что в тот день я хотел находиться ближе к своей матери».

Риз получил одобрение и финансовую поддержку для ведения кампании от Рональда Рейгана, искавшего способы получить преимущество над моим отцом на президентских праймериз 1980 года. Несмотря на все намеки, я довольно оптимистично оценивал свои шансы. Моя стратегия состояла в том, чтобы полностью сосредоточиться на проблемах моего родного округа Мидленд. Мы с Лорой ходили по местным забегаловкам, шаг за шагом решали организационные вопросы и пытались заручиться поддержкой наших друзей, не имевших никакого отношения к политике¹. В ночь выборов наши усилия дали оглушительный результат – в Мидленде была отмечена высокая явка избирателей. Я проиграл во всех других округах, но зато выиграл в Мидленде с таким большим отрывом, что это принесло мне общую победу.

¹ Дон Фанс был председателем нашей избирательной кампании, Джо О'Нилл был главным по финансам, Роберт Мак-Клески вел бухгалтерию.

Отец предсказывал, что в случае моей победы на праймериз мне придут с поздравлениями сам Рейган. Так и случилось. Он позвонил мне на следующий день, был очень любезен и даже предложил помощь в ходе основных выборов. Я был очень благодарен за его звонок и не держал на него обиды. Я был полон решимости и биться без чьей-либо помощи. Я проводил кампанию самостоятельно, даже без помощи отца.

Борьба с Ризом закалила меня как настоящего кандидата. Я понял, что могу выдержать сильный удар, продолжить борьбу и в конечном итоге победить. Моим оппонентом на главных выборах был Кент Хэнс, о котором меня предупреждал сенатор штата губернатор Шиверс. Его стратегия была такой же, как и у Риза, – представить меня как постороннего человека с Восточного побережья, но он делал это с большей хитростью и даже некоторым очарованием.

Один из моих первых рекламных роликов показывал меня бегущим. Это должно было акцентировать внимание избирателей на моей энергичности и молодости. Хэнс использовал этот факт против меня, выдав следующую фразу: «Местные люди бегают только в том случае, если их кто-то преследует».

Он также запустил радиорекламу: «В 1961 году, когда Кент Хэнс оканчивал среднюю школу Дэммит в 19-м избирательном округе, его оппонент Джордж У. Буш учился в Академии Эндовера в штате Массачусетс. В 1965 году, когда Кент Хэнс выпускался из Техасского технологического университета, его оппонент был в Йеле. И когда Кент Хэнс оканчивал университет Техасской школы права, его оппонент... только послушайте... учился в Гарварде. Нам не нужен некто с северо-востока, который рассказывает нам о наших проблемах».

Хэнс был отличным рассказчиком, и он использовал свой навык, чтобы стереть меня в порошок с помощью темы постороннего человека. Его любимая история была о том, как человек в лимузине остановился у фермы, где работал Хэнс. Когда водитель спросил у него дорогу до следующего городка, Хэнс ответил: «Поверните направо, сразу после "охранника стада" и двигайтесь по дороге». Изюминка заключалась в следующем вопро-

¹ «Охранник стада» (cattle guard) – специальная железная установка на дороге, которая не позволяет крупному рогатому скоту выходить на проезжую часть.

се водителя: «Извините, а какого цвета форма у этого охранника?» Техасцы любили эту историю. Хэнс любил добавлять: «Не могу точно сказать, были ли у лимузина массачусетские или коннектикутские номера».

Мы с Лорой на время переехали в Луббок, самый крупный город района, он находился в 115 милях к северу от Мидленда. Важный центр для хлопкового бизнеса, это был город, в котором располагался Техасский технологический университет. Мы использовали этот город как базу нашей кампании в сельских округах избирательного района. Мы с Лорой провели долгие часы, разъезжая на машине и агитируя в таких городках, как Левеллэнд, Плэйнвью и Браунфилд. Для людей, которые никогда не интересовались политикой, Лора была настоящим специалистом, проводящим кампанию. Ее искренность давала избирателям возможность находить с ней общий язык. После того как мы поженились, мы отправились в свадебное путешествие на Косумель (Мексика), но мы шутили, что именно эта кампания стала для нас чем-то вроде медового месяца.

Четвертого июля мы агитировали в Мулшу, в дальней северной части избирательного района. В майских праймериз я получил 6 из 230 голосов в округе Бэйли. Но я все равно понимал, что у меня есть еще возможности. Мы с Лорой улыбнулись и помахали наблюдавшим за нами из нашего белого пикапа. Но нам никто не аплодировал. Никто даже не помахал. Люди смотрели на нас так, как будто мы действительно чужеземцы. В конце концов я понял, что единственным моим сторонником в Мулшу был человек, сидящий рядом со мной.

Настала ночь выборов, и все вышло именно так, как предсказал старый губернатор Шиверс. Я выиграл с большим отрывом в округе Мидленд и в южной части избирательного района, но этого было недостаточно, чтобы компенсировать преимущество Хэнса в Луббоке и других местах. Итоговый результат был 53 процента против 47.

Я ненавидел проигрывать, но я был рад, что принял участие в выборах. Я получил удовольствие от проделанной политической работы, от встреч с людьми и от самого дела. Я узнал, что когда ты позволяешь своему сопернику давать себе характеристику — это становится самой большой ошибкой в ветоении кампании. И я понял, что я могу принять поражение и двигаться дальше. Это было нелегко для такого человека, как я. Но это было важной частью моего совершенствования.

Что касается Хэнса, он заслужил тогда победу, после этого мы стали хорошими друзьями. После двух моих побед на губернаторских выборах и двух побед на выборах президента он остается до сих пор единственным политиком, сумевшим меня победить. Он провел три срока в Палате представителей, пока не проиграл выборы в Сенат. Позже он стал республиканцем и вложил средства в мои политические кампании. Сейчас он ректор Техасского технологического университета. Он говорит, что без него я никогда не стал бы президентом. Думаю, он прав.

Через шесть месяцев после окончания моей выборной кампании я думал уже о других выборах. В 1980 году отец объявил, что выставляет свою кандидатуру на пост президента. У него было немного шансов против Рональда Рейгана, но он провел очень сильную предвыборную кампанию в Айове и одержал убедительную победу на первичных выборах. К несчастью, его удачная полоса завершилась среди холодных зим Нью-Хэмпшира. Рейган победил там и продолжил свою борьбу в качестве представителя от республиканцев.

Было огромное количество размышлений по поводу того, кого же назначит Рейган в качестве вице-президента. На съезде в Детройте он обсуждал с Джеральдом Фордом возможность некого варианта сопрезидентства. Они сошлись на том, что это не сработает, и это было разумное решение. Тогда Рейган позвонил моему отцу и спросил, не хочет ли он стать кандидатом на пост вице-президента — еще более разумное решение.

В ночь выборов кандидаты Рейган-Буш разгромили Джими Картера и Волтера Мондейла — набрав 489 голосов против 49 в коллегии выборщиков. 20 января 1981 года мы с Лорой полетели в Вашингтон на инаугурацию, которая в первые проходила у величественного западного фасада Капитолия. Мы были счастливы, когда судья Поттер Стюарт приводил отца к присяге. Рональд Рейган повторил клятву под наблюдением главного судьи Уоррена Бургера.

Для меня, как для любителя истории, было волнительно сидеть в первом ряду. И еще меня, как сына, переполняла гордость. Мне никогда не приходило в голову мысль, что однажды я буду так же стоять на трибуне и дважды поднимать правую руку вверх на своих президентских инаугурациях.

Начало 80-х ознаменовалось тяжелыми для Америки моментами, начиная от беззвонной рецессии и заканчивая нападением на наши военные казармы в Ливане, но администрация Рейгана-Буша выполнила свои обещания. Им удалось сократить налоги, завершить холодную войну и восстановить моральный дух американцев. Когда президент Рейган и мой отец представили избирателям отчет о своей деятельности, они победили в 49 штатах из 50.

В 1988 году мой отец был фаворитом в борьбе за выдвижение на пост президента, но борьба эта обещала быть непростой. Он был настолько преуспевающим президенту Рейгану, что почти ничего не делал для своего личного продвижения. Он также боролся с фактором Ван Бюрена. Мартин Ван Бюрен, ставший вице-президентом при Эндрю Джексоне в 1836 году, был последним, кто смог сменить президента, которому служил.

Заблаговременно, в начале своего второго срока, президент Рейган великодушно позволил моему отцу использовать президентскую резиденцию в Кэмп-Дэвиде для встречи со своей командой. Очень любезно было с его стороны пригласить на это мероприятие всех своих братьев, сестер и детей. Я получил большое удовольствие от встречи с его соратниками, но с некоторой оговоркой. Главным стратегом в команде отца был молодой человек по имени Ли Этуотер. Ли, который очень быстро говорил, играл на гитаре и был родом из Южной Калифорнии, считался самым горячим политическим консультантом. И он действительно был умным. Без сомнения, у него был большой опыт. Я хотел знать, является ли он действительно преданным своему делу.

Когда отец спросил, есть ли у кого-нибудь из членов семьи вопросы, я сразу поднял руку. «Ли, как мы можем доверять тебе, когда твои партнеры по бизнесу работают на других кандидатов?» — спросил я. Джеб встрял в разговор: «Если кто-то кинет гранату в нашего отца, мы надеемся, что ты застрелишь его». Наш тон был довольно жестким, но это говорило только о нашей любви к отцу и высоких требованиях к его персоналу — кандидат должен быть на первом месте, а личные амбиции — на втором.

Ли ответил на это, что он познакомился с отцом в Республиканском национальном комитете, что он восхищался им и желал ему победы. Он также добавил, что планирует разорвать свои связи по бизнесу. Было очевидно, что наши сомнения потрясли его. В конце дня он разыскал Джеба и меня. Он

спросил, почему бы одному из нас не поехать в Вашингтон, чтобы помочь с кампанией и не спускать глаз с команды отца, раз мы так волнуемся.

Это приглашение заинтриговало меня. Да и время было вполне подходящим. После спада на нефтяном рынке мы с партнерами объединили наши компании и обеспечили работой всех своих сотрудников. Отцу идея понравилась, а Лора была готова попробовать.

В офисе, расположенном в деловой части Вашингтона, у меня не было конкретной должности. Как сказал отец, у меня уже была одна: сын. Я был занят сбором средств, поездками по стране с выступлениями и подпитанием боевого духа добровольцев. Время от времени я также напоминал некоторым высокопоставленным сотрудникам, что они являются частью команды, цель которой — продвижение кандидатуры Джорджа Буша, а не их собственная карьера. Я запомнил ценный урок, полученный в Вашингтоне: близость к власти развивает твои возможности. Отцовское внимание к моим рассуждениям во многом стимулировало мою деятельность.

Одной из моих задач была сортировка запросов на интервью по папкам. Когда Маргарет Уорнер из *Newsweek* сказала нам, что хотела бы взять интервью, я предложил сотрудничество. Маргарет была талантливым журналистом и, похоже, готовилась написать честную статью. Отец согласился.

Мама позвонила мне утром, когда журнал вышел в продажу. «Ты видел журнал?» — спросила она. Я ответил, что нет. «Они назвали твоего отца занудой!» — проворчала она.

Я быстро раздобыл экземпляр, и первое, что увидел, был кричащий заголовок: «Борьба с фактором зануды». Я не мог в это поверить. В журнале были намеки на то, что мой отец, летчик Второй мировой войны, был занудой. Я покраснел от злости. Я позвонил Маргарет. Она вежливо спросила, что я думаю об этой истории. Я, в свою очередь, не столь вежливо ответил, что воспринимаю ее как участника плана политической дискредитации моего отца. Она пробормотала, что за обложку был ответственен ее редактор. Я резко высказался в адрес редакторов и повесил трубку. С тех пор я с недоверием отношусь к журналистам и их редакторам-невидимкам.

Став третьим в штате Айова, отец после победы в Нью-Хэмпшире продолжил свой путь в качестве кандидата от республиканцев. Его оппонентом уже на главных выборах стал либерал Майкл Дукакис, губернатор Массачусетса. Отец открыл свою кампанию великолепной речью на съезде

в Новом Орлеане. Я был поражен силой его слов, изящно написанных и убедительно изложенных. Он говорил об американском народе, чьи главные черты – сострадание и великодушие. Эта речь вошла в историю под названием «Тысяча красок света». Отец решительно обозначил свои политические принципы, сделав довольно смелое заявление: «Читайте по губам: никаких новых налогов!»

Я был впечатлен тем, как отец чувствует время. Он сумел осуществить плавный переход от преданного вице-президента к кандидату в президенты. Он покинул съезд, лидируя по результатам всевозможных опросов, и вышел на финишную прямую. 8 ноября 1988 года наша семья следила за подсчетами бюллетеней, находясь в доме нашего друга доктора Чарльза Неблетта в Хьюстоне. Я понял, что отец победил, когда два самых непредсказуемых по результатам штата отдали за него свои голоса. К концу ночи он победил в 40 штатах и получил 426 голосов выборщиков. Джордж Г. У. Буш, которым я восхищался и которого обожал, был избран сорок первым президентом США.

Мы с Лорой получили удовольствие от полутора лет пребывания в Вашингтоне. Но когда люди стали говорить о том, что я остаюсь в Вашингтоне, чтобы использовать свои связи, я решил отсечь этот вариант. У меня не было ни малейшего желания стать лоббистом или прихлебателем в отцовской администрации. Спустя некоторое время после выборов мы собрали вещи и поехали обратно в Техас.

У меня была еще одна причина для возвращения домой. Перед самым концом избирательной кампании я получил интригующий звонок от моего бывшего бизнес-партнера Билла Девитта. Отец Билла был владельцем бейсбольной команды «Цинциннати Рэдз» и имел тесные связи с бейсбольным сообществом. Он слышал, что Эдди Чайлз, главный владелец команды «Техасские Рейнджеры», собирается продать свою команду. Буду ли я заинтересован в покупке? Я чуть не упал со стула. Владение бейсбольной командой казалось воплощением мечты в реальность. Я решил сделать это.

Моя стратегия состояла в том, чтобы меня самого выбрали покупателем. Мы с Лорой отправились в Даллас, и я начал часто навещать Эдди и его жену Фран. Я пообещал стать достойным преемником его любимой

торговой марки. Он сказал: «У тебя есть имя и большой потенциал. Я бы хотел продать команду тебе, сынок, но у тебя нет необходимой суммы».

Я начал искать потенциальных инвесторов, большей частью из числа своих друзей по всей стране. Когда глава бейсбольной лиги Питер Уэбберот заявил, что нам нужно найти больше местных владельцев, я поехал встретиться с весьма успешным инвестором из Форт-Ворта Ричардом Рэйновотером. Я и раньше пытался добиться его расположения, но тогда он мне отказал. На этот раз он принял предложение. Ричард согласился найти половину необходимых средств, когда я найду вторую половину и сделаю его друга, Расти Роуза, соуправляющим.

Я поехал на встречу с Расти в гольф-клуб «Брук Холлоу» в Далласе. Он выглядел застенчивым парнем. Он никогда не увлекался бейсболом, но зато мог управляться с финансами. Мы говорили о нем как о парне внутри команды, который будет иметь дело с ее членами. Обо мне мы говорили как о человеке, который должен будет иметь дело с общественностью.

Вскоре после этого мы с Лорой оказались на благотворительном приеме. Ходили слухи относительно наших планов по покупке команды, и какой-то случайный знакомый на мероприятии потянул меня в сторону и шепнул: «Ты знаешь, что Расти Роуз сумасшедший? Тебе бы лучше посмотреть за ним». Сначала я воспринял это как простую болтовню. Но потом я забеспокоился. Что означает «сумасшедший»?

Я позвонил Ричарду и рассказал ему, что слышал. Он предложил мне самому поговорить с Расти, но мне было неловко. Я едва знал этого парня и собирался расспрашивать его о психической стабильности? Я увидел Расти этим же вечером. Как только я зашел в конференц-зал, он подошел ко мне и спросил: «Я понимаю, что у тебя есть какая-то проблема по поводу моего психического состояния. Я хожу к психоаналитику. Я когда-то действительно болел. И что с того?»

Из этого следовало, что Расти не был сумасшедшим. Это была его попытка рассказать правду о том, что он страдал от химического дисбаланса, который при неправильном лечении может вызывать чувство беспричинного страха. Я чувствовал себя таким жалким. Я извинился.

Мы с Расти попытались выстроить дружеские отношения. Он помог мне понять, как депрессия, недуг, который, как я позже узнал, беспокоил маму в течение какого-то периода времени, может быть вполне управляе-

мой при правильном лечении. Два десятка лет спустя я буду стоять в Овальном кабинете вместе с сенаторами Питом Доменичи и Тедом Кеннеди и подписывать законопроект, обязывающий страховые компании покрывать расходы пациентов на лечение психических болезней. Как только я это сделал, я подумал о своем друге Расти Роузе.

Вместе с Расти и Ричардом, костяком нашей руководящей группы, мы были утверждены в качестве покупателей¹. Эдди Чайлз решил, что представит нас команде в качестве новых владельцев в день открытия сезона главной бейсбольной лиги в 1989 году. Мы вышли из-под козырька, прошли через сочный зеленый газон прямо к месту, где располагается питчер, там мы присоединились к Эдди и легендарному тренеру «Ковбоев» из Далласа Тому Лэндри, который и сделал первый бросок. Я повернулся к Расти и сказал ему: «Лучше не бывает».

В течение следующих пяти сезонов мы с Лорой посещали по 50 или 60 игр в год. Мы видели множество побед, терпели долю поражений и получали удовольствие от бесчисленных часов, проведенных рядом друг с другом. Мы как можно чаще брали девочек с собой на весенние тренировки и в парк. Я часто выступал, чтобы увеличить продажи билетов, всячески расхваливая клуб местным СМИ. С течением времени я стал увереннее чувствовать себя за кафедрой. Я научился общаться с толпой и делать четкие сообщения. Я также получил ценный опыт, отвечая на жесткие вопросы журналистов, касающихся по большей части нашей нестабильной ротации питчеров.

Работа с «Рейнджерами» отточила мои управленческие навыки. Мы с Расти проводили время, решая главные финансовые и стратегические задачи, все решения относительно бейсбола мы доверили людям от бейсбола. Когда кто-то не справлялся, мы делали кадровые перестановки. Было очень непросто просить уйти таких достойных людей, как, например, Бобби Вэлентайн, энергичный тренер, ставший моим близким другом. Бобби справился с этим, как настоящий профессионал. Я был очень признателен ему, когда годы спустя услышал его слова: «Я голосовал за Джорджа Буша, даже несмотря на то, что он меня уволил».

¹ Я особенно благодарен главе бейсбольной лиги Питеру Уэббероту, президенту Американской лиги Бобби Брауну и Джерри Рейнсдорфу из «Чикаго Уайт Сокс» за помощь в ведении процесса покупки.

Когда мы с Расти только вступили в должность, «Рейнджеры» семь раз из последних девяти сезонов заканчивали турнир с отрицательной разницей побед и поражений. В наши первые пять сезонов четыре выигрывали с положительной разницей. Совершенствование на поле увеличилось по сравнению со стадионом. Экономика бейсбола все еще была довольно тяжелой для команды с низким бюджетом.

Мы с Расти поняли, что усовершенствование нашего стадиона станет лучшим способом увеличить ценность франшизы в далекой перспективе. «Рейнджеры» были командой из главной лиги, игравшей на маленьком стадиончике. Мы разработали систему притока капиталов из частных и государственных источников для финансирования строительства нового стадиона. У меня не было возражений против временного увеличения налога с продаж для оплаты строительства стадиона, когда местные жители сами за это проголосовали. Они приняли этот вариант большинством в две трети.

Огромное спасибо Тому Шифферу, бывшему члену Палаты представителей штата, проделавшему огромный объем работы, контролировавшему проект нового стадиона. Позже я попросил его стать послом в Австралии и Японии. Новый красивый стадион был готов ко дню открытия бейсбольной лиги 1994 года. В течение последующих лет миллионы техасцев приходили смотреть игры на новом месте. Знать, что я был частью команды, сделавшей это возможным, было очень приятно. Хотя к тому времени я думал не только о разгаре чемпионата.

Вскоре после покупки «Рейнджеров» в 1989 году началась кампания по выборам губернатора Техаса в 1990 году. Несколько моих друзей предложили мне участвовать в ней. Я был польщен, но никогда не рассматривал этот вопрос всерьез.

Большая часть моей политической деятельности была ориентирована на отца. В течение первых же месяцев его президенства произошли глобальные изменения в мире. В ноябре 1989 года пала Берлинская стена. Я восхищался тем, как отец справился с этой ситуацией. Он знал, что игра на публику может быть воспринята как нежелательная провокация Советов, которым необходимо было время и пространство, чтобы совершить мирный переход от коммунизма.

Благодаря отцовской дипломатии в конце холодной войны и его жесткой реакции на агрессию в Панаме и Ираке, страна демонстрировала огромное доверие к решениям Джорджа Буша в области внешней политики. Но я был обеспокоен состоянием экономики и темпами ее роста, замедлившимися в 1989 году. К 1990 году я стал опасаться начала рецессии. Я ликвидировал свои скудные вклады и погасил кредит, который взял, чтобы выкупить свою долю в «Рейнджерах». Я надеялся, что любой спад закончится быстро, как для страны в целом, так и для отца.

Между тем отец должен был решить, стоит ли ему переизбираться на новый срок. «Сынок, я не уверен, что должен опять участвовать в выборах», — сказал он мне, когда мы были вдвоем на рыбалке в Мэне летом 1991 года.

«Серьезно? — спросил я. — Почему?»

«Я чувствую ответственность за то, что случилось с Нилом», — ответил он.

Мой брат Нил входил в состав управляющего совета Сильверато, рухнувшего сберегательного и кредитного учреждения в Колорадо. Отец верил, что Нил подвергся жесткому давлению со стороны прессы из-за того, что он сын президента. Я очень переживал за Нила и разделял отцовскую боль. Но страна нуждалась в лидерстве Джорджа Буша. И я почувствовал облегчение, когда отец сообщил семье, что у него хватит запала еще для одной предвыборной гонки.

Попытка переизбрания началась неудачно. Первое правило в избирательной политике: нужно объединить свой электорат. Но в 1992 году весь электорат отца был разрушен. Главной причиной этого стало невыполнение обещания не поднимать налоги — та самая, получившая дурную славу, фраза «читайте по губам» из его речи на съезде в 1988 году. Отец принял предложение Демократического конгресса увеличить налоги в обмен на сдерживание государственных расходов. Он совершил политическую ошибку, несмотря на то что его решение принесло реальную выгоду стране.

Пэт Бьюкенен, крайне правый публицист, был противником отца на праймериз в Нью-Хэмпшире. Он выбыл из борьбы, набрав всего 37 % голосов — это было довольно серьезное протестное голосование. Что еще хуже, миллиардер из Техаса Росс Перо решил начать кампанию как представитель третьей партии. В своей речи он ратовал за сбалансированный федеральный бюджет и протекционизм со стороны государства в торговой сфере, он ориентировался на разочаровавшихся консерваторов. Один из его цент-

ров предвыборной кампании находился через дорогу от моего офиса в Далласе. Когда я смотрел в окно, я как будто видел результаты ежедневных опросов общественного мнения. Кадиллаки и спортивные машины выстраивались в ряд, чтобы получить наклейки на капот или сувениры. Я понимал, что отцу придется вести борьбу на два фронта, чтобы переизбираться. На одном фланге был Перо, на другом представитель демократов.

К весне 1992 года было уже ясно, кто будет этим представителем — губернатор Арканзаса Билл Клинтон. Клинтон был на 22 года младше отца и на шесть недель младше меня. Предвыборная кампания ознаменовала начало эры нового поколения в американской политике. До этого момента каждый президент, начиная с Рузвельта, принимал участие во Второй мировой войне либо простым военным, либо в качестве главнокомандующего. К 1992 году бэби-бумеры¹ и те, кто помоложе, составили большую часть электората. Естественно, они стремились поддержать представителя своего поколения. Клинтон был достаточно умен, чтобы держаться подальше от вопросов относительно успешной папиной внешней политики. Он осознавал, что в стране существуют проблемы экономического плана и без умолку повторял фразу: «Главное — экономика».

В течение всего года выборов я находился с отцом в тесном общении. В начале лета 1992 года кампания не пользовалась большой популярностью. Я посоветовал отцу предпринять довольно смелый шаг, чтобы оживить практику соперничества на выборах. Одним из таких шагов мог бы стать поиск нового кандидата на место вице-президента вместо Дэна Куэйла, которого я любил и уважал. Я предложил отцу, чтобы он рассмотрел в этом качестве кандидатуру министра обороны Дика Чейни. Дик был умным, серьезным, опытным и крепким человеком. Он блестяще справлялся со своими обязанностями, когда осуществлял контроль за вооруженными силами в ходе освобождения Панамы и во время войны в Персидском заливе. Отец отказался. Он посчитал, что это решение будет выглядеть не обоснованным и смутит Дэна. Глядя в прошлое, я не думаю, что с другим напарником у отца все получилось бы лучше. Но я так полностью и не отказался от идеи тандема Буш — Чейни.

¹ Люди, которые родились во время демографического всплеска после Второй мировой войны.

Одну перестановку отец все-таки осуществил, когда привел обратно в Белый дом госсекретаря Джеймса Бейкера и назначил его на должность главы администрации президента. С Бейкером у руля кампания стала протекать более гладко. Избиратели стали фокусировать внимание на противостоянии Буша и Клинтона. Разрыв в опросах стал сокращаться. Тогда, за четыре дня до выборов, Лоуренс Уолш, прокурор, расследовавший политический скандал 1986 года, когда некоторые члены администрации Рейгана организовали поставки оружия в Иран, нарушая тем самым эмбарго против этой страны, выступил с заключительным обвинением в адрес бывшего министра обороны Каспара Уайнбергера. Обвинение стало главной новостью и замедлило темпы предвыборной кампании. Адвокат-демократ Роберт Беннет, представлявший интересы Капа (Каспара), позже назвал это обвинение «одним из крупнейших злоупотреблений власти прокурора, с которым он когда-либо сталкивался». Слишком много независимости для независимого адвоката.

Перед самым началом выборов мой брат Марвин предложил мне поучаствовать в кампании отца, чтобы поддержать его. Я согласился сделать это, несмотря на то что я сам был далеко не в оптимистичном настроении. Особенно меня раздражала пресса, которая, по моему мнению, поддерживала Билла Клинтона. Во время одного из последних перерывов перед выборами двое репортеров подошли ко мне у трапа Борта № 1. Они спросили меня об обстановке на борту. Удачным с политической точки зрения ответом должна была стать какая-нибудь банальная фраза, вроде: «Он чувствует, что сможет покорить эту вершину». Вместо этого я дал волю своим чувствам. Я сказал репортерам, что считаю их статьи предвзятыми. Мой тон был суровым, и я был довольно груб. Это была не единственная подобная ситуация во время той кампании. Я приобрел репутацию «горячей головы» в прессе, и я это заслужил. Чего пресса не понимала, так это того, что мои вспышки гнева были вызваны любовью к отцу, а не политическими интригами.

Наступила ночь выборов, и отец проиграл. Билл Клинтон одержал победу, получив 46 % голосов. Результат отца — 37,4 %. Росс Перо получил 18,9 %, в которые вошли миллионы голосов, которые при ином раскладе должны были достаться Джорджу Бушу. Отец справился с поражением с достоинством для него благородством. Рано утром он позвонил Биллу Клинтону,

чтобы поздравить его с победой, тем самым заложив основы принципиально новых отношений в американской политической истории.

Отец был воспитан как настоящий спортсмен. Он ничего не выиграл в своем поражении. Но я знал, что ему больно. Все это послужило для него печальным опытом. 1992 год стал одним из худших периодов в моей жизни, когда я осознал, что он проиграл.

Наутро после выборов мама сказала: «Хорошо, что все позади. Пришло время двигаться вперед». К счастью для меня, бейсбольный сезон всегда был близок. Я тренировался, чтобы принять участие в Хьюстонском марафоне, который я пробежал 24 января 1993 года — через четыре дня после того, как отец покинул свой пост. Я придерживался своего темпа, 8 минут 33 секунды на одну милю, когда на девятнадцатой миле пробежал мимо церкви, где находились мои родители. В 9:30 служба в церкви закончилась, и моя семья уже стояла на обочине. Это стало для меня дополнительным источником сил. Отец меня поддерживал привычным способом. «Это мой сын!» — кричал он. У мамы подход был иной. Она давала указания: «Продолжай двигаться, Джордж! Там какие-то толстяки опережают тебя!» Я завершил забег с результатом 3 часа 44 минуты. После финиша я чувствовал себя на десять лет моложе, а на следующее утро — на десять лет старше.

Также как когда-то бег помог мне избавиться моего тела от алкоголя, марафон помог мне избавиться от разочарования, которое я испытал в 1992 году. Когда боль стала утихать, его заменило новое чувство: сильное желание снова баллотироваться на пост.

Я шел к этому решению постепенно. Когда мы с Лорой в 1988 году вернулись обратно в Техас, я стал лучше осознавать проблемы, которые накопились в штате. Наша система образования имела множество недостатков. Дети, не умевшие читать или считать, терлись в этой системе, и никто не переживал по этому поводу и не отслеживал подобные факты.

Правовой климат в нашем штате также оставлял желать лучшего. После громких дел и суровых решений суда присяжных адвокаты теряли работу. Росла преступность среди подростков. Меня сильно беспокоили проблемы культуры, где царили лозунги типа «если после этого тебе хорошо, сделай это» или «если у тебя есть проблема, обвиняй в этом кого-нибудь другого».

Последствия подобного подхода удручали. Много детей рождались вне брака. Все больше отцов отказывались от ответственности за них. Система социальной поддержки лишала родителей всяческого стимула к поиску работы.

Опыт, полученный мною во время выборных кампаний отца и в период руководства «Рейнджерами», расширил мои политические, управленческие и коммуникационные навыки. Женитьба и появление семьи увеличили мои возможности, и теперь отец ушел из политики. Разочарование, которое я испытал сразу же после его поражения, впоследствии способствовало некоторому моему внутреннему освобождению. Отныне я мог заявить о своих собственных политических взглядах, без оглядки на отца. Я не должен был теперь волноваться, что мои действия каким-либо образом повлияют на его президентскую карьеру.

Больше всего меня волновал вопрос о том, как включиться в этот процесс. Я спросил совета у своего близкого друга, политического стратега Карла Роува. Впервые мы повстречались с Карлом в 1973 году, когда мой отец был председателем Республиканского национального комитета, а Карл был главой организации «Республиканцы из колледжей». Я предполагал, что он будет одним из тех кампусных политиков, что вызывали у меня неприязнь в Йеле. Вскоре я понял, что Карл совершенно другой. Он не был самодовольным или самоуверенным, и уж точно не был типичным учтивым руководителем предвыборных кампаний. Он был похож на сумасшедшего ученого, случайно попавшего в политику, — смешной интеллектuala, фонтанирующий идеями.

Никто из тех, кого я знал, не читал так много литературы по истории и не впитывал ее столь глубоко, как делал это Карл. Я говорю это с уверенностью, потому что сам пытался не отставать от него. Несколько лет назад мы с Карлом приготовились посоревноваться друг с другом в чтении. Я быстро захватил лидерство. Тогда Карл обвинил меня в том, что я добился преимуществ нечестным способом, отбирая для себя более короткие тексты. С того момента мы стали меряться не только количеством прочитанных книг, но также и количеством страниц, скрупулезно подсчитывая даже общую площадь прочитанного. К концу года мой друг утер мне нос по всем показателям¹.

¹Итоговый результат был таковым: 110 книг против 95, 40 347 страниц против 37 343 и 2 275 297 квадратных дюймов против 2 032 083 в общем.

Карл не просто накалывал меня, он использовал меня. Он изучал избирательную стратегию Уильяма Мак-Кинли 1896 года. В 1999 году он предложил мне организовать схожую кампанию. Этот подход оказался мудрым и эффективным. Я сожалел о том, что мне не удалось поработать с Карлом в 1978 году, когда я предпринял попытку избраться в Конгресс. Больше я такой ошибки не совершал.

В 1993 году мы с Карлом разглядели некую возможность. Все знали, что губернатор Техаса Энн Ричардс гарантированно будет переизбрана на повторный срок в ноябре следующего года. Первая женщина в качестве губернатора Техаса, начиная с 1930-х годов, Энн Ричардс считалась политическим первопроходцем. Она имела широкую поддержку среди демократов по всей стране и, по всеобщему мнению, серьезный шанс однажды стать президентом или вице-президентом.

Все говорили, что губернатор очень популярна в массах, но мы с Карлом считали, что она не сильно преуспела на этом поприще. Карл рассказывал мне о своих исследованиях, показавших, что многие техасцы — даже из числа демократов — открыты для тех, у которых есть серьезная программа по улучшению ситуации в штате. Именно об этом я и думал.

Весной 1993 года Энн Ричардс представила свой проект комплекса мер по финансированию школ. С иронией прозванный «планом Робин Гуда», ее план предусматривал перераспределение средств из более богатых районов в более бедные. Проголосовавшие отвергли его значительным большинством. Когда мы с Лорой смотрели результаты голосования той ночью, мы услышали интервью с Энн Ричардс. Она была разочарована отклонением мер по финансированию школ и с сарказмом заметила: «Мы все с нетерпением ожидаем любых реалистичных предложений и идей».

Я повернулся к Лоре и сказал: «У меня есть решение. Я могу побиться за пост губернатора». Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего. «Ты шутишь?» — спросила она. Я ответил, что говорю вполне серьезно. «Но у нас такая прекрасная жизнь», — сказала она. «Ты прав», — ответил я. Нам действительно было очень комфортно в Далласе. Мне нравилась моя работа в «Рейнджерах». Наши девочки преуспевали. Но я уже однажды совершил политическую ошибку, и мы оба знали об этом.

Когда я поднимал тему губернаторских выборов, я всегда слышал одно и то же: «Энн Ричардс, конечно, популярна». Я спросил совета у ряда бывших политических стратегов отца. Они вежливо посоветовали мне подождать несколько лет. Когда я решил участвовать в выборах, весьма кстати вспомнились мамины слова: «Джордж, ты не сможешь победить».

Положительный момент состоял в том, что на поле республиканцев практически не было игроков. Никто не хотел состязаться с Ричардс, поэтому я мог сразу же направить все внимание на основные выборы. Я придерживался оптимистичного взгляда на проблемы штата. Я сосредоточил свое внимание на четырех первоочередных задачах: образование, правосудие по делам несовершеннолетних, реформы системы социального обеспечения и реформа деликтного права.

Мы собрали квалифицированную и умелую команду для проведения кампании¹. Я нанял двух исключительных профессионалов. Первым был Джо Олбо, импозантный мужчина с короткой стрижкой и осанкой сержанта, занимавший должность главы администрации губернатора Оклахомы Генри Беллмона. Я пригласил Джо участвовать в кампании, и он проделал отличную работу, взвалив на себя организационные вопросы.

Мы также наняли нового директора по связям Карен Хьюз. Впервые я встретил Карен на съезде нашей партии в 1990 году. «Я проинструктирую вас о ваших обязанностях», — сказала она твердо. После этого она принесла мне список с моими обязанностями. Не было никаких сомнений в том, что эта женщина — добросовестный и ответственный работник. Когда она сказала мне, что ее отец был генералом с двумя звездами на погонах, я был доволен.

¹ Команда включала в себя моего друга Джима Френсиса в качестве председателя; Дона Эванса, как финансового директора; Карла Роува, как главного стратега; юриста Вэнса Мак-Махона, выпускника Стэнфорда, в качестве ответственного за политический урс; бывшего сотрудника Ассоциации школьных советов Техаса Маргарет Ле Монган, как политического руководителя; Дэна Бартлетта, недавнего выпускника университета Техаса, возглавившего команду по связям, и Израэля Эрнандеса, усердно работающего выпускника университета Техаса, который, будучи нашим помощником в разъездах, снимал с меня и Лоры напряжение.

Я не терял связи с Карен и после съезда. Она была весьма дружелюбной личностью с заразительным смехом. Как бывший корреспондент, она хорошо знала СМИ и умела выражать свои мысли. Ее присутствие на моем выступлении с речью осенью 1993 года стало для меня хорошим знаком. Ее было легко заметить, так как у нее на плечах сидел ее сын Роберт. Карен во многом была на меня похожа — для нее семья стояла на первом месте. Тот день, когда она согласилась участвовать в моей кампании, стал одним из лучших в моей политической карьере.

Как только я начинал волноваться в ходе кампании, СМИ сразу же начинали интересоваться этим. Журналисты знали о моей репутации «горячей головы», и среди них, говорят, даже шла оживленная дискуссия относительно того, когда же я взорвусь. Энн Ричардс прилагала все усилия, чтобы вывести меня из себя. Она называла меня «каким-то идиотом» и «кустом», но я не собирался на это реагировать. Многие не могли понять, что между кампанией моего отца и моей собственной кампанией существовала огромная разница. Будучи сыном кандидата в президенты, я должен был быть эмоциональным и отстаивать позиции Джорджа Буша любой ценой. Будучи сам кандидатом, я понимал, что должен быть сдержанным и дисциплинированным. Избирателям не нужен был лидер, впадающий в ярость по любому поводу и грубящий во время дебатов. Лучшим опровержением нападок могла стать только победа на выборах.

В середине октября мы с Энн Ричардс встретились на телевизионных дебатах. Я изучал книги с возможными вопросами и практиковался во время тренировочных дебатов. За неделю до дебатов я наложил табу на все возможные советы. Я когда-то был свидетелем приготовлений отца к дебатам. Я знал, что кандидат может запутаться в решениях, которые он принимает в последнюю минуту. Моим любимым слоганом было «Просто будь собой». Я не шучу. Я распоряжался, чтобы все советы по поводу дебатов проходили через Карен. Если она считала их целесообразными, то принимала их. А я должен был сохранять ясный ум.

В ночь дебатов мы с Карен ехали в лифте, когда в него вошла Энн Ричардс. Я пожал ей руку и сказал: «Удачи, губернатор». Своим жестким голосом она ответила: «Тебе будет трудно, парень».

Эффект был противоположен тому, какой она ожидала. Она, конечно, пыталась напугать меня, я, напротив — предположил, что она чувствует в

мнен лице «напастность». Я широко улыбнулся ей, и дебаты прошли хорошо. Я в своей жизни видел достаточно политиков, чтобы понять, что невозможно в действительности выиграть в дебатах. Ты только можешь проиграть, если скажешь что-нибудь глупое или будешь выглядеть нервным или уставшим. Именно поэтому я не выглядел ни уставшим, ни нервным. Я сделал свое дело уверенно и избежал серьезных оплошностей.

Как всегда и бывает, последние недели принесли несколько сюрпризов. Росс Перо принял участие в выборах, поддержав кандидатуру Энн Ричардс. Это не беспокоило меня. Я всегда считал, что значение поддержки в политике переоценено. Она редко помогает, а иногда даже наносит ущерб. Я сказал репортеру: «Она может забирать Росса Перо. Я возьму Нолана Райана¹ и Барбару Буш». Я, естественно, умолчал о том, что мама продолжала сомневаться в моей победе.

Я приободрился только тогда, когда увидел результаты выборов. Мы добились успеха, позже газета *Dallas Morning News* охарактеризует нашу победу как «невероятную». *New York Times* назвал это «ошеломляющим разочарованием». Отец позвонил мне в отель *Marriott* в Остине, где собрались мои сторонники. «Поздравляю, Джордж, с большой победой, – сказал он. – Видимо, Джеб проиграл».

Я переживал за Джеба, который работал над этим очень много и заслуживал победы. Но ничто не могло ослабить того трепета, который я испытывал, когда направлялся в главный зал *Marriott*, чтобы произнести свою победную речь.

Инаугурация состоялась 17 января 1995 года. Пока я готовился к церемонии в своем номере отеля, мама вручила мне конверт. Внутри лежали записки и письмо от отца:

«Дорогой Джордж,

Эти записки являются моей самой ценной собственностью. Они были подарены мне 9 июня моими родителями, в тот день 1943 года,

Нолан Райан – прославленный американский бейсболист, сейчас является владельцем команды «Техасские Рейнджеры».

когда я получил письмо именно от моего друга и Карлоса Кастельи. Теперь я хочу, чтобы они были у тебя. Ах, ты и получил свой личный военно-воздушный знак, когда закончил университет, ты даже "получаешь свой значок", т. е. приносивший присягу на должность губернатора».

Он писал о том, насколько гордится мной, и о том, что я всегда могу рассчитывать на их с мамой любовь. Он завершил свое письмо словами:

«Ты дал нам даже больше, чем мы могли заслужить. Ты пожертвовал многим ради нас. Ты подарил нам свою непоколебимую преданность и привязанность. Теперь наша очередь».

Отец не такой человек, который может в лицо сказать что-то подобное. Но писать письма было в его стиле, и его слова многое для меня значили. В то утро я почувствовал мощную связь с семейной традицией служения народу, которую я теперь мог продолжить.

Будучи губернатором, мне не требовалось много времени, чтобы составить план своих действий. Я потратил целый год, рассказывая всем, чем именно хочу достичь. Я всегда верил, что основные принципы кампании заключаются не в том, чтобы быть избранным, важнее то, что ты хочешь сделать на своем посту.

У меня была другая причина торопиться. В Техасе законодательный орган созывается лишь на 140 дней каждые два года. Моей целью было протолкнуть все мои четыре политические инициативы через обе палаты в течение первой сессии.

Чтобы воплотить эти планы в жизнь, мне необходимо было иметь хорошие связи с законодателями. Начать нужно было с вице-губернатора, который в своем штате является главой Сената, различных комитетов и решает, какой законопроект будет рассматриваться. Он избирается отдельно от самого губернатора, и это означает, что возможны такие ситуации, когда два главных должностных лица представляют противоположные партии – именно так у нас и получилось – у вице-губернатора Боба Баллока и у меня.

Баллок был легендарной политической фигурой в Техасе. Он занимал влиятельный пост финансового директора в штате в течение 16 лет, пока не был избран на пост вице-губернатора в 1990 году. Он умело управлял Сенатом. Его бывшие сотрудники и друзья состояли в различных органах власти, и это позволяло ему всегда быть в курсе дел. Баллок имел возможность сделать мою жизнь несчастной. С другой стороны, если бы я сумел его убедить работать со мной, он стал бы бесценным союзником.

За несколько недель до выборов Джо Олбо предложил мне встретиться с Баллоком, не афишируя это. Тихим вечером мне удалось ускользнуть от всех и улететь в Остин. Жена Баллока Джен открыла дверь. Она была красивой женщиной с теплой улыбкой. Затем появился и сам Баллок. Он был худощавым человеком и имел изрядно потрепанный вид. Он был женат на четырех женщинах пять раз. Джен была его последней любовью и любовью всей его жизни. На ней он женился только раз. В одно время у него были серьезные проблемы с алкоголем. Популярна была история, как он напился и стрельнул из своего пистолета в общественный писсуар. Он непрерывно курил, даже несмотря на то что когда-то потерял часть легкого. Он протянул свою руку и сказал: «Я Баллок. Заходите».

Он провел меня в свой рабочий кабинет. Комната выглядела, как научная библиотека. На столе лежали стопки документов, докладов и различных данных. Баллок бросил тяжелый файл на стол передо мной и сказал: «Это доклад о правосудии по делам несовершеннолетних». Он знал, что моя кампания пропагандировала реформу правосудия по делам несовершеннолетних, и предложил мне подумать над некоторыми из его идей. Затем он кинул подробный доклад относительно образования и реформы системы социального обеспечения. Мы разговаривали в течение трех или четырех часов. Баллок поддерживал Энн Ричардс, но дал мне понять, что в случае моей победы будет работать и со мной.

Другим ключевым игроком в области законодательства был спикер Палаты представителей Пит Лэйни. Как и я, Пит был родом из Западного Техаса. Он был хлопковым фермером из Хэйл Сентера, сельского городка между Луббоком и Амарилью, который я посещал во время своей предвыборной кампании в 1978 году. Пит был сдержанным парнем. В то время как Баллок стремился раскрыть все свои карты – а иногда кидал и тебя и

всю колоду – Лэйни держал свои при себе. Он был демократом, и имевшим союзников с обеих сторон.

Вскоре после того как я занял свой пост, Пит и Боб согласились завтракать со мной раз в неделю. Во-первых, совместная трапеза была хорошим шансом обмениваться историями и должна была помочь мне узнать побольше о законодательстве. Когда законопроекты начали проходить через систему, эти завтраки превратились в важные стратегические встречи. В течение двух месяцев сессии Баллок протолкнул некоторое количество весьма важных законопроектов через Сенат. Большинство из них застряли в очереди в Палате представителей.

Баллок хотел реальных действий и дал понять это Лэйни. В то время когда я ел блины, бекон и пил кофе на завтрак, Лэйни спокойно сказал вице-губернатору, что его законопроекты скоро будут приняты. Баллок кипятился. Вскоре он вскипел окончательно. Он посмотрел прямо на меня и закричал: «Губернатор, я тр**ну тебя. Я собираюсь выставить тебя полным идиотом».

Я подумал секунду, встал, подошел к Баллоку и сказал: «Если ты собираешься меня тр**нуть, тебе лучше сначала поцеловать меня». Я в шутку обнял его, но он вывернулся и вылетел из комнаты. Мы с Лэйни дружно засмеялись. Мы оба понимали, что тирада Баллока не была направлена против меня. Это был лишь способ сообщить Лэйни, что пришло время наконец-то провести его законопроекты через Палату представителей.

Оказало ли какое-нибудь воздействие обращение Баллока на Лэйни – я уже никогда не узнаю. Но когда мы все трое приложили свои усилия, законодательство в сфере образования, правосудия по делам несовершеннолетних и реформы системы социального обеспечения стали продвигаться быстрее. Самой трудной задачей в моей программе была реформа деликтного права. Самой главной задачей было сокращение числа бессмысленных судебных дел, что позволило бы сократить отток квалифицированных специалистов из штата. Но существовали серьезные противники со стороны судебных юристов, обладавшие влиянием и имевшие хорошее финансирование. У меня был союзник в лице Дэвида Сибли, сенатора-республиканца штата Уэбба и председателя комитета, курировавшего этот вопрос.

Однажды вечером в начале законодательной сессии я пригласил Дэвида на ужин. Мы едва приступили к трапезе, как ему позвонил Баллок.

Я слушал, как разворачивается односторонняя беседа. Дэвид то кивал, то молча слушал с каменным лицом, говорил исключительно вице-губернатор. Потом он сказал: «Он сидит тут. Не хотите с ним поговорить?» Баллок хотел еще кое-что сказать. Я взял трубку.

«Почему вы блокируете реформу деликтного права? Я думал, что все будет в порядке. Но нет, ты оказался тупым губернатором!» Баллок прокричал пару нецензурных фраз и бросил трубку. Дэвид знал, что произошло. Он видел это и раньше, но не был уверен, что я правильно отреагирую на это. Я громко рассмеялся. Баллок был грубым и жестким, но у меня было ощущение, что эта буря скоро пройдет.

Когда Дэвид понял, что я выдержу эту взбучку, мы перешли к законопроекту о реформе деликтного права. Наши позиции расходились только в отношении размера штрафа. Я настаивал на пределе в размере 500 тыс. долларов, Баллок требовал 1 млн долларов. Дэвид сказал, что если он получит соглашение относительно данного пункта, остальные пять законопроектов по деликтному праву, являвшиеся частью всего комплекса реформ, будут продвигаться быстрее. Он предложил компромисс: порог в 750 тыс. долларов. Без сомнения, это должно было усовершенствовать систему. И я согласился.

Дэвид позвонил Баллоку и сообщил ему о соглашении. Этот разговор был намного короче, но закончился тем, что Сибби опять передал мне трубку. «Губернатор Буш, — как всегда официально начал Баллок, — ты будешь чертовски хорошим губернатором. Спокойной ночи».

В 1996 году Лора удивила меня, устроив вечеринку в губернаторском особняке в честь моего пятидесятилетия. Она пригласила членов нашей семьи и друзей из Мидленда, Хьюстона и Далласа; однокурсников из Эндовера, Йеля и Гарварда и политических соратников из Остина, включая Баллока и Лэйни. Лора была не единственным человеком, приготовившим мне сюрприз. Как только солнце село, начались тосты. Баллок взял в руки микрофон. «С днем рождения, — сказал он с улыбкой. — Ты чертовски хороший губернатор». Он продолжил: «А еще, губернатор Буш, ты будешь следующим президентом Соединенных Штатов».

Президение Баллока шокировало меня. Я был губернатором всего 18 месяцев. Президент Клинтон все еще находился на своем первом сроке.

Я едва думал о том, чтобы переизбираться в 1998 году. И тут Баллок говорит о 2000 году. Я не воспринял его слова слишком серьезно; Баллок всегда пытался провоцировать меня. Но его комментарий вдохновил меня на интересную мысль. За десять лет до этого я отмечал свой сороковой день рождения пьянкой в Бродмуре. Сейчас на дужайке у особняка губернатора Техаса за меня провозгласили тост как за следующего президента США. Прошло всего 10 лет.

Между тем шла президентская кампания. Республиканская партия выдвинула сенатора Боба Дойла, героя Второй мировой, имевшего внушительный послужной список в законодательной сфере. Я восхищался сенатором Дойлом. Я считал, что он станет выдающимся президентом, и усердно агитировал за него в Техасе. Но я боялся, что наша партия не осознает политических уроков 1992 года, связанных со сменой поколений: если избиратели выбрали президентом бэби-бумера, они не захотят возвращаться назад. Действительно, сенатор Дойл был поддержан в Техасе, но президент Клинтон в итоге переизбрался на второй срок.

Я встретил 1998 год будучи уверенным в своих результатах. Я выполнил каждую из четырех своих первоочередных задач, которые я планировал в течение своей первой предвыборной кампании. Мы сумели добиться самого серьезного снижения налогов в Техасе за всю его историю, а также облегчили процесс усыновления детей, находящихся на временном воспитании. Многие из этих законов спонсировались и поддерживались демократами. Я также имел честь получить поддержку в переизбрании на второй срок со стороны Боба Баллока, который до этого почти полвека поддерживал кандидатов от демократов. Я также был немного удивлен, узнав, что Баллок — крепкий отец ребенка одного из моих оппонентов.

Я усердно занимался своей кампанией. В ночь выборов я набрал 68 % голосов, включая 49 % голосов латиноамериканцев, 27 % голосов афроамериканцев и 70 % голосов независимых избирателей. Я был первым человеком, сумевшим стать губернатором Техаса два четырехлетних срока подряд.

В ту ночь я также следил за другими выборами. Джеб с убедительным преимуществом стал губернатором Флориды. В январе 1999 года я поехал на его инаугурацию, которая сильно сдружила нас. Такого не было последние 25 лет со времен Нельсона и Вина Рокфеллеров, которые одновремен-

но занимали посты губернаторов. Это был чудесный момент для нашей семьи. Также это было время, когда следовало подумать о своем будущем. Я думал над важным вопросом.

Решение бороться за пост президента зрело во мне в течение долгого времени. Многие призывали меня баллотироваться на этот пост — некоторые ради блага страны, другие из-за личных амбиций. Я все время слышал одну и ту же фразу: «Ты можешь победить на выборах. Ты можешь стать президентом». Я был польщен подобным доверием. Но мое решение должно было основываться не на прогнозах окружающих о возможности моей победы. В конце концов, мне говорили, что я никогда не смогу выиграть у Энн Ричардс. Главный вопрос заключался в другом — чувствую ли я сам желание участвовать в выборах?

Пока я обдумывал это решение, передо мной стояла дилемма. Из-за масштабов и сложности проведения президентской кампании необходимо было начинать планировать ее заранее, даже если ты еще не уверен, будешь ли ты участвовать в выборах. Я уполномочил Карла приступить к выполнению канцелярской работы и начать нанимать людей, которые смогут найти деньги и позаботиться о первичных политических операциях. Как только процесс начался, появилось чувство необратимости. В октябре 1998 года я сообщил обозревателю *Washington Post* Дэвиду Бродеру, что чувствую себя, как «поплавок в бушующей реке». Когда я через месяц переизбрался на второй срок, течение только усилилось.

Я был настроен не перегружаться эмоционально. Если я собирался принять участие в борьбе, то хотел, чтобы для этого была достаточно веская причина. Я не могу точно сказать, когда именно я принял решение, но иногда возникали моменты прояснения. Один из них случился во время моей второй губернаторской инаугурации. Утром мы присутствовали на служении в Первой Объединенной методистской церкви, которая располагалась в деловой части Остина. Для чтения проповеди мы с Лорой пригласили преподающего Марка Крейга, нашего друга и пастора из Далласа.

Я старался сосредоточиться на инаугурации, но не мог. Как только мы вошли в церковь, я сказал маме, что я не могу решить, участвовать мне или нет в президентской гонимости.

«Джордж», — сказала она, — преодолей это. Решись и двигайся вперед». Это был дельный совет, но в тот момент он не слишком помогал мне.

Марк Крейг произвел на меня впечатление. В своей проповеди он говорил о Книге Исхода, когда Бог призвал Моисея к действию. Первой реакцией Моисея было сомнение: «Кто я такой, что должен пойти к фараону и вывести израильтян из Египта?» Он оправдывался всеми возможными способами. Он не вел совершенную жизнь; он не был уверен, что люди последуют за ним; он не мог даже ясно говорить. Все это было мне знакомо.

Марк описал Божье уверение, что у Моисея хватит сил для выполнения этой миссии. Затем Марк призвал прихожан к действию. Он объявил, что страна нуждается в моральном и этическом руководстве. Как Моисей, он подытожил: «У каждого из нас есть возможность сделать правильный выбор».

Был ли это ответ на мой вопрос? Я не слышал мистических голосов, нашепывающих мне что-либо на ухо, лишь высокий техасский голос Марка Крейга доносился из-за кафедры. Тогда мама наклонилась ко мне и четко произнесла: «Он говорит о тебе».

После службы я почувствовал себя по-другому. Напряженность улетучилась. Мной овладело спокойствие.

Мы с Лорой до этого в течение 18 месяцев обсуждали президентские выборы. Мы говорили обо всех плюсах и минусах. Она не пробовала отговаривать меня и не пыталась заставить. Она только терпеливо слушала и высказывала свое мнение. Я думаю, она всегда чувствовала, что я все-таки буду баллотироваться. Как она выразилась, политика была нашим семейным бизнесом. Она только хотела убедиться в том, что я принимаю решение самостоятельно, а не потому что меня к этому подталкивают другие.

Но если бы она возражала против моего участия в выборах и сказала бы мне об этом, я бы наверняка отказался от этой затеи. Пока она переживала по поводу нагрузки, которая ляжет на мои плечи в случае победы, но и разделяла мои надежды по поводу того, что я смогу бы руководить страной. Однажды ночью она улыбнулась и сказала: «Я в игре».

Рассказать о своих планах дочерям было еще более трудной задачей. Барбаре и Дженне было по 17 лет, они все чаще проявляли свой независимый характер, чем напоминали меня. С самого детства они просили меня

не участвовать в выборах — иногда в шутку, иногда всерьез. Одним из самых любимых выражений у них было: «Отец, ты проиграешь. Ты не настолько крут, как тебе кажется». Еще они спрашивали: «Почему ты хочешь разрушить нашу жизнь?»

Это было тяжело слышать отцу. Я не знаю, почему мои дочери думали, что я непременно проиграю, но уверен в том, что они действительно не хотели лишиться частной жизни. В один вечер я попросил Дженну выйти со мной на заднее крыльцо губернаторского особняка. Была прекрасная техасская ночь, и мы вдвоем сидели и разговаривали. Я сказал ей: «Я знаю, что ты думаешь, что, баллотирываясь на пост президента, я разрушаю твою жизнь. Но на самом деле мы с твоей матерью живем своей жизнью — так же как мы учили и тебя и Барбару жить».

Она сказала, что никогда не думала об этом. Понятие «жить своей жизнью» в полной мере относилось к ней, как, впрочем, и ко мне. Она не была в восторге, но именно с этого момента, я думаю, они с Барбарой стали меня понимать.

Десять лет спустя наши дочери оценили возможности, которые мы получили вместе с президентским постом. Они ездили с нами в зарубежные поездки, встречались с прекрасными и обаятельными людьми, такими как Вацлав Гавел и Элен Джонсон-Серлиф, а также смогли узнать много нового о государственной службе. В конечном счете во время президентского срока мы с Лорой видели Барбару и Дженну даже чаще, чем мы могли бы, если бы оставались в Техасе.

Одним из мест, где мы любили проводить свое время с дочерьми, был Кэмп-Дэвид. Летом 2007 года как-то на выходных мы пригласили Дженну и ее бойфренда Генри Хэгера, хорошего парня из Виргинии, с которым она познакомилась в ходе предвыборной кампании в 2004 году. За ужином в пятницу вечером он намекнул, что хотел бы поговорить со мной на следующий день. «Я буду ждать в три часа в президентском кабинете», — сказал я.

Генри явился в назначенное время. Было ясно, что он хорошо подготовился. «Господин президент, я люблю вашу дочь», — начал он свою трогательную речь. Через пару минут я перебил его. «Генри, мой ответ — да, я даю тебе свое разрешение», — сказал я. — А теперь пойдем к Лоре». Выражение его лица было странным, оно как будто говорило: «Секундочку, я еще не закончил свои тезисы!»

Лора была в таком же восторге, что и я. Генри поступил мудро, когда спросил также разрешения у Барбары. Через несколько недель, в Национальном парке «Акадия» в Мэне он сделал Дженне предложение. Они поженились на нашем ранчо в Кроуфорде в мае 2008 года. Свадебный алтарь был высечен из техасского известняка и установлен на полуостровке на нашем озере. А наш друг Кирбийон Колдвелл — чудесный пастор из Хьюстона — на закате дня провел свадебную церемонию. Невеста выглядела сногшибательно. Лора и Барбара сияли. Вести Дженну к алтарю было одной из самых больших радостей в моей жизни. Через 8 лет с начала моего президентского срока наша семья стала не только сильнее, но и больше.

После того как я в июне 1999 года объявил свою кандидатуру в штате Айова, мы с Лорой поехали в Мэн навестить моих родителей. Я рассказал им новости относительно предвыборной кампании. Затем мы вчетвером вышли на лужайку. Позади нас был прекрасный Атлантический океан. Впереди — большая группа фотографов. Мама произнесла одну из своих остроумных фраз. Она посмотрела на корреспондентов и спросила: «Где же вы были в 92-м?»

Я рассмеялся. Моя мама была самой чудесной женщиной. Она сделала для меня так много хорошего. Я повернулся к отцу. В мыслях я вернулся в свое детство, когда смотрел на его фотографии в альбомах. Его лицо состарилось, как и те фотографии. Но духом он был все так же силен. Я рассказал репортерам о том, о чем знал всю жизнь: быть сыном Джорджа и Барбары Буш было огромным преимуществом. Какой же путь мы проделали! За семь лет до этого отец проиграл свою предвыборную кампанию. Сейчас я гордо стоял рядом с ним и у меня был шанс стать 43-м президентом Соединенных Штатов.

Когда я вернулся в Техас, первым делом я решил навестить Боба и Джен Баллок. Годы злоупотреблений взяли свое, и тело Боба выглядело неважно. Кожа потеряла свой цвет, он был прикован к постели, и на нем была кислородная маска. Я нежно обнял его. Он приподнял свою маску и взял

интер Лизанней со стены, снявшего рядом с его кроватью. На обложке была моя фотография.

«Почему ты не улыбнулся?» — спросил он. Я улыбнулся. Это был старичок Боб. Следующий вопрос застал меня врасплох: «Губернатор, ты будешь меня ждать на моих похоронах?» — спросил он.

Он вернул маску на место и закрыл глаза. Я рассказал ему о моей поездке в Айову и о моей речи на барбекю. Я не уверен, слышал ли он слова, которые я произнес.

ГЛАВА 3

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

Глядя на Дика, сложно было хоть о чем-нибудь догадаться — его лицо не выражало никаких эмоций. Все изменилось под палящим солнцем на коровьем пастбище на нашем ранчо Кроуфорд в Техасе.

Это случилось 3 июля 2000 года. За десять недель до этого, после того, как я был выдвинут на пост президента от республиканцев, я отправил руководителя своей предвыборной кампании Джо Олбо встретиться с Диком Чейни в Далласе. Я попросил его найти ответы на два вопроса. Во-первых, не заинтересован ли Дик в получении поста вице-президента? Если нет, то не хотел бы он помочь в поисках кандидата?

Дик сказал Джо, что он вполне доволен своей жизнью и что завязал с политикой. Но он не отказался бы возглавить комитет, который займется поисками кандидатуры на этот пост.

Как я и ожидал, Дик проделал тщательную работу. Во время нашей первой встречи я обозначил основные критерии для кандидата. Я хотел найти кого-нибудь, с кем мне было бы комфортно, кто был бы готов работать в команде, с опытом работы в Вашингтоне, чего не хватало мне самому, и, самое главное, чтобы он был готов в любой момент заменить президента. Дик собрал небольшую группу юристов и заготовил всевозможные документы на потенциальных кандидатов. К тому времени когда он в июле приехал встретиться со мной на ранчо, мы уже сузили список до девяти человек. Но в моих мыслях их было десять.

После обеда с Лорой мы с Диком отправились во двор за старый деревянный дом на ранчо. Я терпеливо слушал, как Дик зачитывает мне итоговый доклад комитета. После этого я посмотрел ему в глаза и сказал: «Дик, я принял решение».

Пока я был владельцем бизнеса, руководителем бейсбольной команды, губернатором и главным наблюдателем в Белом доме в период президентства моего отца, я понял, что важно правильно подобрать кадры. Люди, которых вы выбираете в свое окружение, определяют качество тех советов, которые вы получаете, и способы реализации поставленных целей. В течение восьми лет, проведенных мной на посту президента, мои соратники подняли самые сложные и деликатные вопросы в Овальном кабинете: как собрать сплоченную команду; когда необходимо перестраивать организацию; как справляться с разногласиями; как выбрать кого-нибудь среди высококвалифицированных кандидатов и как сообщать плохие новости хорошим людям.

Каждое мое кадровое решение начиналось с определения рода деятельности и критериев для идеального кандидата. Я руководил масштабными поисками и рассматривал огромное количество вариантов. При назначениях на важные посты я лично проводил интервью с кандидатами. Я тратил свое время, чтобы оценить характер человека и масштаб его личности. Я искал такие качества, как честность, квалификация, самоотверженность и способность справляться с нагрузками. Мне всегда нравились люди с чувством юмора и признаками скромности.

Моя цель состояла в том, чтобы собрать команду талантливых людей, которые своим опытом и навыками дополняли бы друг друга и которых я мог наделить бы особыми полномочиями. Я искал таких людей, которые разделяли бы предписания администрации, но в то же время были свободны в выражении несогласия по любому вопросу. Важной частью моей работы было создание такой обстановки, в рамках которой поощрялась бы командная деятельность и воспитывалась верность — не мне, а всей стране и нашим идеалам.

Я горжусь многими уважаемыми, талантливыми, трудолюбивыми людьми, работавшими в моей администрации. Мы могли похвастаться низкой

текучестью кадров, отсутствием внутренних разногласий и тесным сотрудничеством в одно из самых тяжелых времён в истории нашей нации.

Не каждое мое кадровое решение было верным. Премьер-министр Маргарет Тэтчер однажды сказала: «Я обычно даю оценку человеку в течение десяти секунд и очень редко после этого меняю свое мнение». Я действовал не настолько быстро, но всегда мог распознать людей. Ни тем не менее были случаи, когда я либо не мог решиться, либо делал перестановки слишком медленно. Я недооценивал то, как некоторые назначения могут быть восприняты. Иногда я, откровенно говоря, брал на работу не тех людей. Кадровые решения были одними из первых моих решений на президентском посту — и самыми важными в то же время.

Первое главное кадровое решение президента принимается еще до победы на выборах. Выбор вице-президента во многом характеризует для избирателей стиль правления будущего главы государства. Становится понятно, насколько ответственно и добросовестно он или она будут служить. И это дает возможность определить будущие приоритеты президентской партии.

К тому времени, когда я стал кандидатом от республиканской партии в марте 2000 года, я совсем немного знал о вице-президентах. Я довольно внимательно следил за процессом выбора, когда отец рассматривался как возможный кандидат в вице-президенты Ричарда Никсона в 1968 году и Джеральда Форда в 1976 году. Я следил за его службой у президента Рейгана. Я наблюдал за его отношениями с Дэнном Куэйлом. И я также помнил историю из времен моей молодости, когда кандидат от демократов Джордж МакГоверн назначил Тома Иглтона вице-президентом, а позже выяснилось, что Иглтон пережил несколько нервных расстройств и подвергался электросудорожной терапии.

Я решил не повторять ту же ошибку, и это стало одной из причин, почему я выбрал для проверки кандидатур такого внимательного и сосредоточенного человека, как Дик Чейни. В начале лета мы сконцентрировались на окончательных кандидатурах. Четверо из них были действующими или бывшими губернаторами: Ламар Александер в Теннесси, Том Ридж в Пенсильвании, Фрэнк Китинг в Оклахоме и Джон Энглер в Миссиссипи. Остальные пять кандидатов были действующими или бывшими

сенаторами: Джек Дэнфорт от Миссури, Джон Кайл от Аризоны, Чак Хэйгел от Небраски и Билл Фрист и Фред Томпсон от Теннесси.

Я поговорил относительно всех кандидатур с Диком, Лорой, Карлом, Карен и с некоторыми другими своими помощниками. Карен порекомендовала Тома Риджа, ветерана вьетнамской войны. Как бывший глава исполнительной власти в штате, Том вполне мог бы заменить меня, если бы со мной что-то случилось. Он также выступал за аборт, что должно было понравиться умеренным представителям обеих партий, но отвратило бы некоторых сторонников республиканцев. Другие склонялись к кандидатуре Чака Хэйгела, который занимал место в Комитете по международным отношениям в Сенате и мог привнести свой опыт в области международной политики. Я был близок с Фрэнком Китингом и Джоном Энглером, и я знал, что сработаюсь с обоими. Джон Кайл был незыблемым консерватором, который мог усилить наш электорат. Ламар Александер, Билл Фрист и Фред Томпсон были хорошими людьми, и они могли помочь мне победиться в Теннесси, в родном штате кандидата от демократов вице-президента Эла Гора.

Меня очень привлекла кандидатура Джека Дэнфорта. Являясь рукоположенным священником, он слыл честным, высоко нравственным и решительным человеком. Результаты его выборов в течение трех сроков выглядели солидно. Еще больше я зауважал его, когда он выступил на стороне Кларенса Томаса во время его назначения в Верховный суд в 1991 году. Он был принципиальным консерватором. В качестве дивидендов он также мог помочь победить в Миссури, а этот штат мог стать главным полем битвы на выборах.

Я всерьез думал предложить работу Дэнфарту, но вновь и вновь возвращался к кандидатуре Дика Чейни. Опыт Дика был более солидным и разнообразным, нежели у любого другого человека из списка. Как глава администрации Белого дома, он помогал президенту Форду вывести страну из последствий Уотергейтского скандала. Он более десяти лет находился в Конгрессе и никогда не проигрывал на выборах. Он был сильным министром обороны. Он занимался крупным бизнесом и знал многое о частном секторе. В отличие от всех сенаторов и губернаторов в моем списке, он стоял рядом с президентом, когда в Овальном кабинете принимались самые тяжелые решения, включая отправку американских солдат на войну.

Дик стал бы не только хорошим советником, но человеком, способным занять должность президента.

Несмотря на то что Дик знал Вашингтон как никто другой, он вел себя не так, как все. Он позволял подчиненным получить признание. Когда он беседовал во время встреч, тщательно подбираемые им слова могли без особых проблем убедить собеседника.

Как и я, Дик был с Запада. Ему нравилась рыбалка, и он любил проводить время на природе. Он был женат на Линн Винсент, его школьной любви из Вайоминга, и был глубоко предан своим дочерям Лиз и Мэри. Он обладал практическим умом и спокойным чувством юмора. Он рассказывал мне, что поступал в Йель за несколько лет до меня, но был отчислен. Дважды. Также он поделился со мной информацией, что однажды проходил так называемый тест соответствия, определяющий, какую профессию ему следует выбрать. Когда объявили результаты, оказалось, что ему лучше всего подходит должность директора похоронного бюро.

Пока я обдумывал свое решение, я позвонил отцу, чтобы посоветоваться с ним. Я сообщил ему имена людей, которых я рассматривал в качестве основных кандидатур. Он знал большинство из них и сказал, что все они хорошие люди. «А что насчет Дика Чейни?» — спросил я.

«Если ты предпочтешь всем остальным Дика, это будет отличный выбор, — ответил он. — Он будет давать тебе искренние и дельные советы. И тебе не придется ни о чем волноваться, пока он будет стоять за твоей спиной».

К тому времени когда Дик приехал на ранчо с итоговым отчетом, я решил все прояснить. Когда он закончил говорить, я сказал ему: «Дик, ты отличный кандидат на пост вице-президента».

До этого я лишь намекал ему на это, а теперь он мог понять, что я говорю серьезно. В конце концов, он сказал: «Я должен поговорить с Линн». Я воспринял это как многообещающий знак. Он сказал, что у него было три сердечных приступа и что они с Линн были счастливы в Далласе. Потом он добавил: «Мэри имеет нетрадиционную ориентацию». Я понял, что он имеет в виду. Дик, конечно, любил свою дочь. Я почувствовал, что он измеряет степень моей терпимости. «Если это для тебя проблема, то я не тот человек, который нужен тебе», — говорил он по существу.

Я улыбнулся и сказал ему: «Дик, используй свое время. Поговори с Линн, пожалуйста. И не будем больше поднимать разговор об ориентации Мэри».

Позже в этот же день я поговорил с несколькими доверенными помощниками. Я пока не хотел выкладывать все свои карты на стол. Я лишь сказал им, что всерьез рассматриваю кандидатуру Чейни. Большинство были ошарашены моим выбором. Карл был против. Я попросил его приехать в губернаторский особняк и высказать свою точку зрения. Я также пригласил на эту встречу Дика. Я верю, что таким образом можно избавиться от разногласий. Кроме того, я хотел укрепить взаимоотношения между Карлом и Диком на тот случай, если они оба окажутся в Белом доме.

Карл честно высказал свои аргументы: присутствие Чейни в паре не дало бы ничего для расширения географии голосующих, так как три голоаса выборщиков из Вайоминга были самыми надежными для республиканцев в стране. Деятельность Чейни в Конгрессе была очень консервативной, и результаты его голосования по актуальным проблемам теперь могли быть использованы против нас. Состояние сердца Дика также волновало Карла, поскольку ставило вопрос о возможности занимать этот пост. Выбор бывшего министра обороны из отцовской администрации мог побудить людей задаться вопросом, действовал ли я сам по себе. В конце концов, Дик жил в Техасе, а Конституция запрещала двум представителям одного штата получать голоса выборщиков одновременно.

Я внимательно выслушал возражения Карла. Дик сказал, что они были вполне убедительными. Но я был иного мнения. Послужной список Дика времен его работы в Конгрессе меня не беспокоил. Его опыт работы на Кэпитол Хилл представлялся мне очень ценным. Недостаточное воздействие на географию избирателей меня также не заботило. Я верил, что избиратели основывают свой выбор на президентской кандидатуре, а не на вице-президенте¹.

Что касается беспокойства Карла относительно того, что я остановил свой выбор на бывшем министре обороны из отцовской администрации, я

¹ Вероятно, мой родной штат в 1960 году был исключением, когда Джон Кеннеди выбрал в качестве кандидата на пост вице-президента Линдона Джонсона. Майкл Дукаки не смог получить президентского назначения в 1988 году, когда его выбор пал на сенатора от Техаса Ллойда Бенсона.

убедил его, что польза от выбора серьезного и опытного кандидата в вице-президенты компенсирует любые сомнения насчет того, что я обращаюсь к отцу за помощью.

Осталось решить две проблемы: здоровье Дика и место его проживания. Дик согласился пройти медицинское обследование и отправить результаты доктору Дентону Кули, уважаемому кардиологу из Хьюстона. Доктор сообщил, что его сердце вполне способно выдерживать стрессы, как во время выборной кампании, так и на посту вице-президента. Дик и Линн имели возможность сменить место регистрации избирателя на Вайоминг, штат, который Дик представлял в Конгрессе и до сих пор считал родным.

То, как Дик справился с этими сложными во всех отношениях неделями, лишь усилило мою уверенность в его кандидатуре. Он ни разу не попытался подтолкнуть меня к этому решению. На самом деле он настаивал на том, что мне необходимо встретиться с Джеком Дэнфортом перед тем, как я сделаю окончательный выбор. 18 июля мы с Диком поехали в Чикаго навестить Джека и его жену Салли. Мы провели там три часа. У меня остались положительные впечатления от этой встречи. Но я решил остановить выбор на Дике.

Через неделю я сделал официальное предложение. Я проснулся, как обычно, в 5 часов утра. После двух кружечек кофе я уже не мог сидеть на месте. Мне удалось дожидаться 6:22, когда я позвонил Дику. Я застал его на беговой дорожке, что, как мне показалось, было хорошим знаком. В этот же вечер они с Линн приехали в Остин.

В течение последующих десяти лет я ни разу не пожалел о том, что выбрал Дика Чейни. Его позиция относительно аборт и снижения налогов помогла укрепить наш электорат. Он был невероятно убедителен, когда объявил американским солдатам, что «помощь уже в пути». Его взвешенные и эффективные ответы на дебатах вице-президентов против Джош Либермана убедили избирателей в силе нашей пары. Теперь я был уверен в том, что он без проблем сможет занять пост президента, если что-то случится со мной.

Правильность моего выбора подтвердилась 14 месяцев спустя. Однажды утром в сентябре 2001 года американцы проснулись в условиях невообразимого кризиса. Спокойный и тихий человек, которого я взял к себе на службу летним днем в Кроуфорде, проявил необычайную твердость.

Выбор кандидатуры на пост вице-президента пришелся на самый конец изнурительного сезона праймериз. В ходе предвыборной кампании раскрывалась сущность кандидатов. Избирателям становились понятны их сильные и слабые стороны. Я тогда этого не понимал, но испытания, выпадающие на долю кандидата во время кампании, впоследствии помогают ему быть во всеоружии уже на посту президента. Эти напряженные дни также раскрыли характер людей, окружавших меня, и заложили фундамент тех кадровых решений, которые мне пришлось принимать позже в Белом доме.

Кампания началась с собрания в Айове, первого этапа низшего уровня. Мы с Лорой путешествовали по штату, пожали тысячу рук и выпили бесчисленное количество кружек кофе. При том, что все наши мероприятия были тщательно спланированы, один из наиболее показательных моментов всей кампании был не вполне подготовлен.

В декабре 1999 года я участвовал в республиканских дебатах в Дес Мойнес. Ведущими были Том Брокау с канала NBC и местный ведущий новостей Джон Бэчман. После того как мы осветили некоторые вполне предсказуемые темы, Бэчман задал неожиданный вопрос: «С кем из политических философов или мыслителей вы себя отождествляете и почему?»

Я должен был отвечать третьим. Я думал о том, чтобы сослаться на кого-нибудь вроде Милля или Локка, чья теория естественного права во многом повлияла на отцов-основателей. Потом я подумал о Линкольне; довольно непросто промахнуться с Эйбом во время республиканских дебатов. Я все еще продолжал думать, когда Бэчман повернулся ко мне и произнес: «Губернатор Буш?» Времени на раздумья больше не было. Слова вылетели из моего рта: «Христос, — сказал я. — Потому что он изменил мое сердце».

Все выглядели ошеломленными. Откуда взялись эти слова? На обратном пути в отель со мной связались родители. Они почти всегда звонили мне после важных событий. «Хорошая работа, сынок, — сказал отец. — Я не думаю, что твой ответ сильно навредит тебе». — «Какой ответ?» — не понял я. «Ты знаешь, тот, который про Иисуса», — ответил он.

Поначалу я не думал о том, что подобный ответ мне может навредить. Я всего лишь выпалил то, что было у меня в сердце. Поразмыслив, тем не

мнее я понял смысл предостережения отца. Я сам скептически относился к тем политикам, которые использовали религию для получения большего числа голосов. Я не верил в подход методистов, иудеев или мусульман к государственной политике. Продвижение той или иной религии не входило в функции государственных институтов. Я не делал этого, когда был губернатором Техаса, и я точно не намеревался делать этого в качестве президента.

Естественно, мои слова вызвали негативную реакцию: «В этом есть что-то нечестивое», — написал один обозреватель. «Уокер лишь проверит рейтинги Иисуса, Иисус хорошо набирает голоса в Айове», — сделал вывод другой.

Реакция не была абсолютно негативной. У меня нашлась масса союзников, испытывавших в своей жизни подобный опыт, и они оценили тот факт, что я не побоялся открыто говорить о своей вере.

На собрании своих сторонников я победил, набрав 40 % голосов. После празднования промежуточной победы мы отправились в Нью-Хэмпшир. Я знал, что этот штат может быть очень коварным для лидеров. Избиратели в Нью-Хэмпшире славятся тем, что сбивали рейтинги фаворитов. Я был доволен нашей работой в штате, которую возглавлял мой друг сенатор Джадд Грегг. Я провел много времени в Нью-Хэмпшире, принимая участие в парадах и совершенствуя свои навыки в переворачивании блинов. В день праймериз мы с Лорой отправились в наш отель в Манчестере и оттуда стали следить за результатами. Во второй половине дня Карл явился с первыми данными, полученными социологическими службами на выходе из избирательных участков после голосования. Судя по ним, я должен был проиграть, и проиграл с разгромным счетом.

Лора спросила: «Джордж, ты хочешь стать президентом?» Я кивнул. «Тогда ты не должен позволять своим противникам формировать мнение о себе», — добавила она.

Она была права. Я совершил типичную ошибку фаворита. Я позволил сенатору от Аризоны Джону Маккейну, основному моему сопернику, перехватить инициативу в Нью-Хэмпшире. Он провел энергичную предвыборную кампанию, привлекая на его сторону большое количество незаборную кампанию, висимых избирателей, с помощью которых он преодолел мою солидную поддержку среди республиканцев. Джону Маккейну, который был членом

Сената с 1983 года, усталось создать убедительный образ человека со стороны, а я предстал перед ними как человек из власти. Он во время каждого перерыва говорил о реформах, даже несмотря на то что именно я был тем, кто реформировал систему школьного образования, изменил деликтное законодательство и подход к системе социальной поддержки в Техасе. Следует отдать должное Джону за продуманную и эффективную кампанию. А я должен был извлечь уроки из своей ошибки.

Я отправился в зал для усердной тренировки. Пока я бежал по беговой дорожке, думал только о том, что делать дальше. Мне предстояло сделать масштабные кадровые перестановки. По сценарию мне предстояло уволить нескольких человек и начать с чистого листа. Я решил пойти по другому пути. Я собрал всех старших сотрудников и сообщил им, что не собираюсь вышвыривать кого-либо за борт, чтобы доставить удовольствие средствам массовой информации. Единственным человеком, кого в этой ситуации стоило винить, был я сам. Независимо от того, выиграли бы мы или проиграли, мы должны были завершить эту борьбу, оставаясь единой командой. Затем я дал каждому задание. Карл обзвонил представителей нашей кампании в тех штатах, которые были на очереди в списке праймериз. Джо успокоил моих сотрудников. Карен наладила контакт с основными представителями СМИ. Дон Эванс оживил механизмы привлечения средств.

Я позвонил Джошу Болтену, находившемуся, как и большинство наших сотрудников, в штаб-квартире избирательной кампании в Остине. «Как там все держится?» — спросил я. «Большинство людей в шоке», — признался он.

Я знал, что команда будет ждать моих указаний. «Собери их всех вместе и скажи, что мы собираемся победить», — сказал я Джошу.

Если вспоминать то время, поражение в Нью-Хэмпшире предоставило нам новые возможности. Избиратели любят оценивать то, как кандидат реагирует на неудачи. Рейган и мой отец показали свою устойчивость после поражения в Айове в 1980 и 1988 годах соответственно. Билл Клинтон кардинально изменил свою кампанию после поражения в Нью-Хэмпшире в 1992 году, так же как и Барак Обама в 2008-м. В 2000 году я видел в этой неудаче шанс доказать, что я могу принять на себя удар и вернуться в борьбу. Урок заключается в том, что самыми удачными кадровыми решениями являются те, которых ты не делаешь.

В Южной Каролине мы придумали новый слоган для освещения моих достижений в Техасе, которые услаивали представителей обеих партий — «Реформатор, добившийся результатов». В огромной аудитории я отвечал на вопросы, пока избиратели не исчерпали все темы. Я звонил по телефону, пытаясь заручиться поддержкой лидеров по всему штату. В ответ Маккейн запустил рекламу, где сравнивал меня с Биллом Клинтонем. Это переходило все границы. Я вышел в эфир с ответным ударом. Это дало явный результат. Я победил в Южной Каролине с 53 % голосов, выиграл на праймериз в 9 из 13 штатов во время Суперворника¹ и уверенно шел к победе.

В начале мая у нас с Джоном состоялась полуторачасовая встреча в Питтсбурге. Он был расстроен из-за оскорблений со стороны одного из моих сторонников в Южной Каролине. Я осознал его обиду и дал ему понять, что уважаю его. После нашей встречи он сообщил репортерам, что я вполне способен восстановить единство в Белом доме.

Это был не самый лучший комплимент в мой адрес, но именно с этого момента началось примирение между мной и Джоном. В августе Джон и его жена Синди пригласили нас на свое прекрасное ранчо в Седоне (штат Аризона). Было приятно видеть шефа Маккейна за рилем, расслабляющегося и готовящего ребрышки. Мы проводили кампанию вместе в 2000-м и затем снова в 2004 году. Я уважаю Джона, и я был рад видеть его в числе своих сторонников.

Эл Гор был талантливым человеком и опытным политиком. Так же как и я, он был выпускником одного из университетов Лиги Плюща², его отец, так же как и мой, был политиком. Но тем не менее мы были слишком разными. Он казался жестким и равнодушным. Было такое ощущение, что он вбулборолся за пост президента всю свою жизнь. Он собрал вокруг себя внушительную коалицию либералов, выступающих за расширение роли госу-

¹ Суперворник — итерник в начале февраля или марта в год президентских выборов, когда сразу во многих штатах проходит праймериз. (Прим. переводчика)

² Лига Плюща — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США.

дарства, а также представителей культурной и профсоюзной элиты. Кроме того, он был вице-президентом в период экономического скачка. Победить его было делом непростым.

Когда я вспоминаю о кампании 2000 года, все сливается воедино и перед глазами проходят потоком рукопожатия, привлечение средств и борьба за утренние заголовки. Лишь дважды эта политическая карусель останавливалась. В первый раз это произошло во время Республиканского национального съезда в Филадельфии, которым достаточно умело руководил бывший заместитель главы администрации Белого дома и министр транспорта при моем отце Энди Кард.

Я участвовал в каждом съезде, начиная с 1976 года, но ничего не могло сравниться с тем чувством, которое я испытал, очутившись в центре внимания. Я ждал за кулисами в полной темноте, слушая отчет: «Пять, четыре, три, два, один». Затем я вышел на забитую до отказа сцену. В первые же мгновения я был дезориентирован. Свет и звук взрывались вокруг меня. Я чувствовал тепло людей и их запах. Затем лица стали более четкими. Я разглядел Лору и девочек, маму и папу. Всю свою жизнь я наблюдал за тем, как выступает Джордж Буш. Теперь я был потрясен тем, как мы помещались ролями.

«Наши возможности весьма велики, но наша жизнь слишком коротка, чтобы упускать этот момент, — сказал я. — И сегодня мы клянемся нашей нации, что не упустим этих возможностей и реализуем американские надежды на лучшее. Наступило удачное время для осуществления наших целей... Эта администрация тоже имела свой шанс. Но она не смогла построить работу должным образом. Мы сможем!»

Спустя два месяца произошел очередной перерыв в предвыборной кампании, на этот раз из-за дебатов. Карен Хьюз курировала команду, которая занималась моей подготовкой, Джош Болтен взял на себя обязательства по политической части. В Джоше сочетались блестящий ум, обезоруживающая скромность и бодрый дух. Я никогда не забуду, как я стоял во время традиционного опроса в Эймсе, штат Айова, и смотрел на то, как несколько сотен мотоциклов въезжают в город. Среди байкеров был губернатор Висконсина Томми Томпсон и сенатор от Колорадо Бен Найтхорс Кэмпбелл. Когда возглавлявший процессию байкер спрыгнул со своего синего хромого мотоцикла «Виктория», сделанного в Айове, и снял свой шлем,

я был потрясен, потому что увидел перед собой Джоша, на котором была банда с логотипом нашей предвыборной кампании. «Губернатор, — сказал он, — встречай байкеров, голосующих за Буша».

Первые дебаты проходили в Бостоне. Когда я находился в комнате ожидания за кулисами, я позвонил Кирбийону Коллвеллу, и мы помолитесь по телефону. Кирбийон попросил Всемогущего дать мне силу и наделить мудростью. Его спокойный голос дал мне такое ощущение комфорта и спокойствия, что я решил сделать телефонные молитвы с Кирбийоном традиционными накануне каких-нибудь важных событий до самого конца моей кампании, а потом и в течение всего моего президентского срока.

Следующим голосом, который я услышал, стал голос Джима Лерера из PBS, представившего участников. Мы вышли из наших углов и встретились в центре студии. Гор невероятно крепко пожал мне руку. Я подозревал, что он пытается запугать меня, как это пыталась сделать Энн Ричардс в 1994 году.

Я был сконцентрирован на ответах на вопросы, хотя иногда чувствовал, что отвечаю на автопилоте. К тому времени, когда я взглянул на свои часы, которые я снял и положил на стойку, чтобы избежать той ошибки на дебатах, которую когда-то совершил мой отец, — мы уже почти заканчивали. Мы сказали свои последние слова, пожали друг другу руки — на этот раз обычным образом — и приняли участие в традиционном выходе на сцену членов семьи, друзей и помощников.

Сразу после дебатов Карен сказала мне, что Гор совершил ошибку. Он все время подмигивал и гримасничал в то время, когда я говорил. Это было для меня новостью. Я был настолько сконцентрирован на выступлении, что даже не заметил ничего подобного.

Вторые и третьи дебаты проходили в другом формате, но имели схожий результат. Никто из нас не допустил заслуживающей упоминания оплошности. Был один интересный момент на третьих дебатах в университете Вашингтона в Сент-Луисе. Формат общественных дебатов в большой аудитории давал нам свободу передвижения по сцене. Первый вопрос касался закона о защите прав пациентов. Я как раз отвечал на него, когда заметил, что Гор направляется прямо ко мне. Он довольно крупный человек и, на что-то поблизости, быстро заполнил мое пространство. Не собиравшись ли вице-президент провести силовые приемы из американского футбола «cheat

bump» или «foreign shiver»? На доли секунды я мысленно перенесся на стадион в среднюю школу Сэм Хьюстона. Я недовольно взглянул на него и продолжил.

Я был вполне удовлетворен дебатами. Я верил, что мое выступление превзошло все ожидания, а все драматичные моменты кампании остались позади. Но я ошибался.

За пять дней до выборов, во время небольшого перерыва в кампании в Висконсине, Карен Хьюз отвела меня в сторону. Мы вошли в тихую комнату, и она сказала: «Репортер из Нью-Хэмпшира звонил, чтобы задать вопросы о вождении в состоянии опьянения». Мое сердце заколотилось. Такая ужасная новость в самом конце кампании может оказаться действительно взрывной.

За четыре года до этого я всерьез думал о том, чтобы рассказать о вождении в состоянии алкогольного опьянения, когда был вызван на заседание суда в качестве присяжного. Дело было призвано привлечь внимание к вождению в пьяном виде. Я был отозван по уважительной причине, так как в качестве губернатора мне, возможно, пришлось бы позже рассматривать это дело в рамках процесса помилования. Когда я вышел из зала суда Остина, один репортер выкрикнул: «Вас когда-нибудь арестовывали за вождение в пьяном виде?» Я ответил: «Я не был идеальным в молодости. В то время я делал много глупостей. Но вот что я вам скажу: я настоятельно призываю людей не пить и не садиться после этого за руль».

Если бы я в тот день рассказал историю о вождении в состоянии алкогольного опьянения, это не должно было стать проблемой. До следующих выборов оставалось еще два года, к тому же я уже давно бросил пить. Я решил не говорить об этом по другой причине: из-за моих дочерей. Барбара и Дженна должны были вскоре сами сесть за руль. Я боялся, что если эта история всплывет, то она подорвет мой авторитет и сведет на нет все мои строгие лекции о выпивке и вождении, которые я читал им. Я не хотел, чтобы они думали: «Папа однажды сделал так, и все было нормально, значит, нам тоже можно».

Лора была в поездке со мной, когда пресса раскопала историю о том, как я пьяным сел за руль. Она позвонила Барбаре и Дженне и сказала им об этом, прежде чем они услышали эту новость по телевизору. Потом я вышел к репортерам и сделал заявление: «Я был остановлен. Я признался

полицейскому, что выпил. Я уплатил штраф. И я сожалею о том, что это произошло. Но это случилось. И эта история стала уроком для меня».

То, что я сам не рассказал об этом, стало единственной стиль дорогой политической ошибкой из всех, что я когда-либо совершал. Карл потихоньку оценил наши потери – больше двух миллионов человек, включая многих социальных консерваторов, либо остались дома и не пошли на выборы, либо отдали свой голос за другого кандидата. Они надеялись видеть другого человека на посту президента, кого-нибудь, кто будет подавать пример личной ответственности.

Если бы я мог все это исправить, я в тот день рассказал бы правду о том случае в суде. Я бы объяснил свою ошибку дочерям и провел бы мероприятие с организацией «Матери против вождения в пьяном виде», чтобы выступить со строгим предупреждением не пить и не садиться за руль после этого. Эти мысли пронеслись в моей голове, когда я шел спать в тот вечер в Висконсине. Также в голове пронеслась еще одна мысль: возможно, это будет стоить мне президентского поста.

Пять дней спустя мое преимущество в 4 %, которое я удерживал до того, как всплыл этот скандал, было утеряно. Я как сумасшедший работал последнюю неделю кампании и подошел ко дню выборов вровень с Гором. Вечером наша большая семья собралась на ужин в ресторане «Шорлайн Гриль» в Остине. Тосты звучали до тех пор, пока не стали приходить результаты опросов избирателей, выходящих с избирательных участков. Телеканалы назвали Пенсильванию, Мичиган и Флориду штатами, поддержавшими Гора. Ведущий CBS Дэн Ратер уверял своих зрителей: «Давайте следовать одному принципу с самого начала... Если мы говорим, что кто-то победил в штате, можете быть уверены, что так оно и есть».

Наши гости, которые не слишком много понимали в политике, продолжали утешать: «Вечер только начался, может произойти что угодно...» Те же, кто понимал, что такое карта выборов, осознавали, что я потерял. Мы с Джемом были в ярости из-за того, что каналы передали первичные результаты во Флориде, прежде чем голосование завершилось в Панхэнгле, восточной части штата, которая находится в центральном часовом поясе. Кто знает, сколько моих сторонников услышали эту новость и решили не голосовать? Мы с Лорой уехали с ужина, даже не притронувшись к еде.

Посадка назад в губернаторский особняк была тихой. Мало что можно сказать, когда проигрываешь. Я был опустошен, разочарован и немного ошеломлен. Я не чувствовал горечи. Я был готов принять вердикт народа и повторить слова мамы, которые она произнесла в 1992 году: «Время двигаться вперед».

Вскоре после того как мы приехали, зазвонил телефон. Я предполагал, что это был первый звонок с утешениями: «Ты сделал все, что мог...» Однако это был Карл. Его голос не казался подавленным, он был дерзким. Он говорил очень быстро. Он сообщил информацию о том, как опросы во Флориде перегрузили этот округ или избирательный участок.

Я перебил его и спросил об основной идее. Он сказал, что прогнозы во Флориде были математически неверны. Затем он с этими фактами связался с каналами и накричал на тех, кто проводил опросы. В течение двух часов он систематично доказал ошибку главных телеканалов. В 20:33 по центральному времени CNN и CBS убрали Флориду из списка штатов, которые поддерживают Гора. Остальные сделали то же самое.

Мы с Лорой следили за результатами из особняка вместе с матерью, отцом, Джебом и несколькими основными помощниками. Позже прибыли Чейни, Эванс и другие близкие друзья. Чуть позже стало очевидно, что результаты выборов будут во многом зависеть от Флориды. В 1:15 телеканалы передали, что штат поддерживает меня.

Вскоре после этого позвонил Эл Гор. Он любезно поздравил меня и сказал: «Мы представили им захватывающий фильм». Я поблагодарил его и сказал, что направляюсь в столицу штата, чтобы выступить перед 20 тысячами замерзающих под дождем людей. Он попросил меня подождать, пока он поговорит со своими сторонниками в течение 15 минут. Я согласился.

Потребовалось немного времени, чтобы осознать значение произошедшего. За несколько часов до этого я был готов идти дальше по жизни. Сейчас я готовился стать президентом Соединенных Штатов.

Прошло 15 минут. Затем еще 15 минут. От Гора все еще ничего не было. Что-то пошло не так. Джеб взял свой ноутбук и стал следить за результатами, приходящими из Флориды. Он сказал, что мое преимущество уменьшается. В 2:30 Дону Эвансу позвонил Билл Дэйли, председатель предвыборной кампании Гора. Дон быстро поговорил с Дэйли и передал мне трубку. На том конце был вице-президент. Он сказал, что ре-

зультаты во Флориде изменились после нашего последнего разговора, и таким образом он сокращал свое отставание.

Я никогда не слышал, чтобы кандидат отказывался от вступительной речи. Я сказал ему, что в Техасе это что-то значит, если человек дает тебе слово. «Тебе не нужно грубить по этому поводу», — ответил он. Вскоре телеканалы перенесли Флориду в категорию неопределенных штатов — четвертое изменение за последние восемь часов — и поставили результаты голосования под сомнение.

Я не знаю, как насчет грубости, но я был зол. В тот момент, когда я решил, что эта дикая борьба закончилась, мы оказались опять в самом ее начале. Некоторые люди, из тех, что находились в комнате, посоветовали мне выйти и объявить о своей победе. Я всерьез рассматривал этот вариант, пока Джеб не отвел меня в сторону и не сказал: «Джордж, не делай этого. Количество голосов почти равное». Мое преимущество во Флориде уменьшилось до 2000 голосов.

Джеб был прав. Подобное решение было бы опрометчивым. Я всем сообщил, что в этот вечер результатов выборов еще не будет. Большинство отравились спать. Я остался с Джебом и Доном, пока они звонили во Флориду. В какой-то момент Дон дозволился секретарю штата Кэтрин Харрис, чтобы выяснить у нее новые данные. Я услышал, как он кричит: «Что значит вы спите? Вы понимаете, что кандидаты идут вровень? Что происходит?!»

Так закончилась эта странная ночь — и начались еще более странные пять недель.

105 миллионов бюллетеней было брошено в урны по всей стране, но итоги выборов 2000 года должны были быть определены всего несколькими сотнями голосов в одном штате. Флорида сразу же превратилась в юридическое поле боя. Дон Эванс узнал около 16:30, что Гор отправил туда команду юристов, чтобы координировать пересчет голосов. Он посоветовал мне сделать то же самое. Я столкнулся с вопросом: кого направить во Флориду, чтобы обеспечить защиту нашего преимущества?

Не было времени для составления списка или проведения собеседований. Дон предложил мне Джеймса Бейкера. Бейкер был идеальной кандидатурой — государственный деятель, сообразительный юрист. Я позвонил Джиму и спросил, возьмет ли он на себя эту миссию. После чего он тут же отправился в Теллахасси.

Мы с Лорой были психически и физически измотаны. Мы выжали из себя всю энергию до последней капли в этой борьбе. Когда стало ясно, что впереди нас ждет долгий юридический процесс, мы стали проводить больше времени на нашем ранчо в Кроуфорде, пытаясь снять напряжение.

Впервые я увидел Prairie Chapel Ranch в феврале 1998 года. Я всегда искал место, которое смог бы назвать своим убежищем от хлопотной жизни, каким для отца был Кеннебункпорт. Когда я продал свою долю в «Рейнджерс», у нас с Лорой появились деньги для приобретения ранчо.

Я потерял голову, когда увидел место в округе Макленнан, площадью 1583 акра, принадлежавшее Бенни Энгельбрехту. Оно находилось почти точно посередине между Далласом и Остином. Ранчо вмещало в себя землю для пасущегося скота и грубые каньоны, находившиеся рядом с Рэйни Крик и Боск Ривер. Вид, который открывался с известняковых скал, с самого верха 90-футовых каньонов, был ошеломляющим. Такими же были и деревья — огромные пеканы, живые дубы, кедры, вязы, крупноплодные дубы и маклюры с их зелеными фруктами. В общем, в этом месте было собрано более дюжины видов деревьев, являвшихся большой редкостью для центрального Техаса.

Пытаясь уговорить Лору, я пообещал построить там дом и новые дороги, чтобы обеспечить доступ к самым живописным местам этого ранчо. Она нашла молодого архитектора из университета Техаса по имени Дэвид Хэйман, который создал проект удобного одноэтажного дома с большими окнами, из которых открывался вид на нашу собственность. Он использовал геотермальное тепло и очищенную воду, чтобы свести к минимуму негативное воздействие на окружающую среду. Большая часть дома строилась в 2000 году. Участие в президентской кампании и строительство дома в один и тот же год стали признаком крепкого брака — и данью терпению и навыкам Лоры Бун.

Ранчо было идеальным местом, где можно благополучно пережить сложное время, наступившее после выборов. Я регулярно связывался с Джеймсом Бейкером, чтобы узнавать свежие новости и намечать стратегические направления. Я для себя изначально решил, что буду избегать бесконечных телепередач. Вместо этого я совершал длинные пробежки, давая мне возможность думать о будущем, сжигая энергию, вырубая кедровые деревья, жадно потреблявшие всю воду и ущерб остальным деревьям.

и ходил в поход с Лорой. Если бы я стал президентом, я хотел быть энергичным и готовым к нагрузкам.

В тот период происходили весьма драматичные моменты. 8 декабря, через месяц и один день после выборов, мы с Лорой вернулись в Остин. Вечером в Верховном суде Флориды было запланировано вынесение вердикта, который, как уверял Джеймс Бейкер, должен был официально подтвердить мою победу.

Мы с Лорой пригласили наших хороших друзей Бена и Джули Креншоу посмотреть объявление результата. Бен является одним из самых совершенных гольфистов своей эпохи и одним из самых приятных людей в профессиональном спорте. В течение последних нескольких недель великодушный Бен участвовал в демонстрациях у губернаторского особняка. Некоторые из них были сторонниками Гора, но многие поддерживали меня. В руках одной из трех молодых дочерей Бена и Джули был плакат, украшенный словами «Sore-Loserman»¹, что обыгрывало название пары кандидатов Гор—Либерман. Сам Бен держал домашнюю вывеску розового цвета со словами «Флорида, нет больше пересчетов!».

Бен, Джули, Лора и я собрались в гостиной и стали ждать решения. Я нарушил свое правило в отношении телевизора, потому что надеялся, что смогу испытать чувство победы в режиме реального времени. Около 3 часов представитель суда вышел к кафедре. Я приготовился обнять Лору. Тогда он объявил, что суд, с результатом голосования 4 против 3, выступил на стороне Гора. Это решение в очередной раз обязывало провести пересчет голосов по всему штату.

Вскоре после этого Джеймс Бейкер позвонил и спросил, не хочу ли я подать апелляцию в Верховный суд США. Он вместе с Тедом Олсоном, выдающимся юристом, которого нанял Джим, чувствовали, что у нас есть убедительные доводы. Апелляция была бы рискованным ходом. Верховный суд США мог не согласиться рассматривать дело или мог встать не на нашу сторону. Я дал указание Джиму подать апелляцию. Я был готов принять свою судьбу. Так или иначе, страна нуждалась в завершении этой истории.

¹ Sore-Loserman — название с английского языка можно перевести, как Болеющий Неудачник (Джим переводит).

12 декабря, через 35 дней после выборов, мы лежали с Лорой в кровати, когда Карл позвонил и настоял на том, чтобы мы включили телевизор. Я внимательно слушал, как Пит Уильямс в Новостях NBC анализирует решение Верховного суда. Семью голосами против двух судьи пришли к выводу, что хаотичная и противоречивая процедура пересчета голосов во Флориде нарушала пункт о равной защите перед законом, прописанный в Конституции. Затем пятью голосами против четырех суд постановил, что невозможно найти справедливый и своевременный способ пересчета голосов, который позволил бы Флориде участвовать в Коллегии выборщиков. Результаты выборов должны остаться без изменений. Я победил с результатом 2 912 790 против 2 912 253. Я стал сорок третьим президентом Соединенных Штатов.

Моя первая реакция была неоднозначной. Страна слишком дорого заплатила за эту неопределенность. После всех взлетов и падений у меня уже не было эмоциональных сил для радости. Я надеялся разделить свою победу с 20 тысячами людей в столице штата в ночь выборов. Вместо этого я, вероятно, был первым человеком, который узнал, что выиграл президентскую гонку, лежа в кровати с женой и смотря телевизор.

В течение первых 140 лет американской истории инаугурация президента назначалась на 4 марта. Президент, избравшийся в начале ноября, имел в своем распоряжении 120 дней для того, чтобы подготовиться к управлению страной. В 1933 году, после 20-й поправки, день инаугурации был перенесен на 20 января, что в среднем сократило период смены администрации до 75 дней. Когда после выборов 2000 года противостояние Буша и Гора было разрешено, у меня в распоряжении оставалось 38 дней.

Моим первым важным решением стал ответ на вопрос, как я представляю себе деятельность Белого дома. Это был вопрос, который я обдумывал и раньше. В 1991 году отец попросил меня изучить работу в Белом доме. После общения со всеми его старшими сотрудниками выявилась одна тенденция: люди были недовольны. Большая часть из них считала, что руководитель администрации Джон Сунуну отказал им в доступе к Овальному кабинету и ограничил поток информации, предназначенный для отца. Мне всегда нравились Джон, но в мои обязанности входило не обсуждать это дело, а отвечать

ся о результатах. Я так и сделал за несколько дней до Дня Благодарения 1991 года. Отец пришел к выводу, что необходимы кадровые перестановки. Он попросил меня сообщить об этом Джону, что я и сделал во время напряженного разговора. Вскоре после этого он писал заявление об отставке.

Я намеревался избежать подобной проблемы в моей администрации. Я хотел создать такую структуру, которая была бы достаточно сплоченной, чтобы обеспечить организованный поток информации, но в то же время достаточно гибкой, чтобы я мог получать советы из большого числа источников. Было важно, чтобы советники напрямую могли обратиться ко мне с проблемами, не проходя при этом через различные фильтры. Вдобавок ко всему было бы намного легче убедить моих политических партнеров из Техаса перебраться в Вашингтон, если бы они имели постоянный доступ ко мне.

Ключом к созданию подобной структуры должен был послужить подбор опытного и уверенного в себе человека на пост главы администрации, который не чувствовал бы некую угрозу в моих связях с его сотрудниками. По иронии судьбы, я разглядел эти качества в заместителе Джона Сунуну Энди Карде. Когда я посещал Белый дом во время президентства моего отца, я часто заходил в кабинет к Энди, чтобы откровенно обсудить с ним новости. Энди был восприимчивым, скромным, преданным и трудолюбивым. Он работал с каждым главой администрации, как в период правления Рейгана, так и в период правления Буша-старшего. Он обладал здравым смыслом и имел устойчивый темперамент, что мне и нужно было, помимо этого, у него было заботливое сердце и отменное чувство юмора. Я был убежден, что именно он и является тем человеком, который должен возглавить администрацию Белого дома.

За пару недель до выборов я встретился с Энди во Флориде. Было ясно, что он ожидал получить предложение возглавить процесс смены администрации. «Нет, я говорю о более серьезной должности», — сказал я. Я объяснил ему, что он будет главным человеком в администрации, но в то же время я буду сильно полагаться на советы техасцев Карла Карен. Эла Гонвалеса, Харриет Майерс, Клэя Джонсона и Дэна Бартлетта. Энди согласился выполнять эту работу, но до тех пор, пока я буду информировать его о каждом своем решении, которое будет приниматься без его участия. Я объявил о его назначении в конце ноября, сделав его тем самым первым официальным членом моей команды в Белом доме.

Следующей важной должностью был советник по национальной безопасности. Я знал по отношению отца с Бентом Скоукрофтом, что важнее всего найти человека способного и полностью заслуживающего доверия.

Во время поездки в Мэн летом 1998 года отец познакомил меня с Кондолизой Райс, которая находилась на должности специалиста по Советскому Союзу в Совете по национальной безопасности. У Конди, дочери священника-афроамериканца из разделенного Бирмингема (штат Алабама), была степень доктора философии, которую она получила в университете Денвера, а также в возрасте 38 лет она стала проректором Стэнфорда. Эта женщина сразу же поразила меня своим умом, вдумчивостью и энергией.

В течение последующих двух с половиной лет мы часто встречались с Конди для обсуждения международной политики. Однажды летом в 1999 году Конди, Лора и я прогуливались по ранчо. Когда мы стали карабкаться на крутой склон, Конди начала рассказывать про историю Балканских стран. Нас с Лорой это немного раздражало. Но Конди продолжала, она объясняла причины дезинтеграционных процессов в Югославии и прихода к власти Милошевича. Эта тропа теперь называется Балканский холм. Я решил, что если окажусь в Овальном кабинете, то непременно захочу, чтобы Конди была рядом.

Первое назначение в Кабинете не вызвало особых затруднений. Колин Пауэлл должен был стать госсекретарем. Впервые я встретил Колина в Кэмп-Дэвиде в 1989 году, когда он был председателем Объединенного комитета начальников штабов. Он вместе с Диком Чейни приехал, чтобы вести отца в курс дела относительно ареста диктатора Мануэля Норьеги. Колин был одет в военную форму. Его формальный стиль одежды сильно контрастировал с его дружелюбием. Он с удовольствием беседовал со всеми в помещении, даже с детьми президента.

Колин пользовался огромным уважением на родине и имел большое влияние по всему миру. Он будет защищать американские интересы и ценности, начиная с усиления НАТО и заканчивая вопросами свободной торговли. Я верил, что Колин вполне может стать вторым Джорджем Маршаллом, солдатом, который переквалифицировался в государственного деятеля.

Оставались вакантными места министра обороны и директора ЦРУ, два ключевых поста, связанные с национальной безопасностью. Несмотря на то что с момента падения Берлинской стены прошло больше десяти лет, большая

часть министерства обороны была ориентирована на холодную войну. Я проводил предвыборную кампанию, руководствуясь амбициозным взглядом на вопрос реформирования войск. Я планировал перестроить структуру наших вооруженных сил и направить средства в развитие новых технологий, таких как высокоточное оружие и ПРО. Я знал, что следует ожидать сопротивления со стороны Пентагона, и мне необходимо было найти упорного, передового министра, который возглавил бы работу в этом направлении.

Главным кандидатом был Фред Смит, основатель и исполнительный директор FedEx. Фред окончил Йельский университет за два года до меня, получил Серебряную Звезду за участие в боях во Вьетнаме и создал одну из самых успешных в мире компаний. Он любил вооруженные силы и должен был привнести организационный склад ума в Пентагон. Энди Кард позвонил Фреду, узнал, что он заинтересован в этой должности, и пригласил его в Остин. Я был готов предложить Фреду занять этот пост, но перед самым отъездом ему диагностировали болезнь сердца. Он решил отказаться от предложения и сфокусироваться на своем здоровье.

Мы рассмотрели огромное количество других претендентов на пост министра обороны, включая Дэна Коатса, прекрасного сенатора из Индианы. Затем Конди подкинула интересную идею: «А что насчет Дона Рамсфелда?»

Дон был министром обороны 25 лет назад, во время президентского срока Форда. После этого он работал во многих серьезных комиссиях по национальной безопасности. Я рассматривал Рамсфелда в качестве главы ЦРУ, а не главы министерства обороны. Когда я провел с ним собеседование, он высказал свои интересные идеи относительно реформирования министерства. Он говорил о том, что нужно сделать войска более мобильными, подвижными и увеличить скорость их развертывания. Он был ярым сторонником создания системы ПРО для защиты от таких стран-изгоев, как КНДР и Иран.

Рамсфелду удалось меня впечатлить. Он был знающим, открытым и уверенным в себе человеком. Будучи министром обороны, он приобрел силу и опыт, которые помогли бы ему осуществить серьезные изменения в системе Пентагона. Он мог реально управлять бюрократическим аппаратом, а не позволять ему управлять собой. Дик Чейни, который был заместителем Дона, когда тот находился на посту главы администрации президента Форда, очень рекомендовал его.

Был только один шекотливый момент. Многие считали, что Дон использовал свое влияние, чтобы убедить президента Форда назначить моего отца главой ЦРУ в 1975 году для того, чтобы вывести его из борьбы за пост вице-президента. Невозможно было узнать, правда это или нет. Но какие бы разногласия ни были между ним и моим отцом 25 лет назад, они не должны были волновать меня до тех пор, пока Дон мог выполнять свою работу. Дон стал одновременно самым молодым и пожилым министром обороны в истории США.

Когда Рамсфелд отправился в Пентагон, у меня не осталось кандидата на пост главы ЦРУ. Я испытывал огромное уважение к Управлению, с тех пор, как там работал мой отец. В течение нескольких недель после моего избрания для меня проводили инструктаж по разведке, во время которого я встретил директора ЦРУ Джорджа Тенета. Он был полной противоположностью образу директора ЦРУ, о котором вы читаете в шпионских романах — с галстуком-бабочкой, выпускник одного из университетов Лиги Плюща, человек элитного типа. При этом он был представителем рабочего класса, сыном греческих иммигрантов из Нью-Йорка. Он говорил прямо, и очевидно было, что он очень заботится об Управлении.

Сохранение на посту главы ЦРУ человека, которого назначил еще Билл Клинтон, давало бы ощущение преемственности. Я попросил отца, чтобы он назвал мне знакомых по ЦРУ. Он сказал, что Тенет был всегда очень уважаем в своем сообществе. Как только мы с Джорджем познакомились, я решил, что не буду искать ему замену. Директор, курящий сигары и являющийся в душе греком, согласился остаться на своем посту.

В общем, команда по национальной безопасности в первые годы моего нахождения на посту президента работала слаженно. Чего не скажешь о тех, кто курировал экономическую сферу. Отчасти проблема являлась результатом несогласованности внутри коллектива. У меня, как у президента, было три ключевых экономических советника: директор Национального экономического совета, председатель Совета экономических консультантов и министр финансов. Я выбрал Лари Линдси, опытного экономиста и старшего консультанта моей предвыборной кампании, как человека, который возглавит NEC (Национальный экономический совет). Глена Хаббарда я назначил председателем CEA (Совет экономических консультантов). Они проделали прекрасную работу, разрабатывая проект мер по со-

кращению налогов, которое я предлагал в период своей предвыборной кампании. Законопроект был принят большинством со стороны представителей обеих партий.

Однако министр финансов не разделял моего энтузиазма по поводу уменьшения налогов. Пол О'Нилл был рекомендован мне Джимом Кэши Джонсоном и другими людьми из моей команды. Его личная биография включала работу в Административно-бюджетном управлении и на посту генерального директора компании Alcoa, которая входит в рейтинг *Fortune 100*¹. Я чувствовал, что его практический опыт, полученный в бизнесе, будет востребован на Уолл-стрит и на Кэпитол Хилл.

К несчастью, с самого начала все пошло не так. Пол препятствовал сильному урезанию налогов, что, конечно же, отражалось на мне. Мы с ним встречались регулярно, но никогда толком не ладили. Он не добился моего доверия, так же как не построил доверительные взаимоотношения с финансовым сообществом, Конгрессом и коллегами из администрации. Я рассчитывал найти сильного министра финансов — такого лидера, как Джим Баркер или Бобо Рубин, — который в своих выступлениях и на телевидении смог бы продвигать мои инициативы в экономической политике. К концу 2002 года около двух миллионов американцев потеряли работу за последний год, и Пол не разделял нашу уверенность в том, что их всех можно будет трудоустроить. Вместо этого он использовал встречи в Овальном кабинете, чтобы поговорить на второстепенные темы, например о планах по повышению безопасности на рабочем месте в Монетном дворе США.

Я не хотел повторять ошибку отца, которую он совершил в 1992 году, когда его стали воспринимать как человека, далекого от экономических дел. Я решил, что встряска команды по экономическим вопросам стала бы лучшим способом показать, что моя администрация весьма серьезно подходит к противодействию процессу экономического спада, оказывающего влияние на обычных американцев. Чтобы изменения заслуживали доверия, они должны были стать широкомасштабными. Лари Линдси проделал превосходную работу, и было нелегко попросить его оставить свой пост. Он понимал, что необходимо принимать свежие решения, и воспринял свою отставку как настоя-

¹ *Fortune 100* — список самых крупных компаний США, ранжированный по уровню дохода, по версии американского журнала *Fortune*.

ный профессионал. Реакция Пола была иной. Я был разочарован, что он уходил, будучи обвиненным на меня, но я рад, что принял это решение.

Следующим летом я получил неожиданное предложение сделать еще одно кадровое изменение. Каждую неделю мы с Диком Чейни обедали вдвоем. Джими Картер и Уолтер Монтейл заложили эту традицию, которая с тех пор не нарушалась. Мне нравилась непринужденная обстановка и шанс пооткровенничать с Диком. Подобные встречи у меня проходили и с другими помощниками, но только с Диком они были регулярными. Я не рассматривал вице-президента как еще одного старшего советника. Он помещал свое имя в бюллетень и был избран. Я хотел, чтобы он знал ответы на вопросы, волновавшие меня.

Мы с Диком обедали в маленькой столовой рядом с Овальным кабинетом. Среди интерьера в комнате находились бронзовая скульптура быка, которую мне подарили друзья из Западного Техаса, и картина, на которой был изображен пейзаж, напоминавший мне побережье Мэна. Главным произведением искусства в комнате был портрет Джона Куинси Адамса, единственного до меня президента, отец которого тоже когда-то был президентом. Я повесил его, чтобы подшутить над отцом. Однажды в начале моего президентского срока он начал дразнить меня по поводу необычайного сходства между У. (Уокером) и К. (Куинси). Я хотел, чтобы он посмотрел в лицо К. в следующий раз, когда у него будет желание съязвить. Я прочитал много всего про Куинси. Я восхищался его аболиционистскими¹ принципами, хотя и не являлся фанатом его кампании, нацеленной на исключение Техаса из Союза. Тем не менее я оставил этот портрет висеть в течение всего времени, что я находился в Белом доме.

В середине 2003 года Дик начал традиционный обед словами, которые меня поразили. Он сказал: «Господин президент, я хочу, чтобы вы знали, что вы можете переизбираться на второй срок в паре с кем-то другим. Без «бид». Я спросил, все ли в порядке с его здоровьем. Он ответил, что сердце в порядке. Он просто считал, что у меня должна быть возможность выставить на следующих выборах другую кандидатуру на пост вице-президента. Его предложение впечатлило меня. Эта фраза лишний раз убедила меня в верности принятого решения.

¹ Аболиционизм — движение за отмену рабства в XIX веке. (Прим. переводчика)

Я рассмотрел его предложение. Я поговорил в Элизи, Каролине с некоторыми другими людьми по поводу возможности попросить Билла Фриста, тогдашнего сенатора из Теннесси, ставшего лидером большинства, участвовать со мной на следующих выборах в качестве кандидата на пост вице-президента. Мы все ожидали, что 2004 год принесет очередные выборы. Дик стал чем-то вроде молниеносца для критики, которая исходила от СМИ и со стороны левых. Он рассматривался как темный и бессердечный — Дарт Вэйдер администрации. Дик не сильно беспокоился по поводу своего имиджа — и это мне нравилось, — что позволяло прилеплять к нему ярлыки. Одним из мифов, касающихся Дика, был тот, что на самом деле именно он управляет Белым домом. Все, кто находились внутри здания, включая самого вице-президента, знали, что это не так. Но впечатления складывались снаружи. Принятие предложения Дика доказало бы, что на самом деле главным был я.

Чем больше я думал об этом, тем сильнее понимал, что Дик должен остаться. Я брал его на службу не в качестве политического средства: я взял его для того, чтобы он помогал мне делать работу. Он именно это и делал. Он выполнял каждое мое поручение, он всегда откровенно высказывал свое мнение, понимая при этом, что окончательное решение остается за мной. Когда наши позиции не совпадали, все наши разногласия оставались между нами. Что самое важное — я доверял Дик. Я ценил его устойчивость. Мне нравилось находиться рядом с ним. И он стал мне близким другом. На одном из обедов через несколько недель я попросил Дика остаться, и он согласился.

Выборы 2004 года приближались, а я все больше беспокоился о раздоре внутри команды по национальной безопасности. В большинстве административных структур существуют естественные трения между государственными департаментами и военными из министерства обороны. Госсекретарь Джордж Ломатами и военными из министерства обороны. Госсекретарь Джордж Шульдц и министр обороны Каспар Уайнбергер противостояли друг другу в период правления Рейгана. Президент Форд сменил министра обороны Джеймса Шлезингера в значительной степени потому, что он не мог сотрудничать с Генри Киссинджером. Различия во мнениях советни-

ков в конечном итоге помогали в принятии сложных решений. Главное, чтобы несогласия высказывались уважительно, а мое решение было окончательным.

После удачного освобождения Афганистана споры между двумя департаментами еще были терпимыми. Но когда усилились дебаты вокруг Ирака, высокопоставленные официальные лица внутри соответствующих ведомств стали отчаянно критиковать друг друга. Дон и Колин всегда уважительно относились друг к другу в моем присутствии. С течением времени я понял, что они были как дуэлянты, которые держат свои пистолеты в кобуре, но при этом стреляют своим запасным оружием.

Памятный случай произошел на одном из телевизионных брифингов Дона Рамсфелда, в которых ему приходилось принимать участие чуть ли не ежедневно после начала военной операции в Афганистане. Было забавно смотреть на то, как Дон разбирается с прессой. Он был экспертом в парировании вопросов репортеров, он отражал удары с энтузиазмом и обладал хорошим чутьем. Я любил дразнить его по поводу имиджа звезды дневного эфира. «Ты дневной кумир для тех, кому за шестьдесят», — говорил я ему. Он воспринимал это спокойно.

В январе 2003 года голландский репортер спросил Дона, почему европейские союзники Америки больше не поддерживали нас по поводу наших требований призвать Саддама Хусейна к ответственности. «Вы рассуждаете о Европе как о Германии и Франции, — сказал Дон. — Я думаю иначе. По-моему, это уже старая Европа».

Я был согласен с точкой зрения Дона. Новые демократии в Центральной и Восточной Европе понимали весь ужас тирании и поддерживали действия, направленные против Хусейна. Но не этот аргумент стал яблоком раздора. Дон охарактеризовал Германию и Францию как «старую Европу», вызвав тем самым волну протеста.

Колин был в ярости. Он старался убедить немцев и французов присоединиться к нашему процессу в ООН, и он чувствовал, что Дон перешел черту, что осложнило его дипломатическую миссию. Его подчиненные были такого же мнения. Политические споры, которые когда-то начались за закрытыми дверями, теперь просочились в прессу.

Меня раздражали такие заголовки, как «Белый дом разделен: гражданская война в администрации Буша» и «Следующая роль Буша: модератор

споров вокруг управления послевоенным Ираком. Я объявил на встрече Совета по национальной безопасности, что все эти драки и утечки нанесли ущерб нашему авторитету и давали повод критиковать нас. Я поговорил с Доном и Колином с глазу на глаз. Я попросил Дона и Колина работать за кулисами и дал инструкции заместителю Конда, Стиву Хэйзли, быть осторожнее в словах, чтобы справиться с этой проблемой. Ничего не помогло.

Весной 2004 года Дон пришел ко мне с важными новостями. Нарушив приказ и военное право, американские солдаты жестоко обращались с задержанными в иракской тюрьме под названием «Абу-Грейб». Я почувствовал себя жутко, по-настоящему жутко. Не за это боролась наша армия и наша страна. Когда виновные были отданы под военный трибунал, по репутации Америки был нанесен тяжелый удар. Я рассматривал это событие как одно из худших за время моего президентского срока.

Самое ужасное состояло в том, что удар был нанесен исподтишка. Дон говорил мне, что военные расследуют сообщения о насилии в тюрьме, но я и предположить не мог, насколько ужасающими могут быть фотографии. Впервые я увидел их в тот день, когда они были показаны в эфире программы «60 минут II». Я был недоволен тем, как мы справляемся с этой ситуацией. Так же как и команда в Белом доме. Люди начали общаться с прессой и показывать пальцем на министра обороны. Когда Дон узнал про эту историю, он передал мне записку: «Господин президент, я хочу, чтобы Вы знали, что можете отправить меня в отставку с поста министра обороны в любой момент, как только посчитаете, что это будет необходимо».

Я позвонил Дону и сказал ему, что не приму его отставку. Я не обвинял его в преступлении солдат, находившихся в «Абу-Грейб», и тем более не хотел делать из него козла отпущения. Я хотел, чтобы проблема была решена и чтобы это сделал именно он. Через 4 дня Дон прислал мне более подробное письмо:

«В течение последних дней я долго думал над сложившейся ситуацией. Однажды показывая перед Конгрессом и рассматривая Ваши точки зрения. Я отношусь с большим уважением к Вам, к Вашему выдающемуся руко-

Колин пришел в Овальный кабинет и сказал: «Господин президент, не волнуйтесь, все прошло хорошо».

На следующий год я дал подобное задание относительно вице-президента. В августе 2002 года я размышлял, стоит ли добиваться резолюции ООН для отправки инспекторов по вооружению обратно в Ирак. Дик выступил на съезде ветеранов войн, где сказал: «Возвращение инспекторов создаст ложную уверенность в том, что Саддам в каком-то роде "вернулся в свою коробку"». Это звучало так, будто я уже принял решение. Но я все еще продолжал рассматривать различные варианты. Я попросил Конди объяснить Дику, что он отошел от моей позиции. Она позвонила ему и, надо отдать ему должное, ничего подобного больше никогда не повторялось.

Я готов был объявить кандидатуру Конди на пост госсекретаря вскоре после выборов 2004 года. На пост советника по национальной безопасности я решил выдвинуть ее выдающегося заместителя Стива Хэдди, скромного и рассудительного юриста, чьи советы всегда были четкими и сдержанными. Тогда неожиданно Энди проинформировал меня, что Колин в очередной раз выразил желание уйти с поста. Я считал Колина другом и ценил его достижения, особенно его усилия по объединению коалиции в войне против терроризма и его участие в создании условий для будущего мира между израильтянами и палестинцами. Я остановил свой выбор на Конди.

Мне всегда было интересно, действительно ли Колин не решался уйти потому, что ожидал ухода Дона Рамсфелда? Он был прав, когда делал такие предположения. Я планировал провести кадровые изменения в министерстве обороны в рамках создания новой команды по национальной безопасности. В конце 2004 года я попросил Энди, чтобы он обратился к Фреду Смити и узнал еще раз, не рассматривает ли тот возможности занять должность. Я до этого видел Фреда, выглядел он великолепно. В этот раз проблема заключалась не в здоровье самого Фреда, а в здоровье его старшей дочери. Уэнди родилась с врожденным пороком сердца, и ему необходимо было проводить время с ней. К сожалению, она умерла в 2005 году.

Я рассматривал также другие возможные варианты перестановок в министерстве обороны. Я думал о том, чтобы отправить Конди в Пентагон, но в конечном счете решил, что она лучше справится с ролью госсекретаря. Я также рассматривал кандидатуру сенатора от штата Коннектикут Джо Либермана, но пришел к выводу, что он не вполне подходит. В какой-то

момент я обратился к Джеймсу Бейнеру. Если бы Джеймс согласился, он мог войти в историю как первый человек, занимавший пост госсекретаря, министра финансов и министра обороны в разные периоды времени. Но он получал удовольствие от жизни после ухода на пенсию, и у него не было ни малейшего интереса возвращаться в Вашингтон.

Реальность была такова, что существовало не так много людей, способных управлять вооруженными силами в условиях ложной глобальной войны. Дон Рамсфелд был одним из таких. Он обладал ценным опытом, и он разделял мой взгляд на войну с терроризмом как на долгосрочную историческую борьбу. Время от времени Дон разочаровывал меня своим пренебрежительным отношением к высокопоставленным военнослужащим и членам моей администрации. Я чувствовал, что он совершает ошибку, пропуская церемонию по поводу ухода на пенсию генерала Эрика Шинсеки, начальника штаба армии США, покинувшего свой пост в 2003 году после окончания карьеры. Решение Дона подпитывало ложное впечатление, что генерал был уволен из-за несогласия с политическим курсом в отношении Ирака¹.

Мне все еще нравился Дон. Он соблюдал иерархию. Он и его жена Джойс посвятили большое количество времени нашим солдатам, развезая по военным госпиталям и не добиваясь при этом внимания прессы. Дон проделал колоссальную работу по реформированию вооруженных сил, что изначально привлекло меня к нему. Он увеличил количество беспилотных летательных аппаратов, сделал наши войска более мобильными, расширил возможности армии в сфере передачи в реальном времени данных по широкополосным сетям, начал процедуру возвращения домой войск, которые оставались на бывших форпостах времен холодной войны, таких как Германия, а также увеличил финансирование различных программ развития подразделений специального назначения, в особенности объединенной разведки и специальных операций.

Несмотря на его жесткий внешний вид, Дон Рамсфелд был скромным и заботливым человеком. Однажды мы с ним находились в Овальном кабинете. Он только закончил информировать меня по поводу военных опера-

¹ Позже я узнал, что генерал Шинсеки не пригласил Дона на церемонию. Но в любом случае, я считаю, он должен был отправиться туда.

ций, и у меня оставалось еще несколько минут до следующей встречи. Я вскользь спросил у него, как поживает его семья. Он ответил не сразу. Он произнес несколько слов и вдруг расплакался. Оказалось, что его сын Ник борется с серьезной зависимостью от наркотиков. Боль Дона была очень глубокой, а его любовь к сыну подлинной. Спустя месяцы я спросил, как дела у Ника. Дон светился от счастья, рассказывая, что сын прошел курс реабилитации и чувствует себя хорошо. Было очень трогательно видеть, как Дон гордится характером и упорством своего сына.

Я переживал за Дона снова весной 2006 года, когда группа генералов, находящихся на пенсии, высказали в отношении него ряд резких замечаний. Пока я рассматривал кадровые перестановки, я ни в коем случае не позволил бы нескольким офицерам на пенсии запугать меня и заставить вытеснить со своего поста министра обороны. Это могло быть воспринято как военный переворот.

2006 год тянулся, а ситуация в Ираке драматично ухудшалась. Религиозное насилие разделило страну на части. В начале осени Дон сказал мне, что нам необходим «свежий взгляд» на проблему. Я был согласен с ним в том, что изменения необходимы, особенно с того момента, как я начал размышлять о новой стратегии, увеличении войск. Но я все еще находился в поиске возможной кандидатуры на пост.

Однажды вечером осенью 2006 года я разговаривал со своим старым другом по школе и колледжу Джеком Моррисоном, которого я определил работать в Консультативный совет по внешней разведке. Я переживал по поводу ухудшения ситуации в Ираке и упомянул позицию Дона Рамсфелда по поводу «свежего взгляда».

«У меня есть идея, – сказал Джек. – Что насчет Боба Гейтса?» Он напомнил мне, что недавно встречался с Бобом в рамках работы в Консультативном совете.

Почему я не подумал о Бобе? Он был директором ЦРУ во время президентского срока моего отца и заместителем советника по национальной безопасности в администрации Рейгана. Он успешно управлял крупной организацией, Техасским университетом A&M¹. Он работал в Комиссии

¹Техасский университет A&M (Texas A&M University) – один из крупнейших в США университетов, занимающийся научно-исследовательской деятельностью.

Бейкера Хэмилтона, которая изучала проблемы в Ираке. Боб идеально подходил на эту должность.

Я незамедлительно позвонил Стиву Хэдлу и попросил его связаться с Бобом. Мы в прошлом году уже пытались назначить его на должность главы национальной разведки, но он тогда отклонил предложение, так как его вполне устраивала должность президента A&M. Стив позвонил на следующий день – Боба заинтересовало наше предложение.

Я был абсолютно уверен в том, что нашел идеального человека на эту должность. Но я беспокоился насчет времени. Оставалось всего несколько недель до промежуточных выборов. Если бы я поменял министра обороны в этот момент, это могло выглядеть, как будто я принимаю решения в военной сфере, руководствуясь политическими соображениями. Я решил, что сделаю перестановку после выборов.

На выходных перед промежуточными выборами Боб приехал ко мне на ранчо в Кроуфорде. Мы встретились в моем кабинете, находившемся в уединенном одноэтажном здании за милю от главного дома. Я чувствовал себя комфортно рядом с Бобом. Он открытый, скромный человек, имевший достаточно внутренних сил. Я пообещал ему, что у него будет доступ ко мне в любое время. Далее я сообщил ему, что есть еще кое-что, о чем он должен узнать, перед тем как вступит в должность: я всерьез рассматривал вариант увеличения количества войск, которые присутствуют в Ираке. Я сказал, что знал о том, что у него чудесная жизнь в A&M, но его страна нуждается в нем. Он принял мое предложение.

Я знал, что Дик не понравится это решение. Он дружил с Доном. Как всегда, Дик сказал мне напрямую: «Я не согласен с вашим решением. Я считаю, что Дон отлично справляется со своей работой. Но это вы должны решать. Вы президент». Я попросил Дика сообщить об этой новости его другу, что, как я надеялся, должно было смягчить удар.

Дон принял эту новость, как настоящий профессионал. Он прислал мне довольно трогательное письмо: «Я ухожу с чувством огромного уважения по отношению к Вам и к Вашему руководству, которое Вы проводили в самое сложное для нашей страны время. Это было огромной честью для меня – служить своей стране в такое непростое время».

Назначение нового министра обороны стало одним из двух самых сложных кадровых решений, которые мне пришлось сделать в 2006 году. Вто-

рое решение было связано с постом главы администрации. В то время когда обстановка в Вашингтоне ухудшалась, Энди Кард напомнил мне, что есть всего несколько постов, кадровые перестановки на которых могут быть столь значимыми. Его должность была одной из таких. В начале 2006 года Энди часто поднимал вопрос о своем возможном уходе: «Вы можете с легкостью сделать это и тем самым прекратить все споры, — сказал он. — Вы обязаны лично рассмотреть данный вопрос».

Примерно в это же время со мной попросил встретиться Клэй Джонсон. Клэй работал со мной каждый день с тех самых пор, как я стал губернатором в 1995 году. Когда он пришел на ланч тем вечером, он спросил меня, как, на мой взгляд, функционирует в данный момент Белый дом. Я ответил ему, что немного встревожен обстановкой, поскольку слышал жалобы от членов аппарата. Будучи президентом, трудно понять, были ли эти жалобы мелким недовольством или они доказывали существование серьезной проблемы.

Клэй внимательно посмотрел на меня, его взгляд как бы говорил, что у него в душе нет сомнений. Затем он достал из кармана ручку, взял в руки салфетку и нарисовал организационную структуру Белого дома. Это была запутанная схема, в которой линии пересекались и путались. Его точка зрения была понятна: это был главный источник беспорядка в системе. Затем он сказал: «Я не единственный человек, кто так считает». Он признался мне, что несколько людей независимо друг от друга использовали нелестный термин, чтобы описать структуру Белого дома: он начинался со слова «групповой» и заканчивался еще одним словом из четырех букв.

Клэй был прав. Организация плыла по течению, то есть была достаточно пассивной. Люди засели в удобные для себя зоны, и четкость, которая когда-то была характерна для наших действий, нарушилась. Самым эффективным способом решения проблемы должна была стать кадровая перестановка на верхней ступени. Я решил, что пришло время принять предложение Энди и снять его с должности.

Реализация данного шага оказалась довольно болезненной. Энди Кард был преданным и честным человеком, который вывел Белый дом из тяжелого периода. По пути в Кэмп-Дэвид я оторвался в кегельбан, чтобы увидеть Энди и его жену Кэти. Это одна из тех пар, чья любовь друг к другу

очевидна с первой минуты общения. Они понимали, что я пришел не для того, чтобы сыграть с ними в боулинг. На моем лице была печаль. Я начал с того, что стал благодарить Энди за работу, которую он проделал. Он перебил меня и сказал: «Господин президент, Вы хотите сделать кадровые перестановки». Я попытался ему всё объяснить, но он не дал мне этого сделать. Мы обнялись, и он сказал, что одобряет мое решение.

Я всегда чувствовал себя некомфортно, если лишал кого-то важного поста, не подобрав при этом замену. Поэтому перед тем как поговорить с Энди, я попросил Джоша Болтена встретиться со мной. Я, как и его коллеги, очень уважал Джоша. После работы на посту ответственного по политическим вопросам в моей предвыборной кампании, он перешел на должность заместителя главы администрации по политическим вопросам и главы Административно-бюджетного управления. Он, как никто другой, знал о моих приоритетах. А я полностью доверял ему.

Когда я спросил Джоша, не хочет ли он стать следующим главой моей администрации, он согласился не сразу. Как и многие в Белом доме, он восхищался Энди Кардом и знал, какой тяжелой может быть эта работа. После размышлений он согласился, что Белый дом нуждается в реструктуризации и серьезных переменах. Он сказал мне, что если согласится на эту должность, то ему нужны будут гарантии, что он может делать некоторые кадровые изменения и прояснять границы ответственности. Я ответил, что это и есть именно то, чего я хотел. Он принял предложение и остался на должности до самого конца, что сделало его одним из первых сотрудников моей предвыборной кампании и последним человеком, которого я видел в Овальном кабинете, — между двумя этими событиями промежуток в десять лет.

Вскоре после своего назначения Джош начал проводить широкомасштабные кадровые изменения, включая назначение нового пресс-секретаря Белого дома Тони Сноуа, остроумного бывшего теле- и радиоведущего, который был мне близким другом до того дня, когда он проиграл в своей доблестной битве против рака в 2008 году. Самым сложным было найти новую роль для Карла. После выборов 2004 года Энди попросил Карла стать заместителем главы администрации по политическим вопросам, то есть занять высший политический пост в Белом доме. Я понимал смысл данного хода. Карл был больше чем просто политический советник. Он был политическим зубрилой со стремлением к получению знаний и при-

менению идей на деле. Я одобрил его продвижение, потому что рассчитывал, что его знания и возможности принесут пользу. Во избежание неверных представлений Энди дал понять, что Карл не будет принимать участие во встречах по национальной безопасности.

В середине 2006 года республиканцы испытывали трудности накануне приближающихся промежуточных выборов, и левые намеренно использовали факт назначения Карла на новую должность, чтобы обвинить нас в том, что мы политизируем свои решения. Джош рекомендовал Карлу сосредоточиться на промежуточных выборах и продолжить поиск стратегических решений. А сам он решил взять на себя ежедневные политические операции, и для этого пригласил заместителя из Административно-бюджетного управления Джо Каплана, блестящего выпускника Гарвардской школы права, работавшего со мной с 2000 года.

Я переживал по поводу того, как Карл воспримет данный переход. Он был гордым и чувствительным человеком, выдержавшим серьезные нападки ради меня. Нужно отдать должное преданности Карла и управленческим навыкам Джоша, благодаря которым им удалось создать новые механизмы деятельности, пока Карл не ушел из Белого дома в 2007 году.

Хоть кадровые назначения в администрации Белого дома и в министерствах являются принципиально важными, они имеют лишь временный характер. Назначения судей – на всю жизнь. Я знаю, как гордился отец тем, что назначил Кларенса Томаса, мудрого, принципиального и гуманного человека. Я также знаю, как он был разочарован тем, что другой назначенный им человек, Дэвид Суутер, оказался несколько иным, чем он ожидал.

История полна подобных примеров. Джон Адамс называл главного судью Джона Маршалла, работавшего в суде в течение тридцати лет после того, как Адамс ушел со своего поста, его величайшим подарком американскому народу. С другой стороны, когда Дуайта Эйзенхауэра попросили назвать его главную ошибку, которую он совершил будучи президентом, он сказал: «Я совершил две ошибки, и обе они находятся в Верховном суде».

Вскоре после окончания выборов 2000 года, я попросил своего юриста-консультанта Альберто Гонсалеса и его команду адвокатов составить список кандидатов в Верховный суд. Эл был американцем во втором поколении,

он обучался в университете Райса и Гарвардской школе права, и он заслужил мое доверие, когда я только стал губернатором. Я сказал ему, что список кандидатов в Верховный суд должен включать женщин, представителей меньшинств и людей, не имеющих опыта работы в суде. Я дал понять, что не будет никаких политических лакусов тестов. Тестами в моем представлении могли служить только интеллектуальные способности и судебная сдержанность. Я был заинтересован в активных судьях, ставших законом выше своих собственных предпочтений. Я был согласен с принципом школы строгого конструктивизма: мне нужны были судьи, убежденные в том, что Конституция означает то, что в ней написано.

В течение одиннадцати лет одни и те же девять судей работали бок о бок в суде, и это был исключительный факт в современной истории. 30 июня 2005 года Харриет Майерс, сменившая Эла Гонсалеса на посту юриста-консультанта Белого дома, когда он стал генеральным прокурором, была проинформирована, что из Верховного суда будет в скором времени отправлено письмо на мое имя от одного из судей. Мы все предположили, что оно будет отправлено главным судьей Уильямом Ренквистом, ему было уже 80 лет и он был болен. Но на следующее утро Харриет позвонила мне и преподнесла сюрприз. «Это письмо от О'Коннора», – сказала она.

Я встречался с судьей Сандрой Дэй О'Коннор много раз. Первая женщина в Верховном суде за всю его историю, она была весьма привлекательной и открытой личностью. Она мне очень нравилась, и я незамедлительно позвонил ей, как только получил от нее письмо. Она сказала мне, что пришло время позаботиться ей о ее любимом муже Джоне, страдавшем от болезни Альцгеймера.

Хоть я и рассчитывал, что освободится другая вакансия, мы были готовы найти человека на это место. Команда Харриет подготовила толстую папку, в которой были собраны биографии одиннадцати кандидатов, подробный анализ их работ, речей и судебной философии. У меня была запланирована рабочая поездка в Европу в начале июля, и во время долгих перелетов я занялся изучением содержания этой папки. После чего я укоротил список кандидатов до пяти человек: Самуэль Алито, Эдит Браун Клемент, Майкл Латтиг, Джон Робертс и Дж. Харви Уилкинсон.

С каждым из них я устроил отдельную встречу в Белом доме. Я попытался создать непринужденную обстановку, принимая их в гостиную, из

которой открывался вид на Западное крыло. Предварительно изучив кра-
кое изложение их юридических заключений, теперь я хотел изучить их са-
мих. Я искал того кандидата, который разделял бы мою судебную филосо-
фию, того, чьи ценности остаются неизблемыми. Я решил проводить ин-
тервью в надежде, что в результате останется лишь один кандидат.

Остался действительно один. Джон Робертс прилетел из Лондона, где
он преподавал летом. Я знал его послужной список: лучший в своей груп-
пе в Гарварде и Гарвардской школе права, судебный клерк судьи Ренквис-
та, принимал участие во множестве судебных дел. Он был выдвинут на
пост в Апелляционном суде округа Колумбия в 1992 году, но не был назна-
чен в результате голосования. Я выдвигал его на тот же самый пост в тот
же суд, но в 2001 году. Он был назначен в 2003-м и добился серьезных
успехов. Помимо ярких данных, он еще был настоящим мужчиной с мяг-
кой душой. Он часто улыбался и с любовью говорил о двух своих детях,
которых он и его жена Джейн усыновили. Его отношение к закону, как и
его личные качества, были очевидными.

Я обсудил свое решение с Диком, Харриет, Энди, Элом и Карлом. Им
всем нравился Робертс, но они не считали его лидером среди кандидатов.
Дик и Эл поддерживали Латтига, который, по их мнению, был самым убеж-
денным юристом-консерватором. Харриет поддерживала Арито, потому
что у него был самый авторитетный послужной список. Энди и Карл раз-
деляли мою склонность к Робертсу. Я спросил мнение и у других, включая
более молодых юристов в Белом доме. Одним из них был Бретт Кавано,
кандидатуру которого я выставил на пост в Апелляционном суде округа
Колумбия. Бретт сказал мне, что Латтиг, Арито и Робертс станут очень
надежными судьями. Он предложил остановиться на кандидатуре того, кто
сможет стать самым эффективным лидером в суде, — а именно на том, кто
способен будет убедить своих коллег в своем стратегическом мышлении.

Я верил, что Робертс непременно станет лидером. Я не переживал по
поводу того, что он отойдет от своих принципов спустя некоторое время.
Он описал свою философию, сравнив ее с бейсболом: «Хороший судья,
как арбитр — ни один арбитр не считает себя главным человеком на поле».

Во вторник, 19 июля, я позвонил Джону и предложил ему должность.
Мы обменялись об этом тем же вечером в Восточной комнате Белого дома.
Все шло по плану, когда во время моей речи, которая транслировалась в

прайм-тайм, четырехлетний Джей Робертс выскочил из обыватной массы
и стал кувыряться по полу. Позже мы узнали, что он имитировал Чепе-
ка-паука. Я наблюдал за ним вполглаза, потеряв при этом всякую выско-
ность для продолжения речи. В конце концов Джейн поставила маленько-
го Джека на ноги. Все громко засмеялись, а семья Джека получила исклю-
чительный материал для семейного слайд-шоу.

В начале сентября, за три дня до того, как должны были начаться слу-
шания по поводу назначения Робертса на должность, поздно ночью позво-
нил мне Карл. Мы с Лорой были уже в постели, никто обычно не звонит в
такое время с хорошими новостями. Карл сообщил, что главный судья умер.
Ренквист был великим судьей. Он прослужил 33 года в Верховном суде,
девятнадцать из них — в кресле главного судьи. Он приводил к присяге
моего отца в 1989 году и меня в 2001-м. Когда приближалась моя вторая
инаугурация, Ренквист заболел раком щитовидной железы. Он не появлял-
ся на публике в течение нескольких недель. Но когда пришло время зачи-
тать слова присяги, его голос зазвучал громко и ясно: «Повторяйте за мной:
Я, Джордж Уокер Буш, торжественно клянусь...»

Теперь у меня появилось две вакансии в Верховном суде, которые необ-
ходимо было заполнить. Я решил, что лидерские качества Джона Робертса
позволят ему занять место главного судьи. Джон отличился на слушаниях,
был назначен большинством и вернулся в Восточную комнату для произ-
несения присяги. Этот момент показал, какие неожиданные повороты мо-
жет иногда совершать жизнь. Джон Робертс, который еще тринадцать лет
назад считал, что его шанс стать судьей навсегда упущен, стал теперь глав-
ным судьей Соединенных Штатов.

Пока место О'Коннор оставалось вакантным, я был абсолютно уверен в
том, что необходимо назначить на это место женщину. Мне не хотелось,
чтобы в Верховном суде заседала лишь одна женщина, судья Рут Бейдер
Гинсбург. Лора была согласна со мной — и она сообщила свое мнение на
этот счет прессе.

Это был один из тех редких случаев, когда мнение Лоры стало досто-
янием общенности, но далеко не единственный случай, когда я восполь-
зовался ее советом. Лора инстинктивно чувствовала обстановку в стране.

Она не была вовлечена во все проблемы подряд, она выбирала лишь те сферы, которые ей были по душе, — образование, охрана здоровья женщин, восстановление побережья Мексиканского залива после урагана Катрина, СПИД и малярия, а также проблема свободы в Мьянме и Афганистане.

Я дал указание Харриет и комитету, занимавшемуся поиском кандидатуры, составить новый список претендентов, в котором было бы представлено как можно больше женщин. Кандидаты, которых она нашла, производили впечатление. Но были и некие разочарования. Когда я попросил провести более тщательную проверку одной высококвалифицированной женщины-судьи, оказалось, что ее муж испытывал финансовые трудности, которые могли поставить под сомнение ее возможное назначение. Главной кандидатурой в списке была Присцилла Оуэн, которая прежде занимала пост судьи в Верховном суде Техаса. Присцилла была одной из первых, чьи кандидатуры я выдвигал в рамках назначений в Апелляционный суд в 2001 году. К несчастью, она тогда стала мишенью для демократов. В конце концов, она была назначена в 2005 году в результате межпартийного компромисса. Я подумал, что из нее получится хороший работник Верховного суда. Но некоторые из сенаторов, включая республиканцев, предупредили меня, что борьба будет очень тяжелой и в итоге она не будет назначена на эту должность.

Два других сообщения пришли с совещаний на Кэпитол Хилл. Первое заключалось в том, что я должен подумать насчет назначения юриста, не входящего в структуру суда. Второе сводилось к тому, что я должен рассмотреть кандидатуру юрисконсульта Белого дома, Харриет Майерс. Некоторые сенаторы были впечатлены ее работой, когда она курировала Джона Робертса во время его собеседований на Кэпитол Хилл.

Мне понравилась идея выдвинуть кандидатуру Харриет. Она была юридическим пионером в Техасе: первая женщина — президент главной юридической фирмы в Техасе, Ассоциации адвокатов Далласа и Адвокатуры штата Техас. Кроме того, она была избрана в Городской совет Далласа, руководила Лотерейной комиссией Техаса и на протяжении пяти лет занимала высокие должности в Белом доме. У меня и в мыслях не было никаких сомнений в том, что она разделяет мою судебную философию и что ее точка зрения не изменится с течением времени. Она смогла бы создать систему истинного правосудия.

Я спросил Харриет, не заинтересована ли она в этой должности? Она была удивлена — даже скорее шокирована — но ответила, что займет эту должность, если я ее попрошу. Я поделился своей идеей с остальными членами комитета, занимавшимися поисками кандидатуры. Коллеги очень любили и уважали ее, и многие из них считали ее кандидатуру удачной. Другие спорили, что это рискованно — назначать кого-то без устоявшейся репутации в суде, за что нас могут обвинить в панибратстве. А несколько человек мне напрямую сказали, что не следует останавливать свой выбор на ней. Но никто из них не предупредил меня о том потоке критики со стороны наших сторонников, который обрушился на наши плечи.

Выбор стоял между Харриет и Присциллой. Я отдал предпочтение Харриет. Я знал ее лучше. Я решил, что у нее будет больше шансов победить. И она принесет уникальные проекты в Верховный суд, как человек, пришедший не из судебной среды. Изначально многие сенаторы и судьи одобряли мой выбор. Однако их голоса очень быстро были заглушены. Со стороны правых недоверие, которое изначально высказывалось шепотом, превратилось в вой скептицизма. Как я могу выдвинуть человека с таким небольшим опытом? Как они могут доверять судебной философии неизвестного им человека?

Мне казалось, что существует еще один аргумент против Харриет, который широко не обсуждался: как я могу выдвинуть кого-то, кто не принадлежит к элитным юридическим кругам? Харриет не имела образования в одной из школ права одного из университетов Лиги Плюща. Ее личный стиль усиливал сомнения. Она не выглядела бойкой и способной принимать нестандартные решения. Она хорошо подумает, прежде чем что-то скажет, — особенность характера, настолько редкая в Вашингтоне, что ошибочно воспринимается как интеллектуальная медлительность. Как снисходительно сказал один критик-консерватор: «Какой бы хорошей, полезной, проворной и аккуратной она ни была, Харриет Майерс недостаточно квалифицирована, чтобы играть даже роль судьи Верховного суда в телесериале "Западное крыло", не говоря уже о том, чтобы быть им в действительности».

Вся эта критика исходила от так называемых друзей. Когда левые тоже стали критиковать Харриет, я понял, что наша кандидатура не пролетит. После трех тяжелых недель мне позвонили в мой кабинет, где я работал

допоздна. Оператор Белого дома сообщил мне, что на связи Харриет. Ровным и спокойным голосом она сообщила мне, что считает, что ей лучше всего будет снять с рассмотрения свою кандидатуру на пост судьи. Несмотря на боль, которую я испытывал, я вынужден был согласиться с ней.

Пока я был уверен, что Харриет будет превосходным судьей, я не очень задумывался насчет того, как мой выбор будет воспринят остальными. Я поставил своего друга в сложную ситуацию. Если бы мне пришлось вновь пройти через это, я бы не бросил Харриет в пасть волкам из Вашингтона.

На следующее утро после объявления решения Харриет приступила к своей обычной ежедневной работе. Она ходила из кабинета в кабинет в Западном крыле Белого дома, воодушевляя своих коллег. Когда она вошла в Овальный кабинет, я сказал: «Слава богу, ты сняла свою кандидатуру. У меня все еще есть великолепный юрист». Она улыбнулась и ответила: «Господин президент, я готова возглавить поиски нового кандидата». На этот раз мне необходимо было сделать правильный выбор. В то время пока меня привлекала мысль о назначении на пост женщины, я не мог найти кого-нибудь столь же квалифицированного, как Сэм Алито. В ходе своего первого собеседования он произвел на меня впечатление неловкого человека. Я применил старый проверенный способ и выбрал успокаивающий фон – в данном случае бейсбол. Сэм слыл преданным болельщиком команды «Филадельфия Филлис». Сначала мы говорили об игре, потом он поменял тему и потихоньку заговорил о своей жизни и о законах. Он был ученым, опиравшимся на практику. До того как Сэм был назначен на должность в Третий Окружной апелляционный суд в 1990 году, он работал федеральным прокурором в Нью-Джерси. Его позиция всегда была хорошо обоснована и аргументирована. И не было никаких сомнений в том, что он строго будет придерживаться Конституции.

Через 4 дня после того, как Харриет сняла свою кандидатуру, я встретился с Сэмом в Овальном кабинете и предложил ему занять эту должность. Он согласился. Наши сторонники находились в приподнятом настроении. Противники понимали, что не смогут воспрепятствовать назначению Сэма, тем не менее они пытались поставить на нем клеймо расиста, радикала, изужра. При этом ни одно из подозрений не было подкреплено никакими доказательствами. Мне была противна их демагогия. Когда

один из сенаторов выдвинул против него ложные обвинения, жена Сэма, Марта Энн, расплакалась. Ее реакция была настолько искренней, что даже некоторые демократы поняли, как далеко они зашли.

После того как Сенат утвердил Сэма на должность судьи, я пригласил его с семьей в Белый дом на церемонию принятия присяги. Перед тем как мы вышли в зал, я ненадолго остался с Сэмом наедине. Я поблагодарил его за то, что он смог вынести слушания, и пожелал ему успехов в суде. Затем я сказал ему: «Сэм, тебе следует поблагодарить Харриет Майерс за то, что она сделала возможным твоё назначение». Он ответил: «Господин президент, вы абсолютно правы».

Самым эмоциональным кадровым решением, которое я принял, стало самое последнее. Корни этой дилеммы уходили в лето 2003 года. Наши войска в Ираке не нашли оружия массового уничтожения, которое, как мы считали, там находится, и со стороны СМИ начались поиски «козла отпущения». В моем обращении «О положении страны» 2003 года я ссылаясь на сообщение британской разведки, в котором говорилось, что Ирак был заинтересован в покупке урана у Нигера. Это заявление из моей речи, состоявшей из 5000 слов, не было главным пунктом в деле против Саддама. Британцы придерживались данных разведки. Тем не менее те шестнадцать слов стали предметом политического спора и массового протеста.

В июле 2003 года бывший посол Джозеф Уилсон написал статью в *New York Times*, в которой утверждалось, что администрация решила проигнорировать его выводы, сделанные после поездки в Африку в рамках расследования связей Ирака и Нигера. Были поставлены серьезные вопросы относительно верности и основательности сообщения Уилсона, но его обвинение стало основным аргументом противников военных действий. Вскоре после статьи Уилсона давний обозреватель событий в Вашингтоне Боб Новак сообщил, что Уилсон был отправлен в Нигер не Диком Чейни или Новаком, а каким-либо другим представителем администрации, как говорил сам Уилсон, а по рекомендации своей жены Валери Плейм, работавшей в ЦРУ.

Позднее обнаружилось, что должность жены Уилсона была засекречена. Критики стали утверждать, что кто-то из моей администрации совершил преступление, умышленно допустив утечку информации о сотруднике ЦРУ. Министерство юстиции назначило специального прокурора для расследования.

Я по своей сути скептически относился к специальным прокурорам. Я помнил, как Лоуренс Уолш во время кампании 1992 года придавал политический характер своему расследованию дела о незаконных поставках оружия в Иран 1986 года. Но утечка информации о разведке было серьезной проблемой, и я дал указание своим сотрудникам в полной мере оказывать следствию содействие. Федеральный прокурор США Патрик Фитцджеральд побеседовал с большинством из них, а также со мной. В самом начале процесса заместитель госсекретаря Ричард Армитейдж сообщил Фитцджеральду, что именно он предоставил Новаку информацию о Плэйм. Тем не менее прокурор продолжил расследование.

В течение двух лет Фитцджеральд проводил многих высокопоставленных представителей администрации через большое жюри¹, включая начальника аппарата вице-президента Скутера Либби. После двух выступлений Либби Фитцджеральд выдвинул в его адрес обвинение в лжесвидетельстве, препятствовании отправлению правосудия и даче ложных показаний. Скутера осудили. В июне 2007 года он был приговорен к тридцати месяцам тюрьмы.

Я оказался перед тяжелым выбором. Я мог позволить Скутеру отправиться в тюрьму. Я также мог использовать власть, данную мне Конституцией, и помиловать его. Еще я мог смягчить ему приговор, и это означало бы, что обвинение останется в силе, а наказания в виде лишения свободы не последует. Некоторые люди из Белого дома, под предводительством вице-президента, во весь голос выступали за помилование. Их аргумент сводился к тому, что расследование не должно было продолжаться после того, как Фитцджеральд определил источник Новака. Но с другой стороны, большинство советников считали, что вердикт присяжных справедлив и должен остаться в силе.

Я решил, что помилование бывшего члена администрации, осужденного за препятствование правосудию, особенно после того как я дал указание всем своим подопечным в полной мере сотрудничать со следствием,

¹ Большое жюри (англ. grand jury) – в праве США коллегия присяжных, созываемая с целью проверки оснований для предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу и решения вопроса о возможности предать обвиняемого суду, где его дело будет рассматриваться с участием «малого жюри» присяжных.

будет воспринято неоднозначно. Но наказание, назначенное Скутеру, было несоизмеримо с его правонарушением. Затяжно расследование и так нанесло ему и его семье личный, профессиональный и финансовый ущерб. В начале июля 2007 года я озвучил свое решение: «Я уважаю решение присяжных. Но я пришел к заключению, что тюремный срок, назначенный господину Либби, чрезмерен. Поэтому я не согласен в части наказания, назначенного господину Либби, а именно – тридцать месяцев тюремного заключения».

Реакция со стороны левых была очень горячей. «Действия президента Буша говорят всей Америке, что лгать, вводить в заблуждение и препятствовать правосудию – в порядке вещей до тех пор, пока ты верен его администрации», – заявил один конгрессмен. Другой высказался следующим образом: «Я связался с демократами из Палаты представителей, чтобы они рассмотрели возможность процедуры импичмента». В Белом доме также критиковали мое решение. Дик продолжал настаивать на полном помиловании.

Одним из самых больших сюрпризов за весь период моего президентского срока стал поток прошений о помиловании, посылавшихся на меня. Я не мог поверить, что столь большое количество людей считают, что их друг или бывший коллега заслуживает помилования. Поначалу это меня разочаровало. Потом мне стало уже противно от всего этого. Я осознал явные недочеты этой системы. Получается, если у тебя есть связи с президентом, ты можешь ускорить рассмотрение своего дела. В противном случае тебе придется ждать, пока министерство юстиции рассмотрит твоё дело и напишет рекомендацию. В последние дни моего пребывания на посту я решил, что не буду никого миловать путем неформальных процедур.

Когда период пребывания моей администрации в Белом доме подходил к концу, Дик в очередной раз настоял на том, что Скутер должен быть полностью помилован. Скутер был приличным человеком и посвятил себя государственной службе, и я понимал все последствия этой истории для его семьи. Я попросил двух доверенных юристов просмотреть все дело от начала и до конца, включая доказательства, представленные на суде за и против Скутера. Я также дал им указание встретиться со Скутером лично и послушать всю историю из его уст. После тщательного анализа оба юриста сказали мне, что они не смогли найти никаких оснований для отмены вердикта.

Я провел наш последний выходной в Кэмп-Дэвиде, пытаясь познать итог всей этой истории. «Прими наконец решение, — сказала мне Лора. — Своей неопределенностью ты только делаешь хуже для всех». В итоге я пришел к тому же заключению, что и в 2007 году: решение присяжных нужно уважать. Во время одной из наших последних встреч я сообщил Дику, что не буду выступать за помилование. Он пристально посмотрел мне в глаза. «Не могу поверить, что ты собираешься бросить солдата на поле боя», — сказал он. Его комментарий задел меня. За восемь лет я никогда не видел Дика таким. Я испугался, что дружественные отношения, которые мы с ним выстраивали, в лучшем случае станут натянутыми.

Через несколько дней я поговорил еще с одним человеком насчет процедуры помилования. Когда мы ехали по Пенсильвания-авеню на церемонию инаугурации, я сказал Бараку Обаме о своем разочаровании. Я дал ему совет: объявить о своей политике в отношении помилования в самом начале срока правления и придерживаться ее до самого конца.

После инаугурации президента Барака Обамы мы с Лорой отправились на военно-воздушную базу Эндрюс. Последним событием, в котором мы должны были принять участие перед тем, как сесть в самолет и отправиться обратно в Техас, должна была стать прощальная церемония перед трехтысячной толпой, состоявшей из наших родственников, друзей и членов бывшей администрации. Дик согласился представить меня. Он повредил себе спину, когда передвигал коробки, поэтому Линн вывезла его на сцену в инвалидной коляске. Дик взял микрофон. Я не мог даже предположить, что он собирается сказать. Я надеялся, что все его разочарования, которые он испытал, останутся в прошлом. Его слова оказались искренними и добрыми: «Восемь с половиной лет назад начались мои партнерские отношения с Джорджем Бушем, что стало для меня большой честью... Если я и сожалею о чем-то, то только о том, что эти дни подошли к концу и все члены этой чудесной команды теперь пойдут каждый своим путем».

Человек, которого я взял к себе в команду жарким июльским днем, остался верен мне до самого конца.

ГЛАВА 4

СТВОЛОВЫЕ КЛЕТКИ

В самом центре Лондона располагалось 34-этажное здание. Один из этажей включал в себя большое открытое пространство, известное как Комната оплодотворений. Здесь специалисты соединяли яйцеклетки и сперматозоиды в пробирках для создания будущего поколения. Инкубатор служил в качестве источника жизненной силы для нового мирового правительства, которое освоило новый способ создания продуктивного и стабильного общества.

Эта сцена была создана не в воображении Джея Лефковитца, блестящего юриста, который читал мне об этом вслух в Овальном кабинете в 2001 году. Об этом говорилось в романе «Прекрасный новый мир» Олдоса Хаксли, написанном в 1932 году. Если брать во внимание недавние прорывы в биотехнологии и генетике, эта книга выглядела до жути соответствующей реальности. Как и главная мысль: при всей своей эффективности утопия Хаксли выглядела бесплодной, безрадостной и бессмысленной. Поиск идеального человечества завершился утратой человечности.

В апреле того же года другой текст появился в Овальном кабинете. Описывая, как она это назвала, «мучительное семейное путешествие», автор действительно призывала меня поддержать «чудесные перспективы» исследований эмбриональных стволовых клеток, что может помочь в лечении таких людей, как ее муж, страдавший болезнью Альцгеймера. Она сделала заключение: «Господин президент, у меня есть личный опыт в принятии тех решений, с которыми вы сталкиваетесь каждый день... Я буду очень

Вам признательна, если Вы рассмотрите мои размышления и молитвы в рамках этого сложного вопроса. Искренне Ваша, Нэнси Рейган».

Сопоставление письма миссис Рейган и романа Хаксли сформулировало дилемму, с которой я столкнулся в области исследования стволовых клеток. Одна часть общества придерживалась мнения, что Федеральное правительство ответственно за финансирование медицинских исследований, которые должны помочь спасти жизни таких людей, как Рональд Рейган. Другая часть отрицала, что поддержка исследований, в рамках которых происходит разрушение человеческих эмбрионов, может сбросить нас с моральных высот прямоком в бездну, где человеческая жизнь уже не будет иметь ценности. Контраст был очень точным, и я столкнулся с серьезной проблемой.

«Иногда наши различия настолько явные, что создается впечатление, что мы живем на одном континенте, а не в одной стране, — сказал я на своей инаугурационной речи 20 января 2001 года. — Мы не согласны с таким положением дел и не дадим случиться этому. Наше единство, наш союз являются результатом серьезной работы, которую проделали лидеры и граждане многих поколений. И я даю торжественное обещание: я буду работать, чтобы построить единую нацию, в основе которой лежат правосудие и неограниченные возможности».

После завтрака с сановниками в Капитолии мы с Лорой отправились в Белый дом, что стало частью официального инаугурационного парада. По сторонам Пенсильвания-авеню стояли толпы доброжелателей, но в некоторых местах кучковались и протестующие. Они держали большие транспаранты, на которых были написаны всевозможные ругательства, они кидали яйца в автоколонну и кричали что есть сил. Большую часть времени я находился внутри президентского лимузина за толстым стеклом, поэтому я все происходящее снаружи воспринимал в виде пантомимы. Я не мог разобрать их слов, но по поднятым вверх средним пальцам можно было понять, что именно они испытывают: они были недовольны результатами выборов в 2000 году.

Мы с Лорой следили за оставшейся частью парада с трибуны Белого дома. Мы махали руками марширующим из каждого штата и были очень

взволнованы, увидев школьные оркестры из Мидленда и Кроуфорда. После парада я пошел осмотреть Овальный кабинет. Когда я вошел внутрь со стороны резиденции, мне показалось, что кабинет пылал. Яркий свет и золотые портьеры находились в контрасте с темным зимним небом.

Каждый президент украшает Овальный кабинет в своем собственном стиле. Я повесил несколько техасских картин, включая изятие Адама, пейзаж Западного Техаса и поле люпинов — ежедневное напоминание о нашем ранчо в Кроуфорде. Я также повесил картину под названием «Рио Гранде» от нашего друга из Эль-Пасо, художника Тома Ли, а также еще одну картину, где запечатлен всадник, поднимающийся на холм, написанную У. Г. Д. Коернером. Название этой картины, «Тяжкое бремя», совпадало с названием методистского церковного гимна Чарльза Уэсли, который я пел во время моей первой инаугурации в качестве губернатора. И картина и гимн говорили о том, что служение делу намного важнее служения самому себе.

Я решил сохранить на стене портрет Джорджа Вашингтона, созданный Рембрантом Пилом, который отец и Билл Клинтон повесили над камином. Я установил рядом бюсты Авраама Линкольна, Дуайта Эйзенхауэра и Уинстона Черчилля — подарок на время от Тони Блэра. Я сказал Тони, что восхищаюсь мужеством, принципиальностью и чувством юмора Черчилля — это были те самые качества, которые, по моему мнению, необходимы для лидерства. (Мой любимым примером остроумия Черчилля была его реплика, произнесенная им во время визита в Белый дом. Когда Франклин Рузвельт остановил его на выходе из ванной, Черчилль с улыбкой произнес: «Мне нечего скрывать от президента США!») После 11 сентября я понял, что эти три бюста имеют много общего между собой: все изображали людей, правивших в военное время. Хотя, конечно, я не думал об этом, когда выбирал их.

Одно место на стене было зарезервировано для портрета самого влиятельного из моих предшественников. Я выбрал Линкольна. Он проделал наиболее значимую работу среди всех президентов, направленную на сохранение Союза. Некоторые спрашивали, почему я не повесил портрет своего отца на это место. «Номер сорок один висит в моем сердце, — отвечал я. — А номер шестнадцать висит на моей стене».

Главным элементом интерьера в Овальном кабинете был стол Резалот. Я выбрал этот стол из-за его славной биографии. Его история началась в

1852 году, когда королева Виктория отправила судно Королевского военно-морского флота Великобритании «Резолют» на поиски британского исследователя Джона Франклина, экспедиция которого затерялась в поисках Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий. «Резолют» застрял во льдах арктических вод, и позже был оставлен командой. В 1855 году он был обнаружен американским китобойным судном, которое отбуксировало его в Коннектикут. Судно было выкуплено правительством Соединенных Штатов, отремонтировано и возвращено Англии в качестве подарка доброй воли для королевы. Когда через двадцать лет «Резолют» был списан, Ее Величество получила несколько украшенных столов, сделанных из древесины судна, один из которых она подарила президенту Резерфорду Хейсу.

Большинство президентов после Хейса использовали этот стол в том или ином качестве. Франклин Рузвельт установил с передней стороны стола дверцу, на которой была вырезана президентская печать, рассматривавшаяся многими историками как способ спрятать его инвалидную коляску. Маленький Джон Кеннеди-младший высунул свою голову из этой дверцы на самой знаменитой фотографии Овального кабинета, которая когда-либо была сделана. Отец использовал стол Резолют в своем офисе в резиденции, пока Билл Клинтон не вернул его обратно в Овальный кабинет. Сидеть за историческим столом было своеобразным напоминанием – что институт президентства намного более важен, чем тот конкретный человек, который занимает этот пост.

Энди Кард был со мной, когда я первый раз сел за этот стол. Моим первым решением, принятым в Овальном кабинете, была замена кресла – причудливой штуковины, вибрировавшей при включении, – на что-нибудь более практичное. В тот момент распахнулась дверь в розарий и я увидел отца.

«Господин президент», – сказал он. На нем был темный костюм, а волосы были еще влажными после горячего душа, который он принял, чтобы согреться.

«Господин президент», – ответил я.

Он вошел в кабинет, а я обошел стол со стороны. Мы встретились в середине комнаты. Ни один из нас почти ничего не сказал. Нам и не нужно было что-то говорить. Сам момент был намного более трогательным, чем слова, которые мы могли произнести.

На девятый день моего президентского срока моя команда по внутренней политике собралась в Овальном кабинете. Все явились вовремя, как я и ожидал. Пунктуальность является важным качеством, называющим себя уверенностью, что работа не допускает небрежностей. В тот день говорила Маргарет Спеллингс, мать двоих детей. Маргарет работала со мной в Остине и поехала в Вашингтон в качестве главного советника по внутренней политике. Она осветила огромное количество тем, включая новые инициативы, касающиеся людей с ограниченными возможностями, а также создание комиссии по реформе выборов под председательством бывших президентов Картера и Форда. Затем она перешла к дискуссии, касающейся исследований в области стволовых клеток. «Администрация Клинтона выступила с новыми указаниями, которые толкуют поправку Дики для разрешения финансирования исследований стволовых клеток. У нас есть несколько вариантов развития событий...»

Пока она не зашла далеко, я перебил ее. «Во-первых, – спросил я, – что такое стволовая клетка?» Я лучше всего воспринимал информацию через вопросы. В одних случаях я спрашивал, чтобы разобраться в сложной проблеме. В других – чтобы проверить знания выступающего. Если они не могли ответить кратко на простом английском языке, это давало основание считать, что они действительно не понимают предмета разговора.

Но Маргарет была хорошо подготовлена, впрочем, как всегда. Она начала с научного момента. Эмбриональные стволовые клетки являются специальным медицинским ресурсом, потому что они могут быть трансформированы в огромное количество других клеток. Точно так же, как и стебель винограда разрастается в различные маленькие веточки, эмбриональная стволовая клетка имеет способность вырасти в нервные клетки для мозга, мышечная клетка имеет способность вырасти в сердечные клетки для сердца или другие органы. С помощью этих клеток можно лечить множество заболеваний, начиная от сахарного диабета и заканчивая болезнью Альцгеймера и Паркинсона. Эта технология новая, и гипотезы еще не доказаны. Но потенциал значительный. Однако существует единственный способ получения эмбриональных стволовых клеток – разрушение эмбриона. Здесь возникает моральная проблема: может ли уничтожение одной человеческой жизни быть оправдано надеждой на спасение других?

Ответ Конгресса выглядел довольно ясным. Начиная с 1995 года, Сенат и Палата представителей принимали закон, запрещающий финансирование из федерального бюджета любых исследований, ради которых разрушался человеческий эмбрион. Этот закон был известен как поправка Дики, в честь ее главного спонсора, конгрессмена от Арканзаса Джея Дики.

В 1998 году исследователь из университета штата Висконсин впервые сумел выделить эмбриональную стволовую клетку. При разделении клетка создает множество других клеток, которые вместе называются «линия» и которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Вскоре администрация Клинтона приняла новую интерпретацию поправки Дики. Юристы утверждали, что деньги налогоплательщиков могут быть использованы для поддержания исследований линий стволовых клеток, полученных в процессе разрушения эмбрионов, тогда как само это разрушение финансировалось бы из частных средств. Национальные институты здравоохранения были готовы к выделению грантов в соответствии с этими условиями, но срок Клинтона закончился еще до того, как какие-либо средства были распределены. Мне следовало незамедлительно принять решение: следует ли возобновлять выдачу этих грантов или нет?

Было очевидно, что это будет больше чем просто спор о финансировании. Главным здесь был моральный вопрос: является ли замороженный эмбрион живым организмом? И если да, то что входит в наши обязанности для его защиты?

Я сказал Маргарет и заместителю главы администрации Джошу Болтену, что решение по этому вопросу будет иметь далеко идущие последствия. Для начала я хотел прояснить свои принципы как руководителя, послушать экспертов с обеих сторон, специалистов, а потом уже достичь предварительного заключения. После принятия решения я должен был рассказать о нем американскому народу. И в самом конце я должен был обеспечить условия для реализации принятого решения.

Для работы данного процесса Джош задействовал Джея Лефковитца, главного советника Административно-бюджетного управления, агентства, которое должно было контролировать мою политику финансирования. Джей был илуциным и веселым юристом из Нью-Йорка, имевшим серьезные

обязательства по отношению к своей иудейской вере и отменное чувство юмора. Он мне сразу понравился. Это было хорошо, потому что мы должны были проводить много времени вместе.

Джей загрузил меня информационно-справочными материалами, а именно — статьями из медицинских журналов, работами по моральной философии и правовому анализу. Тексты, которые он прислал мне, охватывали различные точки зрения. В журнале *Science* специалист по биоэтике доктор Луис Гуенин спорил: «Если мы откажемся (от исследований эмбриональных стволовых клеток), вряд ли это позволит появиться на свет большему количеству детей. Если мы будем проводить исследования, мы можем облегчить страдания».

Сторонники другой стороны в споре утверждали, что государственная поддержка разрушения человеческой жизни пересекает моральную черту. «Исследования эмбриональных стволовых клеток выведут нас на путь, в рамках которого наше восприятие человеческой жизни упадет до уровня рыночного ресурса — сродни поголовью рогатого скота...» — написал эксперт по биоэтике Уэсли Смит в журнале *National Review*.

По своей сути, вопрос о стволовых клетках вернул нас назад к философскому столкновению науки и морали. Я ощущал некую раздвоенность. Я не был заинтересован в примитивном понимании проблемы. Но при этом мне хотелось поддержать новые способы лечения. Я потерял свою сестру из-за детской лейкемии. Я состоял в совете директоров Национального фонда паралича Кента Уолдреп, пропагандистской группы, во главе которой стоял бывший футболист команды Техасского христианского университета, переживший травму спинного мозга. Я верил в обещания науки и новых технологий о возможности облегчения человеческих страданий и лечения болезней. Во время моей предвыборной кампании я пообещал довести до конца законопроект Конгресса, сформулированный в 1990 году и предусматривавший удвоение финансирования национальных институтов здравоохранения.

В то же время я считал, что технологии должны уважать моральные рамки. Я боялся, что если я санкционирую разрушение человеческих эмбрионов для исследований, это станет шагом вниз по скользкому склону от научной фантастики к медицинской реальности. Я представлял себе исследователей, занимающихся клонированием эмбрионов для выращивания

ни «запасных» частей тела в лабораториях. Я мог представить дизайнера младенцев, создающего по желанию родителей будущих баскетболистов со светлыми волосами. А там было недалеко и до масштабного человеческого клонирования. Я знаю, что подобные перспективы могли звучать невероятно для некоторых людей. Но если бы наука начала спускаться вниз по этому склону, было бы очень трудно повернуть назад.

Вопрос о стволовых клетках в чем-то напоминал споры вокруг абортот. Трудно сейчас в это поверить, но аборты не были важной политической проблемой, когда я был молодым. Я не помню, чтобы эта тема часто всплывала во время ранних предвыборных кампаний моего отца или во время разговоров в Эндове и Йеле. Все изменилось в 1973 году, когда Верховный суд, по решению судьи Байрона Уайта, которое сразу же окрестили как «проявление несовершенства судебной власти», посчитал аборты правом, защищенным Конституцией.

Проблема абортов – это сложный, деликатный и личный вопрос. Моя вера и совесть привели меня к заключению, что человеческая жизнь священна. Бог создал человека по своему подобию, и, следовательно, каждая личность имеет свою ценность в Его глазах. Это означало для меня, что еще не рожденный ребенок, даже находясь в зависимости от своей матери, является отдельным и независимым существом, достойным защиты в рамках своих прав. Когда я впервые увидел Дженну и Барбару на УЗИ, у меня не было сомнения, что они особенные и живые. Тот факт, что они не могли говорить от своего имени, лишь усиливал общественную ответственность в их защите.

Многие порядочные и вдумчивые люди были не согласны с этим, включая некоторых членов моей семьи. Я понимал их доводы и уважал их взгляды. Будучи президентом, я не хотел осуждать миллионы людей как грешников или поджигать топливо в бушующие культурные пожары. Я чувствовал, что ответственен за обозначение своих взглядов как противник абортов и за то, что должен привести людей к тому, что папа Иоанн Павел II назвал культурой жизни. Я был убежден, что большинство американцев согласны с тем, что наш народ станет лучше, если абортов станет меньше. Одним из моих первых действий в Белом доме было восстановление так

называемой Политики Мехико, которая препятствовала финансированию из федерального бюджета групп, содействующих развитию практики абортов за границей. Я поддержал законы штатов, требующих разрешение от родителей несовершеннолетних, собирающихся делать аборт. Я поддержал, подписал и выступил на стороне закона, запрещающего ужасную практику провоцирования выкидышей.

Мы с Лорой были яркими сторонниками усыновления. После трудностей с заведением детей нам было трудно представить, что кто-то может отказаться от того, что мы рассматривали как драгоценный подарок. Как отец двух дочерей, я мог себе представить, что происходит с испуганным подростком, сталкивающимся с незапланированной беременностью. Усыновление было чем-то вроде позитивной альтернативы абортот, как способ сохранения одной жизни и наделение смыслом двух других: родителей, которые усыновят детей. Мне было приятно подписать закон, увеличивавший финансирование консультативных центров для беременных, а также расширявший налоговые льготы, призванные компенсировать расходы родителей, желающих взять ребенка к себе.

В далекой перспективе я надеялся, что изменения, происходящие в сердцах людей, приведут к изменениям в законах, как новые технологии трехмерного ультразвука помогают все большему числу американцев осознать человеческую природу еще не родившихся младенцев. Я также надеялся, что политические лидеры будут продолжать высказываться за культуру, в рамках которой любая жизнь воспринимается как высшая ценность. Боб Кейси, демократ и губернатор Пенсильвании, удачно высказался по этому поводу: «Когда мы смотрим на еще не родившегося младенца, главный вопрос заключается не в том, когда именно начинается жизнь, а когда начинается любовь».

В начале весны 2001 года Маргарет, Джей и Карл Роув – действующий в тесном контакте с группами поддержки обеих сторон в этом вопросе – пригласили ряд выдающихся ученых, специалистов по этике, религиозных мыслителей и адвокатов для обсуждения исследований эмбриональных стволовых клеток. Разговор увлек меня. Чем больше нового я узнавал, тем больше вопросов у меня появлялось. Когда я произнес напутственную речь в

университете Нотр-Дам, я поднял тему эмбриональных стволовых клеток вместе с отцом Эдом Малой, ректором университета. Когда я выступал в Неле на следующий день, я поднял эту тему с доктором Гарольдом Варму-сом из Онкологического центра им. Слоуна-Кеттеринга. На вечеринке в честь дня рождения одного из докторов медицинского подразделения Белого дома я спросил у врачей, что они думают по этому поводу. Как только прозвучала фраза о том, что я хочу услышать мнения, я был буквально атакован огромным количеством министров, членов персонала, советников и друзей.

Конечно, я спросил совета у Лоры. Ее отец умер от болезни Альцгеймера, ее мама когда-то страдала от рака груди, и у нее была огромная надежда на то, что, возможно, появятся новые способы лечения. Но она боялась, что пропагандистские группы будут давать ложные обещания по поводу возможных достижений в области исследований эмбриональных стволовых клеток, что оставит отчаявшиеся семьи наедине с ложными надеждами.

Члены научного сообщества привели два основных аргумента в пользу финансирования исследований эмбриональных стволовых клеток. Первый заключался в медицинском потенциале. Ученые сообщили мне, что в Америке миллионы людей страдают от различных болезней, их состояние можно облегчить лекарствами, получаемыми от эмбриональных стволовых клеток. Эксперты верили, что всего лишь нескольких линий стволовых клеток будет достаточно для изучения науки и определения их ценности. «Если у нас будет от 10 до 15 линий, никто не будет жаловаться», — сказал в интервью *New York Times* известный исследователь из Стэнфорда Ирв Вейсман.

Команда исследователей из национальных институтов здравоохранения сообщила мне, что несколько линий стволовых клеток находятся на стадии разработки. Они также рассказали о предварительных исследованиях в области альтернативных способов получения стволовых клеток, без разрушения эмбриона. Их единогласное мнение заключалось в том, что запрет федеральной поддержки исследований эмбриональных стволовых клеток приведет к потере больших возможностей. Деньги налогоплательщиков были важны не только в качестве источника финансирования, как они объясняли, но и как знак одобрения научных инноваций со стороны общества.

Второй аргумент ученых был связан с практикой: большая часть эмбрионов, использовавшихся для получения стволовых клеток, в лучшем слу-

чае все равно выбрасывалась бы. Главным источником таких эмбрионов была сеть клиник In Vitro Fertilization (IVF) (клиники экстракорпорального оплодотворения). Когда семейная пара записывалась в IVF, доктора обычно оплодотворяли больше яйцеклеток, чем было необходимо, и затем вводили их будущей маме. В результате некоторые эмбрионы приходилось потом удалять после курса лечения. Они обычно замораживались и хранились в клинике. Так как эти запасные эмбрионы далее не используются для зачатия детей, ученые спорят, не имеет ли смысла просто использовать их для исследований, которые могут в перспективе спасти жизни людей.

Одной из групп людей, наиболее активно поддерживавших исследования эмбриональных стволовых клеток, был Фонд исследований в области сахарного диабета у подростков. В июле 2001 года я пригласил представителей этой организации в Овальный кабинет. В делегации было два моих друга, Вуди Джонсон и Майк Оверлок. Они были политическими покровителями данного фонда, поскольку оба имели детей, страдающих от диабета. Они были убежденными защитниками своей позиции, но их уверенность в быстрых достижениях от использования эмбриональных стволовых клеток удивила меня. Когда я отметил, что это знание еще не доказано и что могут быть альтернативные способы разрушения эмбрионов, стало очевидно, что пропагандистская группа не оставила пространства для сомнений. Эта встреча была окном в мир страстей, которые могла породить данная проблема.

В тот же день я встретился с представителями организации Национального комитета защиты права на жизнь. Они противились любым инициативам, связанным с разрушением человеческого эмбриона. Они отметили, что каждое крошечное скопление стволовых клеток имеет потенциал развиться в личность. На самом деле, каждый из нас начинает свою жизнь с этой ранней стадии. В качестве доказательств Nightlight Christian Adoptions. Данное агентство добивалось разрешения участников IVF использовать своих «запасных» и замороженных эмбрионов в качестве будущих детей, которые будут отданы на усыновление. Любящие матери вынашивали и рождали этих детей, так называемых «снежинок». Основной посыл был очевиден: внутри каждого замороженного эмбриона находится зачаток детской жизни.

Многие специалисты в области биотехнологий, с которыми я встречался, придерживались той же самой позиции. Они признавали, что большая часть замороженных эмбрионов в клиниках IVF не станут детьми. Также они были уверены, что существует моральная разница между позволением эмбриону умереть естественной смертью и активным его умерщвлением. Санкционирование убийства с целью спасения, с их точки зрения, переходит очень опасную моральную черту. Как сказал один из них: «Тот факт, что существо определено умереть, не дает права на использование его тела в качестве природного ресурса».

Я услышал также некоторые мнения, сильно меня удивившие. Рассудительный доктор Дэн Каллахэн сказал мне, что не является противником аборт, но он однозначно против исследований эмбриональных стволовых клеток. Он уверен, что существует моральная разница между прерыванием беременности для получения прямой пользы для матери и разрушением человеческого эмбриона для расплывчатых и косвенных целей научных исследований. Доктор Бенджамин Карсон, один из самых уважаемых хирургов в мире, считал, что исследования стволовых клеток имеют большое значение, но ученые должны сконцентрироваться на поиске альтернативных способов, таких, например, как получение стволовых клеток из крови пуповины. С другой стороны, Оррин Хэтч и Стром Турмонд, два наиболее стойких противника практики абортов в Сенате, поддерживали федеральное финансирование исследований эмбриональных стволовых клеток, потому что были уверены, что польза от спасенных жизней будет намного превосходить затраты на эти исследования.

В июле 2001 года я поехал встретиться с Иоанном Павлом II в его прекрасной летней резиденции Кастель-Гандольфо. Швейцарские гвардейцы со всеми почестями провели нас через несколько комнат в приемную. Иоанн Павел II был одной из величайших фигур современности. Пережив нацистский и коммунистический режимы в родной Польше, он стал первым папой не итальянского происхождения за 455 лет. Своим девизом «Не бойтесь!» он сплотил сознание людей Центральной и Восточной Европы, чтобы разрушить железный занавес. Как позже написал выдающийся историк, специалист по вопросам холодной войны Джон Льюис Гэддис:

«Когда Иоанн Павел II поцеловал землю в аэропорту Варшавы 2 июня 1979 года, он запустил процесс, в результате которого коммунизму в Польше – а в конечном итоге и во всей Европе – должен был наступить конец».

Его движения были обдуманными, его речь была мягкой и медленной. Но его глаза горели. От него исходило спокойствие. Он осторожно отвел Лору, нашу дочь Барбару и меня на балкон, мы были восхищены прекрасным озером Албано, на которое открывался вид. Позже мы с ним удалились в комнату для встреч, где обсуждали большое количество различных проблем, включая исследования стволовых клеток. Он осознавал перспективы, которые обещала наука, – святой отец сам страдал от болезни Паркинсона. Но он также был уверен в том, что человеческая жизнь должна быть защищена во всех формах. Я поблагодарил его за его принципиальную позицию и сказал, что неизменная поддержка человеческой жизни со стороны католической церкви обеспечила существование твердой моральной основы, на которой стоят такие же, как и я, противники практики абортов. Я выразил надежду, что церковь всегда будет твердой как скала в вопросах защиты человеческого достоинства.

Когда святого отца не стало в 2005 году, Лора, мой отец, Билл Клинтон и я поехали на его похороны в Рим. Это был первый случай в истории, когда американский президент присутствовал на похоронах папы, не говоря уже о двоих его предшественниках. Мы изъявили желание отдать дань уважения святому отцу. Как только мы встали на колени, чтобы помолиться над его телом, Лора повернулась ко мне и сказала: «Пришло время помолиться за чудеса». Я ощутил неожиданный импульс внутри себя. Я помолился за Питера Дженнингса, ведущего новостей канала ABC, умиравшего от рака.

Толпа людей на похоронах была невероятно подвижна. На площади Святого Петра они махали руками, пели и держали плакаты, чествуя жизнь святого отца. После проповеди кардинала Йозефа Ратцингера – который через одиннадцать дней по результатам тайного совещания станет папой Бенедиктом XVI – группа церковных представителей понесла гроб святого отца по ступенькам в собор Святого Петра. Прямо перед самым входом они повернулись лицом к толпе и подняли гроб в последний раз. Как только они сделали это, облака разошлись и солнечные лучи осветили гроб.

моральным проблемам, возникающим вследствие появления новых границ возможностей в исследованиях эмбриональных стволовых клеток. Даже если почти все благие цели не оправдывают средства».

Ближе к концу я перешел к своему решению:

«Исследование эмбриональных стволовых клеток дает большие надежды, но и подвергает нас большому риску. Поэтому я решил, что мы должны действовать с большой осторожностью... Я пришел к заключению, что мы должны разрешить финансирование из федерального бюджета исследований на основе уже существующих линий стволовых клеток, в отношении которых вопрос жизни и смерти уже решен. Ведущие ученые в этой области объяснили мне, что исследование этих 60 линий имеет большие перспективы и может привести нас к реальному прорыву в области терапии и производства новых лекарств. Это позволяет нам использовать потенциал стволовых клеток, не переступая основной моральной черты и не направляя деньги налогоплательщиков для санкционирования и поощрения дальнейшего разрушения человеческих эмбрионов, которые, по крайней мере, имеют потенциал к рождению... Я принял это решение с большой осторожностью, и я молюсь, чтобы оно оказалось верным».

За несколько недель до своей речи я почувствовал сильную тревогу. Я постоянно пересматривал свои предположения и вновь и вновь взвешивал мнения. Когда решение было принято, я почувствовал полное спокойствие. Я не знал, как отреагируют люди. Мы не собирали фокус-группу и не проводили опрос. Нам просто оставалось ждать реакции, как тогда мы ждали слово «аминь» в конце молитвы Джея.

Реакция на мое решение относительно стволовых клеток не заставила себя долго ждать. Часть политиков и активистов со всех сторон хвалили мое решение, как обоснованное и сбалансированное. В то же время некоторые ученые и их группы поддержки были разочарованы. Глава Фонда исследований в области сахарного диабета у подростков выступил с заявлением: «Мы аплодируем президенту за поддержку исследований в области эмбриональных стволовых клеток». Мой друг Кент Уандерн, парализо-

ванный бывший футболист команды Техасского христианского университета, глава пропагандистской группы, в совете директоров которой я когда-то заседал, сказал журналисту: «Это решение дало научному сообществу все что нужно, и я думаю, даже немного больше».

Значительная часть критики, с которой я столкнулся, исходила со стороны правых. Один консерватор сравнил мое решение с деятельностью нацистов во время Холокоста. Другой сказал: «Мне совестно за нашего президента, который пошел на уступки и дал моему поколению... менталитет, в рамках которого человеческая жизнь может быть разделена на части, использована и разрушена». Представитель Конференции католических епископов сказал: «Я, видимо, единственный человек в Америке, который выступает против политики президента».

Но он недолго был один. Характер дебатов очень скоро приобрел горячий и суровый характер. Оглядываясь назад, становится ясно, что два неприятных фактора сошлись в одной точке: деньги и политика.

Среди тех, кто первыми выступил против моей политики, было много ученых. Обеспечив в каком-то смысле федеральное финансирование, я усилил их аппетиты. Весной 2002 года я обратился к тем, кто недоволен, раз решив проведение исследований эмбриональных стволовых клеток, оплачиваемых из частных средств, в тех учреждениях, которые финансируются из федерального бюджета. Это был важный шаг, но он не удовлетворил ученых.

К ним быстро присоединились группы поддержки. Их надежды на получение новых лекарств свелись к нереалистичным обещаниям. Казалось, они считают, что ограничение количества стволовых клеток для исследований отложит сроки прорыва в области медицины. Они использовали знаменитых голливудских звезд, чтобы привлечь людей на свою сторону. Они также поняли, что эта проблема может помочь им заработать много денег. Некоторые из тех, кто поддерживал мое решение, вдруг стали его критиковать.

Политики также осознали, что могут неплохо заработать на этой проблеме. К 2004 году демократы пришли к выводу, что исследования стволовых клеток являются политическим инструментом. Это позволило им начать новый виток в споре вокруг аборт. Кандидаты по всей стране начали запускать телерекламу в пользу исследований эмбриональных стволовых клеток, при этом они не упоминали, что эффективность исследований

не доказана, а моральная сторона находится под сомнением и этическая сторона вопроса весьма спорна.

Кандидат в президенты от демократов сенатор Джон Керри проводил свою предвыборную кампанию, делая упор на этот вопрос. Керри часто критиковал то, что он часто называл «запретом» на исследования эмбриональных стволовых клеток. Я отмечал, что не было никакого запрета. Со всем наоборот, я был первым президентом в истории, разрешившим финансирование исследований этой программы. Вдобавок не было никакого ограничения на финансирование исследований частными лицами.

Тем не менее Керри в своей кампании использовал тему исследований стволовых клеток в качестве основания для нападок, в которых навешивал на мою позицию ярлык антинаучности. Его обвинения были ложными. Я поддерживал науку, финансируя альтернативные исследования стволовых клеток, продвигая развитие альтернативных источников энергии, увеличивая федеральные расходы на технологические исследования и запуская глобальную программу по борьбе со СПИДом. Но демагогия продолжалась до самых выборов. Крайняя точка была достигнута, когда кандидат в вице-президенты от демократов сенатор Джон Эдвардс заявил на политическом митинге в Айове, что если Керри станет президентом, «такие люди, как Кристофер Рив¹ встанут с инвалидных колясок и пойдут».

Споры вокруг проблемы стволовых клеток свелись к феномену, свидетелем которого я был в течение всего своего президентского срока: к критике моей личности. Фанатичные оппоненты и комментаторы ставили под сомнение мою легитимность, мой интеллект и мою искренность. Они насмехались над моей внешностью, моим акцентом и моими религиозными убеждениями. Меня называли нацистом, военным преступником и самим Сатаной. Последнее сравнение прозвучало из уст лидера иностранного государства, президента Венесуэлы Уго Чавеса. Один законодатель назвал

¹ Известный актер, игравший Супермена, Рив был прикован к инвалидной коляске после падения с лошади. К сожалению, он умер в октябре 2004 года, за день до заявления Чавеса

меня неудачником и обманщиком в одном лице. Потому он стал лидером большинства в Сенате.

В каком-то смысле я даже не был удивлен. Я терпел большое количество грубых политиков еще в Техасе. Я видел, как мой отец и Билл Клинтон высмеивались оппонентами и СМИ. Авраама Линкольна в свое время сравнивали с бабуином. Даже Джордж Вашингтон был настолько непопулярен, что героя Американской революции в мультфильмах стали изображать идущим к гильотине.

Появление этой темы в 24-часовых новостях и крайне фанатичных политических блогов также сильно разочаровывало. Ядовитая атмосфера американской политики становилась препятствием для порядочных людей, желавших баллотироваться на пост президента.

С течением времени мелкие оскорбления и брань усилились и стали привычным фоном. Некоторые говорили, что мне следует давать отпор, но я чувствовал, что это плохо скажется на статусе президента, если я опущусь до уровня своих критиков. Я баллотировался на этот пост, обещая изменить атмосферу в Вашингтоне. Я воспринимал клятву президента серьезно и пытался делать то, что от меня требуется, но лишь изредка мне это удавалось.

Резкие споры никогда не влияли на мои решения. Я прочитал много исторической литературы, и я был поражен тем, как много президентов в свое время пережили суровую критику. Мерилом их характера, а зачастую и успеха, была их реакция на критику. Те, кто основывал свои решения на принципах, а не исходил из общественного мнения, реабилитировались с течением времени.

Джордж Вашингтон однажды написал, что руководство, основанное на убеждениях, давало ему «утешение, которого никакие земные усилия не смогли бы его лишить». Он продолжил: «Стрелы недоброжелательности, смогли бы его лишить». Он продолжил: «Стрелы недоброжелательности, смогли бы его лишить». Он продолжил: «Стрелы недоброжелательности, смогли бы его лишить». Он продолжил: «Стрелы недоброжелательности, смогли бы его лишить».

Я вычитал эти слова из книги «Президентское мужество», написанной Майклом Бешлоссом в 2007 году. Я сказал Лоре, что если они еще дают оценку наследию Джорджа Вашингтона спустя два века после его ухода с должности, ему не нужно переживать насчет сегодняшних газетных заголовков.

Задолго до криков на телевидении и предвыборной кампании моя политика относительно стволовых клеток потихоньку переместилась в лабораторию. Впервые в истории ученые получили федеральные гранты для поддержки исследований эмбриональных стволовых клеток.

Ученые также использовали федеральное финансирование альтернативных способов получения стволовых клеток, чтобы исследовать потенциал неэмбриональных источников, таких как костный мозг, плацента, амниотическая жидкость. Их исследования открыли новые способы лечения для пациентов, страдающих множеством болезней, при этом не задевая моральных сторон вопроса. К примеру, доктора обнаружили способ получения стволовых клеток из пуповины, не причиняя вреда, для лечения пациентов, страдающих лейкемией и серповидноклеточной анемии.

Многие из этих исследований проводились под наблюдением доктора Элиаса Зерхуни, талантливого американца алжирского происхождения, которого я назначил руководителем национальных институтов здравоохранения. Я поставил его в сложное положение. Он разрывался между президентом, которому служил, и научным сообществом, частью которого являлся. Он не был согласен с моей политикой относительно исследований эмбриональных стволовых клеток. Но он все же был заинтересован больше в новых лекарствах, а не в политике как таковой. Он усердно финансировал исследования альтернативных источников стволовых клеток, а также уделял большое внимание другим научным открытиям в тех областях, которыми занимался доктор Зерхуни и его профессиональная команда из национальных институтов здравоохранения.

К сожалению, большая часть конгрессменов уделяла повышенное внимание политике, а не научным открытиям. Когда выборы 2006 года подошли вплотную, демократы дали понять, что они будут использовать данный вопрос в качестве политического оружия. Кандидат в сенаторы от Миссури убедил Майкла Д. Фокса, страдавшего болезнью Паркинсона, подвергнуть критике ее оппонентов в рамках рекламы на местных телеканалах. Некоторые республиканцы, изначально поддерживавшие мой политический курс, стали бояться за свои места и изменили свою позицию. В июне 2006 года Палата представителей и Сенат рассматривали законо-

проект, который мог изменить мою политику в отношении стволовых клеток, так как он был направлен на разрешение федерального финансирования исследований, в результате которых разрушится человеческий эмбрион.

Занимая пост президента уже в течение пяти с половиной лет, я к тому моменту еще ни разу не наложил вето на законодательный акт. Я всегда работал в тесном сотрудничестве с парламентским большинством, добиваясь принятия тех законов, которые я действительно одобрял. Но когда законопроект относительно стволовых клеток стал продвигаться в Конгрессе, я сразу дал понять, что наложу на него вето. Когда он дошел до моего стола, я сделал это.

На меня сразу навесили различные ярлыки, «упрямый» был одним из наиболее вежливых. Но я не собирался менять свою позицию. Если бы я отступил от своих принципов в этом вопросе, как бы я смог убедить людей в чем-нибудь другом?

Я много думал насчет того, как наилучшим образом сообщить о наложении вето. Я хотел найти яркий способ показать, что моя позиция была основана на моем почтении к жизни, а не на отвращении к науке. Когда Карл Зинсмейстер, мой советник по внутренней политике, предложил пригласить в Белый дом группу «снежинок», я решил, что это отличная идея. Каждый из этих детей до рождения был замороженным эмбрионом и, вместо того чтобы быть разрушенным, был помещен в тело будущей матери.

Я сообщил о своем решении наложить вето в Восточной комнате, находясь на сцене вместе с двадцатью четырьмя взволнованными детьми и их родителями. Одним из детишек был четырнадцатимесячный Трэй Джонс. Он начал свою жизнь в качестве эмбриона, который был оплодотворен Дейвом и Хитер Райт из Макомба, штат Мичиган. Пара прошла курс лечения в IVF, что помогло им привести в этот мир троих замечательных детей. Они дали согласие на то, чтобы их один оставшийся замороженным эмбрион вместо уничтожения в рамках исследования был усыновлен.

В городе Сайпресс, штат Техас, Джей Джей и Трейси Джонс молились, чтобы Бог послал им детей. Через Nightlight Christian Adoption¹ они получили тот самый эмбрион семьи Райт. Результатом стало появление на свет улыбающегося светловолосого мальчика по имени Трэй, которого я теперь

¹ Некоммерческая организация, занимающаяся усыновлением детей.

держал на руках в Белом доме. Благодаря чудесам науки, Трэй жил теперь в любимейшей семье жизнью, полной надежд.

Через несколько недель после этого события я получил трогательное письмо от Джей Джей Джонса. Он описал «боль от бесплодия» и то, как благословенно чувствовали они себя с Трейси, когда у них появился их «драгоценный Трэй, которого некоторые называют "остатком", предназначенным либо для уничтожения, либо для исследований». Он также сообщил мне, что у Трэя скоро будет родной брат, который тоже появится из замороженного эмбриона.

Реакция Конгресса на мое вето была неоднозначной. Спонсор законопроекта со стороны демократов выступил с заявлением, в котором утверждалось, что мое вето было основано на желании получить «циничную политическую выгоду». Было тяжело видеть, как большинство опросов демонстрировали непопулярность моей позиции относительно стволовых клеток. В качестве наказания за мое вето демократы отказались пропустить законопроект, поддерживавший исследования альтернативных источников получения стволовых клеток. Посыл заключался в том, что если они не могут финансировать исследования стволовых клеток, в рамках которых уничтожается эмбрион, они предпочтут не финансировать ничего. Они готовы были жертвовать слишком многим ради страстного желания увидеть новые лекарства.

Когда демократы получили большинство в Палате представителей и Сенате, они попытались иным способом изменить мой политический курс. Спикер Нэнси Пелоси объявила, что именно это является для нее главным приоритетом. Они прислали мне в 2007 году на подпись новый законопроект, я отправил его обратно, наложив вето. Благодаря смелости многих республиканцев на Капитол Хилл, мое вето устояло.

Пять месяцев спустя американцы увидели неожиданный заголовок на первой странице газеты *New York Times*: «Ученые больше не испытывают нужды в эмбрионах для получения стволовых клеток». В статье говорилось о том, что две команды исследователей, одна в Висконсине, а другая в Иллинойе, сумели перепрограммировать зрелые клетки кожи таким образом, что они стали вести себя, как эмбриональные стволовые клетки. Добавив

всего четыре гена к зрелой клетке, ученые сумели воплотить в жизнь давнее обещание – получить эмбриональные стволовые клетки без каких-либо моральных разногласий.

Это открытие отразилось на всем научном сообществе. Многие сторонники исследований эмбриональных стволовых клеток приветствовали этот научный прорыв как «захватывающий прогресс» и «без сложностей с этической точки зрения». Ян Видмут, голландский ученый, клонировавший овенку Долли, заявил, что отныне он больше не будет стремиться клонировать человеческие эмбрионы, а вместо этого будет использовать новую технологию.

Я был в восторге от этой новости. Это действительно был научный прорыв, на который я так надеялся, когда делал свое заявление в 2001 году. Чарльз Краутхаммер, один из самых толковых обозревателей в Америке и очень вежливый критик моего решения относительно стволовых клеток в 2001 году, сказал: «Вердикт понятен: редко когда президента – настолько очерненного из-за своей моральной позиции – так основательно реабилитировали».

В последующие годы наша нация столкнется с еще большим количеством проблем, касающихся биотехники, клонирования, генной инженерии. Но я глубоко уверен в том, что наука и этика могут сосуществовать. Проводя вдумчивую политику, мы можем вводить в использование новые лекарства, на которые так надеялась Нэнси Рейган, но при этом не двигаться по направлению к тому миру, описанному Олдосом Хаксли.

После моего обращения по поводу стволовых клеток к нации в августе 2001 года некоторые комментаторы назвали это решение самым важным из всех, принятых мною за время моего президентского правления. Это было правдой, но только на тот момент.

Урок чтения продолжился, но мои мысли были далеко за пределами кабинета. Кто мог сделать такое? Насколько серьезны разрушения? Что нужно делать теперь руководству страны?

Пресс-секретарь Ари Флейшер встал между мной и репортерами. Он стал показывать мне руками знаки, в которых читалось: «Ничего пока не говорите!» Я и не планировал. Я успел наметить план дальнейших действий: как только закончится урок, я спокойно покину кабинет, ознакомлюсь с фактами и обращусь к народу.

Через несколько минут после того как Энди зашел в кабинет, я отправился в выделенную нам комнату, в которую кто-то принес телевизор. Я в ужасе смотрел замедленный повтор того, как второй самолет врезается в южную башню. Огромный огненный шар и облако дыма были намного ужаснее, чем я себе представлял. Страна была потрясена, и я должен был немедленно выступить по телевидению. Я быстро настроил текст своего заявления. Я хотел убедить американцев, что руководство страны отреагировало на это событие, и что мы привлечем преступников к ответу за содеянное. Затем я рассчитывал поскорее вернуться в Вашингтон.

«Дамы и господа, это очень сложный момент для всей Америки, — начал я свое заявление. — Два самолета врезались во Всемирный торговый центр, что является очевидной террористической атакой на нашу страну». Было слышно тяжелое дыхание родителей и всех остальных, кто ожидал услышать мою речь по поводу образования. «Терроризм, направленный против нашей страны, не останется безнаказанным», — сказал я. Закончил я свое заявление минутой молчания в память жертв.

Позже я узнал, что примерно эти же слова — «эта агрессия не останется безнаказанной» — однажды звучали и в выступлении моего отца, которое он произнес после вторжения Саддама Хусейна в Кувейт. Это было случайное совпадение. Но, должно быть, это было запрядено в моем подсознании, чтобы всплыть на поверхность в нужное время.

Сотрудники Секретной службы хотели поместить меня на Борт № 1 как можно быстрее. Как только мой картер повернул на Florida Route 41, я позвонил Конди по защищенной линии из лимузина. Она сказала мне, что врезался третий самолет, на этот раз в Пентагон. Я встал с сиденья и

попытался вникнуть в смысл ее слов. Мои мысли прояснились: первый самолет мог быть несчастным случаем. Второй был определенно нападением. Третий — по сути, уже объявление войны.

Моя кровь кипела. Мы собирались найти тех, кто совершил это, и надрать им задницы.

То, насколько быстро ситуация приблизилась к военному времени, стало заметно в аэропорту. Агенты с автоматами в руках окружили Борт № 1. Двое из обслуживающего персонала самолета стояли на самых верхних ступеньках. Их лица выдавали горечь и уныние. Я знал, что миллионы американцев должны были ощущать то же самое. Я обнял их и сказал, что все будет в порядке.

Я зашел в президентскую кабину и попросил оставить меня одного. Я думал о страхе, который испытали пассажиры на тех самолетах, и о той боли, которую предстоит испытать семьям погибших. Так много людей потеряли своих близких, когда ничего не предвещало беды. Я молился, чтобы Бог уменьшил наши страдания и вывел страну из этого испытания. Вспомнились слова из моего любимого церковного гимна «Бог Благодарит и Бог Славы»: «Даруй нам мудрость, даруй нам мужество, чтобы встретить этот час».

Мои эмоции совпадали с теми, что чувствовали все американцы, но обязанности передо мной стояли совершенно иные. Время оплакивать и добиваться справедливости настанет позже. Но сначала я должен был справиться с потрясением. Мы испытали самую неожиданную и разрушительную атаку со времен Перл Харбора. Враг атаковал нашу столицу впервые начиная с 1812 года. Цель моего президентского срока прояснилась: оберегать граждан своей страны и защищать нашу свободу, на которую покушались враги.

Для начала нужно было сохранять спокойствие. Именно это я пытался сделать во Флориде. Затем необходимо было разобраться с фактами, предпринять действия для защиты граждан и восстановить пострадавшие районы. С течением времени нам необходимо было разработать стратегию действий для привлечения террористов к правосудию, чтобы они не смогли ударить вновь.

Я позвонил Дику Чейни, как только Борт № 1 стремительно набрал высоту 45 тысяч футов, что было намного больше нашей обычной высоты. Он находился в подземном зале командования — Президентском центре эк-

странных операций (РЕОС), когда представители Секретной службы решили, что самолет может быть направлен на Белый дом. Я сказал ему, что я буду принимать решения с самолета и буду рассчитывать на него в реализации моих решений на земле.

Два решения были приняты довольно быстро. Вооруженные силы отправили на задание боевые патрульные самолеты — группу истребителей, предназначенных для перехвата не отвечающих на запросы с земли самолетов — в небо над Нью-Йорком и Вашингтоном. Перехваты в воздухе — это было именно то, чему я учился, когда был пилотом F-102 в Национальной воздушной гвардии Техаса за 30 лет до этого. В то время мы предполагали, что нашим потенциальным противником является советский бомбардировщик. Сейчас же это был коммерческий лайнер, заполненный невинными людьми.

Мы должны были прояснить правила применения силы. Я сказал Дик, что наши пилоты должны связаться с подозрительными самолетами и попробовать посадить их, не применяя силы. Если этого сделать не удастся, их придется сбивать. Угнанные самолеты являлись военным оружием. И несмотря на страшную цену, которую в этом случае пришлось бы заплатить, данная мера могла спасти бесчисленное количество других людей. Это было мое первое решение, принятое в военное время в качестве главнокомандующего.

Дик перезвонил через несколько минут. Конди, Джош Болтен и старшие сотрудники команды по национальной безопасности уже присоединились к нему в РЕОС. Они были проинформированы, что подозрительный самолет, который не отвечает на сообщения, направляется в Вашингтон. Дик спросил меня, подтверждаю ли я свой приказ относительно применения силы, который я дал перед этим. Я подтвердил. Позже я узнал, что Джош Болтен настоял на подтверждении, чтобы быть уверенным, что исполняется принцип подчиненности. Я попытался вернуться в те дни, когда был пилотом. «Не могу себе даже представить, что значит получить такой приказ», — сказал я Энди Карду. Я очень надеялся на то, что его никому не придется исполнить.

Вторым решением, которое я должен был принять, был вопрос о том, где посадить Борт № 1. Я считал, что нам необходимо вернуться в Вашингтон. Я хотел находиться в Белом доме и оттуда координировать свои дей-

ствия. То, что президент останется в полувзлетной полосе, должно было успокоить наших.

Вскоре после того как мы вылетели из Сарасоты, Энди и Эдди Маринел, худой и атлетичный агент Секретной службы из Питтсбурга, стали остужать мой пыл. Они говорили, что ситуация в Вашингтоне была очень нестабильной, вероятность новой атаки все еще была довольно высока. Федеральное управление гражданской авиации сообщило, что было угнано шесть самолетов. Это означало, что три из них могут еще находиться в воздухе. Я сказал им, что не позволю террористам запугать меня. «Я являюсь президентом», — сказал я уверенно. — И мы направляемся в Вашингтон».

Агенты продолжали настаивать на своем. Но мне очень не нравилась ситуация, при которой я должен был бежать от террористов. Но чем больше я хотел вернуться, тем больше я понимал, что должен убедить людей в том, что правительство в кризисной ситуации предпринимает все возможные меры. Это стало бы победой для врага, если бы они сумели ввести президента в панику. Военный помощник и агенты Секретной службы порекомендовали перенаправить самолет на военно-воздушную базу Баркседей в Луизиане, где мы смогли бы заправиться горючим. Я смягчил свою позицию. Через несколько минут я почувствовал, как Борт № 1 повернул на запад.

Одним из самых больших разочарований 11 сентября для меня стали жалкие коммуникационные технологии на Борту № 1. В самолете не было спутникового телевидения. Мы зависели от каждого местного сигнала, который только могли поймать. Но через несколько минут изображение исчезало с экрана.

Но для меня было достаточно даже этого неустойчивого сигнала, чтобы понять тот ужас, который виделся с экранов американцам. Брошенные на произвол судьбы люди выпрыгивали из верхних этажей башен Всемирного торгового центра, обрекая себя на верную гибель. Другие высывались из окон в надежде, что их смогут спасти. Я чувствовал их агонию и отчаяние. Я занимал один из самых серьезных постов на Земле, но, не смотря на это, у меня не было никаких возможностей, чтобы помочь им.

В какой-то момент телевизионный сигнал стал устойчивым, и этого времени мне хватило, чтобы увидеть обрушение Южной башни. Северная баш-

ня рухнула менее чем через тридцать минут. Я до самого конца надеялся, что у отчаявшихся людей, застрявших на верхних этажах здания, будет достаточно времени, чтобы выбраться. Теперь надежды не осталось.

Обрушение зданий усилило масштабы катастрофы. Пятьдесят тысяч человек пришли на работу в свои офисы в этот ничем не примечательный день. Какое-то количество из них было эвакуировано, но я задавался вопросом, сколько же из них осталось внутри. Тысячи? Десятки тысяч? Не было даже примерных цифр. Но я был точно уверен, что только что видел гибель такого количества американцев, которого не видел ни один из предыдущих президентов в истории нашей страны.

Я находился в курсе событий, созваниваясь с Конди и Диком в РЕОС. Мы пытались организовать открытую линию, но она все время обрывалась. Спустя годы заместитель главы администрации Джо Хэгин проследил за усовершенствованием коммуникационных систем в РЕОС, Ситуационной комнате и на Борту № 1.

Когда мы все-таки получали информацию, она зачастую была противоречивой, а иногда и совершенно неверной. Я понял, что такое «туман войны». Поступали сведения о бомбе в здании Госдепартамента, о пожаре на Национальной аллее, об угнанном корейском самолете, который направляется в Соединенные Штаты, а также поступил звонок на Борт № 1 с угрозой. Звонивший использовал кодовое слово самолета – «Ангел», – которое знали лишь несколько человек. Самым странным сообщением для меня стала информация о каком-то объекте, направлявшемся к нашему ранчо в Кроуфорде. Вся эта информация оказалась впоследствии ложной. Но в тех обстоятельствах все сообщения воспринимались всерьез.

Одно сообщение, из тех, что я получил, оказалось правдой. Четвертый самолет рухнул где-то в Пенсильвании. «Мы его сбили или он сам рухнул?» – спросил я у Дика Чейни. Никто не знал. Мне стало плохо. По моему приказу уничтожили ни в чем не повинных американских граждан?

Когда туман рассеялся, я узнал о героизме пассажиров рейса № 93. После того, как они услышали по телефону о более ранних атаках от своих близких, находившихся на земле, пассажиры решили взять штурмом кабину пилота. На записи разговоров с обреченного рейса были слышны последние слова мужчины по имени Тодд Бинмер, который вдохновил пассажиров к действиям, произнес: «Вперед!» («Let's roll!») Комиссия по делу

терактов 11 сентября пришла к выводу, что мужественное поведение пассажиров рейса № 93 уберегло Капитолий или Белый дом от разрушения. Они совершили один из величайших подвигов в американской истории.

Я все утро пытался дозвониться до Лоры. У нее было запланировано выступление перед комитетом Сената в поддержку нашей инициативы в сфере образования примерно в то же время, когда самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра. Я несколько раз пытался дозвониться, но связь все время обрывалась. Я не мог поверить, что президент Соединенных Штатов не может дозвониться до своей жены, которая находится в здании Капитолия. «Что, черт возьми, происходит?» – выругался я на Энди Карда.

В конце концов, когда Борт № 1 начал снижаться к Барксдейлу, я дозвонился до Лоры. Голос Лоры как всегда был успокаивающим, но в тот день услышать ее было особенно утешительно. Она сказала мне, что представители Секретной службы доставили ее в безопасное место. Я окончательно успокоился, когда она сообщила мне, что говорила с Барбарой и Дженной, и с ними все в порядке. Лора спросила, когда я собираюсь вернуться в Вашингтон. Я сказал ей, что все призывают меня не возвращаться пока, но я скоро буду. Я даже не знал, правда это или нет, но я очень надеялся на это.

Посадка в Барксдейле напоминала мне присутствие на съемочной площадке. Нас сопровождали истребители F-16 из хорошо знакомого мне подразделения военно-воздушной базы Эллингтон в Хьюстоне. На посадочной полосе находилось множество бомбардировщиков. Это было потрясающее зрелище, наглядная демонстрация мощи наших воздушных сил. Я знал, что момент, когда я направлю эту мощь против тех, кто организовал атаку, является лишь вопросом времени.

В Барксдейле не был организован президентский кортеж, поэтому командующий офицер, генерал Том Кек, должен был импровизировать. Агенты сопровождали меня до машины, которая выехала на шоссе и помчалась со скоростью примерно 80 миль в час. Когда водитель стал маневрировать на такой скорости, я закричал: «Притормози, сынок, там на базе нет террористов!» Вероятно, в тот момент я был ближе всего к смерти за весь день.

Я связался с Доном Рамсфелдом по защищенной линии из кабинета генерала Кека в Барксейде. Было трудно отследить его место расположения, так как он оказывал первую помощь раненым в Пентагоне. После того как самолет врезался в здание, он выбежал наружу и начал помогать спасателям перекладывать раненых на носилки.

Я сказал Дону, что рассматриваю эти атаки как военный акт и одобряю его решение повысить уровень боевой готовности до DefCon Three¹ впервые после Арабо-израильской войны 1973 года. На всех американских военных объектах по всему миру были повышены меры безопасности, они также были приведены в состояние готовности. Я сказал Дону, что нашим основным приоритетом должно стать преодоление этого кризиса. После этого я планировал произвести серьезные ответные военные действия. «Следующий ответный шаг будет за тобой и Диком Майерсом (председатель Объединенного комитета начальников штабов)», — сказал я ему.

Когда в Луизиане было 11:30, прошло уже почти три часа с момента моего обращения к нации. Я боялся, что у людей сложилось впечатление, что правительство ничего не делает. Лора выразила ту же озабоченность. Я записал сообщение, в котором объяснял, что правительство принимает необходимые меры и что нация вскоре столкнется с серьезным испытанием. Заявление было правильным по сути, но то, как оно было преподнесено — в Совещательной комнате на военной базе в Луизиане — не внушало доверия. Американскому народу нужно было видеть своего президента в Вашингтоне.

Я поднажал на Энди, чтобы узнать, можем ли мы вернуться в Белый дом. Агенты Секретной службы считали, что ситуация там была все еще неопределенной. Конди и Дик были согласны с ним. Они порекомендовали мне отправиться в штаб командования стратегической авиации на военно-воздушной базе Оффат в Небраске. Там имелись безопасные помещения и надежные средства связи. Я в очередной раз смирился с отсрочкой своего возвращения. Как только мы вернулись на самолет в Барксейде, на борт самолета загрузили дополнительную еду и воду. Мы должны были быть готовы к любой возможной ситуации.

¹ DefCon Three — третий (пониженный) уровень готовности вооруженных сил США.

Когда мы сели в Оффате, меня отвели в командный центр, заполненный военными офицерами, принимавшими участие в запланированных учениях. Вдруг через систему оповещения прозвучал голос: «Господин президент, приближается не отвечающий на связь самолет из Мадрида. Имеем ли мы право сбить его?»

Моей первой реакцией был вопрос «Когда же это все кончится?» После этой мысли я обрисовал те правила применения военной силы, которые я одобрил ранее. В моей голове пронеслись самые худшие сценарии. Какими могли быть дипломатические последствия уничтожения иностранного самолета? Или: что если бы мы опоздали и террористы нанесли бы удар по своей цели?

Вновь послышался голос из громкоговорителя: «Рейс из Мадрида приземлился в Лиссабоне».

«Слава Богу», — подумал я.

Мы отправились в коммуникационный центр, из которого я по видеосвязи связался с собранием по национальной безопасности. Я тщательно обдумал то, что хочу сказать. Я начал с ясного заявления: «Мы стоим на пороге войны с терроризмом. С сегодняшнего дня и впредь это будет еще одним их приоритетов нашей администрации». Я получил новые сведения о реакции на чрезвычайную ситуацию. Затем я повернулся к Джорджу Тенету. «Кто сделал это?» — спросил я.

Джордж произнес два слова: Аль-Каида.

До 11 сентября большинство американцев никогда не слышали об Аль-Каиде. Для меня впервые был проведен брифинг по поводу террористической сети, когда я еще был кандидатом в президенты. Аль-Каида, что переводится с арабского как «основа», является фундаменталистской исламской террористической сетью, которая управлялась и поддерживалась Талибаном в Афганистане. Их лидер, Усама бен Ладен, саудовский радикал из богатой семьи, которого выслали из королевства, когда он открыто выступил против решения правительства разрешить американским войскам находиться на территории страны во время войны в Персидском за-

ливие. Группировка придерживалась экстремистских взглядов и считала своим долгом ликвидировать любого, кто окажется на их пути.

Аль-Каида имела склонность к совершению терактов, направленных на привлечение внимания. За три года до этого террористы осуществили синхронный подрыв двух американских посольств в Восточной Африке, в результате которых погибло более двухсот человек и было ранено более пяти тысяч. Они также стояли за нападением на эскадренный миноносец USS Cole, унесшим жизни 17 американских моряков недалеко от берегов Йемена в октябре 2000 года. К вечеру 11 сентября 2001 года сотрудники разведки уже знали фамилии известных членов Аль-Каиды, оказавшиеся в списках пассажиров захваченных рейсов.

ЦРУ испытывало опасения по поводу Аль-Каиды до 11 сентября, но их разведывательная деятельность была направлена на предотвращение терактов за рубежом. В конце весны и в начале лета 2001 года мы укрепили охрану в зарубежных посольствах, усилили сотрудничество с иностранными разведывательными службами, а также выступили с предупреждением через Федеральное управление гражданской авиации США по поводу возможных захватов международных рейсов. В первые девять месяцев моего президентского срока мы помогли предотвратить террористические угрозы в Париже, Риме, Турции, Израиле, Саудовской Аравии, Йемене и других странах.

Летом я попросил ЦРУ еще раз проверить возможности Аль-Каиды совершить атаку на территории США. В конце августа Агентство выступило на ежедневном президентском брифинге, где вновь сообщило о долгосрочных намерениях бен Ладена нанести удар по Америке, но оно не было в курсе каких-то конкретных планов. «Мы не смогли подтвердить некоторые из сообщений об угрозе, таких, например, как... бен Ладен собирается захватить американский самолет», — говорилось в ежедневном президентском брифинге¹.

11 сентября стало очевидно, что сотрудники разведки упустили что-то серьезное. Я был встревожен этим упущением и ожидал услышать объяснения. Но разбираться со всем этим сейчас, в разгар кризиса, было неуместно. В первую очередь я был обеспокоен тем, что в США все еще могли находиться члены Аль-Каиды.

¹ Источник доклада, зарубежная служба разведки, остается засекреченной.

Я посоветовал Джорджу Тенету держать уши остро, а это означало, что он должен прислушиваться к любым данным разведки и следить за каждым их шагом.

Я также дал понять, что планирую использовать военную силу в этом противостоянии, когда придет время. Наш ответ не мог заключаться лишь в атаке крылатой ракетой, что сравнимо с булавочным уколом. Мы должны сделать больше, чем просто «запустить ракету стоимостью миллион долларов в палатку за 5 долларов». Ответ Америки на эти атаки должен был стать равнозначным, убедительным и эффективным.

Был еще один вопрос, который необходимо было обсудить во время видеоконференции: когда мне следует вернуться в Вашингтон? Глава Секретной службы Брайан Стэффорд сказал мне, что в столице все еще небезопасно. В этот раз я решил отстаивать свою позицию. Мне нужно было обратиться к нации, и это никак не могло происходить из подземного бункера в Небраске.

Во время обратного полета Энди и сотрудник ЦРУ Майк Морелл пришли проводить меня в Совещательную комнату. Майк сказал мне, что французская служба разведки сообщила о других членах Аль-Каиды — так называемых «спящих ячейках» — которые находились в США, планируя вторую волну атаки. Эта фраза «вторая волна» бросила меня в дрожь. Я верил, что Америка сможет ликвидировать последствия атаки 11 сентября, не испытывая паники. Но было бы очень трудно пережить последующие атаки. Это был один из самых худших моментов за весь день.

Смотря телевизор во время полета домой, я увидел фотографию Барбары Олсон. Барбара была талантливым телекомментатором и женой зампестителя генерального прокурора Теда Олсона, выступавшего в мою защиту в Верховном суде во время пересчета голосов во Флориде. Она залезла за границу на рейсе № 77, на том самом самолете, который вределся в Пентагон. Она была первым знакомым мне человеком из числа погибших в этой трагедии. Я дозвонился до Теда по телефону. Он был погребен в этой трагедии. Я выразил спокойствие, но я почувствовал шок и опустошение в его голосе. Я выразил ему соболезнование. Он рассказал, что Барбара звонила ему с захваченного рейса и поведала о том, что произошло на борту. Она оставалась

настоящим патриотом до самого конца. Я поклялся Тету, что мы найдем тех, кто ответственен за ее смерть.

Полет домой также дал мне шанс связаться с моими родителями. В ночь перед трагедией ночевали в Белом доме, и рано утром 11-го улетели на самолете. Они находились еще в воздухе, когда пришли первые новости об атаке террористов. Оператор соединил меня с отцом. Я могу сказать, что он был встревожен. Он не волновался насчет моей безопасности — он верил, что сотрудники Секретной службы смогут меня защитить, — но он был обеспокоен из-за стресса, который я должен был испытывать. «Я в порядке», — попробовал я его успокоить.

Отец передал трубку маме.

— Вы где? — спросил я.

— Мы сейчас находимся в мотеле в Брукфилде, штат Висконсин, — ответила она.

— Как вы там оказались?

— Сынок, — сказала она, — ты ведь сам посадил наш самолет!

Министр транспорта Норман Минета и Федеральное управление гражданской авиации США совершили невероятный подвиг, сумев посадить четыре тысячи самолетов в течение двух часов. Я надеялся, что террористических атак с неба больше не последует.

Я начал думать о том, что скажу всей стране вечером во время выступления из Овального кабинета. Моим первым желанием было сообщить американцам, что наша страна находится в состоянии войны. Но когда я посмотрел это массовое убийство по телевизору, я понял, что население все еще находится в состоянии шока. Объявление войны могло послужить основой для дальнейшего беспокойства. Я решил подождать один день.

Я хотел объявить главное решение, которое принял: Соединенные Штаты будут рассматривать любую нацию, которая укрывает террористов, ответственной за действия этих террористов. Эта новая доктрина перевернула предыдущий подход, в рамках которого террористы рассматривались отдельно от их спонсоров. Мы обязаны были заставить эти страны сделать выбор: бороться с террористами или разделить их судьбу. И мы должны были вести эту войну в ответ на преступление, уничтожая террористов за пределами нашей страны еще до того, как они смогут атаковать нас вновь на нашей территории.

Я также хотел, чтобы моя речь была произнесена чувством морального возмущения. Преднамеренное убийство ни в чем не походил на случайное проявление зла в чистом виде. Еще я хотел, чтобы моя речь выражала спокойствие и решимость — спокойствие насчет того, что мы сможем оправиться от этого взрыва, и решимость, что мы непременно привлечем террористов к ответственности.

Борт №1 коснулся земли на военно-воздушной базе Эндрис в Мэриленде около 6:30 вечера. Я быстро направился к вертолету, который отправился в десятиминутный полет к Южной лужайке. Вертолет наклонился влево и затем вправо. Я не испугался. Я знал, что пилоты НМХ-1 доставят меня прямо до дома.

Я посмотрел сверху на покинутый, перекрытый Вашингтон. С такого расстояния я увидел столб дыма над Пентагоном. Символ нашей военной мощи тлел. Я был поражен тем, насколько умелыми и беспощадными должны были быть пилоты Аль-Каиды, чтобы суметь направить самолет прямо в столь низкое здание. Мои мысли ушли назад в историю. Я видел современный Перл Харбор. Так же, как и Франклин Рузвельт, сплотивший нацию для защиты нашей свободы, я должен был возглавить новое поколение американцев для защиты нашей страны. Я повернулся к Энди и сказал: «Ты видишь первую войну XXI века».

Первым местом, которое я посетил после посадки на Южной лужайке, был Овальный кабинет. Я просмотрел набросок моей речи и изменил некоторые строки. Затем я спустился в РЕОС, часть укрепленной подземной конструкции, которая была построена во время холодной войны в целях защиты от серьезной атаки. Бункер находится под круглосуточной военной охраной, в нем всегда достаточно еды, воды и электроэнергии для поддержания жизнедеятельности президента и его семьи в течение продолжительного времени. В центре сооружения находится конференц-зал с большим деревянным столом — подземная Ситуационная комната. Лора ждала меня там. У нас было совсем немного времени, чтобы пообщаться, но нам и не нужно было этого делать. Ее объятия были сильнее всяких слов.

Я поднялся обратно вверх, перечитал свою речь и направился в Овальный кабинет.

Дух нации пошатнулся. Люди закупали противогазы и воду в бутылках. Многие уехали в пригороды, опасаясь, что высокие городские здания могут стать очередной мишенью для террористов. Работающие в небоскребах не могли заставить себя вернуться на работу. Впоследствии многие люди отказывались садиться в самолет в течение недель, а то и месяцев. Казалось, что непременно будет следующая атака.

Не существует учебного пособия по сплочению нации, запуганной безликим врагом. Я положился на интуицию и опыт. Мой западнотехасский оптимизм помогал мне выглядеть уверенно. Иногда я говорил излишне прямо, например, когда сказал, что хочу видеть бен Ладена «живым или мертвым». Мое окружение сильно поддерживало меня в эти дни. Люди в Белом доме работали стабильно, становясь для всех источником вдохновения. Лора была оплотом надежности и любви. Мой брат Марвин и сестра Дороти, которые жили в окрестностях Вашингтона, часто останавливались у меня на трапезу. Родители постоянно предлагали свою поддержку. Моя семья дарила мне ощущение комфорта и помогала собраться с мыслями.

Я также черпал силу в своей вере и в историческом прошлом. Я нашел утешение, читая Библию, которую Авраам Линкольн однажды назвал «лучшим подарком человеку от Бога». Я восхищался моральной ясностью Линкольна и его решимостью. Противоречие между тиранией и свободой, как он говорил, это «проблема, с которой сталкиваешься только в условиях войны и которую можно решить только победой». Эти слова можно было применить и к войне с терроризмом.

Я обозначил три основные задачи на ближайшие дни. Первой задачей было не дать террористам нанести по нам очередной удар. Второй задачей было объяснить нашей стране и всему миру, что мы находимся в состоянии новой войны. В-третьих, необходимо было устранить последствия уже осуществленных атак и убедиться, что террористам не удалось обрушить нашу экономику и разделить общество.

12 сентября я отправился в Овальный кабинет, как обычно, в 7 утра. Из первую очередь нужно было ответить на телефонные звонки глав иностранных государств, выражающих свои соболезнования. Первый разговор состоялся с премьер-министром Великобритании Тони Блэром. Он начал разговор с того, что «находится в состоянии шока» и что он будет поддерживать Америку «на сто процентов» по вопросам борьбы с терро-

ризмом. Не было никакой неоднозначности в его тоне. Этот разговор помог укрепить мою веру в дружбу с одним из самых близких иностранных лидеров. С течением времени, когда наши военные решения стали более жесткими, многие союзники стали колебаться. Тони Блэр – нет.

Каждый из звонивших выражал свою поддержку. Премьер-министра Канады Жан Кретьен сказал очень просто: «Мы с вами». Это были слова, сказанные от имени канадских граждан, принявших у себя тысячи американцев, находившихся в затруднительном положении после того, как их рейсы были перенаправлены в другие места. Премьер-министр Италии Сильвио Берлускони сказал мне, что «он плакал, как маленький мальчик, и не мог остановиться», и пообещал всяческое сотрудничество. Цзян Цзэминь из Китая, Герхард Шрёдер из Германии и Жак Ширак из Франции пообещали мне любую помощь, какую они только смогут оказать. Дзюнь-итиро Коидзуми, премьер-министр государства, которое нанесло удар по Америке в Перл Харборе, назвал события 11 сентября «не просто атакой на США, а атакой на свободу и демократию». Впервые в пятидесятидвухлетней истории НАТО члены альянса проголосовали за применение 5-й статьи устава: атака на одного из членов альянса рассматривается как атака на всех.

Коалиция в войне против террора была создана, и – до поры до времени – все желали вступить в нее.

После звонков я принял участие в брифинге ЦРУ и созвал Совет по национальной безопасности (NSC). Джордж Тенет подтвердил, что ответственность за эти террористические акты взял на себя бен Ладен. Сотрудники разведки обнаружили, что члены Аль-Каиды поздравляют друг друга на востоке Афганистана. Я дал всем понять, что это будет необычная война. Мы столкнулись с врагом, у которого нет столицы и армии. Победа над нами должна была потребовать мобилизации всех ресурсов национальной мощи, начиная со сбора сведений для заморозки банковских счетов террористов и заканчивая развертыванием войск.

Встреча дала мне возможность обратиться к прессе. Я был готов объявить то, о чем не стал говорить прошлой ночью. «Преднамеренные и смертоносные атаки, которые вчера были осуществлены против нашей

страны, что больше, чем просто террористические акты, — сказал я. — Это же военные действия».

Полчаса спустя я встретился с лидерами обеих партий в Конгрессе. Я обозначил два момента, наиболее сильно беспокоивших меня. Будучи законно избранными руководителями, мы несли ответственность — необходимо было сфокусироваться на угрозе и сразаться с террористами до тех пор, пока мы не одержим победу.

Мое второе беспокойство было связано с отрицательной реакцией, направленной в адрес американских арабов и мусульман. До меня дошли сведения о стычках с людьми, выглядевшими как выходцы с Востока. Я вспоминал о непривлекательных аспектах американской истории, имевших место в военное время. В Первую мировую войну все избегали американцев немецкого происхождения, а в некоторых крайних случаях их даже арестовывали. Во время Второй мировой президент Рузвельт поддержал практику размещения большого количества американцев японского происхождения в специальных лагерях для задержанных. Одним из этих людей был Норман Минета, который был задержан в возрасте десяти лет. Его присутствие в кабинете, где проходило совещание, было мощным напоминанием об ответственности государства за пресечение любых случаев дискриминации. Я планировал дать понять это посредством посещения мечети.

Члены Конгресса были едины в своем намерении защитить страну. Спикер Том Дашли, лидер демократического большинства, выступил с предупреждением. Он сказал мне, что я должен быть аккуратен со словом «война», потому что это могло иметь серьезные последствия. Я прислушался к его мнению, но не был согласен с ним. Если четыре атаки, которые были инсценированы террористической сетью, пообещавшей убить как можно больше американцев, были не актом войны, тогда чем же они были? Нарушением дипломатического протокола?

Одним из последних, кто говорил, был Роберт Берд, восьмидесятидвухлетний сенатор-демократ из Западной Вирджинии. Он знал эту страну — еще во время Карибского кризиса: войны во Вьетнаме, и завершающий период холодной войны и во время бесчисленного количества других конфликтов. Его кристально чистые слова напомнили мне участие в со-

щения: «Несмотря на Голливуд и телевидение, — сказал он, — существует вера людей, которые верят в божественное руководство и в Соединенные Штаты. Могучие войска придут вам на помощь».

Днем 12 сентября я совершил короткую поездку через Потомак к Пентагону. Здание тлело, а внутри еще находились тела погибших. Мы с Доном Рамсфелдом подошли к месту катастрофы и поблагодарили отряды работников за их преданность. В какой-то момент рабочие наверху здания развернули гигантский американский флаг. Это был знак неповиновения и решимости, как раз то, что люди хотели видеть. Одной из последних групп, с которыми я встретился, были работники морга. Джо Хэгин привел их. Они были все в пыли после выполнения самого печального долга, какой можно только представить. Я сказал им, насколько ценю то, что они делают.

Увиденное в Пентагоне убедило меня в том, что мне нужно отправиться в Нью-Йорк как можно скорее. Джо сказал мне, что существуют серьезные проблемы в отношении этой идеи. Секретная служба не была уверена в безопасности этого места. Передовые группы не имели достаточно времени, чтобы подготовиться к прибытию президента. Никто не знал, какой будет обстановка у Граунд Зиро. Это беспокойство было вполне правомерным, но я уже принял решение. Я хотел, чтобы жители Нью-Йорка знали, что они не одни. Я принял атаку на город близко к сердцу. Нельзя было заменить разговор с ними с глазу на глаз чем-либо иным.

Я решил обнародовать эту новость во вторник утром. Ари Флейшер предложил пригласить прессу в Овальный кабинет, чтобы они стали свидетелями моего звонка губернатору штата Нью-Йорк Джорджу Патаки и мэру города Руди Джулиани. «Я не могу выразить словами, насколько я горжусь гражданами, проживающими на вашем клочке земли, и той невероятной работой, которую вы все делаете, — сказал я. Затем я все удивительней продолжил. — Вы пригласили меня в Нью-Йорк, я согласен; буду завтра после полудня».

После разговора я согласился ответить на несколько вопросов репортеров. Они спрашивали о безопасности авиационной системы, о местонахождении бен Ладена и еще о том, что мне нужно было от Конгресса. Пос-

ленин вопрос начал репортер из *«Christian Science Monitor»*: «Не могли бы вы сказать, о каких молитвах думаете и где находитесь ваше сердце?..»

Мне удалось сдерживать свои эмоции на публике в течение последних двух дней, но этот вопрос вытянул их на поверхность. Я думал об убитом торге Тиде Олсоне. Я представлял себе измученных работников морга. Я думал о невинных детях, которые погибли, и о тех, кто потерял своих родителей. Горе, которое скопилось внутри меня, вырвалось наружу. Мои глаза наполнились слезами, и у меня перехватило дыхание. Я сделал паузу, как только камеры стали быстро щелкать. Я восстановил хладнокровие, положил руку на стол Резолут и наклонился вперед. «Я не думаю о себе в данный момент. Я думаю о семьях, о детях. Я любящий человек, однако я также должен делать свою работу. И я собираюсь делать ее».

Позже в этот день мы с Лорой отправились в больничный центр Вашингтона, чтобы навестить пострадавших в результате атаки на Пентагон. У некоторых были обожжены огромные участки тела. Я спросил у одного из них, является ли он армейским рейнджером. Он ответил не запинаясь: «Нет, сэр, я вхожу в состав подразделения специального назначения (Special Forces). Мой коэффициент интеллекта слишком высок для рейнджеров». Все, кто находился в комнате — его жена, лечащие врачи, Лора и я, — засмеялись. Это было очень приятное чувство. Я ощутил, как весь госпиталь был воодушевлен мужеством раненых и сочувствием лечащих врачей и медсестер.

Энди Кард ждал нас на выезде с Южной лужайки, когда мы вернулись из поездки в госпиталь. До того, как я успел вылезти из лимузина, он открыл дверь и запрыгнул внутрь. Он сказал мне, что существует угроза теракта в Белом доме. Сотрудники Секретной службы увезли вице-президента и теперь хотели эвакуировать меня. Я сказал агентам, чтобы они проверили дважды данные разведки и затем отправили по домам как можно больше сотрудников Белого дома. Но я не собирался уезжать. Я не хотел доставлять врагам удовольствие видеть меня мечущимся по разным местам. Сотрудники Секретной службы расширили периметр безопасности вокруг Белого дома. Когда мы отправились спать, я подумал: «Очередной день прошел спокойно, без нападений, слава Богу».

Примерно 3 тысячи невинных мужчин, женщин и детей погибли 11 сентября. Я чувствовал, что для страны было очень важно скорбеть всем вместе, поэтому я назначил пятницу Национальным днем молитвы и поминовения. Я знал, что 14 сентября станет очень изнурительным и эмоциональным днем. Но я не ожидал, что он станет также и самым влияющим в моей жизни.

Сразу после 7 часов утра Энди Кард встретил меня в Овальном кабинете для проведения брифинга по национальной безопасности. ЦРУ считало, что на территории США еще оставались члены Аль-Каиды, готовящие теракты с использованием биологического, химического или ядерного оружия. Было трудно представить что-то более разрушительное, чем 11 сентября, но атаки террористов с использованием оружия массового уничтожения действительно могли произойти.

Я попросил директора ФБР Боба Мюллера и генерального прокурора Джона Эшкрофта посвятить меня в ход расследования ФБР и рассказать о личностях, захвативших самолеты. Боб сказал мне, что они установили личности большинства террористов, время, когда они приехали в страну, место, где они остановились, и то, каким образом они реализовали свой замысел. Эта часть расследования выглядела действительно впечатляющей. Но этого было недостаточно.

«Что вы делаете, чтобы предотвратить следующую атаку?» — спросил я. Люди нервно заерзали на своих местах. Я сказал Бобу, что хочу, чтобы они мыслили по-военному. Нам необходимо предотвратить атаки до того, как они произойдут, а не расследовать их после совершения. В самом конце встречи Боб подтвердил: «Это является нашей новой миссией — предотвращать атаки». Спустя годы он исполнил свое обещание и осуществил самую фундаментальную трансформацию ФБР за его вековую историю.

После телефонного разговора с премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном, политическим лидером, не понаслышке знающем о том, что значит борьба с терроризмом, я созвал первое после террористических атак заседание кабинета министров. Как только я вошел в комнату, все зааплодировали. Я был удивлен и некоторое время не мог говорить из-за столь искренней поддержки. Я прослезился второй раз за последние два дня.

Мы начали заседание с молитвы. Я попросил Дона Рамсфелда вести заседание. Он сказал волнующие слова о жертвах атаки и попросил всех «проявить терпение». Минута молчания после молитвы дала мне возможность собраться с мыслями. Я подумал о речи, которую я скоро должен буду произнести в Национальном соборе. По-видимому, Колин Пауэлл тоже об этом подумал. Госсекретарь подsunул мне записку.

«Дорогой господин президент, — написал он в ней. — Когда мне приходится произносить речь, подобную этой, я избегаю слов, могущих привести меня в эмоциональное состояние, вроде "мама" и "папа"». Колин своими глазами когда-то видел бои; он знал те сильные эмоции, которые мы сейчас испытывали, и хотел успокоить меня. Когда встреча началась, я взял в руки записку и пошутил: «Хочу сообщить вам, что сказал мне госсекретарь... "Дорогой господин президент, соберитесь!"»

Национальный собор представляет собой удивительное сооружение, с потолками высотой 102 фута, элегантными опорами и блестящими яркими окнами. 14 сентября все места здесь были заняты. Бывшие президенты Форд, Картер, Буш и Клинтон находились внутри со своими женами. Также здесь были почти все члены Конгресса, кабинет в полном составе, члены Объединенного комитета начальников штабов, судьи Верховного суда, представители дипломатического корпуса и семьи погибших. Не было только Дика Чейни. Он находился в Кэмп-Дэвиде, чтобы обеспечивать управление страной в кризисное время, что являлось своего рода напоминанием о постоянной угрозе.

Я попросил Лору и Карен Хьюз разработать программу мероприятия, и они отлично справились со своей работой. В число выступающих были включены религиозные лидеры, представляющие многие конфессии: имам Музаммил Сиддики из Исламского сообщества Северной Америки, раввин Давид Хаберман, Билли Грэхем, кардинал Теодор Мак-Каррик и Кирбион Колдвелл. В самом конце службы подошла моя очередь. Пока я шел к кафедре, я прошептал молитву: «Господи, позволь своему свету светить через меня».

Речь в соборе стала одной из самых важных во время моего президентского срока. Я сказал своим спичрайтерам — Майку Герсону, Джону Мак-

Коннелу и Мэттью Скалли — что хочу сделать три вещи: вспомнить погибших, напомнить людям о любящем их Боге и дать всем понять, что те, кто атаковал нашу страну, будут наказаны.

«Мы находимся здесь в час нашего общего горя, — начал я. — Так много людей испытало огромную потерю, и сегодня мы выражаем национальную скорбь. Мы предстали перед Богом, чтобы помолиться за пропавших и умерших, и за тех, кто любит их... Детям и родителям, супругам и семьям, друзьям тех, кого нет с нами, мы выражаем глубочайшее соболезнование от имени всей нации. И я уверяю вас, что вы не одни».

Я посмотрел на сидящих в зале. У трех солдат, находившихся справа от меня, по лицу потекли слезы. Плакал и Черити Уоллес. Я сам едва сдерживался. Было одно место в зале, куда я не мог смотреть: туда, где сидели мои родители и Лора. Я продолжил:

«Лишь три дня прошло с тех событий, для американцев они еще не стали историей. Но наша ответственность перед историей уже ясна: ответить на эти атаки и изгнать мир от зла. В войне против нас была использована хитрость, обман и убийства. Наша нация является мирной, но, доведенная до гнева, она свирепа. Этот конфликт был начат по расписанию и на условиях другой стороны. Окончен он будет таким способом и в тот момент, которые выберем уже мы...»

Божьи знаки не всегда являются теми, которые мы ищем. Мы узнаем в трагедии, что Его цели не всегда совпадают с нашими. Тем не менее молитвы за пострадавших, и в наших домах и в этом великом соборе, известны, услышаны и поняты... В основе мира, который Он создал, лежат мораль, горе, трагедия и ненависть появляются лишь на время. Доброта, память и любовь — бесконечны. Господь хранит всех, кто погиб, и всех, кто скорбит по ним».

Пока я занимал свое место рядом с Лорой, отец протянул мне свою руку и нежно сжал мою ладонь. Некоторые говорили, что этот момент означал символическую передачу факела от одного поколения другому. Я видел в этом попытку обнадежить меня. Я черпал силу из его примера и его любви. Я нуждался в этой силе для следующего этапа поездки: визита на место атаки, в нежизнеспособный Манкэссен.

Полет на север прошел спокойно. Я попросил Кирбийона Колдвелла совершить посадку вместе со мной. Я видел кадры из Нью-Йорка по телевидению, и я знал, что разрушения были впечатляющими. Присутствие близкого друга и верующего человека рядом со мной должно было стать успокаивающим фактором.

Губернатор Патаки и мэр Джулиани встретили меня на военно-воздушной базе Макгваер в Нью-Джерси. Они выглядели истощенными. Губернатор неустанно работал, начиная с утра вторника, он занимался распределением средств штата и организацией работы войск под его командованием. Когда нужно было, он был дерзок, когда нужно было, он был печален, но все время он был во главе.

Я поднялся на вертолет вместе с Джорджем и Руди. Во время полета в город пилоты пролетели над Граунд Зиро. Я вспомнил полет на вертолете, который я совершал 11 сентября. Пентагон был поврежден, но не разрушен. Хуже обстояло дело с башнями-близнецами. Их больше не существовало. Ничего не осталось, кроме груды камней. Разрушение было полным и шокирующим.

То, что я увидел на земле, нельзя было сравнить с видом сверху. Джордж, Руди и я уселись в «Сабурбан». Мы только двинулись к месту катастрофы, когда что-то на обочине привлекло мой взгляд. Это выглядело, как тяжело двигающаяся серая масса. Я посмотрел еще раз. Это была группа спасателей, с головы до ног покрытая пеплом.

Я попросил водителя остановиться. Я вышел из машины, стал пожимать им руки и благодарить за все, что они сделали. Они работали без остановки. У некоторых из них по лицу потекли слезы, пробивая дорожку через пепел, как ручьи в пустыне. Эмоции, нахлынувшие во время этой встречи, словно предвляли то, что должно было произойти дальше.

Как только мы подошли к Граунд Зиро, я почувствовал себя как в ночном кошмаре. Света было совсем немного. Дым висел в воздухе и, перемешанный с летающими частицами обломков, создавал жуткий серый занавес. Мы шли по лужам, оставшимся после утреннего дождя и тушения пожара. Представители местной власти о чем-то переговаривались. «Здесь располагалась старая штаб-квартира... на том месте подразделение пере-

группировалось». Я пытался прислушаться, но не мог отвлечься от мыслей о разрушениях и о тех, кто совершил эти акты. Они нанесли по нам удар даже сильнее, чем я мог представить.

Мы шли в течение нескольких минут, когда Джордж и Руди привели нас на дно небольшой ямы, где спасатели раскапывали завалы в поисках выживших. Если развалины казались ночным кошмаром, то это был настоящий ад. Казалось, там было темнее, чем наверху. Вдобавок к тяжелой саже, летавшей в воздухе, на дне этой ямы лежала огромная куча разбитого металла и битого стекла.

Увидев меня, рабочие выстроились в шеренгу. Я каждому из них пожал руку. Их лица и одежда были грязными. Глаза были налиты кровью. Их голоса были хриплыми. Их эмоции были разнообразными. Было заметно горе и усталость, тревога и надежда, гнев и гордость. Некоторые из них спокойно говорили: «Спасибо», или «Да благословит вас Господь» или «Мы гордимся вами». Я сказал им, что все самое страшное позади. Я тоже гордился ими.

Через несколько минут настроение стало меняться. Один покрытый сажей пожарный сказал мне, что его станция потеряла большое количество людей. Я попытался успокоить его, но это было не то, чего он желал. Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Джордж, найдите тех ублюдков, которые совершили это». Не так часто приходится слышать, что люди называют президента по имени. Но это было нормально. Это было личное обращение.

Чем больше времени я проводил с рабочими, тем больше чувственных эмоций вылезало на поверхность. Для большинства этих мужчин и женщин я был лицом, которое раньше они видели только по телевизору. Они меня не знали. Они никогда не видели меня во время испытаний. Они хотели быть уверенными, что я разделяю их решимость. Один человек крикнул мне: «Не разочаруйте меня!» Другой добавил: «Чего бы это ни стоило!» Их чувства были понятны мне.

Энди Кард спросил, не хочу ли я сказать что-либо людям. Я решил для себя, что я должен это сделать. Не было ни сцены, ни микрофона, никаких готовых комментариев. Энди указал мне на небольшой металлический холмик. Я посмотрел на агента Секретной службы Карла Трускотта, который кивнул мне, подтверждая, что это место было безопасным и на него можно было вскарабкаться. Старший пожарный стоял на этой куче, я протянул ему свою руку, и он подтянул меня к себе. Его звали Боб Беквиф.

Нина Бишоп, член передовой группы, раздобыла мегафон, который я бы мог использовать, чтобы обратиться к собравшимся. Она сунула мне его в руку. Толпа могла меня видеть на вершине этого холма, который, как я позже узнал, оказался опрокинутой пожарной машиной. Интуиция подсказывала мне, что для начала нужно было всех утешить. Я сказал им, что вся Америка стоит сейчас на коленях, молясь за погибших, спасателей и их семьи.

Люди выкрикивали: «Мы не слышим вас!» Я ответил: «Я слышу вас!» Это вызвало одобрение. Я надеялся сплотить рабочих и выразить нашу всеобщую решимость. Вдруг я понял, как это сделать. «Я слышу вас, весь мир слышит вас! — сказал я, призывая говорить громче. — И люди, которые разрушили эти здания, очень скоро услышат нас всех!» Толпа взорвалась. Это было настолько сильное высвобождение энергии, какого я не чувствовал никогда до этого. Они все запели «Америка! Америка...»

За многие годы я впервые находился в Нью-Йорке так долго. Но до 14 сентября 2001 года я не ощущал истинного характера этого города. После Граунд Зиро мы проехали 3 мили на север к Джевитс-центру. Я был удивлен тем, что огромное количество людей на West Side Highway размахивали флагами и аплодировали. «Не хотел говорить вам об этом, господин президент, — пошутил Руди, — но никто из них не голосовал за вас».

В Джевитс-центре я вышел на сцену перед сотрудниками служб экстренного реагирования. Я поприветствовал пожарных и спасателей из таких далеких штатов, как Огайо и Калифорния. Не дожидаясь вызова, они сами по своей воле приехали в город в качестве подкрепления. Я поблагодарил их от лица всей нации и призвал их продолжить выполнять свою работу.

Гаражное помещение в здании было переоборудовано в место сбора двух сотен членов семей пропавших спасателей и пожарных. В помещении находились люди всех возрастов, начиная с бабушек и заканчивая новорожденными младенцами. Многие из них переживали схожий кошмар: их близких последний раз слышали или видели недалеко от Всемирного торгового центра. Они хотели знать, выжили они или нет.

Я только что видел руины башен. Я знал, что это будет чудом, если кого-то удастся спасти. Но семьи не теряли надежды. Многие просили меня сфо-

тографироваться или дать автограф. Я чувствовал себя идиотом, раздавая автографы в минуту всеобщего горя. Я хотел сделать хоть что-нибудь, что могло бы облегчить их боль. Я попросил каждую семью рассказать мне немного о своих пропавших близких. Затем я говорил: «Я подпишу эту открытку, чтобы когда твой отец (или мама, или сын, или дочь) вернется домой, он поверил, что ты действительно виделся с президентом».

Когда я подошел к последнему углу помещения, я увидел, что одна семья собралась вокруг сидящей женщины. Я сел рядом с ней. Она сказала мне, что ее зовут Арлин Ховард. Ее сын был офицером полиции, он не работал 11 сентября, но вызвался добровольцем, как только услышал об атаках. В последний раз его видели вбегающим в облако пыли и дыма три дня назад.

Когда я собрался попрощаться, Арлин сунула руку в сумочку и вытащила оттуда металлический предмет. «Это значок моего сына. Его зовут Джордж Ховард. Пожалуйста, запомните его», — сказала она, положив значок мне в руку. Я пообещал, что буду помнить о нем.

После того, как Арлин дала мне этот значок, я провел на посту президента еще 2685 дней. Все это время я хранил его у себя. Прошло много лет, большая часть американцев вернулась к обычной жизни. Это было вполне естественно.

Это означало, что страна вылечилась и люди перестали чувствовать опасность. Сейчас, когда я пишу об этом, этот День огня уже стал далеким событием в памяти для некоторых наших граждан. Самые молодые американцы знают об этом дне лишь понаслышке. В конечном итоге 11 сентября станет по ощущениям чем-то вроде Дня памяти Перл Харбора — памятной датой по ощущениям и важным моментом в истории, но не шрамом на сердце, не поводом к сражению.

Для меня та неделя, на которую выдалось 11 сентября, всегда будет чем-то большим. Я все еще вижу тлеющее здание Пентагона, башни в огне и горы скрученной стали. Я все еще слышу голоса родных и близких, ищущих своих родных, и рабочих, выкрикивающих: «Не разочаруйте меня!» и «Чего бы это ни стоило!» Я все еще чувствую грусть детей, агонию обо-
жженных, пострадавших и муки разлученных семей. Я все еще восхва-

на драбностью пожарных, взаимоподдержкой чужих людей и беспримерным мужеством пассажиров, направивших свой самолет вниз.

11 сентября по-новому заставило нас понять слово «жертвенность», «долг». И тот день изменил мое представление о моей работе. История той недели – ключ к пониманию смысла моего президентского срока. После этих событий было принято огромное количество решений, местами спорных и сложных. Но после 11 сентября я почувствовал всю меру своей ответственности. Все время, что мне предстояло занимать свой пост, я не мог забыть, что произошло с Америкой в тот день. Я должен был направить все свои силы на защиту страны, чего бы это ни стоило.

ГЛАВА 6

БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ

17 октября 2001 года я поднялся на борт президентского самолета – это был мой первый вылет из страны после сентября 2001 года. Мы летели на саммит по экономическому сотрудничеству АТЭС в Шанхай в Тихоокеанском регионе, где собрались лидеры 21 страны. Секретные службы были очень обеспокоены этой поездкой, и мы в течение нескольких недель получали холодающие душу сообщения о возможных терактах.

В то же время укрепление отношений Америки на Дальнем Востоке было первоочередным делом, и мне хотелось, чтобы мои коллеги, руководители стран, получили достоверную информацию из первых рук – увидели мою решимость победить террор.

Приземлившись в Шанхайском аэропорту, я мысленно вернулся к временам, когда был здесь с мамой в 1975 году, в пыльном городе, наводненном велосипедистами. В этот раз мы доехали до центра города за сорок пять минут по современной магистрали. Мы пролетали мимо сверкающих новых кварталов Пудуна, и только потом я узнал, что правительство выселило около ста тысяч человек, освобождая место под строительство. Эти небоскребы и неоновые лампы напомнили мне огни Лас-Вегаса. Наконец-то и Шанхай встал на путь прогресса.

На следующее утро меня, Колина Пауэлла, Конди Райс и Энди Карда спрятали от посторонних глаз под голубым тентом отеля «Ритц-Карлтон». Эта мера была предпринята службами безопасности во избежание проникновения на брифинг зевак.

Мы включили монитор, и из Нью-Йорка на связь с нами вышел Дик Чейни в белом галстуке и фраке, который в тот день должен был произносить речь на праздничном обеде в честь Альфреда Смита — памятном вечере, организованном католической епархией.

Увидев Дика, я понял — что-то произошло: он был бледнее своего белоснежного галстука.

«Господин президент, — сказал он, — один из биодетекторов в Белом доме показал наличие ботулотоксина. Похоже, мы опять стали уязвимы».

ЦРУ проинформировало меня в отношении ботулотоксина — одного из самых ядовитых веществ в мире. Никто из сопровождавших меня лиц не произнес ни слова. Наконец Колин Пауэлл спросил: «Как быстро этот яд начинает действовать?» Наверное, он просчитывал, сколько времени прошло с момента его последнего посещения Белого дома?

Заместитель советника по национальной безопасности Стив Хэдли пояснил, что ФБР испытывало это токсичное вещество на мышах. Ответ должен был прийти в течение 24 часов. Если мышки будут живы, то и нам ничего не грозит, но если они «протянут ножки», то и мы — обречены. Конди пыталась поднять настроение: «Что ж, — произнесла она, — это все-таки один из способов умереть за свою страну».

Я отправился на саммит, еще не зная результатов эксперимента. На следующий день Конди передали, что ее разыскивает Стив.

«Догадываюсь, зачем он звонит», — обронила она. Вернувшись через несколько минут, Конди сообщила, что все мыши целы и невредимы. Тревога оказалась ложной.

Спустя годы страх отравиться ботулотоксином может показаться даже нелепым. Легко смеяться над первыми лицами Америки, молящимися, чтобы подопытные мыши выжили, но в те дни опасения были вполне реальными. Каждое утро, шесть дней в неделю Джордж Тенет и ЦРУ в сводках о возможных атаках на страну террористов информировали меня по так называемой «Матрице угрозы». По воскресеньям я просматривал итоги расследования ЦРУ за период с 11 сентября 2001 года до середины 2003-го. Ежемесячно они присылали мне в среднем до 400 отчетов об угрозах, среди них о более чем двадцати предполагаемых широкомасштабных операциях с использованием биологического и химического оружия, как в Европе, так и на территории страны с привлечением тайных агентов.

Все строилось на применении химического и биологического оружия в Европе, включая атаки смертников. В некоторых отчетах упоминались конкретные цели: военные базы, университеты и торговые центры. На протяжении нескольких месяцев после сентябрьских событий 2001 года я просыпался среди ночи, вновь переживая прочитанное в этих докладах.

Я заваливал своих пресс-секретарей вопросами, насколько реальна каждая угроза и что сделано, чтобы найти выход. Любая информация напоминала деталь пазла. В конце сентября директор ФБР Боб Мюллер добавил важную деталь в общую картину, сообщив о существовании 331 потенциального тайного агента Аль-Каиды на территории США. Угроза второй волны терактов против Америки становилась реальностью.

До событий 11 сентября многие относились к терроризму как к уголовно наказуемому преступлению, которое должно быть доказано в суде (как это было сделано после бомбардировок Всемирного торгового центра в 1993 году). Но после 11 сентября стало ясно, что нападения на наши посольства в Восточной Африке и на USS Cole¹ должны восприниматься не как отдельные преступления, а как репетиция взрывов 11 сентября. Таким образом, они являлись частью срежиссированного плана Усамы бен Ладена. Он издал религиозный эдикт, более известный как фетва, назвав убийство американцев «личным долгом каждого мусульманина, который может сделать это в любой стране».

В тот день, 11 сентября, стало ясно, что применение закона к террористам в виде уголовного наказания не сможет иметь должного воздействия.

Смертники, направившие пассажирские самолеты на башни-близнецы, не были обычными преступниками: их невозможно было напугать угрозой наказания. Они объявили войну Америке, и чтобы защитить страну, мы должны были начать войну с терроризмом, совершенно не похожую ни на одну из прежних войн, в которых она участвовала. Мы должны были проследить за передвижениями террористов и сорвать их планы, то есть лишить финансовых средств, а также упредить задуманные операции. Все это надо было проделать, пока существовала реальная угроза нового нападения, так как террористы превратили нашу страну в зону военных действий.

¹ Эскадренный миноносец, атакованный в порту Алена. (Прим. переводчика.)

Объявление войны террористам – одно из самых важных решений в период моего президентства.

Начать эту войну меня побудили два момента: во-первых, это 2-я статья Конституции, в которой говорится о том, что на период войны президент становится Главнокомандующим вооруженных сил страны; во-вторых – решение Конгресса, принятое через три дня после событий 11 сентября (голосованием 98:0 в Сенате и 420:1 – в Палате представителей):

С целью предотвращения любых возможных актов международного терроризма против США президент наделяется властью использовать все необходимые и доступные силы против тех народов, организаций и лиц, которые, по его мнению, запланировали, совершили, возглавили или задумали террористический акт 11 сентября 2001 года или укрывали указанные организации и лица.

Некоторые конгрессмены с годами забудут эти слова, я же – никогда. Каждое утро я просыпался, думая об опасности, с которой мы столкнулись, и об ответственности, возложенной на меня. Я был уверен, что предыдущие президенты переоценивали свою роль во время войны. Джон Адамс подписал закон о подрывной деятельности, запрещающий любое инакомыслие в отношении правительства, президента или Конгресса. Авраам Линкольн поддержал предписание о предоставлении арестованного в суд во время гражданской войны. Франклин Рузвельт во время Второй мировой войны приказал интернировать всех граждан японского происхождения (112 тысяч человек) в концлагеря до конца войны. Когда я возглавил кабинет, то поклялся: «охранять, сохранять и защищать Конституцию». Моей священной обязанностью, моим президентским долгом стала защита Америки властью, данной мне Конституцией.

Нашей первоочередной задачей после сентябрьских событий 2001 года стало укрепление национальной безопасности против возможной повторной атаки террористов. Задача была чрезвычайно трудной. Чтобы остановить врага, нам требовалась стопроцентная уверенность в своих силах, а противникам нужен был всего лишь один удар.

Мы применили уйму современных мер безопасности против повторной атаки. Я одобрил развертывание сил Национальной гвардии в аэропортах,

распорядился об увеличении количества маршалов (сотрудников Федеральной службы, находящихся в самолетах под видом пассажиров), потребовал от авиалиний укрепления дверей кабины пилотов и ужесточения визового режима и таможенного контроля. Проведя работу с государственной властью и местным самоуправлением, а также с частным сектором, мы повысили безопасность в морских портах, усилили охрану мостов, на атомных станциях и других уязвимых объектах инфраструктуры.

Сразу же после 11 сентября я назначил губернатора Пенсильвании Тома Риджа начальником службы национальной безопасности. Том обладал ценным опытом в сфере управления, но к началу 2002 года стало ясно, что эта задача оказалась слишком сложной, чтобы координировать все действия из небольшого кабинета Белого дома. Десятки различных федеральных агентств разделяли ответственность за безопасность страны. «Лоскутный» подход оказался неэффективным, а риск, что «швы» расползутся, был велик. Один такой вопиющий случай произошел в марте 2002 года, когда Иммиграционная служба, находящаяся в ведомстве министерства внутренней безопасности, отправила письмо в летную школу Флориды с требованием предоставить студенческие визы для Мохаммеда Атта и Марвана Шехи. Человек, вскрывший этот конверт, должен был испытать шок, так как это были те двое пилотов, которые направили самолеты на башни-близнецы 11 сентября 2001 года.

Я тоже был потрясен и, как впоследствии сказал прессе: «Я едва смог допить свой кофе». Эта нелепая ошибка подтвердила необходимость более решительных реформ. INS, подразделение министерства юстиции, была единственной организацией, борющейся за новый порядок вещей в стране. Таможенная служба, отчитывающаяся перед Казначейством, столкнулась со сложнейшей задачей, – охраной портов страны. Эту ответственность она разделила с береговой охраной, находящейся в ведомстве министерства транспорта.

Сенатор от демократической партии Джо Либерман от штата Коннектикут делал все возможное для создания нового федерального подразделения, которое объединило бы все наши усилия по принятию мер национальной безопасности. Мне нравился Джо, и я уважал его. Он был опытным юристом, оставившим в прошлом поражение на выборах в 2000 году и понимавший всю важность борьбы с терроризмом. Инстинктивно я внача-

ле осторожно относиться к его идее создания нового департамента: трудно победить бюрократическую машину. Меня также волновала крупная реорганизация в разгар кризиса. Как говорил Ж. Д. Кроуч, ставший впоследствии заместителем моего советника по безопасности, «когда вы перековыриваете мечи на орала, вы не можете ни сражаться, ни пахать».

Это уже потом я стал думать иначе, поняв, что если за национальную безопасность отвечает только одно подразделение, то это влечет за собой большую ответственность. В подразделениях, призванных под одной крышей защищать безопасность страны, будет меньше разногласий. Я также знал, что военное время – это подходящий повод для перестановок в правительстве. В начале холодной войны в 1947 году президент Гарри Трумэн объединил силы морского и военного министерств в новое министерство обороны. И его реформы укрепили военную мощь страны на последующие десятилетия.

Я решил, что стоит рискнуть и пойти на реорганизацию. В июне 2002 года я произнес речь о необходимости созыва Конгресса для создания нового министерства национальной безопасности.

Несмотря на поддержку многих юристов, это предложение проходило с большим трудом. Демократы настаивали на том, чтобы новое министерство предоставило своим работникам такие широкие полномочия, каких не имели представители никаких других правительственных организаций. Я испугался, что демократы пренебрегут неотложными мерами безопасности в угоду трудовым профсоюзам.

Кандидаты от республиканской партии выдвинули этот вопрос на обсуждение на промежуточных выборах 2002 года, и я присоединился к ним. В день выборов наша партия имела шесть мест в палате Конгресса и два места в Сенате. Карл Роув напомнил мне, что только один президент имел места и в Палате, и в Сенате во время промежуточных выборов. Им был Франклин Рузвельт.

Во время недельной избирательной кампании удалось провести закон о национальной безопасности. Мне не пришлось долго искать министра для нового министерства, – я назначил Тома Риджа.

2 октября 2001 года в госпиталь Флориды с высокой температурой и рвотой был доставлен фоторедактор таблоида Боб Стивенс. Когда врачи осмотрели его, они обнаружили, что он заражен сибирской язвой. Через три дня он умер.

Бабушка и дедушка: Президент и Дороти Уилсон Бидл во время президентской кампании в США и Кингсдейлс.

Офицер военно-морских сил со своей прекрасной молодой невестой. Когда отец ушел на войну, на борту своего самолета он написал слово «Барбара».

На плечах у отца в Пелте, когда мне было 9 месяцев.

Во время поездок в пустыню вместе с матерью.

Типичный день в Мидленде, когда я мог играть в бейсбол хоть целый день.

И с сестрой Рейни в их юности.
Роксфорте 1955 г.

Во время остановки по пути из Андовера в Хьюстон, где мы жили. Из-за разницы в возрасте я чувствовал себя скорее дядей, чем братом.

Мы с Лорой поженились спустя три месяца после пикника у Джо и Джен О'Нилл в Мидленде. Это было самым лучшим решением в моей жизни.

Мы уже были готовы усыновить ребенка, когда узнали, что Джордж идет близнецов.

Барбара Буш и Дженна Уэлш со своими тезками.

На скамейке запасных «Рейнджеров» с нашими девочками. Я всегда мечтал о своей футбольной команде. Я был уверен, что это самая лучшая работа, которая у меня была когда-либо.

Первая персональная встреча Джорджа Буша с вице-губернатором Бобом Баллоком. В этот момент Джордж и Боб обсуждали планы на будущее. Джордж был тогда вице-президентом «PAC».

С вице-губернатором Бобом Баллоком, потрясающим партнером по демократической партии в г. Остин.

Associated Press / Пол Кэблэк

Я принимаю поздравления от первой леди Техаса на моей второй инаугурации в качестве губернатора.

Dallas Morning / Дэвид Бу

Во время поездок по стране в рамках предвыборной кампании с Диком Чейни, который прекрасно дополнял надежного и принципиального вице-президента.
Associated Press / Эрик Дрэйпер

С членами моей команды
по связям с общественностью
Дэн Бартлетт, Дана
Перино и Тони Сноу.
White House / Тони Мюрр

С братом Джебом в ночь
выборов в 2000 г., когда нам
все казалось еще таким
простым.
*Time Magazine / Бруклин
Крафт*

С членами моей команды
по связям с общественностью.
Слева направо:
Дэн Бартлетт, Дана
Перино и Тони Сноу.
*White House / Эрик
Дрэйпер*

Карл Роув напоминал
безумного ученого в
политике; умного, странного
и полного энергии и идей.
White House / Эрик Дрэйпер

За чашечкой кофе
с Джоном Робертсом
в Белом доме утром
после его назначения
на должность в 2005 г.
*White House / Эрик
Дрэйпер*

Встреча с Преподобным
Билли Грахмом, после
которой ко мне пришло
более глубокое понимание
веры.

White House / Пол Морс

Визит к Иоанну Павлу II
в замок Гандольфо в 2001 г.

Его Святейшество
призывал меня защищать
неприкосновенность
человеческой жизни.

White House / Эрик Дрейнер

С Трэм Джонсом на руках –
«ребенком-снежинкой»,
рожденным из
замороженного эмбриона,
который мог быть
уничтожен в ходе научных
исследований.

*White House / Кимберли
Хьюитт*

Во время своего визита
в Белый дом в сентябре 2001
г. Шэба Эдди Кард попросил
в президентском кабинете
«Его второе благословение
еще один человек. Америку
спасовали».

Associated Press / Даг Миллз

Разговор по телефону с Диком
Чейни 11 сентября 2001 г.
на борту президентского
самолета. Я дал разрешение
открывать огонь по
захваченному террористами
самолету, но молился, чтобы
пилотам не пришлось
исполнять мой приказ.

*White House / Кимберли
Хьюитт*

Вернувшись 11 сентября
в Белый дом, я принялся

исправлять текст
обращения к народу
вместе с советником
Белого дома Альбертом
Гонсалесом, Конди Райс,
советником Карен Хьюз,
пресс-секретарем Ари
Флейшером и Энди
Кардом (слева направо).

White House / Пол Морс

12 сентября 2001 г. я
приехал в Пентагон с
министром обороны
Донам Рамсфелдом.
White House / Эрик
Дрэйпер

Во время моего
обращения к народу
14 сентября 2001 г.
«Этот конфликт начался
не по нашей инициативе, —
сказал я. — Но именно
мы выберем время и
способ, чтобы положить
этому конец».
White House / Эрик
Дрэйпер

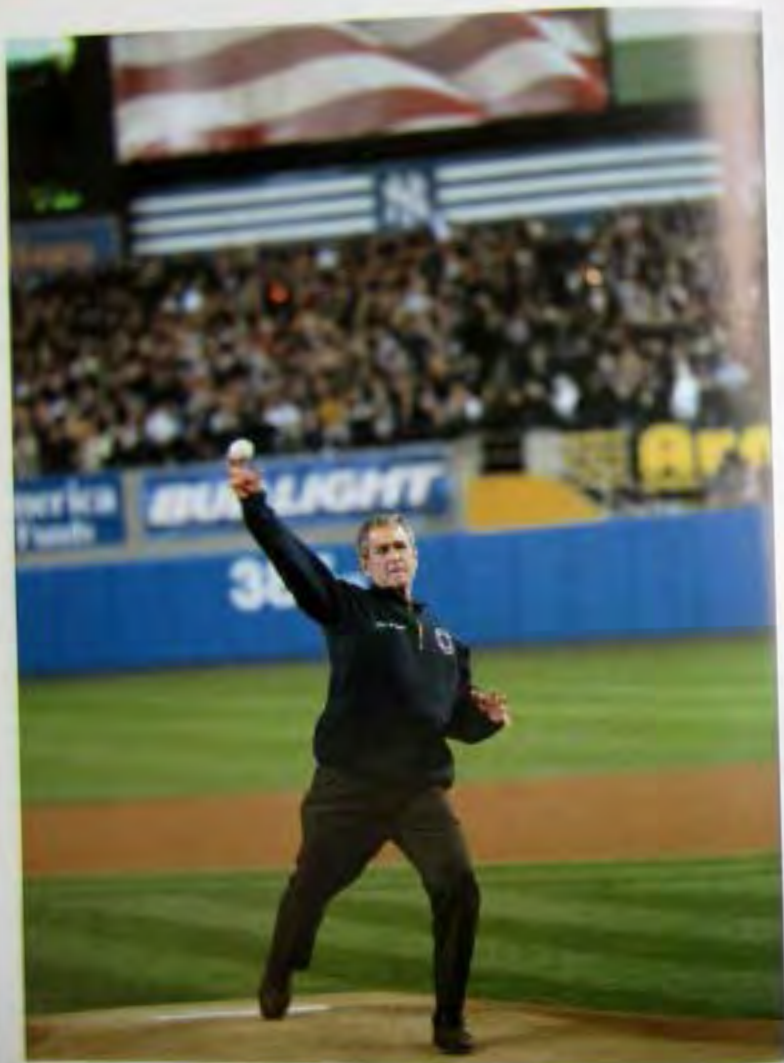
Мэр Нью-Йорка Руди Джулиани (слева),
губернатор штата Нью-Йорк Джордж
Патаки и я подбадриваем друг друга
на базе ВМС «МакГуайр» перед вылетом
на место трагедии.
White House / Пол Морс

Встреча со спасателями на месте разрушенных башен. «Джордж, найди
ублюдков, которые это сделали, и убей их!» — выкрикнул кто-то из толпы.
А другой человек добавил: «Чего бы это ни стоило!»
White House / Эрик Дрэйпер

Я показываю значок
офицера полиции
Управления порта Джорджа
Ховарда, который погиб во
Всемирном торговом
центре.
White House / Эрик Дрэйпер

На открытии 3-й Игры в 2001 г. на ежегодном чемпионате США по бейсболу на стадионе «Янки». «Не отбивайте мяч, иначе Вас освистают», — предупредил меня тренер команды «Янки» Дерек Джетер.
White House / Эрик Дрейпер

Встреча с Диком Чейни, Колином Пауэллом, Доном Рамсфелдом и лицами, отвечающими за национальную безопасность, в загородной резиденции Кэмп-Дэвид в субботу, после 11 сентября.
White House / Эрик Дрейпер

Во время встречи с премьер-министром Великобритании Тони Блэром в Голубом кабинете Белого дома я сообщил ему, что мы планируем ввести сухопутные войска в Афганистан.
White House / Эрик Дрейпер

7 октября 2001 г. в переговорном кабинете, где я сообщил о разворачивании военных действий в Афганистане.

White House / Джойс Богожсиан

До 2006 г. президент Пакистана Первез Мушарраф (слева) и президент Афганистана Хамид Карзай отказывались от общения друг с другом. Мне все же удалось убедить их встретиться.

White House / Эрик Дрейпер

Речь в форте «Драм» в 2002 г. перед солдатами 10-й горнострелковой дивизии, которым удалось ослабить влияние Аль-Каиды и Талибана в Афганистане.

White House / Пол Морс

Вручение Ордена почета Дэну и Морин Мерфи – родителям лейтенанта ВМС Майкла Мерфи, пожертвовавшего жизнью ради спасения своих солдат в Афганистане.

White House / Джойс Богожсиан

На ранчо с генералом Томми Фрэнксом, руководившим операцией по освобождению Афганистана и Ирака.
White House / Сьюзен Стернер

«Ты должен сделать все возможное, чтобы избежать войны, — сказал мне отец, когда мы обсуждали ситуацию в Ираке в конце 2002 г. — Но если твои требования не будут выполняться, у тебя не останется другого выбора».

White House / Эрик Дрейпер

Еще несколько работников этого табачного завода, а с ними и те, кто открывали почтовые конверты *NBC*, *ABC* и *SBC* новостей. В штабс-квартире из сенатского кабинета Тома Дэшпа находился белый поронин. Заболели также несколько работников Кливленд Хилл и служащих почты. То же произошло и с рабочими в госпитале Нью-Йорка, а также с 94-летней женщиной из Коннектикута. Всего было инфицировано 17 человек; к сожалению, пятеро из них умерли.

В одном из писем, содержащих споры сибирской язвы, было написано:

«1.09.2001

ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ ОСТАНОВИТЬ НАС

У НАС ЕСТЬ СИБИРСКАЯ ЯЗВА.

ВЫ СЕЙЧАС УМРЕТЕ.

ВАМ НЕ СТРАШНО?

СМЕРТЬ АМЕРИКЕ.

СМЕРТЬ ИЗРАИЛЮ.

АЛЛАХ ВСЕМОГУЩ».

Меня пронзила страшная мысль: неужели это вторая волна биологической атаки?

Я был проинформирован насчет ее жутких последствий. Кто-то просчитал, что грамотно спланированные вспышки из района Нью-Йорка могут инфицировать мгновенно 630 тысяч человек и 2–3 миллиона человек, которые пострададут до того, как очаг поражения будет локализован. Другой сценарий подразумевал использование биологического оружия на станциях метро четырех больших городов в часы пик. Приблизительно 200 тысяч человек моментально будут инфицированы, а количество жертв может достигнуть 1 млн. Экономические затраты могли варьироваться в размере от 60 млрд долларов до нескольких сотен миллиардов, в зависимости от успешности теракта.

Как только появились сообщения о сибирской язве, по всей стране началась паника. Миллионы американцев боялись вскрывать почтовые конверты. Почтовые отделения закрывались. Матери, чьи дети просто подхватили простуду, ринулись в больницы с требованием проверить их на наличие сибирской язвы. По почте отправляли посылки с тальком или мукой, что еще больше увеличивало людские страхи.

Почтовая служба проверяла корреспонденцию на зараженность сибирской язвой более чем в 200 своих отделениях по всей стране. Почта в Белом доме перенаправлялась или облучалась до конца срока моего президентства. Тысячи правительственных чиновников, включая Лору и меня, принимали мощный антибиотик ципрофлоксацин.

Самым большим вопросом, возникшим во время атаки сибирской язвы, был: откуда растут ноги? Одна из лучших разведывательных служб Европы сообщила нам о своих подозрениях насчет Ирака. Режим Саддама Хусейна был одним из немногих, допускающих использование оружия массового поражения, в том числе сибирской язвы, что подтвердилось в 1995 году. Другие подозревали в этом Аль-Каиду. К сожалению, у нас не было четких свидетельств на этот счет¹.

Месью спустя после сентябрьских событий я провел в прайм-тайм телевизионную пресс-конференцию из Белого дома. Мы повысили уровень антитеррористической защиты в ответ на сообщение о предупреждении главы Талибана насчет еще одного крупного теракта на территории Америки.

«Вы говорите о главной угрозе Америке? — спросила Энн Комитон из ABC News... — И как на это посмотрят поддерживающие вас американцы?»

У меня еще было свежо воспоминание о докладах ЦРУ про возможность распыления над городами спор сибирской язвы при помощи небольших самолетов.

«Энни, — сказал я ей, — если вы когда-нибудь увидите человека, которого никогда не видели раньше, надевающего камуфляжный костюм, — сообщите об этом».

Моя собеседница рассмеялась, но за этой шуткой скрывалась жуткая реальность. Мы верили, что будут новые атаки, но не знали когда, где и откуда, пытались найти здравый баланс между тревожными настроениями людей и заботами администрации. Впоследствии критики обвиняли нас в излишнем преувеличении угрозы и манипулировании в политических целях. Они были откровенно неправы. Мы очень серьезно относились к про-

¹ В 2001 году после взятия под контроль министерством юстиции и ФБР установили, что доктор Брюс Памп, ученый на правительственной службе, в одиночку устроил эту язву спор сибирской язвы, после чего в 2006 году Пампичка с собой.

блеме и старались так, чтобы лучше информировать население и обеспечивать его безопасность.

«Это — худшее, что могло случиться после 11 сентября», — признал Джордж Тенел, выходя из рта напоказному итжакану доктору, на информационном брифинге в конце октября. Он проигнорировал серьезный источник, говорящий о том, что мы можем повергнуться атаке 30-31 октября, более страшной, чем нападение на Всемирный торговый центр.

После нескольких ложных тревог мы поверили, что атак может произойти на самом деле. Мы с Диком Чейни решили, что ему стоит перебраться в более безопасное место за пределами Вашингтона для обеспечения работы правительства. Секретные службы рекомендовали и мне сделать то же самое. Я им сказал, что никуда не уеду. Возмущен, ты была браннада, а может быть и фатализм, но я имел право на свою позицию. И если Богу будет угодно, чтобы я погиб в Белом доме, то я приму эту смерть. Лора была солидарна со мной. Мы были уверены, что если мы, то правительство сможет совладать с такой атакой.

У меня была веская причина уехать из Вашингтона на несколько часов. «Нью-Йорк янкис» пригласили меня совершить первый бросок в отборочном матче Мировой серии. Это произошло через семь недель после покушения, и мне хотелось поддержать их.

Мы летели в Нью-Йорк на президентском самолете и приземлились на площадку рядом с полем для бейсбола. Я пошел в раздевалку, чтобы размяться. Агент Секретной службы надел на меня бронезилет. А после нескольких бросков к нам подошел легендарный ютчер Дерек Дикстер, чтобы отбить пару ударов. Мы немного поговорили, а потом он поинтересовался: «Хей, президент, будете бросать с питчерской горки или сниту?»

Я спросил его мнение:

«Лучше с горки, иначе им не понравится», — сказал Дерек. Я согласился с ним. Уже на выходе он бросил через плечо: «Не закручивайте мяч, они это не одобряют».

Будучи президентом уже девять месяцев, я привык шагнуть перед игроком. Но я никогда не испытывал такого чувства, как в тот момент, когда легендарный «янки», а теперь комментатор ир, Боб Шепард, обратился к публике: «Встречайте президента Соединенных Штатов». Я зашлепал из парка и поднял большие пальцы вверх, в предвкушении сделать бросок в

кэтчера Тодда Грина. Он, казалось, был намного дальше, чем на расстоянии 60 футов и 6 дюймов. Я почувствовал адреналин в крови и был готов даже толкнуть ядро. Тогда я изогнулся и бросил мяч.

Шум на трибунах был подобен грому: «Америка, Америка, Америка!» Я мысленно тут же вернулся к людям, работающим на месте взрыва Всемирного торгового центра.

Мы обменялись рукопожатием с Тоддом Грином, потом я позировал перед камерой с менеджерами Джо Торе из «Янкис» и Бобом Brentли из «Аризона Даймонбэкс» и направился к ложе, где сидела Лора и наша дочь Барбара. Она крепко обняла меня и сказала: «Папа, ты сделал великолепный бросок!».

Мы вернулись в Вашингтон поздно вечером в ожидании теракта, но на следующий день, 31 октября, ничего не произошло.

Вступление в войну требовало не просто укрепления наших территориальных границ. Нам нужны были более совершенные законодательные, финансовые и разведывательные рычаги, дававшие возможность обнаружить террористов и остановить их, пока не поздно. Нашим слабым звеном в борьбе с терроризмом было то, что называлось «стеной». Со временем правительство установило ряд процедур, которые препятствовали применению закона и не позволяли разведывательным службам делиться ценной информацией. «Как мы можем убедить наших граждан в том, что занимаемся их защитой, если нашим служащим не разрешается общаться друг с другом, – высказался я на одном из совещаний сразу после теракта 11 сентября. – Нам надо решить этот вопрос».

Министр юстиции Джон Эшкрофт возглавил команду по написанию законодательного проекта. В результате появился Патриотический Акт США¹.

Этот Акт ликвидировал «стену» и позволял применять законы, давал возможность разведывательным службам делиться информацией. Закон расширял наши контртеррористические возможности, в частности, предоставлял право следственным органам прослушивать телефонные разговоры, выслеживать подозрительных лиц, поменявших номера мобильных телефонов – полномочия, которые издавна использовались при слежке за нар-

¹ Конгресс назвал этот Акт, спланировав и укреплении Америки обеспечением надлежащими рычагами, необходимыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему (Прим. переводчика)

которговцами и партийными лидерами. Они узаконили жесткие меры по замораживанию активов террористов, подключили юристов и контроллеров к защите гражданских свобод.

Однако Патриотический Акт все-таки создал в стране некий дискомфорт – правительство искало улики террористической деятельности подозреваемых лиц: чеки от кредитных карт, счета за квартиру, библиотечные формуляры. Лоре, бывшему библиотекарю, не нравилась идея шпионства федеральных агентов в библиотеках, да и мне это претило. Но разведывательные службы отнеслись к этому серьезно, поскольку знали, что террористы использовали компьютеры библиотек для связи друг с другом. Читательские билеты тоже сыграли не последнюю роль в нескольких важных процессах, например, в Калифорнии, по делу убийцы, называвшего себя Зодиаком. Меньше всего я хотел обеспечить доступ к информации, хранящейся в библиотеках Америки, чтобы террористы Аль-Каиды использовали ее против нас. Законодатели осознали опасность угрозы и утвердили законопроект. Сенат принял его 98 голосами при одном голосе против: Палата представителей Конгресса приняла его 357 голосами против 66. Я подписал закон 26 октября 2001 года. Мы потратили время на его рассмотрение, прочтение, а также на то, чтобы убрать некоторые пункты, противоречащие Конституции или нарушающие свободу граждан Америки. Патрик Лихи, сенатор от штата Вермонт, сказал: «Если подобрать ключевое слово к этому закону, им будет "баланс". После сентябрьских событий именно "баланс" становится таким словом. В новом обществе превалируют равновесие и здравомыслие». Потом еще на протяжении пяти лет Патриотический Акт помогал нам разгонять потенциальные террористические группировки в Нью-Йорке, Орегоне, Вирджинии и Флориде. Например, законодательные органы и разведывательные службы обменялись сведениями, которые способствовали аресту шестерых американцев йеменского происхождения в Лакаванне, штате Нью-Йорк, побывавших в лагере террористов в Афганистане и встречавшихся с Усамой бен Ладеном. Пятеро были признаны виновными в обеспечении материальной поддержки Аль-Каиды, а шестой обвинялся в незаконных сделках с ней.

Некоторые считали, что шестерка из Лакаванны и те, кого мы арестовали, были чуть больше чем «провинциальные мошенники» с воображаемыми заговорами, «у которых не было намерения совершать террористичес-

кие акты». Я всегда удивлялся, как можно было говорить об этом заранее и с такой уверенностью. Более того, в августе 2001 года мысль о том, что террористы, руководимые из далеких пещер Афганистана, атакуют Всемирный торговый центр и Пентагон на коммерческих самолетах, казалась, мягко говоря, невероятной. Для меня урок 11 сентября был очевиден: не надейся на «авось». Если наши законодательные органы и разведывательные службы обнаружили людей, причастных к террористическим группировкам на территории США, пускай бы меня лучше критиковали за их преждевременный арест, чем если бы это произошло, когда было уже слишком поздно.

Когда события 11 сентября стали постепенно терять остроту, одновременно слабела и поддержка Патриотического Акта большинством конгрессменов. Защитники гражданских свобод наряду с представителями от обеих партий по-своему интерпретировали действия правительства по борьбе с терроризмом в то, что не нравилось лично им, тем самым критикуя закон.

Основные положения Патриотического Акта, такие как, например, перехват телефонных разговоров, потеряли силу в 2005 году. Я сделал все возможное, чтобы возобновить их действие. Тогда я объявил Конгрессу, что поскольку угроза терроризма не исчезла, то и законы также не должны исчезать. Законодатели медлили и роптали. Однако когда, наконец, было проведено голосование за возобновление Патриотического Акта, результаты были таковы: в Сенате за него проголосовали 89 человек против 10; в Палате действие закона было продлено 251 голосом против 174. В начале 2010 года основные положения Патриотического Акта были вновь реанимированы демократическим большинством в Конгрессе. Единственное, что мне не нравится в Патриотическом Акте, так это его название. Изначально, когда моя администрация направила проект закона на рассмотрение в Капитолий, он назывался Антитеррористический закон 2001 года. Конгресс не придумал ничего лучше, как переименовать его в патриотический Акт. В результате получалось, что люди, которые выступали против Патриотического закона, не были патриотами. Я этого не хотел. Мне следовало заставить Конгресс изменить название закона прежде, чем я его подписал.

Одним из результатов расследования событий 11 сентября было обнаружение двух террористов, пробравшихся на территорию США — Хамзы Аль-Мухара и Навафа Аль-Хазми, которые перед атакой больше десяти раз общались

с лидерами Аль-Каиды за океаном. Моя реакция на это: почему сразу не было перехвата звонков? Если бы мы знали тогда, о чем переговаривались Мухара и Хазми, возможно, удалось бы предотвратить беду 11 сентября.

Все ответы были у Майка Хайдена, генерал-лейтенанта военно-воздушных сил, возглавившего Агентство национальной безопасности. Если разведывательное сообщество является мозгом национальной безопасности, то АНБ — часть этого серого вещества. Рядом с технически грамотными экспертами, которые занимаются расшифровкой секретных кодов противника, в Агентстве работают аналитики и лингвисты. Майк рассказал мне, что АНБ уже тогда, до событий 11 сентября, имело возможность отслеживать звонки Аль-Каиды в США. Но для этого нужно было распоряжение суда — процедура, занимавшая много времени и сил.

Загвоздка была в существовании закона о Контроле по сбору информации в зарубежных странах (*FISA*). Этот закон был введен в действие в 1978 году, до того как появились Интернет и мобильные телефоны. Закон осуществлял надзор за деятельностью АНБ, запрещал Агентству подслушивать переговоры людей на территории США без судебного предписания. Например, если террорист из Афганистана контактировал с террористом из Пакистана, АНБ могло вмешаться в процесс. Но если этот же террорист звонил кому-то в Штаты или отсылал *e-mail* через сервер американской компьютерной системы, то АНБ вынуждено было обращаться в суд за ордером. В этом не было никакого смысла. Зачем нужно было создавать столько трудностей для отслеживания переговоров террористов Аль-Каиды на территории США, в отличие от их сообщников за океаном? Как признался Майк Хайден, «мы были в неведении, поскольку у нас не было системы предварительного оповещения».

После 11 сентября мы уже не имели права быть в неведении. Если агенты Аль-Каиды звонили из США или в США, нам, черт возьми, необходимо было знать, с кем они контактируют и о чем говорят. И, оказавшись перед реальной угрозой, мы не могли себе позволить увязнуть в ожидании перед реальной угрозой, мы не могли себе позволить увязнуть в ожидании одобрения суда. Я послал запрос юрисконсульту Белого дома и в министерство юстиции, могу ли я уполномочить АНБ отслеживать переговоры Аль-Каиды как в страну, так и вне ее, пренебрегая законом о Контроле за сбором информации в зарубежных странах. Оба ответили, что да, могу. Они подчеркнули, что, согласно военной резолюции Конгресса, осуществ-

ление надзора за действиями врагов в военное время находится под контролем главнокомандующего. У Авраама Линкольна во время гражданской войны были аппараты с подслушивающим устройством. Во времена Первой мировой войны Вудро Вильсон приказал перехватывать практически каждое телефонное или телеграфное сообщение, попадающее в страну или посланное с ее территории. Франклин Рузвельт разрешил военным читать и рецензировать корреспонденцию в период Второй мировой войны.

Прежде чем утвердить Программу слежения за террористической активностью (*TSP*), я хотел убедиться в наличии гарантии, что мы избежим оскорблений. У меня не было желания превращать Агентство национальной безопасности в Большого Брата (Дж. Оруэлл, «1984»). Я знал, что братья Кеннеди объединились с Дж. Эдгаром Гувером, нелегально прослушивая переговоры ни в чем не виновных людей, включая Мартина Лютера Кинга. Линдон Бэйс Джонсон продолжил эту практику. Я считал это печальной страницей в нашей истории и не хотел повторения событий.

Утром 4 октября 2001 года Майк Хайден и группа юристов прибыли в Овальный кабинет. Они убедили меня в том, что Программа слежения за террористической активностью разработана с учетом защиты гражданских свобод безвинных людей. Целью этой программы было отслеживание так называемых «грязных номеров», принадлежавших, по данным разведки, агентам Аль-Каиды. Имена многих обнаружались в телефонах или компьютерах захваченных в бою террористов. Если бы мы непреднамеренно перехватили часть каких-либо внутренних переговоров, о нарушении тут же донесли бы в министерство юстиции и начали расследование. Чтобы быть уверенным, что Программа используется только по назначению, ее следовало периодически пересматривать и вновь утверждать. Я отдал распоряжение продлить Программу. Мы решили обратиться в Конгресс за законодательной поддержкой, но ведущие представители от обеих партий, которых детально ознакомили с Программой, хоть и согласились с тем, что слежка за действиями террористов нужна, выразили опасение, что обсуждение Программы в Конгрессе не сможет пройти без огласки наших методов, которые, таким образом, станут известны врагу. Я знал, что программа вызовет споры, однако понимал, как она необходима. Еще тлели останки взорванного Всемирного торгового центра. Каждое утро я получал донесения о новом возможном теракте. Отслеживание террористичес-

кой активности на территории Соединенных Штатов были необходимы для безопасности самих американцев.

22 декабря британский пассажир по имени Ричард Рейд попытался взорвать самолет американских авиалиний, летевший из Парижа в Майами, со 197 пассажирами на борту. Взрывчатка была спрятана у него в ботинках. К счастью, стюардесса заметила странное поведение пассажира и его сумели обезвредить до того, как он зажжет фитиль. Самолет направили в Бостон, где Рейда в наручниках сняли с борта самолета.

Позже он признался, что таким образом пытался нанести ущерб экономике США во время сезона отпусков. Его признали виновным по восьми пунктам террористической деятельности, приговорив к пожизненному заключению в федеральной тюрьме строгого режима в городе Флоренс, штат Колорадо. Неудавшаяся попытка сильно повлияла на меня. Спустя всего три месяца после событий 11 сентября она явилась ярким напоминанием о том, что угрозы были вполне реальны. Теперь на табло в американских аэропортах высвечивались требования к пассажирам снимать обувь на пунктах контроля. Я понимал, что этим мы создаем неудобства, но дело стояло того, так как это помогло предотвратить подобные теракты. Я знал, что мое распоряжение выполнялось даже тогда, когда 82-летняя мать Лоры была вынуждена также снять обувь перед перелетом из центральной части страны в Вашингтон на Рождество. Я искренне надеялся, что не окажусь поблизости, если и мою маму попросят сделать то же самое.

Ситуация, когда случайно удалось избежать катастрофы над Атлантикой, еще больше выявила разницу в подходах к борьбе с террором. Когда Ричарда Рейда арестовали, его сразу же отдали в руки американского правосудия, которое гарантировало ему такие же права, что и обычному преступнику. Но террорист с взрывным устройством в ботинках не был ни вором, ни грабителем банка. Он был рядовым бойцом в войне Аль-Каиды против Америки. За два дня до предпринятой им попытки взорвать самолет, он писал матери: «То, чем я занимаюсь, — часть надвигающейся войны между исламом и неверными». Если мы предоставим этому террористу право на молчание, тем самым мы лишим себя возможности собрать достоверную информацию о его плане и заказчика».

Дело Рейда выявило необходимость разработки иного подхода к пленным террористам. В такой войне, как раскрытие потенциальных актов аг-

рессии, для разведывательных служб нет более ценного источника информации, чем сами террористы. Поток постоянных угроз после 11 сентября навел меня на мысль о трех вещах, которые крайне важны в войне с террором. Во-первых, где держать пленных врагов; во-вторых, как определить их статус и быть уверенным, что они будут наказаны; и, в-третьих, как узнать, что им известно о будущих терактах, для того, чтобы мы смогли защитить народ Америки. Изначально большинство захваченных агентов Аль-Каиды допрашивались в военных тюрьмах в Афганистане. В ноябре работники ЦРУ отправились допрашивать заключенных Талибана и Аль-Каиды в незащищенную афганскую крепость XIX века Qala-i-Jangi. В результате произошел бунт.

Наставив оружие на прибывшую группу, боевики убили одного из наших офицеров, Джонни «Майка» Спанна, который стал, таким образом, первой жертвой со стороны Америки в этой войне. Трагедия подчеркнула необходимость усиленного содержания преступников под стражей. Предлагалось несколько вариантов, но ничего стоящего внимания. Вначале какое-то время мы держали пленных террористов на морских судах в Аравийском море, но это было неперспективным решением. Другой вариант заключался в отправке террористов в надежное место на отдаленный остров или куда-нибудь на территорию США, например, Гуам. Но содержание под стражей террористов на территории Америки гарантировало им конституционную защиту, такую как право сохранять молчание, — право, которое они никогда не получили бы другим путем. Это сильно осложняло процесс получения необходимых для разведки данных, поэтому было решено держать пленников на отдаленной военно-морской базе на юго-востоке острова Куба, в заливе Гуантанамо. База располагалась на кубинской территории, но США ее контролировали на основании арендного договора по этой территории, подписанного в результате испано-американской войны. Министерство юстиции советовало мне сделать так, чтобы приведенные туда преступники не имели доступа к американской системе правосудия. Территория вокруг Гуантанамо была недоступной и малозаселенной. Содержание террористов на Кубе для Фиделя Кастро едва ли можно было считать заманчивым предложением, но, как выразился Дон Рамсфелд, Гуантанамо «был наименее неудачный выбор» из того, что было возможно. На Гуантанамо интернированным предоставлялся надежный кров, чи-

стога, трехразовое питание, у каждого был свой экземпляр Корана и возможность молиться пять раз в день, а также медицинская помощь, такая же, как и у охраны. Заключенные имели доступ и тренажерный зал и библиотеку, укомплектованную книгами и DVD. Одним из наиболее популярных книг стал «Гарри Поттер», переведенный на арабский язык.

По прошествии нескольких лет мы приглашали членов Конгресса, журналистов и международных обозревателей посетить Гуантанамо и посмотреть на условия содержания террористов. Многие уезжали в изумлении от увиденного. Один бельгийский чиновник посетил Гуантанамо пять раз и назвал это место «образцовой тюрьмой», в которой с преступниками обращались лучше, чем в тюрьмах Бельгии. «Я никогда не был свидетелем актов жестокости в Гуантанамо или каких-то вещей, которые шокировали бы меня, — сказал он. — Не следует путать эту тюрьму с тюрьмой Абу-Грейб». Пока наше человеческое отношение к интернированным в лагерь в заливе Гуантанамо осуществлялось под эгидой Женевских конвенций, Аль-Каида не требовала документального подтверждения легальности тюрьмы. Цель Женевских соглашений заключалась в поощрении государств-наций, ведущих войну на основе договорных мер, призванных защищать человеческое достоинство и невиновность, и наказывать боевиков, действия которых не соответствуют этим положениям.

Но у террористов не было своего государства-нации. Они не подписывали Женевские конвенции. Делом их жизни стало убийство ни в чем не повинных людей во всех точках земного шара, что противоречило принципам Женевских соглашений. И если Аль-Каида захватывала американца, то не было никаких надежд на то, что с ним обойдутся по-человечески. Это подтвердилось с ужасающей ясностью в конце января 2002 года, когда террористы в Пакистане похитили журналиста *Wall Street Journal* Даниэля Перла. Они утверждали, что он был агентом ЦРУ, и пытались шантажировать США в обмен на его освобождение. Америка строго придерживалась правила не вступать в переговоры с террористами, и я продолжил эту линию, так как понимал, что, если хоть раз пойду на уступку террористам, — это приведет только к увеличению киднеппинга. Наши военные и разведывательные службы сразу же занялись его поисками, но опоздали. Перед смертью Даниэль Перл заявил: «Мой отец еврей, моя мать еврейка и я еврей». После этого бандиты Аль-Каиды перерезали ему горло.

Поскольку я принимал решения по Женевским соглашениям, то решил тогда же создать правовую систему для определения виновности-невиновности задержанного. Джорджу Вашингтону, Аврааму Линкольну, Вильяму Маккинли и Франклину Рузвельту также приходилось решать подобные вопросы. Как вершить суд над военнопленными? Решение было единым — этим должен заниматься военный трибунал.

13 ноября 2001 года я подписал исполнительный приказ о передаче дел пленных террористов военному трибуналу. Система основывалась на той, что была создана *FDR* еще в 1942 году, когда были допрошены и осуждены восемь нацистских преступников, проникших на территорию США. Верховный суд единогласно утвердил легализацию военных трибуналов. Я был уверен, что военные суды вынесут справедливый приговор. Задержанным гарантировались презумпция невиновности, опытные адвокаты и право на предоставление свидетельств, которые «могут служить доказательством для здравомыслящих людей». Для обеспечения национальной безопасности, из практических соображений, пленным не позволялось знакомиться с информацией, способной привести их к источникам и методам расследования. Осуждение подследственного требовало 2/3 голосов трибунала. Задержанный мог оспорить решение суда или приговор, обратившись к секретарю защиты и президенту. Принимая решение о военных трибуналах, как и многие мои другие решения в войне с террором, я балансировал между защитой народа Америки и гарантированием ему гражданских свобод. Установление такого порядка вещей было важно с точки зрения укрепления наших позиций в мире. Мы не смогли бы ни оставаться во главе свободного мира, ни привлечь новых союзников, если бы не показали на практике то, что проповедовали. Я был уверен, что военные трибуналы обеспечат необходимое равновесие сил, утвердят власть закона и защитят страну.

28 марта 2002 года я уловил нотку возбуждения в голосе Джорджа Тенета. Он докладывал, что полиция Пакистана — с подачи ФБР и ЦРУ — начала операцию по захвату нескольких явок Аль-Каиды в пакистанском городе Файсалабад. Они повязали более двух дюжин боевиков, включая Абу Зубайде.

О Зубайде я слышал уже в течение нескольких месяцев. Разведка считала, что он являлся доверенным лицом Усамы бен Ладена, главным вербовщиком и организатором лагеря в Афганистане, где проходили подготовку некоторые террористы, участвовавшие в атаке 11 сентября. Он также по-

зревался в соучастии в предыдущих взрывах некоторых объектов в Иордании и взрыве международного аэропорта в Лос-Анджелесе, а ЦРУ было уверено в его намерениях провести новый теракт в Америке.

Зубайде арестовали после перестрелки, в которой он был тяжело ранен. ЦРУ доставило на самолете лучшего врача, который спас ему жизнь. После этого Пакистан вернул его под наш надзор. ФБР приступил к допросам Зубайде, прекрасно подготовленного к ответам на их вопросы. Он выдавал только те обрывки информации, которые, как он считал, нам и так известны. Но мы знали пугающе мало. Например, мы получили информацию о новом адресе электронной почты Халида Шейха Мохаммеда, Зубайде подтвердил, что тот тайно руководил атаками 11 сентября.

После этого Зубайде перестал отвечать на вопросы. Джордж Тенет доложил мне, что следователи считают, он обладает куда большей информацией. Если он что-то скрывал, что это могло быть? Зубайде был нашим хорошим шансом избежать новой катастрофы. «Нам необходимо выведать, что он знает, — отдал я команду. — Какие у нас варианты?»

Первый вариант заключался в том, что ЦРУ возьмется за допрос Зубайде и перевезет его в безопасное место в другую страну, где управление сможет обеспечить тотальный контроль над ним. ЦРУ разработало новую тактику ведения допроса и список вопросов, отличавшихся от тех, которым он успешно противостоял. Джордж уверил меня, что все вопросы будут задавать опытные разведчики, прошедшие всестороннюю подготовку. Медицинский персонал будет тут же следить за тем, чтобы задержанный не был травмирован ни умственно, ни физически.

По моему распоряжению министерство юстиции и юристы из ЦРУ провели особо тщательное расследование. Они сделали заключение, что программа допроса опирается на Конституцию и все действующие законы, включая те, которые запрещали пытки.

Я взглянул на список технологий допроса. Два пункта, на мой взгляд, были слишком жестокими, несмотря на их законность. Я распорядился, чтобы ЦРУ не использовало их. Еще одна «техника» была пытка водой, то есть процесс симуляции утопления. Безусловно, это было слишком жестоко, но медицинские эксперты уверили ЦРУ, что она не причинит особого вреда.

Я знал, что однажды эта техника допроса — такая неоднозначная и противоречивая — станет достоянием общественности. Когда это произойдет,

ния помогли предотвратить атаки на американские военные и дипломатические службы за границей, аэропорт *Хитроу* и *Canary Wharf* в Лондоне, а также на многие объекты, находящиеся на территории Америки. Опытные эксперты сказали мне, что без программы ЦРУ новая атака на США была неизбежной.

После того как мы применили программу ЦРУ, о ее существовании была проинформирована часть законодателей от обеих партий. На тот момент лишь немногие из них считали наши действия слишком жесткими. Но годы спустя, когда угроза уже не казалась столь реальной и политический ветер сменил направление, многие законодатели превратились в наших неистовых критиков. Они заявили, что американцы применяли незаконные пытки. Это было неправдой. Я попросил самых ответственных и компетентных чиновников правительства США проанализировать методы ведения допроса, и они уверили меня, что в них не содержится признаков пытки. Подозрение, что работники спецслужб пренебрегли законом в угоду правительственному заказу, они называли оскорбительным и ложным.

Программа, разработанная ЦРУ, спасла людские жизни. Если бы нам удалось захватить больше террористов Аль-Каиды подобного уровня, я, не задумываясь, разрешил бы применить к ним эту программу.

Утром 10 марта 2004 года Дик Чейни и Энди Кард ошеломили меня новостью, что к вечеру Программа слежения за террористической активностью (*TSP*) будет закрыта.

«Как же это возможно? – спросил я. – Она ведь необходима для защиты страны». Два с половиной года прошло с тех пор, как я в октябре 2001 года инициировал создание *TSP*. Все это время *NSA* использовало эту программу для раскрытия ключевых данных о новых заговорах и местах дислокации террористов. Директор *NSA* Майк Хайден позже публично заявил, что программа «оказалась эффективной в раскрытии и предотвращении терактов на территории США» и что, с его «профессиональной точки зрения, мы смогли бы обнаружить боевиков Аль-Каиды, причастных к событиям 11 сентября, если применили бы эту программу до теракта».

Энди пояснил ситуацию. Пока Джон Эшкрофт, начиная с 2001 года, все время советовал обновить программу *TSP*, министерство юстиции выступило против одного из ее пунктов.

«Почему я ничего не знаю об этом?» – спросил я. Энди был сбит с толку со мной. Он сказал, что сам узнал об этом накануне вечером. Возможно, юристы решили, что в этом вопросе они могут обойтись без помощи президента. Я попросил Энди связаться с Эшкрофтом и советником из Белого дома Альбертом Гонсалесом для выяснения этого вопроса. Тем временем я должен был вылететь в Кливленд, чтобы произнести там речь об отпущениях в сфере торговли.

По возвращении я встретился с Энди. Прогресс в переговорах был минимальный: министерство юстиции настаивало на своем, а мои юристы отстаивали нашу позицию, так как были уверены в законности программы.

«Где Эшкрофт, черт возьми!» – не выдержал я.

«Он в госпитале», – ответил Энди.

Для меня это стало еще одной новостью. Я позвонил Джону, который, как я выяснил, выздоравливал после срочной операции желчного пузыря. Я сказал ему, что послал к нему Энди и Эла поговорить об одном неотложном деле. Они поехали в госпиталь для подписания указа о *TSP*. Вернувшись, они доложили, что Эшкрофт отказался его подписывать. Единственным способом дать ход программе оставалась отмена протеста министерства юстиции. Мне не нравилась эта идея, но альтернативы не было, и я подписал указ о продолжении действия *TSP*, используя право главы исполнительной ветви власти.

Я лег спать раздраженный мыслью, что не владею всей ситуацией, и с намерением разобраться во всем.

«Господин президент, у нас большая проблема, – сказал мне Энди, когда я утром 12 марта приехал в Овальный кабинет. – Джим Коми, министр юстиции, собирается подать в отставку из-за того, что вы продлили действие программы *TSP*. И это же решили сделать еще несколько официальных лиц из министерства юстиции».

Я был в шоке. Никто не доложил мне о том, что на время пребывания Джона Эшкрофта в госпитале его обязанности временно исполнял министр юстиции Коми. Если бы я знал об этом, то никогда не послал Энди и Эла к Джону.

Я захотел лично переговорить с Коми после утреннего совещания ФБР, на котором он присутствовал, замещая Джона Эшкрофта. Я мало знал Джима, но когда-то в Нью-Йорке о нем отзывались как о выдающемся прокуроре. Разговор с ним я начал с объяснений, что на мне лежит долг делать все необходимое для защиты страны, и программа *TSP* во многом этому способствует. Он выразил озабоченность по поводу спорного пункта программы. На это я возразил: «Не понимаю, почему вы говорите об этом в последний момент».

Теперь шокирован был он. «Господин президент, — произнес он, — ваш персонал знает об этом уже несколько недель». Потом он окончательно меня добил: оказывается, не он один собирается подать в отставку. В отставку также подает директор ФБР Боб Мюллер. Я оказался перед лицом самых массовых увольнений в президентской практике, при этом война с террором еще не была закончена.

Я вызвал в Овальный кабинет Боба. За два с половиной года я хорошо узнал его. Это был честный и порядочный человек, бывший игрок хоккейной команды, послуживший на флоте и ставший Федеральным прокурором в Сан-Франциско. Он без колебаний согласился с Коми. Если я продлеваю действие *TSP*, невзирая на возражение министерства юстиции, то он не может оставаться работать в моей администрации.

Я должен был быстро принять ответственное решение. Кто-то в Белом доме считал, что мне следовало настоять на своем, пользуясь 2-й статьей Конституции, и пережить массовый уход; другие советовали мне принять поправки министерства юстиции, внести изменения в программу и сохранить администрацию.

Мне хотелось защитить президентскую власть, данную 2-й статьей Конституции, но не любой ценой. Я вспомнил Уотергейт и последующие за ним события в октябре 1973 года.

Тогда на прокурорский запрос Арчибалда Кокса предоставить пленки президент Ричард Никсон приказал генеральному прокурору Ричардсону уволить его. Тот отказался и подал в отставку вместе со своим заместителем. Эти отставки стали известны как «субботняя реиния». Далее последовала отставка вице-президента. Это был не тот исторический момент, ко-

торый бы я хотел повторить. Мне не доставляло никакого удовольствия осознание того, что я прав с юридической точки зрения, но при этом моя администрация находится в состоянии раскола, а наши ключевые программы борьбы с терроризмом сгорают в огненной буре, устроенной СМИ, неизбежно последовавшей за этим.

Я принял решение пойти на уступки министерству юстиции и изменить ту часть программы, из-за которой возникли разногласия, чтобы хоть в таком виде сохранить *TSP*. Коми и Мюллер перестали угрожать увольнением. Программа *TSP* продолжила давать результаты, а это было самым важным.

Я облегченно вздохнул, когда кризис миновал, но был встревожен тем, что он вообще произошел. Я ясно дал понять своим советникам, что больше никогда не хотел бы вновь оказаться в неведении. Я никого не подозревал в плохих намерениях. Теперь каждый служащий в Белом доме столкнулся с трудной задачей. Надо было знать, как распределяется рабочий день президента, чтобы вовремя положить на его рабочий стол материалы для политического обсуждения. Скандал, связанный с программой *TSP*, стал хорошим примером. В последующие годы тоже не было недостатка в разногласиях, но подобного больше не случалось.

Одна из моих любимых книг — биография президента Гарри Трумэна, написанная прекрасным историком Дэвидом Маккалло. Я восхищался твердостью, принципиальностью и стратегическим видением президента. «Я почувствовал, как на меня обрушились Луна, звезды и все планеты», — говорил он, когда ему пришлось неожиданно возглавить кабинет в конце Второй мировой войны. Однако человек из штата Миссури знал, как принимать важные решения и настаивать на них. Он делал то, что сам считал нужным, и не особенно заботился о мнении критиков. Когда он покинул кабинет в 1953 году, его положительный рейтинг был больше двадцати процентов. Сегодня он считается одним из величайших президентов Америки.

После того как Конди стала государственным секретарем, она дала мне прочесть биографию госсекретаря Трумэна, Дина Ачезона. Обе книги напомнили мне, как решения Трумэна в конце 40-х — начале 50-х годов заложили основы победы в холодной войне и помогли создать мир, который я унаследовал в качестве президента. Трумэн способствовал образованию

НАТО, подписал закон о национальной безопасности 1947 года, явившийся основой для создания ЦРУ, Совета Национальной безопасности и министерства обороны, победил в непопулярной войне, следствием которой стал подъем демократии в Южной Корее, и создал Доктрину Трумэна – оказание помощи странам, противостоящим коммунистическому влиянию.

Как и в эпоху Трумэна, мы оказались в самом начале многолетней борьбы, и нам необходимо было создать эффективные рычаги для отражения угрозы. Именно этому я отдал приоритет во время второго срока моего президентства, – тому, чтобы превратить эти рычаги в институты власти и законы, которые бы пригодились моим преемникам.

В некоторых областях мы заложили хороший фундамент. Министерство внутренней безопасности, подверженное бюрократическому влиянию, все-таки провело реорганизацию более двадцати двух нескоординированных агентств. ФБР создало новое подразделение по национальной безопасности, занимавшееся предотвращением терактов. Министерство обороны учредило Северное управление с единственной целью – защищать страну. Министерство финансов разработало новый агрессивный подход по ликвидации финансовой основы террористов. Мы договорились более чем с девяносто странами об их участии в новой программе инициативы распространения безопасности, нацеленной на передачу материалов, относящихся к оружию массового поражения на международном уровне. Основываясь на рекомендациях комиссии по расследованию теракта 11 сентября, мы создали Национальный контртеррористический центр и назначили его директора, что стало самой большой реформой разведывательного сообщества с момента создания Трумэном ЦРУ.

Было чем заняться и в других областях. Одними из самых важных инструментов в борьбе с террором, включая *TSP* и программы ЦРУ по ведению допросов, было всеобщее одобрение 2-й статьи Конституции и резолюции Конгресса о военных действиях. Лучшим способом быть уверенным в том, что они останутся и после того, как я покину кабинет, была работа с Конгрессом по превращению этих программ в законы. Как заявил судья Роберт Джексон в 1952 году, влияние президента возрастает, когда он действует при всеобщей поддержке Конгресса.

Трудность заключалась в том, как представить Конгрессу *TSP* и программу допросов ЦРУ без разглашения деталей, так как это могло стать

известно противнику. Я верил, что такое возможно, но для этого нам следовало тесно сотрудничать с членами Конгресса, чтобы построить лабеты, не выдавая важных секретов. Мы занялись разработкой этой стратегии, при этом два происшедших события заставили нас поторопиться.

«*New York Times* опять раскручивает историю с *TSP*», – сказал мне Стив Хэдли в декабре 2005 года. В прошлом году *Times* решила раздуть историю, избличающую *TSP*, и Конди с Майком Хайденом дали газете интервью, в котором сообщили ключевые элементы программы.

Пятого декабря 2005 года я пригласил к себе издателя *Times* Артура Зулцбергера и редактора Билла Келлера. Такое случалось нечасто, и мне понравилось их желание поговорить тет-а-тет. Они приехали около 5 часов вечера. Стив Хэдли, Энди Кард, Майк Хайден и я встречали их в Овальном кабинете. Мы сели у камина под портретом Джорджа Вашингтона, и я заявил им, что нация пока еще в опасности, а их газета только увеличивает ее, когда пишет о *TSP*, выдавая, таким образом, врагу конфиденциальную информацию. Затем я попросил генерала Хайдена рассказать им о программе.

Майк – спокойный человек. Он не из тех, кто старается поразить людей звездами на погонах. Он рассказал о своей долгой работе в разведке и естественных подозрениях в отношении любых действий, которые могут вылиться в сбор информации о гражданах США. Он очертил меры безопасности на местах и привел многочисленные заверенные отзывы и результаты, которые давала программа.

Брифинг Майка занял около получаса. Я пристально наблюдал за представителями *Times*. Их лица были непроницаемы. Я сказал им, что они могут задать Майку любой интересующий их вопрос, но это их не заинтересовало. Я посмотрел прямо на Зулцбергера и строго предупредил его, чтобы он прекратил публикации по причинам национальной безопасности. Он ответил, что учтет мое пожелание.

Десять дней спустя Стиву позвонил Билл Келлер и сообщил, что *Times* продолжает в том же духе. У нас не было никаких шансов найти обоснование, чтобы прекратить это. Они поместили информацию на свой веб-сайт еще до звонка Келлера.

Я разочаровался в *Times* и злился, что, продолжая публикации, они предают свою страну. Министерство юстиции завело уголовное дело о разгла-

шении секретной информации, но к лету 2010 года обвинение так никому и не было предъявлено.

Левые впали в истерику. «Джордж Буш – президент, но он – не король!» – не выдержал один из сенаторов. «Администрация Буша считает, что на них законы не распространяются», – вторил ему другой. Утечка информации мгновенно отразилась на возможности продления Патриотического Акта в Конгрессе. «Мы уничтожим Патриотический Акт!» – хвастался на политическом митинге лидер меньшинства в Сенате сенатор Гарри Рейд, голосовавший за его принятие в 2001 году.

В конце концов Патриотический Акт был продлен, но утечка информации создала большую проблему. Средства массовой информации, подозреваемые в помощи правительству в проведении программы *TSP*, столкнулись с массовыми коллективными исками. Это было несправедливо. Компании, согласившиеся выполнить свой патриотический долг и помочь правительству спасти Америку, заслуживали похвалы, а не осуждения. Одно было ясно: любое дальнейшее сотрудничество с этими компаниями невозможно без обеспечения законодательной поддержки.

В начале 2006 года я обратился к законодателям по вопросу совершенствования Закона о внешней разведке. Новый закон обеспечивал ясность в вопросе качества надзора, проводимого нами согласно программе *TSP*, а также обязательную защиту СМИ.

Дебаты продолжались два года. К счастью, у меня было два опытных адвоката: директор национальной разведки Майк Макмоннелл, здравомыслящий человек, бывший адмирал, и министр юстиции Майк Мукасей, очень принципиальный федеральный судья из Нью-Йорка. Они проводили долгие часы на Кэпитол Хилл, объясняя необходимость закрыть бреши в нашей разведке по возможности так же хорошо, как это делает наша охрана на местности, пресекая нарушения.

В итоге, летом 2008 года обе палаты Конгресса провели голосование. Закон был принят в Палате 293 голосами против 129, а в Сенате он получил 69 голосов. Закон в значительной мере способствовал завершению споров относительно нашей деятельности по надзору. Обе партии в Конгрессе выразили поддержку закону, обеспечивающему даже большую гибкость, чем мы имели во время действия *TSP*.

Второе событие, ускорившее принятие решений, произошло в июне 2006 года, в Верховном суде при рассмотрении дела Хамлан против Рамсфелда.

Решение стало кульминационным, так как более четырех лет шли судебные разбирательства о необходимости военных трибуналов, узаконивании которых я утвердил в ноябре 2001 года.

Министерству обороны понадобилось два с половиной года на разработку процедуры и начало первого судебного процесса. Без сомнения, это была сложная юридическая и материально-техническая операция. Но я отметил отсутствие энтузиазма по поводу проекта. Несмотря на все трудности в Афганистане и Ираке, не создавалось впечатления, что у него был приоритет.

Адвокаты террористов действовали с большей настойчивостью. В 2004 году адвокат, назначенный морским ведомством для Салима Хэмдэн-Осма, шофера бен Ладена, схваченного в Афганистане, оспаривал законность трибунала. Исковый суд подтвердил обоснованность трибуналов как организации, действующей в военное время. Но в июне 2006 года Верховный суд не согласился с этим судебным решением. Суд решил, что мне, в отличие от Франклина Рузвельта и всех последующих президентов, для введения военных трибуналов необходимо обоснованное подтверждение Конгресса.

Постановление затронуло и программу допросов ЦРУ. С точки зрения судьи Джона Пола Стивенса, часть Женевских соглашений под названием Общая статья, написанная исключительно для «вооруженных столкновений, не являющихся международными», каким-то образом имеет отношение к войне Америки с Аль-Каидой. Обеспечение запрета «посягательства на человеческое достоинство» – туманная фраза, которую можно интерпретировать по-разному. В итоге, адвокаты ЦРУ забеспокоились, что следователи, допрашивающие террористов, могут быть привлечены к уголовной ответственности. ЦРУ проинформировало меня, что вынуждено приостановить свою программу допросов, приносящую столько важной информации.

Я был решительно не согласен с решением суда, которое расценил как пример активного судебного вмешательства в дела государства. Но я признавал роль Верховного суда в обществе конституционной демократии и

не собирался походить на президента Эндрю Джексона, отказавшегося обеспечить выполнение решения: «Джон Маршалл принял свое решение, а теперь пусть он обеспечивает его выполнение!» Нравятся или нет президенту решения суда – это законы страны.

Так же как и в ситуации с утечкой информации о *TSP*, решения Верховного суда показали, что настало время поиска возможностей юридически оформить системы военного трибунала и программы допросов ЦРУ. Я выступал перед населением с речами и заявлениями, чтобы донести идею о необходимости принятия закона. В сентябре 2006 года в Восточной комнате Белого дома я объявил о переводе Халида Шейха Мохаммеда и еще 13 других высокопоставленных террористов Аль-Каиды из-под опеки ЦРУ за океаном в тюрьму Гуантанамо, где они должны будут предстать перед судом военного трибунала, утвержденного Конгрессом.

«Этот закон делает президента диктатором», – заявил один из конгрессменов. Другие законодатели сравнили поведение нашего военного командования и профессионалов из ЦРУ с Талибаном и Саддамом Хусейном.

Я был уверен, что у народа Америки другое мнение. Большинство американцев понимали необходимость для профессиональных разведчиков использовать инструменты получения информации от террористов, планирующих теракты в нашей стране. И они не хотели, чтобы заключенные из Гуантанамо были перевезены в Соединенные Штаты и допрашивались в гражданских судах на тех же правах, что и обычные преступники.

Через месяц после моего выступления в Восточной комнате Белого дома Конгресс принял большинством голосов обеих партий Закон о военных полномочиях 2006 года. В нем содержалось все, что нам было нужно, включая возобновление работы военных трибуналов и право президента на разрешение использования, в случае необходимости, улучшенных техник допросов.

Когда я утром присутствовал на своем последнем совещании в ЦРУ, в день инаугурации президента Обамы, то вспомнил все, что произошло после 11 сентября: боевые тревоги и напрасные волнения, ботулинотоксин, который, как мы думали, убьет нас, раскрытые заговоры. Прошли годы, но угроза осталась. Террористы нанесли удары на Бали, в Джакарте, Эр-Рияде, Стамбуле, Мадриде, Лондоне, Аммане и Мумбаи. Утренние отчеты разведслужб говорили о том, что они вновь собираются провести теракт в Америке.

После шока 11 сентября не было ни официальной, ни военной, ни политической программы противостояния врагу, которая отрицала бы все правила традиционного ведения войны. К тому времени, когда я покинул Кабинет, мы внедрили систему эффективной контртеррористической программы, опирающуюся на солидную юридическую базу.

Конечно, есть вещи, которые я хотел бы изменить. Мне не нравится, что возобновление деятельности военных трибуналов происходит так медленно. Даже после утверждения Закона о военных полномочиях, процесс принятия другого законопроекта был вновь заторможен. Ко времени моего отставки мы провели всего два судебных процесса в военных трибуналах.

Трудности проведения этих судов препятствовали достижению цели, которую я поставил в начале своего второго срока: закрытие тюрьмы в Гуантанамо.

Открытие Гуантанамо после событий 11 сентября было необходимо, но возникла возможность давления на нас, и это стало орудием пропаганды для наших врагов и предметом раздора среди наших союзников. Я работал над тем, чтобы закрыть тюрьму без согласия служб безопасности, и когда ушел с поста президента, число заключенных в Гуантанамо сократилось с 800 до менее 250 человек. Я надеюсь, что большинство из оставшихся там понесут наказание за свои преступления. Я знал, что если пойду на их освобождение, а они продолжают убивать американцев, то кровь невинных будет на моих руках. Решение, как быть с этими заключенными в случае закрытия Гуантанамо, было самым сложным моментом для меня.

Окидывая взглядом прошлое, я понимаю, что, возможно, мог бы избирать некоторых сомнительных и повторных юридических процедур в поиске законов о деятельности военных трибуналов, *TSP* и программы допросов ЦРУ сразу же после их возникновения. Если бы от членов Конгресса требовалось принять решение одновременно со мной – сразу же после событий 11 сентября – я уверен, что они бы приняли все, что мы требовали, подавляющим большинством голосов. Даже в случае с *TSP* и программой ЦРУ, риск выдать секретную информацию врагу был настолько велик, что я не мог пойти на это, пока мы не улучшили контроль над безопасностью.

Я был встревожен противостоянием органам разведки со стороны министерства юстиции, за их участие в программе по борьбе с терроризмом. Наши разведчики умело и мужественно исполняли приказы по защите на-

ции и заслуживают только благодарности. Официальные лица моей администрации решали сложные вопросы в тревожное для нашей страны время. Их последователи могут, конечно, не согласиться с их выводами, но противостояние официальной версии создаст опасный прецедент для нашей демократии.

С самого начала я знал, что реакция общественности на мои решения будет зависеть от того, произойдет ли следующий теракт. Если бы ничего не произошло, — все, что я делал, выглядело бы перестраховкой. Если бы теракт повторился, они захотели бы знать, почему я не сделал больше.

Такова суть президентства. Восприятие складывается из правильной оценки прошедших событий. В момент принятия решения у вас нет этого преимущества. После 11 сентября я поклялся сделать все, что потребуется для защиты Америки в соответствии с Конституцией и законами нашей страны. История, возможно, оспорит мои решения, политический курс, каким я шел, рычаги власти, оставшиеся после меня. Но в одном не может быть сомнения: после кошмара 11 сентября в Америке на протяжении 7,5 лет не было ни одного удавшегося теракта. И если сформулировать в одном предложении мои самые главные достижения как президента, это звучало бы именно так.

ГЛАВА 7

АФГАНИСТАН

Комната соглашений была одним из моих любимых мест в Белом доме. Просторная и величественная, она располагается на втором этаже между спальней Линкольна и Желтой овальной комнатой. До строительства Западного крыла эта комната была кабинетом президента. Свое название комната получила в 1898 году, когда президент Уильям Маккинли выбрал ее для подписания соглашения об окончании Испано-американской войны.

Самый крупный предмет мебели здесь — большой письменный стол из темного орехового дерева, за которым было подписано соглашение и проходили заседания членов кабинета президента Улисса Симпсона Гранта. Я работаю за этим столом вечером после того, как возвращаюсь из Овального кабинета: редактирую речи, читаю отчеты, делаю звонки.

Напротив стола висит большая картина «Миротворцы», написанная маслом. На ней изображены президент Линкольн, генералы Грант и Уильям Текумш Шерман, контр-адмирал Дэвид Портер в последний месяц Гражданской войны на борту *River Queen*. Линкольн советуется с военным командованием по стратегии разгрома Конфедерации и установлению справедливого и продолжительного мира. До событий 11 сентября я воспринимал эту сцену как увлекательный момент истории. После сентябрьских событий картина приобрела для меня более глубокий смысл. Теперь полотно напоминало мне о конкретной цели Линкольна: он воевал за правое и благородное дело.

В воскресенье 7 октября 2001 года, сразу же после полудня, я вошел в Комнату соглашений, чтобы обратиться к американскому народу. Несколько часов ранее был произведен запуск стратегических ракет с авиационной базы ВВС *Whiteman* в округе Джонсон, штат Миссури. Американские и британские подводные лодки в Аравийском заливе запустили свои ракеты дальнего радиуса действия *Томагавк*, а боевые самолеты взлетели с палуб кораблей США *Carl Vinson* и авианосца *USS Enterprise*.

«Я отдал приказ, — заявил я, — военным Соединенных Штатов начать бомбардировку лагерей подготовки террористов Аль-Каиды и военных объектов Талибана в Афганистане».

Я ощущал груз ответственности за это решение, так как знал, что война принесет горе и смерть. Каждая потерянная жизнь навсегда осиротит семью. В конце своей речи я процитировал письмо, полученное от ученицы четвертого класса, у которой отец был военным. Она пишет: «Несмотря на то что я не хочу, чтобы мой папа воевал, я готова отдать его вам».

Важность начатого дела немного успокаивала мои тревоги по поводу неизбежных жертв. Уничтожение Аль-Каиды, нашедшей приют в Афганистане, означало спасение американского народа. Мы тщательно спланировали операцию и действовали, исходя из необходимой самообороны, а не из мести.

Я посмотрел в окно Комнаты соглашений. Мне был виден мемориал Джефферсона, на стене которого были высечены слова из Декларации Независимости: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными». Через реку Потомак виднелся Пентагон. За двадцать шесть дней после 11 сентября мы все спланировали и приготовили. Теперь пришло время действовать. Америка нанесла ответный удар. Началось освобождение Афганистана.

Послать свой народ на войну — самое ответственное решение, которое может принять президент. Когда в 1989 году мы с Лорой и девочками проводили Рождество в Кэмп-Дэвиде, я наблюдал, как отец отправил 27 тысяч солдат в Панаму для свержения диктатора Мануэля Норьеги и восстановления демократии.

Операция «Правое дело» была успешна, диктатора сбросили быстро. Стороны Америки количество жертв было минимальным, и царил при-

поднятое настроение. Но только не у моего отца. Для раненых, для семей убитых и для главного командующего цена победы была слишком высока.

Во время рождественских песнопений я стоял рядом с родителями, когда подошел флотский священник и сказал: «Сэр, я только что вернулся из Уилфорд-холла, в Сан-Антонио, где лежат раненые. Я сказал ребятам, что, если они хотят что-нибудь передать президенту, то могут сделать это, так как сегодня вечером я вас увижу».

Потом он продолжил: «Они сказали: "Передайте, пожалуйста, президенту, что мы испытываем чувство гордости от того, что служим великой стране и такому великому человеку, как Джордж Буш"». Глаза отца наполнились слезами.

Этот трогательный момент дал мне представление о том, как человек переживает отправку войск на войну. Но как президент я не испытывал подобного чувства, когда отдавал этот приказ.

Посещая кабинет отца во время его президентства, я понял, что Кэмп-Дэвид – одна из привилегий президента. Территория в 200 акров расположена в штате Мэриленд, в районе гор Голубого хребта, что в 70 милях от Вашингтона, и 30 минутах лета на вертолете от Белого дома. Это намного ближе, чем кажется. Местность принадлежит ВМФ США и охраняется морскими пехотинцами. Жили в обычных домиках, время проводили в тренажерном зале, бассейне, боулинге, на зеленой лужайке и совершали пешие и велосипедные прогулки через лес по живописным тропам. Все вокруг настраивало на воспоминания и раздумья.

Президентский домик известен как Аспен. Его убранство просто, но удобно. В деревянном строении три спальни, как раз для нашей семьи; солнечная гостиная, где я смотрел футбол с братом Марвином и друзьями; камин, выложенный из булыжника, у которого мы с Лорой любили читать по вечерам.

В четверть мили вниз по склону холма находится *Laurel*, знаменитый домик с просторной террасой для обедов, небольшим президентским кабинетом и отделанным деревом конференц-залом, в котором Джимми Картер проводил переговоры по Кэмп-Дэвидским мирным соглашениям.

Вот таким было место, где утром в субботу 15 сентября собралась моя команда по национальной безопасности для разработки плана ведения войны в Афганистане. Настроение было мрачное, все было и серь-

езны и сосредоточенны. Рядом со мной за большим дубовым столом сидели первые лица страны по национальной безопасности, напротив члены правительства¹. У всех был богатый опыт управления в кризисной ситуации.

Первая важная презентация в то утро была проведена директором ЦРУ Джорджем Тенетом. За полгода до этого, по моему распоряжению, Джордж и Совет Национальной безопасности начали разработку комплексной стратегии разрушения сети Аль-Каиды. За четыре дня после 11 сентября и встречи в Кэмп-Дэвиде ЦРУ расширило свои планы. Джордж попросил меня предоставить больше полномочий для секретных операций, включая разрешение для ЦРУ захватывать и уничтожать боевиков Аль-Каиды без моей обязательной подписи. Я решил удовлетворить его просьбу.

Сущностью плана ЦРУ было новое наступление в Афганистане, где разрабатывался план атаки 11 сентября. Присутствие террористов на территории Афганистана прослеживается с 1979 года, когда Советский Союз вторгся на его территорию и установил там коммунистический марионеточный режим. Афганские кланы совместно с группой исламистских боевиков, известных как моджахеды, восстали против иностранной оккупации. При поддержке со стороны Соединенных Штатов, Пакистана и Саудовской Аравии повстанцы убили 15 тысяч солдат и заставили вывести советскую войска в 1989 году. Два года спустя сверхдержава рухнула.

После освобождения от коммунистической оккупации у народа Афганистана появился шанс восстановить свою страну. Но у правительства США больше не было национальных интересов в Афганистане, и оно прекратило поддержку. Американское невмешательство привело к созданию вакуума. Афганские воины, прежде сражавшиеся с советскими войсками, нацелили теперь оружие друг на друга. В конце концов, Талибан – группа ис-

¹ Вице-президент Дик Чейни, государственный секретарь Колин Пауэлл, министр обороны Дон Рамсфелд и его заместитель Пол Вулфовиц, министр юстиции Джон Эшкрофт и директор ФБР Боб Мюллер, министр финансов Пол О'Нилл, директор ЦРУ Джордж Тенет и его заместитель Джон Маклафлин, председатель Объединенного комитета начальников штабов Хью Шелтон и вице-президент Дик Майерс, руководитель администрации Белого дома Эндрю Кэрол, советник по национальной безопасности Конди Райс и ее заместитель Стив Хэдди, советник Белого дома Альберто Гонзалес и руководитель команды вице-президента Л. Льюиса Скотт Либби.

ламских фундаменталистов — захватил власть. Они ввели фанатичный, варварский вариант ислама, который запрещал девочкам посещать школу, требовал от мужчин отращивать бороду определенной длины и запрещал женщинам выходить из дома одним без сопровождения мужчины-родственника. Самые простые развлечения, проявление радости — пение, аплодисменты, запуск воздушного змея — были запрещены.

Режим Талибана усиливался жесткой религиозной политикой. В государственном отчете 1998 года упоминалось о женщине, шедшей по улице с пакетом продуктов и двумя маленькими детьми. Когда ее паранджа соскользнула с лица, ее избили автомобильной антенной. Был также случай, когда карманникам, доставленным на национальный футбольный стадион, отрубили кисти рук.

Гомосексуалистов забивали до смерти камнями при малейшем подозрении в мужеложестве. Сразу после того как боевики Талибана захватили Кабул, они украли бывшего президента Афганистана из его квартиры на территории представительства ООН. Его избили и кастрировали, а тело повесили на фонарном столбе.

В январе 2001 года в провинции Бамьям, где проживало небольшое число хазаров, талибы вырезали по меньшей мере 170 невинных граждан. Позже, в том же году, были уничтожены священные статуи Будды, которых 1500 лет.

Были и те, кто получал у талибов теплый прием. Сразу же после захвата власти радикальные муллы предоставили убежище Усаме бен Ладену, создателю Аль-Каиды. В период между 1996 и 2001 годами он построил лагерь в Афганистане, в которых прошли подготовку предположительно 10 тысяч террористов. В ответ бен Ладен профинансировал Талибан из собственного кармана. К 11 сентября Афганистан был не только государством-спонсор террора, но и государством, спонсируемым террористами.

В отличие от контроля над страной идеология Талибана была жесткой. В небольшом уголке северной части Афганистана группа предводителей кланов под названием «Северный Союз» нашла поддержку у местного населения. 11 сентября 2001 года агенты бен Ладена убили Ахмада Шаха Массуда, их любимого лидера. Его убийство подвигло альянс на сотрудничество с Америкой. Совместными усилиями мы приняли решение положить конец талибскому режиму.

План Джорджа состоял в том, чтобы пригласить ЦРУ вооружить, профинансировать и создать объединенные силы с «Северным Союзом». Соединив усилия, они нанесут первый удар. Объединившись с местной оппозицией, мы не будем выглядеть как завоеватели или тактичники, — Америка хотела помочь освобождению афганского народа.

Мы не собирались действовать в одиночку. Колин Пауэлл провел колоссальную работу, включив другие страны в нашу коалицию, при этом Великобритания и Австралия настаивали на войсковой операции. Другие, включая Японию и Южную Корею, предложили направить гуманитарную помощь и транспортную поддержку. Позже Южная Корея послала свои войска. Иордания и Саудовская Аравия, партнеры с арабской стороны, провели совместную разведку операций Аль-Каиды.

Главной страной, которую удалось привлечь, был Пакистан. Никакой другой стране не удалось добиться большего влияния в Афганистане, чем ее восточному соседу. В день 11 сентября Пакистан был одной из трех стран, которые признали Талибан. Другие две — Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

Кто-то в Пакистане, возможно, сочувствовал идеологии Талибов, но основной мотив был — создать баланс против Индии, опасного соперника. Пока Пакистан лоялен правительству Афганистана, он никогда не будет в кольце.

Отношения между Пакистаном и Соединенными Штатами всегда были непростыми. После нашего тесного сотрудничества во времена холодной войны Конгресс направил помощь в Пакистан, включая истребители F-16s, которые Америка обещала продать им — несмотря на их правительственную программу ядерного вооружения. В 1998 году Пакистан провел секретное испытание ядерного оружия, повлекшее дальнейшие санкции против него. Год спустя генерал Первез Мушарраф сверг демократическое правительство в результате государственного переворота, и к 2001 году Америка практически прекратила всякую помощь Пакистану.

13 сентября Колин позвонил президенту Мушаррафу, чтобы выяснить, на чьей тот стороне. Он предъявил список требований, не подлежащих обсуждению, включая осуждение теракта 11 сентября, отказ от укрывательства

ства Аль-Каиды в Пакистане, обмен разведывательными данными, открытие воздушного пространства и разрыва дипломатических отношений с Талибаном.

Мушарраф находился под сильным давлением в своей стране. Пойти против талибов было немислимо для силовиков в его правительстве и службе разведки. Я позвонил из Кэмп-Дэвида во время перерыва совещания военного совета. «Я хочу поблагодарить вас за то, что вы прислушались к нашим жестким требованиям, и я намерен и в дальнейшем сотрудничать с вами, чтобы установить справедливость», — сказал я.

«Ставки высоки, — парировал Мушарраф. — Мы с вами».

Наши отношения с Пакистаном обещали быть сложными, но за четыре дня нам удалось сделать так, что важнейший сосед Афганистана, поддерживающий талибов, превратился в нашего партнера в деле устранения их от власти.

Следующее предложение поступило от военных. Дон Рамсфелд пригласил Хью Шелтона, председателя Объединенного комитета начальников штабов, военного рейнджера, работавшего последний месяц, и вице-председателя Дика Майерса, генерала военно-воздушных сил. Они представили мне три варианта.

Первый — чрезвычайный план Пентагона, существующий на случай крайней необходимости. Он предусматривал нанесение ракетного удара по лагерям Аль-Каиды в Афганистане. План мог быть приведен в исполнение немедленно, без всякого риска для американских войск.

Во втором варианте предлагалось сочетать удары крылатыми ракетами и воздушную бомбардировку. Это позволило бы нам поразить больше целей, не подвергая наших пилотов предельному риску.

Третий и самый агрессивный вариант заключался в применении ракет дальнего радиуса действия, бомбардировщиков и сухопутных сил. Этот вариант существовал в теории, то есть военным пришлось бы все разрабатывать с нуля.

Генерал Шелтон подчеркнул, что потребуется время и тонкая дипломатическая работа, чтобы ввести наши войска в горную, не имеющую выхода к морю страну. Для этого нам потребуется право на открытие воздуш-

ного пространства над этой страной, возможность проводить поисково-спасательные операции, не говоря уже о хорошей погоде и удаче.

За этим последовала широкая дискуссия. Джордж Тенет предупредил о возможности повторения теракта на нашей территории. «Мы не сможем остановить их, если они уже спланировали продолжение», — сказал он. После чего угрожающе добавил: «Я подозреваю, что у них есть химическое и биологическое оружие».

Дик Чейни переживал, что пламя войны может перекинуться на Пакистан, что приведет к потере контроля правительства над страной и ее ядерным потенциалом. Как выразился заместитель советника по национальной безопасности Стив Хэдли, «это будет кошмаром».

С одной стороны, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц предложил рассмотреть конфронтацию с Талибаном на примере Ирака. До событий 11 сентября режим Саддама Хусейна был повсеместно признан самым жестоким в мире. Режим тратил огромные средства на поддержку терроризма, включая выплату семьям палестинских смертников. Его вооруженные силы постоянно обстреливали американские и британские самолеты, патрулирующие закрытые зоны воздушного пространства, введенные по решению ООН. Ирак более десяти лет игнорировал важнейшую резолюцию ООН, требующую доказательств уничтожения оружия массового поражения.

«Действия в отношении Ирака покажут кардинальный выбор политики антитеррора», — заявил Дон Рамсфелд.

Колин призвал их к осторожности. «Идти сейчас в Ирак означало бы клюнуть на приманку и переключиться с основного направления», — добавил он. — Мы потеряем влияние в ООН, исламских странах и НАТО. Если мы хотим "сделать" Ирак, то должны действовать только после этой операции. Но сейчас нам не следует делать это, так как нет никакой связи между этими событиями».

Джордж Тенет согласился. «Сейчас не следует наносить удар. Это было бы ошибкой», — сказал он. — Первая цель — Аль-Каида».

Дик Чейни понимал угрозу со стороны Саддама Хусейна и считал, что мы обязаны ответить на нее. «Но сейчас неподходящее время, — признал он. — Можно упустить момент. Сейчас люди должны выбрать, на чьей они стороне, с бандитами или с Соединенными Штатами».

Мне нравилась категоричность их дискуссии. Слушание обсуждений и изложения различных точек зрения помогло прояснить свою позицию. Я не собирался принимать решение споряча. Оно пришло только на следующий день.

16 сентября, воскресенье, был день раздумий. Мы с Лорой пошли на службу в прекрасную часовню в Кэмп-Дэвиде. Начиная с администрации Рейгана и до окончания президентства моего отца, часовня была особым местом для моей семьи. Здесь состоялась свадебная церемония моей сестры Доры с ее образцовым мужем Бобби Кохом.

В первое воскресенье после 11 сентября, в 10 часов утра сквозь деревья в часовню струился утренний свет ранней осени. Представители ВМФ, Корпуса морских пехотинцев и члены нашей семьи — объединились в едином духовном порыве, как это происходило накануне на встрече членов Совета Национальной безопасности.

В Кэмп-Дэвиде прекрасный пастор, священник ВМФ Боб Уильямс. Его служба в воскресенье была трогательной и утешительной. Он задавал вопросы, волнующие нас: «Почему? Как такое могло случиться, Господи?»

Боб говорил, что ответа не знает никто. «Иногда жизнь поражает непоследовательностью и противоречиями», — признал он. Однако Бог все видит. Он процитировал отрывок из св. Игнатиуса: «Молитесь Господу, все зависит от него. Но поступайте так, как если бы все зависело от вас».

После службы мы с Лорой сели в вертолет, чтобы вылететь обратно в Вашингтон. К полудню я принял одно из важнейших решений за время моего президентства: мы начнем войну с преступлениями терроризма, и первым полем боя будет Афганистан.

Мое решение будет отказом от американской политики последних двух десятилетий, ведь после того как террористы Хезболлы организовали взрывы в посольстве и казармах ВМФ в Ливане в 1983 году, президент Рейган вывел войска. Когда в 1993 году сомалийские террористы сбили американский вертолет *Black Hawk*, президент Клинтон также вывел войска. Но взрывы в двух наших посольствах в Восточной Африке заставили его сразу же ответить ракетным ударом по расположениям Аль-Каиды в Афганистане. Однако тренировочные лагеря уже опустели, и их разрушение оказалось

неэффективным и бесполезным. Когда Аль-Каида взорвала эсминцы *Cole* в порту Адена, американские власти вообще никак не отреагировали.

Мои предшественники принимали решения в другую эпоху. После того как Аль-Каида убила около 3 000 человек, в Соединенных Штатах стало ясно, что террористы расценивают отсутствие серьезного ответа с нашей стороны как признак слабости и как «приглашение» к приведению еще более сокрушительных ударов. В сводках Аль-Каиды о наших «погребениях» говорилось, что это является доказательством: американцы были, по словам бен Ладена, «бумажными тиграми», которых можно «обратить в бегство быстрее, чем за сутки».

После 11 сентября я был настроен изменить это впечатление коренным образом, и решил применить самый агрессивный из трех вариантов, предложенных генералом Шелтоном. Ракетные удары и бомбардировка будут только частью нашего ответа Аль-Каиде, — это еще не все. Дорогостоящее оружие, примененное для уничтожения малочисленных отрядов в лагерь х. не разрушит влияния талибов в стране и не уничтожит убежище Аль-Каиды, а только укрепит их уверенность в том, что они могут бить нас, обходясь с малой кровью. Поэтому на этот раз мы направим против них сухопутные войска и оставим их там на столько времени, сколько потребуется для полного выдворения талибов и Аль-Каиды и образования свободного общества.

Так как не было прямых доказательств причастности Саддама Хусейна к событиям 11 сентября, я собирался подойти к решению иракской проблемы дипломатично. Я рассчитывал, что вместе с мировым сообществом мы смогли бы заставить его вспомнить о своих обязательствах перед всеми странами. Лучшим способом показать ему серьезность наших намерений стали бы наши успехи в Афганистане.

На следующее утро я собрал Совет Национальной безопасности в кабинете Белого дома и объявил: «Цель нашей встречи — определить задачи первого этапа войны с террористами. Она начнется сегодня».

Сразу после 11 сентября Денни Хастерт, уважаемый спикер Палаты, предложил мне выступить на объединенном заседании Конгресса с обра-

шением к обеим Палатам, как когда-то президент Франклин Рузвельт после атаки Перл Харбора. Идея мне понравилась, но я не почел полагать, пока мне будет что сказать. Вот теперь есть что. Мое выступление было назначено на 20 сентября.

Я знал, что у народа Америки накопилось много вопросов. Кто нанес нам удар? Почему нас ненавидят? Какая будет война? Что должны делать обычные граждане? Ответы на эти вопросы должны были стать планом моего выступления.

Я решил пригласить особого гостя, который присоединился бы к моей речи — премьер-министра Британии Тони Блэра. За несколько часов до того, как я покинул Кэпитол Хилл, Тони приехал на обед в Белый дом. Мы уединились с ним в тихом уголке на первом этаже — я хотел ознакомить его с планом предстоящей войны, в который входила включенная мною сухопутная операция. Он уверил меня, что Великобритания будет на нашей стороне. Таким образом, ближайший союзник Америки во всех войнах прошлого столетия будет поддерживать нас и в первой войне нового века.

Когда подошел час моего выступления, Тони заметил: «Ты немного волнуешься, Джордж, может быть, тебе нужно побыть одному?» Мне это и в голову не приходило, пока он не сказал об этом. Нет, мне это не требовалось. Я потратил достаточно времени на тщательное обдумывание решений, прежде чем их принять, и я знал, что хотел сказать. Плюс к этому мне было приятно находиться в компании моего друга.

Атмосфера в Палате изменилась с момента проведения 14 сентября Национального собрания. Это была смесь энергии, злости и вызова. Потом я узнал, что телевизионную трансляцию смотрели более 82 млн человек, — самая большая аудитория, когда-либо слушавшая речь президента.

Я начал: «В мирное время президенты приходят сюда, в эту комнату, выступить с отчетом о положении дел в стране. Сегодня речь пойдет не об этом. Народ Америки и так все знает сам. Друзья мои, наша страна — великая страна».

Я стал отвечать на вопросы: кто эти террористы, какова их идеология, что это за война нового типа, которую мы собираемся вести. «Наш ответ террористам не должен заключаться в мгновенном возмездии и изолированных ударах», — сказал я. — Американцам не стоит надеяться решить все в одном сражении, это будет долгая операция, какую нам еще не приходи-

лось проводить. Во время нее могут произойти драматические события, показанные по ТВ, и тайные операции, засекреченные для их завершения. Каждая страна на любом континенте должна принять решение: на чьей она стороне — или она с нами, или — с террористами.

Я предъявил ультиматум талибам: «Либо они прекращают контакты с террористами, либо разделят их участь. У нас мало надежды, что афганские руководители нас услышат, но их вызов мировому сообществу оправдывает наши военные действия». Делая вывод, я сказал:

«В момент горя и гнева мы осознаем нашу миссию и поэтому сейчас призываем весь мир обратить на нас внимание. Мы покажем всему миру наши силу и мужество. Мы неустанно и решительно будем продолжать это дело.»

Я надеюсь, что через месяцы или годы жизнь вновь наладится. Даже горе со временем притупляется и стирается. Но наша решимость не должна покидать нас. Каждый из нас будет вспоминать тот момент, когда узнал об этом известии, где и как оно нас застало, где мы находились в тот момент, что делали. Многие вспомнят пожары или историю спасения. У кого-то останутся в памяти лица и голоса тех, кто навеки ушел от нас.

А я буду вспоминать полицейский значок человека по имени Джордж Ховард, который погиб во Всемирном торговом центре, спасая других. Этот значок дала мне его мать Арлин, как память о сыне. Это напоминает мне об отнятых жизнях и о задаче, которая пока не решена.

Я не забуду эту рану, нанесенную нашей стране, и тех, кто сделал это. Я не сдамся, не успокоюсь. Я буду непреклонен в этой борьбе за свободу и безопасность народа Америки».

На следующий день, 21 сентября, я занялся непосредственно военным планированием. Общение с военными в ранге главнокомандующего было для меня новым делом. Мундиры военных с рядами нашивков свидетельствовали об их военном опыте, намного большем, чем мой.

За семь месяцев до этого мы с Лорой давали в Белом доме обед для военачальников и их жен. Я решил несколько нарушить официальность встречи и лично познакомиться с генералами и адмиралами, так чтобы они

могли раскрепоститься и дать объективную оценку ситуации, да и мне было удобнее задавать им вопросы в непринужденной обстановке.

Одним из командиров, с которым я тогда встретился, был генерал Томми Фрэнкс, который приехал в Белый дом вместе с женой. Вся грудь Томми была в орденах, включая несколько «Бронзовых звезд» и «Пурпурное Сердце» за Вьетнам. В чине бригадного генерала он командовал войсками на войне в Заливе. В 2000 году он занял высшую должность в штабе центрального командования, территория действий которого простиралась от Северной Африки до Центральной Азии, включая Афганистан.

«Генерал, я знаю, что вы родом из центральных штатов, из Техаса», — обратился я к нему.

«Да, господин президент, отсюда», — ответил он с радушной улыбкой и западнотехасским акцентом.

«Слышал, что вы учились в том же институте, что и Лора», — добавил я.

«Да, сэр, я окончил его на год раньше вашей жены. Но не беспокойтесь, господин президент, мы с ней никогда не встречались».

Я от души рассмеялся. Занятно было сказать такое своему новому главнокомандующему. Я понял, — мы с ним прекрасно поладим.

Томми дал понять, что Афганская операция будет нелегкой. Все в этой стране было непросто: и ее отдаленность, и пересеченность местности, и неграмотное население.

На севере страны живут этнические таджики, узбеки, хазары, туркмены и другие народности. Южная часть заселена в основном пуштунами. Племенные, этнические, религиозные разногласия уходят в глубь веков. Однако, несмотря на все их различия, народы Афганистана всегда объединяются против иноземных захватчиков. Они выгнали из страны англичан в XIX веке и изгнали советские войска со своей территории в XX. Даже Александру Македонскому не удалось завоевать страну. Афганистан получил негласное прозвище — Могильщик Империй.

Военный план Томми, получивший потом кодовое название «Операция "Несокрушимая свобода"», состоял из четырех фаз. Во-первых, было необходимо связать спецподразделения с разведкой ЦРУ для определения пути следования объединенных войск. Далее нам следовало провести глубокую разведку по выявлению объектов в Аль-Каиды и Талибана и организовать сброс с самолетов гуманитарной помощи афганскому народу. Третья фаза, требо-

вавшая подключения наемных войск с обеих сторон — Америки и коалиции, — означала вступление в страну и преследование оставшихся боевиков Талибана и Аль-Каиды. В итоге мы смогли бы стабилизировать положение в стране и помочь народу Афганистана построить свободное общество.

Я должен был быть уверен, что план — всесторонний и последовательный, продуманный стратегически — в данном случае, игнорирование талибов, ликвидация пристанищ Аль-Каиды и помощь в создании демократического правительства. Я забросал Томми вопросами. Сколько войск нам понадобится? Какой вид базирования планируется? Сколько времени потребуются для приведения войск в полную боеготовность? Какой уровень вражеского сопротивления ожидается?

Я не пытался взять на себя управление транспортновками или тактическими решениями. Мой инстинкт подсказывал мне, что можно доверять военному руководству, — они были опытными профессионалами, я же такого опыта не имел. Я вспомнил вьетнамские фото Линдона Джонсона и министра обороны Роберта Макнамара, детально изучающих карты, выбирая объекты для бомбежки. Их тактическое руководство влияло на всю цепочку дальнейших инстанций. Когда я был в летной школе, один из моих инструкторов, побывавший во Вьетнаме, жаловался, что ВВС были так ограничены в своих действиях, что противник с легкостью мог точно вычислить, когда и где появятся самолеты. Причина была, по его словам, в том, что «политики не хотели раздражать население».

Единственная область, где Томми нужна была помощь, — это заручиться поддержкой соседей Афганистана. Без организации транспортировки из Узбекистана и Таджикистана мы не смогли бы продвигать наши войска в Афганистане. Я не был знаком с бывшими лидерами советских республик, но Россия имела огромное влияние в этом регионе, а я знал Владимира Путина.

Впервые мы встретились с Путиным в июне этого года в Словении, во дворце, в котором когда-то жил коммунистический лидер Тито. Мой целью на саммите было снять напряжение в отношениях между нашими странами и наладить контакт с Путиным. Я делал ставку на личную дипломатию. Знакомство с мировым лидером, его личностью, характером и интен-
тсмами поможет найти общие точки соприкосновения и прийти к компро-

миссным решениям. Этот опыт я унаследовал от отца, который великодушно использовал практику личных взаимоотношений. Другим был Авраам Линкольн. «Если вы хотите привлечь кого-то на свою сторону, — как-то сказал Линкольн, — сначала убедите его, что он ваш друг».

Саммит, в котором принимал участие и Путин, начался с небольшого совещания — только мы с Владимиром, в присутствии наших секретарей национальной безопасности и переводчиков. Он казался несколько напряженным и начал говорить, подглядывая в записи. Первой темой обсуждения был долг Российской Федерации времен советского периода.

Спустя несколько минут я прервал его монолог вопросом: «Правда ли, что ваша мать дала вам крест, который вы освятили в Иерусалиме?» По выражению лица Путина я увидел, что он был потрясен, когда Петр, переводчик, перевел ему на русский язык мой вопрос. Я пояснил, что где-то читал об этом и хотел бы знать подробности — я не стал говорить ему, что узнал об этом из разведывательных источников. Путин быстро пришел в себя и рассказал эту историю. Выражение его лица и голос становились мягче по мере того, как он рассказывал, как он повесил крестик на даче, которая впоследствии сгорела. Когда прибыли пожарные, он им сказал, что единственное, что ему дорого, — это крест. Он с чувством поведал о том, как пожарный раскрыл ладонь и там оказался крестик. И он произнес: «Так и должно было быть».

«Владимир, — сказал я, — это была история о крестике. Но в жизни так происходит во всем — чему быть, того не миновать». Я почувствовал, как напряжение исчезло из зала, где проходила наша беседа.

После встречи один из репортеров спросил, является ли Путин «человеком, которому можно доверять». Я ответил «Да». Я вспомнил, какие эмоции вызвал в Путине его собственный рассказ о крестике. «Я смотрел ему прямо в глаза, — сказал я, — ...и смог уловить движение его души». В последующие годы Путин не раз даст мне повод пересмотреть это мнение.

Три месяца спустя после встречи в Словении Путин оказался первым иностранным главой государства, позвонившим в Белый дом 11 сентября. Он не смог со мной связаться — я был вне досягаемости — в президентском самолете, поэтому с ним разговаривала Конди из ПЕОС. Он уверил ее в том, что Россия не собирается принимать военную готовность в ответ на наш переход к третьему уровню боеготовности, что когда-то Советский

Союз автоматически сделал во времена холодной войны. Когда на следующий день я сам разговаривал с Владимиром, он сказал, что подписал указ об объявлении минуты молчания в знак солидарности с Соединенными Штатами. В конце беседы он сказал: «Добро победит зло, и я хочу, чтобы вы знали, — в этой борьбе мы с вами».

22 сентября я позвонил Путину из Кэмп-Дэвида. Во время долгой беседы в то субботнее утро он согласился открыть российское воздушное пространство для американских военных самолетов и пустить в ход все свое влияние, чтобы договориться с бывшими советскими республиками о переброске наших войск в Афганистан. Я подозревал, что он будет обеспокоен по поводу окружения России, но его больше заботила проблема соседства с террористами. Он даже приказал русским генералам поделиться с американскими коллегами опытом ведения войны в Афганистане в 1980-х.

Беседа была интересной. Я сказал Владимиру, что приветствую его готовность преодолеть предрассудки прошлого.

Вскоре мы достигли соглашения с бывшими советскими республиками.

В конце сентября Джордж Тенет доложил, что первые разведывательные отряды ЦРУ вошли в Афганистан и связались с «Северным Союзом». Томми Фрэнкс сказал мне, что вскоре будет готов развернуть наши спецвойска. Я задал вопрос командованию, который вертелся у меня на языке: «Итак, кто будет управлять страной?»

В ответ все промолчали.

Я хотел быть уверен, что командование продумало послевоенную стратегию. Я был убежден, что афганскому народу самому следовало выбрать своего лидера. Они так долго страдали, а американцы так сильно рисковали, что нельзя было допустить восстановления тирании. Я попросил Колин разработать план перехода к демократии.

В пятницу, 5 октября, генерал Дик Майерс доложил о готовности к военным действиям. Я тоже был готов. Мы дали Талибану более двух недель для ответа на ультиматум, который я им предъявил, но они не выполнили ни одно из наших требований; их время подошло к концу.

Дон Рамсфелд возвращался из стран Средней и Центральной Азии, где принял несколько важных решений о базировании войск. Я ждал его при-

езда, прежде чем отдать официальный приказ. В субботу, утром 6 октября, я разговаривал с Доном Рамсфелдом и Диком Майерсом по телемосту из Кэмп-Дэвида. Я в последний раз поинтересовался, все ли готово, и они подтвердили это.

«Начинайте, — сказал я. — Это правое дело».

В глубине души я чувствовал, что удары по Аль-Каиде, уничтожение талибов и освобождение многострадального народа Афганистана было необходимо и справедливо, но волновался обо всем, что могло пойти не так, как надо. Военные планировщики рассчитали риски: массовый голод, развязывание гражданской войны, крах пакистанского правительства, восстание мусульман во всем мире и один, которого я боялся больше всего, — ответные операции на территории Америки.

На следующее утро, когда я сел в *Marine One*, чтобы возвратиться в Вашингтон, Лора и еще несколько основных советников знали, что я отдал приказ, но официально об этом не было объявлено. В целях сохранения секретности операции я продолжал придерживаться своего ранее заявленного графика, согласно которому мне предстояло посетить церемонию у Национального Мемориала погибшим пожарным в Эмитсбурге, штат Мэриленд. Я говорил о 343 нью-йоркских пожарных, отдавших свои жизни 11 сентября — безусловно, самый трагичный день в истории американских пожарных — о жертвах, начиная с руководителя пожарного управления Питера Ганки до молодых новичков, работавших первые месяцы.

Мемориал бы живым напоминанием, почему Америка скоро вступит в войну. Наши военные это тоже понимали. В семи тысячах миль от нас упали первые бомбы. На некоторых из них наши войска написали буквы *FDNY*.

Первые сводки из Афганистана были хорошими. За два часа воздушных бомбардировок мы с нашими британскими союзниками уничтожили слабую противовоздушную оборону талибов и несколько известных нам лагерей подготовки Аль-Каиды. После бомб мы сбросили более тридцати семи тысяч продовольственных пайков для помощи афганскому народу, надо сказать — самый быстрый способ распределения гуманитарной помощи в истории войны.

Спустя несколько дней мы столкнулись с первой проблемой. В результате воздушных атак была уничтожена большая часть инфраструктуры талибов и Аль-Каиды. Но проблема была связана с высоким уровнем строго реагирования. Они располагались на бывшей советской авиабазе в Узбекистане, и от взлетной полосы в Афганистане были отделены горной цепью в пятнадцать тысяч футов высотой, низкими температурами и слепыми снежными бурями.

Я потребовал активизации действий. Дон и Томми уверяли меня, что быстрее невозможно. Но проходили дни, и я чувствовал все большее разочарование. Наш ответ походил на беспомощную воздушную войну, которую Америка вела в прошлом, и я беспокоился, что нас не поймет ни враг, ни народ Америки.

Позже Томми Фрэнкс назвал те дни «адскими днями», и я согласился с ним.

Спустя двенадцать дней после моего объявления войны, наконец, приземлились первые части сил быстрого реагирования. На севере страны наши силы соединились с разведкой ЦРУ и бойцами «Северного Союза». На юге небольшой отряд спецвойск разгромил штаб лидера талибов Муллы Омара в Кандагаре.

Через месяц я посетил Fort Bragg в Северной Каролине, где встретил членов спецподразделения, совершившего этот налет. Они дали мне кирпич, взятый из руин здания. Я хранил его в личном кабинете рядом с Овальным кабинетом как напоминание о том, что мы проводили наземную операцию, в которой американские пехотинцы проявили ловкость и отвагу.

Развертывание наших войск не развеяло сомнений на родине. 25 октября Конди сказала мне, что промедление в темпе операций вызвало ураган критики в средствах массовой информации, отражаясь на национальной безопасности. Война шла всего восемнадцать дней, но некоторые уже говорили об альтернативных стратегических вариантах.

В беспокойные времена любой признак сомнения со стороны президента приводит к разбалансированию всей системы. Следующим утром на совещании Совета Национальной безопасности я заявил: «Я всего лишь хочу убедиться, что все мы согласны с планом действий. Вы не против

этого?» Я обошел вокруг стола, задавая этот вопрос каждому члену команды, и все единодушно согласились.

Я уверил всех в правильности нашей стратегии: план хорошо продуман, вооруженные силы боеспособны и наше дело было правым. Нам не стоит обращать внимание на критику или позволять прессе запугивать нас. «Нам следует оставаться уверенными и терпеливыми, хладнокровными и непоколебимыми», — заявил я.

Я почувствовал общий вздох облегчения. Опыт подсказывал мне, что даже очень самостоятельные и сильные люди иногда нуждаются в том, чтобы их еще раз убедили. Как уже потом я говорил журналисту Бобу Вудварду, президент должен быть «кальцием в спинном хребте».

Я был рад, что мы «укрепили наши хребты», когда 31 октября открыл *New York Times*. Журналист Джонни Эппл написал статью под заголовком «Военное болото напомнило: Афганистан — это Вьетнам». Она начиналась со слов: «Подобно известному примеру из печального прошлого, злое слово "болото" стало появляться в разговорах правительственных чиновников и политологов у нас и за рубежом».

В некотором смысле это было предсказуемо. Журналисты моего поколения имеют тенденцию все видеть сквозь призму Уотергейта или Вьетнама. Однако я все-таки удивился, что *Times* не могла подождать хотя бы месяц, прежде чем наклеивать вьетнамские ярлыки на Афганистан.

Разница между двумя конфликтами была разительной. Во-первых, афганские боевики убили три тысячи невинных людей в Америке. Во-вторых, в данной ситуации у нас не было постоянного контингента войск в Афганистане, по сравнению с сотнями тысяч, которые были тогда во Вьетнаме. И, наконец, вся Америка объединилась, посылая войска для выполнения этой миссии, — на нашей стороне была и растущая коалиция.

Но для прессы все это не имело значения. Дебаты по поводу так называемого «болота» продолжались на передовицах газет и кабельном телевидении. Я не обращал на это внимания. Я знал, что большинство американцев будут терпеть и поддерживать нас до появления результата.

Результаты появились в начале ноября. Поддержанные ЦРУ и силами быстрого реагирования, военнослужащие «Северного Союз» выдвинулись в

позициям Талибана. Афганские воины начали атаку, в то время как спецподразделения использовали GPS-навигаторы и лазерную систему наведения для корректировки авиаударов. Воины «Северного Союз» и наши спецподразделения развернули кавалерийскую атаку и освободили стратегическую точку — город Мазари-Шариф. Жители вышли на улицу праздновать победу. Самые современные вооружение двадцать первого века наряду с винной атакой, напоминающей о XIX столетии, изгнали талибов из их северной цитадели.

Я вздохнул с облегчением. Незвизира на уверенность в эффективности нашей стратегии и не обращая внимания на болтовню о «болоте», я нервничал. Невозможно было знать наверняка, добьемся ли мы успеха. Падение Мазари-Шарифа заставило поверить в это. «Страна может начать трещать по швам, как дешевый костюм», — сказал я Владимиру Путину.

Она затрещала по швам очень быстро. В считанные дни пали все большие города на севере страны. Талибы покинули Кабул и укрылись в горах на востоке и юге. Женщины вышли из домов, дети стали запускать воздушных змеев, а мужчины сбрили бороды и начали отплясывать на улицах. Кто-то слушал музыку, запрещенную талибами, прижав к уху плеер. «Мы свободны!» — слышался возглас. Одна учительница сказала: «Я счастлива, потому что верю: наконец-то двери школ откроются и для девочек».

Мы с Лорой были счастливы при виде этих сцен освобождения. В субботу после сдачи Кабула она выступила по радио с обращением — сказала она, — от еще первой леди не делала этого. «Талибский режим, — сказала она, — отступает на большей части страны, и народ Афганистана, особенно женщины, — ликует. Афганские женщины знают по собственному тяжелому опыту то, что теперь видит весь остальной мир... Борьба с терроризмом — это борьба за права и достоинство женщин».

Обращение Лоры вызвало положительные отклики во всем мире, но самый приятный пришел от афганских женщин. Для Лоры стало призванием открытие перспектив для народа Афганистана, особенно для женщин и девушек. В последующие годы она встречалась с афганскими учителями и предпринимателями, помогала в поставке учебников и лекарств, поддерживала только что образовавшийся Совет афганских женщин, который наживала только что образовавшийся Совет афганских женщин, который нажил более 70 млн долларов в частные фонды развития, и совершила три поездки в страну. По мере того как я чувствовал себя все увереннее в роли главнокомандующего, Лора набирала очки как первая леди страны.

После освобождения северного Афганистана наши взоры устремились на юг страны. Джордж Тенет доложил, что антиталибское движение сосредоточилось вокруг лидера пуштунов Хамида Карзая. Он не был типичным военным командиром, – вырос под Кандагаром, получил диплом в Индии, говорил на четырех языках и работал в афганском правительстве, пока оно не было свергнуто талибами.

Через два дня после нашей бомбежки Карзай вскочил на мотоцикл в Пакистане, пересек границу и, объединив несколько сотен человек, захватил Тарин Кот, небольшой городок рядом с Кандагаром. Талибы выследили его и послали отряд для уничтожения. На опережение ЦРУ выслало вертолет для его спасения. Вскоре Карзай вновь возглавил сопротивление. В конце ноября он присоединился к морским пехотинцам. Оставшиеся лидеры талибов бежали из Кандагара. Город сдался 7 декабря 2001 года, в канун шестидесятой годовщины Перл Харбора, через два месяца со дня моей речи в Комнате соглашений.

Вытесненные из своих опорных пунктов остатки талибов и Аль-Каиды ушли к труднопроходимой восточной границе с Пакистаном. В начале 2002 года Томми Фрэнкс провел решающий штурм под названием «Операция "Анаконда"».

Наши войска, объединенные с партнерами по коалиции и силами Афганистана, выдавили остатки Аль-Каиды и Талибана с территории восточного Афганистана. ЦРУ и спецподразделения, с трудом пробираясь через пещеры, сообщали цели для наших авианалетов на убежища террористов и нанесли серьезный урон Аль-Каиде.

Я надеялся, что Усама бен Ладен окажется в числе убитых или плененных. Мы тщательно занимались поиском и неоднократно получали противоречивую информацию о его местонахождении. По некоторым данным, он находился в Джалалабаде. По другим – он был в Пешаваре, или на озере вблизи Кандагара, или в пещерах Тора Бора. Наши войска преследовали каждого главаря Аль-Каиды. Несколько раз мы уже думали, что вот-вот схватим его, но ЦРУ это никак не удавалось.

Годы спустя критики обвиняли нас в том, что мы дали возможность бен Ладену ускользнуть из западни Тора Бора, но я был уверен, что это не так. Я часто интересовался у наших руководителей ЦРУ о бен Ладене. Они круглосуточно пытались вычислить его местонахождение и уверали, что у них есть все необходимое, включая боеготовность войск и ресурсы для этого. Если бы мы точно знали, где он, то сделали бы все возможное, чтобы он предстал перед лицом правосудия.

«Операция "Анаконда"» ознаменовала окончание начальной фазы сражения. Как и любая война, наша кампания в Афганистане была не безупречна. Но за шесть месяцев нам удалось отстранить от власти талибов, разрушить тренировочные лагеря Аль-Каиды, освободить более двадцати шести миллионов человек от гнета чудовищной жестокости, позволить девочкам вернуться в школы и заложить фундамент демократического общества. Не было ни голода, ни гражданской войны, ни краха правительства в Пакистане, никакого всеобщего возмущения мусульман и никакого ответного удара по нашей стране.

Завоевания достались дорогой ценой. В период с начала войны и до «Операции "Анаконда"» героически погибли двадцать семь американцев. Обычно ранним утром на совещаниях в Овальном кабинете за столом *Резолют*¹ я называл каждого поименно. Я представлял, какую боль испытывали их семьи, когда на пороге дома появлялся военный. Я молился, чтобы Бог облегчил их страдания.

В начале войны я решил писать письма родственникам погибших на полях сражений. Я хотел отдать должное их потере, выразить мое соболезнование и благодарность страны. 29 ноября, когда я сел их писать, мне вспомнилось письмо Авраама Линкольна, написанное в 1864 году Лидии Биксби из штата Массачусетс, женщине, которая, как считалось, потеряла пятерых сыновей в гражданскую войну.

«Я понимаю, что словами не облегчить Ваше горе. Напрасно даже пытаться это сделать, – писал Линкольн. – Но я не могу не постараться утешить Вас».

¹ «Резолют» – название английского корабля, из досок которого сделан стол. Подарок английской королевы в 1880 году. (Прим. переводчика.)

шить Вас в том, что они погибли за общечеловеческие ценности, и люди благодарны Вам. Я молю о том, чтобы Господь облегчил Ваши муки от этой тяжелой утраты, оставив светлую память о любимых и ушедших, а также священную гордость, которую Вы должны испытывать за своих сыновей, пожертвовавших жизнью ради свободы».

Мое письмо было адресовано Шеннон Спэн, жене Майка Спэна, офицера ЦРУ, убитого во время тюремного бунта в Мазари-Шарифе. Он стал первой жертвой, павшей на поле битвы:

«Дорогая Шеннон.

От лица благодарного народа Лора и я шлем наши сердечные соболезнования Вам и Вашей семье по поводу потери Майка. Я знаю, как болит у Вас сердце, и мы молимся за всех вас.

Майк погиб в борьбе со злом, отдал жизнь за благородное дело — за свободу. Ваши дети должны знать, что он храбро и героически служил нации.

Да благословит Вас Бог, Шеннон, Вас и Ваших детей и всех, кто оплакивает потерю такого хорошего и храброго человека.

Искренне...

Джордж Буш-мл.».

Я послал письма семьям каждого военнослужащего, отдавшего жизнь в войне с террором. К концу срока моего президентства, я написал почти пяти тысячам семей.

В дополнение к моей переписке, я часто встречался с членами семей павших на войне. Я чувствовал, что это моя обязанность — успокаивать тех, кто потерял близкого человека. В марте 2002 года я поехал в Форт Брэгг, чтобы встретиться с семьями военнослужащих, убитых во время «Операции "Анаконда"». Я ощущал тревогу: быть может, они разозлятся или им будет мучительно больно все это? Я был готов разделить их горе, выслушать, поговорить с ними — все, только чтобы облегчить их боль.

Одну из вдов, с которой я встретился, звали Валери Чапмен. Далеко в горах ее муж, технический сержант ВВС Джон Чапмен, смело атаковал вражеские засады в двух убежищах Аль-Каиды, и помог, таким образом, выйти из окружения бойцам, прежде чем погиб сам. Валери сказала мне, что Джон любил ВВС. Он пошел служить в девятнадцать и прослужил семнадцать лет.

Я посмотрел в глаза дочерям Джона и Валери: пятилетней Мэдисон и трехлетней Брианны, и представил своих дочерей в их возрасте. Мое сердце разрывалось при мысли, что девочки вырастут без отца. Сдерживая слезы, я сказал им, что их отец был хорошим человеком, который храбро сражался. Если малышки что-нибудь запомнят о нашей встрече, то я хотел, чтобы это было именно мое уважение к их отцу, а не вид плачущего главнокомандующего.

Когда встреча подходила к концу, Валери вручила мне копию надписи на мемориале ее мужа. «Если кто-нибудь когда-нибудь скажет вам, что вы поступаете неправильно, — произнесла она, пристально глядя на меня, — посмотрите на это». На листе было написано ее рукой:

«Джон выполнил свою работу, теперь Ваша очередь выполнить свою».

Я вспоминал ее слова и подобные высказывания каждый раз, когда принимал решения военного характера.

Через какое-то время пьянящее чувство свободы уступило место растерянности, связанной с необходимостью помочь народу Афганистана перестроить — или, более точно, построить с нуля новое общество. В 2001 году Афганистан входил в число трех самых бедных стран в мире. Менее десяти процентов населения могли воспользоваться медицинской помощью. Четыре из пяти женщин Афганистана были неграмотными. Если территория Афганистана и его население сопоставимо со штатом Техас, то ежегодная экономическая составляющая соизмерима с Монтаной. Продолжительность суровой жизни составляла всего сорок шесть лет.

Позже Афганистан будут сравнивать с Ираком, но эти страны были в разном экономическом положении. Во время освобождения Афганистана его ВВП был менее трети иракского, детская смертность увеличилась более чем вдвое. Помощь в присоединении народа Афганистана к современному миру превратилась в долгий и тяжелый процесс.

Когда я участвовал в президентской гонке, я даже не предполагал, что мне придется выполнять такую миссию. Осенью 2000 года Эл Гор и я обмуждали наиболее актуальные вопросы, стоящие перед Америкой. Не раз в разговоре всплывали слова Афганистан, бен Ладен или Аль-Каида. Мы обсуждали государственное строительство. «У нас с вице-президентом име-

ются разногласия в использовании войск, — заявил я в первых дебатах. — Я постараюсь максимально продуманно подходить к участию наших войск в национальном строительстве».

В то время меня беспокоило превышение полномочий нашими военными в миротворческих миссиях, проводимых в Боснии и Сомали. Но после 11 сентября, я изменил свое мнение. Афганистану предстояло решить по-последнюю задачу — построение государства. Мы освободили страну от доморощенной диктатуры, и на нас лежала моральная ответственность придумать что-нибудь лучше этого. У нас был стратегический интерес в помощи афганскому народу построить свободное общество. Террористы находили убежище там, где царили хаос, отчаяние и репрессии. Демократический Афганистан должен был стать надежной альтернативой экстремистам.

Первым шагом было оказание поддержки законному руководителю. Колин Пауэлл работал с первыми лицами ООН по вопросу выбора временного правительства Афганистана. Они решили придерживаться традиционного Афганского собрания под названием *Большой Совет*. Афганистан не был настолько безопасным местом, где можно было бы организовать это собрание, поэтому канцлер Германии Герхард Шрёдер великодушно предложил принять *Совет* в Бонне.

После девяти дней обдумывания делегаты избрали Хамида Карзая на должность председателя временного правительства. Когда Карзай прибыл в Кабул на свою инаугурацию 22 декабря — 102 дня после 11 сентября — в аэропорту его встречали лидеры «Северного Союза» со своими телохранителями. Когда он в одиночестве пересек взлетную полосу, ошеломленный этим таджикский военачальник поинтересовался, где сопровождающие его люди, и Карзай ответил: «Как где, генерал? Вы и есть мои люди. Все афганцы — это мои люди».

Спустя пять недель я впервые увидел Хамида Карзая. Сорокачетырехлетний, с острыми чертами лица и седящей бородой, он производил необычное впечатление. Поверх серого мундира он носил переделывающуюся зеленую накидку и шапку из козлячьей шкуры, традиционный головной убор южных афганских племен.

«Господин председатель, добро пожаловать в Америку, — приветствовал я его, — прошу вас в Овальный кабинет». За последние годы в этом кабинете я пережил несколько незабываемых моментов. В том числе и этот, когда через четыре месяца после событий 11 сентября я открывал двери кабинета главе свободного Афганистана.

«От лица моего народа и от себя лично благодарю вас, господин президент, — ответил Карзай. — Соединенные Штаты освободили Афганистан от советских войск в 80-х годах прошлого века, а теперь — от Талибана и Аль-Каиды».

«Мы независимы и сами будем крепко стоять на ногах, — продолжал он. — Но нам нужна ваша помощь. Самый частый вопрос, какой я слышу от моих министров и простых людей в Афганистане: будут ли Соединенные Штаты продолжать сотрудничество с нами».

Я уверил Карзая, что он может рассчитывать на нас как на своего партнера, а мы, в свою очередь, не оставим без поддержки его страну. Мы говорили о военных действиях против оставшихся талибов и боевиков Аль-Каиды, о необходимости обучения афганской армии и полиции, о важности строительства дорог, больниц и школ.

На следующий вечер я вновь встретился с Карзаем в Палате представителей во время моего обращения к нации. Лора сидела рядом с ним. За нами сидели вице-председатель Карзая — и новый министр по вопросам женщин Афганистана — доктор Сима Самар.

Первоочередной задачей Карзая было показать, что с уходом талибов жизнь в стране должна улучшиться. Для его поддержки я послал Зэлли Халилзада, талантливого американца афганского происхождения из персонала Совета Национальной безопасности, в качестве моего уполномоченного представителя, а в дальнейшем посла Америки. Зэл и Карзай использовали сотни миллионов долларов американской помощи на создание инфраструктуры, подготовку учителей, издание учебников, подачу электричества и чистой воды в сельские районы Афганистана.

Программа, финансируемая Агентством по международному развитию Соединенных Штатов Америки (USAID), помогла более чем трем миллионам афганских детей вернуться в школы. Это было в три раза больше

числа посещавших школу при талибском режиме. Около миллиона новых учащихся были девочки.

С самого начала мы стремились привлечь как можно больше наций к участию в восстановлении страны. Такой многосторонний подход уменьшил бы финансовые расходы и вовлек народы всего мира в идеологическую борьбу с экстремизмом. В январе 2002 года премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми организовал международную конференцию стран-доноров. Встреча в Токио помогла собрать 4–5 млрд долларов, а Америка с основными союзниками решили разделить ответственность в помощи правительства афганского гражданского общества. Мы возглавили подготовку новой Афганской национальной армии. Германия сконцентрировалась на обучении национальной полиции, Великобритания занималась кампанией по борьбе с наркотиками, Италия работала над реформой судебной системы, Япония запустила инициативу разоружения и демобилизации полевых командиров и их незаконных вооруженных формирований.

Всеобщая безопасность была необходимым условием для политических и экономических завоеваний. Таким образом, частью Боннского процесса была наша поддержка в создании *International Security Assistance Force* (Международные силы содействия безопасности), известного как *ISAF*, под покровительством ООН. Осенью 2002 года НАТО согласилась возглавить *ISAF*, которые насчитывали около пяти тысяч солдат из двадцати двух стран. У нас также было восемь тысяч американских войск под командованием Томми Фрэнкса, обучающих афганские силы безопасности и проводящих операции против остатков Аль-Каиды и Талибана.

В то время тринадцать тысяч войск казались нам достаточным количеством. Мы перекрывали действия талибов и с помощью намного меньшего числа, и тогда казалось, что враг будет побежден. Я был согласен с военачальниками, что нам не надо продолжать свое присутствие в стране. Мы опасались повторения опыта русских и англичан, которые выглядели под конец своих кампаний оккупантами.

Мгновенный успех с помощью ограниченного контингента войск создавал ложное ощущение комфорта. Потребовалось несколько лет, чтобы понять это.

В июне 2001 года жители Афганистана собрались на второй *Большой Совет* для избрания переходного правительства. На этот раз обстановка по-

зволяла провести конференцию в Кабуле. Делегаты избрали Карзая главой нового правительства, и он назначил кабинет министров, состоявший из людей различных этнических и религиозных верований. Я уделял приоритетное внимание постоянному контакту с Карзаем, так как понимал, что перед ним стоит тяжелая задача, и хотел поднять его дух, заверить в нашей поддержке. Я давал советы и делал запросы, но был осторожен, чтобы не отдавать ему приказов. Лучшим способом помочь ему вырасти в национального лидера было именно обращение с ним как с главой государства.

Молодое правительство делало успехи. В сентябре 2003 года президент Карзай сообщил мне, что зарплата среднего афганца выросла от одного до трех долларов в день – большое достижение, но также и напоминание, насколько дикой остается страна. Самым большим правительственным успехом был проект новой конституции, которая была ратифицирована третьим *Большим Советом* в январе 2004 года. Страна, которая еще три года назад заставляла женщин закутываться в черное, теперь защищала основные права, свободу слова и собраний. Конституция устанавливала независимую судебную власть и двухпалатную законодательную власть, а также дала право женщинам входить в состав *Дамы народов* – нижней палаты афганского Национального собрания (25 %).

Следующим шагом было проведение первых свободных президентских выборов в афганской истории, назначенных на 9 октября 2004 года. Талибан и Аль-Каида пригрозили убить избирателей, кандидатов и должностных лиц. Представители Соединенных Штатов, НАТО и ООН помогали в подготовке людей, проводивших выборы, и обеспечении безопасности на избирательных участках. Я надеялся, что Афганский народ проголосует за свободу. Говоря по правде, никто не знал, чего ожидать.

На рассвете мир стал свидетелем удивительного зрелища. По всей стране выстроились афганцы, желающие принять участие в голосовании. У дверей первого избирательного участка, в ожидании открытия, в числе первых стояла девятнадцатилетняя девушка. «Я не могу выразить свои чувства, насколько я счастлива, – сказала она. – Я и подумать не могла, что буду голосовать на этих выборах».

По всей стране в выборах участвовали более восьми миллионов человек, приблизительно 80 процентов населения возрастной ценза. Как и миллионы женщин, все большие этнические и религиозные группы принимали

ли в этом участие, а чтобы дать возможность проголосовать огромной толпе желающих, избирательные пункты продлили работу еще на два часа. Конди принесла мне сводку новостей рано утром в Миссури, где накануне вечером я проводил дебаты с Джоном Керри.

Я был доволен результатами, но не удивлен, потому что был уверен: человеческое стремление к свободе всеобъемлюще. История показывает, что, если предоставляется такой шанс, люди любой расы и исповедания идут на беспрецедентный риск для достижения цели. В одной деревне беззубый старик в черном тюрбане сказал: «Похоже на День Независимости или День Освобождения. Мы дали стране безопасность и мир».

Когда бюллетени были подсчитаны, Хамид Карзай стал демократически избранным президентом. Время стирает воспоминания, но я всегда буду помнить радость и гордость, которые почувствовал в тот день выборов, когда народ Афганистана — страны, где вынашивался план 11 сентября — проголосовал за свободное будущее.

В сентябре 2005 года афганский народ опять пошел на выборы, на этот раз выбирать национальную законодательную власть. Более 2700 человек выдвинули свои кандидатуры на 249 мест. Приблизительно семь миллионов человек пришли на выборы, несмотря на угрозы талибов и призывы к бойкоту. В новое национальное собрание вошли 68 женщин и представители почти от каждой этнической группы.

Дик Чейни представлял Соединенные Штаты на инаугурационной конференции в декабре 2005 года. Церемония открылась эмоциональной речью бывшего короля 92-летнего Захир-Шаха. «Я благодарен Богу за то, что сегодня участвую в церемонии, являющейся шагом к перестройке Афганистана после десятилетий борьбы, — сказал он. — Народ Афганистана победит!»

Я разделял его оптимизм. Через четыре года после свержения талибского режима страна выбрала президента и парламент, но я понимал, что это только первая ступень. Демократия — путь, который требует от народа строительства правительственных институтов власти, таких как суд, силы безопасности, избирательная система, независимая пресса и ответственное гражданское общество. Афганистан делал в этом направлении обнадеживающие шаги. Около пяти миллионов детей, включая полтора миллиона девочек, вер-

нулись в школы. Экономика росла в среднем более чем на 15 процентов в год. Была построена с нетерпением ожидаемая трасса Кабул—Кандагар. Четыре из семи миллионов беженцев вернулись домой.

Внешне казалось, что мы делаем успехи, но трудности таились глубже. В июне 2005 года группа из четырех человек спецназа ВМС США, проводя операцию в горах, подверглась нападению талибов. Командир отряда лейтенант Микаэль Мерфи выдвинулся на открытую позицию, чтобы вызвать помощь для своих трех раненых товарищей. И он оставался на линии, передавая данные об их местонахождении, пока не скончался от смертельных ран. Когда прибыл военный вертолет, чтобы вывезти спецназ, талибы сбили его. Девятнадцать американцев погибли. Это был самый беспощадный день войны в Афганистане и худший для спецназа ВМС со времен Второй мировой войны. Один спецназовец, главный корабельный старшина первого класса Маркус Латрелл, описал все это в своей захватывающей книге «Оставшийся в живых».

Два года спустя я передал медаль Почета, которой наградили лейтенанта Микаэля Мерфи, его родителям в Восточной комнате Белого дома. Мы говорили об их сыне, талантливом спортсмене, закончившем с отличием университет штата Пенсильвания. Однажды он уже в юности столкнулся с несправедливостью, вмешавшись в драку на школьном дворе, защищая ребенка-инвалида. Во время нашей встречи перед церемонией они дали мне личную золотую значок Майка с его фотографией и выгравированным званием. Я повесил его себе на рубашку и не снимал всю церемонию.

Когда военный советник зачитывал текст, сопровождающий награждение медалью Почета, я посмотрел в зал и увидел группу морского спецназа в голубой форме. Слезы текли по щекам этих закаленных в боях мужчин. Как я потом сказал Даниэлю и Морин Мерфи, это затронувшее душу воспоминание о Майке придало мне сил.

Сокрушительная атака на спецназ ВМС стала началом неприятностей. В 2005–2006 годах талибы расстреляли бригаду дорожных строителей, сожгли школы и убили учителей в провинциях, граничащих с Пакистаном. В сентябре 2006 года талибский смертник взорвал губернатора провинции Пактика рядом с его офисом. На следующий день другой смертник атаковал

похоронную процессию губернатора, убив шестерых человек, участвующих в ней.

На моих брифингах с ЦРУ и военными зачитывались донесения о влиянии Талибана. Проблемы отражались на разноцветных картах, которые я увидел в ноябре 2006 года. Чем темнее цвет, тем больше атак произошло в той части Афганистана. Карта 2004 года была светлого тона. На карте 2005 года уже были области, окрашенные в более темный цвет в южных и восточных частях страны. К 2006 году весь юго-восточный сектор был черного цвета. Только за один год число дистанционных мин удвоилось, а количество военных атак выросло в три раза; вчетверо увеличилось количество смертников.

Стало ясно, что нам требуется отработать свою стратегию. Многоотпорный подход к восстановлению, воспринятый «на ура» многими в международном сообществе, провалился из-за плохой координации действий между странами. Никто не вкладывался до конца, предоставляя необходимые ресурсы. Инициатива Германии создать национальную полицию вскоре потерпела неудачу, итальянская миссия реформирования судебной системы провалилась, а британская антинаркотическая кампания преуспела лишь в некоторых районах, однако в таких плодородных южных провинциях, как Гильменд, производство наркотиков процветало. Афганская национальная армия, обученная Америкой, добилась успеха, но, стараясь удержать афганское правительство от увеличения расходов, мы мало тратили на ее содержание.

Совместная военная миссия привела к разочарованию. Все страны – члены НАТО – послали свои войска в Афганистан, и к ним присоединились еще более дюжины государств. Но многие парламенты наложили жесткие ограничения – известные как национальные условия – о том, что разрешено делать их войскам. Некоторым не разрешалось патрулировать по ночам. Другим – участвовать в сражениях. В результате мы получили дезорганизованные, неэффективные военные части, войска которых сражаются по разным правилам или не сражаются вообще.

Ошибки в работе правительства Афганистана добавили проблем, и, несмотря на то что мне нравился президент Карзай и я его уважал, коррупция в стране процветала. Военачальники присылали огромные суммы таможенного дохода, который должен был поступать в Кабул, а некоторые нажи-

вались на наркоторговле. В результате случился так, что народ Афганистана потерял доверие к правительству. Поскольку обратиться было куда, многие афганцы полагались на талибов и безжалостных экстремистов типа Гильбединна Хекматияра и Джалалуддина Хаккани. В отчете ЦРУ приводилась цитата одного афганца, который сказал: «Мне все равно, кто у власти, если они обеспечивают безопасность. Безопасность – это все, что нужно».

Ставки были слишком высоки, чтобы дать Афганистану шанс вернуться в прошлое под власть экстремистов, и я принял решение, что Америка должна взять на себя больше ответственности, даже если мы собираемся проводить новую политику в Ираке.

«Черт возьми, ведь можем же мы заниматься несколькими делами одновременно, – обратился я к национальной команде безопасности. – Нам нельзя потерять Афганистан».

Осенью 2006 года я приказал увеличить численность наших войск от 21 тысячи до 31 тысячи человек в течение двух лет, что должно было повысить уровень нашей военной мощи в Афганистане. Я назвал 50-процентное увеличение «молчаливым ростом». Чтобы помочь афганскому правительству расширить свое влияние и эффективность, мы более чем удвоили финансирование на реконструкцию. Мы увеличили количество периферийных восстановительных отрядов, объединивших военный персонал и гражданских экспертов, для уверенности в том, что обеспечение безопасности приведет к значительным улучшениям в жизни страны. Мы также увеличили численность Национальной армии Афганистана, расширили антинаркотические операции, усилили действия разведки на границе с Пакистаном и направили гражданских экспертов от правительства США в помощь афганским министрам для укрепления их влияния в стране и снижения уровня коррупции.

Я заставил наших союзников по НАТО согласовать обязанности и провести разъяснительную работу в войсках, увеличить их количество. Отозвались несколько глав государств, включая Стефана Харпера из Канады, звались несколько глав государств, включая Стефана Харпера из Канады, Андерс Фог Расмуссен из Дании и Николя Саркози из Франции. Британцы и канадцы сражались особенно отчаянно и потеряли значительное количество убитыми. Они сражались на стороне Америки, и мы гордимся и чтим павших, как наших собственных солдат.

Другие лидеры говорили мне напрямик, что их парламенты никогда не доведутся. Это было безумие. Казалось, что войну в Афганистане весь мир

считал необходимой и справедливой, однако многие страны послали такой ограниченный контингент войск, что наши генералы жаловались, что командуют воздухом. НАТО превратилось в двухуровневый альянс, в котором только некоторые страны готовы участвовать в боях, но многие этого не хотят.

Корректировка нашей стратегии позволила принимать на службу повстанцев во время проведения силовой операции. Основной головной болью стал не Афганистан или, как многие полагали, Ирак, — трудности начались в Пакистане. Большую часть моего президентского срока в Пакистане правил президент Первез Мушарраф. Я ему очень благодарен за решение быть на стороне Америки после 9 сентября. В 2002 году он провел парламентские выборы, на которых победила его партия, и провозгласил политику «просвещенной сдержанности» как альтернативу исламским экстремистам. Он серьезно рисковал в противостоянии Аль-Каиде. Террористы четыре раза пытались убить его.

После освобождения Афганистана я постоянно говорил Мушаррафу о своей обеспокоенности донесениями по действиям вооруженных сил талибов и Аль-Каиды, бежавших в слабо контролируемые территории племен Пакистана — местность, часто сравниваемую с Диким Западом. «Я бы с удовольствием послал наши спецвойска через границу для зачистки территории», — сказал я.

Он сказал мне, что отправка войск в Пакистан будет воспринята как нарушение суверенитета страны, итогом этого будет восстание и его правительство, возможно, будет свергнуто. Экстремисты могут захватить страну, включая и ядерный арсенал.

В таком случае, сказал я ему, его военные должны взять на себя руководство. В течение нескольких лет это соглашение работало. Силами Пакистана были захвачены сотни террористов, включая главарей Аль-Каиды, таких как Халид Шейх Мохаммед, Абу Зубейд и Абу Фарадж аль Либи. Мушарраф арестовал А. К. Хана, уважаемого в Пакистане человека, создателя ядерной бомбы, за разглашение государственной тайны, связанной с ядерными технологиями. Как часто мне напоминал Мушарраф, вооруженные силы Пакистана заплатили высокую цену за противостояние экстремистам: более сорока тысяч были убиты в войне с террором.

В ответ на сотрудничество с Пакистаном мы подняли его статус, определив Пакистан главным союзником среди стран, не являющихся членами НАТО, и помогли в финансировании его антитеррористических операций. Мы также провели работу с Конгрессом для выделения 3 млрд долларов на экономическую помощь и открыли наши рынки для большего количества пакистанских товаров и услуг.

Со временем стало ясно, что Мушарраф либо не может, либо не хочет выполнять свои обещания в полном объеме. Частью проблемы были претензии Пакистана к Индии. Почти в каждой беседе Мушарраф обвинял Индию в правонарушениях. Через четыре дня после 11 сентября он сказал мне, что индийцы «пытаются приравнять нас к террористам и повлиять на ваше мнение». В результате пакистанские военные направили большую часть своих ресурсов на подготовку к войне с Индией. Их войска готовились вести традиционную войну со своим соседом, а не проводить контртеррористические операции на территории племен. Борьба с экстремистами была для них второстепенной.

Еще одной проблемой было то, что военные силы Пакистана воевали с талибами с меньшим желанием, чем они преследовали Аль-Каиду. Кто-то из разведывательных служб Пакистана (ISI) наладил тесные связи с руководителями Талибана. Другие хотели застраховаться на случай, если Америка откажется от помощи Афганистану и Индия попытается расширить там свое влияние. Какова бы ни была причина, талибские боевики, ушедшие из Афганистана, нашли пристанище в таких племенных районах и населенных городах, как Пешавар и Кветта. В 2005–2006 годах эти убежища способствовали подъему мятежа.

В марте 2006 года я посетил Мушаррафа в Исламабаде. За нашей встречей последовала остановка в Индии, где премьер-министр Манмоган Сингх и я подписали соглашение, проясняющее направление в сотрудничестве по ядерным технологиям между двумя странами. Сделка стала кульминацией наших усилий по улучшению отношений между старейшей демократией в мире и самой большой. Я считал, что у Индии, в которой живет приблизительно миллиард человек и есть образованный средний класс, имеется потенциал стать ближайшим союзником Америки. Ядерное соглашение было историческим шагом, потому что оно свидетельствовало о новой роли этой страны на мировой арене.

Ядерное соглашение, естественно, добавило проблем в Пакистане. Наш посол, знаменитый ветеран, офицер внешней разведки по имени Райан Крокер, настаивал на том, что нам следует провести ночь в Исламабаде в знак уважения. Ни один президент не поступал так в течение тридцати семи лет со времен Ричарда Никсона. Секретная служба занервничала, особенно после обстрела Карачи, недалеко от консульства Соединенных Штатов, за день до нашего приезда. Но в дипломатии церемонии имеют значение, и мне хотелось продемонстрировать, что я ценю наши взаимоотношения. От аэропорта подставной кортеж автомобилей прибыл к посольству практически пустой. Мой начальник службы протокола посол Дон Энсенэт занял мое место в президентском лимузине, пока мы с Лорой тайно летели на вертолете *Black Hawk*.

По сравнению с жесткими мерами предосторожности в сфере безопасности президент Мушарраф организовал не напрягающий и приятный визит. Он и его жена Шеба оказали нам теплый прием в аналоге Белого дома Алван-э-Садр. Мы встретились с оставшимися в живых после 6–7-балльного землетрясения, которое произошло в октябре в северной части Пакистана. Тогда погибли более семидесяти трех тысяч человек, и Америка оказала стране помощь в размере 500 млн долларов. Наши вертолеты *Chinook* получили название «Ангелы милосердия». Опыт еще раз показал, что одна из наиболее эффективных форм дипломатии – уметь представить себя с лучшей стороны. Днем я пошел во двор посольства посмотреть игру в крикет, – в Пакистане это игра национального значения.

Там я встретил капитана национальной команды Инзамам-уль-Хака, пакистанского Майкла Джордана. К всеобщему восторгу местных школьников, находившихся там, я сделал несколько ударов битой. Играть я не умел, но все же знал несколько приемов. На торжественном обеде в тот вечер я начал свой рассказ словами: «Меня ввела в заблуждение неожиданная подача, иначе я был бы более удачливым отбивающим».

Моя встреча с президентом Мушаррафом касалась двух важнейших позиций. Одна – его намерение оставаться одновременно и президентом и главнокомандующим, что является нарушением конституции Пакистана. Я нацеливал его на отказ от военных полномочий и управлением в качестве гражданского лица. Он обещал мне сделать это, но что-то не очень

Я также подчеркнул важность борьбы с экстремистами («Нам удалось не пропустить этих парней ни в вашу страну, ни обратно в Афганистан», – сказал я).

«Я хочу заверить, что в борьбе с терроризмом мы будем сотрудничать с вами, – заявил Мушарраф. – Мы, безусловно, в числе ваших сторонников».

В Афганистане продолжало расти насилие. По мере нарастания недовольства Хамид Карзай разозлился на Мушаррафа. Он обвинял пакистанского президента в дестабилизации обстановки в Афганистане и мошенничестве. К осени 2006 года они практически не разговаривали друг с другом. Я решил сделать серьезный шаг и выступил с личной дипломатической инициативой. В сентябре 2006 года я пригласил обоих, Карзая и Мушаррафа, на обед в Белый дом. При нашей встрече в Розарии они отказались обменяться рукопожатием и даже не смотрели друг на друга, и когда мы сели за обеденный стол в Старинной семейной столовой, настроение не улучшилось. Дик Чейни, Конди Райс, Стив Хэдди и я наблюдали, как Карзай и Мушарраф обменивались колкостями. С одной стороны, Карзай обвинял Мушаррафа в том, что тот дал пристанище талибам.

– Скажите мне, где они, – явил Мушарраф.

– Вы знаете, где они! – выпаливал другой.

– Если бы знал, то давно поймал, – парировал Мушарраф.

– Так идите и ловите, – настаивал Карзай.

Я уже было усомнился в правильности своего решения, затеяв этот обед.

Я сказал Мушаррафу и Карзаю, что ставки слишком высоки для личной ссоры. Во время обеда, продолжавшегося два с половиной часа, я пытался помочь им найти общие точки соприкосновения.

Через некоторое время их пикировка закончилась, и встреча приобрела продуктивный характер. Двое лидеров согласились делиться разведывательными данными, встречаться с племенами по обеим сторонам границы в целях достижения мира и перестать оскорблять друг друга на публике.

Мушарраф сообщил нам, что недавно заключил ряд сделок с кланами в пограничном районе, представив это как способ остановить приток в ряды боевиков Талибана. По соглашению пакистанские силы покинут территорию в одностороннем порядке, в то время как лидеры кланов обязаны остановить набор боевиков в талибы, а также их проникновение на территорию Афганистана.

Несмотря на благие намерения, стратегия провалилась. Кланов не хотели и не могли контролировать экстремистов. По некоторым данным приют талибских боевиков в Афганистан вырос в четыре раза.

Мушарраф обещал мне и Карзю — двум скептикам в плане его стратегии, — что он вернет войска обратно на территории кланов, если дело провалится. Но вместо того чтобы сконцентрироваться на этой проблеме, Мушарраф и военачальники Пакистана были в большой степени заняты политическим кризисом. В марте 2007 года Мушарраф отстранил главного судью Верховного совета, выступающего против того, чтобы он правил, оставаясь одновременно и президентом, и военным главнокомандующим, нарушая таким образом закон. Законодатели и защитники демократии вышли на улицы. В ответ Мушарраф объявил чрезвычайное положение, отменил конституцию, сместил многих судей и арестовал тысячи политических противников.

На меня взвалили задачу — оборвать все связи с Мушаррафом. Я беспокоился, что «выбросив его за борт», мы лишь внесем больше хаоса. Осенью 2007 года я провел с ним ряд откровенных бесед. «Со стороны все это выглядит некрасиво. Создается впечатление, что вы просто избили правозащитников и бросили их в тюрьмы, — сказал я. — Меня заботит это безвыходное положение». Я настоятельно предложил назначить дату свободных выборов, отставки в армии и снятия чрезвычайного положения.

Мушарраф выполнил все эти договоренности. Когда он назначил срок парламентских выборов, бывший премьер-министр Беназир Бхутто вернулась из ссылки, чтобы принять в них участие. Она придерживалась демократической позиции, что и сделало ее мишенью для экстремистов. К несчастью, 27 декабря 2007 года ее убили на политическом митинге в Равалпинди. В феврале 2008 года ее последователи уверенно победили на выборах. Они сформировали правительство, и Мушарраф мирно отступил. Вдовец Асиф Али Зардари Бхутто стал президентом. Пакистанская демократия пережила случившийся кризис.

Со временем правительство Пакистана усвоило урок убийства Бхутто. Военные силы Пакистана вернулись к борьбе на территориях кланов — не только с Аль-Каидой, но также против талибов и иных экстремистов. Однако было потеряно больше года, прежде чем внимание Пакистана сосредоточилось на внутривластном кризисе в стране. Талибы и другие эк-

стремисты воспользовались этой брешью для форсирования спешных в Афганистане, что вызвало всплеск насилия и подвигло многих афганцев выступить против своего правительства и нашей политики. Но главное, что мы нашли способ вновь перейти в наступление.

К середине 2008 года я устал от чтения разведывательных сводок про убежища экстремистов в Пакистане. Я вспоминал встречу со спецвойсками, проходившую в Афганистане в 2006 году.

«Ваши парни имеют все необходимое?» — поинтересовался я.

Один морской пехотинец поднял руку и сказал: «Нет, сэр».

Я удивился, в чем могут быть у него проблемы.

«Господин президент, — сказал он, — нам нужно разрешение надрать кое-кому задницу в самом Пакистане».

Я понимал всю неотвратимость угрозы и хотел что-нибудь предпринять по этому поводу, но по данному вопросу мнение Мушаррафа было вполне здравым. Когда наши силы встретили неожиданное сопротивление, они вступили в бой, и этот факт тут же был освещен международной прессой. «Американские командос угрожают суверенитету Пакистана», — так выглядел заголовок в одной из пакистанских газет. Исламабад кипел от гнева. Обе Палаты парламента приняли объединенную резолюцию, осуждающую наши действия. Ни одна демократия не потерпит нарушения своего суверенитета.

Я начал искать другие способы добраться до клановых территорий племен. *Predator*, беспилотный самолет, способен осуществлять видеонаблюдение и бомбометание с лазерным наведением. Я дал дополнительные полномочия разведке для усиления нажима на экстремистов. Многие наши действия носили системный характер. Лишь только я отдал приказ, в прессе стали чаще появляться факты об ударах, нанесенных *Predator*. Был найден мертвым Халид аль Хабиб, четвертый по важности человек в Аль-Каиде. Эти удары наносились потому, что главарь Аль-Каиды отвечали за пропаганду, набор боевиков, религиозные дела и планировали теракты за рубежом. В одном из последних донесений, которые я получил, говорилось об Аль-Каиде как организации, «переживающей тяжелые времена и ослабленной» на приграничной территории.

Мы также увеличили поддержку демократического правительства Пакистана. Мы обеспечили их деньгами, наладили подготовку и экипировку армии и предложили совместные антитеррористические действия, — все делалось для повышения потенциала Пакистана. Осенью 2008 года, когда грянул финансовый кризис, мы предприняли все возможные меры, чтобы Пакистан смог продолжить борьбу с экстремистами.

Одним из моих последних проектов по национальной безопасности был пересмотр нашей стратегии в Афганистане. Он проводился Дугом Лютом, талантливым генералом, который ежедневно координировал проведение операций в Афганистане и Ираке. В отчете содержалось требование увеличения активных действий, включавших большее количество войск и гражданских ресурсов в Афганистане и предполагавших более тесную связь с Пакистаном в преследовании экстремистов. В последние недели моего президентства мы обсуждали, стоит ли нам объявлять о результатах публично. Стив Хадли был согласен со своим преемником в новой администрации, который предпочитал, чтобы мы провели отчет без огласки. Я подумал, что новая стратегия имела бы больше шансов на успех, если бы мы предоставили новой команде возможность пересмотреть ее со своих позиций и потом принять как свою собственную.

В декабре 2008 года я совершил прощальную поездку в Афганистан. Президентский самолет приземлился на авиационной базе в Баграме еще до рассвета, около 5 часов утра. «У меня есть сообщение для вас и всех, кто служит нашей стране, — сказал я в ангаре, переполненном военными. — Благодарю вас за то, что вы сделали благородный выбор — служить и защищать ваших американских товарищей. То, что вы делаете в Афганистане — важно, смело и опасно. Это сродни тому, что делали американские войска в Нормандии, Иводзиме и Корее. Ваше поколение во всех отношениях более выдающееся, чем предшествующие, и работа, которую вы делаете, творит историю для грядущих поколений».

Я пожал руки воинам и сел в вертолет Black Hawk, чтобы через сорок минут приземлиться в Кабуле.

Чтобы понять Афганистан, надо там побывать. Гигантские труднопроходимые горы. Местность дикая и пустынная, унылая и заброшенная. Вме-

сте со многими американцами я удивлялся, как можно было справиться здесь от наших войск в течение семи лет. Когда же я рассмотрел топографическую карту Афганистана, то быстро это понял.

Чем ближе мы подлетали к Кабулу, тем отчетливее я ощущал каждый шаг. Я понял, что это жгут авгопокрышки — печально, но таким образом афганцы обоевались. На земле воздух был ничем не лучше, чем в небе. Я кашлял целую неделю, когда приехал домой, — это было как напоминание о том, что стране еще предстоит долгий путь развития.

Когда мы приземлились у президентского дворца, к нам вышел президент Карзай в своем знаменитом облачении и шапке. Он представил меня своему кабинету министров и проводил в огромную гостиную на чай. Он, как всегда, был энергичен и гостеприимен. Карзай сиял от гордости, показывая мне фотографии своего маленького сына Мирвайса — единственного ребенка. Он говорил о своих планах по развитию сельского хозяйства Афганистана и бизнес-сектора в такой сфере, как телекоммуникация. По завершении встречи Карзай вывел меня в пыльный внутренний двор. Там мы обменялись рукопожатиями и попрощались, крепко обнявшись. Безусловно, он совершал ошибки, но, несмотря на противостояние, он всегда неуклонно шел к одной цели — к процветанию своей страны. Ему удалось дать народу Афганистана надежду — именно то, чего не было у него в течение многих лет. Именно за это он всегда может рассчитывать на мою благодарность и уважение.

Когда я садился в вертолет, то вспомнил октябрьский день 2001 года, когда я объявил о начале войны в Комнате соглашений. Страна, в которой когда-то царил один из самых жестоких режимов в истории, теперь имела демократическое правительство и свободно выбранных лидеров. Женщины, запертые пленницами в своих домах, теперь сидели в правительстве. Аль-Каида, оставаясь угрозой, лишилась лагерей, в которых проходили подготовку десятки тысяч террористов и планировался теракт 11 сентября. Афганцы проголосовали на многоступенчатых демократических выборах и создали растущую боеспособную армию численностью семьдесят девять тысяч солдат. Экономика Афганистана выросла вдвое. В школах численность учащихся возросла с девяти миллионов до более шести миллионов, включая более двух миллионов девочек. Доступность медицинской помощи поднялась с 8 до 80 процентов.

В 2010 году Пентагон объявил, что на территории Афганистана геологами найдены месторождения минералов на сумму около триллиона долларов, потенциальный источник дохода для народа Афганистана, что было невозможно при талибах.

Я также знал, что так и не закончил одно дело. Я ужасно хотел, чтобы бен Ладен ответил перед законом. Естественно, мы не сидели сложа руки. В течение семи лет мы напряженно занимались этой проблемой. Хотя нам никогда не удавалось обнаружить лидера Аль-Каиды, мы все же заставляли его менять маршруты, связи и планы действий. Это помогло нам не дать ему осуществить его главный замысел — после событий 11 сентября — вновь совершить теракт на нашей территории.

Итак, как я писал в 2010 году, война в Афганистане продолжается. Талибы продолжают активные действия, а афганское правительство борется за полный контроль над страной. С самого начала я знал: потребуется время, чтобы помочь афганскому народу построить действующую демократию, согласующуюся с их культурой и традициями. Задача оказалась еще более сложной, чем я ожидал: наше правительство не было готово к государственному строительству. Со временем мы адаптировали нашу стратегию и возможности. Но бедность афганского народа так ужасна, а инфраструктура несовершенна, что потребуются годы для завершения этой работы.

Я твердо верю в то, что цель оправдывает средства. К счастью, не я один. Осенью 2009 года президент Обама, несмотря на критику, увеличил количество войск, объявил о новом соглашении по подавлению мятежа в Афганистане и увеличил давление на Пакистан с целью борьбы с экстремистами на территориях племен.

В итоге, захват Афганистана талибами и Аль-Каидой стал возможен только в случае ухода из страны американцев. Позволить экстремистам вновь объявить себя хозяевами страны означало бы, что афганские женщины вновь попали в подчинение, девочки опять перестали ходить в школу, а все завоевания последних девяти лет преданы. Более того, это бы угрожало и нашей безопасности. После холодной войны Соединенные Штаты отказались от Афганистана. Результатом стал хаос, гражданская война, приход к власти Талибана, предоставление убежища для Аль-Каиды и кошмара 11 сентября. Забыть такой урок было бы непростительной ошибкой.

В декабре 2008 года перед вылетом домой с авиационной базы в Баграме я вернулся в ангар для моей последней встречи в рамках зарубежной поездки в качестве президента. В помещении находилась группа служащих спецвойск. Многие из них совершили не одну операцию, преследуя террористов и талибов высоко в горах. Они выполняли одну из самых тяжелых и опасных работ в мире. Я пожал им руки и поблагодарил за службу.

Потом в помещение вошла небольшая группа солдат из 75-го полка специального назначения. Их командир капитан Рамо Рамос поинтересовался, хотел бы я участвовать в короткой церемонии. Он достал из сумки большую американский флаг, развернул его и поднял правую руку. То же сделали и несколько его подчиненных. Он произнес клятву, которую они повторили за ним. «Торжественно клянусь, что буду поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов Америки в борьбе с врагами, внешними и внутренними...»

Там, в заброшенном ангаре, в стране, где планировался теракт 11 сентября, и уже в течение восьми лет шла война для защиты Америки, эти солдаты на передовой решили остаться на добровольную сверхсрочную службу.

ГЛАВА 8

ИРАК

19 марта 2003 года я шел на встречу, необходимость в которой, как я надеялся ранее, не возникнет.

Совет Национальной безопасности собрался в Ситуационной комнате – центре управления, оборудованном связью, расположенном в подвале Западного крыла Белого дома. На большом экране в центре появился генерал Томми Фрэнкс, сидящий со своими главными заместителями на воздушной базе *Prince Sultan* в Саудовской Аравии. На других пяти экранах были наши командующие армией, ВМФ, морской пехотой, ВВС и военачальники спецподразделений. К ним присоединились их коллеги из Британских вооруженных сил и Австралийских сил обороны.

Каждому из них я задал по два вопроса. Всё ли у вас есть для победы? И освоились ли вы со стратегией действий? Все ответили утвердительно. Томми говорил последним. «Господин президент, – сказал главнокомандующий, – войска находятся в состоянии готовности».

Я обратился к Дону Рамсфелду: «Господин секретарь, ради мира во всем мире, для пользы и свободы иракского народа, я отдаю приказ начать операцию по освобождению Ирака. Да благословит Бог наши войска».

Томми отдал честь. «Господин президент, – сказал он. – Да благословит Бог Америку».

Я отдал честь в ответ, торжественность момента поразила меня. Более года я пытался удержаться от военного удара в ответ на угрозы Саддама Хусейна. Мы объединились в международную коалицию для давления на

него, чтобы выяснить, есть ли у него программа по созданию оружия массового поражения (ИМД). Мы добились единогласного принятия резолюции Совета Безопасности ООН, просящей, что в случае продолжения неповиновения с его стороны нами будут предприняты серьезные меры. Мы обратились к арабским государствам по поводу депортации к ним Саддама. Во избежание войны я дал Саддаму и его сыновьям 48 часов. Диктатор отрицал всякую возможность договориться. Напрашивался единственный логический вывод — ему было что скрывать, причем настолько важное, что он даже был готов воевать за это.

Я знал, какую реакцию вызовет мой приказ. Вместе с вдовами я оплакивал павших в Афганистане воинов. Я сжимал в объятиях детей, потерявших мать или отца. Я больше не хотел посылать американцев на войну. Но после кошмара 11 сентября я поклялся сделать все необходимое для защиты страны. Позволить закланному врагу Америки скрывать информацию о наличии оружия массового поражения было риском, на который я не мог пойти.

Мне требовалось время, чтобы справиться с эмоциями. Я покинул Ситуационную комнату, поднялся по лестнице, прошел через Овальную кабинет и уединился в тихом, укромном уголке на Южной лужайке. Я молил Господа о наших солдатах, о безопасности страны, чтобы Он дал нам силы для предстоящей борьбы. Спот, наш спрингер-спаниель, выскочил из Белого дома и подбежал ко мне. Отрадно было видеть друга, радовавшегося встрече со мной, но сердце продолжало шемить. Был только один человек, который мог понять, что я чувствовал. Я сел за письменный стол в Комнате соглашений и торопливо написал:

«Дорогой отец...

Около 9:30 утра я отдал приказ министру обороны привести в исполнение военный план Операции по освобождению Ирака. Несмотря на то что несколько месяцев назад я решил использовать вооруженные силы, если понадобится, для освобождения Ирака и изгнания страны от оружия массового поражения (ОМП), решение было вызвано эмоциями...

Я знаю, что поступил правильно, и молю о том, чтобы жертв было как можно меньше. Если Ирак будет свободным, в мире станет безо-

паснее. Эмоции, вызванные этим решением, протекли и сейчас и ждут твоего мнения о принятом секретной...

Я знаю, через что ты прошел.

*Б. Обаме
Джорджу...*

Несколько часов спустя по факсу пришел ответ:

«Дорогой Джордж.

Твоя записка, которую я только что получил, тронула мое сердце. Ты поступаешь правильно. Принятое тобой решение — самое трудное решение, которое ты когда-либо принимал. Но ты проявил силу и сострадание. Твое беспокойство насчет невинных жертв, которые будут, как со стороны Ирака, так и со стороны Америки, оправданно. Но ты сделал то, что должен был сделать.

Тебя, президента, столкнувшегося с громадным клубком наитруднейших проблем со времен Линкольна, возможно, немного успокоит то, что ты мужественно и достойно несешь эту ношу.

Помни слова Робина: "Не вырази словами, как я тебя люблю".

Я присоединяюсь к его словам.

*Любящий тебя
отец».*

Бомбы, упавшие на Багдад в ту ночь, ознаменовали начало освобождения Ирака. Но это не был первый в период моего президентства авианалет на Ирак, ставший предметом обсуждения в СМИ.

В феврале 2001 года я посетил Фокса Висенте в Мексике (Сан-Кристобаль). Целью моей первой поездки в качестве президента было освещение наших соглашений по расширению демократии и торговли в Латинской Америке. К сожалению, пришли тревожные новости из Ирака. В то время, когда мы восхищались тихими аллеями на ранчо Висента, американские бомбардировщики нанесли удар по противовоздушной обороне Ирака. Это были вполне обычные действия в зоне закрытого воздушного пространства, созданных после кровавых убийств Садда-

миллионов тысяч невинных шиитов и курдов, последовавшие после войны в Заливе.

Саддам взорвал плотину, пламя осветило небо Багдада и привлекло внимание CNN. На пресс-конференции, куда мы отправились с Висенте из его резиденции, мексиканский журналист спросил: «У меня есть вопрос к президенту Бушу... Неужели это начало новой войны?»

Внезапная вспышка пламени напомнила об ухудшающейся ситуации в Ираке. Более десяти лет назад, в августе 1990 года, танки Саддама Хусейна прорвались через границу в Кувейт. Отец объявил, что ничем не вызванная агрессия со стороны Саддама не закончится и предъявил ему ультиматум – покинуть Кувейт. Когда диктатор проигнорировал его условия, отец создал коалицию из тридцати четырех стран – включая арабские государства, – чтобы заставить его выполнить это требование.

Решение послать американские войска в Кувейт было мучительным для отца – и непросто в осуществлении. Сенат проголосовал за введение военной силы с небольшим перевесом голосов – 52:47. Группа законодателей обратилась к отцу с письмом, в котором говорилось, что число погибших в войне с американской стороны будет от десяти до пятидесяти тысяч. Бывший президент Джими Картер заставил членов Совета Безопасности выступить против войны. Однако, несмотря ни на что, ООН поддержала решение президента.

Операция «Буря в пустыне» имела невероятный успех. Коалиционные силы выбили иракские войска из Кувейта менее чем за сто часов. В итоге сто сорок девять американцев погибли во время проведения операции. Я гордился решимостью отца. Я хотел знать, пошлет ли он войска на Багдад. У него был шанс избавить весь мир от Саддама раз и навсегда. Но он ограничился освобождением Кувейта. Вот так он урегулировал конфликт. Это было именно то решение, за которое проголосовал Конгресс, и под которым поставила подпись коалиция. Я полностью согласился с таким логическим обоснованием.

В условиях окончания военных действий в Заливе резолюция ООН 687 потребовала от Саддама уничтожения ОМП и ракет радиуса действия свыше десяти километров. Резолюция также запрещала Ираку иметь биологическое,

химическое и ядерное оружие или средства для их производства. Для обеспечения выполнения обязательств от Саддама потребовали подчиниться мониторингу ООН и системе контроля.

В ответ Саддам заявил, что у него имеется только ограниченный запас химического оружия и баллистических ракет SS-1. Со временем инспекторы ООН обнаружили огромный арсенал. Саддам начинил тысячи бомб, снарядов и боеголовок химическими компонентами.

У него была программа по ядерному вооружению, которая существовала около двух лет с момента начала производства этих бомб, что намного реальнее предвоенных оценок ЦРУ, которые говорили о восьми-десяти годах. В 1995 году, когда сбежал его зять, Саддам подтвердил, что скрывал наличие программы по производству и использованию биологического оружия, включавшее сибирскую язву и ботулотоксин.

Чтобы контролировать Саддама, ООН наложила строгие экономические санкции. Но когда возмущение вторжением Ирака в Кувейт прошло, отношение мировой общественности изменилось. Саддам использовал около двух миллиардов долларов из программы «Нефть в обмен на продовольствие», созданной ООН для обеспечения гуманитарной помощи населению Ирака, с целью обогащения своих близких друзей и восстановления собственной армии, включая программу по ОМП. Когда голодали дети, он начал пропагандистскую кампанию, выражая недовольство жесткими санкциями.

К 1998 году Саддам убедил главных торговых партнеров, таких как Россия и Франция, лоббировать в ООН ослабление ограничений. Затем он заставил инспекторов ООН по вооружению покинуть страну. Проблема была ясна: Саддам никогда не подтверждал, что он уничтожил все вооружение после войны в Заливе. Когда инспекторы ООН покинули страну, мировое сообщество уже не могло узнать, возобновил ли он свои программы.

Администрация Клинтона нанесла ответный удар, начав операцию *Лиса в пустыне* – четырехдневные бомбовые удары, осуществляемые совместными усилиями с Великобританией и направленные на выведение из строя оружия массового поражения Саддама. В декабре 1998 года в прямом обращении в режиме прайм-тайм из Овального кабинета президент Клинтон сказал:

«Самое страшное, что до тех пор, пока Саддам остается у власти, он угрожает благосостоянию своего народа, миру в своем регионе и мировой безопасности. Лучший способ покончить с этой угрозой раз и навсегда –

это сотрудничать с новым правительством Ирака – правительством, готовым жить в мире с соседними странами, правительством, которое уважает права своего народа...

Как ни тяжелы потери в результате военных действий, необходимо подумать о том, скольких жертв может стоить нам бездействие... Если Саддам бросит вызов миру, а мы не ответим, то столкнемся с куда более опасной угрозой в будущем. Саддам вновь нанесет удар по своим соседям. Он начнет войну против своего народа. И запомните мои слова, он развернет производство оружия массового поражения. Он приведет это оружие в действие, он применит его».

В том же году Конгресс большинством голосов принял, и президент Клинтон подписал *Закон об освобождении Ирака*. Закон провозглашал новую официальную политику Соединенных Штатов: «Поддерживать усилия по отстранению от власти правящего режима Саддама Хусейна и способствовать созданию демократического правительства».

К началу 2001 года Саддам Хусейн проводил точечные военные удары против Соединенных Штатов. В 1999–2000 годах его войска 700 раз обстреливали наших пилотов, патрулировавших зоны закрытого воздушного пространства.

В течение первых восьми месяцев моего президентства моя политика сводилась к ужесточению санкций – или, как выразился Колин Пауэлл, все сводилось к тому, чтобы не выпускать Саддама из логова. Потом произошли события 11 сентября, и нам пришлось по-иному взглянуть на возникновение новой возможности угрозы миру. Существовали государства – спонсоры террора. Существовали заклятые враги Америки. Существовали враждебные правительства, которые угрожали своим соседям. Существовали народы, которые нарушали международные требования. Существовали диктаторы, которые подвергали репрессиям свой народ. Существовали режимы, которые продолжали разрабатывать оружие массового поражения. Ирак заключал в себе все вышеперечисленные угрозы.

Саддам Хусейн не просто сочувствовал террористам. Он платил семьям погибших палестинских смертников и предоставлял убежище террористам, таким как Абу Нидаль, совершившему теракты, в результате которых погиб-

ли девятнадцать человек – у билетных касс Израильских авиалиний в Риме и Вене, и Абу Аббас, застрелившего итальянского иракца Achille Lauro и убившего пожилого, прикованного к инвалидному креслу американца.

Саддам Хусейн был не только заклятым врагом Америки. Он обстреливал наши самолеты, опубликовал заявление в поддержку теракта 11 сентября и совершил попытку покушения на бывшего президента – моего отца.

Саддам Хусейн не просто угрожал своим соседям. Он нападал на Иран в 1980 году и Кувейт в 1990-м.

Саддам Хусейн не просто нарушал международные требования. Он пренебрег шестнадцатью резолюциями ООН, относящимися к войне в Заливе.

Саддам Хусейн не только жестоко правил. Он и его сторонники пытали невинных людей, издевались над политическими противниками на глазах их семей, жгли диссидентов кислотой, сваливали десятки тысяч иракцев в братские могилы. В 2000 году правительство Саддама постановило, что людям, критикующим президента или членов его семьи, будут отрезать язык.

Позже, в том же году, была обезглавлена иракская акушерка по обвинению в проституции. На самом деле преступлением женщины были разгворы о коррупции в министерстве здравоохранения Ирака.

Саддам Хусейн не только производил оружие массового поражения. Он применял его. Он использовал иприт и нервно-паралитический газ против Ирана и убил более пяти тысяч мирных граждан в 1988 году, проведя химическую атаку в курдской деревне Халабджа. Никто не знал, что сделал Саддам с запасами химического и биологического оружия, особенно после изгнания им из страны инспекторов ООН. Но после анализа информации, фактически все разведывательные агентства в мире пришли к одинаковым выводам: Саддам имел в своем арсенале оружие массового поражения и возможность увеличения его производства. Одно донесение разведки информировало: «С момента завершения проверки в 1988 году Саддам попытался провести испытание химического оружия, активизировал разработку ракет дальнего радиуса действия, направил инвестиции на разработку биологического и, по всей вероятности, ядерного оружия».

До событий 11 сентября Саддам был проблемой, с которой Америка вполне могла справиться. Однако сквозь призму трагических событий 11 сентября мой взгляд на это изменился. Я только что явился свидетелем разрушений, совершенных девятнадцатью фанатиками, вооруженными ружьями пред-

метамин. Я мог только вообразить размах вероятных последствий, если диктатор-враг перейдет ОМП террористам. Вместе с угрозами, ежедневно получаемыми в Овальном кабинете, было много угроз применения химического, биологического или ядерного оружия, которые выглядели устрашающе и вполне реально. Ставки против очевидности реальности происходящего и мирового консенсуса были слишком высоки, чтобы доверять слову диктатора. Урок 11 сентября показал, что если бы мы ждали полного осуществления угроз, мы ждали бы еще очень долго. Я принял решение: мы отразим угрозу, исходящую от Ирака, так или иначе.

Первое, что я решил сделать, — это использовать дипломатию. К сожалению, наш опыт общения с Ираком не был позитивным. Мы установили двусторонние отношения с Багдадом в 1980-х и получили резолюцию Совета Безопасности ООН в 1990-х. Несмотря на нашу договоренность, Саддам становился все более агрессивным.

Чтобы дипломатия имела успех, нам нужен был радикально иной подход. Мы считали, что ахиллесовой пятой Саддама была тяга к власти, и он сделает все, чтобы сохранить ее. Если бы мы смогли убедить его, что всерьез намерены ликвидировать его режим, то тогда был шанс, что он откажется от ОМП, перестанет поддерживать террористов и угрожать соседям и со временем начнет уважать права своих граждан. На быстрый успех рассчитывать было нельзя. Но стоило попытаться попробовать альтернативный вариант. Такой подход мы называли дипломатией принуждения.

Дипломатия принуждения в отношении с Ираком имела две составляющие: во-первых, было необходимо сплотить коалицию государств, чтобы стало ясно, что невыполнение Саддамом международных обязательств неприемлемо. Во-вторых, была нужна надежная военная стратегия, которую можно применить в случае его отказа подчиниться. Вначале эти две составляющие будут осуществляться параллельно. По мере того как применение военной альтернативы станет все более очевидным и неизбежным, оба варианта сойдутся в одной точке. Максимальный уровень будет достигнут как раз перед тем, как они пересекутся. Это и станет моментом принятия решения. И в конечном итоге это решение будет принято Саддамом Хусейном.

В феврале 2001 года британский премьер-министр Тони Блэр и его жена Шери нанесли визит нам с Лорой в Кэмп-Дэвиде. Тони был первым иностранным главой государства, которого мы пригласили, отдавая должное особым отношениям между Соединенными Штатами и Великобританией.

Я не знал, что можно было ожидать от Тони. Я знал его как премьер-министра-лейбориста и близкого друга Билла Клинтона и быстро понял, что он открытый, дружелюбный и обаятельный человек. Тони и Шери обладали искусством общения. После обеда мы решили посмотреть фильм. Когда они согласились посмотреть «Знакомство с родителями», комедию с Робертом де Ниро в главной роли и Беном Стиллером, Лора и я поняли, что Буши и Блэры поладят.

Мы с Тони поговорили о главных происшествиях дня. Он ознакомил меня с политическими событиями в Европе. Потом мы обсудили наши общие цели в развитии свободной торговли, пути облегчения ситуации в Африке и обратились к проблемам насилия на Святой земле. Мы также слегка коснулись социальных вопросов, которые мне предстояло обсудить с Шери.

Летом 2001 года Блэры пригласили нас с Лорой в Чекерс, легендарное загородное поместье британских премьер-министров — большой дом, заставленный простой, удобной мебелью, стены которого увешаны портретами бывших премьер-министров. Обед, устроенный Блэрами, не был похож на официальный прием, а скорее походил на уютный обед в кругу семьи, на котором присутствовали их четверо детей, включая малыша Лео, которому было всего год и два месяца.

В середине трапезы зашел разговор о смертной казни. Шери дала мне понять, что не согласна с моей позицией. Тони выглядел несколько смущенным. Я выслушал ее доводы, а затем изложил свои. Я сказал ей, что считаю, что смертная казнь, хорошо контролируемая законом, могла бы спасти жизни многим, удерживая от преступления под страхом наказания.

Шери, которую я уважаю как талантливого юриста, противостояла моим аргументам. В момент нашего спора Юэн, умный не по годам семнадцатилетний сын Блэров, сказал: «Мама, дай человеку шанс».

Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я проникался уважением к Тони. С годами он превратился в моего ближайшего партнера

и лучшего друга на мировой арене. Он более тридцати раз приезжал на встречи во время моего президентства. Мы с Лорой встречались с ним в Северной Ирландии, Шотландии и Лондоне. В ноябре 2003 года Тони и Шери пригласили нас к себе в *Trimdon Coltery*, старинную шахтерскую область в провинции. Они угостили нас чаем в своем доме из красного кирпича в викторианском стиле и повели в городской паб *Don Cow Inn*. Мы ели рыбу и картошку с тушеным горошком, запивая безалкогольным светлым пивом *Bitburger*. После ленча мы заглянули в местную школу и посмотрели игру в футбол, называемую англичанами *soccer*. Люди были скромны и приветливы, за исключением тех, кто принес плакат со словами «Безумный ковбой».

Тони обладал чувством юмора и острым умом. После нашей первой встречи британский журналист спросил, что у нас общего. Я пошутил: «Мы оба пользуемся зубной пастой *Colgate*», а Тони выпалил: «Джордж, им интересно знать, откуда ты это знаешь». Обращаясь к объединенной сессии палат Конгресса в 2003 году, Тони вспомнил войну 1812 года, когда британские войска сожгли Белый дом. «Я думаю, это событие далекого прошлого, – заметил он, – но... простите нас».

В отличие от многих политиков, Тони был стратегом мысли, смотрящим далеко вперед. Как я потом понял, мы с ним были родственными душами в вопросе веры в преобразующую силу свободы.

В последнюю неделю моего президентства я гордился тем, что он стал одним из немногочисленных глав иностранных государств, который получил президентскую медаль Свободы.

Кроме того, Тони Блэр был смелым человеком. Именно Ирак лучше всего продемонстрировал это его качество. Тони, как и я, считал Саддама угрозой миру и что после событий 11 сентября с этим нельзя мириться. Британцы стали мишенью для экстремистов. У них были обширные разведывательные данные о Саддаме, и они по-своему понимали опасность, которую он собой представлял, – Саддам обстреливал также и их самолеты.

Отстраняя Саддама от власти, Тони и я должны были помочь народу Ирака сменить тиранию Саддама на демократию. Такая перемена получила бы отклик за границами Ирака. Ближний Восток был центром мировой идеологической борьбы. С одной стороны, там жили честные люди, которые хотели жить достойно и мирно. С другой, – экстремисты, которые стремились

внедрить свои радикальные взгляды через жестокость и запугивание. Они использовали безнаказанность и репрессии для насаждения и распространения своей идеологии. Лучший способ надолго защитить наши страны от террора – противопоставить их остальным представлениям о мире.

Это «что-то иное» называлось свободой. Люди, которые могли выбирать своих лидеров и избирательных участках, вряд ли захотят вернуться к незаконно. Молодежь, растущая с надеждой на будущее, не станет искать смысл в идеологии террора. Как только свобода зародится в одном обществе, она может распространиться и в других.

В апреле 2002 года Тони и Шери приехали к нам с Лорой в Креуффед. Тони и я говорили о дипломатии принуждения как способе отвести иракскую угрозу. Тони предложил добиваться резолюции Совета Безопасности ООН, чтобы предъявить Саддаму ультиматум: или инспекторы по вооружению возвращаются в Ирак, или его ждут серьезные последствия. Совет Безопасности принял шестнадцать резолюций по Саддаму – и все бесполезно. Но я не хотел на этом останавливаться.

Я обсуждал иракский вопрос с лидерами других стран в течение всего 2002 года. Многие, включая Джона Ховарда (Австралия), Хосе Мариа Азнара (Испания), Дзюньитиро Коидзуми (Япония), Яна Питера Болкененда (Нидерланды), Андерса Фога Расмуссена (Дания), Александра Квасневского (Польша), а также главы других государств Центральной и Восточной Европы разделяли мои опасения. Выяснилось, что самыми яркими противниками Саддама стали те, кто недавно на собственном опыте пережил тиранию. «В конце 1930-х годов западная демократия оказалась перед лицом реальной угрозы, – сказал мне премьер-министр Эстонии, бывшей советской республики, Слим Каллас. – Все закончилось диктатурой и гибелью многих людей. Иногда необходимо и действовать».

У некоторых лидеров было иное мнение. Владимир Путин не считал Саддама угрозой. Мне казалось, что в какой-то мере причина этого заключалась в том, что он не хотел рисковать выгодными контрактами на нефть. У Франции тоже были свои значительные интересы в Ираке. Я несколько удивился, когда Жак Ширак сказал мне, что будет поддерживать принудительную инспекцию вооружения, но он против военного вмешательства.

Проблема заключалась в том, что он не понимал, что без реальной угрозы применения силы все сведется к «беззубой» дипломатии.

Одним из наиболее жестких лидеров был немецкий канцлер Герхард Шрёдер. В 2001 году я встречался с ним пять раз. Он был добродушен, приветлив и заинтересован в укреплении наших двусторонних отношений. Я одобрял его руководство действиями в Афганистане, особенно его желание принять в Бонне Лойя-Джирги (Высший совет, созданный для принятия новой конституции страны).

Я обсудил с Герхардом обстановку в Ираке во время его визита в Белый дом 31 января 2002 года. За два дня до этого в обращении к народу я обрисовал реальную угрозу со стороны Ирака, Ирана и Северной Кореи. «Подобного рода государства и их союзники-террористы представляют собой политический альянс сил зла, наращивающий вооружение с целью угрозы миру во всем мире», — заявил я. Средства массовой информации подхватили фразу «альянс сил зла». Они вырвали ее из контекста, чтобы подчеркнуть, что три страны сформировали альянс. Я имел в виду иное. Альянс, о котором я говорил, — это связь между правительствами, производящими ОМП, и террористами, которые могут использовать это оружие. В моем выступлении была важная мысль, которую никто не мог пропустить: мои серьезные намерения в отношении Ирака.

На небольшом совещании в Овальном кабинете, на котором присутствовали Конди Райс и Энди Кард, я сказал немецкому канцлеру, что намерен действовать дипломатическим путем. Я также уверил его, что это не пустые слова. Военное вмешательство было моим последним аргументом, и его я собирался использовать только в случае необходимости. Я надеялся на его помощь.

«Что годилось для Афганистана, годится и для Ирака», — сказал он. — Государства, которые спонсируют терроризм, должны знать о последствиях. Если операция будет проведена быстро и решительно, я — с вами».

Я понял это как знак поддержки. Но, когда в том же году в Германии проходили выборы, Шрёдер заговорил по-другому — он осудил возможность применения вооруженных сил в Ираке. Его министр юстиции сказал: «Буш хочет отвлечь внимание от внутренних политических проблем... Так поступал Гитлер». Я был шокирован и взбешен. Труднее было придумать что-нибудь более оскорбительное, чем услышать от главы немецкого государства сравнение с Гитлером. Я продолжил сотрудничать с Герхар-

дом Шрёдером в области взаимных интересов, но как человек, ценящий личные взаимоотношения, я всегда отдавал должное доверию. Как только доверие потеряно, трудно возобновить конструктивное сотрудничество.

Через два месяца после событий 11 сентября я попросил Дона Рамсфелда пересмотреть существующие планы военных действий, теперь уже в отношении Ирака. Нам было необходимо разработать главную составляющую нашей дипломатии принуждения.

Дон озадачил генерала Томми Фрэнкса обновлением планов. Сразу после Рождества 2001 года Томми прибыл в Кроуфорд, чтобы проинформировать меня насчет Ирака. На разработку нового плана на основе изъятых из употребления афганского плана требовалось шесть месяцев и четыреста тысяч войск. Опыт Афганистана был перед глазами. Благодаря новым технологиям и инновационным методам мы уничтожили талибов и лагеря Аль-Каиды, используя намного меньшее количество войск, и народ Афганистана не видел в нас оккупантов.

Томми сообщил сотрудникам национальной безопасности о том, что им разрабатывается план действий для применения в Ираке, подразумевающий использование немногочисленных сил. Акцент делался на войска быстрого реагирования: из Кувейта на юге, Саудовской Аравии и Иордании на западе и Турции на севере. «Если у нас будут многочисленные, высококвалифицированные войска быстрого реагирования, определяющие меньшее количество обычных сухопутных сил, — сказал он. — Этот важный урок получен в Афганистане».

У меня появилось много забот. Мне надо было знать, какова скорость передвижения наших войск и какой вид базирования им необходим. Как и в Афганистане, меня волновала проблема голода местного населения, и я спрашивал, что можно сделать, чтобы защитить мирных жителей. Я начался, что Саддам организует диверсии на нефтяных скважинах или начнет обстреливать Израиль. Больше всего я боялся, что он использует биологическое или химическое оружие против наших войск, войск наших союзников или граждан Ирака.

Я попросил командование продолжить работать над планом. «Нам следует оставаться оптимистами, надеясь, что дипломатические усилия и меж-

дународное давление приведет к уничтожению этого режима, — заявил в конце встречи. — Но мы не можем позволить, чтобы оружие массового поражения попало в руки террористов. Я этого не допущу».

В период с декабря 2001 года по август 2002-го я встречался или беседовал с Томми более дюжины раз. План постепенно корректировался, но я не был им удовлетворен. Я должен был быть уверен, что мы продумали как можно больше непредвиденных моментов, поэтому засыпал Дона и Томми кучей вопросов, начинавшихся словами «Как Саддам отреагирует?..» В моем воображении часто возникал один вариант развития событий — как Саддам сосредотачивает силы в Багдаде и втягивает наши войска в кровавую городскую резню. Я помнил войну в Сомали в 1993 году и не хотел допустить повторения таких событий в Ираке. У Томми и его команды не всегда находились ответы на мои вопросы, и я готов был ждать, поскольку они много работали над оттачиванием нашего плана, и каждый следующий шаг, о котором они мне докладывали, был шагом вперед относительно предыдущей версии.

Усовершенствованный план, представленный Томми в Комнате соглашения 5 августа 2002 года, решал несколько ключевых задач. Мы получили разрешение глав государств региона Персидского залива дислоцироваться и летать над их территорией. Томми продумал план для спецопераций по обеспечению нейтрализации подозрительных мест базирования ОМП, южных месторождений нефти в Ираке и ракетных установок SS-1. Он также разработал план крупной воздушной бомбардировки, которая дорого обойдется элитным силам Республиканской гвардии Садама, оставшимся в столице. «Господин президент, — сказал Томми со своим протяжным техасским акцентом, — похоже, все это будет для них шоком и ужасом».

Однако оставалось много вопросов, требующих решения. Мы все беспокоились, что Саддам нанесет биологическую или химическую атаку по американским войскам, чтобы наши военные не смогли обнаружить объекты Хамаз. Мы постепенно повысили боеготовность войск и вооружения в Кувейте с помощью военной подготовки и тому подобных тренировочных занятий, чтобы мгновенно начать боевые действия, как только я отдам приказ атаковать. Председатель Объединенного комитета начальников штабов Дик Майерс говорил о том, как важно убедить Турцию открыть территорию для северного фронта. Джордж Тенет выразил озабоченность на-

счет региональной войны, в которой Сирия может напасть на Иран или Иран, направив имеющуюся в ее распоряжении группу террористов Хезболлы для создания нестабильной обстановки. Дон Рамсфелд подчеркнул, что война может дестабилизировать положение в Иордании и Саудовской Аравии и Америка увязнет в преследовании Садама, а Ирак окажется раздробленным после освобождения.

Эти потенциальные варианты отрезвляли. Но и информация, которую мы получали, тоже не давала покоя. В июньском донесении говорилось, «Ираку удалось сохранить и даже улучшить условия, необходимые для производства ОМП». Другое донесение предупреждало, что режим Садама продолжает работать над производством возбудителя болезни не только сибирской язвы, но и ботулотоксина, афлатоксина и рицина. Далее шло следующее: «Беспилотные самолеты дают Багдаду больше возможностей для распространения биологического... оружия». А вслед зазвучало угрожающее: «Опыт показывает, что Саддам производит оружие массового поражения для его использования, а не для устрашения».

Летом 2002 года я получил потрясающие новости. Абу Мусаб аз-Заркави, аффилированное лицо, террорист Аль-Каиды, который проводил эксперименты с биологическим оружием в Афганистане, открыл лабораторию на северо-востоке Ирака. «Этот район находится под подозрением в связи с вероятным производством ядовитых и токсичных веществ для террористов, — говорилось в отчете. — Абу Мусаб аз-Заркави — действующий террорист, разрабатывающий планы против США и Израиля. Секретные данные из достоверных источников гласят, что Заркави ищет пути, чтобы контрабандой переправить на территорию Штатов химические материалы, произведенные на севере Ирака».

Нам достоверно не известно, знал ли Саддам, что Заркави орудует на территории Ирака. У нас были разведывательные данные, что Заркави провёл два месяца в Багдаде, получая медицинскую помощь, а с ним и другие боевики Аль-Каиды, пробравшиеся в Ирак. ЦРУ работало с главным арабским разведывательным центром, чтобы заставить Садама найти и экстрадировать Заркави из страны, но тот отказался.

Летом 2002 года встал вопрос о том, бомбить ли лабораторию по производству ядов. На эту тему был проведен ряд встреч NSC. Генерал Дик Майерс предложил варианты: ракеты «Томагавк», бомбардировка самолетами

В-2 или секретная наемная операция. Дик Чейни и Дон видели в Заркави реальную угрозу и утверждали, что выдворение его из страны покажет всем, что Америка ни под каким видом не допустит террора.

Колин и Конди считали, что разгром лаборатории приведет к международной вспышке негодования и сведет на нет наши усилия по созданию коалиции для противостояния Саддаму – особенно наши попытки пригласить Турцию, которая крайне осторожно относилась к любой деятельности на северо-востоке Ирака. «Это будет выглядеть, как односторонний старт в войне с Ираком», – заметил Колин.

Я оказался перед дилеммой. Если Ирак проведет биологическую атаку на Америку, я буду в ответе за то, что не предпринял ничего в тот момент, когда у нас был для этого шанс. С другой стороны, бомбежка объекта подорвет дипломатические отношения и вызовет военный конфликт.

Я приказал разведывательным службам закрыть глаза на эту лабораторию. Пока шло время, я решил продолжать дипломатическую тактику. Но одно мне было ясно: Ирак был серьезной угрозой, возрастающей с каждым днем.

Я провел большую часть августа 2002 года в Кроуфорде – там хорошо думалось. Вопрос, который меня тогда волновал: как нужно действовать, чтобы продвинуться дальше по линии дипломатии.

Один из вариантов заключался в достижении резолюции ООН, призывающей Саддама к возобновлению работы инспекторов по вооружению. Другим вариантом был ультиматум с требованием разоружиться и создать коалицию, чтобы заставить его это сделать в случае неподчинения.

С юридической точки зрения резолюция ООН была необходима. Три года назад президент Клинтон и наши союзники по НАТО сместили диктатора Слободана Милошевича в Сербии без какой-либо конкретной резолюции ООН. Дик и Дон утверждали, что и по Ираку нам не нужна резолюция ООН. Более того, у нас их было уже шестнадцать. Они считали, что обращение в ООН приведет к бюрократической волоките, что будет Саддаму только на руку.

Я разделял эту озабоченность. С другой стороны, почти все союзники, с которыми я консультировался, – даже ярые противники Саддама, такие

как премьер-министр Австралии Джон Ховард, – сказали мне, что резолюция ООН нужна для завоевания необходимой поддержки в их странах.

Колин согласился. За день до моего отъезда в Кроуфорда я попросил его о личной встрече в Комнате соглашений. Тони был взволнован больше, чем когда-либо на совещаниях NSC. Он сказал мне, что резолюция ООН была единственным способом добиться поддержки со стороны всего мира. Он заметил, что, если бы нам удалось выдворить Саддама дипломатическим путем, то необязательно делать ставку на военный удар. Потом, как заметил Колин, когда Америка «завладеет» Ираком, на нас ляжет вся ответственность по восстановлению разрушенной страны. Я внимательно слушал и разделял его мнение. Была еще причина, почему, как я надеялся, дипломатия должна сработать.

В то лето вероятность войны стала главной новостью в Вашингтоне. Журналисты постоянно спрашивали, есть ли у меня готовый план военных действий.

15 августа я открыл *Wall Street Journal* и наткнулся на колонку Брента Сквиффорта, советника отца по национальной безопасности. Заголовок гласил: «Не нападайте на Саддама». Брент утверждал, что война с Ираком отвлечет внимание от войны с террором и спровоцирует «Армагеддон на Среднем Востоке». Его вывод был таков: мы должны «надавить на Совет Национальной безопасности и настоять на эффективной и незаметной инспекции иракского режима».

Рекомендация была справедливой. Но меня разозлило то, что Брент предпочел опубликовать свой совет в газете, вместо того чтобы поделиться этим со мной. Я позвонил отцу. «Сын, Брент – твой друг», – уверил он меня. Возможно, все так и было. Но я знал, что мои критики используют статью Брента, если дипломатическая миссия провалится.

Кое-кто в Вашингтоне полагал, что таким образом, через Брента, отец передал мне свое мнение по поводу Ирака. Это было смешно. Как никто другой отец понимал, как велики ставки. Если он считал, что я ошибаюсь в отношении Ирака, он бы, черт возьми, сам сказал мне об этом.

В субботу, 7 сентября 2002 года, я созвал совещание сотрудников служб национальной безопасности в Кэмп-Дэвиде, чтобы прийти к оконча-

сеина, это потому что я верил, что «смертоносный арсенал оружия массового поражения в руках Саддама – угроза, причем смертельная угроза».

Сенатор Джей Рокфеллер, уважаемый демократ в комитете разведки, продолжил: «Сегодня существование биологического и химического оружия у Саддама представляет реальную угрозу для Америки, а завтра... он может предоставить это оружие террористическим группировкам, партиям, которые связаны с его правительством. Такие группировки могут, в свою очередь, привезти это оружие в Соединенные Штаты и развязать разрушительную войну против наших граждан. Я очень боюсь этого».

Сенатор Чак Хагель, республиканец от Небраски, поддержал резолюцию. Он заявил: «Бездействие опасно. Нас избирают, чтобы мы решали проблемы, а не просто их обсуждали. Пришло время установить новый порядок в Ираке и на Ближнем Востоке».

11 октября 2002 года Сенат принял резолюцию числом голосов 77:23. Палата Конгресса – 296:133. Перевес был намного больше, чем при голосовании за войну в Заливе. Резолюция набрала голоса таких видных демократов, как лидера меньшинства в Палате представителей Дика Гепхардта, лидера меньшинства в Сенате Тома Дэшла и сенаторов Хиллари Клинтон, Джо Байдена, Джона Керри, Джона Эдвардза и Гарри Рейда.

Некоторые члены Конгресса позже заявили, что не будут голосовать за санкционирование военных действий, а только за продолжение дипломатической политики. Должно быть, они не читали резолюцию. Там все говорилось ясным языком: «Президент уполномочен использовать Вооруженные силы Соединенных Штатов в случае, если он сочтет это необходимым и возможным в целях защиты национальной безопасности Соединенных Штатов против продолжающейся угрозы со стороны Ирака, а также все имеющиеся резолюции Совета Безопасности ООН в отношении Ирака».

Решающее голосование в ООН прошло 8 ноября. Колин был сговорчив по незначительным вопросам, но непоколебим относительно постановлений, касавшихся Саддама. Цена вопроса была велика – наберет ли резолюция необходимое число голосов. Нам требовалось девять из пятнадцати членов Совета Безопасности, без вето Франции, России или Китая. Мы

обрывали телефоны, пытаюсь привлечь всех на свою сторону. Сразу же после голосования Совета Безопасности в Овальном кабинете звонил телефон. «Привет, Босс, – раздался голос Колина, – мы сделали это».

Проголосовали единогласно 15:0. Не только Франция проголосовала, но и Россия, Китай и Сирия. Все понимали: у Саддама осталась «последняя возможность подчиниться» и выполнить свои обязательства, касающиеся гласности и разоружения. Если он этого не сделает, то столкнется «с серьезными последствиями».

Согласно резолюции 1441 Совета Безопасности ООН, у Ирака было тридцать дней для выполнения «ныне верной, правильной и полной декларации» по всем программам ОМП. Резолюция прояснила, в чем заключается главное в проверке для Саддама. Инспекторы не должны были доказывать, что у него есть оружие. Это он должен был доказать, что у него его нет.

7 декабря, когда пришел срок исполнения резолюции, Саддам предъявил свой отчет. Я воспринял это как тест на серьезное испытание – если он честно пошел навстречу резолюции, то это означает, что он услышал призыв мира. Вместо этого он предъявил уйму ненужных бумаг, составленных явно для того, чтобы ввести всех в заблуждение. Ганс Бликс, споконный шведский дипломат, возглавлявший команду экспертов ООН, позже назвал эту кипу бумаг «богатой по объему, но бедной по содержанию». Джо Либерман был более лаконичен. Он заявил, что декларация представляла собой «двенадцать тысяч страниц – сто фунтов лжи».

Если Саддам продолжит политику обмана, единственным способом оказать давление на Ирак – самим предоставить необходимые документы. Я попросил Джорджа Тенета и его способного заместителя Джона Маклоулина проинформировать меня, какие разведывательные данные мы могли рассекретить, чтобы представить программы ОМП.

За несколько дней до Рождества Джон впервые попытался ввести меня в курс дела. Получилось не очень убедительно. Я вспомнил информацию ЦРУ, которую получал, данные NIE, в которых говорилось, что у Саддама есть биологическое и химическое оружие, и данные ЦРУ, предоставленные мне для моего выступления в ООН в сентябре. «Безусловно, мы постараемся обосновать улики против Саддама», – сказал я, и Джордж Тенет согласился со мной.

«Это верный успех», – заявил он.

Я поверил ему, так как получал информацию по Ираку уже около двух лет. Вывод о том, что у Саддама есть ОМП – результат мирового консенсуса. Мой предшественник верил в это. В это верили республиканцы и демократы на Капитол Хилл. Разведывательные управления Германии, Франции, Великобритании, России, Китая и Египта тоже считали, что у Саддама имеется оружие массового поражения. Немецкий посол в Соединенных Штатах, не будучи сторонником войны, позже сказал об этом так: «Я считаю, все наши правительства верят, что Ирак производит оружие массового поражения». Во всяком случае, единственное, о чем мы беспокоились, так это о том, что ЦРУ недооценивало Саддама, как это было перед войной в Заливе.

Оглядываясь назад, я понимаю, что нам следовало бы усилить разведывательные действия и пересмотреть принятые на себя обязательства. Но в то время данные и логика подсказывали другое. Если у Саддама на самом деле нет ОМП, спрашивал я себя, зачем ему, скажите на милость, развязывать войну, которую он явно проиграет?

Каждое Рождество во время моего президентства мы с Лорой приглашали всю нашу семью в Кэмп-Дэвид. Нам нравилось продолжать традицию, заведенную отцом и мамой. Мы использовали любую возможность провести время вместе с ними, Лориной мамой, Барбарой и Дженной, моими братьями, сестрой и их семьями. Нам нравилось наблюдать пышную церемонию в часовне Кэмп-Дэвида и петь псалмы с военными и членами их семей. Одним из ярких моментов стало ежегодное вручение подарков от Розового Слона, когда мои маленькие и уже подростки племянники растаскивали что-нибудь вроде модных *i-pod*-ов и других вещей, спрятанных президентом Соединенных Штатов. В последние годы мы завели традицию делать подарки от имени какого-нибудь члена семьи. Джеб и Дора подарили книги в библиотеку на борту корабля *USS George H.W. Bush*. Марвин и его жена Маргарет подарили исповедальную чашу в часовню Кэмп-Дэвида от имени меня и Лоры. Мы внесли пожертвования в Павильон Буша – центр социальной защиты, названный в честь матери Дороти Уокер – в южном Медицинском центре Мэна (*SMMC*) от имени моего отца и матери.

Во время празднования Рождества в 2002 году мы с отцом говорили об Ираке. Как правило, я не просил у него совета по главным вопросам. Мы

оба понимали, что у меня больше, чем у него, возможностей получить достоверную информацию. В основном все наши разговоры сводились к тому, что я убеждал его, что поступаю правильно, а он со своей стороны, выражал свою уверенность в этом и любовь ко мне.

Ирак был единственным вопросом, в котором мне требовалось знать его мнение. Я говорил отцу, что я все время мучился о том, чтобы решить вопрос с Саддамом мирным путем, но был готов и к другому типу событий. Я рассказал ему о дипломатической стратегии – уверенной поддержке Блэра, Ховарда и Азнара; о неуверенности относительно Ширака и Шрёдера, и о моих попытках привлечь Саудовскую Аравию, Иорданию, Турцию и другие страны Ближнего Востока.

Он разделил мои надежды на успех в дипломатическом направлении. «Сын, ты сам знаешь, что война – это жестокая вещь, и ты должен испытывать все что возможно, чтобы избежать ее, – произнес он. – Но если человек не хочет выполнять требования, у тебя нет иного выхода».

Вскоре после Нового года я послал письмо в колледж Барбаре и Дженне: «Я много работаю для того, чтобы сохранить мир и избежать войны. Я молюсь, чтобы Ирак разоружился без применения силы. Мы добиваемся от него только этого, и большинство стран мира с нами».

В начале 2003 года стало абсолютно ясно, что мои молитвы не услышаны. 27 января Ганс Бликс представил официальный отчет в ООН. Его инспекторы обнаружили боеголовки, содержащие высокотоксичные *VX* нервно-паралитического действия, о которых Саддам не упоминал, не уничтожал и был готов к применению горчичного газа. Более того, правительство Ирака не придавало значения самому процессу проверки. Режим нарушил резолюцию 1441, блокируя полеты *U-2* и укрывая три тысячи документов в доме официального лица по ядерной программе Ирака. «Ирак, кажется, не пришел, даже сегодня, к честному принятию решения по разоружению, которое от него требовалось», – заявил Бликс.

Я понимал, что происходит. Саддам пытался переложить ношу обязательств со своих плеч на наши. Я напомнил партнерам, что резолюция ООН ясно говорила о том, что ответственность за выполнение обязательств лежала именно на Саддаме. Как объяснил в конце января Мохаммед эль-Бажала именно на Саддаме. Как объяснил в конце января Мохаммед эль-Бажала, директор Международного агентства по атомной энергетике, «Ирак радеет, директор Международного агентства по атомной энергетике, «Ирак правит бал... Ирак должен теперь доказать, что он невиновен... Им необо-

дино вести себя иначе, чтобы всеми возможными способами доказать, что у них нет оружия массового поражения».

В конце января Тони Блэр приехал в Вашингтон на встречу стратегов. Мы согласились, что Саддам нарушил резолюцию 1441 Совета Безопасности ООН, представив ложную декларацию. У нас было достаточно подтверждений для того, чтобы перейти к «серьезным последствиям», но Тони хотел обратиться к ООН за повторной резолюцией, подтверждающей, что Ирак «пустил предоставленную ему последнюю возможность».

«Не то чтобы мы нуждаемся в ней, — сказал Тони, — однако вторая резолюция дает нам военную и политическую защиту».

Я был в ужасе от мысли, что надо вновь обращаться в ООН. Дик, Дон и Конди тоже были против. Колин сказал мне, что нам не нужна еще одна резолюция и, возможно, мы ее не сможем получить; однако, если Тони так хочет ее получить, то можно попробовать. «Как я понимаю, принятие второй резолюции — лучший способ показать, как можно помочь нашим друзьям», — заметил я.

Верным способом получить вторую резолюцию было представить доказательство против Саддама. Я попросил Колина сделать презентацию в ООН. Он прослыл глубокоуважаемым дипломатом, который нехотя признавал вероятность войны. Я знал, что он проделает тщательную работу. В начале февраля Колин четверо суток лично занимался в ЦРУ анализом разведывательных данных для того, чтобы быть уверенным в каждом слове своей речи. 5 февраля он взял в руки микрофон в Совете Безопасности:

«Факты, говорящие о поведении Ирака, свидетельствуют о том, что Саддам Хусейн и его режим не предприняли никаких усилий, чтобы разоружиться, как требовало международное содружество. Действительно, факты и поведение Ирака показывают, что Саддам Хусейн и его режим скрывают свои попытки наращивания производства оружия массового поражения».

Речь Колина была исчерпывающей, яркой и убедительной. Сделанная на фоне игнорирования Саддамом инспекции запасов вооружения, она произвела сильное впечатление на общественность. Позже многие из утверждений Колина оказались неточны, но в то время его слова отражали полновесные данные разведывательных служб в своей стране и за рубежом.

«Мы с вами порядочные люди», — сказал мне Жак Ширак после речи Колина. «Но в данном случае наши нравственные принципы не совпада-

ют», — вежливо парировал я, а про себя подумал: «Как назвать диктатора, который пытается и травит свой народ, если не безразличным?»

Три дня спустя Ширак выступил перед камерами с заявлением: «Сегодня ничто не может оправдать войну». Он, Герхард Шрёдер и Владимир Путин выпустили совместное оппозиционное заявление. Все трое съездились на Совет Безопасности. Добавления ко второй резолюции мы сделали безрадостно.

Тони настаивал на продвижении вперед. «Сегодня ставки слишком высоки», — написал он мне 19 февраля. По результатам саммита Европейского Совета я вижу, что Франция хочет провести решающий тест: является ли Европа партнером или противником Америки? Он напомнил мне, что у нас есть поддержка со стороны коалиции сильных европейских государств, включая Испанию, Италию, Данию, Нидерланды, Португалию и всю Восточную Европу. В только что прошедшем голосовании стран НАТО пятнадцать стран-участниц союза поддержали военные действия в Ираке, за исключением Бельгии и Люксембурга, которые поддерживали Германию и Францию. Премьер-министр Португалии Жосе Барросу говорил от лица многих европейских лидеров, когда спросил скептически: «Мы оказались перед выбором: либо Америка, либо Ирак, и мы собираемся выбрать Ирак?»

Мы с Тони договорились о следующей стратегии: представить на рассмотрение в ООН вторую резолюцию в союзе с негласным лидером Испании премьер-министром Хосе Марией Азнаром. Если нам удастся собрать достаточно голосов «за», мы могли бы убедить Францию и Россию, что лучше воздержаться, чем наложить вето. Если не получится собрать нужное количество голосов, то мы откажемся от резолюции, и тогда станет ясно, что эти страны не захотели воспользоваться последней возможностью решить проблему дипломатическим путем.

Вторая резолюция, которую мы представили 24 февраля 2003 года, была важна еще по одной причине. Тони оказался под сильным давлением своего правительства из-за иракского вопроса, и для него было важно показать, что он использовал любую возможность, чтобы избежать применения силы. Фракция лейбористской партии восстала против него. К началу марта было не ясно, сможет ли его правительство выжить.

Я позвонил Тони и выразил свои соболезнования. Я сказал ему, что он мог бы выйти из коалиции для сохранения своего правительства.

— Я же сказал, что я с вами, — отозвался Тони.

Я еще раз повторил свою точку зрения.

— Я все понимаю, и хорошо, что ты ~~заговорил~~ об этом, — сказал он. —

Я полон решимости и пойду до конца.

В голосе моего друга я уловил нотки У. Черчилля. Это было проявлением истинного мужества, и я никогда этого не забуду.

Как и просил Тони, я предпринял еще одну — последнюю — попытку убедить Мексику и Чили, двух колеблющихся членов Совета Безопасности, поддержать вторую резолюцию. Первый звонок я сделал моему другу президенту Висенте Фоксу. Начало разговора не предвещало ничего хорошего. Когда я сказал Висенте, что звоню ему по поводу резолюции ООН, он спросил меня, какой именно? «Если позволите дать вам совет, — начал я. — Вам не следует быть заодно с Францией». Он сказал, что подумает над этим и перезвонит мне. Прошел час. Затем позвонила Конди из посольства. Висенте лег в больницу на операцию. В результате я так ничего и не услышал от него.

Мой разговор с президентом Чили Риккардо Лагосом оказался ненамного лучше. Это был выдающийся, эрудированный человек, талантливый руководитель. Мы обсудили соглашение о свободной торговле, которое, как я надеялся, Конгресс в скором времени утвердит. Но общественное мнение в Чили было против возможной войны, и Риккардо не хотел поддерживать резолюцию. Он говорил о том, чтобы дать Саддаму дополнительные две-три недели. Я сказал ему, что несколько недель погоды не сделают. У Саддама были годы на выполнение требований. «Жаль, что дошло до этого», — проговорил я. Потом спросил его в последний раз, как он собирается голосовать. Он сказал, что будет против.

Пока шел процесс переговоров, давление на активизацию действий возрастало. В начале 2003 года президент федерального резервного банка Алан Гринспен известил меня о нестабильности в экономике. Принц Саудовской Аравии Бандар, мой друг со времени президентства моего отца и посол королевства в Вашингтоне в течение длительного времени, поведал мне в Ovalном кабинете, что наши союзники на Ближнем Востоке ждут решения.

На Юстиниановой террасе перед
открытием войны в Ирак.
White House / Джон Дэвисон

Кабина пилота Борта №1 во время полета в Багдад на День Благодарения
в 2003 г. White House / Тим Хэгер

Когда старший сержант Гуадалупе Деноджин получил ранение в Ираке, он попросил о двух вещах: о повышении в должности морского пехотинца, который спас ему жизнь, и об американском гражданстве.
White House / Эрик Дрейнер

Посещение раненых было самой тяжелой и самой вдохновляющей частью моей работы. На фото я с сержантом Патриком Хэгудом в Военно-медицинском центре им. Уолтера Рида.
White House / Пол Морс

В Овальном кабинете житель Ирака использует свою новую искусственную руку, чтобы написать «мысли о беге с прощальной благодарностью Америке».
White House / Эрик Дрейнер

The President,
Iraq is sovereign. Letter
was passed from Bremer at
10:26 AM Iraq time —
Let Freedom
Reign — Condi

На саммите НАТО в Турине Дон Рамсфелд протянул мне записку от Конди, в которой сообщалось об успешной передаче суверенитета в Ираке, с чем мы поздравили друг друга с Тони Блэром.
White House / Эрик Дрейнер

Сенатором Тедом Кеннеди в начале 2001 г.
Мы вместе работали над реформой системы
образования и иммиграционной реформой,
несмотря на то что имели разные
зрения относительно войны.
White House / Эрик Дрейпер

В начальной школе им.
Хораса Грили в Чикаго.
92% учеников этой школы
живут в бедных семьях,
уровень знаний по чтению
и математике здесь был
улучшен в рамках
программы No Child Left
Behind.

*White House / Джойс
Богосян*

Я черпал силу от поддерживающих меня людей во время предвыборной кампании
2004 г. На фотографии я произношу речь в Трое, штат Алабама. *White House - Пол Морс*

Выход из вертолета в день выборов 2004 г. Мы только что получили
результаты экзит-полл, из которых было видно, что я должен проиграть.
White House / Пол Морс

В Белом доме в ночь
выборов 2004 г. в
ожидании результатов.
*White House / Эрик
Дрейпер*

Пометный вид из самолета Орлеан с Борта №1 через два дня после урагана «Катрина». М. Буш был приветлив и в Багони-Руж, где мог бы выразить свою озабоченность, не прерывая спасательные работы.
White House / Пол Мак

Я успокаиваю жертв урагана «Катрина» через четыре дня после катастрофы. Слышать заявления, что расовые предрассудки сыграли роль в мерах, предпринятых правительством, стало одним из самых худших моментов всего моего президентского срока.
White House / Эрик Дрэйпер

Я сижу с человеком из Билокси, штат Миссисипи, на том, что раньше было фундаментом его дома. *White House / Эрик Дрэйпер*

На Борта №1 в аэропорту Нового Орлеана я призывал в гости. Позднее передать управление ликвидацией последствий урагана «Катрина» федеральному правительству, но губернатор Бланко отказалась («за стоял» по часовой стрелке: мэр Рэй Неджин, сенатор Мэри Лендрье, сенатор Дэвид Виттер, министр внутренней безопасности Майк Чертофф, члены палаты представителей Бобби Джиндел и Уильям Джефферсон и губернатор К. Бланко. *White House / Эрик Дрэйпер*

Губернатор Миссисипи Хейли Барбур показал превосходные лидерские качества. «Люди затягивали свои ремни на ураган, но восстанавливали Миссисипи», — сказал он.
White House / Эрик Дрэйпер

У меня на руке Бэрон Танто и Кейптауна (ЮАР), который родился без ВИЧ благодаря принятым мерам по профилактике здоровья матери и ребенка.
White House / Эрик Дрэйпер

Через пять лет после того, как я встретил Мохамеда Калисубула в клинике TASO в Уганде, он приехал в Восточную комнату, чтобы наблюдать за тем, как я подписываю документ, удваивающий наши затраты на реализацию президентского чрезвычайного плана по борьбе со СПИДом (PEPFAR).

White House / Джойс Богосян

С припадком рит-музыкантом Бэнни. «Он был женат на Шер, не так ли?» – спросил я Джоша Болтена перед нашей первой встречей.

White House / Пол Мак

Я раздаю антимооситные сетки матерям в Аруше (Танзания) в рамках программы по борьбе с малярией. White House / Эрик Дрэйпер

Интересная одежда в Дар-эс-Салам (Танзания). По какой-то причине она не стала модной в Америке. White House / Крис Гринберг

Жители Ирака бросили
вызов террористам,
проголосовав три раза
в 2005 г. На фото я стою
рядом с заочными
избирателями в Овальном
кабинете.
White House / Пол Морс

В Военно-медицинском центре
им. Брука старший сержант Кристиан
Бэгг сказал мне, что хочет вновь
совершать пробежки. «Когда ты будешь
готов, просто позвони», — сказал я ему.
Через шесть месяцев он пришел на
пробежку вокруг Южной лужайки.
White House / Эрик Дрэйпер

Встреча с войсками в Анбаре
в 2007 г. Самой большой
честью для меня в период
моего президентского срока
было исполнение полномочий
главнокомандующего.
White House / Эрик Дрэйпер

В президентском Овальном
кабинете я встретился с
супругами президента
и его детьми. Мы все
сплотились в единую команду
в борьбе против Аль-Каиды.
«Если мы вам поможем,
тогда вы сможете
вернуться домой и жить в мире» — сказал
один из них.

White House / Эрик Дрэйпер

В 2007 г. во время церемонии,
посвященной уходу на пенсию
председателя Объединенного
комитета начальников штабов Пита
Пэйса (слева). Позади нас сидят его
преемник адмирал Майк Мэдден
(справа) и министр обороны Роб
Гейтс.
White House / Дэвид Борер

После тайного полета в Багдад в
июне 2006 г. я встретился с премьер-
министром Нури Аль-Малики
(справа) и организовал совместное
ирако-американское заседание по
национальной безопасности через
защищенную видеосвязь.
Американский посол в Ираке Зэл
Халилзад сидит слева от меня.
White House / Эрик Дрэйпер

Самым тяжелым решением в
течение всего моего президентского
срока стало увеличение контингента.
Я отправил дополнительно 30 000
солдат в рамках новой стратегии по
борьбе с повстанцами, которая была
реализована генералом Дэвидом
Петрзусом (справа) и послом
Райаном Крокером.

Я с Дженни на ее свадьбе в Кроу-Хилл
в мае 2008 г.

White House / Шила Крейгхед

Во время приема в Белом доме
в честь Дженни и ее мужа
Генри Хагера.

White House / Эрик Дрэйпер

Большая семья Буш во время празднования 60-й годовщины свадьбы мамы
и отца в 2005 г. Никитан преставлен и через него не находилось так долго
в браке, как они.

White House / Эрик Дрэйпер

Поздравления с ее вступлением
в НАТО. Первым делом
началом моей жизни
небо появилось и я
был радостью и
сегодня», — сказал я.

White House / Пол Морс

Мой отец сражался с его отцом
во время Второй мировой
войны, но мы вместе с премьер-
министром Японии
Дзюньитиро Коидзуми
работали во благо развития
демократии — и даже вместе
посетили дом его кумира
детства Элвиса Пресли.

White House / Эрик Дрэйпер

Во время поездки вокруг
ранчо вместе
с наследным принцем
Саудовской Аравии
Абдаллой. Когда на
дороге неожиданно
появилась индюшка,
он схватил мою руку

и сказал: «Благ мой,
это знак Аллаха».

*White House / Эрик
Дрэйпер*

С премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном (слева) и премьер-министром Палестинской автономии Махмудом Аббасом в Акабе (Иордания), где они договорились совместно работать над созданием демократического палестинского государства. *White House / Эрик Дрейпер*

С президентом Франции Жаком Шираком (слева) и президентом России Владимиром Путиным. *White House / Эрик Дрейпер*

Во время объявления программы по спасению проблемных активов (TARP) с председателем Федеральной резервной системы Бенном Бернанке (слева) и министром финансов Ханком Полсоном.

White House / Эрик Дрейпер

С Дэвидом Микелетти волею судьбы встретились на территории республиканцев в 2008 г. *White House / Эрик Дрейпер*

С избранным президентом Бараклом Обамой и его женой Мишель в Голубой комнате в День инаугурации, 2009 г. *White House / Эрик Дрейпер*

Обсуждение с советником Эдом Гиллеспи (слева) и главой администрации Джошем Болтоном, двумя доверенными помощниками и хорошими друзьями, во время последних тяжелых месяцев нахождения на посту.

White House / Эрик Дрейпер

В последний раз я покидаю Овальную кабинет. White House / Эрик Дрэйпер

Во время городского собрания в Мидленде в честь моего назначения домой: «Мы с Дорой, возможно, и уехали из Техаса, — сказал я, — но Техас никогда не покидал нас». Эрик Дрэйпер

Всякий раз, когда кто-то говорит о том, что мы стремились к войне, я вспоминаю все, что происходило в то время. Прошло больше десятка лет со времени принятия решения о войне в Заливе, решений, требовавших от Саддама разоружения; более четырех лет — с тех пор как Саддам выгнал из страны представителей ООН — инспекторов по вооружению; шесть месяцев, как я предъявил ООН ультиматум; четыре месяца с момента принятия резолюции 1441, которая давала Саддаму «последний шанс», и уже минуло три месяца со времени точки отсчета обнаружения его запасов ОМП. Казалось, что нет конца и края этим дипломатическим «отсрочкам», и нас нельзя обвинять в том, что мы спешили начать войну.

Угрозы тем временем продолжались. Президент Египта Хосни Мубарак предупредил Томми Фрэнкса, что у Ирака есть биологическое оружие, которое он хочет использовать в борьбе с нами. Он не рискнул провозгласить это публично, из страха спровоцировать Араб-стрит, но разведывательная информация, поступившая от лидера Ближнего Востока, который хорошо знал Саддама, повлияла на ход моих мыслей. Действие в данной ситуации было так же опасно, как и бездействие: Саддам с его биологическим оружием представлял огромную угрозу для всех нас.

Зимой 2003 года я собирал мнения об Ираке из разных источников. Я спрашивал совета у ученых, иракских диссидентов, высланных из страны и тех, кто не имел отношения к администрации президента. Одним из самых замечательных людей, с кем я встречался, был Эли Визел, писатель, переживший Холокост и получивший Нобелевскую премию мира. Эли — спокойный и благородный человек. Но в глазах семидесятичетырелетнего мужчины я увидел гнев, когда он сравнил жестокость Саддама Хусейна с нацистским геноцидом. «Господин президент, — сказал он. — У вас есть моральное право — выступить против зла».

Сила его убеждения серьезно подействовала на меня. Передо мной был человек, посвятивший свою жизнь борьбе за мир, который просит меня начать войну в Ираке. Он мне объяснил: «Несмотря на то что я противник войны, в данном случае я выступаю за военные действия, поскольку уклонение и промедление Хусейна не оставляет нам иного выбора».

Меня всегда удивляет, почему многие противники войны не признают нравственных аргументов, выдвигаемых такими людьми, как Эли Визел. Многие из тех, кто выступал против вторжения в Ирак, были защитниками прав человека.

Однако все они осудили меня за то, что я использовал силу, чтобы свергнуть человека, который травил газами курдов, косил огнем с военных вертолетов шиитов, вырезал болотных арабов и отправил десятки тысяч человек в общие могилы. Я допускал, что люди могли сомневаться в том, что Саддам Хусейн угрожает Соединенным Штатам, но я не понимал, как можно было отрицать, что освобождение Ирака способствовало борьбе за права человека.

Из-за такой нерешительной дипломатии наши военные совещания все больше касались одной проблемы: что будет после смещения Саддама. Спустя годы некоторые критики будут обвинять нас в том, что нам не удалось подготовиться к послевоенному периоду. Этот момент не хочется вспоминать, поскольку все было не так.

Начиная с осени 2002 года группа под руководством заместителя советника службы национальной безопасности Стива Хадли разрабатывала детальный план для Ирака «После Саддама». Голод и беженцы – две проблемы, которые волновали нас больше всего. 60 % населения Ирака существовали за счет правительства. По подсчетам, два миллиона жителей могли лишиться своих домов в результате войны.

15 января Элиот Абрамс, главный штатный сотрудник NSC, представил детальную информацию о нашей подготовке. Мы планировали отправку еды, одежд, лекарств, палаток и прочих средств первой помощи. Мы выпустили карты с указанием мест, где могли найти пристанище беженцы. Одновременно с нашими войсками мы посылали в Ирак опытных экспертов по оказанию гуманитарной помощи. Мы определили места расположения более чем 55 тысяч раздаточных пунктов в Ираке и договорились с международными организациями, включая Мировую продовольственную программу, о поставках большого количества продовольствия.

Мы также разработали план в рамках долгосрочного восстановления страны.

Мы должны были сконцентрироваться на десяти областях: образовании, здоровье, водоснабжении и канализации, электричестве, убежищах, транспорте, управлении, главенстве закона, сельском хозяйстве, коммуникации и экономической политике. О каждом направлении была собрана информация, сформулирована стратегия и установлены четкие цели. Например, *USAID* определило, что Ирак располагает 250 гражданскими больницами, 20 военными госпиталями, 5 больницами медицинских медсестер и 995 центрами медицинской помощи для граждан. Мы призывали медицинский персонал, работающий за границей, вернуться домой, в Ирак, набирали местных, иракских, врачей и медсестер, готовили новых медицинских работников и в конечном итоге возложили контроль над этим на новое министерство здравоохранения Ирака.

Самое сложное заключалось в планировании политического устройства страны после Саддама. Кто-то из администрации предложил, чтобы мы немедленно передали власть лицам, депортированным из Ирака. Эта идея мне не понравилась, поскольку изгнанники имели тесные связи в Вашингтоне, а я отчетливо понимал, что первым послевоенным лидером Ирака должен быть кто-то, избранный народом. Я помнил опыт Британии в Ираке в 1920-х годах, когда по ее воле королем Ирака стал Файсал, человек «неиракского происхождения», поэтому он был воспринят как незаконный ставленник Британии, и это назначение вызвало возмущение и нестабильность в стране. Мы не собирались повторять подобную ошибку.

Другой существенной проблемой было обеспечение безопасности в стране после Саддама. Некоторые разведывательные данные предсказывали, что большая часть армии и полиции Саддама переметнется сразу же, как только будет свергнут режим. Высшему командованию – тем, чьи руки запятнаны кровью невинных людей, – приглашение к сотрудничеству не полагается. Но чтобы сформировать новую армию и полицию Ирака, мы могли привлечь другие силы Саддама.

В январе 2003 года я издал президентский указ, *NSPD 24*, о создании нового отдела по восстановлению и гуманитарной помощи. На него возлагались обязанности претворить наши планы в действие. Отдел был расположен в Пентагоне, так что наши гражданские шаги в Ираке будут осуществляться по той же командной цепочке, что и военные действия. Отдел возглавил Джей Гарнер, назначенный Доном Рамсфелдом, отставной гене-

рал, координировавший военную помощь на севере Ирака в 1991 году. Он набрал кадровый состав штатских экспертов из правительства, готовых к переезду в Багдад.

Благодаря тому что у нас был план действий и кадровый состав, я понимал, что мы хорошо подготовились, но наши возможности по строительству нового государства были ограниченны, и никто не знал наверняка, что еще может понадобиться.

У военных в ходу старинная поговорка: «Ни один план сражения не выдерживает первого столкновения с врагом». Как показал опыт в Ираке, это было вдвойне правдой, касающейся планирования послевоенного устройства общества.

К марту 2003 года военный план был готов. После более года проб и ошибок Томми Фрэнкс и его команда разработали операцию, которая, как я был уверен, сбросит Саддама Хусейна быстро и решительно, с минимальными потерями с обеих сторон, как американской, так и иракской. Единственное сомнение касалось поведения Турции. Месяцами мы уговаривали Турцию предоставить доступ на ее территорию, чтобы мы могли послать пятнадцать тысяч войск четвертой пехотной дивизии в Ирак с севера. Мы обещали обеспечить экономическую и военную помощь Турции в причастности к ключевым программам Международного валютного фонда и поддержать вхождение Турции в Европейский союз.

С одной стороны, казалось, что мы можем рассчитывать на разрешение наших действий со стороны Турции. Кабинет премьер-министра Абдуллы Гюль подтвердил нашу просьбу. Но когда 1 марта в турецком парламенте состоялось финальное голосование, оказалось, что дело обстоит иначе. Я был удручен и расстроен. По одному из самых важных наших требований, которые мы когда-либо предъявляли, Турция, наш союзник по НАТО, подвела Америку.

Дон и Томми дислоцировали четвертую пехотную дивизию в восточном Средиземноморье, откуда ее можно будет перебросить в Турцию, в случае, если их парламент изменит свое решение. В противном случае возможно вторжение через Кувейт. Мы также планировали развернуть тысячу десантников 173-го военно-воздушного десантного полка на курдской территории

на севере Ирака. Это был не тот путь, который мы задумывали. Однако, по крайней мере, у нас был плацдарм для открытия северного фронта.

На юге у нас было более 150 тысяч американских войск на границе с Ираком плюс 90 тысяч в районе Залива. Я абсолютно четко дал понять, что в случае необходимости мы используем эту силу. Мы бы и вынуждены максимально применить силу во имя демократии. Военный и дипломатический пути пересеклись. Выбор между войной и миром мог сделать только Саддам Хусейн.

Месяцами Совет Национальной безопасности встречался практически ежедневно по вопросу Ирака.

Я знал, на чем настаивали мои советники. Дик Чейни был озабочен являющимся дипломатическим процессом. Он предупреждал, что Саддам Хусейн может использовать это время для производства оружия, его сокрытия или организации нападения. На одном из наших еженедельных ленчей в ту зиму Дик прямо спросил меня: «Вы собираетесь разбираться с этим парнем или нет?» Так он давал понять, что считает, что мы затянули с этим дипломатией. Мне импонировал прямой совет Дика. Я ответил ему, что пока не готов к действиям. «О'кей, господин президент, воля ваша, — сказал он, и потом, мягко улыбнувшись, произнес одну из своих любимых фраз: — Вот почему они платят вам такие большие баксы».

У Дона Рамсфелда сомнений не было. Он уверил меня, что военные будут готовы, как только я отдам приказ. Он также предупредил, что мы не можем держать 15 тысяч войск постоянно на иракской границе. Материально-технического обеспечения не хватает на столь многочисленные силы. Нанотехнического обеспечения не хватает на столь многочисленные силы. Нам станет момент, когда вся эта конструкция потеряет свою силу, так как Саддам решит, что мы не настроены решительно на открытие военных действий.

Конди старалась держаться нейтрально на встречах NSC, а свое мнение высказывала лично мне. Она была сторонницей инспекций. Но после встречи с Бликс и его командой она убедилась, что Саддам будет только увиливать и ничего не делать. Она нехотя признала, что единственный путь заставить ООН подписать резолюцию — начать военные действия.

У Колина были серьезные замечания. В начале 2003 года он заявил мне с глазу на глаз, что верит в возможность нашего воздействия на Ирак дипломатическим путем. Он также сказал мне, что его не совсем устраивает план войны. Меня это не удивило. Операция, спланированная Томми Фрэнком

сом, задействует около трети от числа войск, участвовавших в войне в Заливе. Это существенно расходилось с мнением о том, что Америка может выиграть войну только с использованием больших и внушительных сил — известным как Доктрина Пауэлла.

Мне было приятно, когда Колин сказал мне, что он поделился своими сомнениями с Томми. Колин был председателем Объединенного комитета начальников штабов во время операции *Буря в пустыне*, поэтому я был уверен, что Томми воспримет его мнение серьезно. Пока я все еще рассчитывал, что дипломатия сработает, однако сказал Колину, что, вероятно, мы скоро достигнем той точки, когда останется лишь одно — военное вторжение. Никто из нас не хотел войны, но я спросил, поддержит ли он военные действия в качестве последнего средства. «Если это то, что вам необходимо сделать, то я с вами, господин президент», — сказал он.

В воскресное утро 16 марта я поднялся на борт президентского самолета для перелета на Азорские острова, территорию Португалии, что было приблизительно в двух третях пути от Вашингтона до Лиссабона. Я возглавил внеочередной саммит, касающийся эффективности дипломатической стратегии в отношении Ирака. На встрече присутствовали Тони Блэр, Хосе Мария Азнар и премьер-министр Португалии Хосе Барросу. Поскольку французы, немцы и русские противились принятию вторичной резолюции в ООН, а мексиканцы и чилийцы не желали голосовать «за», собравшиеся пришли к решению, что дипломатическая стезя заканчивается, и запланировали отзыв второй резолюции из ООН утром в понедельник. В тот вечер я дал Саддаму Хусейну и его сыновьям сорок восемь часов для того, чтобы покинуть страну — это была последняя возможность избежать войны.

Решающее голосование для Тони в парламенте должно было прийти во вторник. Он мне сказал, что уйдет в отставку, если оно не пройдет, что означало бы выход Великобритании из военной коалиции. Я никогда не предполагал, что буду так ждать голосования в Британском парламенте, оставив премьер-министра в одиночестве спланировать ряды лейбористской партии. Мы обменялись рукопожатиями с другом и его командой и покинули саммит. «Я надеюсь, мы еще увидимся», — сказала Конди по пути к самолету.

Домой летели долго и спокойно. После того как столько времени было потрачено на планирование и ожидание, наконец настал долгожданный момент — если Саддам не покинет страну, мы начнем войну через три дня.

Я был очень расстроен, что дипломатический путь не принес успеха, но я дал обещание народу Америки, нашим союзникам и всему миру, что мы заставим ООН принять резолюцию, и не собирался нарушать свое слово.

Месяцами я спрашивал совета, выслушивал различные мнения и взвешивал контраргументы. Кое-кто полагал, что мы сможем обуздать Саддама присутствием инспекторов в Ираке. Но я не понимал, как это может сработать. Если мы скажем Саддаму, что у него есть еще один шанс, — у него уже был последний шанс, — мы потеряем доверие к себе и только вдохновим его.

Другие предполагали, что угроза была не столь серьезной, как мы думали. Им было легко говорить об этом. Они не отвечали за безопасность в стране. Я вспомнил мучительную боль 11 сентября, вызванную неожиданным нападением. На этот раз предупреждение звучало, как вой сирен. Годы расследований явно указывали на то, что у Саддама есть ОМП. Он уже когда-то его использовал и сейчас не собирался выполнять свои обязательства по его уничтожению. Он отказался сотрудничать с инспекторами, даже когда угроза вторжения была на пороге.

Напрашивался единственный вывод: он прятал ОМП. Учитывая его поддержку террора и неизменную ненависть к Америке, было непонятно, где и когда это оружие будет применено.

Некоторые утверждали, что истинным интересом Америки был контроль над иракской нефтью или ублажение Израиля. Эти теории были ложью. Я посылал наши войска на войну для защиты народа Америки.

Я знал, что цена будет высокой. Но и бездействие тоже имело свою цену. При всем том, что мы знали, позволить Саддаму остаться у власти было очень рискованно. Я бы согласился поспорить, если бы ошибалось главное разведывательное управление или Саддам изменил свою точку зрения. После того как я видел ужас 11 сентября, я не мог не воспользоваться шансом. Военные действия — мое последнее средство. Но я верил в его необходимость.

На следующий день, в понедельник, 17 марта 2003 года посол Джон Негропonte отозвал вторую резолюцию из ООН. В тот вечер я обратился к народу из *Кроу-холла Белого дома*. «Совет Национальной безопасности ООН не хочет брать на себя ответственность, поэтому мы берем ее на себя», — сказал я. — Саддам Хусейн и его сыновья должны покинуть Ирак в течение сорока восьми часов. Их отказ выполнить это предписание превратится в военный конфликт, начиная с момента окончания указанного срока».

На севере Ирака военно-воздушный десант захватил ключевые пункты транзита и помог построить воздушный коридор для военных поставок и гуманитарной помощи. С помощью курдов лагерь Заркави был уничтожен. На западе Ирака в пустыне патрулировали американские, британские и австралийские спецподразделения, разыскивая установки Скард, чтобы лишить возможности Саддама атаковать Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль и других союзников в регионе.

К концу второй недели наши войска достигли окрестностей Багдада. Они прошли через ослепляющие песчаные бури и обжигающую жару, неся на себе тяжелые средства защиты от биологической и химической атак, которых мы опасались. Они столкнулись с ожесточенным сопротивлением местных сил Саддама, нападавших из гражданских транспортных средств и прятавшихся за «живыми» щитами. Однако это был самый быстрый бросок бронетанковых сил в военной истории. По пути военные раздавали детям конфеты, лекарства и рисковали жизнью, защищая простых граждан Ирака.

4 апреля сержант Пол Рей Смит и его команда патрулировали территорию у багдадского аэропорта. Республиканская гвардия Саддама напала на них из засады, ранив нескольких солдат сержанта Смита. Без прикрытия, под огнем противника сержант Смит встал к пулемету и продолжал стрелять до тех пор, пока не был убит. В армейском послевоенном отчете сказано, что он уничтожил пятьдесят вражеских солдат и спас жизни более сотни американцев. За свой героический поступок Пол Рей Смит стал первым солдатом в войне с террором, получившим медаль Почета. В апреле 2005 года в Белом доме я вручил медаль его вдове Биргит и юному сыну.

На следующий день после гибели сержанта Смита, защищавшего аэропорт, в Багдад вошла третья пехотная дивизия. Первая дивизия морских пехотинцев подоспела через два дня. На совещании NSC утром 9 апреля Томми Фрэнкс доложил, что столица Ирака может пасть в любой момент. Следующее утро я провел с президентом Словакии Рудольфом Шустером. Его молодая страна, одна из сорока восьми демократических стран, завершившая в своей военной и материально-технической поддержке в иракской войне, развернула подразделение, натренированное на отражение последствий атаки ОМП. У президента Шустера навернулись слезы на глаза, когда он говорил, что считает помощь в освобождении Ирака своей национальной гордостью. Я вспоминал об этом, когда слышал, как критики сме-

ялись на то, что Америка действовала в одностороннем порядке. Дождался обвинения очерняло наших союзников и бесило меня.

Когда закончилась встреча, Дэн Барглетт порекомендовал мне посмотреть телевизионную трансляцию. В Овальном кабинете телеэкрана не было, поэтому мне пришлось выйти в приемную. Я увидел толпу жителей Багдада на Фирдос-сквер, которые веселились, в то время как техника морских пехотинцев крушила сорокафутовую статую Саддама.

В течение двадцати дней я находился в напряжении, теперь же был переполнен чувством гордости и облегчения, хотя меня беспокоили проблемы, которые предстояло решить в первую очередь. Силы Саддама до сих пор контролировали районы северного Ирака, включая его родной город Тикрит. Там находились очаги сопротивления из числа безжалостных бойцов БААС под названием «Саддам Федейин» («Смертники Саддама»). Саддам и его сыновья бежали. Как я сказал Хосе Марии Азнару, когда позвонил ему, чтобы поделиться новостями: «Нам еще рано праздновать победу».

Я решил действовать согласно своему видению ситуации. Томми Фрэнкс чувствовал, как важно было показать, что начался новый этап войны. Для этого я решил произнести речь на борту авианосца США «Авраам Линкольн», который возвращался домой после десяти месяцев плавания. Пять тысяч моряков, летчиков и морских пехотинцев на борту авианосца поддерживали операции, как в Афганистане, так и в Ираке.

1 мая 2003 года я занял кресло в военном самолете, впервые за более чем тридцать лет.

Военно-морской пилот Скотт Зеллем, с позывными Z-Man, проинформировал меня по вопросу безопасности на базе морских военно-воздушных сил в Сан-Диего. Командующий Джон «Skip» Lussier, блестящий пилот, совершивший более пятисот посадок самолетов, поднял наш «Викинг» S-3B в небо. В какой-то момент он передал мне штурвал, и я управлял самолетом над Тихим океаном в течение нескольких минут. Я потерял равновесие, однако после нескольких минут тряски все стабилизировалось. Командующий мудро взял на себя управление самолетом при приближении к авианосцу. Он направил самолет на палубу и поймал тормозящий трос.

На борту «Линкольна» я встретился с экипажем судна, совершавшем чудеса при взлетах и посадках в зоне катапультирования, и обедал вместе с моряками и морскими пехотинцами. «Дорогие мои друзья, американцы...»

я обратился к ним. — Главные военные операции в Ираке закончились... Переход от диктатуры к демократии займет время, но это стоит наших усилий. Коалиция будет существовать до тех пор, пока мы не добьемся успеха. Мы вернемся домой только тогда, когда освободим Ирак».

Я не заметил большой баннер на капитанском мостике, который вывесили для телевизионной съемки мои люди. Надпись на нем гласила: «Миссия выполнена» — благодарность экипажу «Линкольна», совершившего самый длительный поход для авианосцев своего класса. Вместо этого баннер почему-то стал ассоциироваться с «танцем победителя» — с тем, против чего я выступал в своей речи — и стал условным обозначением критики всего того, что впоследствии в Ираке пошло не так. Таким образом, несмотря на то что моя речь проясняла, что наша работа была далека от завершения, все объяснения в мире не могли опровергнуть это восприятие. Наша режиссура этого события оказалась неверной, и это было большой ошибкой.

Когда Саддам лишился власти, нашей главной целью стала помощь народу Ирака в строительстве демократии, которая могла сама себя обеспечивать, самостоятельно править, защищаться и быть союзником в борьбе с террором. Цель была амбициозной, но я был оптимистом. Многое из того, с чем мы предполагали столкнуться и что нас волновало еще до войны, так и не произошло. Не было никакой Багдадской крепости, никаких обширных пожаров нефтяных месторождений, никакого повального голода, резни мирных граждан Саддамом или атаки на наши войска с использованием ОМП и никаких терактов в Америке или на территории ее союзников.

Но возникла ситуация, к которой мы не были готовы.

В течение нескольких недель после освобождения в Багдаде начался разгул беззакония. Я был в ужасе при виде мародеров, тащивших ценные артефакты из национальных музеев Ирака, читал отчеты о похищении людей, убийствах и изнасилованиях. Частично это можно было объяснить тем, что незадолго до начала войны Саддам освободил десятки тысяч преступников. Но причины проблемы таились глубже. Саддам так извратил психологию своего народа, что мы не могли этого понять. Подозрительность и страх, которые он насаждал десятилетиями в своих людях, вышли на поверхность.

«Что, черт возьми, происходит? — не выдержал я во время совещания NSC в конце апреля. — Почему никто не останавливает этих мародеров?»

Если сформулировать проблему кратко, то в Багдаде не хватало людей в силовых структурах. Армия разбежалась, а иракская полиция находилась в коллапсе после падения Саддамовского режима. По договоренности с Турцией большое количество американских войск, освободивших Багдад, были задействованы в освобождении севера страны. Разруха, произошедшая в самые первые дни, привела к проблемам, на решение которых требовались годы. Жители Ирака искали того, кто мог бы защитить их. Провалив обеспечение безопасности в Багдаде, мы упустили шанс показать, на что мы были способны.

Отсутствие безопасности сопровождалось политическим вакуумом. Я решил назначить американского руководителя для обеспечения порядка, пока мы займемся созданием законного правительства. Эта идея возникла внутри коалиционного временного управления, созданного по решению ООН и возглавляемого выдающимся офицером внешней разведки и экспертом по борьбе с терроризмом послом Бремером.

Джерри сразу же мне понравился. Он был явным лидером, разделявшим мое убеждение, что народ Ирака способен к демократии. Он знал, что на написание конституции и подготовку к выборам уйдет время. На одной из наших первых встреч он поведал мне, что изучил опыт предыдущих послевоенных операций и считает, что нам необходимо большее количество войск в Ираке.

Я запросил Дона Рамсфелда и военное руководство. Они уверили меня, что войск достаточно, поскольку ожидали прибытия новых сил из стран коалиции и считали, что мы могли бы достаточно быстро и должным образом подготовить армию и полицию Ирака. Они также были уверены в разном подходе к национализму в Ираке и предсказывали проявление насилия после оккупации страны.

Я принял к сведению мнение Дона и военных. Хаос и насилие, увиденные нами, были вопиющими, но это было только начало. Ситуация напомнила мне первые трудные дни в Афганистане. Я не стал отказываться от нашего плана, решив воспользоваться шансом, в надежде, что он сработает.

Бремер прибыл в Ирак 12 мая 2003 года. Одной из его первоочередных задач было собрать Правящий Совет Ирака, который возьмет на себя от-

ответственность за выдвижение ключевых министров и подготовку к официальному возврату суверенитета. В тот период политика Ирака – клановая, религиозная и этническая – была чрезвычайно сложна. Но Джерри и его команда выполнили сверхзадачу. Правящий Совет занял кабинет в июле, через четыре месяца после освобождения. Он состоял из 25 жителей Ирака разных социальных слоев. Стране предстоял еще долгий путь к цивилизации, но первый шаг в сторону полномочного правительства был уже сделан.

Формирование Правящего Совета было важным способом демонстрации того, что тирания Саддама исчезла навсегда. Подразумевая это, Джерри, приехав в Багдад, издал сразу же два приказа. Один провозглашал, что определенные члены партии БААС не могут входить в новое правительство Ирака. Другой – официально распускал армию Ирака, которая уже и так разбежалась.

В некотором роде приказы достигли своих целей. Иракские шииты и курды – большинство населения – приветствовали полное освобождение от Саддама. Но приказы имели психологическое воздействие, которое я не предвидел. Многие сунниты восприняли их как знак того, что у них теперь не будет будущего в Ираке. Особенно это было опасно в армии. Тысячам военных объявили, что они больше не нужны, и, вместо того чтобы начать военную службу на новых началах, многие затеяли мятеж.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мне следовало больше настаивать на дебатах по обсуждению приказов Джерри, особенно как именно сообщить о роспуске армии и каким будет сопротивление суннитов де-Баасификации. С точки зрения находящегося в долговременном изгнании Ахмеда Чалаби, влияние программы де-Баасификации оказалось намного сильнее, чем мы ожидали, поскольку она распространялась на средний класс, членов партии и учителей. Однако в любом случае нам было необходимо издать приказы с жесткими требованиями, так как любая альтернатива могла привести к созданию новых проблем. Если бы шииты сделали вывод, что у нас нет серьезных намерений по поводу окончания эры партии БААС, они могли восстать против коалиции, выступить против объединения демократических сил Ирака и переориентироваться на Иран.

Невозможно было знать наверняка, что произойдет, но дискуссии лучше бы подготовили нас к тому, что случилось впоследствии.

В течение лета ухудшилась ситуация по безопасности. Ирак стал центром притяжения экстремистов – мятежников из партии БААС, «Смертников Саддама», иностранных террористов, спешивших с Аль-Каидой, и позже боевиков-шиитов и агентов Ирана. У этих групп была разная идеология, но цель у них была одна: вытеснить Америку из Ирака. Они знали, что никогда не победят наши войска в открытом бою, поэтому они минировали дороги и нападали на незащищенные объекты, такие, как посольство Иордании и комплекс ООН в Багдаде. Еще одним методом стало похищение строительных рабочих и использование их в отвратительных видео в Интернете. Цель их стратегии – показать Ирак беспомощным и проигравшим, настроить общественное мнение американцев против войны и заставить нас вывести войска, как это было во Вьетнаме.

В какой-то степени им удалось это сделать. Просто американцу было трудно отличить извращенных террористов от миллионов обычных иракцев, благодарных за освобождение. Мы старались транслировать хорошие вести – относительное спокойствие у курдов на севере и шиитов на юге, восстановление школ и больниц, подготовка новой армии Ирака. Но в глазах прессы – и, таким образом, общественности – ни одно из этих мирных достижений не могло соперничать с взрывами и обезглавливаниями.

В начале июля один журналист задал мне вопрос по поводу нападений на наши войска. «Есть те, кто считает, что могут силой повлиять на наше решение покинуть территорию страны преждевременно, – сказал я. – Поэтому мой ответ таков: мы остаемся».

Каждый раз, когда я говорил об Ираке, меня слушала разношерстная публика, при этом каждый судил о происходящем со своей позиции. Я делил четыре категории слушателей.

Первая – американцы, – их поддержка была существенной в финансировании и при ведении военных действий. Я верил, что большинство из них хочет победы в Ираке. Но если цена покажется слишком высокой или победа слишком далекой, они могут устать. Для меня было важно укрепить веру в важность нашего дела и решимость победить.

Вторая категория слушателей – наши войска. Это были добровольцы, рискующие жизнью вдали от дома. Им и их семьям необходимо было знать,

что я в них верю, уверенно защищаю их миссию и что при принятии решений военного характера не будет никаких политических подоплек.

Третья – сами жители Ирака. Некоторые хотели, чтобы мы ушли, но я был убежден, что большинство хочет, чтобы мы остались надолго, для помощи в строительстве демократического общества. Было важно, что я объявил о моем решении закончить начатое дело. Если жители Ирака заподозрят нас в том, что мы хотим оставить их, они обратятся за защитой к другим источникам.

И, наконец, последняя категория слушателей – наш враг. Они считали, что их акты жестокости повлияют на наши решения. Я прояснил, что этого не будет.

Мое замечание, что «нас никто не остановит», намеренно подчеркивало уверенность в наших войсках и говорило о том, что врагу не удастся поколебать нашу волю. Но шквал критики показал, что я оставил неверное впечатление у всех остальных слушателей. В последующие годы, уже на собственном опыте, я сделал вывод, что больше внимания следует уделять тому, как надо общаться с разного рода публикой.

К осени 2003 года Международная коалиция в Ираке состояла из наземных войск тридцати стран, включая две многонациональные дивизии, возглавляемые Великобританией и Польшей, и материально-техническую поддержку из других стран. Коалиционные силы обнаружили камеры пыток, помещения, где совершалось насилие, и массовые захоронения. Они нашли также склад с современными комплектами химзащиты и шприцами с антидотом против VX нервно-паралитического действия. Но они не обнаружили у Саддама запасов биологического и химического оружия, в наличии которых не сомневались ведущие разведки всего мира.

Когда Саддам не применил ОМП на наших войсках, я почувствовал облегчение. Когда мы не нашли запасов сразу после освобождения Багдада, я был удивлен. Когда в течение всего лета ничего не было обнаружено, я встревожился. Пресса не переставала задавать вопрос: «Где ОМП?»

Меня спрашивали о том же. Военные и разведка уверяли меня, что они не перестают искать. Они проверили тайники, используемые Саддамом во время войны в Заливе. Они собирали данные и несли главную ответственность.

ЦРУ узнало, что с моста в Ефрат были сброшены большие канистры. Туда отправили водолазов. Те ничего не нашли. Высочайший чиновник из Арабских Эмиратов принес чертежи туннелей, где, как он полагал, Саддам прятал оружие. Мы изрыли там землю. Ничего.

Джордж Тенет пригласил Дэвида Кея, главного инспектора ООН по вооружению в Ираке в 1991 году, возглавить новую команду экспертов. Кей провел тщательный поиск в Ираке и нашел неопровержимое доказательство, что Саддам врал всему миру и нарушил резолюцию 1441. «Программа ОМП в Ираке проводилась более двух десятилетий. Она вовлекла тысячи людей, миллиарды долларов и была тщательно защищена системой безопасности и мнимыми операциям, проводимыми даже после окончания военных действий по освобождению Ирака», – заявил он Конгрессу в октябре 2003 года. Однако было то единственное, что Кею не удалось найти – непосредственно сами запасы ОМП, чего все так ждали.

Левые уже подсмеивались над ставшей притчей во языцех: «Буш прет, народ мрет!» В их словах не было никакой логики. Если бы я хотел ввергнуть народ в войну, то зачем мне подхватывать голословное утверждение, которое будет публично опровергнуто сразу же после нашего вхождения в страну? К тому же смысл был неверен. Члены предыдущей администрации: Джон Керри, Джон Эдвардс и огромное большинство в Конгрессе – все читали те же самые разведывательные данные, что и я, и все они сделали вывод, что у Ирака имелось ОМП. Так же вели себя и все разведывательные агентства в мире. Никто не врал. Мы все ошибались. Отсутствие запасов ОМП не повлияло на тот факт, что Саддам по-прежнему представлял собой угрозу. В январе 2004 года Дэвид Кей сказал: «Было резонно делать вывод, что Ирак расценивался как неотвратимая угроза... Все, что нам удалось выяснить в ходе проверки, только представило Ирак более опасным потенциально, по сравнению с нашими ожиданиями в довоенный период».

Однако я знал, что неудача в плане обнаружения ОМП повлияет на отношение общества к войне. Если с уходом Саддама в мире, безусловно, стало безопаснее, в реальности оказывалось, что я послал американцев на войну, основываясь на большом количестве разведывательных данных, которые оказались ложными. Это был мощный удар по нашему имиджу – которому оказались ложными. Это было поколебать уверенность в нас народа Америки.

Никто больше меня не был так шокирован и зол, когда мы не нашли оружие. Каждый раз при этой мысли я чувствую боль. До сих пор.

Несмотря на то что война в Ираке оказалась намного тяжелее, чем я ожидал, я все равно оставался оптимистом. Меня вдохновляли храбрость ста тысяч жителей Ирака, добровольно вступивших в ряды сил безопасности, лидеры, которые заняли места убитых членов Правящего Совета, и простые люди, стремящиеся к свободе.

Ничто и никто не придавал мне такой уверенности, как наши войска. Благодаря им к концу 2003 года были пойманы или уничтожены большинство высокопоставленных членов саддамовского режима. В июле мы получили разведывательные данные, что оба сына Саддама находились на территории Мосула в северном Ираке. Объединенный отряд 101ST полка воздушно-десантных сил спецвойск под командованием генерала Дэвида Петрэуса осадили здание, в котором прятались сыновья Хусейна — Удей и Кусей. После шестичасовой перестрелки оба были мертвы. Позже мы получили разведанные, что в ответ на смерть своих сыновей Саддам приказал убить Барбару и Дженну.

Два дня спустя после падения Багдада мы с Лорой посетили военно-медицинский центр Вальтера Рида в Вашингтоне и Национальный военно-морской медицинский центр в Бетесде. Мы встретились с почти сотней раненых военнослужащих и их семьями. Некоторые были из Афганистана, многие — из Ирака. Увидеть на кроватях последствия отсылки американцев на войну было душераздирающим зрелищем. Утешало одно — то, что я знал, — они получают первоклассную медицинскую помощь со стороны опытных и чутких профессионалов, работающих в системе военной медицины.

В медицинском центре Вальтера Рида я встретил члена команды «Дельта», одного из наших элитных подразделений сил особого назначения. По понятным причинам я не могу назвать его имя. Он потерял нижнюю часть ноги. «Я благодарю вас за службу, — сказал я, пожимая его руку. — Мне очень жаль, что вы ранены».

«Не надо меня жалеть, господин президент, — ответил он. — Только дайте мне другую ногу, чтобы я мог вернуться в строй».

В Национальном военно-морском медицинском центре я встретился с семидесятилетним старшиной морской пехоты Гваделупе Деногина. Его ранено несколькими неделями ранее, когда ракета попала в его броне-

транспортёр. В результате взрыва ему снесло часть черепа и оторвало правую руку; осколками его ранило в верхнюю часть спины и в ноги, у него лопнули барабанные перепонки.

Когда Гваделупе спросили, есть ли какие-нибудь просьбы, он сказал, что у него их две. Он попросил продвижение по службе для капрала, который спас ему жизнь, и хотел получить гражданство Америки. После 11 сентября я издал приказ, по которому все иностранные соотечественники, несущие военную службу, имеют право на немедленное получение гражданства.

Гваделупе прибыл в Соединенные Штаты из Мексики еще ребенком. Он занимался сбором фруктов, помогая своей семье зарабатывать на жизнь, пока в возрасте семнадцати лет не вступил в ряды морской пехоты. После службы в течение двадцати пяти лет — участвуя в двух войнах в Ираке — он захотел, чтобы флаг страны, под которым он сражался, стал и его флагом. В тот день в госпитале мы с Лорой посетили церемонию принятия гражданства, проводимую директором Бюро по делам гражданства и иммиграционным услугам Эдуардо Агирре. Гваделупе поднял правую перебинтованную руку и произнес клятву гражданина.

Чуть позже за ним последовал младший капрал морской пехоты филиппинец О. Д. Санта-Мария. Ему было двадцать один год, и он получил серьезное ранение в Ираке. Он был подключен к аппарату внутривенного переливания крови. Во второй половине церемонии капрал разрыдался и с трудом закончил присягу. Я с гордостью произнес: «Мои дорогие американцы».

Осенью 2003 года Энди Кард спросил, интересна ли мне поездка в Ирак, чтобы выразить благодарность войскам? «Держу пари, что да», — подытожил он.

Риск был велик. Однако заместитель директора по персоналу Джо Хагин, работавший с секретной службой и военным кабинетом Белого дома, намеревался справиться с задачей, несмотря на все трудности. За неделю до Дня Благодарения я должен был отправиться в Кроуфорд и объявить в прессе, что намерен остаться дома на все праздники. Потом, в среду ночью, я должен был выскользнуть с ранчо и улететь в Багдад.

За несколько недель до поездки я рассказал об этом Лоре. Я уверил ее в том, что, если информация об этом просочится, я прерву поездку. Барбаре

и Дженне я сказал о поездке за полчаса до отъезда. «Мне страшно, папа, – откликнулась Барбара. – Береги себя и возвращайся домой».

Конди и я сели в «Субурбан» без опознавательных знаков, направились в аэропорт. Соблюдая инкогнито, мы ехали без кортежа. Я уже было забыл, что такое «пробки» на дорогах, но поездка накануне Дня Благодарения оживила мои воспоминания.

Мы пробирались одни, оставив специальную машину, полную агентов антитеррористической службы, и вовремя успели на президентский самолет. Точность была важна. Нам необходимо было приземлиться в Багдаде после заката солнца.

Мы летели из Техаса на военную базу Эндрюс, где пересели на точную копию президентского самолета и отправились в Ирак. На борту самолета был основной персонал – военные, работники секретной службы и пресса, поклявшаяся соблюдать секретность. Мне удалось вздремнуть во время перелета, длившегося десять с половиной часов. К моменту приближения к Багдаду я принял душ, побрился и прошел в кабину понаблюдать за посадкой. Полковник Марк Тиллман держал все под контролем. Ему я доверял полностью. Как Лора часто повторяла, «этот Марк всегда сможет посадить самолет».

Когда солнце зашло за горизонт, я смог различить минареты на фоне багдадского неба. Сверху город казался безмятежным. Но мы знали о существовании ракет «земля–воздух». Пока Джо Хагин уверял нас, что военные расчистили широкий периметр вокруг международного аэропорта Багдада, настроение на борту самолета было тревожным. Когда мы заходили на посадку по крутой дуге при низкой облачности, некоторые штатные сотрудники сбились в кучу, произнося молитву. В последний момент полковник Тиллман выровнял самолет и коснулся взлетной полосы, даже не вспотев.

В аэропорту меня ждали Джерри Бремер и генерал Риккардо Санчес, главный мандующий наземными войсками в Ираке. «Добро пожаловать в свободный Ирак», – приветствовал Джерри.

Мы вошли в столовую, где шестьсот солдат собрались на обед в День Благодарения. Предполагалось, что Джерри будет почетным гостем. Он объявил, что у него есть праздничное послание президента войскам. «Давайте посмотрим, есть ли у нас здесь кто-нибудь поважнее...» – произнес он.

Это был знак мне. Я вышел из-за занавеса на сцену битком набитого зала. Многие изумленные военнослужащие колебались какое-то время, затем раздалось оглушительное «Ура!» и другие приветственные крики. У многих слезы текли по щекам. Я был переполнен чувствами. Здесь были те, кто восемь месяцев назад по моему приказу освобождал Ирак. Многие участвовали в сражениях, видели смерть друзей. Я глубоко вздохнул и сказал: «Я привез вам сообщение от лица Америки. Мы благодарны вам за службу, мы гордимся вами, и Америка полностью на вашей стороне».

После моей речи я пообедал с военными и пошел в боковую комнату для встречи с четырьмя членами Правящего Совета, мэром Багдада и членами городского совета. Одна женщина, директор женской больницы, рассказала мне, насколько теперь у женщин больше возможностей, о чем они раньше даже и не мечтали при Саддаме. Я знал, что у Ирака много проблем, но поездка усилила мою веру в то, что они будут преодолены.

Самым опасным оставался вылет из Багдада. Нас предупредили, что нельзя зажигать свет и надо выключить телефоны, пока самолет не наберет высоту в десять тысяч футов. Я все еще был на эмоциональном подъеме, однако в тот момент, когда мы оторвались от земли и начали медленно набирать высоту в ночи, веселость сменилась зловещим чувством неуверенности.

После нескольких напряженных минут, когда мы оказались на безопасной высоте, я обратился к одному из операторов на борту самолета с просьбой соединить меня с Лорой. «Ты где?» – спросила она. «Я на пути к дому, – сказал я. – Передай девочкам, что все хорошо».

В голосе Лоры послышалось облегчение. Она, оказывается, слегка перепугала время и не могла вспомнить, буду я в воздухе в 10 утра или в полдень. В 10:15 она позвонила агенту секретной службы на ранчо и спросила, есть ли известия от президента Буша. «Сейчас посмотрю», – ответил агент.

Прошло несколько секунд, прежде чем она услышала: «Да, мэм. Они улетели полтора часа назад».

Лора поняла, что он говорил о матери и отце, которые собирались отметить День Благодарения с нами. «Нет, я имею в виду моего Джорджа», – уточнила она. Агент замешкался. «Нам известно, что он на ранчо, мэм».

Секретность соблюдалась настолько хорошо, что агенты на ранчо до последнего момента не знали, что я тайком совершил свою самую захватывающую поездку за время моего президентства.

В субботу, 13 декабря, позвонил Дон Рамсфелд. Он только что разговаривал с Джоном Абиизандом, который заменил Томми Фринкса после его ухода в отставку в июле. Генерал Джон был американцем ливанского происхождения, интеллектуалом, который говорил на арабском языке и хорошо знал Ближний Восток. Джон считал, что мы поймали Саддама Хусейна. Прежде чем объявить об этом всему миру, мы должны были быть в этом уверены на сто процентов.

На следующее утро Конди перезвонила мне, чтобы подтвердить данные. Его татуировка – три синие точки у запястья, символ его клана – была явной уликой. Я ликовал. Пленение Саддама было большой удачей наших войск и народа Америки. К тому же это стало облегчением и для народа Ирака, так как многие боялись его возвращения. Теперь стало ясно: эра диктатора ушла навсегда.

Спустя несколько месяцев четыре человека пришли ко мне в Белый дом. Они были членами группы «Дельта», поймавшей Саддама. Они рассказали мне, как они за ним охотились. Разведка высадила их на ферме рядом с родным городом Саддама Тикритом. Во время прочесывания территории кто-то обнаружил нору. Он залез туда и вытащил оттуда взклокоченного озверелого человека.

«Меня зовут Саддам Хусейн, – сказал тот. – Я президент Ирака, и я хочу провести переговоры».

«Вам привет от президента Буша», – ответил ему солдат.

У Саддама при себе было три вида оружия, включая пистолет, который ребята преподнесли мне в стеклянном футляре. Я сказал им, что этот подарок будет находиться в личном, а не в Овальном кабинете, а лучше – в президентской библиотеке. Пистолет будет напоминать мне, что жестокий диктатор, на котором было столько крови и страданий, был окружен нашими войсками, трусливо спрятавшись в норе.

Вспоминая об этом спустя семь лет после того, как американские войска освободили Ирак, я абсолютно уверен в том, что устранение Саддама от власти было правильным решением. Несмотря на все трудности, последовавшие

потом, Америке будет безопаснее без безумного диктатора, производившего разработку ОМП и поддерживающего террор в самом сердце Ближнего Востока. Региону намного лучше жить в условиях новой демократии, покаянием самым пример для подражания всем остальным. И народу Ирака лучше живется с правительством, которое его слышит, а не ищет, чтобы убивать.

Как мы и надеялись, освобождение Ирака имело резонанс и за его пределами. Спустя шесть дней после захвата Саддама, ливийский полковник Муаммар Каддафи – давний враг Америки и основной спонсор терроризма – публично признался, что занимался производством химического и ядерного оружия.

Он поклялся уничтожить программы ОМП вместе с соответствующими ракетами под строгим международным контролем. Возможно, это было случайным совпадением, но я не поверил этому.

Война также привела к последствиям, на которые мы не рассчитывали. Спустя годы я много думал о том, что пошло в Ираке не так и почему. Я сделал вывод, что мы совершили две ошибки, которые повлекли за собой многие неудачи, с которыми нам пришлось столкнуться.

Во-первых, мы не сразу и недостаточно активно отреагировали, когда появились первые признаки нестабильности ситуации в сфере безопасности после падения режима Саддама. Через десять месяцев после вторжения мы снизили количество войск с 192 тысяч до 109 тысяч человек. Мы беспокоились, что вызовем возмущение, если будем выглядеть как оккупанты. Многие из оставшихся войск сконцентрировались на подготовке армии и полиции Ирака, не защищавших народ страны. Мы верили, что сможем подготовить силы безопасности Ирака, чтобы они могли возглавить эту борьбу. Мы думали, что прогресс на пути к новой демократии, дающей разным слоям населения Ирака долю от полезных ископаемых в своей стране – это и был лучший путь к стабильной безопасности.

В этих предположениях была определенная логика – народ Ирака выберет жизнь в безопасности, а не антипатию к оккупации. Иронией войны была жесткая критика нас левыми и некоторыми членами международно-общества за то, что мы якобы хотели создать в Ираке империю. Мы к этому никогда не стремились. На самом деле мы настолько испытывали отвращение ко всему, что выглядело бы как империя, что сами себе усложнили задачу. В результате сокращения наших войск и сосредоточения на

подготовке жителей Ирака мы непреднамеренно позволили мятежникам воспользоваться моментом. Вскоре боевики Аль-Каиды слетелись в Ирак в поисках новых безопасных убежищ, что усложнило и сделало более значимой нашу задачу.

Слишком быстрое сокращение численности войск было наиболее существенной ошибкой во время военных действий. В целом нам удалось применить свою стратегию и справиться с проблемами, несмотря на всеобщее давление покинуть Ирак. Это заняло у нас четыре мучительных года, и прогресс шел очень медленно. Однако исторические задачи глобальнее – если демократия в Ираке просуществует еще пятьдесят лет, на эти четыре трудных года можно было бы взглянуть совершенно иначе.

Второй ошибкой были выводы нашей разведки относительно ОМП в Ираке. Даже спустя десятилетие трудно описать, насколько распространено было представление о наличии его у Саддама.

В это верили и сторонники войны, и ее противники, и даже сами жители Ирака. Мы все знали, что разведка никогда не уверена на сто процентов – такова природа этой отрасли. Но я считал, что в вопросе обладания Ираком ОМП на разведку можно полагаться. Если у Саддама его не было, почему тогда он не докажет это инспекторам ООН? В каждом прочитанном мною донесении говорилось, что Саддам не сдастся. Если он так хотел остаться у власти, зачем он ставит ее на кон, притворяясь, что у него есть ОМП?

Кое-что стало ясно после его захвата и допроса ФБР. Он сказал сотрудникам разведки, что его больше беспокоило показаться слабым перед своей страной, чем быть свергнутым коалицией. Он никогда не думал, что Соединенные Штаты выполнят обещания разоружить его силой. Я не знаю, что мог сделать еще, чтобы Саддам понял: я говорю то, что хочу сказать. Я назвал его частью «оси зла» в своем обращении к народу. Я выступал перед переполненной палатой ООН и обещал разоружить его силой в случае провала переговоров. Мы заявили о нем в единой резолюции Совета Безопасности. Мы искали и нашли внушительную поддержку в обеих Палатах Конгресса. Мы развернули 150 тысяч войск на его границе. Я уведомил его, что через сорок восемь часов мы начнем наступление. Что еще я мог сделать?

Правда и то, что Саддам получал разного рода сигналы со стороны Франции, Германии и России – и от всех тех, кто был против войны. Это не помогло. Однако война – не их вина. Существовал один человек, обремененный вла-

стью, который мог предостеречь войну, и он решил этого не делать. Из всех тех, кого Саддам обманул, самым обманутым оказался он сам.

Еще раньше я решил не критиковать грешных бивших, ответственных сотрудников ЦРУ за неверные сведения по Ираку. Я решил не повторять жестокого расследования в поисках виновных, которое разрушило моральный дух разведывательной службы в 1970-х. Но все-таки я хотел знать, почему я получал ложную информацию и как мы сможем в дальнейшем предотвратить подобные ошибки. Для изучения вопроса я назначил негласную комиссию, возглавляемую судьей Лари Зильберманом и бывшим сенатором от демократической партии Чаком Робинсом. В результате их расследования появились ценные рекомендации – такие, как улучшение сотрудничества между агентствами и открытый обмен мнениями – именно то, что сделает работу разведки надежней, не подрывая ее организованности, для будущих президентов.

Смысл истории в том, что нам известны лишь последствия действий, нами произведенных. Но и бездействие также приводит к определенным последствиям. Представьте себе, как выглядел бы мир, если бы Саддам до сих пор оставался у власти в Ираке. Он до сих пор продолжал бы угрожать своим соседям, спонсировал террор и складывал тела грудami в общие могилы. Повышение цены на нефть, которая скакнула с 30 долларов за баррель в 2003 году до приблизительно 140 долларов пять лет спустя, сделала бы Саддама еще богаче. Санкции, которые и так уже теряли силу, окончательно потерпели бы крах. У Саддама была инфраструктура и ноу-хау по производству ОМП. И как показал отчет Чарльза Дуелфера о результатах последней проверки оружия, «Саддам хотел воссоздать мощности производства ОМП... после того, как санкции будут сняты и экономика Ирака стабилизируется».

Осуществи Саддам свои планы, мир стал бы свидетелем гонки ядерных вооружений между Ираком и Ираном. Саддам мог бы обратиться к суннитской террористической группировке, подобной Аль-Каиде – брак по расчету, а не по идеологии, – как некой попытке противопоставить их ишиитской террористической группировке, подобной Хезболле. Вероятность того, что биологическое, химическое или ядерное оружие попа-

дет в руки террористов, возрастала. Давление на наших друзей в регионе особенно Израиль, Кувейт, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты — усилилось, и американцы были бы сегодня в большей опасности.

Вместо этого, в результате наших действий в Ираке, один из самых заклятых и опасных врагов Америки навсегда перестал угрожать нам. Самый беспокойный регион в мире лишился одного из самых больших источников зла и жестокости. Враждебные народы во всем мире увидели цену поддержки террора и производства ОМП. Спустя девять месяцев двадцать пять миллионов жителей Ирака перестали жить под гнетом диктатуры и не боялись теперь увидеть перспективы мирной, действенной демократии. В декабре 2003 года жители Ирака были еще далеки от этой мечты. Но у них был шанс, и это было уже кое-что по сравнению с тем, что они имели до этого.

Самые трудные дни войны были еще впереди. В январе 2004 года наши войска перехватили письмо от Заркави к руководству Аль-Каиды. Он писал о растущем давлении, которое он чувствовал, и о своем плане выживания. «Нам нужно бросить в бой шиитов, потому что это единственный способ продолжить борьбу между неверными и нами». Он поставил новую цель для джихада в Ираке — разжигание религиозной войны.

ГЛАВА 9

РУКОВОДСТВО

«Сегодня вечером в этом зале мы пришли к решению, что мы будем не правящей партией, а партией реформ и запишем не примечания, а целые главы в историю Америки. Мы добавим свой вклад в наследство наших предков и сделаем нацию более великой, чем прежде... Если вы окажете мне доверие, я почту это за честь. Предоставьте мне право, и я его использую. Дайте мне возможность возглавить страну, и я это сделаю».

Я процитировал слова, сказанные мною на съезде республиканской партии в 2000 году. Придя в политику, я принял решение, что буду противостоять проблемам, а не оставлять их решение новым поколениям. Я восхищался президентами, которые использовали свое время во власти для преобразований. Я учился у Теодора Рузвельта, который работал в Белом доме почти за сто лет до меня. Он принял на себя финансовые обязательства, построил мощный флот и положил начало консервативным преобразованиям. Я также учился и у Рональда Рейгана, который сочетал оптимистическое поведение с нравственной ясностью и уверенность в необходимости снижения налогов, укреплял военную мощь и давил на Советский Союз, несмотря на испепеляющую критику в период его президентства.

Одним из уроков, усвоенных мною у Рузвельта и Рейгана, был как руководить народом, не завися от опросов общественного мнения. Я решил продолжить реформы, а не сохранять статус-кво. Как я сказал своим советникам, «я занял эту должность, чтобы играть по-крупному».

Через две недели после переезда в Белый дом Лора и я провели наш первый вечер в Семейном театре. Он находился в цокольном этаже Белого дома, и в нем располагалось сорок шесть комфортабельных кресел и демонстрационный экран размером в девяносто три квадратных фута.

Ассоциация американских фильмов, годами руководимая неотразимым техасцем Джеком Валенти, благородно предоставила фильмы нашей семье. Нам никогда не приходилось ждать, когда их привезут.

На наш первый просмотр мы с Лорой выбрали «Тринадцать дней», фильм о том, как президент Кеннеди справляется с Кубинским ракетным кризисом. Выбор фильма оказался подходящим для нашего гостя сенатора Теда Кеннеди из штата Массачусетс.

На первый взгляд, у нас с Тедом было не так уж много точек соприкосновения. Он — либерал. Я — консерватор. Он вырос в Кейп-Коде, а я — в Западном Техасе. Он провел почти сорок лет на Кэпитол Хилл, а я же был новичком в городе.

Нас с Тедом объединяло, как говорила Лора, семейное прошлое. Мой дед Прескотт Буш представлял штат Коннектикут в Сенате; в то же самое время Джон Ф. Кеннеди был представителем от штата Массачусетс. Мы с Лорой были рады встретиться с женой Теда Вики и сыном Патрикком, конгрессменом от Род-Айленда, его племянницей Кетлин Кеннеди Таунсенд, вице-губернатором Мэриленда и ее дочерью Кейт.

Тед был дружелюбен, грациозен и полон жизни. У него был характерный акцент и знатное ирландское происхождение. Его легкая улыбка часто переходила в долгий искренний смех. По мере просмотра фильма я чувствовал себя причастным к истории, особенно в тех местах, где его братья разбирали кризисные ситуации в Западном крыле Белого дома.

Я пригласил Теда не только из-за фильма. Он был влиятельным представителем демократической партии в комитете Сената, занимавшемся вопросами образования, и дал понять, что его заинтересовали мои предложения по школьной реформе «Ни одного забытого ребенка».

Мы оба были в ужасе от результатов, полученных по государственным школам. В мире конкурентной глобальной экономики для хорошей работы были необходимы знания и умение. Но американские студенты катастрофически

отставали от своих сверстников по основным предметам. На международном математическом экзамене, среди двадцати одной страны, американские школьники старших классов обошли только Кипр и Южную Африку.

Часть проблемы заключалась в том, что миллионы детей переводились из класса в класс без проверки их знаний. Многие вышли из бедных семей и нацменьшинств. В 2000 году около 70 % четвероклассников из нищих семей не могли читать на требуемом уровне.

Приблизительно 40 % школьников из национальных меньшинств не смогли закончить четыре класса старшей школы. Как могло общество, обещающее равные возможности для всех, отыгрываться на своих самых нуждающихся гражданах? Начавшуюся в 2000 году кампанию я назвал «проблемой довольствоваться малым». Я обещал взяться за решение важных дел. Эта «проблема», безусловно, была одним из них.

В последующие годы дебаты о национальном образовании увязли в обсуждениях таких рядовых вопросов, как школьная форма и глупых призывов упразднить министерство образования. Успех часто измерялся потраченными долларами, а не достигнутыми результатами. Я вышел из мира, в котором подотчетность была основой жизненной реальности. В бейсболе любая заинтересованная сторона может развернуть газету, проанализировать вашу игру с позиций счета и потребовать замены. «Лучше подавай, Буш!» — звучало рефреном. Образование было намного важнее бейсбола, однако у большинства людей не было представления, как работали наши школы.

Как губернатор, я разработал закон, по которому школы ежегодно должны были тестировать знания учащихся и публично оглашать результаты. Закон также разрешал родителям переводить своих детей из неблагополучных школ. В период между 1994 и 1998 годами процент третьесортных школ вырос с 58 до 76 %. Закон распространялся и на представителей национальных меньшинств, которые успешно заполнили «пробелы» среди своих «белых сверстников».

Когда я стал президентом, то решил предложить федеральному законодательству ставить четкие цели — каждый ребенок должен обучаться чтению и математике в соответствии со своим возрастом, а школы — проводить тестирование по результатам обучения. По лозунгом: «Ни одного забытого ребенка» учителя будут тестировать учащихся по чтению и мате-

матике каждый год с третьего по восьмой класс и один раз в старших классах. Результаты должны быть вывешены на публичное обозрение, невзирая на расовую принадлежность, уровень дохода и другие различия. Информация позволит родителям и заинтересованным гражданам оценивать школы, учителей, программы. Школы, которые окажутся на уровне ниже стандарта, вначале получают дополнительную помощь, включая финансовую, чтобы учащиеся могли посещать дополнительные занятия после школы, как государственные, так и частные. Но если школы будут постоянно отставать и не делать соответствующих шагов к прогрессу, то их ждут последствия. Родители получают право переводить своего ребенка в лучшую школу, государственную или привилегированную. Принцип был ясен: нельзя решить проблему, пока не поставлен диагноз. Подотчетность и будет являться катализатором реформ.

Я подчеркивал значение программы «Ни одного забытого ребенка» на каждом мероприятии, включая *NAACP* конвенцию. Я говорил журналистам, что надеюсь прослыть «президентом реформы образования». То же самое я сказал Теду Кеннеди в тот вечер, когда мы смотрели «Тринадцать дней». «Не знаю как ты, но я люблю удивлять людей, — сказал я. — Давай покажем им, что Вашингтон еще способен делать дело».

На следующее утро в Овальный кабинет пришло письмо:

«Господин президент.

Вчера и за последние несколько дней Вы и миссис Буш были как нельзя более благородны и щедры по отношению к Вики и ко мне, а также к членам нашей семьи. Я весьма признателен за вашу заботу и внимание. Как и Вы, я хочу претворить в жизнь благородные намерения, особенно те, что касаются образования и здравоохранения. Возможно, у нас возникнут разногласия по одному-двум вопросам, однако я с нетерпением жду подписания важных документов в Розарии.

С наилучшими пожеланиями.
Тед Кеннеди».

Я линовал. Проект «Ни одного забытого ребенка» получал прекрасный шанс стать законом при поддержке «Сенатского льва». Это было началом моего самого необычного сотрудничества в Вашингтоне.

Тед Кеннеди был не единственным законодателем, кого я привлек. Через две недели моей работы в Кабинете я встретился с более чем 150 членами Конгресса от обеих партий. Я надеялся возобновить продуктивные отношения, которые наладил с Бобом Баллоком, Питом Ланей и другими законодателями из Техаса. Одна статья в газете гласила: «Если отношения между Конгрессом и Белым домом скоро испортятся, перейдя в привычно-озлобленные, нельзя будет винить президента Буша за отсутствие усилий с его стороны». В другой заметке говорилось, что я, «как любой современный глава исполнительной власти, обладаю "наступательным шармом"».

Как бы пресса ни назвала мою попытку, обе Палаты Конгресса вскоре приняли закон о программе «Ни одного забытого ребенка». К марту Комитет по образованию Сената завершил проект, который включал все основные элементы моего предложения. Следующей была Палата представителей. Джон Бейнер от штата Огайо, республиканец со стажем, председатель Комитета по образованию Палаты представителей, пошел на сотрудничество с конгрессменом Джорджем Миллером от Калифорнии, одним из самых либеральных членов Палаты, для создания единого законопроекта. Палата представителей приняла закон голосованием 384:45.

Процесс согласования законопроектов Палаты и Сената тянулся все лето. Когда к началу сентября Конгресс приступил к работе, для активизации дебатов я два дня посещал школы во Флориде. Лора впервые согласилась представить свои доводы на Кэпитол Хилл. Как учитель и библиотекарь, она была компетентна в вопросах образования. Ее появление было запланировано на 11 сентября 2001 года.

К исходу утра стало ясно, что не стать мне «президентом реформы образования». Я был «президентом войны». Всю осень я подгонял Конгресс к завершению проекта «Ни одного забытого ребенка». Тед Кеннеди произнес вдохновляющую речь в защиту ответственности перед ассоциацией национального образования — группы учителей, сыгравших на руку демократам в решении этого вопроса и всеми силами противостоявших проекту. Сенатор Джад Грегг и конгрессмен Бейнер, когда-то выступавшие за отмену министерства образования, сплотили республиканцев, обеспокоенных ролью федерального правительства в образовании. Как и меня, их волновал вопрос:

если мы собираемся потратить деньги на школы, нам хорошо бы знать о результатах этого действия. За неделю до Рождества Конгресс принял проект «Ни одного забытого ребенка» единогласно обеими партиями.

С годами программа «Ни одного забытого ребенка» вызвала множество споров. Губернаторы и государственные чиновники от образования жаловались, что слишком жесткая бюрократия привела к тому, что много школ были объявлены третьесортными. Когда Маргарет Спеллинг стала секретарем образования в 2005 году, она усовершенствовала бюрократические ограничения и повысила вариативность подхода к этому вопросу в штатах. Однако мы оба понимали, что нельзя упрощать подотчетные меры. Цель принятого закона заключалась в том, что было необходимо выявить правду, какой бы она ни была.

Некоторые критикующие меня утверждали, что несправедливо тестировать учащихся ежегодно. Я же считал, что было бы неправильно делать наоборот. Именно такой подход оставался единственным способом выявить тех, кому нужна помощь. Другие, например, жаловались на так называемую «учебу для прохождения теста». Но если тест для проверки знаний учащихся по предмету был качественно разработан, то школы, естественно, должны были преподавать этот предмет так же качественно.

Другим распространенным требованием к программе «Ни одного забытого ребенка» было недостаточное финансирование.

В это трудно поверить, учитывая, что мы повысили федеральные затраты на образование на 39 % за время моего президентства, выделив дополнительные суммы на поддержку бедных студентов и школ.

Говоря по существу, те, кто критиковали и жаловались по поводу денег, направленных на реализацию программы «Ни одного забытого ребенка», на самом деле не понимали цели проекта. Суть закона заключалась в том, что успех не мог определяться затраченными деньгами; о нем можно было судить только по достигнутым результатам.

К тому времени, когда я покинул кабинет, результаты знаний учащихся по математике с четвертого по восьмой класс достигли самого высокого уровня в истории. Так же дело обстояло и с результатами по чтению. Американцы испанского и африканского происхождения установили новые

рекорды по разным предметам. Разрыв сократился почти до минимума, о котором мы мечтали: все ученики улучшили свои результаты, но особенно преуспели национальные меньшинства.

В январе 2008 года, в связи с шестилетней годовщиной проекта «Ни одного забытого ребенка», я посетил начальную школу имени Хораса Грили в Чикаго. Школа носила имя abolitionиста девятнадцатого века и в ней обучались 70 % детей испанского происхождения и 92 % из бедных семей. Успехи по чтению в этой школе с 51 % в 2001 году достигли 76 % в 2007-м, по математике – с 59 % до 86 %.

Радостно было видеть процветающую школу, в которой обучались дети из бедных семей национальных меньшинств. Шестиклассница Есения Адам сказала, что ей нравится проходить тестирование. «Тогда твои учителя будут знать, в чем тебе помочь», – пояснила она. В конце моего визита я объявил учащимся, их родителям и прессе, во что я все время верил: программа «Ни одного забытого ребенка» – это вклад в законодательство по гражданским правам.

Я обычно шутил, что являюсь заложником веры. В 1986 году вера изменила мою жизнь – я бросил пить. Десять лет спустя она помогла мне реализовать программы по переустройству государственной политики.

В июне 1996 года в городе Гринвилле, в Техасе, были сожжены две афроамериканские церкви.

До 1965 года на главной улице города была вывеска: «Самая черная земля, самые белые люди». Как губернатор, я боялся, что мы стали свидетелями подъема расизма прежних времен.

Я отправился в Гринвилль для осуждения поджога. Многонациональная толпа из приблизительно четырех тысяч человек вывалила на футбольный стадион. «Временами техасцы хвастаются, что Техас большой штат, – начал я, – но, несмотря на его величину, в нем нет места ни для трусости, ни для ненависти, ни для фанатизма». Потом я передал микрофон Тони Эвансу, деятельному пастору афроамериканского происхождения и библейской общины *Oak Cliff* в Далласе. Он рассказал историю о доме с трещиной на стене. Владелец нанял штукатура заделать щель. Неделью спустя трещина появилась снова. Тогда он вызвал другого рабочего. Через неде-

лю» все повторилось. В итоге владелец пригласил старого художника, который, взглянув на трещину, сказал: «Сынок, сначала укрепи фундамент, а уж потом замазывай трещину».

Толпа закивала и заплодировала. Потом Тони обратился ко мне: «Господин губернатор, я должен вам кое-что сказать».

«Ого, – подумал я. – Куда он клонит?»

«Нам необходимо укрепить фундамент, – сказал он. – Ваша прежняя правительственная программа давно устарела и уже не годится для этого». Он сказал, что у него есть лучшая альтернатива. Эта система подразумевала выделение зданий на перекрестках многих улиц, список рабочих-добровольцев и регулярные собрания для изучения основных действий по спасению жизни.

Он говорил о роли церкви и был прав. Программы, основанные на вере, имели все шансы изменить жизнь в той области, где не могли этого сделать мирские программы. «Правительство может выделить деньги, – сказал я, – но оно не может зародить надежду в человеческом сердце или осознание цели в жизни человека».

Я искал пути сотрудничества Техаса с религиозными организациями. Я встретился с Чакм Колсоном, советником Белого дома при президенте Ричарде Никсоне, освободившемся после отбывания срока в федеральной тюрьме. Чак нашел организацию, готовую читать проповеди за решеткой. Мы договорились приступить к осуществлению программ, основанных на вере, в крыле одной из техасских тюрем. Программа Чака «Обретение внутренней свободы» позволит преподавателям вести занятия по изучению Библии и курс «уроки жизни». Программа будет доскональной и доступной для тех заключенных, чей срок подходил к концу. Каждый заключенный – участник программы будет держать связь с проповедником, а после освобождения получит приглашение на собрание прихода.

В октябре 1997 года я посетил тюрьму *Jester II* рядом с Шугар-Ленд, Техас, где несколько дюжин заключенных стали участниками программы «Обретение внутренней свободы». В конце поездки группа мужчин в белых комбинезонах выстроилась во дворе. Они встали полукругом и запели песню «О, благодать». После нескольких строк я присоединился к хору.

На следующее утро Карен Хьюз принесла мне *Houston Chronicle*. Я был изображен на первой странице газеты, в ряду хора заключенных. В статье

говорилось, что мужчина, стоявший рядом со мной, Джордж Мейсон, двенадцать лет назад обвинялся в убийстве женщины. В тот день в тюремном дворе он не был похож на убийцу. У него были мягкие манеры и добрая улыбка. Безусловно, он стал верующим человеком.

Когда я участвовал в президентской гонке, я решил сделать общенациональную религиозную инициативу центральной частью своей кампании. В своей первой речи перед народом, произнесенной в Индианаполисе, я сказал: «На каждом этапе, везде, где моя администрация несет ответственность за помощь людям, первое, на что мы будем обращать внимание, – церковные, благотворительные организации и сообщества».

Через девять дней после моей инаугурации я издал приказы о создании в Белом доме и в пяти министерствах кабинетов аппарата по вопросам религии и общественной инициативы. Эти кабинеты уничтожили все препятствия и барьеры, не дававшие доступа благотворительным организациям к процессу формирования субсидий на программы. Чтобы подчеркнуть непредвзятость подобных инициатив, я назначил демократов на должности двух первых директоров. Одним был Джон Дилулио, ведущий профессор из университета Пенсильвании, другим стал Джим Тоуи, чрезвычайно порядочный человек, который руководил отделом социальной службы во Флориде, а также был адвокатом матери Терезы. Я часто говорил Тоуи, что мы, безусловно, обществом сутяг, если матери Терезе потребовался адвокат.

Кто-то считал, что эти церковные инициативы размывают грань между церковью и государством. Я серьезно над этим задумался. Правительство никогда не будет никому навязывать веру. Каждый гражданин вправе верить в то, во что он или она хочет, или не верить вообще. Я всегда относился настороженно к тем, кто использовал веру как политическое орудие, считая, что они более праведные, чем их противники. Моей любимой цитатой из Библии, подходящей политикам, были слова из Евангелия от Матфея 7:3 «Почему ты видишь соломинку в глазу своего брата, но не видишь бревна в собственном глазу?»

В то же время правительству не нужно бояться религии. Если социальные программы, проводимые верующими людьми, не будут обращать в свою веру или дискриминировать тех, кто пользуется их услугами, я думаю, что

они заслуживают шанс побороться за доллары налогоплательщиков. Правительству должны быть важны результаты, а не то, действует ли организация под знаком креста, полумесяца или звезды Давида.

Эта инициатива предоставляла приблизительно 20 млрд долларов в год из федерального бюджета для конкурирующих организаций религиозной направленности. Многие из этих организаций не имели никакого опыта общения с правительством, поэтому мы провели сорок конференций и более четырехсот консультативных семинаров для помощи им в получении субсидий. В конечном счете более пяти тысяч религиозных общин и общественных организаций, в основном небольшие местные благотворительные сообщества, получили федеральные гранты.

В январе 2008 года я ознакомился с *Иерихонской программой возвращения* в восточной части Балтимора. Руководимая службой епископальной общины из Мэриленда и финансируемая министерством труда, программа обеспечивала руководство, консультирование и трудовую подготовку для только что освободившихся совершеннолетних преступников. Когда я вошел в комнату, находившихся там девять человек из Иерихона сидели тихо. Я отметил справедливую долю скептицизма. «Когда-то я сильно пил, — начал я, чтобы нарушить молчание, — и я понимаю, как изменившееся мышление может помочь вам преодолеть пагубную страсть».

Мужчины разоткровенничались и рассказали свои истории. Один обвинялся в продаже наркотиков, другой в хранении кокаина, третий в краже. Многие уже по несколько раз побывали в тюрьме и лишились своих семей. Благодаря церковной службе, которую они посещали в Иерихоне, они обрели новый смысл в жизни. Один из них эмоционально рассказал, как он обрадовался воссоединению со своими тремя дочерьми. «Шесть месяцев назад я был полностью сломлен, — сказал он, — а сейчас яжимаю руку президенту». Другой гордо заявил мне, что получил два приглашения на работу. «Наркотики были моей большой проблемой до сегодняшнего дня, — сказал он. — Благодаря Иерихону я нашел свою нишу».

Рецидив среди участников программы составлял 22 %, менее половины от общего уровня в Балтиморе. Мужчины, с которыми я встретился, были среднестатистическими: пятнадцать тысяч тех, кому помогла программа «Возвращение заключенности», запущенная нами в 2004 году. Их уровень рецидива был 15 %, что составляло одну треть от национального уровня.

Моя самая примечательная встреча по вопросу инициатив, основанных на вере, произошла в зале рядом с Овальным кабинетом. В ноябре 2003 года я провел круглые столы с участием религиозных лидеров. На ней присутствовали Чак Колсон и несколько членов «Изменившегося мышления». Когда я вошел в комнату Рузвельта, я заметил знакомое лицо афроамериканца. Я подошел к нему и крепко обнял. «Я так рад, что и вы здесь».

Это был Джордж Мейсон, человек из тюремного хора в Шугар-Ленд. После освобождения он работал церковным сторожем, а также являлся наставником освобожденных заключенных, которые под его руководством изучали Библию. Какое доказательство искупающей силы Христа — Джордж Мейсон и Джордж Буш вместе в Западном крыле Белого дома.

Созданная президентом Джонсоном в 1965 году государственная программа бесплатной медицинской помощи престарелым помогла многим пожилым людям улучшить здоровье. Но в то время как развивалась медицина, государственная программа страхования здоровья престарелых граждан оставалась неизменной. Льготы определялись правительственными чиновниками, и на изменение порядка вещей затрачивалось много времени. Если частные страховые компании включили маммограмму в программу по защите от рака груди, у государственной медицины на это ушел десяток лет и вдобавок потребовался закон, принятый Конгрессом.

Особенно непопулярным со стороны государственного медицинского страхования было то, что денежные суммы не покрывали затрат на необходимые лекарства. Программа оплатит 28 тыс. долларов за операцию язвы, но никогда не оплатит 500 долларов в год на таблетки для предотвращения этого заболевания.

Я был поражен рассказами о престарелых американцах, выбиравших, что им купить: продукты или лекарства. Одна женщина шестидесяти девяти лет, с которой я встретился, по имени Мери Джейн Джонс из Вирджинии, должна была работать по двадцать часов в неделю только для того, чтобы оплатить стоимость, в размере 500 долларов в месяц, счетов за лекарства и инсулин. Она призналась, что вынуждена, экономя, использовать иглы по три-четыре раза.

Система государственной бесплатной медицинской помощи престарелым людям была не только устаревшей, но и на грани распада. Сочетание

повышения затрат на здравоохранение и маячащий на горизонте уход на пенсию поколения бэби-бум привели к финансовым обязательствам в размере несубсидированных 13 трлн долларов. Следующему поколению потребуется новый законопроект.

Повышение затрат на терпящую банкротство программу бесплатной медицинской помощи повлияло на всю систему здравоохранения. Затраты американцев на здоровье удвоились: с 7,5 % от ВВП в 1972 году до более 15 % в 2002-м.

Кое-что объяснялось стоимостью новых медицинских технологий. Старые судебные процессы также сыграли свою роль. Но основной причиной был фундаментальный провал в системе: большинство людей понятия не имели, сколько стоит их здравоохранение.

Престарелым и бедным правительство оплачивало счета через бесплатную медицинскую страховку и медпомощь. Большинство работающих американцев приобретали страховку через своих работодателей или полагались на третье лицо, страховую компанию, договариваясь с ней о ценах и определяя платежи. Многие частные предприниматели не могут позволить себе медицинское страхование, потому что налоговый кодекс лишил их этого, а инструкции запрещают владельцам малого бизнеса объединять риски в рамках закона.

То, в чем испытывала недостаток система — это рыночные рычаги. Не было никакого смысла в защите прав потребителей или в поиске лучшего предложения, никакого соревнования за клиентов и никакой прозрачности информации о качестве и цене. В результате врачам и пациентам не было смысла ограничивать себя в потреблении средств, а это было крайне важно для сокращения затрат.

Я рассматривал преобразования в области бесплатной медицинской помощи как способ решения двух проблем. Во-первых, прибыль от отпускаемых по рецепту лекарств мы пустили бы на модернизацию программ и предоставили пожилым людям качественное здравоохранение, которое обещало им правительство. Во-вторых, предоставляя льготу на лекарства через планы личного страхования, конкурирующие за этот бизнес, мы могли бы ввести рыночные рычаги в систему здравоохранения. Преобразование программы также создало бы возможность расширить проект «Бесплатная медицинская помощь Плюс Выбор», позже переименованный в «Пре-

имущество бесплатной медицинской помощи», который позволил бы людям получать все услуги здравоохранения при более гибких реальных планах личного страхования.

Я знал, что реформа бесплатной медицинской помощи будет тяжелой, непростой задачей в политическом плане. Введение рыночных рычагов в государственную медицинскую программу разочаровало бы левых, а прибавка существенной льготы на отпускаемые по рецепту лекарства была непопулярна в среде правых. Но я решил принять вызов.

В соответствии с нашим планом пожилые люди, которые хотели получить новую льготу на отпускаемые по рецепту лекарства, должны будут выбрать частные программы медицинского страхования вместо государственных. Мы изменили бы формулу финансирования бесплатной медицинской помощи так, чтобы государственная программа конкурировала с частными программами на одном игровом поле. Оба пункта программы задействовали бы больше рыночных рычагов и способствовали бы регулированию возрастающих затрат на здравоохранение.

Прежде чем объявить о плане публично, я представил его на рассмотрение лидерам республиканской партии в Палате.

Они мне заявили, что мое предложение не имеет шансов на Кэпитол Хилл. Демократы никогда не поддержат законопроект, который требует для престарелых граждан отказ от государственной страховой медицины для получения льгот на отпускаемые по рецепту лекарства. Некоторые республиканцы тоже не обрадуются.

Я оказался перед непростым выбором. Я мог сражаться за проигрышное дело или пойти на компромисс. Я пришел к решению предложить эту льготу на лекарства, которая будет контролироваться частными программами по здравоохранению, но станет доступной всем пожилым, включая и тех, кто захочет остаться в государственной системе медицинского страхования.

Моя команда по страховой медицине работала рука об руку с лидером сенатского большинства Биллом Фирстом и председателем финансового комитета Чаком Грассли от Айовы. Чак предусмотрительно пригласил для разработки проекта еще двух известных коллег-демократов, сенатора Макса Бакуса от Монтаны и Джона Брэ от Луизианы. Они представили единый проект, собравший голоса тридцати пяти демократов. В июне закон был принят в Сенате голосованием 76:21.

В Палате некоторые консерваторы отказались утвердить затраты в 634 млрд долларов в течение десяти лет на лекарственные льготы. Однако спикер палаты Денни Хастер, лидер большинства Том Дилей и председатель Бюджетного комитета Палаты представителей Билл Томас создали небольшую коалицию, и закон был принят в таком соотношении голосов – 216:215. Всего девять демократов из Палаты представителей проголосовали за принятие льгот, которые они требовали годами. Остальные проголосовали «против». В дальнейшем во время дебатов в Конгрессе ни один из демократов не критиковал проект закона о медицинском страховании за то, что он слишком дорого обошелся. Большинство готовы были затратить и большие суммы.

Результаты проведенного голосования показали, что едва заметная разница в голосах выявила тот факт, что законопроекты обеих Палат Конгресса были поданы таким образом, что обеспечивали поддержку республиканцев. Для сокращения затрат мы включили так называемый запасной вариант, который сработает в том случае, если затраты на медицинское страхование вдруг станут расти слишком быстрыми темпами. В таком случае Конгрессу будет поручено провести соответствующие реформы.

Мы также прояснили состояние сберегательных счетов, новый инновационный законопроект медицинской страховки, принятый Палатой представителей. Разработанный закон позволял использовать лекарство *HAS* (сывороточный альбумин человека) в малом бизнесе и частном предпринимательстве, что удваивало выплаты по страховке с не облагаемого налогом сберегательного счета в случае тяжелого заболевания. Работодатели или частные предприниматели вносили суммы на счет, принадлежащий работнику, при переводе с одной работы на другую. Поскольку потребители *HSA* сами оплачивали медицинскую страховку и, следовательно, старались уменьшить затраты, они были заинтересованы в своем здоровье и у них был стимул заключать выигрышные контракты и договариваться о выгодных ценах.

В середине ноября *AARP*, влиятельная группа лobbyистов, подписала компромиссный вариант законопроекта. «Это не идеальный закон, но Америка не может ждать», – сказал исполнительный директор Билл Новелли. Его тогда резко критиковали демократические лидеры, профсоюзы и либеральная пресса. Но его позиция имела большое значение у колеблющихся членов Конгресса.

21 ноября 2003 года состоялось решающее голосование. Лора и я, как и намечали задолго до этого, собирались провести этот день в Великобритании, как часть первого официального государственного визита американского президента после Вудро Вильсона. Кое-кто предлагал отсрочить поездку. Я отказался. «В Лондоне, как вы знаете, есть телефонные», – заявил я своей команде.

Лора и я любили проводить время с королевой Елизаветой II, доброй, очаровательной женщиной с прекрасным чувством юмора. В 2007 году Ее Величество и принц Филипп приехали на празднование четырехсотой годовщины Джеймстаунского соглашения. В своих радушных приветствиях перед семью тысячами человек на Южной лужайке я благодарил королеву за ее долгую дружбу с Америкой. «Вы помогли нашей стране отпраздновать двухсотлетие в 17... – я запнулся, прежде чем закончил дату. – 1976 году, – непростой год в отношениях между Великобританией и США – намек на долговечность королевы. Восьмидесятидвухлетняя королева взглянула на меня с кривой усмешкой. Она посмотрела на меня, как только мать может посмотреть на ребенка. На обеде в британском посольстве на следующий день Ее Величество сказала: «Я задалась вопросом, должна ли я начать этот тост словами: "Когда я была здесь в 1776 году..."»

Гостеприимство королевы Елизаветы в Букингемском дворце во время нашего государственного визита в 2003 году было изысканным. Сорок один раз прозвучал салют в нашу честь, мы провели смотр королевских войск во внутреннем дворе. Мы спали в безукоризненных бельгийских апартаментах – их раньше занимал дядя королевы Елизаветы, король Эдуард VIII, прежде чем отрекся от престола в 1936 году, чтобы жениться на разведенной американке. В комнате находилось антикварное зеркало XVII века, стоимостью приблизительно 10 млн британских фунтов (15 млн долларов), а из окон открывался красивый вид на дворцовые сады. Во время чаепития с Ее Величеством и принцем Филиппом я спросил королеву о ее собаках. Несколько минут спустя королевский лакей появился с ее знаменитыми корги. Они были дружелюбны и «вежливы». Я уповал на то, что, если Барни когда-либо встретит королеву, он поведет себя так же и не будет лаять, отстаивая шотландскую независимость.

Тем вечером Ее Величество и принц Филипп устроили роскошный банкет в нашу честь. Наши места были сервированы десятью приборами столового серебра и семью хрустальными винными кубками. Очевидно, мои слова о том, что я закончил с выпивкой, не достигли королевского погребца. Прежде чем я произнес тост, стоя во фраке и галстуке, я посмотрел на Лору, одетую в красивое бургундское платье. Я задавался вопросом, подумали ли она о том же, что и я: какой долгий путь мы проделали от того барбекю на заднем дворе в Мидленде.

Торжества в Букингемском дворце подчеркнули яркий контраст с тем, что поджидало нас при вылете домой. Как только наш самолет взлетел, мне позвонил законодательный директор Дэвид Хобс, перечислив список из приблизительно дюжины колеблющихся членов Палаты, главным образом консерваторов. Уже над Атлантикой я начал набирать номера телефонов. Телефоны некоторых конгрессменов были недоступны. Один молодой конгрессмен заявил: «Я приехал в Вашингтон не для увеличения численности правительства».

«Знаете что, и я не для этого, — парировал я. — Я хочу удостовериться, что правительство работает. И если мы собираемся претворить в жизнь программу медицинского страхования "Медикэр", то ее надо совершенствовать, а не отбрасывать в сторону».

«Это просто другое название, которое всегда будет обраться «словами», — сказал он.

«Так вы за отмену бесплатной медицинской помощи? — удивился я. — Это ведь возможность ввести конкуренцию в систему и уменьшить затраты. Между прочим, это чертовски хороший шанс, какой вы вряд ли получите при любом другом президенте».

Я его не убедил. Позже, в Вашингтоне, я сделал еще ряд звонков — и мы достигли некоторого успеха, но с большим трудом.

Когда палата голосовала в 15:00, при первом подсчете голосов, это оказалось недостаточно. Тогда спикер Денни Хэстерт сделал перерыв перед проведением следующего этапа голосования, в надежде, что он сможет убедить нескольких конгрессменов изменить свое решение. Около 17:00 мне позвонил из Капитолия Дэвид Хобс. «Нам необходи-

мы еще два голоса, — сказал он. — Вы можете поговорить с еще несколькими депутатами?»

Он передал по очереди свой сотовый телефон нескольким республиканцам, которых можно было переубедить. Мне это удалось, несмотря на дискомфорт, вызванный сменой нескольких часовых поясов. Чуть позже перезвонил Дэвид. О чудо! Палата приняла законопроект 220 голосами против 215. Спустя несколько дней Сенат утвердил законопроект. Я подписал закон о модернизации бесплатной медицинской помощи 8 декабря 2003 года в Зале Конституции. Позади меня стояла группа пожилых людей, которым новый закон должен был помочь. Там стояла и Мэри Джейн Джонсон, женщина из Вирджинии, которая была вынуждена многократно использовать иглы, чтобы хватало денег на инсулин. Выгода отпускаемого по рецепту лекарства позволила бы сэкономить ей приблизительно 2 700 долларов в год.

Новый закон о льготе на отпускаемые по рецепту лекарства вступал в силу 1 января 2006 года. Скептики предрекали, что пожилые люди будут испытывать затруднения, выбирая из всех конкурирующих частных вариантов. Я не согласился с ними. Я полагал, что пожилые люди вполне способны к принятию жизненно важных решений, и правительство должно доверять им в этом.

Министр здравоохранения и социального обеспечения Майк Ливитт эффективно работал с администратором программы «Бесплатной медицинской помощи» Марком Макклелланом и его командой над этой социально-ориентированной программой. Это окупилось. Более 22 миллионов пожилых людей подписались на программу отпуска лекарства по рецепту во время начального пятимесячного периода регистрации. В обзоре 2008 года 90 % получателей отпускаемого по рецепту лекарства бесплатной медицинской помощи и 95 % бенефициариев с низким доходом сказали, что были удовлетворены программой.

В конечном итоге модернизация бесплатной медицинской помощи была сделкой. Мы получили прибыль, но потратили больше денег, чем предполагалось. Мы ввели основанную на рынке конкуренцию среди частных программ страхования, но у нас не получилось использовать новую льготу в качестве рычага, чтобы привлечь больше пожилых людей к переходу от бесплатной медицинской помощи, управляемой государством, к частным программам страхования. Мы создали медицинские сберегательные счета, но не смогли убедить Конгресс потребовать, чтобы бесплатная меди-

цинская помощь, управляемая государством, конкурировала на едином игровом поле с частными программами страхования.

К тому времени, когда я покинул офис, больше чем у 90 % бенефициарив бесплатной медицинской помощи был доступ к отпускаемым по рецепту лекарствам. Десять миллионов были зарегистрированы в планах здравоохранения частного сектора через программу бесплатной медицинской помощи. Почти семь миллионов медицинских сберегательных счетов находятся в собственности американцев, более одной трети которых ранее не имели медицинской страховки.

Благодаря конкуренции в частном секторе, ожидаемая средняя ежемесячная льгота на отпускаемые по рецепту лекарства по первоначальной смете понизилась с 35 до 23 долларов в первый же год. К 2008 году первоначальная смета 634 млрд долларов оказалась ниже 400 млрд долларов. Льгота на отпускаемые по рецепту лекарства по программе бесплатной медицинской помощи стала одной из немногих государственных программ, хорошо действующих когда-либо при использовании бюджетных средств. Рыночные рычаги работали. И мы вели систему здравоохранения Америки в правильном направлении: подальше от государственного контроля, ближе к выбору и конкуренции частной системы рынка, которая в конечном счете является лучшим способом управления затратами.

«Я настроен оптимистично, — сказал я отцу, когда мы на Новый, 2004 год охотились на перепелов в Южном Техасе. — Этот выбор сделан в пользу того, кто знает, как надо руководить, и кто возьмет на себя решение больших проблем и сможет обеспечить Америку безопасностью».

Отец заинтересовался. В течение многих месяцев он наблюдал, как кандидаты на пост президента от демократической партии ежедневно пытались поколебать доверие ко мне. Им это удавалось. Мои рейтинги превышали 90 % после 11 сентября и 75 % после освобождения Ирака. К концу 2003 года мой рейтинг упал в некоторых опросах до 50 %. Отец тоже переживал подобное. Его собственный рейтинг взлетел в 1991 году, а затем рухнул перед выборами 1992-го.

Я уверил его, что наш общий друг Карл Роув разработал единую стратегию кампании. «Если мы проведем ее правильно, то получится очень хорошо», — сказал я. — Особенно если они выдвигают Говарда Дина».

Я знал демократического лидера, прежнего губернатора Вермонта, по событиям в 1990-х. Дин был велеречив, напытив и недисциплинирован. Я знал, что ему трудно будет получить поддержку при выдвижении своей кандидатуры.

К сожалению, лидерство Дина испарилось прежде, чем он стал единственным кандидатом. Сенатор Джон Керри от Массачусетса опротестовал его победу в Айове, выиграл Нью-Хэмпширские предварительные выборы и вышел на номинацию. Ветеран Вьетнама, сенатор в течение четырех сроков, Керри был тружеником, блестящим оратором и непобежденным участником кампании. Я считал его грозным соперником.

У Керри имелись и слабости. У него было мышление опытного законодателя и рекордное количество собранных голосов в Сенате. В конце 2003 года он голосовал против законопроекта стоимостью 87 млрд долларов для финансирования войск в Ираке и Афганистане. Вскоре после того как он включился в президентскую гонку, моя кампания выдвинула на первый план разъяснение его позиции. Тогда Керри заявил: «Я фактически голосовал за 87 млрд долларов еще до того, как я голосовал против законопроекта».

В разговоре с Карлом меня вдруг осенило: «Вот на это мы и сделаем ставку — американский народ ожидает, что их президент займет четкую позицию и защитит ее, особенно когда дело доходит до поддержки войск в бою». Мы подхватили тему компьютерной игры «Шлеп-шлеп» и развивали на протяжении всей кампании.

10 марта 2004 года я получил письмо от Дженны, которая училась на четвертом курсе в Техасском университете. В 2000 году ни Дженна, ни Барбара не посетили ни одного мероприятия президентской кампании. Они объяснили, что не хотят иметь ничего общего с политикой. Таким образом, было удивительно читать слова Дженны:

«Дорогой папа.

Вчера ночью мне приснился сон, такой реальный, что я проснулась в слезах. Хотя я еще не столь духовный человек, как ты, я приняла этот сон как знамение. Ты работал всю свою жизнь, чтобы дать Барбаре и мне

же, что мы хотели и в чем нуждались. Ты дал нам любовь, поддержку, и я знаю, что, принимая любое решение, ты думал о нас.

Ты и мама дали нам чувство безоговорочной любви. Я видела, как мама самоотверженно и нежно успокаивала тебя, когда ты переживал. И я была свидетелем, как ты отдал год своей жизни Гатру; видела ваши обиды переживания в ночь после выборов. В двадцать два года я наконец поняла, что значит сострадание.

Я очень не хочу слышать ложь о тебе. Я ненавижу, когда люди критикуют тебя. Я ненавижу всех, кто не видит сущность человека, которого я люблю и уважаю, человека, на которого, я надеюсь, когда-нибудь буду похожа.

Именно по этим причинам я решила что, если ты нуждаешься во мне, я хотела бы работать круглые сутки напролет. Пожалуйста, подумай об этом, поговори с мамой и дай мне знать. На данный момент я прекратила поиски работы в Нью-Йорке.

Я знаю, что, может быть, несколько груба в своем окружении, но при правильной подготовке я смогу открыть глаза людям на своего отца, которого я так люблю.

Это решение может показаться поспешным и импульсивным, но я постоянно о нем думаю. Я хочу попробовать отплатить тебе хоть чем-нибудь за отданные мне двадцать два года.

В моем сне я не помогала тебе. И я видела чью-то победу, того, кто не должен был выиграть. А я молилась, молилась за тебя, за нашу страну и отменяла свою вину. Я не хочу, чтобы мой сон стал реальностью, поэтому, если я могу хоть как-то помочь тебе, пожалуйста, позволь мне сделать это. Мы сможем подробно поговорить об этом на Пасху.

Я люблю тебя и горжусь тобой.

С любовью,
Дженна».

У меня нет слов, когда я читаю ее ласковые слова. Как они похожи с Барбарой! Меня поразило, что они хотят участвовать в кампании. Моя последняя кампания станет их первой.

Первое мероприятие, которое мы посетили с Барбарой, была демонстрация, на которую пришли одиннадцать тысяч человек в Маркетте, штате

Мичиган — в городке на Вернем полуострове, в котором не видели действующего президента со времен Вильяма Говарда Тафта. Прямо перед моим выступлением Барбара заняла место в первом ряду за подиумом.

Ведущий представил меня, и публика заревела. Когда я уже направился к микрофону, я оглянулся на Барбару. Слезы струились у нее по щекам. После четырех лет обучения в колледже ей было непривычно и волнительно видеть, с каким восторгом встречали ее отца. Я вспомнил, какие чувства испытал, когда впервые услышал приветственный рев толпы, обращенный к моему отцу. Все возвращалось на круги своя.

В некотором смысле, кампания 2004 года проходила легче, чем предвыборная кампания 2000-го. Я воспользовался преимуществами президента, а именно президентским кораблем и самолетом. С другой стороны, кампания 2004 года была интенсивнее, поскольку я был одновременно и кандидатом, и действующим президентом, то есть должен был учитывать оба этих момента.

Я чувствовал поддержку людей, окружающих меня, особенно Лоры и девочек.

Мне нравились наши автобусные туры по Среднему Западу, где тысячи граждан выстраивались на главных улицах маленьких городов. Однажды в Висконсине мы проезжали по родному городу Дика Табба, разностороннего человека, врача военно-воздушных сил, который сопровождал меня в поездках. Я увидел табличку, написанную от руки: «Добро пожаловать домой, доктор Табб!» Ниже было добавлено маленькими буквами: «Вы тоже, Джордж».

Ничто не поднимало мой дух так, как наши сторонники во время избирательной кампании. Я был заряжен их активностью, и их поддержка вдохновляла меня на упорный труд — я не мог подвести их. В городе Поплар-Блафф с населением 16 500 жителей, в штате Миссури, послушать мою речь собрались 23 тысячи человек. В городке Вестчестер в штате Огайо 41 тысяча человек заполнили *Voice of America Park*. Когда я обрисовал изменчивую позицию Джона Керри, море рук рукоплескало и слева и справа, скандируя «Шлеп-цию Джона Керри, море рук рукоплескало и слева и справа, скандируя «Шлеп-цию Джона Керри, море рук рукоплескало и слева и справа, скандируя «Шлеп-шлеп, Шлеп-шлеп». Некоторые даже пришли, одетые в костюмы Шлеп-шлепа. Мне встретились лозунги «Адвокаты за Буша», «Жители Огайо за Буша» и даже двойники Буша — они особенно нравились Барбаре и Дженне.

Больше всего мне нравились слоганы: «Благослови нас Бог». Пока я пожимал руки и позировал фотоаппаратам, меня поразило количество тех, кто произнес «Я молюсь за вас». Я сказал им, что их молитвы — удивительный подарок. Они придают мне сил. Один вид этих людей давал мне надежду, что некоторые из сторонников Буша, которые остались дома после DUI — разоблачения в 2000 году — придут на избирательные участки в 2004-м.

У Джона Керри были свои сторонники. Продюсер из Голливуда Мишель Мор выступил с так называемым документальным фильмом, который был не чем иным, как пропагандой в избирательной кампании. В ответ Керри сказал, что эстрадным артистам Голливуда удалось передать «душу и сердце нашей страны». Такой состоятельный вкладчик, как могущественный инвестор Джордж Сорос, перевел Джону Керри огромные суммы, собрав деньги с организаций, которые нарушили законы избирательной кампании, и в этом демократы преуспели. Ренегаты-сотрудники в ЦРУ сливали информацию, чтобы помешать нашей администрации.

Нападки в сфабрикованном отчете Дана Разера основывались на подложных документах, гласящих якобы я не исполнял свои обязанности во время службы в ВВС национальной гвардии Техаса.

Пока моя военная служба была в центре пристального внимания, ажиотаж вокруг Джона Керри поутих. В феврале 2004 года я провел часовую встречу, интервью тет-а-тет с Тимом Рассертом. Спрашивая меня в основном про Ирак, он пытался меня, сделаю ли я достоянием гласности отчет о своей военной службе. Я пообещал, что да, сделаю. Вскоре после этого я поручил министерству обороны опубликовать каждый документ, относящийся к моей службе в Национальной гвардии.

— Сегодня вы были убедительны, господин президент, — заявил Тим после того, как убрали камеры.

— Благодарю, Тим, — ответил я. — Между прочим, я очень надеюсь, что вы так же нешадно будете допрашивать и Джона Керри о его военной службе, как вы делали это со мной.

— Поверьте мне, — отозвался он, — так и будет.

Тим брал интервью у Керри два месяца спустя, и он действительно спрашивал его о военной службе. Керри обещал опубликовать отчет о службе во время предвыборной кампании, но не сделал этого.

На съезде демократической партии в Бостоне Керри пригласил бывших товарищей по морской службе и отметил выдвижение своей кандидатуры салютом. «Я — Джон Керри, и я готов к исполнению своих обязанностей», — такими словами начал он свою приветственную речь. В своем выступлении он призывал «рассказать всю правду народу Америки» и пообещал, что он «будет таким главнокомандующим, который никогда не вергнет страну в войну».

Обвинения Керри в том, что я напрасно затеял войну в Ираке, противоречили здравому смыслу. В 2002 году он как сенатор имел доступ к тем же данным разведки, что и я, и тогда же решил отдать свой голос в поддержку принятия резолюции о войне.

Керри запутался в собственных противоречиях. «Мой соперник не ответил на вопрос, поддержал бы он вторжение в Ирак, если бы знал то, что мы знаем сегодня», — заявил я во время проведения кампании в Нью-Хемпшире. Несколькими днями позже Керри, стоя на краю Великого Каньона, попался на приманку: «Да, — сказал он, — я бы проголосовал за решение правительства».

Это было поразительное признание. После того как он с большой трибуны заявлял, что осуждает вторжение в Ирак и что в этом виновен я — очень серьезное обвинение против главнокомандующего, — Джон Керри объявил, что снова проголосовал бы за принятие военной резолюции, если бы ему вновь представился такой шанс.

Создание прецедента с Керри было важно, но еще более важно было показать избирателям, что я буду продолжать решать ключевые вопросы. Я видел, что такие должностные лица, как Энн Ричардс, проводили свои избирательные кампании с оглядкой на прошлое, и поклялся не повторять их ошибку. «Единственной причиной оглянуться назад может быть желание определить, кто лучше всего приведет нас к победе, — сказал я. — Хотя мне уже сделали многое, я здесь для того, чтобы сказать вам, что осталось сделать еще больше».

На съезде республиканской партии в Нью-Йорке и в выступлениях по всей стране я раскрыл свои честолюбивые планы на второй срок. Я обя-

заявлял модернизировать программу социального обеспечения, преобразовать иммиграционную систему и перестроить налоговый кодекс, продолжить разработку программы «Ни одного забытого ребенка» и основанную на вере инициативу, осуществить реформы бесплатной медицинской помощи, а кроме того, продолжить войну с терроризмом.

Я ездил по стране всю осень, делая передышки между тремя дебатами. Первые дебаты проводились в университете Майами. Полемика была сильной стороной Джона Керри. Как профессиональный боксер, он выскакивал из своего угла и бил неистово, как панчер, после каждого вопроса. Это была эффективная техника. Я тратил слишком много времени, чтобы из уймы вопросов выбрать тот, на который стоило отвечать.

Один удар мне удалось отразить – когда Керри предложил, чтобы американские военные действия подверглись «глобальному тесту», я возражал на это, сказав: «Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду под "глобальным тестом"... Мне кажется, что вы предпринимаете упреждающие меры для защиты американцев».

По дороге на митинг, куда я отправился на машине после дебатов, мне позвонила Карен Хьюз. Она сказала мне, что во время трансляции наших дебатов показывали выражение моего лица, в то время как говорил Керри. Очевидно, мне не удалось скрыть свое мнение по поводу ответов Керри. Как говорилось о вздохах Эла Гора во время первых дебатов в 2000 году, так и мой угрюмый вид стал притчей во языцех в 2004-м. Я полагал, что в обоих случаях это было несправедливо.

Еще более странная история произошла несколько дней спустя, когда появилась фотография с дебатов. На ней была запечатлена складка на моем костюме. Кому-то пришлось в голову, что под пиджаком было спрятано радио, связывавшее меня с Карлом Роузом. Слухи попали в Интернет и стали сенсацией среди теоретиков заговора. Политические блогеры были в моде в начале двадцать первого века.

Оглядываясь назад, я жалею, что у меня не было радиосвязи с Карлом, поскольку тогда он смог бы подсказать мне, чтобы я перестал гримасничать.

Вторая и третья встречи прошли успешнее. Мое лицо было спокойным, жестким, выжатым, и я успешно противостоял «дебатам Керри». Но как обычно происходит во время президентских дебатов, самый сокрушитель-

ный удар был нанесен самому себе. На нашей последней встрече в Темпе ведущий дебаты Боб Шиффер поднял тему однополного брака и спросил: «Вы полагаете, что гомосексуализм – это выбор?»

«Даже не знаю, что сказать, – произнес я. – Но одно я знаю наверняка – в Америке всегда есть выбор – возможность относиться к людям толерантно, с уважением и достоинством». Тогда же я выразил свое убеждение, что брак может быть только между мужчиной и женщиной, и сказал, что закон должен отражать эту святую истину.

Керри, который также выступал против однополного брака, ответил так: «Все мы – дети Бога, Боб, и я думаю, если бы вы задали этот же вопрос дочери Дика Чейни, лесбиянке, она сказала бы вам, что она – такая, какая есть, что она именно такой и родилась».

Я посмотрел на Лору, Барбару и Дженну, сидевших в переднем ряду. Они были шокированы. Карен Хьюз позже сказала мне, что слышала возмущенный шепот. Существует неписаное правило в американской политике, что дети кандидата не обсуждаются. Поэтому было ужасно, когда в прямом эфире по национальному телевидению Джон Керри заговорил о сексуальной ориентации дочери моего кандидата на пост вице-президента.

Это не было прецедентом. В вице-президентских дебатах неделей ранее кандидат на пост вице-президента Керри, сенатор от Северной Каролины Джон Эдвардс, также нашел способ упомянуть об этом. Одно упоминание, возможно, было случайностью. Два – это уже заговор. Керри и Эдвардс надеялись выбить из строя избирателей с консервативными взглядами, которые осудили бы ориентацию дочери Дика. Вместо этого они выманили, которые осудили бы ориентацию дочери Дика. Вместо этого они выманили зло и цинично, а Линн Чейни назвала это «дешевой и безвкусной политической уловкой».

В октябре 2000 года нас ждал сюрприз в форме разоблачения DUI – управление автомобилем под воздействием алкоголя или наркотических средств. В 2004 году сюрприз пришел и от Усама бен Ладена. 29 октября лидер Аль-Кайды представил видеозапись, на которой он угрожал американцам «авторам Манхэттенского» и высмеивал мою речь в ответ на события 11 сентября, произнесенную во Флориде.

нести речь в Остине. На сей раз это была Лора. «Джордж, ты не можешь совершить ошибку, – сказала она. – Подожди, пока тебя объявят победителем».

Одновременно Дэн Бартлетт осуществил полезные разведывательные действия. Николл Уоллас, директор по связям моей кампании, соединил Дэна с помощником Керри Майком Маккерри. Маккерри сказал ему, что сенатор примет правильное решение, если мы дадим ему на это время. «Не давите на парня», – посоветовал Дэн.

И вновь разочарованная толпа ждала кандидата. Я так хотел поделиться победой, в которой нам отказали в 2000 году, со своими сторонниками. Но время еще не настало. Сразу после 5:00 я послал вместо себя Энди Карда.

«Президент Буш решил оказать уважение сенатору Керри, предоставив больше времени для размышления над результатами этих выборов, – сказал он. – Мы убеждены, что президент Буш победил с 286 голосами выборщиков».

Утром мой личный помощник Эшли Кавана открыла дверь Овального кабинета. «Господин президент, – сказала она, – сенатор Керри на линии».

Джон был вежлив. Я сказал ему, что он был достойным противником, который провел яркую кампанию. Я позвал Лору и обнялся с небольшой группой высокопоставленных советников, собранных в Овальном кабинете. Потом спустился в офис Дика, где мы обменялись сердечным рукопожатием. Дик не склонен к обаяниям.

В конце концов я дозвонился по телефону до родителей. После бессонной ночи они ранним утром выскользнули из Белого дома и улетели обратно в Хьюстон, не зная результатов. «Мои поздравления, сын», – сказал отец. Он произнес это скорее с облегчением, чем с радостью. Мы не говорили об этом, но выборы 2000 года не были единственными выборами, которые остались в нашей памяти. Мы оба помнили боль 1992 года. Я понимал, что он был очень счастлив, что мне не придется пройти то, что выпало на его долю.

После унылого начала ночь выборов 2004 года превратилась в большую победу. Я стал первым президентом, который набрал большее количество голосов избирателей, начиная с выборов отца в 1988 году. Как и в 2002-м, республиканцы добились успеха в Палате и в Сенате.

Днем позже после признания Керри своего поражения я проводил утреннюю пресс-конференцию. Один из репортеров спросил, чувствую ли я себя «более свободным».

Я вспомнил об амбициозных планах, задуманных мною в прошедшем году. «Позвольте мне вести вас по этому пути, – сказал я. – Я зарабатывал капитал в президентской кампании, политический капитал, и теперь намереваюсь его использовать».

Насколько я помню, социальное обеспечение было третьим рельсом американской политики. Ухватитесь за это, и вы – на коне.

В 2005 году я не только коснулся «третьего рельса», а полностью погрузился в эту проблему. Я сделал так по одной причине: несправедливо заставлять целое поколение молодых людей вкладываться в систему, которая готова рухнуть.

Созданная Франклином Рузвельтом в 1935 году система социального обеспечения была системой с предоплатой, иными словами, финансировалась налоговыми платежами работающих людей. Система работала исправно, когда на каждого бенефициария приходилось сорок работающих, как в 1935 году. Но с тех пор демографическая ситуация изменилась. Продолжительность жизни повысилась. Коэффициент рождаемости упал. В результате к 2005 году только трое работающих платили в систему социальной защиты за каждого бенефициария, получающего деньги. К тому времени, когда молодой человек, начавший работать в первом десятилетии двадцатого столетия, уйдет на пенсию, отношение будет два к одному.

Для урегулирования ситуации Конгресс постановил, что пособия по социальному обеспечению должны повышаться быстрее, чем инфляция. Система социального обеспечения спроектирована так, что начиная с 2018 года денег будет взиматься меньше, чем выплачиваться. Разница будет увеличиваться с годами, пока систему не постигнет банкротство в 2042 году. 2042 год кажется далеким, однако, подсчитав, я понял, что мои дочери, родившиеся в 1981 году, будут приближаться тогда к пенсии.

Для человека, взявшего на себя ответственность за решение больших задач, не было важнее задачи, чем преобразование системы социального

обеспечения. Я решил, что настало самое подходящее время — время моего переизбрания, когда я могу начать работу над этой системой.

А начал я с того, что установил три направления принципа реформирования системы. Во-первых, ничего не должно измениться для престарелых людей или тех, кто собирается уйти на пенсию. Во-вторых, необходимо было принять решение по социальному обеспечению без увеличения налогов по платежной ведомости, которые уже выросли приблизительно с 2 до 12 %. В-третьих, молодое поколение работающих могло бы выбирать, вкладывать ли часть налоговой суммы на их личный пенсионный счет.

Личные пенсионные счета могли быть в новинку для системы социального обеспечения, но большинство американцев были знакомы с этим понятием. Как счет 401(k), их можно инвестировать в безопасное объединение акционных и облигационных фондов, которые должны будут вырасти в течение длительного срока и принести выгодный процент. Счетами управляли бы уважаемые финансовые учреждения, взыскивающие низкие проценты и запрещающие изъятие денег до выхода на пенсию. Даже при традиционной норме прибыли в 3 % сумма денег владельца банковского счета будет удваиваться каждые двадцать четыре года. На удвоение 1,2 % в системе социального обеспечения потребуется шестьдесят лет.

В отличие от пособий по социальному обеспечению, личные пенсионные счета станут капиталом, принадлежащим отдельным работникам, а не правительству, и могут быть переданы от одного поколения следующему.

В начале 2005 года я встретился с республиканскими лидерами Конгресса, чтобы обсудить вопрос непосредственно в законодательных органах. Я сказал им, что модернизация социального обеспечения будет моим приоритетом. С их стороны не последовало никакой реакции, единственное, что прозвучало:

«Господин президент, этот вопрос непопулярен. Если мы займемся социальным обеспечением, мы лишимся мест».

«Наоборот, — отозвался я, — мы лишимся мест, если не займемся этим».

Было ясно, что они думали об очередном двухлетнем сроке пребывания на Кэпитол Хилл. Я же думал об обязанности президента решать долгосрочные проблемы в интересах страны. Я напомнил им, что уже дважды занимался этим вопросом, но ситуация с социальным обеспечением толь-

ко ухудшается, поэтому, решив эту проблему, мы принесем большую пользу стране и, таким образом, наша стратегия будет политически корректной.

«Если вы возглавите процесс, мы вас поддержим, — заявил один из лидеров Палаты, — но только как сторонники вашего решения».

Встреча с конгрессменами-республиканцами показала мне, что решение социального вопроса будет «крепким орешком». Так или иначе, я решил не отступать. Оглядываясь назад на свое президентство, я не могу сказать, что уклонился от решения важной проблемы.

«Социальное обеспечение стало большим успехом в двадцатом веке, и в новом столетии мы должны следовать поставленным важным целям, — сказал я в своем обращении к нации в 2005 году. — Система, однако, на сегодняшний день грозит банкротством. Поэтому мы должны объединить усилия, чтобы спасти социальное обеспечение».

Начиная со следующего дня, я совершил ряд поездок, чтобы разъяснить американскому народу проблемы в сфере социального обеспечения, сплотить его и добиться перемен. Я произносил речи на собраниях в городских ратушах и даже встречался с моим любимым бенефициарием от социального обеспечения — мамой. «Я здесь, потому что волнуюсь о наших семнадцати внуках и о муже, — сказала она. — Они будут лишены социальной помощи».

Одной из самых незабываемых была поездка на автозавод «Ниссан» в Кантоне в штате Миссисипи. Многие рабочие, собравшиеся в аудитории, были афроамериканцами. Я спросил, сколько из них инвестировали деньги на счет 401(k). Практически все подняли руку. Мне понравилась идея тех, у кого не было капитала, иметь «заначку», которую они могли бы называть своей собственностью. Я также думал о том, какие возможности открываются при этом. В плане социального обеспечения положение афроамериканцев было хуже всех. Поскольку их продолжительность жизни была короче, темнокожие рабочие, проработавшие целую жизнь, отчисляя при этом деньги в фонд социального обеспечения, получили в среднем на 21 тысячу долларов меньше, чем белые с таким же уровнем дохода. Личные счета, которые можно передавать следующему поколению, будут иметь большое значение для уменьшения такого неравенства.

28 апреля я созвал транслируемую в прайм-тайм пресс-конференцию, чтобы изложить конкретное предложение. Я осветил план, который был детищем демократа Роберта Позена. Его предложение, известное как прогрессивная индексация, означало рост льготы для самых бедных американцев и ее снижение для самых богатых. Получалась скользящая шкала выплат для всех. Изменяя формулу роста этих выплат, завод решил бы большую проблему дефицита социальной помощи. Кроме того, у всех американцев была бы возможность заработать более высокие проценты через личные пенсионные счета.

Я надеялся, что обе партии поддержат это предложение. Республиканцы будут рады, что мы сможем значительно пополнить бюджет, не поднимая налоги. Демократы должны были быть довольны реформой, которая спасла бы систему социального обеспечения, главную драгоценность короны Нового курса, предлагая самые большие льготы для бедных, меньшинств и рабочего класса – интересы которых, как заявлялось, они представляли.

Моя законодательная команда продвигала этот план, фактически не получая поддержки. Демократические лидеры в Палате и Сенате утверждали, что я хотел «приватизировать» социальное обеспечение. Таким проверенным в опросах способом они, очевидно, хотели напугать народ. Однако это было не так. Мой план спас систему социального обеспечения, модернизировал ее и дал американцам возможность получить свою долю социальной помощи. Это не было его приватизацией. Я чувствовал, что за демократической оппозицией кто-то стоит. Муниципальный директор по национальной экономике Аль Хуббард рассказал мне о встрече на Капитол Хилл. «Я был бы рад вам помочь, – сказал ему один видный сенатор-демократ, – но наши лидеры ясно дали понять, что мы с вами не в одной упряжке».

Непримиримость демократической оппозицией программы по социальному обеспечению объяснялось непримиримостью двух партий, которую мне удавалось преодолеть и при обсуждении программы «Ни одного забытого ребенка» и ранее, в Техасе. Я был разочарован переменой и часто думал о том, почему она произошла. Я думаю, что некоторые по ту сторону баррикад не смогли смириться с поражением на выборах 2000 года и не были настроены сотрудничать со мной. Другие негодовали на то, что я провел

кампанию против должностных лиц-демократов в 2002 и 2004 годах, помогая кандидатам от республиканской партии сбрасывать таких стлбпов от демократической партии, как сенатор Макс Клеелэнд от Джорджии и лидер большинства в Сенате Том Дэшл.

Без сомнения, я также несу часть ответственности. Я всегда был за тех, кто поддерживает республиканцев, и не скрывал, что намеревался увеличить влияние нашей партии в Вашингтоне. Несмотря на то что я был готов законодательно откликнуться на проблемы демократов, я не мог ставить под угрозу свои принципы, как ожидали некоторые, готовые к сотрудничеству на этих условиях. Что касается социального обеспечения, я, возможно, неправильно понял наказ избирателей, пробивая решение, которое не было принято единогласно представителями от двух партий. Какие бы ни были причины раскола, это было плохо и для моего правительства, и для страны в целом.

Я нуждался в республиканце с большим политическим весом, поддерживающем прохождение закона о социальном обеспечении в Конгрессе. У меня такого не было. Много молодых политиков-республиканцев, таких как конгрессмен Пол Райан от Висконсина, поддерживали реформу. Однако в Конгрессе немногие были готовы обратиться к такому спорному вопросу.

Крах реформы социального обеспечения – одно из самых больших разочарований моего президентства. Несмотря на наши усилия, правительство пришло к тому, о чем я предупреждал: мы отфутболили проблему следующему поколению. Однако, вспоминая об этом, я не уверен, что мог поступить иначе.

Я начал действовать и сделал все что мог для проталкивания реформы. Я пытался действовать в обход, и экономическое предложение демократов стало основной проблемой моего плана. Отказ от реформы социального обеспечения показывает пределы президентской власти. Если Конгресс решил бездействовать, решение должен принимать президент.

За бездействие пришлось заплатить. За пять лет, прошедших с момента моего предложения о реформировании системы социального обеспечения, в ней еще более обострился. Ожидаемая дата ее банкротства переместилась с 2042 года на 2037-й. Затраты на решение проблемы возросли больше чем на 2 триллиона долларов по сравнению с 2005 годом. Это больше, чем мы потратили на войну в Ираке, модернизируя бесплатной медицинской помощи

ши и «Вспомогательную программу актива», вместе вятые. Для каждого, кого волновала судьба будущих поколений, отказ от преобразований в социальной сфере был самым непоправимым промахом на сегодняшний день.

Она стояла на пороге, одна, под дождем. Она выглядела усталой и испуганной. За несколько дней до этого Паула Рендон попрощалась со своей семьей в Мексике и села в автобус, направлявшийся в Хьюстон. Она приехала в Штаты без денег, у нее здесь не было друзей. Все, что у нее было – это адрес 5525 Бриэр-Драйв с именами ее новых работодателей, Джорджа и Барбары Буш.

Мне было тринадцать лет, когда тем вечером 1959 года я открыл дверь. Вскоре Паула стала второй мамой моим младшим братьям, сестре и мне. Она упорно трудилась, заботясь о нашей семье в Техасе и о своей собственной в Мексике. В конечном итоге она купила дом и переехала с семьей в Хьюстон. Она говорит, что самый важный день в ее жизни – тот, когда ее внук закончил колледж. Как губернатор и президент, я именно Паулу имел в виду, когда говорил об иммиграционной реформе. «Семейные ценности не заканчиваются в Рио-Гранде», – сказал я.

Большинство тех, кто уезжал из Мексики в Соединенные Штаты, как и Паула, ехали на заработки, чтобы прокормить свои семьи. Многие устраивались на каторжные работы – обработку зерновых культур в области, либо смолили крыши под солнцем Техаса. Одни, как Паула, получили постоянные рабочие визы, другие стали временными рабочими по программе «Мексиканец». Многие пересекали границу незаконно.

В течение следующих четырех десятилетий размер экономики Америки вырос с 3 трлн до более чем 10 трлн долларов. Потребность в рабочих увеличилась. Однако иммиграция осталась, а законы о трудоустройстве не менялись. Программа «Мексиканец» закончилась в 1964 году и не была заменена ни на какую другую, скорость выдачи постоянных рабочих виз вновь прибывшим оставалась неизменной, а потребность в рабочей силе все росла. Не имея возможности приехать в страну на законных основаниях, иммигранты прибывали нелегально, и их число увеличивалось.

На границе активизировались так называемые «американские вошки», занимающиеся контрабандой и подделкой документов. Они перевозили лю-

дей в кузовах автомобилей или заставляли их идти пешком через двойную пустыню. Число смертельных случаев было огромным. Однако большинству иммигрантов, решившихся на такое ради того, чтобы прокормить семью, удалось выжить.

К тому времени, когда я баллотировался на пост президента, незаконная иммиграция была серьезной проблемой. Наша экономика нуждалась в рабочих, но наши законы ее подрывали, а права человека нарушались. В моей кампании 2000 года я решил заняться этой проблемой. Я был уверен, что мы сможем найти рациональное решение, которое служило бы нашим национальным интересам и поддерживало наши ценности.

Моим первым партнером по иммиграционной реформе был мексиканский президент Висенте Фокс. Висенте и его жена Марта присутствовали на первом официальном обеде, данным Лорой и мной 5 сентября 2001 года. Я обсуждал возможность создания программы «Временный рабочий», которая позволит мексиканцам выезжать в Соединенные Штаты законно, чтобы получить определенную работу на конкретный срок. Висенте поддержал эту идею, но хотел большего. Он надеялся, что Америка легализует всех мексиканцев в Соединенных Штатах, – политика, которую он назвал регуляризацией. Я дал ему понять, что этому не бывать, поскольку боялся незаконных иммигрантов, которые, автоматически становясь гражданами страны, подрывают главенство закона и поощряют дальнейшую незаконную иммиграцию.

После произошедших событий 11 сентября меня больше всего волновала безопасность страны, страх, что террористы проскользнут через наши границы. Я решил подождать с программой «Временный рабочий», чтобы сконцентрироваться на безопасности границы. За четыре года после событий 11 сентября, работая с Конгрессом, нам удалось увеличить финансирование защиты границы на 60 %, нанять более тысячи девятисот новых агентов пограничной службы и установить передовую технику, такую как инфракрасные камеры.

В октябре 2005 года я утвердил законопроект национальной безопасности, обеспечивающий дополнительные 7,5 млрд долларов для финансирования охраны границы. Наши инвестиции в технологии повысились, например, на разведывательную инфраструктуру на границе, а также на финансирование увеличения численности коек в местах заключения около границы, что лишало чиновников возможности – расстевающей практики,

известной как освобождение за выкуп, — позволять незаконным иммигрантам, которых они арестовали, выходить на свободу.

Я надеялся, что внимание, которое мы уделяли безопасности, убедит американский народ в том, что мы серьезно относимся к незаконной иммиграции в нашу страну. Но одни только меры защиты не решили бы проблему. Экономика Америки была магнитом для бедных и потерявших надежду. Самый длинный и самый высокий забор в мире не остановил бы решившихся на все для обеспечения своих семей. Программа «Временный рабочий» была выходом из создавшегося положения. Если бы иммигранты, приезжающие работать, могли попасть в страну законно, им не надо было бы красться через границу, а экономика была бы надежно обеспечена рабочей силой. «Американские волки» и мошенники, нарушающие права человека, потеряли бы свой рынок, а агенты пограничной службы могли бы задерживать преступников, торговцев наркотиками и террористов.

15 мая 2006 года в прайм-тайм я впервые обратился с президентским обращением по вопросу иммиграции: «Мы — законопослушный народ, и мы должны провести в жизнь наши законы, — сказал я. — Мы — также страна иммигрантов и должны поддержать эту традицию, которая во многом усилила наше государство».

Затем я изложил план из пяти пунктов, преобразующий схему иммиграции. Первый пункт касался значительного увеличения инвестиций в безопасность границы, включая намерение удвоить состав пограничной службы к концу 2008 года и временном развертывании шести тысяч солдат Национальной гвардии для ее поддержки. Во втором пункте излагалась программа «Временный рабочий», которая включала защищенное от несанкционированного использования удостоверение личности. Третьим был пункт о более строгом контроле иммигрантов в фирмах, что помогло бы уменьшить эксплуатацию труда нелегальных рабочих и снизить уровень требований к ним. Четвертый пункт должен был способствовать ассимиляции, требуя, чтобы иммигранты выучили английский язык. В конце дебатов я затронул самый болезненный вопрос: «Что сделать с этими приблизительно двенадцатью миллионами незаконных иммигрантов в стране?»

«Некоторые видят выход в том, чтобы выслать всех нелегалов, и что любое другое предложение будет послаблением, — сказал я. — Я не согласен с этим, поскольку можно найти рациональный компромисс между пре-

доставлением гражданства каждому нелегалу и прощанием массовой высылки». Я предложила идентифицировать разницу между нелегалами, которые недавно пересекли границу, и теми, кто проработал в Америке много лет, уже пустил здесь корни и является сознательным членом общества. Я предложил, чтобы незаконным иммигрантам второй категории разрешили просить гражданство, когда те смогут соответствовать строгому набору критериев, включая уплату штрафа, компенсацию задолженности по уплате налогов, изучение английского языка и ожидание своей очереди очереди.

Спустя десять дней после этой речи Сенат принял законопроект, разработанный сенаторами Чаком Хэгелем от Небраски и Мэлом Мартинесом от Флориды, который соответствовал моей схеме. Но Палата, которая была сосредоточена на одной только безопасности границы, провалила подсчет голосов перед промежуточными выборами в ноябре 2006 года. Тогда демократы взяли Конгресс под свой контроль.

Вскоре после выборов 2006 года я пригласил группу важных законодателей в Овальный кабинет. Позже я отозвал Теда Кеннеди в сторону. К сожалению, наши отношения ухудшились с момента принятия проекта «Ни одного забытого ребенка». Я знал, что Тед не согласился с моим решением изгнать Саддама Хусейна. Но я был разочарован его ядовитыми репликами, в которых он утверждал, что я «подорвал основу доверия американского народа», сравнил меня с Ричардом Никсоном и назвал Ирак «Вьетнамом Джорджа Буша».

Слыша его резкие высказывания, я не узнавал в нем того дружелюбного человека, которого знал раньше. Я был особенно удивлен, что за эти годы Тед подвергся множеству серьезных политических нападков. Мне, однако, это простительно, поскольку я никогда не вел с Тедом разговоров о войне. Мне бы не удалось изменить его убеждений, но он, будучи порядочным человеком, возможно, не стал бы так высказываться.

Я надеялся, что иммиграционная реформа предоставит шанс для возобновления нашего сотрудничества. «Я думаю, это то, что мы в состоянии сделать, — сказал я ему на нашей встрече после выборов. — Давайте докажем скептикам, что они снова ошибаются». Он согласился.

Весной 2007 года Тед сотрудничал с республиканскими сенаторами от Аризоны, Джоном Маккейном и Джоном Чжи, по вопросу об усилении безопасности границы, создал программу «Временный рабочий» и выставил жесткий, но справедливый путь к гражданству для законопослушных иммигрантов, которые жили в Америке в течение многих лет.

Я ездил по стране, рекламируя программу, особенно делая акцент на безопасности границы и ассимиляции. Страсти накалялись со всех сторон. Поскольку иммигранты устраивались на работу по всей стране, они оказывали влияние на местные школы и больницы. Жителей волновало изменение социальной структуры общества. По радио и телевидению комментаторы предупреждали относительно «вторжения стран третьего мира и завоевания Америки». Тем временем огромные толпы сторонников легализации устраивали митинги в крупных городах, нагло размахивая мексиканскими флагами, что оскорбляло многих американцев.

В Вашингтоне сложилась непростая ситуация. Конгрессмены обещали: «Мы не будем сдавать Америку» и предложили, чтобы сторонники реформы «носили алую букву А, означающую амнистия». С другой стороны, председатель демократической партии сравнил программу «Временный рабочий» с рабством. Глава крупнейшего профсоюза Америки назвал реформу «антисемейной и антирабочей».

В разгаре безумства мне позвонил Тед Кеннеди после того, как я закончил свою речь в Военно-морском колледже в Ньюпорте, Род-Айленд. «Господин президент, — сказал он, — вы должны позвонить Гарри Риду, чтобы он продолжил в выходные прения в Сенате». Мы полагали, что нам не хватало одного-двух голосов, чтобы законопроект прошел, но Сенат, по плану, должен был прервать свою деятельность для празднования Дня Независимости США. Учитывая важность законодательства, я думал, что надо будет дать им немного дополнительного времени для того, чтобы законопроект прошел. Очевидно, Гарри Рид не сделал этого.

Если Тед Кеннеди не смог убедить лидера своей партии — партии большинства, я не имел шанса на успех. Я сделал попытку, но было слишком поздно. Гарри принял свое решение. Он объявил о прекращении прений, которые провалились, и распустил Сенат. Сенаторы разъехались по домам и слушали озлобленные голоса, раздававшиеся по радио и телевидению. К тому времени, когда они возвратились в Вашингтон, иммиграционная

реформа была мертва. В результате те, кто занимался переправкой нелегальных иммигрантов через границу, продолжают этим заниматься, а иммигранты продолжают пересекать границу незаконно и социальная политическая проблема остается нерешенной.

Я расстроен, что не смог утвердить законопроект, но не жалею, что занимался реформой социального обеспечения и иммиграционной реформой. Наши усилия привели к тому, что общество узнало о проблемах, которые не решены. Один из уроков истории заключается в том, что иногда требуется больше, чем один президент, и даже больше, чем одно поколение, чтобы достигнуть главной законодательной цели. Линдон Джонсон, создавая бесплатную медицинскую помощь, опирался на достижения Гарри Трумэна. Я надеюсь, наша работа над социальным обеспечением и иммиграцией поможет будущему президенту преобразовать и то, и другое. По крайней мере, я смог несколько смягчить проблемы «третьего рельса».

Если бы мне снова надо было решать эти вопросы, я бы отдал предпочтение решению иммиграционной проблемы, а не вопросам социальной помощи как основной инициативе моего второго срока. В отличие от социального обеспечения, у иммиграционной реформы была двухпартийная поддержка. Пожар, разгоревшийся в оппозиционной партии против иммиграционной реформы в 2006-м и 2007-м годах, возможно, не бушевал бы так в 2005-м. Нам не пришлось бы преодолевать напряжение, вызванное вторжением в Ирак и ураганом «Катрина». Если бы успешный законопроект об иммиграции прошел, он, возможно, стал бы толчком, который облегчил подход к решению проблем в социальной сфере. Вместо этого все получилось наоборот. Когда реформа социального обеспечения провалилась, это привело к предвзятости голосования и сделало иммиграционную реформу более жесткой.

Провал иммиграционной реформы указывает на большое беспокойство по поводу направления нашей политики. Смесь изоляционизма, протекционизма и нативизма, которой коснулись во время обсуждения иммиграционной политики, заставила Конгресс блокировать соглашения о свободной торговле с Колумбией, Панамой и Южной Кореей. Я понимаю то беспокойство, которое люди испытывают относительно иностранной конкуренции. Но наша экономика, безопасность и культура были бы ослаблены, если бы мы отгородились от остального мира. Американцам не следует

бояться конкуренции. Наша страна всегда процветала, когда нам удавалось заинтересовать мир в наших ценностях и непосредственно в нас самих. Так же будет и в двадцать первом веке.

Чтобы уменьшить влияние идеологических крайностей, следует изменить способ избрания наших членов Конгресса. В 2006 году только 45 из 435 выборов в Палату прошли через серьезные прения. Поскольку участники в так называемых благополучных районах не должны волноваться о выпадах оппозиции, они больше всего уязвимы внутри своей партии. Это особенно верно в эру блогеров, превращающих политических деятелей, которых они считают идеологически нечистыми, в национальные цели. В итоге члены Конгресса от обеих партий склонны впадать в крайности, страхуясь от серьезных обвинений.

Наше правительство было бы более эффективным — и наша политика более цивилизованной — если бы избирательные округа по выборам в Конгресс были представлены группами беспристрастных старейшин вместо пристрастных законодательных собраний штата. Это привело бы к более конкурентоспособным всеобщим выборам и менее поляризованному Конгрессу. Подобные изменения потребовали бы от политических деятелей отказаться от части своей власти, а это всегда нелегкая задача. Но для будущих президентов, стремящихся заниматься серьезными вопросами, такое решение было бы из числа достойных.

Одним из самых интересных моментов во время моего пребывания у власти было наблюдать, как по-разному моя философия интерпретировалась различной публикой. Забавно было читать в газетах, как левые называли меня самым консервативным президентом в истории, в то время как правые осуждали меня как консерватора-отступника. Часто они осуждали одну и ту же проблему. Я был архиконсервативным идеологом для того, чтобы внедрить рыночные отношения в бесплатную медицинскую помощь, и влиятельным либеральным правителем для того, чтобы сделать льготным отпуск лекарств по рецепту. Я был бессердечным консерватором, обвиняя школы в неудачах, и чутким либералом, когда тратил большие деньги на бедных студентов. Все зависело от того, кого вы спрашивали.

Я горжусь, что подписал проект «Ни одного забытого ребенка» и модернизировал бесплатную медицинскую помощь — две части законода-

тельства, которые улучшили жизнь наших граждан и показали, что сочетание консервативных принципов ответственности и основанных на рыночных отношениях конкуренции — эффективный способ получить результат. Я рад, что «Инициативы, основанные на вере» продолжают. Я уверен, что реформа социального обеспечения и иммиграционная реформа когда-то станут действительностью. Во всяком случае, я удовлетворен тем, что мы занимались серьезными проблемами и никогда ни перед кем не заискивали.

ГЛАВА 10

«КАТРИНА»

«Кто отвечает за безопасность в Новом Орлеане?» — спросил я. Мой вопрос в пятницу, 2 сентября 2005 года, утихомирил бурную дискуссию в конференц-зале президентских авиалиний. «Губернатор», — ответил мэр Рэй Нэджин, указывая на Кэтлин Бланко, сидящую за столом из темного дерева.

Все посмотрели в ее направлении. Губернатор Луизианы застыла. Она выглядела взволнованной и усталой. «Я думаю, что за безопасность отвечает мэр», — сказала она уклончиво.

Прошло четыре дня с начала урагана «Катрина», обрушившегося на побережье залива. Ветер со скоростью 120 миль в час сровнял побережье Миссисипи и обрушил шквал воды через дамбы Нового Орлеана. Восемьдесят процентов города, место жительства более 450 тысяч человек, затопило. Все телеканалы передавали о вспышке мародерства и насилия.

По закону государственные и местные власти должны были дать решительный отпор стихии. Такой подход был уже опробован во время восьми ураганов, девяти тропических ливней и более двухсот торнадо, наводнений, пожаров и других чрезвычайных ситуаций, с которыми мы сталкивались начиная с 2001 года. Власти руководили мероприятиями, связанными с последствиями «Катрины» в Алабаме и Миссисипи, где я уже побывал тот же день. Но по прошествии четырех дней стало ясно, что власти Луизианы не справятся с всеобщим хаосом.

Первоначально я планировал приземлиться в аэропорту Нового Орлеана, подхватить губернатора Бланко и мэра Нэджина и провести аварийную ситуацию во время полета. Но при перелете на *Marin One* из Миссисипи мы узнали, что губернатор, мэр и группа конгрессменов из Луизианы потребовали вначале провести закрытое совещание на президентском самолете Борт № 1.

Обстановка накалялась, а губернатор и мэр препирались. Все ругали Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям за то, что оно не в состоянии удовлетворить их требования. Конгрессмен Бобби Джиндэл указал, что Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям попросило, чтобы даже посылали по электронной почте свои запросы, несмотря на нехватку электричества в городе. Я покачал головой. «Мы устраним это», — сказал я, посмотрев на директора Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям Майка Брауна. Сенатор Мэри Ландрье вмешалась настолько эмоционально, что я вынужден был ее успокоить: «Пожалуйста, тише».

Я попросил губернатора Бланко о конфиденциальной беседе. Из конференц-зала через узкий проход мы прошли в небольшой кабинет в переднем отсеке президентского самолета. Я сказал ей, что государственные и местные власти не справляются с задачей. «Губернатор, — жестко сказала я, — вы должны передать все полномочия федеральному правительству».

Она сказала, что ей потребуется двадцать четыре часа на обдумывание этого.

«У нас нет двадцати четырех часов», — отрезал я. — Мы ждали уже слишком долго». Но губернатор отказалась дать ответ.

Затем я попросил о конфиденциальной встрече с мэром Нэджином. Он четыре дня — с тех пор как начался ураган — провел в отеле в центре города. Он не принимал ванну, не ел горячего, и только появившись в моем самолете, принял душ и позавтракал. Накануне вечером в радио-интервью он выразил свое недовольство федеральному правительству. «Оторвите свои задницы от кресел и сделайте что-нибудь», — сказал он, — и давайте признаем, что это самый большой проклятый кризис в истории этой страны». Потом он заплакал. Когда я встретил его в самолете, Рей шепотом извинился за свою вспышку и объяснил, что был на грани изнурения.

Я спросил мэра, что он думает о передаче ответственности за ситуацию федералам, и он поддержал мое решение. «Никто не несет ответственнос-

ти, — сказал он. — Мы должны четко обозначить, кто за что отвечает». Но только губернатор мог ходатайствовать, чтобы федеральное правительство взяло на себя управление чрезвычайной ситуацией.

К тому времени, когда были подсчитаны убытки от урагана, «Катрину» оценили как самое убыточное стихийное бедствие в американской истории.

Говоря по правде, ураган был одним из трех бед. Помимо него на побережье залива обрушилось наводнение, вызванное разбитыми новоорлеанскими дамбами, и вспышка насилия и произвола в самом городе.

Трагедия показала беспомощность человека в борьбе со стихией.

Ураган «Катрина» был чрезвычайно сильным. Он охватил ту часть страны, которая находится в значительной степени ниже уровня моря, и катастрофы было не избежать. Ответные действия были не только неверными, но и недопустимыми. В то время как люди самоотверженно сражались с ураганом до и после шторма, правительство показало свою некомпетентность, складываясь впечатление, что оно не заботится о своих гражданах. Серьезные ошибки были совершены на всех этапах борьбы со стихией – с момента отказа организовать своевременную эвакуацию из Нового Орлеана до несогласованности в действиях местных сил безопасности, проявившейся в отсутствии координации действий и связи. Как лидер федерального правительства, я должен был признать недочеты как можно быстрее и вмешаться в ликвидацию последствий. Я гордился своей способностью принимать свежие и эффективные решения, однако в случае с «Катриной» это не сработало. Проблема заключалась не в том, что я принял неправильные решения, а в том, что слишком долго думал.

Другая ошибка заключалась в том, что я не сумел высказать свое беспокойство о людях, пострадавших от урагана. Так, во всяком случае, мне тогда казалось. Мое сердце обливало кровью при виде беспомощных жителей, загнанных на крыши и ожидавших спасения. Меня оскорблял тот факт, что самая сильная страна в мире не может обеспечить водой матерей, держащих на руках мучимых жаждой младенцев. Во время тринадцати посещений Нового Орлеана после шторма я выразил свое искреннее сочувствие жителям и решимость помочь им восстановить утраченное. Однако многие из наших граждан, особенно афроамериканцы, были почему-то убеждены, что и президент не заботится о них.

Ужасающие последствия урагана не ограничивались только разрушением города. Это подрывало доверие граждан к своему правительству и способствовало расколу в нашем обществе и политике. И это омрачило мой второй срок.

Вскоре после шторма многие пытались понять, что произошло и кто был за это ответственен. Теперь, по истечении времени, когда страсти улеглись, наша страна может трезво оценить причины возникшего положения, успехов и неудач и, что самое важное, извлечь уроки из этого.

Я вновь и вновь проигрывал в уме сцену происшедшего: разрушение шторма было огромно. Губернатор злился на Вашингтон за бюрократизм, за то, что он медлил, СМИ утверждали: вся ответственность лежит на Белом доме; а политики отвечали, что федеральное правительство было не в курсе.

В 1992 году мне пришлось наблюдать подобную картину, когда отец впервые столкнулся с политикой борьбы со стихийным бедствием. Тогда, в преддверии президентских выборов, ураган «Эндрю» властвовал на побережье Флориды. Губернатор-демократ Лотон Чайлс и кампания Билла Клинтона использовали эту ситуацию как доказательство бездействия федерального правительства. Их критика была несправедлива. Отец мгновенно отреагировал на шторм. Он послал Энди Карда, тогда министра транспорта, в длительную командировку во Флориду для наблюдения за процессом восстановления. Однако из-за того, что общественное мнение о действиях отца уже было сформировано, его трудно было изменить.

Как губернатор Техаса, я управлял борьбой с многочисленными стихийными бедствиями: с пожарами в округе Паркер, наводнениями в Хилл-Кантри и Хьюстоне и торнадо, который прошелся по небольшому городку Джаррелл. Никогда не было никаких сомнений относительно того, кто за что отвечает. Согласно закону Стаффорда, принятому Конгрессом в 1988 году, государственные и местные чиновники отвечали за первые ответные меры. Федеральное правительство подключалось позже — по требованию штата. Как губернатор, я именно так и действовал.

Как губернатор, я именно так и действовал.

Как президент, я стал отвечать за другую задачу государственно-федерального аппарата. Я поручил Джо Аллогу, начальнику штаба губернатора, создать Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям. После событий 11 сентября он послал самое большое в истории количество — двадцать пять поисково-спасательных команд — в Нью-Йорк и Пентагон. Джо

эффективно работал с Руди Джулиани и Джорджем Патаки по разбору развалин, помощи местным пожарным и полиции, и добился вложения миллиардов долларов, чтобы помочь оправиться Нью-Йорку.

Когда я в 2002 году работал с Конгрессом по реорганизации правительства, Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, являющееся с 1979 года независимым ведомством, стало частью нового Отдела национальной безопасности. Я считал логичным, когда сотрудники, решающие вопросы по предотвращению терактов, работают рядом с теми, кто готов мгновенно среагировать на последствия. Но это означало потерю автономии для Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Я не знаю почему, возможно, из-за желания перейти в частный сектор, но Джо Аллбог решил уйти. Он порекомендовал своему представителю Майклу Брауну следовать за ним. Я принял их отставку.

Сезон ураганов 2004 года стал тестом для новой структуры реагирования на чрезвычайные ситуации. В течение шести недель четыре страшных урагана – «Чарли», «Фрэнсис», «Иван» и «Джин» – бушевали во Флориде. Впервые почти за 120 лет на один штат обрушилось столько штормов. Я совершил четыре поездки в штат, навещая жителей, потерявших дома в Пенсаколе, производителей цитрусовых в Лейк-Уэльсе, чей урожай смело с лица земли, и спасателей, осуществляющих поставки в Порт Святой Луции.

В целом, эти четыре урагана привели к убыткам на сумму более 20 млрд долларов, унесли 128 жизней, а более 2,3 миллиона жителей лишились своих домов. Потери были огромны, но самое ужасное – гибель людей. Губернатор Флориды был опытным руководителем, который понимал, что государственным и местным чиновникам необходимо взять на себя инициативу по ликвидации чрезвычайной ситуации. Мой брат Джеб объявил чрезвычайное положение, наладил коммуникации и обратился с конкретными просьбами к федеральному правительству. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям ответило самой широкомасштабной операцией в своей истории, дислоцировав 11 тысяч работников во Флориде и других затронутых ураганами штатах. Во Флориду Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям послало 14 миллионов пайков, 10,8 миллиона галлонов воды и почти 163 миллиона фунтов льда. Агентство тогда помогло переправить 13,6 млрд долларов, что су-

щественно облегчило положение пострадавших. Майк Браун своими действиями завоевал не только мое доверие. Жесткий критик, Джеб также сказал мне, что Майк прекрасно поработал.

Эффективная борьба с ураганами 2004 года спасла многие жизни и помогла восстановлению территорий. Проверив нашу схему реагирования на четырех сокрушительной силы ураганах, следовавших один за другим, мы убедились, что можем со всем справиться.

Во вторник, 23 августа 2005 года, Национальная метеорологическая служба объявила об урагане, формирующемся на Багамах. Ураган, который начинался под названием «Тропическая Депрессия Двенадцать», усиливался, превращался в тропический шторм и получил имя «Катрина».

К 25 августа «Катрина» превратилась в ураган первой категории,двигающийся на Южную Флориду. В 18:30 ветер скоростью восемьдесят миль в час сорвал крыши с домов, и начался проливной дождь. Несмотря на приказ эвакуироваться, некоторые люди опрометчиво решили переждать шторм. В результате погибли четырнадцать человек.

Мы с Лорой провели большую часть августа в Кроуфорде, где я регулярно получал сообщения. Пресса пыталась оторвать меня от вашингтонских каникул, но это все равно не было отдыхом. Я получал ежедневные краткие донесения разведки в секретном трейлере, стоявшем на другой стороне улицы, регулярно встречался с советниками и использовал ранчо в качестве базы для встреч и поездок. Я исполнял президентские обязанности, где бы ни был. В это время ураган своим западным крылом продвинулся еще на тысячу двести миль дальше на запад.

После разрушения Южной Флориды «Катрина» понеслась через Мексиканский залив к Алабаме, Миссисипи и Луизиане. Мой высокопоставленный советник в Кроуфорде, заместитель начальника штаба Джо Хэдджин, держал меня в курсе последних событий. К субботе 27 августа «Катрина» стала ураганом третьей категории. В воскресенье ей присвоили четвертую категорию, а затем категорию пять – самую опасную. Национальный Центр ураганов также пересмотрел свои выводы о направлении шторма. С утра субботы «Катрина» угрожала Новому Орлеану.

Город я знал хорошо. Новый Орлеан был в шести часах езды на машине от Хьюстона, и я, будучи мальчишкой, часто там бывал. Я любил еду, культуру и ярких людей Большого города. Я также знал, что местные жители

боялись Большого шторма, который мог затопить их город, и они молились, чтобы этого никогда не произошло.

Любой, кто бывал в Новом Орлеане, может понять их беспокойство. Город на низменности выглядит как вогнутая чаша. Система дамб и каналов – оправа чаши – обеспечивает основную защиту от наводнений. Построенные инженерными войсками, дамбы имели непростую историю. Когда я был губернатором, я прочитал захватывающую книгу Джона Барри «Наводнение» о Большом наводнении Миссисипи 1927 года. После того как в результате проливных дождей уровень воды в ней поднялся и река вышла из берегов, новоорлеанские чиновники убедили губернатора Луизианы взорвать дамбу на юге в надежде на спасение города. Это привело к разрушению двух сельских округов, Плакемайнс и Св. Бернарда. В течение долгого времени пришлось укреплять дамбу, особенно после того, как на город обрушился ураган «Бетси» в 1965 году. За сорок лет городу пришлось пережить семь ураганов.

Флоридские ураганы 2004 года показали, насколько необходимо быть хорошо подготовленными к подобным штормам, чтобы адекватно реагировать на них. Когда мы узнали, что ураган «Катрина» направился в Новый Орлеан, я объявил Федеральному агентству по чрезвычайным ситуациям о высшем уровне готовности. Правительство предварительно организовало доставку более 3,7 млн литров воды, 4,6 млн фунтов льда, 1,86 млн пайков, готовых к употреблению, и 33 бригады врачей. Все вместе взятое составило самое крупное обеспечение гуманитарной помощью в истории Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям.

Вооруженные силы тоже были приведены в готовность. Адмирал Тим Китинг – глава новой Северной команды, которую мы создали после 11 сентября для защиты страны – дислоцировал отряды по ликвидации чрезвычайных ситуаций на побережье залива. Наготове были и вертолеты Береговой охраны. В затронутых ураганом штатах были задействованы более пяти тысяч солдат Национальной гвардии. Силы охраны из других штатов были готовы прийти на помощь. Несмотря ни на что, будь то Ирак или какая иная причина, гвардейцев хватало.

Все эта федеральная деятельность была нацелена на поддержку государственных и местных чиновников. Моя команда, во главе с секретарем национальной безопасности Майком Чертоффом, блестящим адвокатом и

порядочным человеком, который оставил свою жизненную должность федерального судьи, чтобы устроиться на эту работу, находилась в тесном контакте с губернаторами Луизианы, Миссисипи, Алабамы и Флориды. Губернатор Бланко запросила чрезвычайную декларацию, позволяющую Луизиане использовать федеральные ресурсы, чтобы профинансировать приготовления к ликвидации чрезвычайных ситуаций ее штата. Только однажды в новейшей истории – перед ураганом «Флойд» в 1999 году – президент выпустил чрезвычайную декларацию прежде, чем шторм подошел к побережью. Я подписал ее в субботу ночью, одновременно с подобными декларациями для Миссисипи и Алабамы на следующий день.

В воскресенье утром Национальный ураганный центр описал «Катрину» как «не только чрезвычайно интенсивный, но также и широкомащштабный ураган». Мэр Нэджин предложил добровольно эвакуироваться. Я знал, что Новый Орлеан достаточно хорошо понимал, что это не сработает. Люди слышали апокалиптические штормовые предупреждения в течение многих лет. Некоторые использовали их в качестве призывов во время празднований на улице Бурбона как вызов богам урагана. У других не было средств эвакуироваться. Эвакуация должна была быть принудительной, с созданием особых условий для людей, которые нуждались в помощи. Необходимы были автобусы для транспортировки тех, у кого не было автомобилей. Вид пустых новоорлеанских школьных автобусов, затопленных на покинутой автостоянке, рвал душу.

В 9:14 я позвонил губернатору Бланко.

«Что происходит в Новом Орлеане? – спросил я. – Выполнил ли Нэджин приказ по принудительной эвакуации?»

Она сказала, что он не выполнил приказ, несмотря на страшные прогнозы, полученные предыдущей ночью от Макса Мэйфилда, директора Национального ураганного центра. Макс позже сказал, что это был второй случай в его тридцатилетней практике, когда он так стремился дозвониться должностным лицам лично.

– Мэр должен приказать людям уехать из города. Это единственный способ заставить их подчиниться, – сказал я губернатору Бланко. – Позвоните ему и скажите об этом. Мои люди говорят, что надвигается смерч.

– Они не смогут вывезти всех вовремя, – сказала она. К сожалению, я знал, что она была права, но ждать было нельзя.

— Какая еще помощь требуется от федерального правительства? — спросил я у губернатора.

Она уверила меня, что работала в тесном сотрудничестве с моей командой, и все необходимое они получили.

— Вы в этом абсолютно уверены? — уточнил я.

— Да, господин президент, у нас все под контролем, — подтвердила она.

— Хорошо, не теряйте связь, — сказал я, — позвоните Рею и заставьте его прямо сейчас начать эвакуацию.

Час спустя мэр Нэджин объявил о первой принудительной эвакуации в Новоорлеанской истории. «Это — угроза, с которой мы никогда не сталкивались прежде», — сказал он. Менее чем через двадцать четыре часа на побережье обрушилась «Катрина».

Я также позвонил губернатору Хейли Барбура в Миссисипи, губернатору Бобу Райли в Алабаму и моему брату Джебу во Флориду. Я сказал им, что они могут рассчитывать на мощную поддержку со стороны федерального правительства.

Незадолго до 11:00 я присоединился к телемосту, организованному телеканалом Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям и чиновниками из штатов, лежавших на предполагаемом пути следования урагана «Катрина». Как правило, президент не участвует в брифингах подобного уровня, поэтому, когда мое лицо появилось на экране, я понимал, каково будет удивление. Все дело в том, что своим появлением я хотел показать всему правительству, насколько серьезно я отнесся к надвигающемуся урагану.

На брифинге обсудили возможность затопления вдоль береговой линии штата и рассмотрели вероятность продвижения ударной волны, которая вполне реально могла накрыть новоорлеанскую дамбу. Однако никто не предсказывал, что дамба рухнет, что стало бы гораздо более серьезной проблемой по сравнению со всеми предыдущими. «Текущий прогноз говорит о том, что в самом Новом Орлеане произойдет небольшое наводнение, — сказал Макс Мэйфилд. — Но мы всегда говорили, что рассчитать силу штормовой волны можно с точностью только до двадцати процентов».

Несколько минут спустя я выступил перед камерами. «Урагану "Катрина" теперь присвоена пятая категория, — сказал я. — Мы не можем гарантировать безопасность жителям побережья залива. Я прошу всех граждан позаботиться о своей собственной безопасности и о безопасности своих семей и

переехать в безопасную зону. Пожалуйста, внимательно прослушайте инструкции, разработанные государственными и местными властями».

В понедельник, 29 августа, в 6:10 по местному времени ураган «Катрина» подобрался к Луизиане. Его эпицентр продвинулся по округу Плакемайнс, в далеком юго-восточном аппендиксе штата, промчался на север к границе штатов Луизиана—Миссисипи, что приблизительно в сорока милях к востоку от Нового Орлеана. «Ураган действительно собирается обйти центр города Новый Орлеан и пойти на восток», — сообщил Брайан Уильямс в новостях *NBC*. Он сказал, что Новый Орлеан пережил «лучший из худших вариантов», а журналисты объявили, что город «увернулся от пули». Губернатор Бланко подтвердила, что, несмотря на небольшое затопление дамбы, никаких разрушений не обнаружено. Все в штате, включая меня, ложились спать, думая, что дамба устоит.

В Миссисипи дело обстояло иначе — разрушения были налицо, поскольку береговая линия была разбита на протяжении восьмидесяти миль. Центр Галфпорт оказался затоплен водой на десять футов, а казино, баржи и мосты разрушены. Главная автомагистраль US 90, ведущая на юг Миссисипи, была закрыта. В городе Уэйвлэнд инфраструктура была повреждена или разрушена на 95 %.

Ранним утром вторника, во второй день «Катрины», я узнал, что первые отчеты были неправильны. Дамба в Новом Орлеане была разрушена, и вода из озера Пончартрен заливала город, расположенный ниже его уровня. Приблизительно 80–90 % жителей были эвакуированы, но десятки тысяч остались, включая людей из бедных и наиболее уязвимых низменных областей, как Девятый административный Нижний район.

Наряду с важностью поставки гуманитарной помощи в город, главным было спасение жизней. Вертолеты Береговой охраны взяли инициативу на себя. Чтобы пилоты не задели линии электропередач и деревья, спасатели спускались вниз на веревках на крыши домов, чтобы подхватить жителей, находившихся там. Когда я услышал обвинения в том, что федеральное правительство действовало медленно, я вспомнил о тех храбрых гвардейцах побережья, организовавших одну из самых быстрых и эффективных спасательных операций в американской истории.

«Этим утром мы от всей души молились за наших сограждан на побережье залива, которые сильно пострадали от урагана "Катрина", — сказал я в Сан-Диего, куда приехал на празднование шестидесятой годовщины победы Америки в Тихоокеанской акватории во Второй мировой войне. — Жители Луизианы, Миссисипи, Алабамы и других зон поражения нуждаются в помощи, сострадании и молитвах наших сограждан».

После речи я решил заехать в Кроуфорд, чтобы подготовиться к поездке в столицу и вернуться в Вашингтон в среду утром. Джо Хэджин обратился к губернаторам Бланко и Барбуру, чтобы обсудить возможность визита. Оба понимали, что это преждевременно. Президентское прибытие потребовало бы для обеспечения безопасности в аэропорту десятки сотрудников правоохранительных органов, машину «скорой помощи», медперсонал и многие другие ресурсы. Никто из губернаторов не хотел отвлекать силы спасения для подготовки к моему прибытию, и я согласился с ними.

На борту президентского лайнера мне сказали, что наш полет пройдет над некоторыми областями, разрушенными ураганом «Катрина». Чтобы лучше разглядеть последствия стихии, у нас была возможность низко пролететь над побережьем залива. Поскольку я не собирался совершать посадку в зоне бедствия, то счел, что лучше всего обозреть территорию сверху.

Когда я увидел результаты разрушения, у меня перехватило дыхание. Новый Орлеан был почти полностью затоплен. Местами просматривались выступающие из воды крыши, однако крыша стадиона луизианского «Суперкупола» была, снесена напрочь.

Мост I-10, соединяющий Новый Орлеан со Слайделлом, упал в озеро Пончартрен. Автомобили плыли по рекам, которые когда-то были улицами. Пейзаж был похож на кадры из фильма ужасов.

Разрушения в Миссисипи были еще ужаснее. На много миль вдоль берега каждое строение было разрушено до основания, сосны разбросаны по побережью как спички. Огромные казино, расположенные на баржах в заливе, были разломаны и по частям выброшены на берег. Мост через залив Сент-Луис постигла та же участь. «Это похоже на взрыв ядерной бомбы», — подумал я.

Глядя из окна, я думал о стойкости людей, находящихся внизу. Что приходит вам в голову, когда все вокруг разрушено? Оцениваете ли вы то, что исчезло навсегда? Больше всего я переживал о застрявших в развалинах людях.

Я выбрал отчаяние, которое они должны чувствовать, когда выбирались из крыши, спасаясь от поднимающейся воды. Я позволил об их спасении.

В какой-то момент наша команда по связям с прессой пропустила фотографов в салон. В то время я только отметил это, так как не мог отвести взгляд от разрушений внизу. Но когда фотографии были опубликованы, я понял, что сделал серьезную ошибку. Фотографии создавали впечатление, будто я нависал над разрушениями и был далек от страданий на земле. Это было совсем не то, что я чувствовал. Но так как общественное мнение уже сформировалось, я не мог изменить его. Я столкнулся с тем же, что и мой отец после урагана «Эндрю».

Я часто размышлял над тем, что я должен был сделать по-другому в тот день. Я полагаю, что решение не совершать посадку в Новом Орлеане было верным. Аварийные службы были бы отозваны от спасательных работ, а это неправильно. Лучшим выбором было сесть в аэропорту Батон-Руж, столице штата, в восьмидесяти милях к северу от зоны наводнения. Там я мог выработать стратегию действий с губернатором и уверить пострадавших от урагана «Катрина», что их страна вместе с ними.

Приземление в Батон-Руже не могло спасти чьих-либо жизней. Прок от этого был лишь в хорошей связи с общественностью. Но эти связи имеют значение, когда вы — президент, особенно когда люди находятся в опасности. Когда ураган «Бетси» опустошал Новый Орлеан в 1965 году, Линдон Джонсон вылетел туда из Вашингтона поздно ночью. Он с фонарем пробирался в убежище Девятого административного района. «Это — ваш президент! — провозгласил он, когда оказался в темном и переполненном помещении. — Я здесь, чтобы помочь вам!» К сожалению, я не последовал его примеру.

В среду днем, совершив посадку у Белого дома, я созвал экстренное совещание по чрезвычайной ситуации в Кабинете, чтобы обсудить наши действия. «Каждое агентство должно приложить все усилия, — сказал я команде. — Проанализируйте свои ресурсы и найдите способ сделать как можно больше».

В Розарии я сделал заявление, обрисовав в общих чертах федеральный проект. Министерство транспорта послало грузовики, чтобы наладить поставки. Здравоохранение и социальное обеспечение выделило бригады вра-

чей и погребальные команды. Энергетики открыли Стратегический нефтяной запас для предотвращения роста цен на бензин. Министерство обороны послало военный корабль США *Bataan* для проведения поисково-спасательных работ и плавучий госпиталь *Комфорт USNS*, чтобы обеспечить медицинское обслуживание населения. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям увеличило поставки в область бедствия и строило жилье для эвакуируемых. Позже мы узнали, что были большие проблемы с организацией и отслеживанием ситуации, что приводило к отсрочке, а иногда и невыполнению многих поставок.

Несмотря на необходимые меры по материально-техническому обеспечению, отчаяние американцев было велико. С телеэкранов не сходили кадры с жертвами катастрофы. Пострадавшие, потерявшие все, оставшиеся без средств к существованию, стояли на крышах затопленных домов с плакатами: «Помогите мне!» Многие из интервьюируемых говорили одно и то же: «Я не могу поверить, что это происходит в Соединенных Штатах Америки».

Вдобавок к урагану и наводнению, мы теперь столкнулись с третьим бедствием: хаосом и насилием в Новом Орлеане. Грабители разбивали витрины, чтобы украсть оружие, одежду и драгоценности. Вертолеты не могли приземлиться из-за ружейного обстрела. Здания в центре города были в огне.

Полиция была не способна восстановить порядок. В то время как многие чиновники честно выполняли свои обязанности, некоторые оставили свои посты, чтобы заняться собственными личными чрезвычайными ситуациями. Другие присоединились к преступникам. Я был разгневан, когда увидел пленку с выходящими из магазина полицейскими, выносящими широкоформатные телевизоры. Я вспоминал произошедшее четырьмя годами ранее в Манхэттене. Вместо того чтобы врываться в горящие здания для спасения человеческих жизней, некоторые в Новом Орлеане врывались в магазины, чтобы украсть электронику.

Ужасающая сцена происходила на Луизианском стадионе, где десятки тысяч людей собрались в поисках убежища. После трех дней урагана крыша протекала, кондиционеры не работали, а канализация вышла из строя. СМИ сообщали о единственных выходах, включая насилие и убийства. В царящем хаосе и при плохой связи правительство никогда не знало наверняка, что происходит. Нам потребовались не-

сколько дней, чтобы узнать о тысячах людей, оказавшихся в новорлеанском Конференц-центре без еды и воды.

В связи с тем что полиция оказалась неспособна остановить беззаконие, было решено увеличить число войсковых подразделений. Со среды в Новом Орлеане находилось приблизительно четыре тысячи солдат Национальной гвардии, а на подходе было подкрепление. Но гвардия под командованием губернатора казалась сломленной. Единственный выход был в том, чтобы развернуть войска действительной военной службы и поместить их вместе с силами гвардии в Луизиане под объединенной командой федерального правительства.

Силы 82-й воздушно-десантной дивизии ждали приказа о выдвижении, и я был готов отдать его. Но у нас была проблема. Закон 1878 о Поисковых отрядах мешал вооруженным силам действительной военной службы осуществлять деятельность по наведению законности в пределах Соединенных Штатов. Дон Рамсфелд разговаривал со многими военными, выступавшими против посылки 82-й дивизии ВДВ.

В законе о Поисковых отрядах было одно исключение. Если бы я объявил, что Новый Орлеан находится в состоянии мятежа, то мог бы развернуть федеральные войска, снабженные всеми правоохранительными полномочиями. В 1992 году мой отец воспользовался Законом о мятеже, погнав вооруженные силы на подавление беспорядков в Лос-Анджелесе. Тогда губернатор Калифорнии Пит Уилсон запросил применение федеральных сил. Закон о мятеже можно было применять, несмотря на протест губернатора. В самом известном примере президент Дуайт Эйзенхауэр бросил вызов губернатору Орвэлу Фобусу, развертывая 101-ю дивизию ВДВ для проведения в жизнь решения Верховного суда о десегрегации в Центральной средней школе в Литл-Рок, штат Арканзас.

В четверг утром, на четвертый день «Катрины», Энди Кард официально поднял проблему перспективы федерального ответа губернатору Бланко и его команде. Губернатор не хотела передавать власть федеральному правительству. Это ставило меня в тяжелое положение, но мир считал бы, что рес-сея Законом о мятеже, несмотря на ее возражения, то мир считал бы, что рес-публиканский президент мужского пола узурпирует власть демократичес-ного губернатора женского пола, объявляя мятеж в городе, где живут в ос-новном афроамериканцы. Это привело бы к противостоянию где угодно.

Сделать же так в южных штатах, где вопрос о государственных правах был насущной проблемой на протяжении столетий, означало превратить ситуацию в сущий ад. Я должен был убедить губернатора передумать, и решил сделать это лично на следующий день.

Я был расстроен как никогда за время моего президентства. Интуиция подсказывала мне, что мы должны были ввести федеральные войска в Новый Орлеан, чтобы остановить насилие и ускорить восстановление города. Но я был связан упрямым губернатором, сопротивляющимся Пентагоном и устарелым законом. Я хотел победить их всех, но в то же время переживал, что последствием мог оказаться конституционный кризис, и возможно даже политическое восстание.

В пятницу утром (день пятый), в семь часов я созвал в Ситуационной комнате совещание с командой правительства, занимающейся проблемами, связанными с «Катриной». «Я знаю, что вы все стараетесь изо всех сил, — сказал я, — но это не меняет ситуацию. Мы должны навести порядок в Новом Орлеане как можно скорее. Такое положение дел недопустимо».

Когда мы с Майком Чертоффом вышли из президентского вертолета для перелета на побережье залива, я передал то же самое сообщение прессе-службе. «Результаты неудовлетворительны, — сказал я. — Я беру ситуацию под личный контроль прямо сейчас».

Мы полетели на президентском самолете в Мобил, Алабама, где меня встретили губернаторы Боб Райли и Хейли Барбур. Оба были настоящими лидерами, которые провели эффективные планы эвакуации, работали в тесном сотрудничестве с местными властями и быстро начали операции по восстановлению.

Я спросил Боба и Хейли, нуждаются ли они в федеральной поддержке, они ответили утвердительно. «Это Майк Браун делает эту чертову работу», — сказал Боб. Я знал, как сильно давят на Майка, и хотел повысить его моральный дух. Несколько минут спустя, разговаривая с прессой, я повторил похвалу.

«Димовой, — сказал я, — вы делаете эту чертову работу».

Я и предполагать не мог, что это слово (производное от его фамилии) получит такое позорное толкование в политическом слэнге. Когда поднялась волна

недовольства деятельностью Майка Брауна, особенно в Новом Орлеане, критики превратили мои слова поддержки в биту, чтобы дубасить меня.

Нашей следующей остановкой был Билокси, Миссисипи. Я пролетал над этой областью двумя днями ранее, но и это не подготовило меня к увиденному. Я шел по пустоши, и повсюду были вырванные с корнем деревья и развалины. Фактически не было никаких строений. Один человек сидел на бетонном блоке с двумя плитами меньшего размера впереди. Я понял, что это был фундамент дома, а две плиты — ступеньками его крыльца. Рядом валялось какое-то искореженное устройство, возможно, это была его посудомоечная машина.

Я присел к нему и спросил, как он перенес все это. Я ожидал, что он скажет мне, что потерял все, что у него было. Вместо этого он ответил: «Я в порядке... Я жив, и моя мать тоже».

Я был поражен его духом и надеждой на лучшее. Я обнаружил, что многие думают так же. Одним из самых влиятельных людей, которых я встретил, был мэр Билокси А. Дж. Холлоуэй. «Полный Холлоуэй» был фулбеком в нападении футбольной команды университета Миссисипи в Национальном чемпионате 1960 года. «Катрина» разрушила более шести тысяч домов и фирм в Билокси, но у мэра не было и унции жалости к себе. Он решил восстановить город и сделать его лучше, чем прежде. Губернатор Барбур передал дух штата, сказав, что люди «затягивали свои ремни на брюках, но восстанавливали Миссисипи».

Нашей конечной остановкой был Новый Орлеан, где на борту президентского самолета я вновь обратился к губернатору Бланко. Несмотря на мою повторную попытку убедить ее, она ясно дала понять, что не собирается давать мне согласие на привлечение федеральных сил. Не было никакой возможности добиться чего-либо, пытаясь еще сильнее надавить на нее, — губернатор оставалась непреклонной.

После полета на вертолете над затопленным городом мы приземлились на станции Береговой охраны, на Семнадцатой улице около разрушенной дамбы. На одной стороне дамбы находился город Метairie, где было относительно сухо. На другой — Орлеанский округ, и, насколько хватало взгляда, он был глубоко под водой. Я смотрел на ворота в триста футов, которые

проделал себе разрушительный каскад воды. В отличие от 1927 года, ни одна дамба не была полностью разрушена в 2005 году, но ужасные последствия наводнения для жителей были такими же.

Когда я тем же вечером возвратился в Белый дом, Энди Кард встретил меня в Овальном кабинете. Он и юрист-консульт Белого дома Харриет Майерс провели день и предыдущую ночь, работая с адвокатами и Пентагоном, изыскивая способ введения федеральных войск в Луизиану. Они выдвинули интересное предложение: командование всеми вооруженными силами в Луизиане будет осуществлять генерал-лейтенант. По вопросам сил действительной военной службы он отчитывается передо мной, а по вопросам, касающимся гвардии, — перед губернатором Бланко. Эта структура «двойной шляпы» давала федеральному правительству то, в чем мы нуждались, — ясную цепочку прохождения команд и войска действительной военной службы для обеспечения безопасности в городе, а также учитывало интересы губернатора. Почти в полночь Энди факсом отправил ей письмо, обрисовывающее в общих чертах эту договоренность.

На следующее утро (день шестой) в Белом доме раздался звонок из Батон-Ружа. Губернатор отклонила предложение.

Я был вне себя. Я провел три дня, пытаюсь убедить губернатора. Это была пустая трата времени. В 10:00 я появился в Розарии, чтобы объявить о развертывании более семи тысяч войск действительной военной службы в Новом Орлеане без правоохранных полномочий. Я беспокоился о сложившейся ситуации. Участие войск в уличной перестрелке будет лежать на моей совести. Но я решил, что введение войск с урезанными полномочиями лучше, чем ничего.

Командующий Объединенной целевой группы «Катрина» был шестидесятидвухлетний деловой генерал по прозвищу «Двойное сальто Кайджуна». Потомок креольских предков из южной Луизианы, генерал Расс Хонор пережил в своей жизни немало ураганов и хорошо знал людей с побережья залива.

Генерал Хонор привнес в ситуацию именно то, что требовалось: здравый смысл, хорошие коммуникативные навыки и способность принимать решения. Он быстро завоевал доверие выборных должностных лиц, командующих Национальной гвардии и руководителей местной полиции. Когда Национальная гвардия и полиция вместе попытались войти в Конференц-центр

для выдачи продовольствия с оружием наперевес, телекамера поймала в кадр Хонора, орущего: «Оружие вниз, черт побери!» Генерал подошел к делу с прекрасным девизом: «Не стоит запикливаться на глупостях».

В то время как мы не могли использовать федеральные силы согласно закону, генерал Хонор действовал эффективно, обладая сильной волей и индивидуальностью. Мэр Нэджин охарактеризовал его как «пижона Джона Уэйна... который с руганью выскочил из проклятого вертолета и люди начали двигаться».

Если бы я знал, что он сумеет быть настолько эффективным и без достаточных полномочий, в которых, как я предполагал, он нуждался, то не ввязывался бы в юридические споры и предоставил в его распоряжение войска без правоохранных полномочий несколькими днями раньше.

В понедельник, 5 сентября (день восьмой), я совершал свою вторую поездку на побережье залива. Генерал Хонор встретил меня в Батон-Руж и проинформировал о ситуации. Поисково-спасательные операции полностью завершены. Люди со стадиона «Суперкупол» и Конференц-центра эвакуированы. Вода выкачивалась из города. И самое главное — наши войска быстро мирным путем восстановили порядок.

Мы с Лорой посетили центр эвакуации, управляемый церковью Молитвенный центр Бетани Уорлд. Сотни людей, многие из «Суперкупола», расположились на полу гимназии на цинковках. Большинство выглядели ошеломленными и надломленными. Одна девочка кричала: «Я не могу найти свою маму!» Мой друг Т. Д. Джейкс, пастор из Далласа, который сопровождал нас, молился за них. Т. Д. — это человек, у которого слова молитвы не расходятся с делом. Он поведал мне, что члены его церкви приютили двадцать пострадавших от урагана «Катрина» в своих домах.

Подобные примеры сострадания были по всему побережью залива. Несмотря на угнетающие последствия урагана «Катрина», эти истории блестяще свидетельствуют об американском характере. Баптисты из южных штатов устроили походную кухню, чтобы накормить десятки тысяч голодных людей. Пожарные Нью-Йорка ездили по городу в грузовике, который Новорлэанский отдел пожарной охраны выделил им после 11 сентября. Добровольцы американского Красного Креста и Армии спасения развернули цен-

тры «двадцать четыре часа» для оказания помощи жертвам стихийного бедствия. Все штаты в стране приняли участие в эвакуации. Один только город Хьюстон принял двести пятьдесят тысяч человек. Эта эвакуация стала самым большим перемещением американцев после Пыльного котла в 1930-х¹.

На сбор средств для пострадавших от урагана «Катрина» в частном секторе я выбрал невероятный дуэт: своего отца и Билла Клинтона. Фактически это было их выступлением на бис. После того как в декабре 2004 года страшный цунами прошел по Юго-Восточной Азии, они объединились по моей просьбе и собрали более 1 млрд долларов для жертв катастрофы. Поскольку они путешествовали по миру вместе — экс-президенты 41-й и 42-й, как я их называл, — у них возникло взаимопонимание. Папа преодолел разочарование 1992 года и помирился с бывшим соперником. Я оценил то, как Билл относится к папе с почтением и уважением, и тоже полюбил его. Когда я попросил, чтобы они на этот раз выбрали другой механизм сбора средств, то немедленно получил их согласие. Позже мне позвонила мама. «Я вижу, ты воссоединил отца и своего сводного брата», — связвила она.

К сожалению, дух великодушия не снизошел на всех. В телемарафоне *NBC*, устроенном, чтобы заработать деньги для пострадавших от урагана «Катрина», рэпер Канье Уэст сказал в прайм-тайм телевизионной аудитории: «Джордж Буш не заботится о темнокожем населении». Джесси Джексон позже сравнила новоорлеанский Конференц-центр с «корпусом невольничьего судна». Член предвыборного митинга представителей негритянского населения Конгресса утверждал, что, если бы пострадавшие от шторма были «белыми американцами среднего класса», то помощи было бы больше.

Спустя пять лет я едва могу написать эти слова, преодолевая отвращение. Я глубоко оскорблен предположением, что мы позволили страдать американским гражданам, потому что они были черными. Я заявил тогда прес-се: «Ураган не разбирается в расовой принадлежности, и никто не будет лишен помощи. Когда вертолеты Береговой охраны, первыми прибывшие на место катастрофы, снимали людей с крыш, они не смотрели на цвет кожи человека».

¹ Серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады (Прим. переводчика)

Чем больше я думал об этом, тем сильнее возмущался. Я был воспитан с чувством, что расизм — одно из самых больших зол в обществе. Я восхищался храбростью своего отца, когда он бросил вызов почти абсолютному отказу своих избирателей голосовать за Открытый законопроект о жилье 1968 года. Я был горд тем, что получил больше голосов афроамериканцев на выборах, чем любой республиканский губернатор в истории Техаса. Я назначил афроамериканцев на главные правительственные посты, включая первую женщину — темнокожего советника по вопросам национальной безопасности и первых двух темнокожих госсекретарей. Ситуация с детьми нацменьшинств, которых перетасовывала школьная система, разбивала мое сердце, и я подписал инициирование закона внутренней политики. «Ни одного брошенного ребенка», покончив с политикой малых надежд. Я начал программу в 15 млрд долларов, чтобы сражаться с ВИЧ/СПИДОМ в Африке. Как часть ответа «Катрине», мое правительство работало с Конгрессом, чтобы предоставить колледжам, исторически принимающим чернокожих, и университетам на побережье залива ссуды на более 400 млн долларов для восстановления их университетских городков и возобновления приема студентов.

Как президент, я столкнулся с большой долей критики. Мне не нравилось, когда люди утверждали, что я лгал о наличии оружия массового поражения в Ираке или сокращал налоги только для того, чтобы богатые могли извлечь из этого выгоду.

Но обвинения в расизме из-за действий во время ответа «Катрине» появились намного позже. Спустя какое-то время я сказал Лоре, что это было самое горькое время моего президентства, и сегодня я чувствую то же самое.

Через две недели после начала ответа «Катрине» Майк Чертофф порекомендовал произвести смену персонала. Государственные и местные чиновники жаловались на медлительность *FEMA*, и Чертофф сказал мне, что потерял уверенность в директоре Майке Брауне. Он чувствовал, что директор Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям «окаменел под давлением» и перестал подчиняться. Я прислушался к совету Чертоффа и назначил вице-адмирала Тата Аллена — начальника Береговой

охраны, который предал блестящую поисково-спасательную работу, главным командующим, координирующим федеральные операции на побережье залива.

В воскресенье той же недели (день четырнадцатый) я нанес свой третий визит на побережье залива. Мой вертолет сел на военный корабль США «Иво Джима», который пришвартовался на реке Миссисипи. Двумя годами ранее я посылал «Иво Джима» освободить Либернию от диктатора Чарльза Тэйлора. Это было что-то сюрреалистичное: стоять на борту универсального десантного корабля, возвышающимся над огромным американским городом, изнывающим от ран, нанесенных ураганом.

Следующим утром мы забрались в десятитонные военные грузовики, чтобы отправиться в Новый Орлеан. Секретная служба беспокоилась. Поездка была редчайшим случаем, после убийства Кеннеди в 1963 году, когда президент проезжал через огромный столичный город на машине с открытым верхом. Мы должны были избежать повисших линий электропередач и проехать через глубокие ямы с застоялой водой. Фактически все здания стояли покинутыми. На некоторых стенах краской из распылителя были написаны дата, когда дом обследовался, и число тел, обнаруженных внутри. Я видел блуждающих, ошеломленных людей. Поблизости бродила стая паршивых собак, роющих в мусоре в поисках еды, многие со следами укусов. Это было олицетворение закона естественного отбора, которому подчинялся город.

15 сентября (день восемнадцатый) я вернулся в Новый Орлеан, чтобы в прайм-тайм обратиться к народу. Я решил произнести речь в Джексон-сквер, названном так по имени генерала Эндрю Джексона, который защищал Новый Орлеан от британцев в конце войны 1812 года.

Известный Французский квартал понес минимальный ущерб во время шторма.

Я собирался объяснить, что у нас пошло не так, пообещать решить проблемы и обозначить дальнейшие цели. Покинутый Новый Орлеан был самым жутким местом, где я когда-либо произносил речь. Вся энергия в городе поступала только от генераторов. В одном из самых шумных городов мира единственными людьми вокруг меня была горстка правительственных чиновников и солдаты 82-го полка ВДВ.

На фоне собора Сент-Луиса, освещенного синим светом, я начал:

«Добрый вечер. Я говорю с вами из города Новый Орлеан — почти покинутого, все еще частично находящегося под водой, но который жаждет жизни и восстановления...

Сегодня вечером я... обещаю американскому народу: здесь, где прошел ураган, мы сделаем все что потребуется, мы останемся, пока это будет нужно, чтобы помочь гражданам восстановить свой жизненный уклад. И все, кто подвергает сомнению будущее Кресент-Сити, должны знать, что невозможно представить Америку без Нового Орлеана. Этот большой город будет восстановлен.

Я взял определенные обязательства: гарантировать жертвам урагана получение финансовой помощи, в которой они нуждались; помогать людям в переезде из отелей и временных жилищ в долгосрочное жилье; привлекать федеральные активы в финансирование работ по очистке развалин и восстановлению дорог, мостов и школ; обеспечивать налоговые стимулы для возвращения фирм и найма местных рабочих и укрепления дамбы Нового Орлеана для противостояния будущим большим штормам». Я продолжил далее:

«Спустя четыре года после пугающего события 11 сентября американцы имеют полное право ожидать, что в чрезвычайной ситуации последует более эффективный своевременный ответ. Если федеральное правительство не в состоянии ответить таким обязательством, я, как президент, ответственен и за эту проблему, и за ее решение. Я обязал всех секретарей Кабинета участвовать во всестороннем освещении правительственных действий в ответе на последствия урагана. И это правительство извлечет уроки урагана "Катрина"».

Я серьезно отнесся к этим обещаниям. В ближайшие месяцы я работал с Конгрессом, чтобы обеспечить вложение 126 млрд долларов в восстановительные фонды, что было абсолютным рекордом в борьбе со стихийным бедствием в американской истории. Я решил создать новую ситуацию, когда одного человека ложится ответственность за координацию восстановления и обеспечения для того, чтобы деньги были потрачены не зря. Тэд Аллен с самого начала был на своем месте. Когда я назначил его командующим Береговой охраны, то попросил, чтобы Дон Пауэлл, тоже из Техаса, бывший председатель Комиссии Федеральной корпорации по страхованию депозитов, также оказался на своем месте.

Я сказал начальнику штаба Энни Карду – а также чуть позже Джошу Болтену, – что ожидаю регулярные отчеты о выполнении работ по нашим инициативам на побережье залива. Высшие правительственные чиновники собрались в комнате Рузвельта, чтобы представить во время брифинга отчет по следующим проблемам: как и сколько пострадавших получили помощь, сколько школ на побережье залива было открыто на очищенных территориях.

Я хотел, чтобы люди с побережья залива видели, что я занимаюсь восстановлением, совершив семнадцать поездок за три года с августа 2005 года по август 2008-го. Лора за это время нанесла двадцать четыре визита. Мы уезжали, восхищенные духом людей, которых там встретили.

В марте 2006 года я посетил Индустриальную дамбу Канала, из-за разрыва которой был затоплен располагающийся ниже ее Девятый административный район. Майор Нагин и я, захватив свои каски, поднялись на вершину дамбы и осмотрели основание семидесятифутовых бетонных столбов – прочный фундамент, разработанный, чтобы противостоять урагану типа «Катрины». Не было ничего важнее этого сообщения для эвакуированных жителей Нового Орлеана, которые уже могли возвратиться в любимый город.

Во вторую годовщину шторма мы с Лорой навестили частную научно-техническую школу имени доктора Мартина Лютера Кинга-младшего (MLK). Двумя годами ранее школа находилась под пятнадцатью футами воды. В значительной степени благодаря решительности местного руководителя, Дориса Хикса, MLK стала первой школой в самом низко расположенном Девятом районе, которая вновь открылась. Как бывший библиотекарь, Лора была опечалена количеством книг, пострадавших во время урагана. Она начала частную кампанию по сбору средств, чтобы помочь ново-орлеанским школам восстановить свои библиотеки. За эти годы, благодаря ее руководству и великодушию американского народа, в школы на побережье залива были посланы десятки тысяч книг.

Жизнь в Миссисипи возрождалась. В августе 2006 года я возвратился в Билокси, который посетил спустя четыре дня после шторма. На пляжах, открытых еще год назад развалинами, снова мерцал красивый белый песок. Семь вновь открытых казино создали сотни рабочих мест. Церковные конгрегации, которые были эвакуированы, вернулись обратно. Мало у кого в жизни произошло больше перемен, чем у Линна Паттерсона. Когда я встретил его годом

ранее, он вынул из гаража на автомобиле по леринге, так уж не было знаний. Когда я вернулся в Билокси, он привел для нас с Лорой экскурсию по своему новому дому, восстановленному на деньги налогоплательщиков.

После урагана «Катрина» я спросил Фрэн Тоунсенда – талантливого бывшего прокурора из Нью-Йорка, которая служила моим главным советником по национальной безопасности в Белом доме, – как нам научиться справляться с последствиями будущих бедствий. Ее отчет вновь подтвердил главный принцип, что лучше всего с этим справляются государственные и местные чиновники, так как им удается эффективно проводить реагирование на аварийные ситуации. Она также рекомендовала провести изменения в подходе федерального правительства. Мы разрабатывали новые способы помощи государственным органам в проведении быстрых эвакуаций, развитии резервных коммуникационных систем; создали Национальный операционный центр для получения своевременных оперативных сводок и построения последовательного процесса развертывания федеральных ресурсов – включая войска действительной военной службы – в случаях, когда государственные и местные власти не могли справиться с ситуацией.

Новая система аварийного реагирования была проверена в августе 2005 года, когда ураган «Густав» пронесся через Мексиканский залив к Новому Орлеану. Я проводил регулярные заочные конференции по федеральному телевидению с государственными и местными чиновниками в дни перед штормом. Майк Чертофф и новый директор Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, бывший начальник пожарной охраны Miami-Dade Дэйв Полисон, переехали в Батон-Руж, чтобы контролировать приготвления. Убежища были готовы и хорошо оборудованы. Губернатор Луизианы Бобби Джиндэл, предприимчивый республиканец, выбранный в 2007 году, работал в тесном сотрудничестве с мэром Нэджином по обеспечению принудительной эвакуации. «Вам нужно побеспокоиться и прямо сейчас убрать свои задницы из Нового Орлеана», – сказал мэр.

¹ В 2006 г. Конгресс исправил Закон о мятеже, чтобы позволить президенту развлекать федеральные войска с правоохранительными полномочиями во время стихийных бедствий. Тогда, в 2008-м, они аннулировали поправку.

Когда ураган «Густав» пронесся по побережью, он отчитался, что Новый Орлеан не попал под прямой удар стихии. Я слышал это и прежде. На сей раз тем не менее дамбу держались и потери в Новом Орлеане были минимальны. Несколько недель спустя ураган обрушился на Галвестон, штат Техас. Материальный ущерб был огромен – только «Эндрю» и «Катрина» обошлись дороже, – но благодаря хорошей подготовке на государственном уровне были спасены многие жизни. «Катрина» преподнесла хороший урок: федеральное правительство научилась эффективно поддерживать региональные правительства и местные органы власти в ответных действиях на главные стихийные бедствия.

Люди, перенесшие ураган «Катрина», никогда не забудут ужас, который им пришлось пережить. Ни восстановление Нового Орлеана, ни построенные дома в Миссисипи не смогут изгнать из памяти то, что выпало на их долю. Десятки тысяч людей потеряли свои дома и имущество, у многих стихия унесла жизни близких; всего более тысячи восьмисот американцев.

Меня это тоже коснулось, так как при любой национальной катастрофе первый, кого обвиняют, – это президент. «Катрина» предоставила некоторым политическим критикам возможность, которую они эксплуатировали в течение многих лет. Последствия «Катрины» – вместе с крахом реформы социального обеспечения и барабанным боем по поводу насилия в Ираке – привели к падению моего рейтинга в 2005 году, хотя годом ранее я выиграл переизбрание с большим количеством голосов, чем любой кандидат в истории. К концу 2005 года исчезла большая часть моего политического капитала. С резким падением моих рейтингов многие демократы и некоторые республиканцы пришли к выводу, что им выгоднее противостоять мне, чем сотрудничать. Нам удалось сделать важные вещи: переоформление инициативы по поводу СПИДа, налаживание полноценного финансирования наших войск, подтверждение полномочий Сэма Алита в Верховном суде и ответ на финансовый кризис. Но последствия падения рейтинга 2005 года подрывали мое дальнейшее пребывание у власти.

Это не значит, что у меня не было ошибок во время «Катрины». Я должен был убедить губернатора Блэнко и мэра Непюкина быстрее провести

эвакуацию в Новом Орлеане, сразу вернуться в Вашингтон из Калифорнии в «День два» или остановиться в Батон-Руж в «День три». Я должен был сделать больше, чем просто выразить мое сочувствие жертвам катастрофы и желание помочь, как сделал в дни после 11 сентября.

Моей самой крупной ошибкой было слишком большое промедление в развертывании войск действительной военной службы. На «День три» уже было ясно, что федеральные войска необходимы для восстановления порядка в городе. Если бы у меня была возможность вернуться в прошлое, я немедленно послал бы 82-й полк ВДВ без полномочий правоохранительных органов. В то время я колебался, потому что не хотел оставлять наши войска беспомощными под прицелом снайперов и подвергать их насилию, которое мы видели по телевизору. Позже мы узнали, что эти данные были сильно преувеличены корреспондентами-фанатами для ежесекундного заполнения двадцатичетырехчасового кабельного цикла новостей.

«Катрина» была ураганом столетия. Он опустошил область размером с Великобританию, разрушил почти в девять раз больше, чем любой ранее зарегистрированный ураган, и погубил больше людей, чем любой шторм за последние семьдесят пять лет. Экономические потери – триста тысяч разрушенных домов и 96 млрд долларов материального ущерба – превышали все предыдущие, понесенные от зарегистрированных ураганов.

Все же разрушение не было приговором для людей с побережья залива. В августе 2008 года я посетил Галфпорт, Миссисипи и Джексон Баррэкс в Новом Орлеане, казармы Национальной гвардии Луизианы, которые затопило во время «Катрины». Удивительно было видеть, насколько все изменилось через три года.

В Миссисипи рабочие вывезли сорок шесть миллионов кубических ярдов развалин зданий после шторма, что в два раза превышает количество работ после урагана «Эндрю». Более сорока трех тысяч жителей вернулись в свои восстановленные дома. По новым мостам через заливы Билокиси и Сент-Луис проложены автотрассы. Туристы и служащие возвратились в ожившие казино и пляжные отели. Открылись все школы, поврежденные стихией.

Вопреки мнению многих, считавших, что Новый Орлеан никогда не станет снова главным городом штата, 87 % населения, проживающего здесь до урагана, вернулось на свои места.

Мост I-10, соединяющий Новый Орлеан и Слайделл, открылся вновь, а число ресторанов в городе превысило их количество до катастрофы. Более семидесяти тысяч граждан отремонтировали или восстановили свои дома. Дамбы для защиты от наводняющих вод и вокруг Нового Орлеана были усилены, а инженерные войска начали крупный проект «Столетняя защита от наводнений». «Суперкупол», в котором когда-то размещались тысячи пострадавших от урагана «Катрина», стал домашней ареной чемпионата Суперкубка Новоорлеанских святых.

Большие изменения произошли в образовании. Государственные школы, которые до шторма владели жалкое существование, превратились в современные учебные учреждения с новыми учителями и руководством, готовыми к преобразованиям и реформам. В городе появились десятки частных школ, предлагающие родителям возможность выбора. Католическая митрополия, во главе с архиепископом Альфредом Хьюзом, продолжила свою давнюю традицию предоставления блестящего образования, быстро восстанавливая свои школы. Спустя год после «Катрины» новоорлеанские студенты улучшили свои экзаменационные оценки, а в последующие несколько лет результаты стали еще выше.

Когда я выступал с прощальной речью в Восточной комнате Белого дома в январе 2009 года, одним из гостей, приглашенных мной, был доктор Тони Рекаснер, директор частной школы Сэмюэля Дж. Грина в Новом Орлеане. Тони начал работать в школе в июле 2005 года, после того как из-за плохих показателей ее перевели в разряд государственных. Но тут «помогла» «Катрина».

Когда я посетил школу в 2007 году, Тони сообщил мне о его инновационных обучающих методах, таких как интенсивный курс по одному предмету в течение нескольких недель. Он также доложил мне о результатах. Несмотря на огромные трудности, которые испытывали учащиеся, процент читающих и считающих на должном уровне увеличился более чем в три раза. «Эта школа, которую раньше трудно было назвать образцовой, теперь действительно служит примером для подражания», — сказал Тони.

Тенденция обновления, начавшаяся в частной школе Сэмюэля Дж. Грина (S.J.), коснулась всего побережья залива. С такими директорами, как Тони, новое поколение может заняться строительством лучшей жизни по сравнению с той, которую они унаследовали. И одним из стимулов такого строительства стал ураган «Катрина».

ГЛАВА 11

ЭФФЕКТ ЛАЗАРЯ

30 июля 2008 года Мохамад Кэлиезубула сидел в первом ряду Восточной комнаты. Он был крепким африканцем высокого роста. Он широко и выразительно улыбался. И он, как предполагалось, должен был быть уже к этому времени мертв.

Пять лет назад мы с Лорой встретили Мохамада в Энтеббе, в Уганде, в клинике, которой управляет Организация по поддержке больных СПИДом (TASO). Расположенная в простом одноэтажном кирпичном здании, клиника TASO обслуживала тысячи больных СПИДом. Как большинство страдающих на поздней стадии болезни, там же умирал и Мохамад. Он очень мало ел, боролся с нескончаемыми лихорадками и был в течение года прикован к постели.

Я ожидал, что TASO будет местом призрения для абсолютно безнадежных больных. Но клиника исполняла не только эту функцию. Лозунг на двери, написанный от руки, гласил: «Живи достойно с ВИЧ/СПИДом». Хор детей, многие из которых сироты, потерявшие родителей от СПИДа, исполнил гимны, воспевавшие веру и надежду. Они закончили прекрасным исполнением «Америка, Америка». «У меня есть мечта, — сказал мне Мохамад, лежа на больничной койке. — Однажды я приеду в Соединенные Штаты».

Я покинул клинику, вдохновленный увиденным. Пациенты утверждали, что каждая жизнь есть ценность, потому что каждый человек отмечен Богом. Я рассматривал их страдание как вызов словам Евангелия: «Кому много дано, с того и спрос велико».

Америке было дано много, но я решил, что мы ответим на вызов. Ранее в этом же году я предложил, и Конгресс подтвердил нашу инициативу выделить 15 млрд долларов на борьбу со СПИДом в Африке. Президентский план действия в чрезвычайной ситуации для лечения СПИДа, *PEPFAR*, был самой большой международной медицинской инициативой для сражения с болезнью. Я надеялся, что он будет воспринят как медицинская версия Плана Маршалла. «Это – поручительство моей страны жителям Африки и людям Уганды, – сказал я в клинике *TASO*. – Вы не одиноки в этой борьбе. Америка будет помогать вам».

Три месяца спустя Мохамад впервые получил лекарство против ретровирусов. Медицина восстановила его силы, и в конце концов он смог встать с кровати. Он устроился на работу в клинике *TASO* и зарабатывал достаточно денег, чтобы прокормить своих шестерых детей. Летом 2008 года мы пригласили Мохамада в Белый дом, чтобы он увидел, как я утверждаю законопроект, увеличивающий более чем в два раза в финансовом плане наше международное обязательство бороться со СПИДом. Я едва узнал его. Его высохшее тело стало здоровым и сильным. Он вернулся к жизни.

И он был не один такой. Через пять лет число африканцев, получающих лекарство против СПИДа, повысилось с пятидесяти тысяч до почти трех миллионов – лечение более двух миллионов из них поддерживалось программой *PEPFAR*. Люди, обреченные на смерть, вернулись к здоровой и продуктивной жизни. Вспоминая историю Иисуса, вернувшего своего друга к жизни, африканцы придумали фразу, чтобы описать это воскрешение. Они назвали это «Эффектом Лазаря».

В 1990 году отец попросил, чтобы я возглавил делегацию Гамбии в день празднования их двадцать пятой годовщины независимости. Малочисленная западноафриканская страна с населением приблизительно девятьсот тысяч человек, Гамбия была известна в Америке как дом предков Алекса Хейли, автора «Корней». Мы с Лорой прочитали книгу, награжденную Пулитцеровской премией, в которой Хейли прослеживает свою родословную до африканца, вывезенного работорговцами в 1700-х годах.

К сожалению, с тех пор Гамбия, как оказалось, не достигла большого успеха в своем развитии. Лору и меня провели по столице Банжулу в ста-

ром «Шевроле», который предоставило посольство. Главная дорога была асфальтирована, остальные – сплошная грязь. Большинство людей, которых мы видели, путешествовали пешком, часто с тяжелыми грузами на спине. Главным событием поездки была церемония празднования гамбийской независимости на национальном стадионе с облупленной краской и раскрашенным бетоном. Мне кажется, что стадионы средних школ в Западном Техасе намного современнее, чем достопримечательность Гамбии.

Восемь лет спустя, когда я стал думать о баллотировании в президенты, то держал в уме ситуацию в Гамбии. Мы с Конди Райс провели долгие часы, обсуждая внешнюю политику на заднем крыльце губернаторского особняка. Однажды разговор коснулся Африки. У Конди была жесткая позиция по этому вопросу.

Она знала, что у Африки большой потенциал, но им слишком часто пренебрегали. Мы согласились, что Африка будет серьезной частью моей внешней политики.

Я считал Америку великодушной страной, обладающей моральной ответственностью, способной внести свой вклад в уменьшение бедности и отчаяния других. Вопрос состоял в том, как сделать это эффективно. У наших иностранных программ помощи Африке был не слишком хороший послужной список. Большинство было разработано во время холодной войны, чтобы поддержать антикоммунистические правительства. В то время как мы помогали дружественным режимам во власти, мы делали слишком мало, чтобы улучшить жизнь простых людей. В 2001 году Африка получила 14 млрд долларов иностранной помощи – больше чем любой другой континент, и все же экономический рост на душу населения был хуже, чем в 1970-х.

Другая проблема состояла в том, что традиционная модель иностранной помощи была патерналистской: богатая страна-донор выписывала чек и говорила получателю, как потратить выделенные деньги. Я решил проявить новый подход в Африке и в других развивающихся странах. Мы будем основывать наши отношения на сотрудничестве, а не на патернализме. А также доверим развивающимся странам самим проектировать их собственные стратегии использования долларов американских налогоплательщиков. В свою очередь, они определили бы свои расходы и стали бы более ответственными. Цель заключалась в том, чтобы стра-

ны чувствовали – инвестиции поступают для их собственного успеха. В то же время американские налогоплательщики увидят результаты своего великодушия.

На нашем первом обсуждении Конди ясно обозначила главную проблему в Африке: гуманитарный кризис ВИЧ/СПИДа. Статистические данные были ужасающими. В Африке в районе Сахары умерли около десяти миллионов человек. В некоторых странах 25 % взрослых были больны ВИЧ. Ожидалось, что к 2010 году общее количество зараженных превысит 100 млн человек. Организация Объединенных Наций предполагала, что СПИД может стать самой ужасной эпидемией со времен бубонной чумы Средневековья.

Когда я занял свой пост, Соединенные Штаты тратили немногим более 500 млн долларов в год для борьбы с глобальным СПИДом, что было все равно больше, чем любая другая страна. И все же это было слишком мало применительно к масштабу пандемии. Деньги распределялись случайно через шесть различных агентств. Большей частью они дублировали друг друга, и это был верный признак того, что в их работе не было никакой ясной стратегии.

Американские налогоплательщики заслужили – и это было по совести – более эффективный план, чем эти бессвязные усилия. Я решил сделать основным элементом моей внешней политики противостояние бичу СПИДа в Африке.

В марте 2001 года я встретился с Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Кофи Аннаном, гибким дипломатом из Ганы. Кофи и я не нашли взаимопонимания по всем проблемам, но мы нашли точки соприкосновения в нашем намерении бороться с пандемией СПИДа. Он предложил создать новый Мировой фонд борьбы с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и малярией, который объединит ресурсы всех стран.

Я его выслушал, но обязательства на себя не взял, полагая, что ООН была громоздкой, бюрократической и неэффективной организацией и что фонд, составленный из вкладов многих стран с различными интересами, не сможет тратить деньги налогоплательщиков надлежащим целевым способом.

Однако госсекретарь Колин Пауэлл и министр здравоохранения и социального обеспечения Томми Томпсон рекомендовали, чтобы я поддер-

жал Глобальный фонд с начальным капиталом 200 млн долларов. Они понимали, что это будет хорошим сигналом со стороны Америки, заявляющей себя главным спонсором. Их настойчивость преодолела мой скептицизм. 11 мая 2001 года в Розарии я объявил о нашем обязательстве Кофи Аннани и президенту Нигерии Олусегуну Обасанджо. «Я благодарю вас от имени всех больных СПИДом в мире, но особенно от имени всех больных СПИДом в Африке», – сказал президент Обасанджо.

«Этим утром мы положили хорошее начало», – провозгласил в своей речи. Я не добавлял, что у меня были планы сделать гораздо больше.

Спустя четыре месяца после объявления о нашем вкладе в Мировой фонд террористы нанесли удар по Америке. Прежде, до 11 сентября, я считал устранение болезней и бедности гуманитарной миссией. После нападения мне стало ясно, что это было больше, чем миссия совести. Наша национальная безопасность была связана непосредственно с человеческими страданиями. Общества, пребывающие в бедности и болезнях, обречены на безнадежное существование. И эта безнадежность подталкивает людей на вербовку их террористами и экстремистами. Противостоя этому в африканских странах, Америка усилила бы свою безопасность и патриотизм.

В начале 2002 года я пришел к заключению, что создание Мирового фонда не является достаточным ответом на кризис СПИДа. К тому времени, когда Америка увеличила свой вклад до 500 млн долларов, Фонд был ограничен в средствах и не обладал свободой в своих действиях. Тем временем эпидемия СПИДа доводила до могилы все больше африканцев. Большинство погибших было от пятнадцати до сорока девяти лет, ключевой продуктивный демографический возраст их стран. Оставленная непобеденной болезнь могла убить к 2020 году шестьдесят восемь миллионов человек – это больше, чем погибло во Второй мировой войне.

Мне была противна мысль, что невинные люди умирают из-за медлительности международного сообщества. Я решил, что настало время Америке проявить собственную глобальную инициативу против СПИДа. Контролируя фонды, мы быстро продвинемся вперед и добьемся результатов.

Джош Болтен собрал команду для претворения в жизнь наших планов. В июне они пришли ко мне с предложением сосредоточиться на одной особенно губительной проблеме: воздействие СПИДа на женщин и детей. На то время 17,6 миллиона женщин и 2,7 миллиона детей были ВИЧ-инфицированы. Каждые срок пять секунд в Африке рождался ребенок с этим вирусом.

Недавно ученые обнаружили новые лекарства, в том числе препарат под названием *Nevirapine*, который мог уменьшить риск передачи ВИЧ от матери ребенку на 50 %. Но это средство было труднодоступным в Африке и некоторых других развивающихся странах. Команда предложила инвестировать 500 млн долларов в течение пяти лет для закупки медпрепаратов и на обучение работников системы здравоохранения в районах, наиболее затронутых этой проблемой в Африке и странах Карибского бассейна.

«Давайте начнем прямо сейчас», — сказал я. План был составлен для противостояния кризису в самых нуждающихся частях мира. Местные чиновники должны были возглавить программу — это была честлюбивая, но реальная цель: опекунство для миллиона матерей и спасение ста пятидесяти тысяч младенцев в возрасте до 5 лет ежегодно.

19 июня 2002 года в Розарии я объявил о международной инициативе профилактики ВИЧ — заботе о матери и ребенке. За семнадцать месяцев мы удвоили вклад Америки в дело борьбы с глобальным СПИДом.

Утром я представил «Программу матери и ребенка» и вызвал Джоша Болтена в Овальный кабинет. «Начало хорошее, но этого недостаточно», — сказал я ему. — Вернитесь назад к исходному моменту и подумайте еще».

Несколько месяцев спустя он вместе со своей командой представил свою крупномасштабную программу *PEPFAR*, которая должна была сосредоточиться на профилактике и лечении СПИДа.

¹ В команду входили: Тони Фаучи, давний директор Национального института аллергии и инфекционных заболеваний, и помощник директора, доктор Марк Дайбула; Гари Эдди, заместитель советника по национальной безопасности и главный штатный сотрудник по международному развитию; Джей Лефкович, представитель директора внутренней политики; Робин Клевелэнд от отдела управления и бюджета (США); Кристен Зилверберг, один из представителей Джоша; и, позже, доктор Джо О'Нилл, директор национальной политики СПИДа.

Первая часть программы вносила новизну. Во всей Африке сложилось мнение, что четыре миллиона больных СПИДом, получивших средства против ретровируса, остались в живых, хотя их получали менее пятидесяти тысяч. Благодаря технологии производства препаратов лечения СПИДа больные, которые получали по тридцать таблеток в день, теперь дважды в день принимали коктейль из таблеток, а вскоре потребовалась только одна таблетка. Новая медицина стала более мощной и выгодной для пациентов, так как цена лечения уменьшилась с 12 тыс. долларов до 300 долларов в год. За 25 долларов в месяц стало возможно обеспечить жизнь больного СПИДом в течение многих лет.

«Мы должны использовать в своих интересах этот прорыв. — сказал я команде, — но как мы доставим эти лекарства людям?»

Тони Фаучи представил программу Уганды вместе с доктором Питером Мугиени, который практиковал новые методы и управлял перспективной клиникой, а также был одним из первых людей, предоставивших медицинские препараты против ретровирусов в Африку. На одной из встреч в Овальном кабинете Тони показал мне фотографии медико-санитарных работников из Уганды, работающих в *TASO*, которые на своих мотоциклах доставляли препараты антивирусной инспекции к домам своих пациентов. В то время как большинство программ заканчивают свое существование. Мугиени и *TASO* показали, что именно они нуждались в серьезной поддержке.

В дополнение к обращению Уганда обязалась использовать мощную кампанию по предотвращению заражения, известную как *ABC: Воздержание, Преданность или Презерватив*. Такой подход был успешен. Согласно оценкам, зараженность в Уганде понизилась с 15 % в 1991 году до 5 % в 2001-м.

Программа *PEPFAR* включала еще один дополнительный элемент: забота о жертвах СПИДа, особенно о сиротах. То, что четырнадцать миллионов детей потеряли своих родителей из-за СПИДа, разбивало мое сердце. Меня беспокоил тот факт, что поколение отчаянных молодых людей, оторванных от родины, было уязвимо для вербовки экстремистами.

Я потребовал уточнить план: «Каковы наши цели и предполагаемый результат?»

Целей было три: лечение двух миллионов больных СПИДом, предотвращение семи миллионов новых инфицированных и забота о десяти мил-

лионах контактирующих с ВИЧ-инфицированными. Мы станем партнером правительств и людей стран, борющихся против этой болезни, и поддержим местных руководителей, которые разработают сопутствующие стратегии для осуществления конкретных задач.

Следующим был вопрос о включении в список новых стран. Я решил сосредоточиться на самых бедных и страдающих от этого государствах – двенадцати в районе Сахары в Африке и двух в Карибском море¹. Эти четырнадцать стран составляли 50 % от заболевших ВИЧ-инфекцией в мире. Если мы могли бы остановить распространение болезни в ее эпицентре, то создали бы модель для других стран, содействуя Глобальному фонду.

Следовало решить финансовую сторону вопроса. Группа Джоша рекомендовала ошеломляющую цифру в 15 млрд долларов в течение пяти лет. Моя финансовая команда обеспокоилась. В конце 2002 года американская экономика переживала не лучшие дни, поэтому американцам было трудно понять, почему мы тратим так много денег за границей, когда бедствуют наши собственные граждане.

Я мог возразить на это, объяснив, как спасение людей в Африке служило нашим стратегическим и моральным интересам, а именно: более здоровые общества порождают меньше террора и геноцида. Они были бы более богаты и способны получать наши товары и услуги. Люди, не понимающие побуждений Америки, все-таки видели наше великодушие и сострадание. И я полагал, что американский народ будет более терпимым, когда мы сможем показать, что налоги, берущиеся с американцев, спасают чью-то жизни.

Позже критики стали утверждать, что я начал программу PEPFAR, чтобы успокоить религиозные волнения и отвлечь внимание от Ирака, но такие обвинения нелепы.

Я предложил программу по борьбе со СПИДом во имя спасения жизни людей. В ноябре 2002 года мой главный спичрайтер и доверенный советник Майк Джерсон заявил: «Если в наших силах помочь людям, а мы не делаем этого – позор нам».

¹ Ботсвана, Кот д'Ивуар, Эфиопия, Гайана, Гаити, Кения, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Руанда, Южная Африка, Танзания, Уганда и Зимбабве. По запросу Конгресса мы позже добавили одну азиатскую страну к PEPFAR, – Вьетнам.

Я принял решение выдвинуться с программой PEPFAR в декабре 2002 года. Только несколько человек знали об этом плане. Я приказал команде сохранять молчание. Если бы хоть слово просочилось, среди правительственных учреждений началась бы гонка, как на скаковых дорожках, за право контролировать средства. Члены Конгресса испытали бы большое желание принизить саму суть программы, переадресовывая фонды в своих собственных целях. Я не хотел, чтобы программа PEPFAR завершилась между тисками бюрократии и другими конкурирующими интересами.

В своем обращении к нации 28 января 2003 года я заявил: «Редко когда нации выпадает возможность сделать что-либо для других. Сегодня вечером я предлагаю план действия в чрезвычайной ситуации по борьбе со СПИДом – это путь миссионерства, помимо других международных усилий, в помощи людям Африки».

Обе партии единогласно поддержали план. Рядом с Лорой в ложе первой леи находился доктор Питер Мугиени из Уганды, человек, программа которого, как и вся страна, послужили вдохновением для программы PEPFAR.

Я хотел, чтобы мое заявление имело большой резонанс, – так и получилось. Главный чиновник администрации Клинтона по борьбе со СПИДом назвал его «воодушевленным и сердечным». *Chicago Tribune* обобщила подшивку многих газет, где «"удивительное" было не самым сильным словом для характеристики заявления президента Буша».

Как и ожидалось, были и некоторые возражения. ABC. Кое-кто осудил комментарию в ответ на стратегию предотвращения «войны с презервативами», ко-м-п-о-н-е-н-т воздержания как идеологическую «войну с презервативами», которая может оказаться неэффективной. Я указал, что воздержание срабатывало безукоризненно. Кто-то возразил против распределения презервативов, посчитав, что это приведет к беспорядочным сексуальным связям. По крайней мере, у членов Конгресса хватило ума, чтобы не раскрывать пункт В – преданность в браке.

Как ни странно, обе стороны обвиняли нас, что мы навязываем наши ценности – религиозный фундаментализм, с одной стороны, и сексуальное раскрепощение – с другой. Никакой аргумент не мог повлиять на меня,

так как стратегия ABC была разработана в Африке, осуществлена там же, и там же успешно работала.

Весной 2003 года Палата представителей заинтересовалась законодательством PEPFAR. Закон спонсировался республиканским конгрессменом Генри Хайдом от Иллинойса и демократическим конгрессменом Томом Лэнтоном от Калифорнии, двумя принципиальными сторонниками прав человека. На прекрасном примере двухпартийного сотрудничества они помогли провести закон через Палату голосованием 375:41.

Закон, проходя через Сенат, получил большую поддержку от лидера партии большинства Билла Фриста – доктора, который предпринимал ежегодные миссионерские путешествия в Африку, и сенатора Дика Лугера от Индианы, колеблющегося председателя Комитета по иностранным делам. Билл и Дик возглавили партию, состоящую из консерваторов, таких как Джесси Хелмс от Северной Каролины, и либералов – Джо Байдена Делавэра и Джона Керри от Массачусетса. Я сказал Биллу, что надеюсь утвердить законопроект прежде, чем уеду на встречу G-8 2003 года в Эвиане. Франция была местом, где у меня было больше рычагов, чтобы убедить наших союзников присоединиться к нам. Билл работал неустанно, чтобы выполнить работу в срок. За три дня до того, как я покинул страну, я написал программу PEPFAR

Спустя два месяца мы с Лорой приземлились в Африке в районе Сахары. Нашей первой остановкой был Сенегал. После того как утром в президентском дворце нас встретили президент Абдулай Вад и его жена, Вивиян, нас сопроводили к одному из наиболее замечательных мест, которые мне довелось посещать как президенту, – острову Гори.

Наш визит начался с Дома рабов. Хранитель музея провел нас с Лорой через небольшие, душные комнаты. В одной из них были весы, чтобы взвешивать рабов. Другая была разделена на клетки для мужчин, женщин и детей. Мы прошли через низкий узкий проход к Двери Невозврата, отправной точке ужасного Среднего прохода. Я мог только вообразить страх, испытываемый теми несчастными душами, которые похищались из семей и направлялись на суда, шедшие в неизвестную страну. Я обнял Лору, всматриваясь в просторы синего океана. Вместе с нами были Колин Пауэлл и Конди Райс.

Я думал об ужасающей реальности того, что вынесли их предки и чего достигли Колин и Конди. По окончании визита я проглотил на острове рыбу.

«В этом месте были украдены и проданы свобода и жизнь. Людей сортировали и взвешивали, их клеймили марками коммерческих предприятий, отправляли неизвестно куда как груз без адреса. Одно из самых больших переселений в истории было также одним из самых больших преступлений...»

В течение двухсот пятидесяти лет пленники выносили нападки на свою культуру и достоинство. Дух африканцев в Америке это не сломало, в то время как дух их похитителей был исковеркан... а республика, основанная на равенстве для всех, стала тюрьмой для миллионов. И все же в словах африканской поговорки "Нет такого кулака, за которым не видно неба" звучит то, что все поколения, вынесшие притеснения, в соответствии с человеческими законами не должны терять надежду на свободу и победу, как завещал Всевышний...

Пройдя через столетнюю борьбу, Америка узнала, что свобода не принадлежит одной расе. Мы также знаем, что свобода – это не власть одной страны над какой-либо нацией. Это и есть американская вера в права человека и то, что осуждение и правосудие достигнут везде, где встает солнце. Используя власть и средства, Соединенные Штаты стремятся установить мир везде, где зреет конфликт, пусть надеются те, кто пока страдает, и свобода будет там, где все еще господствует тирания».

PEPFAR был новой главой в истории свободы, достоинства и надежды Африки. В каждой стране, которую я посетил, я обещал, что Америка выполнит свои обязательства. В Южной Африке, где почти пять миллионов были ВИЧ-инфицированными, я убеждал несогласного президента Табо Мбеки противостоять открыто и непосредственно этой болезни. В Ботсване, которая является относительно богатой страной, где были заражены 38 % взрослого населения, президент Фестус Мога обещал использовать фонды PEPFAR, чтобы противодействовать этой болезни. В национальной больнице в Абудже в Нигерии я гостил у женщин, которым помогла «Программа матери и ребенка». Они сияли от радости, показывая мне своих

здоровых детей. Но наряду с каждым младенцем, родившимся здоровым, слишком многие начинали жизнь ВИЧ-инфицированными.

Самой незабываемой частью нашей поездки стало посещение клиники *TASO* в Уганде, где я встретил Мохамеда Килезубулу. Сопровождаемые президентом Йовери Мусевени и его женой Джанет, мы с Лорой прошли в палату и обняли пациентов. Многие открылись перед нами. Они рассказали нам о своих страхах и надеждах. Одна медсестра по имени Агнес сказала мне, что ее муж умер от СПИДа в 1992 году. Когда она проверилась, то узнала, что у нее тоже ВИЧ. Она была одной из немногих, кто смог получить средства против ретровирусов. Она убеждала меня послать как можно больше препаратов и как можно быстрее. Когда эти препараты, поддерживаемые *PEPFAR*, достигли Уганды, Агнес помогла вылечить многих пациентов *TASO*. Один из них был Мохамед. В 2008 году они вместе приехали в Белый дом.

Директор *TASO*, доктор по имени Алекс Кутино, позже сказал, что я был первым мировым лидером, который обнимался с африканцем, зараженным СПИДом. Я удивился, так как помнил, как моя мама в 1989 году обнимала ребенка, зараженного ВИЧ, и это показали в международных новостях. Ее поступок развеял миф, что болезнь передается через человеческий контакт. Я гордился тем, что продолжил ее путь, уменьшая боязнь, связанную со СПИДом. Я надеялся этим небольшим шагом помочь восстановить достоинство страдающих людей. Прежде всего, мне хотелось показать внимание американцев к этой проблеме.

Привычным сюрпризом в нашей африканской поездке было то, что к нам присоединилась наша дочь Барбара. В Ботсване мы все вместе были на сафари в заповеднике *Mokolodi*. Мы хотели расслабиться, подышать свежим воздухом и увидеть каких-нибудь диких животных, и чтобы удовлетворить любопытство прессы, аппарат Белого дома решил, что во время нашего путешествия мы должны позировать перед камерами.

Приготовления, как всегда, были дотошными. Грузовик, забитый камерами и журналистами, был предварительно направлен в зону обстрела. Поскольку наше транспортное средство заехало с угла, представители прессы выстроились в линию для лучшего обзора нас и нескольких слонов. Скорей

всего, слонам не выдали сценарий, потому что вскоре после того как мы прибыли, слон-самец Рэнди встроился на одну из своих стоек, что тут же попало в кадр и транслировалось по международным каналам. Наша команда побледила под горячим африканским солнцем. Лора, Барбара и я рассмеялись.

Первой поездкой, в которой участвовала Барбара, была Африка, и это сильно впечатлило ее. После окончания колледжа и волонтерства в моей кампании 2004 года она пошла работать в педиатрическую клинику СПИДа в военной больнице Мемориала Красного Креста в Кейптауне, в Южной Африке. Основываясь на своем опыте, она позже основала некоммерческий Мировой медицинский корпус. Ее организация посылает недавних выпускников колледжа в клиники трех африканских стран и две американские клиники в старых районах города. Они заботятся о пациентах, больных СПИДом и другими болезнями, улучшают медицинскую инфраструктуру и помогают людям жить с достоинством и надеждой.

У Дженны также обнаружилась способность к работе с больными СПИДом. Она добровольно вызвалась работать для ЮНИСЕФ в нескольких латиноамериканских странах. Когда она вернулась домой, то написала замечательную книгу, бестселлер, названный «История Анны» — повесть о девочке, которая родилась с ВИЧ.

Мы с Лорой всегда очень гордились нашими дочерьми. Они стали успешными в своих профессиях женщинами, беззаветно преданными делу. Они — часть большого движения американцев, которые помогают деньгами и посвящают свое время менее удачливым людям. Эти добрые души — часть того, что я называю армией сострадания. Многие приходят из организаций, основанных на вере, и не ищут компенсации. Они получают оплату в другой форме.

Одним из самых важных ранних решений относительно *PEPFAR* был вопрос — кто должен ее возглавить. Я хотел видеть состоявшегося менеджера, который бы знал, как структурировать организацию, чтобы сосредоточиться на результатах. Я нашел подходящего человека в лице опытного бизнесмена из Индианы Рэндалла Тобиаса Л., бывшего исполнительного директора *Eli Lilly*.

Первые отчеты Рэнди были обескураживающими. Спустя год после того как я подписал *PEPFAR*, менее ста тысяч пациентов получили средства против ретровирусов. «Всего лишь? — раздражался я. — Нам далеко до двух миллионов».

Рэнди уверял меня, что *PEPFAR* набирает ход. Самые важные задачи в течение первого года заключались в том, чтобы заставить стран-партнеров разрабатывать свою стратегию, мобилизовывать трудовые ресурсы и начинать развивать инфраструктуру. Как только где-то у нас появлялся фонд, число людей, получавших медпрепараты, резко возрастало.

В конце 2005 года наши африканские партнеры были полностью заинтересованы в организации, основанной на вере. Группы, поддерживавшие *PEPFAR*, африканские и американские клиники штата, которым она помогала, а также сообщения об этом привели к распространению идеи среди миллионов людей на всех континентах.

Сироты и умирающие получали трогательную заботу. Приблизительно четыреста тысяч человек получили средства от ретровирусов. Мы были близки к цели.

К сожалению, СПИД не был единственной болезнью, опустошающей Африку. К 2005 году малярия убивала около одного миллиона человек в год, большинство из них были детьми младше пяти лет. Передаваемая через комариный укус, малярия составляла 9 % всех смертельных случаев в Африке, и это было даже больше, чем СПИД. Экономисты оценили, что эта болезнь стоила Африке 12 млрд долларов в год в расходах на медицину и потерянной производительности труда, не говоря уже об ударе по и так хрупким экономическим системам.

Любую из этих смертей можно было предотвратить. Малярия победима, и Соединенные Штаты уничтожили ее в 1950-х, и стратегия борьбы против болезни давно известна. Требовались только комплекты инсектицида, сеток для кроватей и медпрепаратов для зараженных пациентов. Средства были не особенно дороги. Сетки для кроватей стоили 10 долларов, включая поставку.

В июне 2005 года я объявил о пятилетней программе в 1,2 млрд долларов, которая должна была профинансировать уничтожение малярии в пятидесяти странах. Как и *PEPFAR*, президентская «Инициатива Малярии»

давала полномочия африканцам спроектировать свои стратегии борьбы с этой болезнью и удовлетворить их потребности в этом. Мы бы могли работать вместе, стремясь к понятной цели: сокращение смертности от малярии на 50 % за последующие пять лет.

Я призвал контр-адмирала Тима Зимера, отставного морского пехотца с опытом работы по оказанию экстремальной помощи в международном масштабе, провести в жизнь программу «Инициатива Малярии». За первые два года помощь дошла до одиннадцати миллионов африканцев. Эта инициатива также получила отклик в американском обществе. Подrostивые клубы, отряды скаутов и школьные классы пожертвовали деньги в количестве десяти долларов, чтобы купить сети для кроватей африканским детям. Основанные на вере организации и корпорации, особенно те, которые занимались торговыми отношениями в Африке, великодушно поддерживали эту акцию.

С такой поддержкой со стороны «Инициативы Малярии» зараженность в означенных странах стала уменьшаться. Эффективнее всего это произошло в Занзибаре. Сотрудники министерства здравоохранения начали мощную кампанию по борьбе с малярией — распыление инсектицида, распределение кроватных сеток, поставку медикаментов для пострадавших от малярии и беременных женщин. На одном только Занзибаре число случаев заболевания малярией понизилось более чем на 90 % в год.

25 апреля 2007 года мы с Лорой отмечали в Розарии проведение первого дня кампании по борьбе с малярией. Это была возможность объявить об успехах и показать нашим гражданам результаты их великодушия.

В конце моей речи танцевальный ансамбль Южной Африки «*KanKougan*» исполнил веселую песню. Поддавшись праздничному настроению, я присоединился к танцорам на сцене. Мои па показали в национальных новостях, и они даже стали сенсацией на YouTube. Девочкам доставляло огромное удовольствие меня поддразнивать: «Я не думаю, папа, что тебя возьмут в программу "Танцы со звездами"».

«Я повторяю, — моя цель состояла в том, чтобы усилить понимание», — парировал я.

В 2006 году Марк Дайбул сменил Рэнди Тобиаса на посту координатора *PEPFAR*. Как врач и уважаемая фигура в организации по борьбе со СПИДом, Марк вызывал большое доверие к *PEPFAR*. После одной из его поездок в Африку он сказал мне, что многие на континенте беспокоились

лись о том, что произойдет после того, как пятилетний срок действия программы *PEPFAR* истечет в 2008 году. Правительства рассчитывали на нашу постоянную поддержку, и люди – тоже. Марк сказал мне, что спросил медицинского чиновника одной из клиник в Эфиопии, знал ли кто-нибудь, что обозначал акроним *PEPFAR*. «Да, – сказал он. – *PEPFAR* означает "Народ Америки заботится о нас"».

Марк полагал, что мы несли ответственность за продолжение программы. Удваивая начальный уровень финансирования *PEPFAR*, мы могли лечить 2,5 миллиона человек, предотвратить 12 миллионов случаев инфицирования и заботиться о 12 миллионах человек в течение следующих пяти лет.

Удвоение финансирования было бы ответственным шагом. Но «Инициатива СПИДа» работала, и я решил не останавливаться. 30 мая 2007 года я вошел в Розарий и призвал Конгресс повторно утвердить «Инициативу» с новым обязательством в 30 млрд долларов на следующие пять лет.

Чтобы подчеркнуть успех программы, я пригласил южноафриканскую женщину по имени Кунене Танто. Лора встречалась с ней два года назад и рассказала мне ее вдохновляющую историю.

Она была ВИЧ-инфицирована, но благодаря программе медицинской помощи матери и ребенку родила мальчика без ВИЧ. После своей речи я держал четырехлетнего Барона на руках и улыбался при мысли, что его драгоценная жизнь была спасена американскими налогоплательщиками. Он продемонстрировал свою энергию и хорошее здоровье, вертясь перед камерами, после чего посмотрел на меня не нуждающимся в переводе взглядом: «Довольно. Отпустите меня».

Следующим шагом было заставить другие страны присоединиться к нам. Летом 2007 года Лора и я полетели в Германию на саммит Большой восьмерки, созданный по инициативе канцлера Ангелы Меркель. Одной из главных целей было убедить моих коллег – лидеров стран Большой восьмерки – поддерживать инициативам Америки по ВИЧ/СПИДу и малярии.

Ангела сказала мне, что основной темой саммита будет глобальное потепление. Я отнесся к проблеме конструктивно. В моем обращении к нации 2006 года я сказал, что Америка «увлеклась нефтью», и эти слова не вызвали одобрения у некоторых друзей в Техасе. В Конгрессе я пытался продвинуть альтернативы нефти, включая биотопливо, гидроэлектростанции и возобновляемые источники энергии.

родные транспортные средства, природный газ, обогащенный уголь и ядерную энергию. Я также внес предложение, чтобы, в отличие от некорректного Киотского протокола, международный процесс был направлен на примирение всех главных эмитентов – включая Китай и Индию, – и полагался на технологии экологически чистой энергии, чтобы сократить выбросы парниковых газов, не подавляя экономический рост, необходимый для решения проблемы.

Я тревожился, что интенсивная концентрация внимания на изменении климата отвлечет от решения неотложных проблем в развивающихся странах. «Если мировые лидеры собираются сидеть без дела, говоря о чем-то, что может стать проблемой через пятьдесят лет, – сказал я Ангеле, – нам лучше сделать что-нибудь для людей, умирающих от СПИДа и малярии прямо сейчас».

С помощью Ангелы другие лидеры Большой восьмерки согласились присоединиться к «Инициативе СПИДа», разработанной в США. Вместе мы бы смогли обеспечить лечение пяти миллионов человек, предотвратили порядка двадцати четырех миллионов случаев инфицирования и продолжали заботиться о еще двадцати четырех миллионах людей в течение последующих пяти лет. Они также согласились присоединиться к нашей «Инициативе Малярии». Такие исторические обязательства принесут грандиозные изменения в жизнь людей в Африке и во всем мире. Будущим правительствам судить, насколько страны следовали этим инициативам.

Принципы ответственности и товарищества, которыми руководствовались *PEPFAR*, лежали в основе нашего нового подхода к экономическому развитию – программе «Оценка проблем тысячелетия» (ОПТ). Чтобы иметь право на фонды ОПТ, страны должны были соответствовать трем четким определенным критериям: покончить с коррупцией, следовать основанным на рынке принципам экономической политики и вкладывать капитал в здоровье и образование людей. Изменение в подходе было существенным. Экономическую помощь рассматривали бы как инвестицию, а не милостыню. Успех должен измеряться достигнутыми результатами, а не затраченными деньгами.

Неожиданно Программа (ОПТ) получила поддержку известных людей шоу-би-бизнеса. Одним из них был Боно, солист ирландской группы U2. Джош Конди познакомился с Боно и сказал мне, что рок-звезда хочет посе-

тить меня в Овальном кабинете. Я скептически отношусь к знаменитостям, которые, казалось, пользовались любым способом для продвижения своей карьеры. Но они уверили меня, что Боно — не такой человек.

Его визит был назначен на утро 14 марта 2002 года, в день, когда я объявил о создании ОПТ. Джош вкратце ознакомил меня с вопросами, которые могли возникнуть в процессе встречи. Как всегда дотошный, он задал мне последний вопрос прежде, чем пригласить нашего гостя в Овальный кабинет. «Господин президент, вы действительно знаете, кто такой Боно?»

«Конечно, — сказал я. — Он — рок-звезда». Джош кивнул и повернулся к двери. «Он ведь был когда-то женат на Шер, не так ли?» — добавил я. Джош изобразил недоверие. Я насколько мог, сохранял серьезный вид.

Боно, в характерных очках, стремительно вошел в Овальный кабинет. Он быстро рассеял сомнение в том, что сам себя раскрутил. Он знал наши бюджеты, факты и был в курсе проблем в Африке. Он принес мне подарок, наводящий на размышления, — старую ирландскую Библию.

«Вы знаете, что 2003 стиха Священного Писания имеют отношение непосредственно к бедным людям мира?» — спросил он. «Люди быстро указывают на очевидные грехи, как неверность в браке, — продолжал он, — но при этом мы игнорируем более серьезные вещи. Единственное место в Библии, где говорится непосредственно о суде — в 25-м послании от Матфея: "Что бы Вы ни сделали для одного из самых младших братьев моих, Вы сделали для меня"».

«Вы правы, — сказал я. — Грех упущения столь же серьезен, как и любой другой грех». Я был рад, когда он выразил свою полную поддержку ОПТ, которая, как он считал, совершит переворот в вопросах, касающихся мирового развития. Я внимательно слушал, когда он убеждал меня усилить борьбу с ВИЧ/СПИДом. «Несколько таблеток в день способны спасти миллионы жизней. Это была бы самая лучшая реклама для Соединенных Штатов. Они должны быть красного, белого и синего цвета».

После нашей встречи Боно присоединился ко мне и кардиналу Теодору Маккаррику, мягкому, одухотворенному человеку, для поездки на лимузине в Межамериканский банк развития, где я должен был произнести речь. Боно участвовал в мероприятии и похвалил нашу политику. Я позже узнал, что один из его главных инвесторов, ультралиберальный миллиардер

Джордж Сорос, резко критиковал Боно за то, что он участвовал в мероприятии по программе ОПТ, не получив ничего взамен. «Вы продались за чечевичную похлебку», — сказал Сорос Боно.

Со временем мое уважение к Боно только росло. Он был внимателен к Лоре и девочкам и часто посылал благодарственные письма. Он — человек подлинной веры. Боно мог быть преисполнен сарказма, но циничным политиканом — никогда. Когда PEPFAR стартовал слишком медленно, он приехал, чтобы встретиться со мной в Овальном кабинете. «Вы всегда ничего не получаете на результат, — сказал он, — и где он?» Я хотел ответить ему, но он не дал бы мне вставить и слова. Как только программа была запущена целиком, он заявил: «Сожалею о том, что сомневался относительно вас. Между прочим, вы знаете, что американское правительство считается самым крупным в мире покупателем презервативов?»

Я засмеялся. Боно был благороден, остроумен, предан нашему общему делу. Лора, Барбара, Дженна и я считаем его своим другом.

Не все соглашались с Боно. Спустя три месяца после объявления о начале ОПТ я поехал на саммит Большой восьмерки в Канаскис, Канада. Премьер-министр Жан Кретьен поднял тему иностранной помощи. Я был одним из первых выступавших с речью. Я говорил об ориентируемых на результаты принципах ОПТ, абсолютно отличающихся от традиции Большой восьмерки измерять щедрость страны, финансирующей иностранную поддержку, процентом ее ВВП.

Когда я закончил, Жак Ширак наклонился и погладил мою руку. «Джордж, вы такой максималист, — сказал он. Затем он отстранился и произнес: — Как Америка может настаивать на необходимости идентифицировать борьбу с коррупцией? Ведь коррупцию создал цивилизованный мир!»

Этим он хотел дать понять, что я не понимаю африканскую культуру.

Это был первый выпад Ширака в мою сторону, но я не удивился. Он, казалось, был готов осудить людей в развивающихся странах в непрекращающейся коррупции, бедности и плохом управлении, потому что чувствовал себя виновным за сделанное Францией и другими странами в колониальную эру.

Когда лекция закончилась, я поднял руку. Кретьен покачал головой. Он хотел дать другим лидерам возможность высказаться. Но я не мог позволить, чтобы заявление Ширака получило поддержку. Тогда я выступил в ответ: «Америка не колонизировала африканские страны и не способствовала созданию коррупции. И Америка устала от того, что, в то время как страдают люди, воруются большие деньги. Да, мы меняем нашу политику, нравится вам это или нет».

Ширак вышел из себя, — я тоже. Большинство других лидеров были потрясены. Мой друг премьер-министр Японии Коидзуми слабо улыбнулся и чуть кивнул в знак одобрения.

За следующие шесть лет ОПТ и тридцать пять стран-партнеров инвестировали 6,7 млрд долларов. Лесото использовало свой договор с ОПТ, чтобы модернизировать водоснабжение, а в Буркина-Фасо создали надежную систему прав собственности. Подобные проекты были катализаторами для стран с точки зрения развития рынков, способствующих росту частного сектора; они привлекают иностранный капитал и облегчают торговлю, которая была другим краеугольным камнем в моей программе развития. Свободная и справедливая торговля приносит пользу Соединенным Штатам, привлекая новых покупателей наших продуктов, наряду с большим выбором товаров и более выгодных для потребителя цен. Торговля — также самый верный способ помочь людям в развивающихся странах поднять экономику и вырваться из бедности. Согласно одному исследованию, торговля в сорок раз эффективнее для сокращения бедности, чем иностранная помощь.

Когда я занял свой пост, у Америки были подписаны соглашения о свободной торговле с тремя странами: Канадой, Мексикой и Израилем. К тому времени, когда я ушел с поста, у нас уже были соглашения с семнадцатью странами, включая развивающиеся, такие как Иордания, Марокко, Оман, и молодые демократические государства Центральной Америки. Чтобы и далее развивать экономику стран Африки, мы с партнерами-странами, членами Большой восьмерки, решили погасить долг бедных стран Африки, который составлял более 34 млрд долларов. Инициатива шла еще от президента Клинтона, который существенно ослабил долговые обязательства этих стран. В отчете DATA — организации Боно отмечалось, что погашение долга позволило африканским странам послать еще сорок два миллиона детей в школу.

Еще одной жизненно важной инициативой был закон о росте и развитии африканских стран («Африканская образовательная инициатива»), который устранял тарифы на большую часть африканского экспорта в Соединенные Штаты. Президент Клинтон подписал этот закон (AGOA), я внес предложение в Конгресс о его усовершенствовании. Я непосредственно видел его эффективность, когда встречался с предпринимателями из Ганы, экспортировавшими свои продукты в Соединенные Штаты. Одна женщина организовала компанию «Матери мира». Она помогала женщинам, занимающимся ремеслом, находить рынки сбыта товара, производимого ими, такого как мыло, корзины и драгоценности. Через пять лет ее компания выросла от семи служащих до приблизительно трехсот. Портниха Эстер сказала мне: «Помогая другим женщинам, я помогаю своей семье».

В феврале 2008 года мы с Лорой отправились в Африку в район Сахары. Для меня это была вторая, а для нее пятая поездка. Мы рассматривали ее как рекламную акцию — показать миру тех глав государств Африки, которые отдавались служению своему народу и занимались такими проблемами, как бедность, коррупция и болезни. Их положительный пример резко отличался от поведения африканского лидера, чье имя не сходило с газетных полос, Роберта Мугабе из Зимбабве. Мугабе задушил демократию, вверг свою страну в гиперинфляцию и превратил Зимбабве из государства — экспортера продовольствия в импортера продовольствия. Его позорная деятельность была доказательством того, как один человек может разрушить страну. Я хотел показать миру, что умелое руководство может помочь стране раскрыть свой потенциал.

Мы с Лорой посетили пять стран¹. В каждой стране мы видели вдохновляющие примеры наших новых партнерских отношений с Африкой. Я встретил школьников в Бенине и Либерии, у которых, благодаря нашей «Африканской образовательной инициативе», появились учебники. В Руанде я подписал двустороннее инвестиционное соглашение, увеличивающее доступ к финансированию руандийских предпринимателей. В Гане я

¹ Мы посетили Бенин, которым руководил Яйей Бони; Танзанию, во главе с Джаквайей Киквете; Руанду, где лидером страны был Пол Гагеме; Гану, во главе с Джонсом К. Фромом, и Либерию, во главе с Эллен Джонсоном Серлифом.

объявил о новой инициативе, направленной на борьбу с такими тропическими болезнями, как анкилостомы и лихорадка.

Самым длительным было посещение Танзании, страны на восточном побережье Африки, в которой проживали сорок два миллиона человек. Под руководством президента Джакайи Киквете Танзания участвовала в PEPFAR, «Инициативе Малярии» и ОПТ. Когда президентский самолет заходил на посадку в Дар-эс-Саламе, мне сказали, что я могу встретиться с группой танзанийских женщин, носящих платья с моей фотографией, напечатанной на ткани. Когда я спустился с трапа самолета, группа женщин исполняла танец под праздничные звуки барабанов и рожков. Танцуя, одна женщина повернулась ко мне спиной, и я увидел свою фотографию.

Как и во многих африканских странах в районе Сахары, экономика Танзании была ослаблена кризисом, вызванным СПИДом. Президент Киквете был увлечен борьбой с этой болезнью. Он и его жена Сальма под прицелом телекамер прошли тест на СПИД, чтобы подать хороший пример для народа Танзании, но еще нагляднее был пример, когда они усыновили сироту, чьи родители умерли от СПИДа.

Президент Киквете вместе с нами посетил клинику ВИЧ/СПИДа в Окружной больнице Амана, открывшуюся в 2004 году при поддержке PEPFAR. Когда директор больницы показывал нам клинику, Лора и я увидели девочку, сидевшую на скамье во внутреннем дворе со своей бабушкой. Ей было девять лет, и она была ВИЧ-инфицирована. Вирус достался ей от матери, которая вскоре умерла, да и отец также оказался жертвой СПИДа. Однако маленькая девочка улыбалась. Ее бабушка объяснила, что за лечение девочки в клинике PEPFAR платила Католическая благотворительная организация. «Как мусульманка, — сказала пожилая женщина, — я даже не предполагала, что католическая организация поможет мне. Я очень благодарна американскому народу».

На пресс-конференции я еще раз обратился к Конгрессу с призывом внедрять и расширять полномочия PEPFAR, и президент Киквете присоединился ко мне: «Если прекратить или развалить эту программу, многие потеряют надежду и, безусловно, им грозит смерть. Я выступаю в поддержку PEPFAR и за ее продолжение». Американский репортер спросил его, как танзанийцы смотрят на перспективу увидеть Барака Обаму в качестве президента. Ответ Киквете был как бальзам на мою душу. «Для

нас, — сказал он, — самым важным является то, будет ли он таким же хорошим другом Африки, каким был президент Буш».

Подлетая к Вашингтону, мы с Лорой сходили по лестнице, чьи эта посадка была наиболее удачной за время моего президентства. Появилось новое ощущение надежды на будущее Африки. Инициатива любви в Америке была всеобщим. Каждый раз, когда я слышу, что американский политический деятель или комментатор говорит о плохом имидже нашей страны в мире, я думаю о десятках тысяч африканцев, которые выстраивались вдоль дорог, чтобы помахать нашей автоколонне и выразить благодарность Соединенным Штатам.

К тому времени, когда я покинул офис в январе 2009 года, PEPFAR оказал поддержку в лечении 2,1 миллиона человек и организовал заботу о более чем 10 миллионах. Доллары американских налогоплательщиков помогли защитить матерей и младенцев более чем в 16 миллионах случаев беременности. Более 57 миллионов человек прошли проверку на СПИД и посетили лекции психологов.

Результаты «Инициативы Малярии» также обнадеживали. Посредством распыления инсектицида, кроватных сеток, а также дезинфекции помещений, поставки медицинских препаратов для зараженных и беременных матерей, «Инициатива Малярии» помогла защитить 25 миллионов человек от смертельной угрозы. Несколько стран, включая Эфиопию, Руанду, Танзанию и Замбию, раньше срока сократили показатели по заболеванию малярией более чем на 50 %.

Потребности Африки остаются огромными, так как более 22 миллионов человек инфицированы СПИДом. Некоторые, нуждающиеся в средствах против ретровирусов вынуждены обходиться без них. В то время как Бед-малярия отступила, есть еще дети, умирающие от комариных укусов. Бедность не отступает, инфраструктура отсутствует, а очаги терроризма и жестокости все еще существуют.

Несмотря на сложность этих проблем, у африканцев есть сильные партнеры, защищающие их интересы. Соединенные Штаты, G-8, ООН, религиозные сообщества и частный сектор занимаются этими проблемами больше, чем когда-либо раньше. Медицинская инфраструктура в рамках PEPFAR и «Инициативы Малярии» улучшит ситуацию в Африке в других областях жизни.

Возможно, самым важным изменением в последние годы является взгляд на себя самих африканцев. В то время как СПИД уже не является смертельным приговором, у африканских народов появился оптимизм по поводу того, что они смогут преодолеть свои проблемы, заявить о чувстве собственного достоинства и продолжить свое развитие.

Во время нашей поездки в Руанду в 2008 году мы с Лорой посетили школу, где подросткам – многие из которых сироты – преподавали профилактику ВИЧ/СПИДА. Один урок был посвящен тому, как девочкам отклонять сомнительные предложения пожилых мужчин, что также является частью программы воздержания *PEPFAR*.

Когда во время прогулки с группой студентов я сказал: «Бог милостив», Они ответили в унисон: «Во все времена!»

Здесь в Руанде, стране, которая потеряла сотни тысяч человек от геноцида и СПИДа, эти дети чувствовали себя счастливыми. Некоторые из нас, живущие в комфорте в Америке, могли бы извлечь урок из этого. Я решил повторить:

«Бог милостив».

И хор откликнулся еще громче: «Во все времена!»

ГЛАВА 12

БОЛЬШАЯ ВОЛНА

В сентябре 2006 года, когда приближались промежуточные выборы, мой друг Мич Макконнелл вошел в Овальный кабинет. Известный сенатор из Кентукки, ярый республиканец Мич попросил меня встретиться с ним один на один. Мич обладает острым политическим нюхом, и он почувствовал угрозу.

«Господин президент, – сказал он, – ваша непопулярность будет стоить нам потери контроля над Конгрессом».

У Мича были основания так говорить. Многие американцы устали от моего президентства, но это не было единственной причиной того, почему наша партия оказалась в затруднительном положении. Я мысленно вернулся в прошлое, когда республиканских конгрессменов отправляли в тюрьму за взятки, клеймили позором в связи с сексуальными скандалами или вовлекали в лоббирование исследований. Тогда же тратились безумные деньги на выгодные проекты – кормушки, – и тогда же нас постигла неудача в преобразовании социального обеспечения, несмотря на усилия большинства в обеих палатах Конгресса.

– Ну, Мич, – спросил я, – что вы хотите, чтобы я делал с этим?

– Господин президент, – сказал он, – выведите войска из Ирака.

Так думал не он один. Поскольку насилие в Ираке росло, члены обеих партий призывали к выходу из страны.

«Мич, – заметил я, – полагаю, что наше присутствие в Ираке необходимо, чтобы защитить Америку, и я не буду отзываться войска, если военная

«Обстановка того требует». Я пояснил, что нам необходима победа в Ираке, а не на избирательных участках. Я не стал ему говорить, что иначе относился к выводу наших войск из Ирака и находился на грани принятия самого жесткого и для большинства непопулярного во время моего президентства решения. Необходимо было развернуть в Ираке десятки тысяч войск с новой стратегией, новым командующим и миссией защиты иракского народа, помощи развитию демократии в самом сердце Ближнего Востока.

Пессимизм сентября 2006 года пришел на смену надежде, которую лелеяли многие после освобождения Ирака. В том году, когда наши войска вошли в Ирак, был свергнут режим Саддама, сам диктатор захвачен, началось восстановление школ и медицинских клиник, сформирован Управляющий Совет, в котором были представлены все главные этнические и религиозные группы. В то время как везде господствовали беззаконие и насилие, большинство иракцев, казалось, были полны решимости построить свободное общество. 8 марта 2004 года Управляющий Совет достиг соглашения по Транзитному административному праву. Этот важный документ призывал к возвращению суверенитета в июне, с последующими выборами в Национальное собрание, составлению конституции и проведению еще одного раунда выборов по созданию демократического правительства.

В течение почти трех лет это была наша ключевая стратегия. Мы полагали, что помощь иракцам в осуществлении этих шагов была лучшим способом показать шиитам, суннитам и курдам, что им тоже отводилась доля в свободной и мирной стране. Как только иракцев вовлекли в демократический процесс, мы надеялись, что они определятся с выбором, приходя на избирательные участки, оставив, таким образом, врагов свободного Ирака не у дел. Короче говоря, мы полагали, что политический прогресс станет движением к безопасности – и в конечном счете дорогой домой.

Наша военная стратегия сосредоточилась на том, чтобы преследовать экстремистов и в то же время обучать иракские силы безопасности. В течение долгого времени мы медленно продвигались в этом направлении, поскольку считалось, что мы были оккупантами и продвигали законность руководителей Ирака. Я подвел итог стратегии: «По мере того как Ирак возрождается, мы выводим войска». Дон Рамсфелд выразился лучше: «Мы должны убрать руку с седла велосипеда».

Я изучил историю послевоенной Германии, Японии и Южной Кореи. Каждой стране потребовалось много лет – и присутствие американских войск, – чтобы осуществить переход от опустошительной войны к устойчивым демократическим государствам. Но как только они сделали это, оказалось, что дело того стоило. Западная Германия стала двигателем европейского процветания и путеводной звездой свободы во время холодной войны. Япония превратилась во вторую по величине экономику в мире и оплот безопасности в Тихом океане. Южная Корея стала одним из наших крупнейших торговых партнеров и стратегической защитой от своего северного соседа. Все три страны извлекли выгоду из относительно однородного состава населения и мирной послевоенной обстановки. С Ираком дело обстояло сложнее. Ирак был изведен напряженными этническими и религиозными распрями с тех пор, как британцы создали эту страну из остатков Османской империи. Страх и недоверие, порожденное Саддамом Хусейном, затрудняли урегулирование положения в Ираке. Ту же роль сыграли и экстремистские нападки. Несмотря на царящее насилие, надежда все-таки была. Население Ирака – молодое, образованное; культура – яркая; правительственные учреждения – функционирующие. У страны был сильный экономический потенциал, частично благодаря ее природным ресурсам, и ее граждане готовы были отдать свои жизни, чтобы одолеть мятежников и жить свободно. Я был уверен, что время и стабильная американская помощь помогут победе демократии.

Моя уверенность ежедневно подвергалась испытанию. Каждое утро я получал ночную сводку из Ситуационной комнаты, напечатанную на голубом листе бумаги. В одном из разделов донесения указывались число, место и причина американских жертв в Афганистане и Ираке.

В течение долгого времени наши потери росли. В марте 2004 года в Ираке погибли 52 американца, в апреле – 135, мае – 80, июне – 42, июле – 54, августе – 66, сентябре – 80, октябре – 64. В ноябре, когда наши войска начали главное наступление на повстанцев в Фаллудже, погибло 137 человек.

Растущее число смертей тревожило меня. Когда я получал голубой лист военной сводки, то обводил ручкой число погибших и делал паузу, размышляя над каждой отдельной потерей. Я выражал соболезнование чле-

Во время саммита НАТО в Стамбуле 28 июня я почувствовал, как рука Дона Рамсфелда легла мне на плечо. Он подсунул мне ключок бумаги с почерком Конди: «Господин президент, Ирак получил суверенитет. Письмо передали от Бремера в 10:26 по иракскому времени».

Я наспех написал на записке: «Да здравствует свобода!», и мы обменялись рукопожатием с главой государства, сидевшим справа от меня. В этот переломный исторический момент я встретился с человеком, который никогда не нарушил свое обязательство перед свободным Ираком, Тони Блэр.

Семь месяцев спустя, в январе 2005 года, иракцы достигли следующей вехи: выборы во Временное Национальное собрание. И снова террористы попытались помешать проведению кампании. Заркави объявил «всеобщую войну этому злему принципу демократии» и обещал убить любого иракца, вовлеченного в выборы.

Давление нарастало и в США. Так, *Los Angeles Times* назвала выборы «обманом» и предложила их отложить. Я полагал, что перенос выборов только придаст врагу сил, а народ Ирака засомневается в нашей приверженности демократии. Проведение же выборов показало бы веру иракцев в демократию и выставило мятежников как врагов свободы. «Выборы должны состояться», — сказал я команде национальной безопасности. — Это будет моментом истины для всего мира».

В 5:51 30 января 2005 года я вызвал дежурного офицера в Ситуационную комнату, чтобы узнать первые данные. Он сказал мне, что наше посольство в Багдаде сообщало о высоком проценте явки — несмотря на бойкот многих суннитов. В то время как террористы проводили теракты, во всем мире транслировались репортажи, в которых показывали иракцев, от радости размахивающих в воздухе запачканными чернилами пальцами¹. Один репортер был свидетелем, как к избирательному участку привезли в инвалидном кресле девяностолетнюю женщину. Другой журналист рассказал об избирателе, который во время террористи-

¹ Во избежание мошенничества должностные лица заставляли каждого избирателя махать пальцы в фиолетовые чернила.

ческого акта потерял ногу. «Если бы потребовалось, я даже приполз сюда», — сказал он. — Сегодня я голосую за мир».

Прошли выборы в Национальное собрание, которое назначено законом для создания конституции. В августе иракцы достигли соглашения по самой прогрессивной конституции в арабском мире — документу, который гарантировал равные права для всех и защищал свободу религии, собрания и слова. Когда избиратели пошли на выборы 15 октября, явка была еще выше, чем в январе. Жестокости в стране стало меньше, и гибли все меньше суннитов. Конституция была ратифицирована в процентном соотношении: 79:21.

Третьи выборы года, проводимые в декабре, должны были заменить временное собрание постоянным законодательным органом. Еще раз иракцы бросили вызов террористическим угрозам. Почти двенадцать миллионов человек — явка более чем 70 % — опустили свои избирательные бюллетени. На сей раз сунниты участвовали в подавляющем большинстве. Один избиратель выставил свой запятнанный чернилами палец и прокричал: «Это — шип в глаза террористам».

Я гордился нашими войсками и испытывал волнение за иракцев. Троекратные выборы 2005 года способствовали достижению их главной вехи на пути к демократии. Я надеялся, что политическое продвижение изолирует мятежников и позволит нашим войскам поймать боевиков Аль-Каиды одного за другим. После стольких тягот и потерь появилась реальная причина для оптимизма.

Золотую мечеть Самарры считают одним из самых святых мест в шиитском исламе. Это гробницы двух уважаемых имамов, отца и деда невидимого имама, спасителя, которому шиит верит, что он восстановит человеческую справедливость.

22 февраля 2006 года две большие заложенные мины разрушили мечеть. Нападение было страшной провокацией по отношению к шиитам. Оно приравнялось к штурму собора Святого Петра или Западной Стены. «Это — эквивалент вашего 11 сентября», — сказал мне влиятельный шиитский лидер Абдул Азиз аль Хэжим.

Я вспомнил письмо, которое Заркави написал лидерам Аль-Каиды в 2004 году, в котором предложил спровоцировать войну между иракскими

шиитами и суннитами. Поскольку за этим сразу же последовали репрессивные действия, насилие оказалось под контролем. Шиты не поддавались на провокации, и я приветствовал их сдержанность. В речи 13 марта я сказал, что иракцы «заглянули в пропасть, и им не понравилось то, что они там увидели».

Я ошибался. К началу апреля разразился межрелигиозный конфликт. Бродячие группы шиитских бандитов похищали и убивали невинных суннитов. Сунниты ответили террористическими атаками в шиитских областях. Кризис усиливался нехваткой сильного иракского правительства. Начиная с декабрьских выборов, партии всеми средствами добивались победы. Это было неотъемлемой частью демократии, но с ростом насилия Ирак нуждался в сильном руководителе. Я приказал Конди и послу Зэлу Халилзаду, которые направлялись из Кабула в Багдад, при выборе премьер-министра страны опираться на иракский народ. Спустя четыре месяца после выборов итог удивил всех: Нури аль Малики.

Малики, диссидент, приговоренный к смерти Саддамом, жил в изгнании в Сирии. Я позвонил ему в день его избрания. Так как у него не было телефона с защитой, он находился в американском посольстве. «Господин президент, это новый премьер-министр», — сказал Зэл.

«Спасибо, — ответил я, — но оставайтесь на линии, чтобы премьер-министр знал, насколько мы с вами близки».

«Мои поздравления, господин премьер-министр, — сказал я, когда Малики взял трубку. — Я хочу, чтобы вы знали, что Соединенные Штаты полностью поддерживают демократию в Ираке. Мы вместе будем бороться с террористами и поддерживать иракский народ. Руководите уверенно».

Малики был дружелюбным и искренним, но в политике он был новичком. Я ясно дал понять, что хотел бы общаться чаще, — он тоже. В последующие месяцы мы часто говорили по телефону и даже провели телеконференцию. Мне не хотелось ни запугивать его, ни казаться властным. Я хотел, чтобы он считал меня партнером, возможно наставником. На него давили другие, от меня же он получал совет и поддержку. Я понимал, что, завоевав его доверие, мне будет легче помочь ему принять трудные решения.

Я надеялся, что формирование правительства Малики позволит нам отдохнуть от череды насилия, но этого не произошло. Сообщения о религиозных убийствах становились все ужаснее. Батальоны смерти совершали дерзкие похищения. Иран финансировал боевиков, обучал и снабжал мощным оружием — снарядами (EFPs) — для уничтожения наших войск. Иракцы отступили в свои «сектантские наспех вырытые окопы», ища защиты везде, где они могли ее найти.

Нашим главнокомандующим в Ираке был генерал Джордж Кейси, опытный генерал-полковник, который командовал войсками в Боснии и был заместителем начальника штаба армии. Дон Рамсфелд рекомендовал его для командования в Ираке, когда летом 2004 года ушел генерал Рикардо Санчес.

Перед отъездом Джорджа в Багдад мы с Лорой пригласили его с женой Шейлой на обед в Белый дом. К нам присоединился посол в Ираке Джон Негропонте¹ — опытный, квалифицированный дипломат, работающий на добровольной основе, и его жена Диана. Джордж презентовал мне биографию легендарного футбольного тренера Винса Ломбарди.

Джордж работал менеджером по спортивному снаряжению в *Washington Redskins* в течение заключительного сезона Ломбарди. Подарок впечатлял. Как и тренер, которым он восхищался, Джордж не был ни вульгарным, ни гламурным. Он был простым, прямолинейным военачальником — «гранитным блоком», как когда-то говорили о Ломбарди.

Генерал Кейси — как и генерал Абизейд и Дон Рамсфелд — был убежден, что присутствие наших войск создавало ощущение оккупации, которое разжигало насилие и провоцировало мятеж. В течение двух с половиной лет я жигало насилие и провоцировало мятеж. В течение двух с половиной лет я поддерживал стратегию выведения наших войск, поскольку иракцы постепенно сами восстанавливали страну. Но спустя месяцы после взрывов в Саппене я стал сомневаться: были ли для этого основания. Межрелигиозный марше я стал сомневаться: были ли для этого основания. Межрелигиозный конфликт разразился не из-за того, что мы пытались слишком сильно да-

¹ Джон работал в моем правительстве в качестве посла в Организации Объединенных Наций, посла в Ираке, а также директором национальной разведки и заместителем государственного секретаря — итого на четырех должностях.

вить, а потому что этому способствовала Аль-Каида. Ради иракцев, из всех сил пытающихся встать на ноги, мы не должны были уходить.

В команде национальной безопасности все разделяли мое беспокойство по поводу ухудшающейся обстановки. Но именно мой советник по вопросам национальной безопасности, Стив Хэдли, был первым, кто помог мне найти решение.

Стив привлек мое внимание во время кампании 2000 года, когда он вошел в состав внешнеполитической консультативной группы, организованной Конди. Стив был общественным деятелем поневоле, однако, оказавшись перед камерой, он вел себя настолько складно и профессионально, что внушал доверие, так как на самом деле был рассудительным и надежным. Он слушал, анализировал и, не раздумывая, предлагал варианты, формулируя их четко и ясно. Как только я принимал решение, он уже знал, как работать с командой, чтобы его осуществить.

Стив — деловой человек. Он садился в самолет, чтобы лететь за океан, в талестуке, он спал в талестуке и выходил из самолета в талестуке, ничуть не помня от долгого перелета. Как-то он добровольно вызвался колоть кедровые дрова на ранчо. Обутый в грубые башмаки, он отнесся к заданию со всей тщательностью и справился с ним блестяще. Вне формальной обстановки Стив — добрый, самоотверженный человек с чувством юмора. Я провел много выходных в Кэмп-Дэвиде с ним и его женой Энн. Их связывает сильное чувство, они интеллектуалы, оба любят путешествовать — отличные родители для своих двух прекрасных девочек.

Я встречался со Стивом почти каждое утро во время моего второго срока. Однажды весной 2006 года, после особенно напряженного дня, мы изучали толстую стопку писем за столом Резолют. Я покачал головой и оторвал взгляд от листа. Стив тоже качал головой.

«Это не работает, — сказал я. — Мы должны иначе взглянуть на всю ситуацию, и я должен рассмотреть другие варианты».

«Господин президент, — ответил он, — боюсь, что вы правы».

Стив занялся подробным изучением отчетов. Каждую ночь команда на Ираке в штабе СИБ производила подробную запись, детализирующую военные и политические события за прошедшие двадцать четыре часа, и

вырисовывавшаяся картина не радовала. Однажды в конце весны я попросил Меган О'Салливан, доктора философии, которая тогда работала на Джерри Бремера в Ираке, остаться после встречи. Она поддерживала контакты со многими высшими должностными лицами в иракском правительстве. Я поинтересовался, что слышно из Багдада. «Там ад, господин президент», — ответила она мне.

В середине июня в Кэмп-Дэвиде Стив, руководивший группой внешних экспертов, вводил меня в курс дела. Фред Кэзэн, военный ученый в Американском институте предпринимательства, подверг сомнению, достаточно ли у нас войск, чтобы справиться с царящим беспределом. Роберт Кэплан, выдающийся журналист, рекомендовал предпринять против боевиков более решительные действия. Майкл Викэрс, бывший сотрудник ЦРУ, который помогал в 1980-х вооружить афганских моджахедов, предложил отводить большую роль специальным операциям. Элиот Козн, автор книги «Командование» об отношениях между президентами и их генералами, которую я прочитал по рекомендации Стива, сказал мне, что я должен был всю ответственность за последствия возложить на своих генералов.

Чтобы показать другую сторону медали, Стив принес мне статьи от полковников и бригадных генералов, которые командовали войсками в Ираке. Между ними наметилось противостояние: в то время как генералы Кейси и Абизайд поддерживали стратегию «обучать-и-выводить», многие из непосредственных участников борьбы считали, что мы нуждаемся в большем количестве войск.

Заинтриговал меня и полковник Х. Р. Макмастер. Я прочитал его книгу по Вьетнаму «Нарушение служебного долга», которая обвиняла военное руководство в недоработке корректировки стратегии, принятой президентом Джонсоном и министром обороны Бобом Макнамарой. В 2005 году полковник Макмастер командовал полком в северном иракском городе Тал Афар. Он провел карательную операцию против боевиков, используя войска, чтобы уничтожить повстанцев, удерживавших территорию и помогавших в строительстве местных экономических и политических организаций.

Такая стратегия: «очищать — удерживать — строить» превратила Тал Афар из штаб-квартиры иракских повстанцев в относительно мирный, функционирующий город.

Другим борцом с боевиками был генерал Дэвид Петрэус. Впервые я встретился с ним в форте «Кэмбелл» в 2004 году. У него была репутация одного из самых умных и деятельных молодых генералов в армии. Он был в числе лучших среди получивших высшее образование в Уэст-Пойнте и защитил степень доктора философии в Принстоне. В 1991-м его случайно ранили в грудь во время учебной стрельбы. Он вынес шестидесятимильный вертолетный перелет в Медицинский центр Университета Вандербилт, где его жизнь спас доктор Билл Фрист, позднее республиканский лидер в Сенате.

В самом начале войны генерал Петрэус командовал 101-й Воздушно-десантной дивизией в Мосуле. Он разместил свои войска бок о бок с иракскими жителями, чтобы они патрулировали улицы. Их присутствие убедило жителей, что наши войска находятся там для их защиты. Потом Петрэус провел выборы в местные органы власти для формирования провинциального совета, потратил реорганизационные фонды на восстановление экономики и вновь открыл границу с Сирией для содействия торговле. Он действовал, как описывалось в учебниках по подавлению восстаний. Чтобы победить врага, он пытался завоевать симпатии населения.

Это сработало, и, в то время как насилие на большей части Ирака росло, в Мосуле было относительно спокойно. Но стоило нам сократить там количество войск, возобновлялся беспредел. То же самое произошло бы и в Тал Афар.

После руководства обучением иракских сил безопасности генерала Петрэуса направили в форт «Ливенуорт», штат Канзас, корректировать руководство по борьбе с боевиками. Предпосылка для карательных действий заключалась в том, что, прежде чем осуществлять политические завоевания, необходимо было обеспечить безопасность. Это было полной сменой нашей существующей стратегии. Я решил пристально следить за работой генерала Петрэуса и за ним самим.

Среди плохих новостей 2006 года у нас все же случались и хорошие. В начале июня спецназ под командой очень активного генерала Стэнли Маккрисстэла разыскал и убил Заркави, лидера Аль-Каиды в Ираке. Впервые, начиная с декабрьских выборов, мы смогли предъявить общественности существенное доказательство нашего успеха.

Неделю спустя я тихонько выскользнул из Кэмп-Дэвида после проведенной встречи с Советом Национальной безопасности. Я прыгнул в ар-

мейский транспортный вертолет с небольшой группой помощников и вылетел на Авиационную базу ВВС «Эндрюс», где пересел в президентский самолет. Одиннадцать часов спустя мы приземлились в Багдаде.

В отличие от моей поездки на День Благодарения в 2003 году, когда я встречался с Малики в аэропорту, на этот раз я решил встретиться с ним в Зеленой зоне, надежно укрепленном комплексе в центре Багдада. Армейские вертолеты летели быстро и низко над городом, отстреливая специальные заряды в случайных направлениях для защиты от ракет с тепловым наведением. Когда я добрался до посольства, премьер-министр уже ждал меня. С момента его победы на выборах в апреле я хотел встретиться с Малики лицом к лицу. Во время наших телефонных переговоров он говорил мне правильные вещи, но я задавался вопросом, насколько реальны были его гарантии.

«Успех зависит от ваших решений и действий, – сказал я ему. – Будет нелегко, но мы поможем вам».

Малики благодарил Америку за освобождение страны и подтвердил свое желание остаться друзьями. «Мы победим террор, и это будет победой демократии, – сказал он. – Есть много плохих людей, которые боятся нашего успеха. Им действительно есть о чем беспокоиться, потому что наша победа сбросит их с трона».

У премьер-министра были галантные манеры и тихий голос, но я ощутил его внутреннюю силу. Хотя он не признавал своего участия в оппозиционной партии, Саддам Хусейн казнил многих членов семьи Малики. Его личная храбрость была тем зерном, которое я собирался лелеять так, чтобы он мог превратиться в сильного руководителя, необходимого иракскому народу.

Премьер-министр повел меня в конференц-зал, чтобы представить своему правительству, которое включало шиитов, суннитов и курдских лидеров. Я представил его своей команде через телемост. Мои советники, которые не знали, что я уехал из Кэмп-Дэвида, были ошеломлены, увидев меня в Багдаде. Иракцы были взволнованы, обращаясь по телемосту к своим американским коллегам на этой первой встрече руководства сил национальной безопасности Соединенных Штатов и Ирака.

Другая важная встреча во время этой поездки была с Джорджем Кейси. Деятельный генерал провел в Ираке два года, отслеживая по моей просьбе

ситуацию в стране. Он доложил мне, что 80 % межрелигиозных конфликтов произошли в пределах тридцати миль от Багдада. Контроль над столицей был жизненно важен для спокойствия остальной части страны.

Генерал Кейси планировал усиление мер безопасности для Багдада.

Наступательная операция «Вместе вперед», смысл которой выражался в стратегии «очистить — удержать — построить», поможет достичь такого же успеха, который когда-то был достигнут в Тал Афар и Мосуле. Однако в стратегии «очистить — удержать — построить» я видел противоречие, поскольку она была наступательной, а наши генералы стремились ослабить вмешательство наших войск. Кейси уловил мои сомнения. «Я постараюсь вам все объяснить», — сказал генерал.

«Постарайтесь», — ответил я.

Лето 2006 года было худшим периодом моего президентства. Я постоянно думал о войне. Несмотря на то что меня воодушевляла решимость правительства Малики и устранение Заркави, я был глубоко обеспокоен, что насилие не прекращалось. Ежедневно в среднем погибали 120 иракцев. Война длилась уже более трех лет, и мы потеряли более 2 500 американцев. В пропорции два к одному американцы неодобрительно высказывались о политике Америки в Ираке.

Я впервые усомнился в успехе. Если бы Ирак раскололся на религиозные группировки, наша миссия была бы обречена. Мы наблюдали бы повторение ситуации с Вьетнамом — унижительную потерю для страны, сокрушительный удар по вооруженным силам и крах всех наших интересов. Во всяком случае, последствия поражения в Ираке были бы еще хуже, чем во Вьетнаме. Мы дали бы карт-бланш Аль-Каиде в стране с богатейшими запасами нефти и невольно содействовали враждебному Ирану в погоне за ядерным оружием. Мы бы разрушили надежды людей, рисковавших жизнью ради свободы на Ближнем Востоке. В конечном счете наши враги могли использовать это прибежище, чтобы напасть на нашу родину. Мы должны были помешать этому.

Я решил публично продемонстрировать свою решительность, а не сомнения. Я хотел, чтобы американский народ понял, что я искренне верю в наше дело. Иракцы должны были знать, что мы их не оставим, а наши

враги, — что мы настроены их победить. Больше всего я думал о жизни войсках. Я пытался представить, что чувствует солдат или член экипажа, оказавшись на линии фронта, или какое волнение из своего сына или дочь испытывает мать. Меньше всего они хотели бы слышать главнокомандующего, который жалуется на то, что его раздражают противоречия. Если я был обеспокоен военной ситуацией, то должен был произвести изменения в нашей политике, а не хныкать публично.

Меня поддерживали семья, друзья и вера. Когда мы приезжали в Кэмп-Дэвид, Лора, я и семьи военнослужащих любили посещать местную часовню. Священником в 2006 году был сорокавосьмилетний морской капитан-лейтенант Стэн Форнеа — один из лучших проповедников, которых я когда-либо слышал. «В Библии говорится, что зло реально существует, оно вокруг нас, — сказал он в одной проповеди. — Некоторые не замечают его существования, но оно есть. Зло не должно быть проигнорировано, оно должно быть предотвращено». Он цитировал сэра Эдмунда Берка, британского лидера восемнадцатого столетия: «Зло торжествует тогда, когда бездействует добро».

Стэн полагал, что ответом на зло является свобода и что за нее придется платить. «Ни одно благородное дело не избежало жертв, — сказал он в одной проповеди. — Если свобода дорога нам только до того момента, когда приходится чем-то жертвовать ради нее, то мы как нация находимся в отчаянной ситуации».

Прежде всего, Стэн был оптимистом, и его ощущение успеха поднимало мое настроение. «Священное Писание основано на верности, упорстве и преодолении, — сказал он. — Мы не уходим и не сдаемся. Мы всегда верим, что нет безвыходных ситуаций».

Я тоже искал утешение в истории. В августе я прочитал «Линкольн: Жизнь ради Цели и Власти» Ричарда Карвардайна, одну из четырнадцати биографий Линкольна, проштудированных мной во время моего президентства. В книгах описывалось чувство опустошения, охватывающее Линкольна. В книгах описывалось чувство опустошения, при Чанселорсвилле, где пона, когда он читал телеграммы о поражении, при Чанселорсвилле, где потерь составили семнадцать тысяч человек, или о Чикамоге, где шестнадцать тысяч были ранены или убиты.

Он не только боролся с напрасными жертвами. Линкольн был вынужден обращаться к одному командующему, то к другому, пока не нашел

того, кто действительно будет сражаться. Он видел, как его сын Вилли умирал в Белом доме, а его жена Мэри Тодд впала в депрессию. Однако благодаря своей вере в Бога и глубокому убеждению, что он ведет войну за правое дело, Линкольн выстоял.

Одним из признаков лидерства Линкольна было то, что он с любовью относился к простым солдатам. В самые тяжелые дни войны он проводил долгие часы с ранеными в военном госпитале в Вашингтоне. Его поведение — пример для других президентов.

Одним из наиболее волнующих аспектов моего президентства было чтение писем от семей погибших военнослужащих. Я получал сотни писем, и они охватывали весь спектр отношений. Многие из писем выражали общее чувство: завершайте начатое. Родители павшего солдата из Джорджии написали: «Больше всего мы боимся, что миссия в Ираке останется незаконченной». Горюющая бабушка из Аризоны послала по электронной почте: «Мы должны закончить то, что начали, прежде чем уйти».

В декабре 2005 года я получил письмо от человека из Пенсаколы, штат Флорида:

«Дорогой президент Буш.

Меня зовут Бад Клей. Мой сын, сержант Даниэль Клей [Корпус морской пехоты, США] был убит на прошлой неделе 01.12.05 в Ираке. Он был в числе тех десяти морских пехотинцев, убитых IED (самодельным взрывным устройством) в Фаллудже.

Дэн был христианином — для него Иисус был Богом и Спасителем — таким образом, мы знаем, где он. В его последнем письме (оно осталось у меня, чтобы быть прочитанным в случае его смерти) он говорит, "Если Вы читаете это, — значит все кончено". Он теперь дома — с нами — в нашем реальном доме.

Я пишу Вам, чтобы сказать, как мы (его родители и семья) гордимся Вами и тем, что Вы пытаетесь сделать, чтобы защитить нас всех. Эта поездка была второй поездкой Дэна в Ирак — он знал и говорил, что находится там, чтобы защитить нас. Многие думают по-другому.

Я хочу приободрить Вас, потому что слышу в Ваших речах о "продолжении дела". Я также знаю, что многие против Вас в этой "войне с терроризмом" и что Вы должны были устать от борьбы за то, что на

самом деле истинно. Мы и многие другие молятся за Вас, потому что, как сказал Линкольн, "возможно, они умерли не напрасно"

На Вас лежит тяжелейший груз — мы молятся за Вас.

Да благословит вас Господь.

Бад Клей

Я пригласил Бада, его жену и вдову Даниэля Лайзу на мое выступление с обращением к нации в следующем месяце. Перед речью я встретился с семьей Клей в Овальном кабинете. Мы обнялись, и они повторили, что молились за меня. Я был вдохновлен их силой. Бог сотворил чудо, заставив сердце почувствовать сострадание вместо горя. Их вера была настолько очевидна и ошутима, что она подпитывала мою. Я надеялся поднять настроение Клей, но получилось наоборот: они подняли мое.

Они были не единственными в своем горе. На Новый 2006 год мы с Лорой поехали в Медицинский центр Брука Арми в Сан-Антонио, где навестили пятьдесят одного раненого военнослужащего и их семьи. В одной комнате мы встретили штаб-сержанта Кристиана Бэга из Орегонской национальной гвардии и его жену, Мелиссу. Кристиан был в патрале в Ираке, когда его «Хамви» подорвался на дорожной mine. Он потерял обе ноги.

Кристиан сказал мне, что занимался бегом и планировал снова когда-нибудь побегать. Это было трудно вообразить, но я надеялся поддержать его настроение. «Когда вы будете готовы, позвоните мне, — сказал я. — Я побегу с вами».

27 июня 2006 года я встретил Кристиана на Южной лужайке. Вместо того у него были протезы, сделанные из углеродистого волокна. Мы пробежали несколько кругов по беговой дорожке, спроектированной Биллом Клинтоном. Я поразились физической и духовной силе Кристиана и едва мог поверить, что это был тот же самый человек, прикованный к больничной койке менее шести месяцев назад. Он не воспринимал себя как жертву, а, наоборот, гордился тем, что он делал в Ираке, и надеялся, что его пример мог бы вдохновить других людей.

Я много думал о Кристиане тем летом и в последующие годы. Наша страна должна быть благодарна Кристиану и оказывать ему поддержку. Лично я должен ему нечто большее, — не допустить неудачу в Ираке.

17 августа я созвал команду по национальной безопасности в комнате Рузвельта, где на видеоэкране «присутствовали» генерал Кейси, генерал Абизейд и посол Халилзад. Результаты операции «Вместе вперед» не радовали. Наши войска изгнали террористов и батальоны смерти из багдадских окрестностей, но иракские силы не могли обеспечить контроль на территории. Мы смогли «очистить», но не «удержать».

«Ситуация, кажется, ухудшается», — сказал я. — Я хотел сказать, что у меня есть намерение нанести удар, но сможет ли Америка достичь успеха? И каким образом? Что на это ответят наши командующие?»

Генерал Кейси сказал мне, что мы можем преуспеть, если как можно быстрее передадим ответственность иракцам. Мы должны были «помогать им, помочь себе», сказал Дон Рамсфелд. Иными словами, настала пора «убрать руку с седла велосипеда». Я хотел сообщить команде, что думаю иначе. «Нам нужна победа», — сказал я. — Если они не могут победить, это сделаем мы. Если велосипед падает, мы не должны отпускать его. Мы должны быть на сто процентов уверены, что не потерпим фиаско».

Начальник штаба Джош Болтен подлил масла в огонь. «Если обстановка ухудшается», — сказал он в конце встречи, — какие радикальные меры может рекомендовать команда?»

Я уехал с уверенностью, что нам необходимо самим разработать такие меры. Я уполномочил Стива Хэдли привести в порядок список команды СНБ, работающей по Ираку¹. Я хотел, чтобы они проработали каждый пункт нашей стратегии и предложили новые варианты. Я относился к ним как к своей личной боевой команде.

К осени в донесениях по Ираку насчитывалось в среднем порядка тысячи нападений в неделю. Я прочитал отчеты о религиозных экстремистах, пытавших мирных граждан электродрелью, похищениях пациентов из больниц и взрывах верующих во время пятничной молитвы. Генерал Кейси на-

¹ В список входили Дж. Д. Кроуч, заместитель Стива и бывший посол в Румынии; Меган О'Салливан; Билл Лутти, уставной морской капитан; Бретт Макгерк, юрист, бывший служащий в Верховном суде Уильям Ренквист; Питер Фивер, преподаватель политологии, который взял отпуск, чтобы присоединиться к правительству; и двухзвездный генерал Кевин Бергнер.

чал вторую мощную операцию по восстановлению безопасности в Багдаде, на сей раз с большим количеством иракских сил, чтобы удержать территорию. И опять — провал.

Я решил, что требуются изменения в самой стратегии. Чтобы вызвать доверие у американцев, необходимо было поменять персонал. Дон Рамсфелд предположил, что мне, возможно, понадобится свежий взгляд на Ирак, и он был прав. К тому же нужны были новые командующие, поскольку и Джордж Кейси, и Джон Абизейд уже отслужили длительный срок, и пришло время им возвращаться домой. На их постах тоже требовался новый взгляд на ситуацию.

С приближением промежуточных выборов 2006 года разгорелись споры по Ираку. «Мысль о том, что мы выиграем эту войну, к сожалению, абсолютно ошибочна», — заявил председатель DNC (Национального комитета демократической партии) Говард Дин. «Мы создаем проблему», — сказал конгрессмен Джон Мерта из Пенсильвании, один из первых видных демократов, призывавших к немедленному выводу войск. Сенатор Джо Байден, старейший член комитета по международным отношениям, рекомендовал разделить Ирак на три самостоятельные юридические единицы. Республиканцы тоже беспокоились, в связи с заявлением Митча Макконнелла в Овальном кабинете о сокращении численности войск.

Я решил ждать до окончания выборов, чтобы объявить об изменениях в стратегии и персональных перестановках, так как не хотел, чтобы американский народ или наши вооруженные силы думали, что я принимаю решения в аспекте национальной безопасности по политическим причинам.

В выходные я встретился с Бобом Гейтсом в Кроуфорде, чтобы попросить его стать министром обороны. Боб работал в Комиссии Бэйкер-Гамильтона, группы, собранной Конгрессом для изучения ситуации в Ираке. Он сказал мне, что поддержал увеличение численности войск как одну из рекомендаций группы. Я сказал Бобу, что ишу нового командующего в Ираке, поэтому он должен рассмотреть кандидатов и дать совет. Я предложил ему обратить внимание на Дэвида Петрэуса.

После второго круга выборов стало ясно, что республиканцам удалось увеличить свое присутствие в Конгрессе. Наша численность в 2006 году была меньше. Мы потеряли большинство и в Палате и в Сенате. Новый

спикер Палаты, Нэнси Пелози, объявила: «Американский народ говорит, что мы должны начать масштабный вывод наших войск из Ирака».

Поскольку мы тщательно пересматривали стратегию в Ираке, то сосредоточились на трех основных вариантах. Первый призывал ускорить существующую стратегию обучения иракских сил, отзывая свои собственные. На иракцев ложилась вся ответственность за борьбу с насилием, в то время как мы бы сосредоточились на более узких задачах, включая преследование Аль-Каиды.

Второй вариант состоял в том, чтобы задержать наши войска в Багдаде, пока не утихнет межрелигиозный конфликт. В октябре Конди поехала в Ирак на встречу с Малики и другими лидерами и возвратилась обескураженной. Она спрашивала, почему, если они были настроены вести религиозную войну, мы должны оставлять наши войска в гуще их кровной мести?

Третий вариант заключался в том, чтобы пойти ва-банк. Нам пришлось бы развернуть еще десять тысяч войск для проведения в Багдаде полномасштабной карательной операции. Вместо ухода из городов, наши войска войдут в них, чтобы обеспечить безопасность мирного населения.

Главный вопрос состоял в том, насколько сами иракцы ориентированы на успех.

Я полагал, что большинство иракцев поддерживает демократию, и был убежден, что иракские матери, как все матери, хотели, чтобы их дети росли с надеждой на лучшее будущее. Я встречал иракских студентов по обмену, докторов, женщин-активисток и журналистов, которые были настроены жить в свободном мире. Спустя год после освобождения Ирака я встретил группу владельцев малого бизнеса, производивших такие предметы, как часы и текстиль во времена Саддама. Чтобы купить материалы, они обменяли иракские динары на иностранную валюту. Когда стоимость динара снизилась, Саддам нашел козлов отпущения и отрубил мужчинам правую руку. Режиссер-документалист Дон Норт и тележурналист из Хьюстона Марвин Зиндлер, услышав об этом, привезли иракцев в Техас, где доктор Джо Агрис сделал каждому протез руки бесплатно.

Когда иракцы прибыли в Овальный кабинет, они все еще учились пользоваться своими протезами. Все были благодарны американскому народу за

то, что он освободил их от зверств Саддама, и у всех была надежда на будущее своей страны. Один из иракцев взял ручку в руку, которую он «носил» месяц, и старательно нацарапал несколько «иракских» слов на листке бумаги: «Молитесь Богу, чтобы он благословил Америку».

Я поразились контрасту между зверским режимом, который отрубает руки людям, и обществом сострадания, готовым вернуть им чувство собственного достоинства. Я верил иракцу, который написал эти слова, выражая чувство миллионов своих сограждан. Они были благодарны Америке, так как хотели жить свободно, и я в них не разочаровался.

В конце октября я послал Стива Хэдли в Багдад на конфиденциальную встречу с премьер-министром Малики. Оценка Стива была такова, что Малики был «или не осведомлен о происходящем, не отвечающем его намерениям, или что его способности еще недостаточны, чтобы превратить его благие намерения в действие». Прежде чем принять какие-либо решения, я должен был определить, что из этого было правдой.

29 ноября 2006 года я полетел в Иорданию, в Амман, на встречу с Малики. Руководство иракского премьер-министра порой не устраивало нас. Он не всегда выдвигал иракские войска, когда обещал сделать это. Некоторые члены его правительства подозревались в связи с Ираном. Некоторые недостаточно усердно преследовали шиитских экстремистов. Генерал Кейси был справедливо расстроен тем, что религиозные руководители, близкие Малики, заблокировали доступ нашим войскам в шиитские окрестности.

Все же за свои шесть месяцев во власти Малики созрел как руководитель. Он пережил смертельные угрозы, потенциальные государственные перевороты и многочисленные приезды делегатов Конгресса в Ирак для разноса. За несколько дней до нашей запланированной встречи на высшем уровне в Иордании радикальный шиитский лидер Моктада аль Садр угрожал отозвать своих сторонников из правительства, если премьер-министр встретится со мной, но Малики все равно пришел.

«Вот мой план», — сказал он гордо, вручая мне документ с новой печатью иракского правительства на титульном листе. Внутри было амбициозное предложение снова захватить Багдад иракскими силами. Я знал, что

его армия и полиция не были готовы к таким решительным действиям. Значение имело то, что Малики признал проблему межрелигиозного конфликта и показывал готовность бороться с ней.

«Американцы хотят знать, позволяет ли ваш план выступить нам против как суннитских, так и шиитских убийц?» — спросил я.

«Мы не делаем этнических различий», — ответил он.

Я попросил о встрече тет-а-тет с премьер-министром. Малики, казалось, был готов противостоять насилию в стране. Я решил проверить его решимость, подняв перспективу «Большой волны».

«Политическое давление, направленное на вывод наших войск из Ирака, огромно, — сказал я, — но я готов сопротивляться ему, если вы готовы сделать этот тяжкий выбор».

Я продолжал: «Я готов ввести дополнительно десятки тысяч американских войск, чтобы помочь вам вновь захватить Багдад. Но вы должны дать мне определенные гарантии».

Я пробежал список: он обещал быстро и значительно увеличить количество войск. Не могло быть никакого политического вмешательства в наши объединенные военные операции — никого, кто бы смог запретить нам вход в шиитские окрестности. Он должен был противостоять шиитским ополченцам, включая армию Сэдра, а после умиротворения обстановки преуспеть в деле политического примирения шиитов, суннитов и курдов.

По выполнению каждого пункта Малики дал мне свое слово.

Во время перелета домой из Иордании я думал о вариантах новой стратегии.

Ускоренная передача территорий под ответственность иракцам была неэффективна, поскольку такая стратегия походила на то, что мы уже делали и потерпели неудачу.

Я думал, что неразумно оставлять города на растерзание насильникам. Я не мог допустить, чтобы наши войска, отступив, наблюдали за тем, как жестокимы убивают невинных граждан, и переживал, что Ирак будет настолько сломен, что восстанавливать будет уже нечего.

Выбор стратегии «Большая волна» тоже был рискованным. Вариант увеличения численности наших войск был непопулярен в Америке. Борьба обещала быть жестокой, с большим количеством жертв. Если Малики нас обманет, мы не сможем остановить насилие в стране.

После встречи с Малики я понял, что мы можем рассчитывать на его поддержку, — это было лучшей возможностью, нашим последним шансом для достижения целей в Ираке.

Ноябрь и декабрь прошли в интенсивных обсуждениях. Большая часть команды по национальной безопасности приехала, чтобы поддержать «Большую волну». Дик Чейни, Боб Гейтс, Джош Болтен и Стив Хэдли вместе с военными из СНБ были согласны с новым подходом. Конли тоже не возражала, пока план не требовал отправки большого количества войск в соответствии с той же самой старой стратегией.

По этому спорному и важному вопросу главным было единство мнений. Конгресс и пресса нащупают любую размолвку в администрации. Если бы они обнаружили нечто подобное, они бы использовали это для оправдания их оппозиционного решения заблокировать план. Чтобы достигнуть согласия, не хватало еще одной группы — Объединенного комитета начальников штабов.

Установленный законом о Национальной безопасности 1947 года, Объединенный комитет включал в себя начальников штабов плюс председатель и вице-председатель. Начальники штабов не являются звеном в цепи командования, таким образом, у них нет никакой прямой ответственности за военные операции. Их главная задача заключается в защите здоровья и мощи наших вооруженных сил. Согласно закону, председатель Объединенного комитета — главный советник президента по военным вопросам.

Председателем Объединенного комитета в 2006 году был генерал Пит Пэйс. Пит, один из влиятельных чиновников своего поколения, был первым морским пехотинцем, ставшим председателем. Будучи молодым лейтенантом во Вьетнаме, Пит возглавлял взвод, который выстоял в тяжелых боях. Об остальной части его карьеры свидетельствовали фотографии погибших морских пехотинцев, командиром которых он был.

Когда Пит занял свой пост председателя Объединенного комитета, он посчитал своим долгом сообщить мне их имена. Он никогда не забывал ни о них, ни о той цене, которую пришлось заплатить за ту войну.

Пит, как председатель Объединенного комитета, начал обзор стратегии, и я попросил Стива Хэдли удостовериться, чтобы в их обсуждениях не забывался план «Большая волна». Чтобы выслушать их мнение, я решил встретиться с руководителями в Пентагоне.

За два дня до встречи Пит приехал в Овальный кабинет. Он сказал мне, что у руководителей есть много вопросов, но в целом они готовы поддерживать операцию «Большая волна». Он та же дал Стиву оценку того, сколько войск потребуется, чтобы осуществить операцию: пять бригад, приблизительно двадцать тысяч американцев.

13 декабря 2006 года я вошел в Бункер, безопасный, обшитый деревянными панелями конференц-зал Объединенного кабинета в Пентагоне. Прибытие на их территорию было способом проявить мое уважение. Я начал с того, что приехал к ним затем, чтобы лично услышать их мнение и просить их совета.

Я обратился к каждому из сидевших за столом. Начальники штабов изложили свои проблемы. Они беспокоились, насколько Малики готов выполнить свои обязательства, так как были убеждены, что и другие правительственные подразделения должны больше заниматься Ираком. Они беспокоились, что операция «Большая волна» лишит нас возможности оставаться в боевой готовности при непредвиденных обстоятельствах, таких как запуск ракеты на Корейском полуострове.

Их опасения вызывало увеличение численности войск, так как это могло «подорвать наши вооруженные силы», излишне нервирова военнотружущих и их семьи. Многие из наших военнотружущих в Ираке служили свой второй или третий срок. Чтобы провести операцию «Большая волна», мы должны были увеличить срок службы с двенадцати до пятнадцати месяцев. Это могло сильно повлиять на вербовку, боевой дух, обучение, подготовку и семьи военных.

Армейский начальник штаба Пит Шумейкер и морской командир Джеймс Конвей рекомендовали расширить их полномочия. Они полагали, что это ослабит напряжение в наших вооруженных силах и гарантирует нашу готовность к потенциальным конфликтам в любой точке мира. Мне понравилась эта идея, и я обещал ее рассмотреть.

В конце встречи я подвел итог. «Я разделяю ваше беспокойство по поводу возможного ослабления наших вооруженных сил, — сказал я, — но самый верный способ сделать это — проиграть войну в Ираке».

Мой изначальный план состоял в том, чтобы объявить о новой стратегии в Ираке за неделю-две перед Рождеством. Но по мере приближения срока, я понимал, что нам потребуется больше времени. Я хотел, чтобы Боб Гейтс, приведенный к присяге министр обороны, посетил Ирак 18 декабря.

За два дня до Рождества Боб приехал, чтобы встретиться со мной в Коннектикуте. Он рассказал мне, что был у Малики, который усовершенствовал свой план иракской «Большой волны» в соответствии с нашим. Малики собирался объявить военное положение, развернуть три дополнительных иракских бригады в Багдаде, назначить военного губернатора и двух заместителей командующего, выдав им карт-бланш на преследование экстремистов раннего толка. Боб также предложил кандидатуру на должность нового командующего — генерала Дэвида Петрэуса. Мы согласились назначить генерала Кейси на должность начальника армейского штаба. У Джорджа был длинный и выдающийся послужной список, его опыт принесет пользу армии. Я также хотел ясно дать понять, что не обвинял его в проблемах в Ираке.

Оставалось решить последний вопрос — количество войск для операции «Большая волна». Некоторые в вооруженных силах предложили изначально создать две дополнительные бригады — мини-бросок приблизительно в количестве десяти тысяч войск — с возможностью отправки позже еще до трех бригад. Пит Пэйс сообщил, что генерал Петрэус и генерал Рей Одиерно, командующий номер два в Ираке, хотели, чтобы на фронт были отсланы сразу пять бригад.

Если нашим командующим наземными войсками нужны были такие силы, они их должны получить. Я решил послать в Багдад пять бригад плюс два дополнительных морских батальона в провинцию Анбар. Предполагалось включить наши войска в иракские формирования, чтобы мы могли направлять иракцев на поле битвы и готовить их взять на себя больше ответственности после «Большой волны». Я прислушался к трем ключевым рекомендациям Объединенного комитета начальников штабов. Конечным возглавит «Большую волну» с позиции гражданских ресурсов. Я хотел получить общественные гарантии от премьер-министра Малики на свободу маневрирования наших войск и обратился к Конгрессу с просьбой увеличить размер армейского корпуса и Корпуса морской пехоты на девять тысяч человек.

4 января 2007 года я провел телеконференцию с Малики. «Многие не верят в нашу победу, а я верю, — сказал я. — Даю голову на отсечение, если вы дадите свою».

Два дня спустя он обратился к иракскому народу, объявив о готовности к операции «Большая волна». «Багдадский план обеспечения безопаснос-

Ядро гражданской операции «Большая волна» увеличило число Привинциальных команд реконструкции (ПКР), которые соединили гражданских экспертов с военнослужащими. Я провел несколько телемостов и встреч с руководителями группы ПКР, дислоцированных в Ираке. Они представляли внушительную силу. Среди них было несколько седых боевых ветеранов и женщина-дипломат, сын которой служил морским пехотинцем в Ираке. Они описали свои проекты, которые варьировались от поддержки местной газеты в Багдаде до создания судов в Ниневии, от проверки почвы в лаборатории до улучшения сельского хозяйства в Дияле. Это была не всегда приятная, но необходимая работа.

Я общался с генералом Петрэусом и послом Крокером по телемосту по крайней мере раз в неделю, а иногда и чаще. Я полагал, что близкие личные отношения и частые контакты важны для успеха новой стратегии. Беседы давали мне шанс лично выслушать отчеты о ситуации в Ираке и позволяли Петрэусу и Крокеру делиться сомнениями и получать задания непосредственно от главнокомандующего.

Ситуация улучшалась, но все мы боялись вероятности другого, подобного взрывам в Самарре, теракта, что могло вновь привести к разжиганию межрелигиозного конфликта. Петрэус четко обозначил еще одну проблему. «Вашингтонские часы идут намного быстрее багдадских», — сказал он.

Он был прав. Спустя менее недели после того, как генерал Петрэус прибыл в Ирак, новое демократическое большинство в Палате представителей приняло ни к чему не обязывающее решение, заявив: «Конгресс относится неодобрительно к решению президента Джорджа У. Буша, объявленному 10 января 2007 года, о развертывании более 20 тысяч дополнительных войск Соединенных Штатов в Ираке».

После особенно тяжелого дня в апреле сенатор Гарри Рид от Невады объявил: «Эта война проиграна, "Большая волна" ничего не дает». Лидер партии большинства в Сенате только что использовал трибуну, чтобы объявить 145 тысяч американских военных и их семьям, что они зря борются. Он назвал «Большую волну» провалом еще до того, как прибыли все дополнительные войска. Это было одно из наиболее безответственных выступлений, свидетелем которого я был за восемь лет в Вашингтоне.

1 мая Конгресс принял мне законопроект о финансировании военных действий, требующий вывода войск по крайней мере к концу года. Наша

чение произвольной даты выхода из Ирака позволило бы нашим врагам перехватить инициативу и лишить нас возможности наладить контакт с местными властями, которые не верили в наш успех. Я наложил вето на законопроект. Во главе с лидером меньшинства в Сенате Митчем Маккенеллом, поддерживавшим «Большую волну» на первых порах, который позже признался, что был неправ, предлагая вывод войск, и лидером партии меньшинства Палаты Джоном Боенером, республиканцы на Капитол Хилл твердо стояли на своем. У демократов не хватало голосов, чтобы отклонить вето. 25 мая я утвердил законопроект, полностью финансирующий наши войска без конкретной даты вывода войск. Он получил название «Пробуждение».

Анбар — самая большая область Ирака, пустыня, простирающаяся от западной границы Багдада к границам Сирии, Иордании и Саудовской Аравии. Территория Анбар в пятьдесят три тысячи квадратных миль охватывает почти такую же территорию, как штат Нью-Йорк. Ее население — сунниты. В течение почти четырех лет Анбар служил цитаделью для мятежников и убежищем Аль-Каиды.

Аль-Каида захватила главные города Анбара, проникла в ряды сил безопасности и распространила свою идеологию среди населения. Как Талибан, они запрещали женщинам покидать дом без сопровождения мужчины, а также запрещали спортивные состязания и другую общественную деятельность в свободное от работы время. Они нападали на американские войска, иракские силы безопасности, и на всех, кто оказывал им сопротивление. К 2006 году в Анбаре бывало до сорока одного нападения в день.

Наши войска обнаружили документ Аль-Каиды, в котором тщательно продумывалась управляющая структура для Анбара, включавшая министерство образования, отдел социального обеспечения и «исполнительную власть». Наше разведывательное ведомство полагало, что Анбар должен был стать базой Аль-Каиды для планирования нападений на Соединенные Штаты. В августе 2006 года старший офицер разведки корпуса морской пехоты в Анбаре написал широко разрекламированный отчет, из которого становилось понятно, что эта область была потеряна.

Потом все изменилось. Населению Анбара не понравилось жить под Аль-Каидой. Начиная с середины 2006 года племенные шейхи объединя-

Наиболее часто цитируемая фраза была «стратегия успеха». Оригинальный каламбур был предложен Эдом Гиллеспей, умным и ценным другом, который согласился возглавить мою PR-команду, когда Дэн Бартлетт возвратился домой в Техас. Однако, на мой взгляд, самое важное в сообщении было то, что мы сохраняли столько войск в Ираке, сколько было необходимо нашим командующим и настолько долго, как это было нужно.

В день моего выступления я узнал, что друг генерала Петрэуса, отставной генерал Джек Кин, встречался с Диком Чейни. Я любил и уважал Джека. Он давал ценные советы во время процесса принятия решений и поддерживал «Большую волну» публично. Я попросил, чтобы Джек передал мое личное сообщение генералу Петрэусу: «Более трех лет я ждал стратегии успеха. И я не буду отказываться от нее раньше времени и не стану уменьшать численность войск, если только Вы не убедите меня в обратном».

Спустя три недели после описанных событий я поехал к военным в форт «Майер», Вирджиния, чтобы попрощаться.

Вскоре после того как я объявил об операции «Большая волна», Боб Гейтс посоветовал мне не назначать генерала Пита Пэйса на второй срок на должность председателя Объединенного комитета начальников штабов. Обстановка на Кэпитол Хилл была враждебной, и Боб получил известие от нескольких сенаторов – в частности, от Карла Левина, нового председателя комитета Сената по делам вооруженных сил, – что слушание по подтверждению кандидатуры Пита на должность председателя вызовет споры. Беспокойство вызывало то, что сенаторы постараются использовать его в качестве груши для битья, чтобы выплеснуть свое недовольство по поводу Ирака.

Я восхищался Питом. Я прислушивался к его ценным советам в течение шести лет. Я знал, насколько его любили в войсках, поэтому хотел закончить президентство, видя своего друга на посту председателя. Однако я представил себе, как будут выглядеть слушания – протестующие, вопящие сенаторы, прихорашивающиеся перед камерами, и в результате – провальное голосование, которое оскорбит Пита. Я неохотно согласился с предостережением Боба. Следующим председателем стал Майк Маллен, заслуженный адмирал флота США.

Пит никогда не жаловался. Он благородно служил до конца. После завершения срока полномочий на должности председателя он снял свои че-

тыре звезды с погон, прикрепил их к открытке и оставил ее у подножия Вьетнамского мемориала возле фамилий морских пехотинцев, погибших четырьмя десятилетиями ранее. При этом не было ни камер, ни прессы. Позже открытка была найдена у основания стены. В ней было написано: «Гuido Фаринаро, МОРСКОЙ ПЕХОТЕ США, Эти [звезды] – ваши, а не мои! С любовью и уважением, Ваш командир взвода, Пит Пэйс».

Я переживал и за Пита, и его семью, а заслуженная награда – Президентская медаль Свободы, которую я ему вручил в 2008 году, лишь немного смягчила мою боль. Импульс «Большой волны» продолжился в 2008 году. К весне более девяти тысяч иракцев, суннитов и шиитов, как когда-то в Анбаре, присоединились к местным группам «Обеспокоенных граждан».

Многие из этих сил, известных теперь как «Сыновья Ирака», объединились во все более и более эффективную армию и полицию, которая насчитывала свыше 475 тысяч человек. Они изгнали оставшихся бандитов и Аль-Каиду из их цитадели.

Террористы использовали детей и умственно отсталых в качестве террористов-смертников, показывая этим свою моральную развращенность и недееспособность.

Как и предсказывали эксперты по карательным операциям, завоевания в плане обеспечения национальной безопасности 2007 года продвинули политическое движение в 2008 году. Освободившись от кошмара межрелигиозного конфликта, иракцы пережили законодательный бум, включая закон, решавший судьбу бывших членов партии БААС, законопроект о государственном бюджете и выборах в провинциях. В то время как правительство принимало решительные меры, включая закон о доходах от добычи нефти, политическое выступление иракцев было героическим поступком, показавшим все, что им пришлось вынести.

Угрозой весны 2008 года были шиитские экстремисты. Во время «Большой волны» безопасность на большей части Ирака усилилась, но шиитским экстремистам, многим в тесной связи с Ираном, удалось захватить значительную часть Басры, второго по величине города Ирака.

25 марта 2008 года иракские силы напали на экстремистов в Басре. Премьер-министр Малики отправился на юг, чтобы наблюдать за операцией. Большинство членов моей команды по национальной безопасности находилось в состоянии тревоги и ступора. Командование волновалось, что у Ма-

лики не было четкого плана. Некоторые в посольстве подвергли сомнению, была ли у него достаточная поддержка в иракском правительстве, а ЦРУ не давало утешительных прогнозов в отношении предстоящей атаки Малики.

Я думал иначе. Малики мог руководить. В течение почти двух лет я убедился в его беспристрастности. «Шиитский убийца столь же виновен, как суннитский убийца», — повторял я не раз. Теперь он доказал это публично. Когда утром после начала наступления Малики, Стив Хэдли и Бретт Макгерк приехали в Овальный кабинет, я сказал: «Не говорите мне, что это — плохо. Малики сказал, что сделает это, и теперь он занят именно этим. Наступил решающий момент, а мы только должны помочь ему добиться успеха».

Атака была далека от совершенства, но она удалась. Иракские войска принесли Басре мир. Их успех ошеломил шиитских радикалов, таких как Моктада аль Садр, и их покровителей в Иране. Прежде всего, освобождение Басры говорило о Малики как о сильном руководителе. Премьер-министр принял ключевое решение и поступил правильно. Через несколько недель после наступления иракского правительства в Басре Петрэус и Крокер возвратились в Вашингтон для апрельского отчета. На сей раз не было никаких антивоенных объявлений в газетах и долгих баталий за финансирование. *NBC News*, которые в ноябре 2006 года официально объявили Ирак в состоянии гражданской войны, замолчали.

Назвав наши завоевания в Ираке «хрупкими и обратимыми», генерал Петрэус рекомендовал, чтобы мы продолжили отзывать войска, пока не достигнем «добрососового» уровня, а потом взяли тайм-аут для дальнейшей оценки ситуации. Райан Крокер заявил: «В итоге то, как мы покидаем [Ирак] и что мы оставляем после себя, будет намного важнее того, как мы вошли туда. Наш сегодняшний курс труден, но он работает. ...Мы должны держаться его». Я с ним согласился.

Показателем успеха операции «Большая волна» было то, что Ирак не был вовлечен в один из самых больших военных конфликтов начала 2008 года. В марте адмирал Фокс Фаллон, который занял должность командующего CENTCOM после Джона Абизейда, дал интервью журналу, в котором намекал на то, что он был единственным человеком, стоявшим между мной и войной с Ираном. Это было смешно. Я спросил председателя Объединенного комитета начальников штабов Майка Маллена и вице-

председателя Хосса Картрайта, что бы они сказали, если бы они были в положении Фаллона. Оба сказали, что ушли бы в отставку. Вскоре Фокс подал заявление об отставке. К его чести надо сказать, что он больше никогда не поднимал эту проблему. На нашей последней встрече я поблагодарил его за службу и сказал, что горжусь его блестящей карьерой.

Я должен был найти нового командующего CENTCOM. Был только один человек, которого я видел в этой должности — Дэвид Петрэус. Три года из последних четырех лет он провел в Ираке, и я знал, что он надеялся получить должность командующего НАТО в Европе. Но мы нуждались в нем на посту главы CENTCOM. «Если двадцатидвухлетние парни могут продолжать борьбу, — сказал он, — я тоже смогу».

Я спросил генерала Петрэуса, кто, по его мнению, должен заменить его в Ираке. Без колебания он назвал своего бывшего заместителя, генерала Рея Одиерно. Впервые я встретился с Реем за несколько лет до этого, когда совершал поездку по Форт-Худу в качестве губернатора Техаса. Шесть с половиной футов ростом, с чисто выбритой головой, генерал выглядел импозантно. Он был одним из первых сторонников «Большой волны» и внес свой вклад в «стратегию успеха», мудро рассредоточив войска по всему Багдаду.

Для генерала Одиерно победа в Ираке была больше, чем его солдатский долг.

Это было личное. Когда Рей приехал домой в отпуск в декабре 2004 года, я приветствовал его семью в Овальном кабинете, вместе с его сыном, лейтенантом Энтони Одиерно, выпускником Уэст-Пойнта, потерявшего в Ираке левую руку. Его отец стоял тихо, светясь гордостью, поскольку его сын поднял правую руку, чтобы приветствовать меня. Даже при том что Рей только что получил ключевую должность в Пентагоне, он внял призыву вернуться в Багдад командующим.

Я был спокоен, зная, что следующий президент сможет положиться на совет этих двух мудрых, проверенных в бою генералов. Мы по-своему продолжили одну из больших традиций американской истории. Линкольн отдал одну из больших традиций американской истории. Рузвельта были Эйзенхауэр и Брэгг. Я нашел Дэвида Петрэуса и Рея Одиерно.

Ко времени завершения «Большой волны» летом 2008 года, насилие в Ираке упало до самого низкого уровня с первого года войны. Религиозные

распри, раздиравшие страну в 2006 году, снизились более чем на 95 %. Премьер-министр Малики, однажды ставший объектом всеобщего презрения, проявил себя в качестве уверенного лидера. Аль-Каида в Ираке была сильно ослаблена и изолирована, пагубное влияние Ирана уменьшено. Иракские силы были готовы взять на себя ответственность за безопасность в большинстве областей. Гибель американцев по сотне бойцов в месяц в тяжелые дни войны теперь не превышала двадцати пяти человек, а к концу моего президентства и вовсе снизилась до единичных случаев. Однако каждая смерть была болезненным напоминанием о цене войны.

Моя последняя главная цель состояла в том, чтобы мои преемники получили Ирак со стабильной политикой. В конце 2007 года мы начали работу над двумя соглашениями. Одно, названное Статусным соглашением сил (*SOFA*), юридически обосновывало присутствие наших войск в Ираке после того, как в конце 2008 года истек срок мандата Организации Объединенных Наций. Другое, названное Стратегическим рамочным соглашением (*SFA*), обещало долгосрочное дипломатическое и экономическое сотрудничество между нашими странами в аспекте национальной безопасности.

Выработка соглашений заняла месяцы. Малики вынужден был иметь дело с серьезной оппозицией со стороны правительственных фракций, особенно тех, которые подозревались в связях с Ираном.

В середине кампании по выборам президента кандидаты от демократической партии осудили *SOFA* как способ навсегда оставить наши войска в Ираке, а ЦРУ сомневалось, что Малики подпишет соглашение. Я напрямую спросил об этом премьер-министра. Он уверил меня, что подпишет *SOFA*. Раньше он всегда держал свое слово, и я полагал, что он сдержит его снова.

Малики оказался «крепким орешком». Он шел нам¹ на уступки, но в ответ просил нечто большее. С одной стороны, его вечные махинации огорчали, но с другой — приятно было видеть, что иракцы ведут себя как представители независимой демократии.

Поскольку время шло, а соглашение не было подписано, я начал беспокоиться. В одной из наших еженедельных телеконференций я сказал: «Гос-

¹ Группа по переговорам под руководством Конди Райана Крокера, Бретта Макгера и заместителя государственного департамента Дэвида Саттерфилда.

подин премьер-министр, в моем распоряжении всего несколько месяцев — до окончания моего срока. Я должен знать, нужны ли вам эти соглашения. В противном случае у меня есть лучшая альтернатива».

Могу сказать, что он был несколько озадачен. Таким образом, я дал ему понять, что пришло время прекращать увеличивать запросы. «Мы подпишем эти соглашения, — сказал он. — Даю вам слово».

К ноябрю все было готово к подписанию соглашений. Единственным спорным моментом в *SOFA* оставался вопрос о выводе американских войск из Ирака. Малики сказал нам, что было бы неплохо, если бы в соглашении указывалась конкретная дата вывода наших войск. Обе стороны договорились о выводе наших войск к концу 2011 года.

В течение многих лет я отказывался устанавливать конкретную дату выхода из Ирака. Я все еще колебался насчет этого, однако она была уже названа. Генералы Петрус и Одиерно одобрили договор о соглашении между двумя правительствами и должны были проследить за его выполнением. Если бы ситуация изменилась и иракцам потребовалось длительное присутствие американских войск, то мы могли бы исправить договор *SOFA* и продолжать держать войска в стране.

Политическое чутье Малики его не подвело. *SOFA* и *SFA*, первоначально рассматриваемые как документы о пребывании наших войск в Ираке, в результате стали восприниматься как соглашения, прокладывающие путь к выводу наших войск. Ничего непредвиденного — то, чего мы боялись — ни со стороны Кэпитол Хилл, ни иракского парламента, не произошло. Поскольку я пишу в 2010 году, *SOFA* продолжает контролировать наше присутствие в Ираке.

13 декабря 2008 года я поднялся на борт президентского самолета, чтобы в четвертый раз лететь в Ирак, на этот раз для подписания *SOFA* и *SFA* с премьер-министром Малики. Во время полета я думал о своих предыдущих поездках в страну. Они выглядели, как диаграмма войны. Радость от первого посещения в День Благодарения в 2003 году, который наступил спустя месяцы после освобождения, за несколько недель до захвата Саддама. Неуверенность при поездке на встречу с Малики в июне 2006-го, во время усиления межрелигиозного конфликта, когда наша стратегия терпеливого усиления неуклонно проваливалась. Робкий оптимизм в Абу-Дави в сентябре 2007 года, когда операция «Большая волна», казалось, сработала, но мы все еще наталкивались

на серьезное противостояние. И вот теперь последняя поездка в Ирак. Даже при том что большинство американцев, казалось, настроены против войны, наши и иракским войскам удалось создать удачный задел для дальнейшего сотрудничества. Мы приземлились в Багдаде и перелетели на вертолете во дворец Салам, который шестью годами ранее принадлежал Саддаму и его жестокому режиму. Как президент, я посетил много официальных церемоний. Самая волнительная из них была церемония поднятия флага, когда я стоял во внутреннем дворе того самого освобожденного дворца рядом с президентом Джалалом Талабани и наблюдал, как флаги Соединенных Штатов и свободного Ирака взмывают в небо под звуки военного оркестра, игравшего наши государственные гимны.

Оттуда мы направились в резиденцию премьер-министра, где Малики и я подписали *SOFA* и *SFA* и провели заключительную пресс-конференцию. В комнате было полно народа, и публика находилась ближе, чем на обычном мероприятии. Горстка иракских репортеров сидела передо мной слева. С правой стороны от меня была мобильная пресс-служба и несколько журналистов, аккредитованных в Ираке. Когда Малики объявил первый вопрос, иракский журналист резко встал. Он выкрикнул на арабском что-то, похожее на громкий лай, что, безусловно, не являлось вопросом. Закончив, он вдруг что-то бросил в моем направлении. Что это было? Ботинок?

Все произошло как в замедленной съемке. Я чувствовал себя подобно Теду Уильямсу, который говорил, что мог видеть шнуровку на бейсбольном мяче, принимая подачу. Башмак летел прямо в меня, и я пригнулся. В ту же долю секунды парень запустил в меня второй башмак. Однако он летел медленнее первого. Я резко нагнулся, и ботинок пролетел надо мной. Мне жаль, что я не поймал эту проклятую вещь.

Начался хаос. Люди кричали, агенты безопасности пробивались через толпу. Я подумал о том же, что и тогда, в классной комнате Флориды 11 сентября. Я знал, что мою реакцию покажут во всем мире. Чем больше гнева, тем лучше для нападавшего.

Я отослал Дона Уайта, ведущего агента Секретной службы, так как не хотел, чтобы на пленке остались кадры, как меня выводят из комнаты. Я поглядел на Малики, который выглядел сраженным. Иракские репортеры были оскорблены и сердиты. Один человек, извиняясь, с сожалением начал головой. Я поднял руки и постарался всех успокоить.

«Если вам нужны подробности, могу сказать, что ботинок был детского размера», — сказал я, намеренно упрощая ситуацию для того, чтобы воспрепятствовать метателю обуви осуществить задуманное — сорвать конференцию. После пресс-конференции Малики и я обещали наверху с нашими делегациями. Он был все еще потрясен случившимся и постыдно извинялся. Я отвел его в сторону вместе с Джамалем Хелзлом, нашим арабским переводчиком, и сказал, чтобы он перестал нервничать. Премьер-министр собрался и попросил разрешения сказать тост. Он произнес эмоциональную речь о том, что метатель обуви не был представителем иракского народа и насколько Ирак был благодарен Америке. Он говорил о том, как дважды давали им шанс получить свободу, сначала освободив их от Саддама Хусейна и потом помогая им освободиться от межрелигиозного конфликта и террористов.

Бросание обуви в меня журналистом стало одним из самых необычных событий, произошедших со мной, но кто мог сказать еще восемь лет назад, что президент Соединенных Штатов будет обедать в Багдаде с премьер-министром свободного Ирака? Ничто — даже летающая обувь на пресс-конференции — не могло сравниться с этим по маловероятности.

Оглядываясь назад, историки могут назвать операцию «Большая волна» естественным, неизбежным мостом между годами насилия и последовавшим за ним освобождением и демократией, которая появилась в результате. Но тогда ничто не говорило о «Большой волне» как о чем-то неизбежном. Общественное мнение было против нее. Конгресс также попытался ее заблокировать. Враг не переставал бороться, чтобы сломить наши усилия.

Все же благодаря умению и храбрости наших войск новая стратегия борьбы с боевиками была претворена в жизнь. Это был превосходный союз гражданских и военных сил, ставший мощной поддержкой для лидеров Ирака. Война, которой повсеместно предрекали провал, закончилась успехом. К тому времени, когда я покинул офис, резко уменьшилось насилие. Возобновились деловая и политическая деятельность. Аль-Каида потерпела существенное военное и идеологическое поражение. В марте 2010 года иракцы снова пошли на выборы. Под заголовком, о котором раньше нельзя было даже подумать, *Newsweek* обозначила тему номера так: «Долгожданная победа: появление демократического Ирака».

Ирак все еще борется с трудностями, и никто не может сказать с уверенностью, какова будет судьба страны. Но мы действительно знаем, что поскольку Соединенные Штаты освободили Ирак и затем отказались оставить его, у людей этой страны есть шанс быть свободными. Столько сделав для страны, я надеюсь, что Америка продолжит поддерживать молодую демократию Ирака. Если иракцы попросят о длительном присутствии войск, мы должны это обеспечить. Свободный и мирный Ирак находится в сфере наших жизненно важных стратегических интересов. Это может быть ценный союзник на территории Ближнего Востока, источник стабильности в регионе и маяк надежды для политических реформаторов в соседних с ним государствах и во всем мире. Как и демократии, которые мы помогли построить таким государствам, как Германия, Япония и Южная Корея, свободный Ирак обеспечит безопасность нашим грядущим поколениям.

Я часто размышлял, должен ли я был внедрить программу «Большая волна» раньше. В течение трех лет нашей мерой успеха в Ираке было политическое продвижение. В Ираке все шло постепенно, и было похоже, что наша стратегия работала. Только после того как в 2006 году развился межрелигиозный конфликт, стало ясно, что большая безопасность необходима прежде всего, и это важнее любого политического продвижения. После этого я предложил «Большую волну», которая объединила наши правительства. Если бы я поторопился, то это, возможно, создало отчуждение, которое стало притчей во языцех у военных критиков в Конгрессе, чтобы отказать в его финансировании и всячески препятствовать его успеху.

С начала войны в Ираке я был уверен в том, что свобода универсальна и демократия на Ближнем Востоке несла мир. Были времена, когда это казалось маловероятным, но я никогда не терял веру в свою правоту.

Я также никогда не терял веру в наши вооруженные силы. Я постоянно поражался их готовности добровольно вставать лицом к лицу с опасностью. В августе 2007 года я поехал в Рено, штат Невада, чтобы говорить с Американским легионом. Позже я встретился с Биллом и Кристин Криссофф из Траки, Калифорния. Их сын, двадцатипятилетний морской пехотинец Натан Криссофф, погиб в Ираке. Его брат, Остин, также морской пехотинец, присутствовал на встрече. Остин и Кристин рассказали мне, насколько Натан любил свою работу, а Билл сказал:

«Господин президент, я – ортопедический хирург. Я хочу присоединиться к морскому Медицинскому корпусу в память о Натане».

Я был тронут и удивлен. «Сколько вам лет?» – поинтересовался я.

«Мне шестьдесят лет, сэр», – ответил он.

Мне был шестьдесят один год, таким образом, этот возраст не казался мне слишком преклонным. Я посмотрел на его жену. Она сказала. Билл объяснил, что был готов оставить ортопедическую практику в Калифорнии, но нужен специальный документ, дающий право, игнорируя на возраст, пойти на флот.

«Я посмотрю, что можно сделать», – сказал я.

Вернувшись в Вашингтон, после утреннего брифинга я рассказал Питу Пэйсу эту историю. Вскоре доктор Криссофф получил документ-разрешение «отказ от возраста». Он прошел полный курс обучения по военной медицине (оказание помощи раненым). Вскоре после того как я покинул пост, он отправился в Ирак, где служил рядом с Остином и лечил раненых морских пехотинцев.

«Мне приятно думать, что Остин и я завершаем начатое Натаном дело здесь в Ираке», – написал он. – Мы чтим его память, работая здесь». В 2010 году я узнал, что доктор Криссофф возвратился домой из Ирака, а затем отправился в Афганистан.

Натан Криссофф – один из 4 229 американских военнослужащих, которые отдали свои жизни в Ираке во время моего президентства. Более 30 тысяч раненых. Со мной навсегда останется горе, пережитое их семьями. Я никогда не забуду гордость, испытанную ими, когда они делали свое дело, вдохновение, переданное другим, и значение, которое это имело во всем мире. Каждый американец, служивший в Ираке, помог сделать нашу страну более безопасной, дал двадцати пяти миллионам человек шанс жить свободно, и изменил направление развития Ближнего Востока для грядущих поколений. Что-то мы делали неверно, но само дело борьбы за свободу Ирака, безусловно, правое.

ГЛАВА 13

ПЛАН СВОБОДЫ

20 января 2005 года, за несколько минут до полудня я ступил на инаугурационную площадку. С западного крыла Капитолия открывался вид на парк Нэшнл Молл, где собралось четыреста тысяч человек. За ними были заметны очертания монумента Вашингтону, мемориала Линкольну и на противоположном берегу реки Потомак — Арлингтонского национального кладбища.

В 2005 году я смотрел на этот пейзаж уже в третий раз. В 1989 году на этом самом месте приносил присягу мой отец, и мое сердце переполнялось гордостью. В 2001 году я сам давал здесь клятву на верность — под ледяным дождем и тучами, сгустившимися, вероятно, из-за спорных результатов голосований. Вглядываясь в ступеньки — которые, против моих ожиданий, оказались довольно узкими — я спускался по лестнице, и только спустя некоторое время нестройный гул голосов и мелькание лиц обрели четкие формы.

Я смотрел на огромную толпу тесно стоявших людей в серых и черных пальто и думал, не помешает ли дождь со снегом разглядеть телесуфлер во время инаугурационной речи.

Четыре года спустя небо было чистым и ясным, цвета — яркими, а результаты выборов не вызвали сомнений. Я шел к трибуне по ступенькам, покрытым синим ковром, и даже различил в толпе лица Джо и Дженнифер Нидли и других представителей Мидленда. Я улыбнулся верным друзьям, познакомившим меня с чудесной женщиной, идущей рядом. Поду-

мать только — когда мы ели гамбургеры вечером 1977 года, никто из нас даже представить себе не мог сегодняшний день.

Я занял место в переднем ряду, за мной сидели Лора, Бэрбара и Джессика. Тут же расположились мама, отец, мать моей жены, мои братья и сестры.

Сенатор Трент Лот, председатель инаугурационного комитета, вызвал на трибуну председателя Верховного суда Вильяма Ренквиста. Я, Лора и девочки встали ему навстречу. Моя супруга держала Библию, на которой приносили присягу отец и я. Книга была открыта на словах пророка Исаии, глава 40, стих 31: «А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся»¹.

Я опустил левую руку на Библию и поднял правую, произнося в присутствии председателя суда тридцать пять слов присяги. После последней фразы «Да поможет мне Господь» раздался двадцать один пушечный залп. Я обнял Лору и детей, и, сделав шаг назад, полностью растворился в ощущениях.

Затем пришло время речи:

«Сегодня я стою перед вами во второй раз. И в этот раз обязанности определяются не словами, которые я произношу, а событиями, которыми мы стали свидетелями. На протяжении полувека Америка защищала нашу свободу, охраняя дальние рубежи. После свержения коммунизма наступили годы относительной тишины, спокойствия и отдохновения — а затем грянул гром орудий.

Мы увидели свою слабость — и нашли источник беды: ибо пока целые регионы кипят в котле ненависти и тирании и поддерживают идеологию зла и недовольства — насилие будет увеличивать разрушительную мощь, преодолевая самые защищенные границы, и станет смертельной угрозой. Единственное, что на протяжении веков противостояло тирании, — это сила человеческой свободы.

Все произошедшее и здравый смысл научили нас одному: сохранить свободу на нашей земле можно, только сражаясь за свободу в других

¹ Библия, книга пророка Исаии, глава 40:31. (Прим. переводчика.)

странах. Лучшая гарантия мира на планете – распространение свободы... Политика Соединенных Штатов заключается в поиске и поддержке демократических движений и организаций в каждой нации и культуре, а наша конечная цель – полное уничтожение тирании».

После 11 сентября я разработал стратегию защиты страны под названием «Доктрина Буша». Она состояла из нескольких пунктов: во-первых, не следует разделять террористов и укрывающие их нации – и равно привлекать к ответственности тех и других. Во-вторых, нужно атаковать врага до его удара по нашей территории. В-третьих, важно предупредить угрозу до ее возникновения. И, в-четвертых, необходимо пропагандировать свободу и надежду как альтернативу вражеской идеологии угнетения и страха.

Четвертый раздел, озаглавленный «План свободы», был одновременно идеалистическим и реалистичным. Идеализм заключался в постулате, что свобода есть всеобщий дар Божий, а реализм – в том, что в конечном счете это самый эффективный способ защиты нашей страны. В речи я подчеркнул: «Жизненно важные интересы Америки и наши сокровенные надежды отныне одно целое».

Свобода уже продемонстрировала силу прогресса в Южной Корее, Германии и Восточной Европе. Для меня самый яркий пример ее могущества – мои отношения с премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми, который одним из первых предложил нам помощь после событий 11 сентября. По иронии судьбы шестьдесят лет назад мой отец, тогда пилот эскадрильи ВМФ, сражался против Японии, а отец Коидзуми служил членом правительства империи. Теперь их сыновья вместе трудились на благо мира. Со Второй мировой войны многое изменилось, и как показал пример японской демократии – даже враг может стать союзником.

Однако разработка плана свободы была лишь первым шагом. Следующий этап заключался в его выполнении. В таких странах, как Афганистан и Ирак, перед нами стояла особая задача – дать освобожденным нами людям шанс выстроить свободное общество. Однако такие примеры были исключением из правила.

Я четко определил основную идею – «План свободы» не является вопросом вооружения. Мы пропагандировали свободу, поддерживая зарождающуюся демократию на территории Палестины, в Ливане, Грузии, на Украине. Мы оказывали помощь диссидентам и демократам-реформаторам, пострадавшим от репрессий в Иране, Сирии, Северной Корее и Венесуэле. И мы защищали свободу, поддерживая стратегические отношения с Саудовской Аравией, Египтом, Россией и Китаем.

Критики считали, что наш план навязывает другим нациям американские ценности. Но свобода важна не только для Америки – это всеобщее благо. Ее невозможно навязать – она должна быть выбрана. И если у людей есть возможность выбора, они предпочтут быть свободными.

После Второй мировой войны в мире существовало двадцать четыре демократических государства. Когда в январе 2001 года я вступил в должность, их было уже сто двадцать.

В 2004 году после выборов я прочел книгу «В защиту демократии» Натана Щаранского – диссидента, отсидевшего в ГУЛАГе девять лет. Автор описывает восторг от выступлений таких лидеров, как Рональд Рейган. Четкая нравственная позиция, призыв к свободе воодушевляли его и других заключенных.

Мне особенно врезался в память отрывок, где товарищ Щаранского – советский диссидент – сравнивает тираническое государство с солдатом, который постоянно держит заключенного на прицеле. Витое оружие опускается, а пленник сбегает. Мне показалось, что Америка может взять на себя ответственность и оказать давление на оружие мировых тиранов. Эта цель стала основой нашей внешней политики и одним из моих важнейших решений как президента.

Стремительный поток свободы пронесся по большей части мира во второй половине XX века, но он практически не затронул один регион – Ближний Восток.

В 2002 году ООН опубликовал доклад о развитии человеческих ресурсов в странах арабского мира. Отчет выявил плачевное состояние региона: каждый третий житель страны – безграмотный, уровень безработицы в среднем достигает 15 %, выход в Интернет имеет менее 1 % населения,

количество материнских смертей превышает показатели самых малоразвитых стран мира, а валовой доход на душу населения — мизерный.

Авторы доклада, признанные арабские ученые, объясняют мрачные показатели тремя факторами: дефицитом знаний, дефицитом правовых полномочий у женщин и — самое главное — дефицитом свободы.

Долгое время на протяжении холодной войны Америка главным образом поддерживала стабильность на Среднем Востоке. Наш альянс основывался на политике антикоммунизма, что было тогда целесообразно. Но в глубине зрели ненависть и гнев. В поисках избавления от проблем многие обратились к радикальным клерикалам и мечетям. Такие условия создали благодатную почву для вербовки наемников в террористические организации. А затем девятнадцать террористов, родившихся на Среднем Востоке, оказались в самолетах, направлявшихся в Соединенные Штаты. После 11 сентября я решил, что стабильность, которую мы поддерживали — мираж. Ближний Восток стал центром особого внимания в нашем плане свободы.

За полгода до начала моего срока на саммите в Кэмп-Дэвиде проходили мирные переговоры между израильской и палестинской сторонами. Несмотря на то что президент Клинтон без устали предпринимал меры, чтобы примирить премьер-министра Израиля Эхуда Барака и лидера Палестины Ясира Арафата, встреча закончилась безрезультатно.

Барак выдвинул щедрое предложение: вернуть большую часть Западного берега реки Иордан и сектор Газа — территории, где преобладает палестинское население. Эти земли были оккупированы и частично застроены израильскими поселениями. Арафат отверг этот план.

Через два месяца, в сентябре 2000 года, крах надежд на мир и провокативный визит известного израильского лидера Ариэля Шарона на Храмовую гору Иерусалима привели ко Второй интифаде¹. Палестинские экстремисты, многие из которых присоединились к террористической группировке ХАМАС, организовали серию терактов против мирных израильтян.

¹ Интифада — вооруженная борьба палестинских жителей против израильской оккупации. (Прим. переводчика.)

Я не винил президента Клинтона за провал переговоров в Кэмп-Дэвиде или за последовавшее за этим насилие. Я винил Арафата. Америка, Европа и ООН щедро оказывали стране помощь, но большая ее часть поступила на банковский счет палестинского лидера. Он вошел в список самых богатых правителей и деспотов согласно журналу *Forbes*. А его народ продолжал жить в плену нищеты, отчаяния и экстремизма. Арафат, лауреат Нобелевской премии мира, совершенно не пекся о мире для своих людей.

Израильяне ответили на вспышку насилия, как жители любого демократического государства: они избрали лидера, обещавшего защитить их, — Ариэля Шарона. Я познакомился с ним в 1998 году, когда мы с Лорой побывали в Израиле с тремя губернаторами¹ в рамках поездки, организованной Республиканской еврейской коалицией.

Во время первого визита на Святую землю самое яркое впечатление на меня произвел ознакомительный полет на вертолете, который организовал нам Ариэль Шарон. Тогда он служил в правительстве премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Шарон был семидесятилетним крепким мужчиной. Он служил командиром танка и принимал участие во всех израильских войнах. Как только вертушка поднялась в воздух, наш провожатый указал на участок земли внизу: «Я воевал здесь» — в его хрипловатом голосе слышалась гордость. Когда вертолет повернул к Западному берегу, он махнул рукой в сторону обособленного комплекса зданий: «Я строил эти дома».

Шарон придерживался политики Великого Израиля, отрицавшей территориальные уступки. Он знал каждую пядь земли, и, похоже, не собирался их никому отдавать.

«Здесь ширина нашей земли всего 9 миль», — сказал он в другом месте, имея в виду расстояние между границей 1967 года и морем. Позже я шутил, что в Техасе длиннее подъездная дорожка к дому. Меня поразила беззащитность Израиля на враждебной территории. С тех пор как президент

¹ Губернатор штата Юта Майк Левит, ставший главой моего Агентства по защите окружающей среды и секретарем министерства здравоохранения и социального обеспечения; губернатор штата Массачусетс Пол Челуччи, назначенный мной поном в Каннаде; губернатор штата Монтана Марк Ракиот, возглавлявший Республиканский национальный комитет с 2002 по 2003 г. (Прим. автора.)

Гарри Трумэн признал Израиль в 1948 году, несмотря на возражения государственного секретаря. Америка стала лучшим другом Еврейского государства. Я устал в уверенности, что нам нужно укреплять отношения.

Почти через два года я позвонил Ариэлю Шарону из Овального кабинета, чтобы поздравить его со вступлением на пост премьер-министра. «Может быть, теперь, спустя столько лет и войн, в которых я участвовал, — сказал он, — в регионе наконец-то воцарится мир».

1 июня 2001 года террорист-смертник взорвал бомбу в ночном клубе «Дельфинарий» в Тель-Авиве, убив двадцать одного израильтянина. Ряд атак был совершен на автобусы, железнодорожные вокзалы и торговые центры. Армия обороны Израиля провела серию операций против опорных пунктов ХАМАСа, однако в ходе обстрела погибли невинные палестинцы, в том числе пятеро школьников.

Насилие и человеческие жертвы с обеих сторон шокировали меня. Но я не мог признать этическую равнозначность атак палестинцев-смертников и военных действий Израиля для защиты своего народа. Мои убеждения окончательно сформировались после 11 сентября. Если Америка имеет право защищаться и предотвращать дальнейшие атаки, то же должно быть разрешено и другим демократическим государствам.

В первый год моего президентского срока мы трижды общались с Ясиром Арафатом. Он был убит, и в свою очередь также был вежлив. Но Америка определенно показала, что ожидает с его стороны решительных мер против экстремизма. «Я знаю, что это сложно для вас и ваших людей, — сказал я ему в феврале 2001 года, — и все же лучшее решение проблем — остановить насилие в стране».

В январе 2002 года военно-морской флот Израиля задержал корабль «Карини» в Красном море. На борту был обнаружен мощный склад вооружения. Израильцы считали, что корабль направлялся из Ирана в палестинский город Газа. Арафат в доказательство своей невинности отправил письмо, где написал: «Провоз контрабандного оружия абсолютно противоречит решению палестинских властей о мирном процессе». Но у нас и у палестинцев были доказательства, опровергавшие его заявление. Арафат считал мне — и я перестал ему доверять. Больше нам даже не пришлось разговаривать. К весне 2002 года мне было понятно, что пока Арафат находится у власти, мир не наступит.

«Когда эта свинья уедет из Рамаллы?» — спросил меня кронпринц Абдалла. Было 25 апреля 2002 года. Правитель Саудовской Аравии выражал недовольство политикой Ариэля Шарона.

Отношения наших стран имеют особое значение со дня встречи президента Франклина Рузвельта и основателя Саудовской Аравии, короля Абдула Азиза, на борту американского военного корабля «Квинси» в 1945 году. Нация арабских суннитов владеет одной пятой мировых запасов нефти и оказывает большое влияние на мусульман, благодаря своему статусу хранителей святых мечетей в Мекке и Медине.

Я пригласил кронпринца Абдаллу — одного из тридцати шести сыновей Абдула Азиза — на наше ранчо в Кроуфорде, чтобы тем самым укрепить дружественные отношения. В преддверии саммита Лиги арабских государств, назначенного на март 2002 года в Бейруте, кронпринц продемонстрировал сильные лидерские качества, разработав новый мирный план. По его задумке, Израиль возвратит территорию Палестине, которая создаст независимое государство, откажется от террора и признает право Израиля на существование. Необходимо было обсудить детали, но общий замысел мне нравился.

Вечером в день саммита в израильском городе Нетания террорист-смертник, член группировки ХАМАС, прошел в отель. В ресторане гостиницы было много людей — они праздновали Песах¹. Как вспоминал один гость: «Внезапно разверзся ад. Запахло дымом, в рот набралась пыль, а в ушах зазвенело». По жестокости сложно представить более страшную атаку Второй интифады: 30 израильтян погибло и 140 было ранено.

В ответ премьер-министр Шарон отдал приказ начать наступление и обнаружить террористов на Западном берегу. Вооруженные силы Израиля быстро выявили сотни подозреваемых боевиков и окружили офис Ясира Арафата в Рамалле. Шарон заявил, что выстроит на Западном берегу забор, отделяющий дома израильтян от палестинцев. Это заявление подверглось резкой критике. Мне хочется верить, что эта мера предоставила бы жителям Израиля безопасность, необходимую для того, чтобы принять непростое решение о мире.

¹ Песах — еврейская Пасха. (Прим. переводчика.)

Я в частном порядке настаивал на прекращении наступления, которое стало приводить к обратным результатам. Арафат играл роль мученика и давал телеканалу интервью при свечах. Шарон упорно продвигался вперед. Тогда я выступил с публичной речью в Розарии Белого дома и призвал начать отступление, подчеркнув: «Всеу есть предел». Тем не менее израильский лидер не уступил.

Когда кронпринц Абдалла прибыл на наше ранчо, его план уже давно пылился в ящике стола. Принц был в ярости из-за непрекращающегося насилия; он сердился на Шарона и, как мне вскоре стало известно, досаждал на меня.

Наследный принц – вежливый, скромный, почти робкий. Он негромко говорит, не употребляет алкоголь и молится пять раз в день. За восемь лет я видел его только в традиционном костюме.

После краткой беседы Абдалла попросил оставить его наедине с министром иностранных дел и послом. Через несколько минут ко мне с взволнованным видом подошел Гамал Хелал – переводчик министерства иностранных дел.

– Господин президент, – сказал он, – мне кажется, что гости собираются уехать.

Я был удивлен. Мне казалось, что встреча проходит плодотворно. Однако Гамал объяснил – арабы рассчитывали, что до приезда принца в моих силах будет убедить Шарона отступить от Рамаллы. Сейчас они требовали, чтобы я позвонил израильскому премьер-министру. Но подобный стиль дипломатии не входил в мои планы. Я отправил Колина в гостиную, чтобы узнать, что происходит. Он подтвердил, что делегация направлялась к двери. Важнейшие для Америки отношения с Саудовской Аравией оказались на грани разрыва.

Я прошел в гостиную с Гамалом и попросил разрешения немного поговорить с принцем наедине. В информационных материалах о принце упоминалось два интересных факта: он был набожным человеком и обожал свою ферму.

«Ваше королевское величество, – обратился я к нему, – позвольте поговорить с вами о религии». Рассказывая о своей религии – христианстве – и о роли, которую религия играет в моей жизни, я надеялся, что он поддержит разговор, скажет о своей вере. Однако принц хранил упрямое молчание.

В отчаянии я спросил: «Могу я показать вам свое ранчо до вашего отъезда?» Он живнул. Через несколько минут кронпринц в развевающемся одеянии сел в джип «Форд Ф-250», и мы вместе с Гамалом отправились на осмотр моей собственности. Я показывал ему различные деревья, травы прерий, которые посадила Лора, и пылуший саван. Кронпринц сидел молча. Разговор не клеился.

Когда мы доехали до дальней части поместья, мы увидели на дороге перед нами одинокую индюшку. Я остановил машину. Птица не двинулась.

– Что это? – спросил принц.

Я ответил ему, что это индюшка. «Бенджамин Франклин так любил этих птиц, что хотел сделать их национальной птицей Америки».

Вдруг я почувствовал, как принц сжал мою руку. «Брат мой, – сказал он. – Это знак Аллаха, хорошее предзнаменование».

Я до сих пор не понял, какое значение имела птица, но почувствовал, что атмосфера разрядилась. Доехав до дома, мы удивили наших помощников, заявив, что готовы обедать. На следующий день мне позвонили родители. Кронпринц навестил их в Хьюстоне. Мама сказала, что в глазах у него стояли слезы, когда он рассказывал, как провел время в Кроуфорде и чего бы мы могли достичь вместе. До конца президентского срока мы сохраняли чрезвычайно теплые отношения с кронпринцем – а вскоре и королем. И никогда – ни до этого случая, ни впоследствии, я не видел индюков в дальней части имения.

Размышляя о беспорядках на Среднем Востоке, я пришел к выводу, что главная проблема состоит в отсутствии свободы на территориях Палестины. У палестинцев нет государства – соответственно, нет и законного места в мире; нет голоса в будущем – и они становятся легкой добычей вербовщиков-экстремистов; нет законно избранного палестинского лидера, ответственного за борьбу с терроризмом, – нет и надежного партнера для мира. Я верил, что эти проблемы может решить демократическое государство с избранными представителями власти во главе, которые прислушались к своему народу, откажутся от террора и будут стремиться к миру с Израилем.

Кровопрлитие на Сиктой земле не пошло на убыль и весной 2002 года, и, по моему мнению, пришла пора повлиять на ход игры. Я хотел решительно заявить о готовности бороться за палестинскую демократию, и в связи с этим планировал выступить с речью в Розарии Белого дома. Я был бы первым президентом, публично ратующим за создание палестинского государства из принципиальных соображений. Меня поддерживала надежда, что высказанный вслух смелый замысел поможет обеим сторонам принять непростые решения для заключения мира.

Идея послужила поводом для разногласий уже в моей администрации. Конди и Стив Хэдли поддержали меня; Дик Чейни, Дон Рамсфелд и Колин Пауэлл единодушно посоветовали мне не произносить речь. Дик и Дон беспокоились, что поддержка палестинского государства в разгар интифад аналогична поощрению терроризма. Колин волновался, что призыв к образованию нового палестинского руководства усложнит отношения с Арафатом и уменьшит шансы на мирное соглашение путем переговоров.

Я осознал риск, но верил, что продолжительный мир возможен только при условии создания демократического государства и нового руководства в Палестине. «Моя надежда – увидеть два государства, живущие рядом в согласии, – сказал я в Розарии 24 июня 2002 года. – Пока обе стороны сражаются с террором – достичь мира невозможно. Я призываю палестинский народ выбрать новых лидеров – лидеров, не идущих с террором на компромисс. Предлагаю вам построить правовую демократию, основанную на толерантности и свободе. Если люди будут прилагать усилия, чтобы добиться этих целей, Америка и весь мир охотно поддержат их».

Тот факт, что я ратовал за изменение руководства, был замечен в большей степени, чем поддержка молодого палестинского государства. «Буш требует отставки Арафата!» – было напечатано в заголовке одной из газет. Вскоре после речи позвонила мама. «Ну как дела, первый еврейский президент?» – спросила она. У меня возникло странное ощущение, что она не разделяет мою позицию, и велика вероятность, что отец тоже. Я не был удивлен. Пусть я считал Арафата плохим руководителем, многие в международной политике разделяли убеждение, что он являет собой надежду на мир. Мне удалось перевести в шутку шпильку матери, но я принял ее замечание близко к сердцу – и приготовился к серьезной оппозиции.

Через день после выступления я вылетел в Кингсиз в Канаду на ежегодное собрание «Большой восьмерки». Предполагалось, что главный темой саммита станет международная помощь, но моя речь зашла у всех в головах. Утром перед первым заседанием я столкнулся в тренажерном зале с Тони Блэром. «Вы вызвали бурю, Джордж», – сказал он с улыбкой.

Остальные были менее любезны. Жак Ширак, президент Европейской комиссии Романо Проди и премьер-министр Канады Жан Кретьен открыто выражали неодобрение. Выступая против Арафата, обладателя Нобелевской премии мира, я своим заявлением кардинально менял их мировоззрение. Я сказал им, что совершенно уверен, что Арафат никогда не будет надежным партнером в деле установления мира.

Колин взял на себя инициативу разработать детальный план, чтобы перейти от моей речи к созданию палестинского государства. Названный «Дорожная карта» план включал в себя три этапа: во-первых, палестинцы должны прекратить террористические атаки, начать борьбу с коррупцией, реформировать политическую систему и провести демократические выборы. В ответ Израиль откажется от незаконно занятых поселений. На втором этапе обе стороны начинают прямые переговоры с целью создания временного палестинского государства. На третьем этапе народ обоих государств должен разрешить сложнейшие вопросы, включая статус Иерусалима, права палестинских беженцев и постоянные границы. Арабские нации поддержат переговоры и установят нормальные отношения с Израилем.

С помощью Тони Блэра я решил обнародовать «Дорожную карту» весной 2003 года, после изгнания Саддама Хусейна из Ирака. И палестинцы, и израильтяне поддержали план. В начале июня я встретился с арабскими лидерами в Шарм-эль-Шейхе в Египте, чтобы привлечь внимание к идее мира и убедить их участвовать в процессе. Затем я поехал в Иорданию, в Акабу, на встречу с представителями Израиля и Палестины.

Принимая во внимание недавние убийства, я приготовился к трудным переговорам. К моему удивлению, атмосфера была дружеской и неприкосновенной. Было ясно, что в ходе прошедших встреч многие лидеры уже хорошо изучили друг друга. Но мне было понятно, что не все были готовы забыть о прошлом. Мохамед Дахлан, главный руководитель службы безопасности в Палестине, любил напоминать, что он в совершенстве выучил иврит в тюрьмах Израиля.

Со стороны палестинцев стало важным шагом назначение премьер-министра Махмуда Аббаса своим представителем на саммите. Он казался искренним и миролюбивым, хотя держался немного неуверенно: отчасти оттого, что не был избран, отчасти потому, что пытался освободиться от влияния Арафата. Он заявил о своем желании оказывать сопротивление терроризму. Но для того чтобы доказать слова на деле, ему нужны были деньги и надежный отряд безопасности.

После официальной встречи я пригласил Шарона и Аббаса на прогулку. В тени пальм я сказал, что у нас есть уникальная возможность заключить мир. В Акабе и затем в эпохальном выступлении в Герцлии Ариэль Шарон дал понять, что отказался от принципов Великого Израиля. Уже одно это было огромным достижением. «Если палестинцы самостоятельно управляют своим государством – это соответствует интересам Израиля, – заявил он в Акабе. – Вооруженная интифада должна прекратиться. Нам нужно найти и использовать мирные средства в поисках решения, как прекратить оккупацию и страдания палестинцев и израильтян». Предстояло еще многое сделать, но в истории Среднего Востока наступил благоприятный момент.

В апреле 2004 года Ариэль Шарон приехал в Вашингтон, чтобы сообщить мне о своем историческом решении: он планировал отказаться от израильских поселений в Газе и северной части Западного берега. Ему, идеологу «поселенческого движения», наверняка было мучительно заставлять израильские семьи покинуть дома. Но в результате его смелого шага достигались две важные цели: освобождение израильтян от дорогостоящей оккупации Газы и возвращение территорий под палестинский контроль, что являлось первым шагом в деле развития будущего государства.

Я надеялся, что Аббас даст утвердительный ответ, достойный непростого решения Шарона. Но в сентябре 2003 года премьер-министр Аббас ушел в отставку, так как Арафат постоянно подрывал его авторитет. Через год Арафат умер. В январе 2005 года палестинцы впервые за десять лет пришли на избирательные участки. Предвыборная кампания Аббаса делала упор на прекращение террора и развитие прогресса в палестинском государстве. Его поддержало абсолютное большинство голосов. Он начал создавать демократические институты и призвал к выборам в законодательные органы.

Однако репутация его партии ФАТХ была запятана обвинениями в коррупции времен правления Арафата. Основным конкурентом стал ХАМАС с хорошо организованным политическим аппаратом. Перспектива победы террористической группы по понятным причинам беспокоила израильтян.

Я поддерживал выборы. Америка не могла занимать позицию страны, одобряющей выборы только в том случае, если ее устраивают возможные результаты. Я знал, что голосование – лишь первый шаг на пути к демократии. Какая бы партия ни оказалась впереди – победа несет и ответственность за правление: надо строить дороги и школы, соблюдать законность, развивать институты гражданского общества. Если эти задачи будут успешно выполнены – их переизберут. Если нет – люди смогут изменить решение. Каким бы ни был итог, свободные и честные выборы покажут истинную картину.

25 января 2006 года выяснилось, что палестинцы устали от коррупции ФАТХа. ХАМАС получил 74 из 132 мест. Некоторые решили, что такой итог равнозначен краху надежд на мир. Но мне так не казалось. Предвыборная кампания ХАМАСа базировалась на предложениях о некоррумпированном правительстве и эффективном обслуживании населения, а не войне с Израилем.

Победе ХАМАСа также способствовала плохая организация предвыборной кампании ФАТХа. Последние часто выдвигали несколько кандидатов на один и тот же пост, чем раскололи партию. Выборы показали, что ФАТХу нужна модернизация. Многие спрашивали: выполнит ли ХАМАС свое обещание править законным путем или опять обратится к насилию?

В марте 2006 года люди вновь пришли на избирательные участки, на этот раз в Израиле. За два месяца до выборов у Ариэля Шарона случился инсульт, подорвавший его силы. Мне интересно, как бы сложилась история, если бы он продолжил руководить. Авторитет этого лидера строился на политике безопасности страны, он заслужил доверие израильского народа и, я уверен, смог бы стать одним из создателей мира.

Выборы нового главы правительства определили готовность Израиля к образованию двух государств. Заместитель премьер-министра Эхуд Ольмерт приложил много усилий в течение предвыборной кампании в поддержку этого шага. Я познакомился с Эхудом в 1998 году, во время поиски

в Иран — тогда он был мэром Иерусалима. Он показался мне веселым, уверенным в себе человеком, ценившим хорошее общество и удачную шутку. «На сегодняшний день единственное решение — создание двух государств: еврейского и палестинского», — сказал он в рамках предвыборной кампании. Он даже предложил в случае необходимости основать палестинское государство самостоятельно. Израильяне, что было вполне закономерно, поддержали его на выборах.

Ольмерт и Аббас, остававшийся президентом, несмотря на победу ХАМАСа на выборах законодательной власти, быстро сработались. Они пришли к согласию по вопросам контрольно-пропускных пунктов и освобождения некоторых пленных.

Затем в июле 2007 года вмешалось боевое крыло ХАМАСа. По знакомой схеме экстремисты ответили на развитие свободы насилием. Террористы организации при поддержке Ирана и Сирии подготовили правительственный переворот и захватили контроль над Газой. Боевики в черных масках обыскали штабы ФАТХа, сбросили с крыш партийных лидеров и стали угрожать умеренным членам политического крыла ХАМАСа.

В ответ президент Аббас изгнал партию из правительства и усилил контроль на Западном берегу. «По сути, это переворот против самой демократии», — сказал он мне по телефону. — Сирия и Иран пытаются разжечь распри на Среднем Востоке». Мы перераспределили нашу финансовую и военную помощь правительству Аббаса на Западный берег и поддерживали морскую блокаду Газы. Когда мы отправляли гуманитарную помощь для голодающих, жители Газы увидели разительный контраст между жизнью под руководством ХАМАСа и при демократическом лидере Аббасе. Я был уверен, что со временем они захотят перемен.

Мы с Конди обсуждали возможные способы создания демократического государства в Палестине. Она предложила создать международную конференцию, чтобы создать базу для переговоров правительства Аббаса и израильтян. Вначале я скептически отнесся к этой идее. Период, когда страна переживает последствия террористических ударов, казался не самым благоприятным для мирных соглашений. Но постепенно мысль мне понравилась. Если нерешительные палестинцы поймут, что основать государство возможно, у них будет стимул противостоять насилию и поддерживать реформы.

Мы запланировали конференцию на ноябрь 2007 года в Восточно-морской академии в Аннаполисе в штате Мэриленд. Я и Конди убедили 15 арабских наций, включая Саудовскую Аравию, прислать свои делегации. Их участие в переговорах могло повысить уверенность палестинцев и затруднить возможные нарушения мирного договора, чтобы не повторилась ситуация с Арафатом в Кэмп-Дэвиде.

В основном конференция должна была продемонстрировать способность Аббаса и Ольмерта прийти к обоюдному соглашению в ходе прямых переговоров. Когда мы сели в вертолет, чтобы лететь в Аннаполис, я спросил Конди о соглашении. Она сказала, что прогресс есть, но нужно еще работать. «Вам придется взять это на себя», — был ее совет.

Я поговорил с Аббасом и Ольмертом по отдельности. Напомнил, что если они не смогут прийти к единому мнению, саммит будет считаться неудавшимся и подстегнет экстремистов. Они проинструктировали свои делегации и посоветовали всячески сотрудничать с Конди. За несколько минут до выступления перед камерами она принесла мне бумагу. Времени на увеличение шрифта не было, поэтому я надел очки и прочитал: «Мы согласны немедленно начать дружественные двухсторонние переговоры для заключения мирного договора... и готовы приложить все усилия, чтобы заключить его к концу 2008 года».

Присутствующие разразились аплодисментами. И Аббас, и Ольмерт выступили с речью. «Свобода — единственное слово, символизирующее будущее Палестины», — сказал первый. «Я верю, что иного пути, кроме мира, не существует... Я верю, что время пришло, и мы к нему готовы», — добавил второй.

Это был незабываемый момент: министр иностранных дел Саудовской Аравии с уважением слушает премьер-министра Израиля и аплодирует ему. Конференция в Аннаполисе обернулась неожиданным успехом. «Циничные комментарии о переговорах в Аннаполисе не должны затмевать надежду, которую дала эта попытка», — писала газета *Los Angeles Times*.

Сразу после встречи обе стороны принялись за обсуждение мирного соглашения: Ахмед Курей представлял Палестину, а министр иностранных дел Ципи Ливни — израильскую сторону. Палестинский премьер-министр Салам Файед, кандидат экономических наук Техасского университета, начал проводить в жизнь давно назревшие реформы в палестин-

кой экономике и службах безопасности. Мы предоставили финансовую помощь и высококвалифицированных генералов для обучения палестинской службы безопасности. В день, когда Тони Блэр покинул Даунинг-стрит¹, он принял должность специального уполномоченного по развитию демократических институтов в Палестине. Не особенно престижная работа, но она была весьма важной. «Если мне дадут Нобелевскую премию мира, – пошутил Тони, – знайте, что я не справился».

Итак, несколько важных вопросов были решены, но, несомненно, заключение договора требовало больших усилий от лидеров. С моего одобрения Конди тайно контролировала отдельный прямой канал переговоров Ольмерта и Аббаса. Поворотным моментом диалога стало секретное предложение Ольмерта. Суть его заключалась в том, что абсолютное большинство территорий Западного берега и Газа возвращаются палестинцам; между территориями Палестины строится тоннель, в Израиль возвращается лимитированное количество палестинских беженцев. Иерусалим становится совместной столицей Израиля и Палестины, а контроль над святыми местами возлагается на группу старцев, не связанных принадлежностью к политическим течениям.

Мы разработали процесс по преобразованию частного тезиса в официальное соглашение. Ольмерт приезжал в Вашингтон, чтобы озвучить свое предложение. Аббас провозгласил, что план соответствовал интересам Палестины. Я созвал обоих лидеров для обсуждения финальных деталей.

Надежда на мир крепла, но вновь вмешались внешние силы. Политические оппоненты Ольмерта начали проверять его финансовые операции за период, когда он был мэром Иерусалима. К концу лета у них набралось достаточно документов, вызвавших подозрения. В этой связи в сентябре ему пришлось подать в отставку.

Аббас не хотел заключать договор с премьер-министром, срок службы которого истекал. Переговоры окончательно прекратились в последние недели моего правления, после атаки израильских сил в Газе в ответ на ракетные обстрелы ХАМАСа.

¹ Даунинг-стрит – улица в Лондоне, где находится официальная резиденция премьер-министра.

Несмотря на некоторую досаду, что Израиль и Палестина не смогли завершить процесс перемирия, достигнутые результаты не могли не радовать меня. Восемь лет назад, когда я начал руководить в стране партия интифада, Ясир Арафат возглавлял палестинское правительство, израильские лидеры придерживались политики Великого Израиля, а также повсеместно выражали недовольство арабские нации. К концу моего срока у палестинцев был президент и премьер-министр, отвергающие терроризм, израильтяне отдали часть поселений и поддерживали двухгосударственную систему, а арабские нации активно участвовали в мирных переговорах.

Борьбу за Святую землю отныне вели не Палестина и Израиль или мусульмане и евреи. Теперь это была битва сторонников мира и экстремистов, поддерживающих террор. Существует утверждение, что демократия – основание, на котором строится справедливый и прочный мир. Претворение этого образа в жизнь потребует мужества от руководителей обеих стран и от Соединенных Штатов.

Жак Ширак и я во многом придерживались различных взглядов: французский президент был против отставки Саддама Хусейна, он называл Ясира Арафата «мужественным человеком». На одном из совещаний он произнес: «Украина – часть России».

Поэтому я был сильно удивлен, когда мы нашли взаимопонимание по одному вопросу на встрече в Париже в начале июня 2004 года. Ширак поднял вопрос о демократии на Среднем Востоке, и я готовился к очередной лекции. Но продолжение было другим: «В регионе присутствует всего две демократии: одна сильная – это Израиль; вторая слабая – Ливан». Я не обратил его внимание на существование новой демократии в Ираке.

Он описал страдания ливанцев под гнетом Сирии, которая разместила в стране свои многочисленные войска, выкачивала деньги из экономики и подавляла попытки стимулировать демократию. Жак предложил вместе установить Сирию, пока она не уничтожила Ливан. Я немедленно согласился. Мы решили искать возможности для представления новой резолюции ООН.

В августе 2004 года президент Ливана Эмил Лахуд, марионетка сирийцев, поддал нам повод. Он заявил о расширении срока своих полномочий, нарушая ливанскую конституцию. Мы с Шираком призвали его к выполне-

нию резолюции 1559, которая шла вразрез с намерениями Лахуда и приказывала Сирии вывести войска. Это произошло 2 сентября 2004 года.

Полгода Сирия игнорировала наше заявление. Затем 14 февраля 2005 года в Бейруте взорвалась мощная бомба, уничтожившая автомобильный кортеж Рафика Харири, бывшего премьер-министра Ливана и пропагандиста независимости. Все улики указывали на сирийский заговор. Мы отозвали нашего посла из Дамаска и поддержали расследование ООН.

Спустя неделю после убийства Харири мы с Шираком ужинали в Брюсселе. Единодушно назвав данный взрыв «террористическим актом», мы вновь заявили о поддержке «суверенного, независимого и демократичного Ливана». Нашими усилиями арабские нации объединились для давления на сирийского президента Башара Асада, чтобы заставить его выполнить требования резолюции ООН.

Через месяц после трагедии с Харири около миллиона ливанцев – четверть населения – вышли на площадь Мучеников в Бейруте на акцию протеста против оккупации Сирии. Люди заговорили о «Кедровой революции», получившей название благодаря дереву, изображенному в центре флага Ливана.

Сирийцы поняли послание. В конце марта под совместным давлением международного сообщества и народа Ливана сирийские оккупационные войска начали дислоцироваться, а к концу апреля они ушли. «Раньше местные люди боялись что-то говорить», – сказал один из жителей Ливана журналисту. – А сейчас кажется, что люди стали откровеннее, чувствуют себя свободнее и могут говорить о проблемах».

Той весной, 14 марта большинство поддержало антисирийское движение в парламенте. Фуад Синиора, ближайший советник убитого Харири, был назначен премьер-министром.

«Кедровая революция» стала одним из главных успехов в плане свободы. Она произошла в мультинациональном государстве с преобладанием мусульман, при сильном дипломатическом давлении свободного мира и без военного вмешательства Америки. Ливанцы добились свободы по одной причине – они хотели быть свободными.

Демократия в Ливане одержала триумфальную победу через два месяца после демократических выборов в Ираке и избрания президента Аббаса в палестинских землях. Никогда еще три арабских страны не были так

близки к демократии. Ливан, Ирак и Палестина имели потенциал для основания свободного и мирного региона.

«Странно это говорить, но процесс перемен начался из-за американского вторжения в Ирак, – сказал ливанский политический лидер Валид Джамблатт. – Я цинично посмеялся над ними. Когда же три недели назад я увидел, как голосует иракский народ, целых 8 миллионов – это было как зарождение нового арабского мира. Сирийцы, египтяне – все говорят об изменениях. "Берлинская стена" рухнула, и мы этому свидетели».

Он не единственный наблюдал эту тенденцию и признавал ее последствия. Набирающая силы демократия на Среднем Востоке подорвала власть экстремистов в 2005 году. В 2006-м им пришлось защищаться.

12 июля 2006 года по пути на саммит «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге мы с Лорой остановились в Германии. Немецкий канцлер Ангела Меркель и ее супруг Иохим Зауэр пригласили нас посетить Штральзунд – город в родной провинции Ангелы. Рассказ Ангелы о детстве в коммунистической Восточной Германии был потрясающим. Она описала свое счастливое детство, но мы узнали, что мать постоянно предупреждала ее не говорить прилюдно о семейных разговорах. Секретная полиция Штази присутствовала везде. Мы с Лорой вспоминали историю Ангелы, когда смотрели фильм «Жизнь других» про существование под контролем Штази. Сложно поверить, что чуть меньше двадцати лет назад эта история была обычной для миллионов европейцев. Это напоминание о том, как сильно свобода может изменить общество.

Ангела не только активно ратовала за свободу – она была надежной, обаятельной и радушной женщиной. Она быстро стала одним из моих ближайших соратников на мировой арене.

Пока мы гостили в Германии, в южном Ливане террористы Хезболлы незаконно перешли израильскую границу, захватив в заложники двух солдат, чем спровоцировали новый кризис в международной политике. В ответ Израиль атаковал пункты Хезболлы в южном Ливане и начал бомбить в Бейруте аэропорт, служащий транзитным пунктом для перевозки оружия. Террористы нанесли удар по городам Израиля, убив и ранив сотни мирных жителей.

Как и ХАМАС, Хезболла являлась законодательной политической партией и террористическим крылом. Их вооружал и спонсировал Иран и под-

держивала Сирия. Хезболла стояла за бомбежкой военной базы в Ливане в 1983 году, убийством американского акванавта ВМС во время угона самолета TWA в 1985 году, атакой на посольство Ирака и штаб-квартиру еврейских организаций в 1992 и 1994 годах соответственно, а также бомбежкой жилищного комплекса «Башни Хобара» в Саудовской Аравии в 1996 году.

Теперь Хезболла бросала прямой вызов Израилю. Все лидеры стран «Большой восьмерки» на саммите высказались единогласно – Хезболла спровоцировала конфликт, и Израиль вправе защищаться. Мы огласили совместное решение: «Экстремистские элементы и те, кто поддерживает их, не должны ввергать Ближний Восток в хаос и провоцировать межнациональный конфликт».

У израильтян был шанс нанести основной удар по Хезболле и их спонсорам в Иране и Сирии. К сожалению, они упустили свою возможность. Израиль атаковал объекты сомнительного военного значения, включая территорию на севере Ливана далеко от базы Хезболлы. Кадры разрушений широко транслировались по телевидению. Премьер-министр Ольмерт провозгласил, что наступление не затронет Сирию, чем усугубил ситуацию. Я подумал, что он ошибся. Если Сирии не угрожал ответный удар, это значит – она избегала наказания и продолжала поддерживать Хезболлу.

Через две недели насилия многие лидеры стран «Большой восьмерки» начали требовать от Израиля прекращения огня. Я не присоединился к ним. Прекращение огня обеспечило бы кратковременную передышку, но не решило бы главную причину конфликта. Если хорошо вооруженная Хезболла продолжала бы грозить Израилю из южного Ливана, возобновление перестрелки было бы только вопросом времени. Я хотел выторговать Израилю передышку, чтобы силы Хезболлы ослабли. Еще мне нужно было продемонстрировать Ирану и Сирии, что они не должны использовать террористические организации как средства для безнаказанной атаки на демократические государства.

К сожалению, Израиль только ухудшал положение. На третью неделю конфликта израильские бомбардировщики уничтожили многоквартирный дом в ливанском городе Кана. Погибло 28 человек, половина из них – дети. Премьер-министр Синаора был в ярости. Арабские лидеры жестко осудили бомбежку. Кадры атаки круглосуточно транслировались по телеканалам

Среднего Востока. Я забеспокоился, что нападение израильтян может повредить демократическому правлению премьер-министра Синаора.

В связи с этим для обсуждения нашей стратегии было созвано заседание Совета Национальной безопасности. Внутри команды кипели ожесточенные разногласия. «Надо позволить израильтянам покончить с Хезболлой», – сказал Дик Чейни. «Если это случится, – возразил Конди, – Америка на Среднем Востоке погибнет». Она посоветовала принять резолюцию ООН, призывающую к прекращению огня и разрыванию мультинациональных миротворческих сил.

Ни один из предложенных вариантов не был идеальным. В ближайшее время я хотел видеть, как Хезболла и ее покровители будут свергнуты. В дальнейшем нужно было отделить Иран и Сирию, чтобы уменьшить их влияние и поощрить внутренние изменения. Если Америка продолжит прикрывать нападение Израиля, то нам придется накладывать вето на одну резолюцию ООН за другой. В конце концов, вместо того чтобы изолировать Иран и Сирию, мы изолируем сами себя.

Я решил, что сохранение давления на Сирию и Иран хотя и займет больше времени, но будет выгоднее, нежели быстрые результаты нанесения дальнейших ударов по Хезболле. Я направил Конди в ООН для обсуждения резолюции 1701, которая призвала к немедленному прекращению насилия, разоружению Хезболлы и прочих милиейских отрядов в Ливане, вводила эмбарго на поставку оружия и предусматривала развертывание мощных международных сил безопасности в южном Ливане. Ливанское правительство, Хезболла и Израиль – все поддержали резолюцию. Утром 14 августа наступило затишье.

Война Израиля против Хезболлы в Ливане стала важным итогом в идеологической борьбе. Несмотря на свою слабость и давление Сирии, молодое демократическое государство Ливан окрепло, так как выдержало испытание. Результат для Израиля был неоднозначный. Военная кампания страны ослабила Хезболлу и помогла защитить свои границы. В то же время неуверенные военные действия подорвали международное доверие к ним.

Как зачинщик конфликта, Хезболла – а также Сирия и Иран – несли ответственность за кровопролитие. Ливанцы знали это. Через две недели после прекращения огня глава Хезболлы Хасан Насралла подвел итоги войны и извинился перед народом Ливана.

«Если бы мы могли предположить, к чему приведет захват солдат, — скал он. — мы никогда не сделали бы этого».

Когда в начале 2005 года Конди в качестве госсекретаря впервые побывала в Европе, она ожидала, что главным пунктом разногласий станет наша позиция относительно Ирака. Через неделю после возвращения в итоговом отчете она указала неожиданное замечание союзников, с которыми встречалась. «Они говорят не об Ираке, — написала она. — Их всех беспокоит Иран».

К началу моего президентского срока теократический режим в Иране не давал покоя американским президентам более двадцати лет. Ираном правили радикальные клерикалы, захватившие власть после революции 1979 года, и это государство являлось одним из главных пособников террора. В то же время Иран был относительно современной страной со слабо выраженными признаками свободы.

В августе 2002 года оппозиционная группа Ирана сообщила, что есть доказательства о секретном строительстве установки по обогащению урана в Натане, а также секретного завода по производству тяжелой воды в Араке — два сигнала программы ядерного вооружения. Иран подтвердил информацию, но отговорился тем, что конструкции предназначались для производства электричества. Если это правда, почему режим скрывал их? И зачем Ирану понадобилось обогащать уран без действующей атомной станции? Внезапно возник вопрос о том, как Иран оказался в списке стран «оси зла», осталось не так много.

В октябре 2003 года, через семь месяцев после свержения Саддама Хусейна, Иран заявил о приостановке всех обогащений и переработок урана. В ответ Великобритания, Германия и Франция согласились предоставить им финансовую и дипломатическую помощь в виде технологий и торгового сотрудничества. И мы и европейцы выполнили свои обещания. Соглашение стало положительным шагом к единой цели — остановить в Иране процесс обогащения урана и предотвратить ядерную гонку вооружений на Среднем Востоке.

В июне 2005 года все изменилось. В Иране был избран президент. Выборы проходили, мягко говоря, подозрительно. Совет Хранителей — несом-

ко пожилых исламских клерикалов — определили кандидатов. Клерикалы использовали организацию «Басидж» — полувоенный отряд милиции Корпуса Стражей Иранской революции — чтобы обеспечить явку избирателей и повлиять на ход голосования. Победил мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад — учитывая, что его поддерживал «Басидж», в этом не было ничего удивительного.

С приходом к власти Ахмадинежада политика Ирана стала агрессивней, увеличилось количество репрессий и военных действий. Страна активно старалась разобить Ливан, палестинские территории и Афганистан. Ахмадинежад назвал Израиль «зловонным трупом», который нужно «стереть с карты мира», а Холокост он пренебрежительно охарактеризовал «небылицей». На сессии Объединенных Наций в его речи прозвучало предсказание о появлении скрытого имама, который спасет мир. Я начинал беспокоиться, что мы имели дело с не просто опасным лидером, а психически больным человеком.

Прежде всего Ахмадинежад объявил о возобновлении переработки урана. По его словам, этот шаг являлся частью гражданской ядерной программы Ирана, но мир понял, что страна начала создавать ядерное оружие. Владимир Путин — с моей подачи — предложил поставлять обогащенный в России топливо для гражданских реакторов Ирана, как только они их построят, чтобы Иран не нуждался в собственном оборудовании. Ахмадинежад отверг это предложение. Европейцы также предложили поддержать ядерную программу при условии отказа от подозрительных действий, связанных с атомным вооружением. Он отверг и эту помощь. Оставалось только одно логическое объяснение — Иран обогащал уран для создания атомной бомбы.

Настал момент принять важное решение. Америка не могла позволить Ирану иметь ядерное оружие по ряду причин: господство теократического режима на Среднем Востоке, шантаж остального мира, вероятность передачи технологии атомного вооружения террористическим посредникам или использование бомбы против Израиля.

Проблемы представлялись мне двумя заветными будильниками. Один отмерял время, нужное Ирану для создания бомбы, другой — время, оставшееся у реформаторов на принятие решения. Передо мной стояла задача: замедлить ход первого и ускорить ход второго.

ния: «С полной уверенностью заявляем о прекращении программы атомного вооружения в Тегеране осенью 2003 года».

Заключение НРО было настолько поразительным, что я не сомневался – информация вот-вот просочится в прессу. Как ни противна мне была сама мысль, но я все-таки решил рассекретить главные данные, чтобы в новостях были факты. Ответная реакция последовала немедленно. Ахмадинежад назвал НРО «великой победой». Момент для новых санкций со стороны Европы, России и Китая был упущен. Как верно заметил Дэвид Сэнгер, журналист *New York Times*: «Новая национальная разведывательная оценка ослабила международное давление на Иран – ту силу, которая, как отмечено в самом документе, успешно заставила страну временно умерить свои амбиции».

В январе 2008 года я совершил поездку на Ближний Восток. Там я попытался убедить местных лидеров, что мы по-прежнему решаем вопросы, касающиеся Ирана. В редкий момент единства Израиль и наши арабские союзники были обеспокоены ситуацией и рассержены на США из-за НРО. В Саудовской Аравии я встретился с королем Абдаллой и членами «Семерки Судаири» – семью влиятельными родными братьями последнего короля Фахда.

«Ваше Величество, могу я начать встречу? – спросил я. – Я уверен, что все вы считаете, что НРО написана мною, чтобы не применять меры против Ирана».

Никто не произнес ни слова. Арабы слишком вежливы для того, чтобы вслух высказать подозрения.

«Вам нужно понять нашу систему, – сказал я. – НРО – независимая организация, разработанная моей службой разведки. Я так же зол на них, как и вы».

НРО не просто подрывала дипломатию. Она связывала мне руки в военном отношении. Было много причин, почему я медлил с нанесением удара по Ирану – в том числе его возможная неэффективность и проблемы, которые он мог создать для неокрепшей молодой демократии Ирака. Но после отчета как мог я объяснить использование военных сил для уничтожения ядерных конструкций в стране, где, по данным разведки, нет действующей программы по атомному вооружению?

Я не знаю, почему НРО была написана так, как она была написана. Мне было интересно, не крылась ли причина в попытке избежать повторения

ошибок с Ираком? В результате разведка недооценила угрозу, которую представлял Иран. Конечно, я надеялся, что «налитики» не попытались воздействовать на политику. Но, как бы то ни было, НРО оказала большое влияние – и не самое лучшее.

В 2008 году я много работал над преобразованием дипломатической коалиции против Ирана. В марте мы подготовили очередную серию санкций, запрещающих продавать Ирану технику двойного назначения, которую можно применять в программе атомного вооружения. Мы также расширили свой противоракетный щит, включив новую систему, базирующуюся в Польше и Чехии, чтобы защитить Европу от нападения с этой стороны.

Одновременно я трудился, пытаюсь ускорить ход часов реформ: встречался с иранскими диссидентами, призывал к освобождению политических заключенных, спонсировал иранских активистов за гражданское общество, использовал радио и интернет-технологии для трансляции сообщений в защиту свободы в Иране. Мы также проанализировали множество разведывательных программ и финансовых схем, чтобы замедлить темп или увеличить стоимость программ по атомному вооружению в Иране.

Мне жаль, что срок моего правления закончился прежде, чем был решен вопрос с Ираном. Моему преемнику действительно достался режим, еще более отдаленный от мира и жестко обложенный санкциями, чем раньше. Я был уверен, что пример успешного и свободного Ирака вдохновит иранских диссидентов и ускорит перемены. Мне приятно было видеть, что после нечестных выборов в 2009 году иракское движение за свободу устраивает национальные демонстрации. Мне видится будущее Ирана в лираивах этих смелых бунтарей. Если Америка и весь мир встанут рядом с ними, чтобы повлиять на иранский режим, я верю, что правительство и их политика изменятся. Но одно несомненно: США не может позволить Ирану угрожать миру атомным оружием.

Иран был не единственной страной, угрожающей плану свободы своими разработками ядерного оружия. Весной 2007 года я получил отчет вышестоящей разведки от иностранной разведки. Мы внимательно рассмотрели секретности от иностранной разведки. Мы внимательно рассмотрели объект в долине Тигриса, подозреваемого в том, что он снимал фотографии с объектов в долине Тигриса. Мы внимательно рассмотрели объект в долине Тигриса, подозреваемого в том, что он снимал фотографии с объектов в долине Тигриса.

Сооружение имело сходство с ядерной установкой в Йонгбуоне, в Северной Корее. Мы пришли к заключению, что постройка содержала графитовый реактор с газовым охлаждением, способный производить плутоний оружейной чистоты. Северная Корея — единственная страна, построившая реактор подобного типа за последние 35 лет. Поэтому мы были практически уверены, что поймали Сирию на месте преступления, когда она пыталась получить ядерное оружие с помощью Северной Кореи.

Премьер-министр Ольмерт был совершенно убежден в этом. «Джордж, я прошу вас бомбить комплекс», — сказал он по телефону немедленно после того, как я получил отчет.

«Благодарю, что коснулись этого вопроса, — произнес я. — Дайте мне немного времени, чтобы разобраться в сведениях, и я дам вам ответ».

Я созвал специалистов Национальной службы безопасности на ряд серьезных совещаний. Бомбардировка была бы эффективным решением военных вопросов. Воздушные силы могли бы уничтожить цель без усилий. Но удар по суверенному государству без предупреждения или объявленного повода вызвал бы решительный отпор.

Вторым вариантом могла стать тайная операция по захвату. Мы всерьез отнеслись к этой идее, но ЦРУ и военные сделали заключение, что для группы очень рискованно проникнуть в страну и выйти из нее с запасом взрывчатых веществ для уничтожения установки.

Третий вариант состоял в том, чтобы вкратце ознакомить наших союзников с разведанными, совместно разоблачить постройку и потребовать, чтобы Сирия демонтировала и закрыла ее под контролем Международного агентства по атомной энергии. Раскрыв двуличие режима, мы могли бы использовать рычаги для воздействия на Сирию, остановить поддержку террора с ее стороны и вмешательство в дела Ливана и Ирака. В случае отказа Сирии уничтожить установку у нас появилось бы основание для военных действий, понятное общественности.

Прежде чем принять решение, я попросил директора ЦРУ Майка Хейдена провести разведывательную оценку. Выполнив анализ, он выяснил, что вероятность того, что на заводе размещался ядерный реактор, была высокой. Но они не могли подтвердить наличие оборудования, необходимого для превращения плутония в оружие, поэтому аналитики не были уверены в программе ядерного вооружения Сирии.

Отчет Майка определил мое решение. «Я не смогу обосновать атаку на суверенное государство, пока моя разведка не подтвердит, что это действительно программа вооружения», — услышал от меня Ольмерт. Я сомневался, что выбрал дипломатический вариант и силовую угрозу в случае неудачи. «Думаю, что стратегия защищает ваши интересы, и государство позволит нам достичь желаемого результата».

Премьер-министр был разочарован. «Едва ли у страны выдержат нервы», — была его реакция. Он добавил, что угроза ядерного вооружения в Сирии была «жизненно важной» проблемой для Израиля, а также поделился опасениями, что дипломатический план потерпит неудачу. «Скажу вам честно и откровенно — ваша стратегия меня очень беспокоит». На этом мы расстались.

6 сентября 2007 года установка была уничтожена.

Опыт оказался полезным сразу в нескольких аспектах: подтвердилось намерение Сирии разрабатывать ядерное оружие и выяснилось, что разведка — не точная наука. Пока мне рассказывали, что аналитики сомневаются, что объект является частью программы по ядерному вооружению, контроль после бомбардировки показал, что сирийские чиновники уничтожают малейшие следы здания. Если установка действительно являлась невинной исследовательской лабораторией, сирийский президент уже ругался бы с израильянами в кабинете ООН. Вот в этом я был абсолютно уверен.

Нанесение удара восстановило мое доверие к израильянам, утраченное во время ливанской войны. Я предложил Эхуду подождать и затем провести операцию, чтобы изолировать сирийский режим. Ольмерт настаивал на полной секретности. Он воздерживался от действий, которые могли загнать Сирию в угол и вынудить Ассادا на ответный удар. Это была его операция, и я чувствовал, что нужно уважать его желания. Я молчал, хотя считал, что мы упускаем шанс.

В итоге бомбардировка показала готовность Израиля действовать в одиночку. Премьер-министр Ольмерт не просил «зеленый свет», а я его не давал. Он сам сделал все необходимое для защиты Израиля.

Одна книга сильно повлияла на меня во время моего президентского срока — это «Акварюмы Пхеньяна» Кана Чоля Хвана, диссидента из Се-

верной Кореи. Мемуары, которые мне посоветовал друг Генри Киссинджер, описывают десятилетнее заключение автора и издевательства, которым он подвергся в северокорейском ГУЛАГе. Я пригласил Кана в Овальный кабинет, где в деталях услышал душераздирающий рассказ о страданиях на его родине, включая ужасный голод и преследования.

История Кана вызвала у меня отвращение к тирану, уничтожившему столько жизней, — Ким Чен Иру. В начале правления Дон Рамсфелд показал мне космические снимки Корейского полуострова ночью. Юг был расцвечен огнями, а север — погружен во тьму. В разведданных я читал, что из-за плохого питания среднестатистический северный кореец на семь сантиметров ниже, чем южный кореец. С 2001 года, как я вступил в должность, за следующие шесть лет от голода умерли около одного миллиона северных корейцев.

В то же время Ким Чен Ир смаковал хороший коньяк, ездил на роскошных «мерседесах» и смотрел зарубежные фильмы. Он создал культ личности, чтобы народ поклонялся ему, как лидеру от бога. Его пропагандистская машина объявила, что он может контролировать погоду, что он сочинил шесть известных опер и продемонстрировал невероятное владение клюшкой, когда однажды играл в гольф.

Ким также не собирался отказываться от программы ядерного вооружения и усиления ракетной военной мощи, угрожавшей двум союзникам США — Южной Корее и Японии, — и в потенциале северокорейское оружие могло достичь западного побережья Америки. Его распространение оставалось одним из важнейших проблем, как показал инцидент с реактором Сирии. В стране, где ощущается острая нехватка твердой валюты, ядерные материалы и системы вооружения являются привлекательными экспортными товарами.

Наше отношение к Северной Корее стало темой одной из первых встреч с членами Совета Национальной безопасности накануне визита президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна. Принятый ранее договор «Согласованные рамки» предоставлял Ким Чен Иру экономические преимущества в обмен на заморозку его программ по ядерному вооружению. Очевидно, этого было недостаточно. В 1998 году режим запустил ракету «Тиходонг» на Японию. В 1999 году были расстреляны суда Южной Кореи в Желтом море. Через месяц после начала моего срока северокорейские власти нача-

ли угрожать, что возобновят испытания ракет дальнего действия, если мы не продолжим переговоры о нормализации отношений.

Как я сообщил группе по национальной безопасности — действия правительства Ким Чен Ира напоминали воспитание детей. Когда Бирбара и Дженна были детьми и требовали внимания, они кидали еду на пол, а я и Лора бросались поднимать ее. В следующий раз, когда мы были заняты чем-то другим, история повторялась. «США сейчас занимается тем, что поднимает еду», — был мой вывод.

В следующем году отчеты разведки зафиксировали высокую вероятность того, что Северная Корея разрабатывает тайную программу высокообогащенного урана — второй способ вооружения. Открытие было удивительным — Ким нарушил условия «Согласованных рамок». Я решил закончить двухсторонние переговоры с Северной Кореей. Вместо этого мы объединяем Китай, Южную Корею, Россию и Японию в единый фронт против режима.

Ведущей стороной в многосторонних переговорах с Северной Кореей был Китай; эти страны также связывали тесные узы коммунистической истории. Проблема заключалась в разных интересах Китая и США на Корейском полуострове. Китайцы хотели стабильности. Мы хотели свободы. Их волновало количество беженцев, пересекающих границу; нас больше беспокоил голод и права человека. Но в одном мы сходились — ни одна из сторон не была заинтересована в том, чтобы Ким Чен Ир создал ядерное оружие.

В октябре 2002 года я пригласил президента Китая Дзян Дземина на ранчо в Кроуфорде. Речь зашла о Северной Корее. «Они угрожают не только США, но и Китаю», — сказал я. Он вынужден был присоединиться к нам, чтобы дипломатическими методами противостоять Киму. «У Китая и США разные виды влияния на Северную Корею. Наше воспринимают негативно, а ваше — позитивно. Если мы объединимся, то может получиться эффективная команда».

Президент Дзян вежливо, но решительно указал мне, что Северная Корея является в первую очередь моей проблемой, а не его. «Пытаться влиять на эту страну очень сложно», — ответил он.

После нескольких месяцев безуспешных переговоров я попытался использовать другой аргумент. В январе 2003 года я сказал президенту Дзяну, что в случае продолжения программы ядерного вооружения Северной

Кореи я не смогу запретить. Японии – исторической сопернице Китая в Азии – разрабатывать собственные ядерные установки. «В наших интересах работать вместе, чтобы убедиться в том, что не начнется ядерная гонка вооружений», – сказал я. В феврале я сделал еще один шаг вперед: президент Дзян узнал, что если мы не сможем разрешить проблему дипломатическим путем, я буду вынужден думать о нанесении военного удара против Северной Кореи.

Первые шестисторонние переговоры прошли спустя полгода в Пекине. Впервые официальные представители Северной Кореи сидели за одним столом с делегатами Китая, Японии, России, Южной Кореи и США. Обсуждение было последовательным. Я провел много часов в телефонных переговорах, напоминая всем о выработанной линии поведения и необходимости придерживаться единого курса политики.

В сентябре 2005 года наше терпение было вознаграждено. Северные корейцы согласились полностью приостановить разработку ядерного вооружения и соблюдать свои обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия. Я был настроен скептически. Ранее Ким Чен Ир уже нарушал условия. Но в этот раз он давал слово не только Соединенным Штатам, но и всем соседям, включая Китай.

4 июля 2006 года Ким Чен Ир снова «бросил еду на пол»: в Японское море было запущено несколько ракет. С военной точки зрения испытание провалилось, но в действительности оно являлось некой провокацией. По моей теории, Ким видел, что мир отвлечен ситуацией в Иране, и требовал к себе внимания. Также он хотел проверить коалицию, чтобы увидеть, что ему безнаказанно сойдет с рук.

Я позвонил президенту Ху Цзиньтао и сказал ему, что Ким Чен Ир оскорбил Китай. Мы настаивали на публичном осуждении ракетного удара. Китайский лидер опубликовал сообщение, где подчеркнул свою заинтересованность в «мире и стабильности» и готовность сопротивляться «любым действиям, обостряющим ситуацию». Его слова не были категоричными, но задавали верный курс.

Три месяца спустя Северная Корея вновь бросила вызов, осуществив первый полномасштабный ядерный тест. На этот раз реакция президента

Ху была жестче. «Китайское правительство выражает категорический протест против подобных испытаний», – сказал он. – Мы выступили в переговорах, чтобы сдержать Северную Корею. Однако складывается впечатление, что наш сосед обратил к нашим советам глухое ухо».

При согласии всех стран – участников шестисторонних переговоров Совет Национальной безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1718. Документ налагал строжайшие санкции на Северную Корею с момента окончания корейской войны. США также ужесточили методы функционирования северо-корейских банковских систем и искали способ лишить Ким Чен Ира доступа к роскошным товарам.

Давление сработало. В феврале 2007 года Северная Корея согласилась остановить главный ядерный реактор и позволила инспекторам ООН контролировать прекращение его работы. В ответ мы и наши партнеры шести стран-переговорщиков предоставляли энергетическую помощь, а США вычеркивали Северную Корею из списка стран – спонсоров террора. В июне 2008 года Северная Корея взорвала охлаждающую башню в Йонбуне, показав видеозапись по международному телеканалу. После этого дальнейшая проверка стала бессмысленной.

Однако проблема осталась нерешенной. Народ Северной Кореи продолжал голодать и страдать. Разведданные предоставляли информацию о продолжении программы по обогащению урана, несмотря на заверения, что плутониевая обработка закрывается.

Я думаю, что в краткосрочной перспективе шестисторонние переговоры оказались лучшим способом оказать давление на Ким Чен Ира и избавить Корейский полуостров от угрозы ядерного оружия. В долгосрочной же перспективе я убежден, что единственный путь к большим изменениям для северокорейского народа – это стать свободным.

«План свободы» в Китае осуществлялся непростое. Я старался сотрудничать с китайцами в сферах, где мы находили взаимопонимание, и использовать эти отношения для развития доверия, нужного для ясного понимания наших различий.

Я работал над укреплением дружбы с китайскими лидерами Дзяном Дземинем и Ху Джинтао. С президентом Дзяном у нас был трудный старт.

1 апреля 2001 года американский самолет-разведчик EP-3 столкнулся с китайским истребителем и совершил срочную посадку на острове Хайнань. Китайский пилот погиб, успев выбраться из кабины. Наш самолет с 24 членами экипажа поместили в военные казармы и допросили людей. Мне сразу вспомнился захват заложников в Иране, и я бы не хотел начинать отношения с Китаем таким образом.

В течение нескольких мучительных дней я пытался связаться с китайцами, пока наконец мне не удалось поговорить с президентом Дзяном, находившимся в Чили. Вскоре китайцы согласились отпустить команду EP-3. В ответ я написал письмо с соболезнованиями в связи со смертью их пилота и нашей посадкой на Хайнане без устного предупреждения. Позже я узнал – разрешение кризиса данным образом со стороны Китая было связано с мнением правительства, что китайцы проявили слабость в ответ на случайную американскую бомбежку посольства Китая в Белграде в 1999 году. После крушения самолета EP-3 нам был выставлен счет на один миллион долларов за питание и проживание американского экипажа. Мы предложили 34 тысячи долларов.

В феврале 2002 года мы с Лорой впервые побывали в Пекине. Президент Дзян оказался радушным, гостеприимным хозяином. После банкета в нашу честь в Доме народных собраний он развлекал собравшихся исполнением «O Sole Mio» под аккомпанемент двух прекрасных китайянок, одетых в военную форму. В отличие от прошлого года, когда я не мог с ним откровенно поговорить, его серенада была большим шагом вперед. Это стало ярким признаком установившегося доверия между нами.

Наши отношения скреплялись также единым мнением о политике Тайваня, островной демократии, имевшей независимое правление с 1949 года, когда Чан Кайши столкнулся с Мао Цзэдуном в Китайскую гражданскую войну. Каждый раз при встрече с китайскими лидерами я подтверждал, что политика Америки, нацеленная на «Единый Китай», не изменится. Я также повторял, что был против любого одностороннего изменения статуса, включая провозглашение независимости Тайванем или военные действия со стороны Китая.

Когда в должност вступил Ху Дзиньтао, я принял решение также постепенно развивать с ним дружеские отношения. Он был на 16 лет младше своего предшественника, невозмутимо держался и имел острый аналити-

ческий ум. Как у многих молодых китайских лидеров, у него было инженерное образование. Во время обеда в Восточном зале я задавал ему свой любимый вопрос: «Вам что-нибудь мешает спокойно спать по ночам?»

Мне, например, не давала заснуть мысль о возможных террористических атаках на Америку. Мой собеседник, не долго думая, ответил, что его больше всего волнует создание 25 миллионов новых рабочих мест каждый год. На мой взгляд, потрясающий и откровенный ответ. Он ясно демонстрировал, как Ху переживал за последствия ситуации, в случае если массы безработных начнут проявлять свое недовольство. Это объясняло политику его правительства по отношению к богатым ресурсами странам, таким как Иран или Африка. Было ясно, что он – практичный лидер, заинтересованный больше во внутренней политике, а не идеолог, предпочитающий разворачивать войны за пределами страны. Я работал с президентом Ху, чтобы достичь взаимопонимания по вопросам, касающимся как политики Северной Кореи, так и изменения климата и торговли. Для меня открыть доступ Америке к миллиарду потенциальных потребителей было первоочередной задачей, и Китай мечтал о том же самом. Я рассматривал торговлю как средство продвижения плана свободы. Я верил, что со временем свобода рынка заставит людей потребовать свободы и в других сферах общественной жизни. Одно из первых моих решений – продолжить политику президента Клинтона и помочь Китаю вступить во Всемирную торговую организацию. Я попросил министра финансов Хенка Полсона и Конди составить стратегический экономический план по укреплению наших отношений.

Наши взгляды расходились в вопросе прав человека. Я поддерживал право человека придерживаться любой из религий, так как верил, что свобода вероисповедания – это один из столпов, на котором зиждется «План свободы». На одной из первых встреч я рассказал президенту Дзяну, что вера – существенная часть нашей жизни, я ежедневно читаю Слово Божие и планирую поднять вопрос религии в наших разговорах. «Я читал Библию, – ответил он, – но не верю в то, что там написано».

Я говорил обоим китайским лидерам, что верующие люди являются законопослушными и практичными гражданами, способствующими процветанию страны. По моему мнению, для наивысшего развития Китая народу нужно предоставить больше свободы. Я никому не угрожал и не читал

лекции – мои действия содержали внутренние послылы. Я и Дора посетили церковь в Пекине, встретились с религиозными лидерами, в том числе кардиналом Гонконга Носифом Диемом, и высказались в поддержку прав китайских подпольных проповедников, служителей, блогеров, диссидентов и политических заключенных.

В 2007 году в Сиднее на саммите АТЭС¹ я сообщил президенту Ху о своих планах посетить церемонию вручения золотой медали Конгресса Далай-ламе. Буддистский лидер раздражал китайское правительство – они считали, что он подстрекает сепаратистов в Тибете. Я же встречался с ним пять раз, пока был президентом, и считаю, что он обаятельный, миролюбивый человек. Лидеры Китая услышали от меня, что им не следует его бояться. «Я не хочу оскорбить Китай, – уточнил я, – но должен выразить свое почтение Далай-ламе и Конгрессу США. Вы знаете о моей сильной вере в религиозную свободу».

«С точки зрения политики это деликатный вопрос для нашей страны, – ответил президент Ху. – Со стороны народа последует бурная реакция». На самом деле он намекал на реакцию правительства, которое не хотело, чтобы американский президент впервые в истории появлялся на публике с Далай-ламой.

«Боюсь, что мне необходимо присутствовать на церемонии», – сказал я.

Но были и хорошие новости. «Как продвигается подготовка Олимпийских игр?» – спросил я, имея в виду летние Олимпийские игры 2008 года, которые принимал Китай.

Президент ввел меня в курс актуального хода строительства. Я рассказал ему, что приеду на соревнования. Я знал, что давление на меня и угрозы не ехать будут неизбежны, и многие будут пытаться политизировать игры, но пообещал, что приеду и что он может на меня рассчитывать.

«У меня уже забронирован номер в отеле», – пошутил я. Ху, показалось, успокоился.

Пекинские олимпийские игры стали одним из самых запоминающихся событий в моей жизни в последние годы работы. Я прилетел на президентским самолете «Эйр форс» с Лорой и Барбарой, братом Марвином, сест-

рой женой Маргарет и нашими друзьями Розалин и Лонт Бетси и Брайаном Фирманом. Мама, отец и Дора ждали нас в Китае. Мы с отцом встретили посла Сэнли Рендтома, служившего в Пекине восемь лет, и приняли участие в церемонии открытия здания нового гигантского американского посольства. Это место разительно отличалось от назначенного дипломатического поста, которым 35 лет назад руководил мой отец. Вдобавок к порыве гостеприимства президент Ху организовал обед для всех нас в правительственной резиденции Чжуннаньхай – за столом собралась вся семья Бушей, чего не случилось ни до, ни после этого события.

Пекинские олимпийские игры прошли с феноменальным успехом, и все повеселились от души. Мы были в Водном Кубе¹, когда команда по плаванию в вольном стиле решительным рывком вышла на первое место, оттеснив Францию в притязаниях на золотую медаль. Я заглянул посмотреть, как потрясающая команда Мисти Мэй-Трейнер и Керри Уолш разминается перед матчем по пляжному волейболу. Эпизод, когда я в шутку похлопал Мисти по спине, вошел в сводку международных новостей. Мы зашли в раздевалку, где находились баскетбольные команды – и через мгновение игроки США и Китая заняли позиции перед самой зрелишной игрой в истории. Они не могли бы сыграть лучше и красивей. «Эй, старина!» – окрикнул Леброн Джеймс отца, когда тот зашел в комнату.

Олимпийские игры дали отличную возможность увидеть и оценить красоту и творческие способности Китая. Я надеюсь, что игры также позволили китайскому народу одним глазком посмотреть на огромный мир и возможности независимой прессы, доступного Интернета и свободы слова. Время покажет, как повлияют на будущее страны Пекинские игры. Но исторический опыт свидетельствует о том, что если однажды люди почувствовали вкус свободы, в конце концов им захочется большего.

23 ноября 2002 года в Бухаресте было пасмурно и дождливо. Однако на площади Революции собрались десятки тысяч человек. Они пришли отметить вступление Румынии в НАТО – значительный прогресс для страны, которая всего пятнадцать лет назад была социалистической республикой и

¹ АТЭС – Организация азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. (Официальный сайт)

¹ Водный Куб – Пекинский Национальный плавательный комплекс.

Никогда не забуду реакцию Путина, когда он вошел в Овальную комнату. Было раннее утро, и в окна с южной стороны лился свет. Он зашел в дверь, он выдохнул: «Боже мой, какая красота!» Вот буквальные слова бывшего агента КГБ из атеистического Советского Союза.

В минуты взлетов и падений я и Путин были откровенны друг с другом. Мы сотрудничали в нескольких важнейших областях: борьбе с терроризмом, изгнании талибов из Афганистана, охране ядерных материалов.

Одно из наибольших достижений мы продемонстрировали во время первой нашей встречи в Словении в 2001 году. Согласно требованиям, за шесть месяцев я уведомил Владимира о выходе Америки из договора о противоракетной обороне, чтобы мы оба могли разработать эффективную противоракетную систему защиты. Он намекнул, что популярности в Европе мне это не прибавит. Я ответил, что обещал выйти из договора в предвыборной программе, и мой народ ждал подтверждения. «Холодная война закончилась», — сказал я Путину. — Мы больше не враги».

Я также сообщил, что Америка в одностороннем порядке уменьшит арсенал стратегических ядерных боеголовок на две трети. Путин согласился соответствовать нашим сокращениям. Меньше чем через год мы подписали Московский договор об уменьшении количества боеголовок с 6600 до 1700–2200 единиц к 2012 году. Договор зафиксировал крупнейшее сокращение ядерного вооружения в истории, которое прошло без длительных переговоров, обычно сопровождающих решение о контроле над вооружением.

За восемь лет новообретенное российское богатство изменило Путина. Он стал агрессивнее по отношению к зарубежным странам и в защите репутации своей страны. В нашу первую приватную встречу в мой второй срок в Братиславе я выразил беспокойство, что в России нет развития демократии. Особенно меня волновали аресты российских бизнесменов и давление на свободную прессу. «Не надо рассказывать мне про свободную прессу, — сказал он, — особенно после того, как вы уволили того журналиста».

До меня дошел его намек. «Владимир, вы говорите про Дина Разера?» — спросил я. Он подтвердил. Я попросил: «Настоятельно рекомендую нам не повторять этого публично. Американцы подумают, что вы не вполне разбираетесь в нашей системе».

На совместную пресс-конференцию после встречи я пригласил двух американских, а Владимир — двух российских журналистов. Последний вопрос задал Путину Алексей Мешков из агентства новостей «Интерфакс». «Президент Буш недавно заявил, что в России нет свободной прессы, — сказал он. — В чем выражается эта нехватка свободы? Почему вы не говорите о нарушении прав журналистов в Соединенных Штатах, о факте, что некоторых журналистов увольняют?» Это было совпадение. Так называемая свободная пресса России в точности повторяла слова президента, как попугай.

Мы с Путиным любили физические упражнения. Он много тренировался, регулярно плавал и занимался дзюдо. Мы оба любили соревноваться. Когда он приехал в Кэмп-Дэвид, я представил Путину нашего шотландского терьера Барни. Владимир не проявил особых эмоций. Когда я в очередной раз был в России, Владимир спросил, хочу ли я посмотреть на его собаку Кони. «Конечно», — ответил я. Мы шли по обрамленной березами даче, и тут на лужайку выскочил большой черный лабрадор, готовый к атаке. С насмешливым огоньком в глазах Владимир сказал: «Больше, сильнее и быстрее Барни». Позже я рассказал эту историю своему другу, премьер-министру Канады Стивену Харперу. «Тебе повезло, что он показал только свою собаку», — ответил он.

История с Барни была наглядной. Путин был гордым человеком, любившим свою страну. Он хотел, чтобы Россия вновь обрела престиж великой державы, и был одержим расширением сфер ее влияния. Он запугал приграничные демократические государства и использовал энергетику в качестве экономического оружия, лишая различные части Западной Европы поставок природного газа.

Путин был хитер. Как *quid pro quo*¹ поддерживая стремление Жака Ширака и Герарда Шрёдера уравновесить влияние Америки, Путин убедил их защитить укрепление его власти в России. На саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге во время ужина большинство лидеров усомнилось в его заслугах на почве демократии. Кроме Жака Ширака. Тот провозгласил, что Путин умело руководит страной, и как именно он это делает —

¹ Лат. выражение — подкупом, мздоимством, отсюда и то, что слово *quid* переводится как «другую» (другое предложение).

нас не касается. Однако это были цветочки по сравнению с поступком Герхарда Шрёдера. Вскоре после того, как немецкий канцлер оставил свой пост, он стал председателем компании «Газпром» – гигантского государственного энергетического предприятия России.

Путин любил власть, а россияне любили его. Огромные, благодаря нефти, избытки бюджета не вредили. Он использовал свой авторитет для выборов собственного преемника, Дмитрия Медведева, а затем позволил назначить себя премьер-министром.

Мы практически прекратили общение в августе 2008 года, когда Россия направила танки через грузинскую границу, чтобы оккупировать Южную Осетию и Абхазию – два региона, являющихся частью Грузии, но имеющих тесные связи с Россией. Я был в Пекине на церемонии открытия Олимпийских игр. Мы с Лорой стояли в очереди поздравляющих президента Ху Дзиньтао, когда Джим Джеффри, заместитель моего помощника по национальной безопасности, шепотом передал мне новости о российском нападении. Впереди меня, через несколько человек в очереди стоял Владимир. Я решил, что церемония приема – не самое подходящее место для выяснения дипломатических вопросов.

Мне также показалось, что было важно высказать свои сомнения президенту Медведеву. Я не очень хорошо его знал. В апреле 2008 года, как раз перед сменой власти, Владимир пригласил Медведева посетить с нами Сочи, российский вариант Кэмп-Дэвида. Настроение было праздничное. Путин организовал превосходный ужин, за которым последовали фольклорные танцы. Постепенно членов моей делегации, и меня в том числе, вытянули из кресел на сцену. По ощущениям танец был смесью кадрили и джиттербага¹. Я уверен, что плясал бы подвижнее, если бы разогрел организм водкой. Любопытно, что в отличие от коммунистических времен я редко видел водку во время визитов в Россию.

Я был рад познакомиться с Медведевым – первым некоммунистическим лидером России со времен большевистской революции 1917 года. Он произнес впечатляющую речь, подчеркнув приверженность законному правлению, либерализации российской экономики и снижению уровня коррупции. Я сказал ему, что с нетерпением жду общения с ним как президент

с президентом. Главный вопрос, конечно, заключался в том, будет ли он действительно править страной. Чтобы не оставалось сомнений, я спросил Владимира, планирует ли он использовать масштабные постройки в Сочи после вступления Медведева в должность. «Нет, – ответил он без колебаний, – это будет летняя резиденция президента».

Я позвонил Медведеву, когда вернулся в гостиницу в Пекине. Он был резок, и я тоже. «Я настоятельно рекомендую начать завершение наступления сейчас, – сказал я. – Несоразмерность ваших действий настроит мир против вас. Вы окажетесь в аналогичной ситуации».

Медведев сказал мне, что Саакашвили походил на Саддама Хусейна. По его словам, Саакашвили начал неспровоцированную «варварскую» атаку, в результате которой погибло более 1500 мирных жителей.

«Надеюсь, вы не хотите убить 1500 человек в ответ, – возразил я. – Вы высказались четко и ясно. Я надеюсь, вы осознаете, что я говорил вполне серьезно».

Больше всего я боялся, что русские ворвутся в Тбилиси и свергнут законно избранного президента Саакашвили. Было понятно, что Россия не потерпит под боком демократическую Грузию с прозападным президентом. Мне было интересно, проявляли бы они агрессию, если бы НАТО одобрило заявку Грузии на МАП.

Затем я позвонил Саакашвили. Он по понятным причинам был потрясен. Михаил описал нападение русских и попросил меня не покидать Грузию. «Я вас слышу, – сказал я. – Мы не хотим, чтобы Грузия распалась». В последовавшие дни я высказался в защиту грузинской территориальной целостности, затем работал с Саркози – президентом Европейского Союза – над объединением наций, чтобы призвать Россию вывести войска, оперативно организовал поставки гуманитарной помощи Грузии на борт американского военного самолета и обещал помочь перестроить грузинскую армию.

На церемонии открытия Олимпийских игр я и Лора сидели в одном ряду с Владимиром и его переводчиком. Это был шанс поговорить, которым я воспользовался в Большом зале. Лора и ее сосед, король Камбоджи, не подвинулись на несколько сидений. Путин сел рядом со мной.

Я знал, что телекамеры будут направлены на нас, поэтому постарался вести себя спокойной. Я сказал ему о его серьезной ошибке и что Россия

¹ Разновидность свинга. (Прим. переводчика.)

и изолирует себя, если не уберется из Грузии. Владимир ответил, что Саакашвили был военным преступником — тот же термин, что употребил Медведев — и он спровоцировал Россию.

— Вас предупреждали, что у Саакашвили горячая кровь, — сказал я Путину.

— У меня тоже горячая кровь, — возразил Путин.

Я внимательно посмотрел на него.

— Нет, Владимир, — сказал я. — Вы хладнокровны.

После нескольких недель непрерывных переговоров Россия вывела большую часть десантников, но вопреки закону войска оставались в Южной Осетии и Абхазии. Владимир Путин позвонил в последнюю неделю моей работы пожелать мне удачи. Тем не менее, несмотря на наши совместные действия по преодолению последствий холодной войны, Россия не оправдала моих ожиданий в «Плане свободы».

Впрочем, она была не единственной. Я надеялся, что Египет возглавит борьбу за свободу и реформы в арабском мире, как во время правления Анвара Садата в предыдущем поколении. К сожалению, после многообещающих президентских выборов 2005 года с участием кандидатов от оппозиции в этом же году правительство закрутило гайки во время выборов в законодательное собрание, арестовав диссидентов и блогеров, выступавших за альтернативную форму правления.

Венесуэла также отдалась от демократии. Президент Уго Чавес наводнил волны эфира яростными антиамериканскими проповедями, одновременно пропагандируя фальшивый популизм, который он назвал «Боливарианской революцией». Грустно было смотреть, как он тратил деньги венесуэльского народа и разрушал страну. Он становится Робертом Мугабе Южной Америки. И, к сожалению, лидеры Никарагуа, Боливии и Эквадора следовали его примеру.

Есть другие изолированные от внешнего мира оплоты тирании: Беларусь, Бирма, Куба и Судан. Надеюсь, что Америка продолжит поддерживать там борцов за свободу. Я встретился с сотней диссидентов за время своего правления — их положение может выглядеть безрадостным, но оно не безнадежно.

Во второй инаугурационной речи я подчеркнул, что «План свободы» требует «сосредоточенной работы целых поколений». Когда наступают времена, они часто проходят стремительно, как, например, европейские революции 1989 года и быстрая трансформация Восточной Азии после Второй мировой войны. Когда люди наконец обретают свободу, часто именно диссиденты и заключенные — такие как Вацлав Гавел и Нельсон Мандела — становятся новыми национальными лидерами.

Несмотря на некоторые неудачи в «Плане свободы», примеров надежды и прогресса было гораздо больше. Грузины и украинцы присоединились к сообществу свободных людей, Косово стала независимой республикой, НАТО расширилось с 19 до 26 членов. Под управлением мужественного президента Альваро Урибе колумбийская демократия объявила борьбу за суверенную территорию против наркотеррористов. С помощью США мультиэтнические демократии от Индии и Индонезии до Бразилии и Чили возглавили развитие свободного общества в своих регионах и подали пример всему миру.

Наибольшего успеха демократия достигла на Среднем Востоке. В 2001 году регион наводнил терроризм: ожесточенная борьба между палестинцами и израильтянами; дестабилизирующее влияние Саддама Хусейна; Ливия, разрабатывающая оружие массового уничтожения; десятки тысяч сирийских войск, оккупировавших Ливан; Иран, беспрепятственно развивающий программу атомного вооружения; распространившийся экономический упадок и медленное движение навстречу политическим реформам.

К 2009 году население Среднего Востока, ранее демонстрировавшее равнодушие, уже активно сражалось с терроризмом. Ирак стал мультирелигиозной, мультиэтнической демократией и союзником США. Ливия отказалась от оружия массового поражения и восстановила нормальные отношения с миром. Народ Ливана вытеснил войска Сирии и восстановил демократию. В Палестине правительство на Западном берегу больше заботилось о мире, постепенно росло понимание необходимости строительства демократического государства, которое могло бы мирно сосуществовать с Израилем. Иранское движение за свободу активизировалось сразу же после президентских выборов летом 2009 года.

Во всем регионе проходили экономические реформы и приветствовалась прозрачная политическая деятельность. Кувейт провел первые выборы, где женщины могли голосовать и занимать должности. В 2009 году женщины уже заняли несколько серьезных постов. Они получили правительственные должности в Омане, Катаре, ОАЭ и Йемене. Бахрейн назначил еврейскую женщину послом в США.

Иордания, Марокко и Бахрейн провели парламентские выборы с участием нескольких кандидатов. Оставаясь высокоорганизованной монархией, Саудовская Аравия провела первые муниципальные выборы, и король Абдалла основал первый университет королевства, открытый как для арабских мужчин, так и для женщин. В рамках всего региона увеличились возможности для торговли и инвестиций. Резко возросло использование Интернета. Разговоры о демократии и реформах зазвучали смелее — особенно среди женщин, — которые, я уверен, возглавят борьбу за освобождение всего Среднего Востока.

В январе 2008 года я приехал в Абу-Даби и Дубай — две страны Арабских Эмиратов, избравшие свободную торговлю и открытое общество. Их деловые центры славились великолепными небоскребами со снующими предпринимателями и дельцами: мужчинами и женщинами. В Дубае я общался со студентами разных факультетов университета.

В последний вечер моего визита предусмотрительный кронпринц Абу-Даби, мой друг шейх Мохаммед бин Заед, пригласил меня на традиционный ужин в свою резиденцию в пустыне. Он упомянул, что к нам присоединится много государственных служащих. Я рассчитывал увидеть только мужчин среднего возраста, но ошибся. В правительстве кронпринца были и молодые умные женщины. Они говорили о намерении поддерживать реформы и прогресс и укреплять дружбу с США.

Пески Абу-Даби находились далеко от инаугурационной площадки, где я стоял в январе 2005 года. Но в тот вечер в пустыне я увидел будущее Среднего Востока — региона, где чтят свою древнюю культуру, но также принимают современность. Потребуется десятилетия для полной реализации начатых преобразований. Неудачи будут происходить на протяжении всего пути. Но я уверен в том, что это направление верное: народ Среднего Востока будет свободен, а Америка в результате окажется еще в большей безопасности.

ГЛАВА 14

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

— Господин президент, мы стоим перед лицом финансовой паники. Эти пугающие слова произнес Бен Бернанке, обычно невозмутимый председатель Федеральной резервной системы США (ФРС), сидя напротив меня в кабинете Рузвельта. За последние две недели правительство взяло под государственный контроль *Fannie Mae* и *Freddie Mac*¹ — два гигантских ипотечных агентства. Компания *Lehman Brothers* объявила о крупнейшем банкротстве в истории Америки. Банк «Меррил Линч» был принудительно продан. ФРС предоставила страховой компании *AIG* кредит на 85 млрд долларов для ее спасения. Банки *Wachovia* и *Washington Mutual* оказались на грани краха.

Из-за многочисленных беспорядков в финансовых институтах кредитные рынки «забуксовали». Потребители не могли получить кредиты на дома или машины. Малый бизнес не мог занять средства на финансирование. Показатели на Фондовой бирже упали так же сильно, как в первые дни торгов после 11 сентября.

Мы сидели под картиной, на которой Тедди Рузвельт бросался в атаку на коне, и понимали, что Америке предстояло решить самую сложную экономическую проблему десятилетия.

¹ Сокращения от Federal National Mortgage Association (Федеральная национальная ассоциация жилищных кредитов) и Federal Home Loan Mortgage Corporation (Федеральная корпорация жилищного ипотечного кредита).

Я повернулся к секретарю министерства финансов Хэнку Полсону – приращенному лидеру с многолетним опытом в международных экономических вопросах.

«Ситуация необыкновенно серьезная», – сказал Хэнк. Мне кратко сообщили о трех этапах остановки кризиса. Первый – министерство финансов выдает гарантию в размере 3,5 трлн долларов инвестиционным фондам открытого типа, теряющим вкладчиков. Второй – ФРС разрабатывает программу по размораживанию рынка при помощи выписки векселей – основному источнику финансирования бизнеса в стране. Третий – Комиссия по ценным бумагам и биржам США временно ограничит продажу финансовых акций без покрытия. «Это радикальные шаги, – сказал Хэнк, – но на кону американская финансовая система».

Он выдвинул даже более смелое предложение: «Нам нужны широкие полномочия, чтобы выкупить ипотечные ценные бумаги». Эти сложные финансовые активы обесценились, когда лопнул жилищный пузырь, и поставили под угрозу балансовые отчеты финансовых фирм по всему миру. Хэнк порекомендовал попросить у Конгресса сотни миллиардов на выкуп «токсичных активов» и восстановление доверия к банкам.

«Это худший финансовый кризис со времен Великой депрессии?» – спросил я.

«Да, – ответил Бен. – В рамках финансовой системы мы не видели ничего подобного с 1930-х годов, но может стать еще хуже».

Его ответ помог мне принять решение: хотел ли я быть президентом, обеспечивающим контроль над экономической катастрофой, последствия которой могли превзойти Великую депрессию?

Я был в ярости от того, что ситуация достигла пика. Относительно небольшая группа людей – многие с Уолл-стрит, некоторые нет – сделала ставку на постоянный рост жилищного рынка. Но этого не произошло. В обычной ситуации свободный рынок принял бы решение и возможно бы проиграл. Я был бы счастлив, если бы мог позволить им этот вариант.

Но обстановка была необычной – рынок перестал функционировать. По словам Бена, бездействие могло привести к катастрофе. Хотя было нечестно использовать деньги американцев, чтобы предотвратить коллапс, за который они не несли ответственности. Еще более нечестно было бы ничего не делать и бросить их на произвол судьбы.

«За работу, – сказал я, полностью поддерживая план Хэнка. – Надо справиться с проблемой».

Я закончил совещание и прошел по коридору в Овальный кабинет. Джим Болтен, канцлер Эд Джиллестри и Дана Парини, моя талантливая и деятельная пресс-секретарь, последовали за мной. Исторические сравнения Бена засело в моей голове.

«Если мы действительно стоим перед новой Великой депрессией, – сказал я, – то вы чертовски можете быть уверены, что я собираюсь вести себя как Рузвельт, а не Гувер».

В октябре 1983 года, почти 25 года назад, я пил кофе в Мидленде с другом по Гарвардской школе бизнеса Томом Канебом. Мы услышали, как кто-то сказал, что у «Первого национального банка Мидленда» собирается очередь. «Первый национальный» являлся крупнейшим независимым банком в Техасе и был неотъемлемой частью Мидленда на протяжении 93 лет.

В последнее время ходили слухи о его ненадежном финансовом положении. «Первый национальный» выпустил много займов, когда цены на нефть росли. Затем, в начале 1980-х годов, цена нефти-сырца понизилась с 40 до 30 долларов за баррель. Темпы бурения замедлились. Заемщики прекратили выполнять свои обязательства. Вкладчики забирали наличные. Я переместил счет нашей исследовательской компании в большой *New York bank*. Мне не внушала доверия финансовая состоятельность «Первого национального».

Мы с Томом поспешили за людьми. С балкона на втором этаже видна была очередь к окошкам консультантов. Некоторые держали в руках бу- мажные мешки. Среди толпы возвышался старый фермер Фрэнк Кауден. Как и многие другие землевладельцы Западного Техаса, мистер Кауден раз- богател благодаря тому, что на его земле оказались залежи нефти. У него был большой пакет акций в «Первом национальном». Он прокладывал дорогу среди людей, говоря им, что федеральное правительство застрахо- вало каждый вклад на 100 тыс. долларов. Те только смотрели на него в ответ. Они хотели вернуть свои деньги.

14 октября 1983 года Федеральная корпорация страхования депозитов приобрела «Первый национальный» и продала его «Первому республи-

нанскому» в Далласе. Депозиты были защищены, но акционеры разорились, и мидлендское отделение исчезло. Мэр Тейн Аткинс выразил мысль многих, когда сказал: «Я чувствую себя так, как будто вешаю траурный венок на дверь».

Я читал о финансовых паниках 1893 и 1929 годов. Теперь я сам участвовал в этом. «Первый национальный», как все финансовые учреждения, целиком зависел от доверия своих клиентов. Как только оно было потеряно, у банка не осталось шансов держаться на плаву.

Через 16 лет я баллотировался в президенты. Практически по всем основным показателям наблюдался рост экономики. Американский валовой внутренний продукт (ВВП) возрос более чем на 2,5 триллиона с момента спада, который стоил выборов отцу, но завершился до того, как он покинул пост. Подогреваемый продажами акций через Интернет, индекс НАСДАКа (NASDAQ)¹ подскочил с отметки 500 до более 4000. Некоторые экономисты доказывали, что эра Интернета вывела экономику на новый уровень.

Я не был так уж в этом уверен. «Иногда экономисты ошибаются, – сказал я в речи, обрисовывающей мою экономическую политику в декабре 1999 года. – Я помню подъемы, которым предсказывали конец, но он в итоге не наступил, и спады, которые не должны были случиться, но случились. Я надеюсь на продолжающийся рост – но гарантий нет. Президент должен работать ради лучшего, но готовиться к худшему».

Центральной частью моего плана было масштабное сокращение налогов. Я был убежден, что правительство слишком много говорит о деньгах людей. К концу 1999 года налоги составляли более высокий процент ВВП, чем за весь период со Второй мировой войны. По всеобщему мнению, правительство обладало большим активом. Я знал, куда пойдут эти деньги – способ потратить их всегда найдется. Например, Конгресс и президент Клинтон согласились увеличить необеспеченные расходы на усмотрение правительства на более чем на 126 % в фискальном 2001 году.

¹ Система автоматической котировки национальной ассоциации фондовых дилеров. (Прим. переводчика.)

У меня была другая причина поддерживать программу сокращения налогов. Я боялся, что мы можем столкнуться с другим мыльным пузырем в технологическом секторе. Ларри Линдзи, мой главный экономический советник, считал, что страна стоит перед кризисом. В случае если правительственные сокращения послужили бы живительным стимулом.

В марте 2001 года действительно начался официальный спад. Газета *New York Times* рассматривала кризис как позитивное событие для меня. У одной статьи был заголовок «Для президента – самое время для экономического спада». Естественно, я не разделял этих мнений. Я не мог не заметить странную иронию истории: в 1993 году после отца экономиста осталась в гораздо лучшем состоянии, чем думала общественность. Мне же предстояла ситуация похуже.

С обвалом экономики сокращение налогов стало вынужденной и необходимой мерой. Я давил на Конгресс для ускорения процесса. В июне 2001 года я подписал указ о сокращении налогов на сумму 1,35 трлн долларов – наибольшая сумма после аналогичного документа Рональда Рейгана в его первый срок. Законопроект понижал ставки маргинальных налогов с доходов каждому налогоплательщику, включая миллионы малых предпринимателей¹, удваивал налоговый зачет за ребенка с 500 до 1000 долларов, сокращал «брачный штраф»² и устранял низший класс налогоплательщиков, что позволило вычеркнуть пять миллионов малоимущих семей из налогового реестра. Документ также поэтапно ликвидировал налог на наследство – тяжелое бремя для владельцев малого бизнеса, фермеров и собственников земли. Я решил, что американцы платят достаточно налогов при жизни, чтобы не облагать их пошлиной после смерти.

Я надеялся, что потребители и малые предприниматели потратят образовавшиеся излишки и помогут вытянуть экономику из спада. Но наступил другой мощный экономический спад, которого никто не ожидал.

¹ Многие владельцы малого бизнеса – единственные собственники, ограниченные партнерства или корпорации подраздела S, что значит, что они платят «он бизнес-налоги по индивидуальным налоговым ставкам с доходов. (Прим. автора.)

² Налог, когда супруги, имеющие примерно одинаковый доход, платят более высокие налоги, чем если бы они жили раздельно. (Прим. переводчика.)

значительно ухудшили эти прогнозы. Экономический ущерб, нанесенный террористическими атаками, снизил показатели еще больше. Затем нам предстояли значительные расходы на безопасность страны и борьбу с террором. В ноябре 2001 года Митч Дэниелс, финансовый коршун из Индианы, умелый руководитель моего Административно-бюджетного управления, представил официальный отчет – так называемые излишки исчезли за 10 месяцев.

На протяжении многих лет политики обе партии приписывали мне растрату огромного унаследованного излишка. Это чушь. Большая часть суммы была иллюзией, основанной на ошибочном предположении, что бум 1990-х годов продолжится. После экономического спада и 11 сентября денег оставалось мало.

К концу 2002 года спад практически прекратился, но экономика все еще оставалась нестабильной. В начале января 2003 года я призвал Конгресс увеличить налоги, сокращенные в 2001 году и не имевшие особого эффекта, и ввести новые для развития инвестиций в бизнес и создание рабочих мест.

Облегчение налогового бремени в 2001 году поддержало большинство в обеих партиях – как и скромное сокращение 2002 года, нацеленное на малый бизнес. Но в 2003 году эта мера напоролась на серьезные препятствия. Левые назвали план «сокращением налогов для богатых». Это было беспочвенное обвинение. В действительности снижение налогов Буша при полном применении увеличивало часть подоходных налогов с самых обеспеченных американцев.

Другие критики протестовали против сокращения, так как оно могло вызвать дефицит. Верно – уменьшение налогов увеличивает дефицит на кратковременный срок. Но я был уверен, что сокращение налогов, особенно с дохода от прироста капитала и дивидендов, простимулирует экономический рост. В результате доходы от налогов в сочетании со снижением расходов помогут победить дефицит.

Законопроект об облегчении налогового бремени набрал в Палате представителей 231 и 200 голосов соответственно. Голосование в Сенате состоялось на удивительно близком уровне в 50 голосов. Для Чейни поехал в Клинтон Хилл, чтобы отдать решающий голос согласно своей конституционной роли президента Сената. К счастью, он голосовал «за». Диск пропущен.

что вице-президент США может отдать только один голос, но когда он это делает, он оказывается на стороне победителей.

Я подписал закон о сокращении налогов в июне марта 2003 года. К сентябрю начали появляться рабочие места, что продолжалось 46 месяцев подряд. Достигнут пик в 6,3 % в июне, уровень безработицы сошелся в пять раз за последующие 6 месяцев и оставался на среднем уровне 5,3 % во время моего правления – ниже среднего показателя 1970-х, 80-х и 90-х годов. Утверждали, что подъем, наступивший сразу же после сокращения налогов, был простым совпадением. Я так не думаю.

Во время экономического роста я не забывал о том, что в стране наступает дефицит. Я серьезно взял на себя ответственность быть хорошим финансовым управляющим, и так же поступили четверо начальников бюджетного управления: Митч Дэниелс, Джош Болтен, Роб Портман и Джим Нассл. Как президент в военное время, я обозначил перед ними два приоритета: защитить родину и поддерживать боевые войска и ветеранов. Помимо этих сфер, мы представили на рассмотрение бюджет, замедляющий рост дискреционных расходов в каждый год моего президентства. За последние пять лет мой бюджет сдерживал расходы ниже уровня инфляции.

Я тесно сотрудничал с Конгрессом над выполнением своих задач по расходам – или, как я говорил, по дележу целого пирога. Мое мнение не всегда совпадало с тем, как Конгресс распределял куски. Я возражал против расточительных пунктов законопроекта о расходах. Но у меня не было постатейного вето, чтобы отменить расходы на выгодные для правительства мероприятия. Мне нужно было принять или отвергнуть законопроекты полностью. Пока Конгресс соглашался с итоговой цифрой в отчете, что случалось год за годом, я чувствовал, что должен неукоснительно выполнять принятые на себя обязательства и подписать законопроекты.

Результаты стали предметом горячих дебатов. Некоторые левые заявляли, что сокращение налогов вызвало дефицит. Правые выступили против подписания дорогостоящего закона «О лекарствах на покупку противораковых лекарств по программе страхования здоровья престарелых». Впол-

не справедливо оспаривать эти меры, но есть факты: жесткий бюджет в сочетании с ростом доходов от налогов в результате экономического подъема помогли снизить дефицит с 3,5 % ВВП в 2004 году до 2,6 % в 2005, 1,9 % – в 2006 и 1,2 % – в 2007 году.

Средний коэффициент дефицита во время моего правления был 2 %, что ниже среднего показателя в 3 % на протяжении 50 лет. Все соотношения: отношение расходов к ВВП, налогов к ВВП, дефицита к ВВП и долга к ВВП – ниже среднего показателя за последние 30 лет; и, в большинстве случаев, ниже среднего показателя при моих недавних предшественниках. Несмотря на расходы из-за двух спадов, дорогой природной катастрофы и войны на два фронта наша финансовая репутация оставалась устойчивой.

Таблица сравнения бюджета¹

	Расходы к ВВП	Налоги к ВВП	Дефицит к ВВП	Долг к ВВП
Рейган (1981–1988)	22,4 %	18,2 %	4,2 %	34,9 %
Буш 41 (1989–1992)	21,9 %	17,9 %	4,0 %	44,0 %
Клинтон (1993–2000)	19,8 %	19,0 %	0,8 %	44,9 %
Буш 43 (2001–2008)	19,6 %	17,6 %	2,0 %	36,0 %

В то же время я знал, что остается еще серьезная долгосрочная финансовая проблема – стабильный рост компенсационных расходов, ставших причиной большей части будущего федерального долга. Я из всех сил подталкивал реформы формулы финансирования социального страхования и

¹ Долг к ВВП – это средний показатель, рассчитываемый в конце каждого календарного года. Средние расходы, налоги и дефициты рассчитываются за финансовый год, который заканчивается 30 сентября. Таким образом, средняя величина 4 или 8 финансовых лет исключает эффекты любой политики, реализованной за последние три месяца и 20 дней президентского срока. Если бы цифры за полный 2009 финансовый год вошли в мои средние показатели, они были бы: расходы – 20,2 %; налоги – 17,5 %; дефицит – 2,7 %. Это включило бы расходы на «Программу по обеспечению проблемных активов» (TARP) и первоначальные авторитеты, как планировалось Бюджетной комиссией Конгресса США в январе 2009 года. Эти цифры преувеличивают дополнительные расходы, так как подавляющее большинство финансирования TARP будет выплачено. (Путин, интервью)

медицинской помощи, но моим усилиям противостояли демократы, и моя партия вяло их поддерживала.

Часть проблемы заключалась в том, что финансовый кризис казался далеким для законодательной власти, когда я был президентом. В начале 2008 года Бюджетная комиссия Конгресса США установила, что долг не превысит 60 % ВВП до 2023 года. Но из-за финансового кризиса и решений о расходах, принятых после моего ухода, долг превысил этот уровень к концу 2010 года. Финансовый кризис, в близость которого не верили, уже был перед нами.

«На Уолл-стрит пили, а у нас похмелье».

Так простым языком определили причины финансового кризиса со времен Великой депрессии. Более сложное объяснение начинается с расцвета 1990-х. В то время как американская экономика росла каждый год на 3,8 %, развитие таких азиатских стран, как Китай, Индия и Южная Корея, в среднем превышало этот показатель почти в два раза. Многие из них накопили огромные запасы наличных. То же самое относилось и к энергодобывающим странам, обогатившимся благодаря десятикратному увеличению цен на нефть между 1993 и 2008 годами. Бен Бернанке назвал это явление «глобальным избытком сбережений». Другие полагали, что это огромный котел с деньгами.

Большая часть этого иностранного капитала возвращалась в США. Америка привлекала инвесторов сильными рынками капитала, надежным законодательством и производительной рабочей силой. Иностранные инвесторы приобрели много американских долгосрочных казначейских облигаций, уменьшив выпуск своей продукции. Естественно, инвесторы начали поиски больших прибылей.

Стремительно развивающийся американский рынок жилья стал одной из подобных перспектив. Между 1993 и 2007 годами средняя цена на дом возросла приблизительно в два раза. Строители быстро возводили дома, процентные ставки были низкими, получить кредит было легко. Кредиторы предоставляли ипотеку почти всем, включая субстандартных заемщиков, входящих из-за невысокой кредитной оценки в группу высокого риска.

Уолл-стрит заметила шанс. Банки-инвесторы приобрели большое количество ипотек от заимодателей, поделили на кусочки, заново упаковали и превратили в сложные финансовые обеспечения. Кредитно-рейтинговые агентства, получающие выгодные цены от банков-инвесторов, присвоили таким инвестициям высший кредитный рейтинг AAA. Финансовые фирмы продали много кредитно-дефолтных свопов¹ на случай, если ипотечная система, подразумевающая безопасность, рухнет. Продаваясь под фантастическими вывесками вроде «обеспеченное залогом долговое обязательство», продукты новой ипотеки принесли доходы, которых не хватало инвесторам. Уолл-стрит агрессивно продавал их.

Fannie Mae и *Freddie Mac*, частные компании с конгрессионной хартией и законодательством, подготовили рынок для ценных бумаг, обеспеченных ипотекой. Два спонсируемых государством предприятия выкупили половину ипотек в США, обеспечили множество займов и продали их по всему миру. Инвесторы скупали нарасхват, потому что верили, что гарантом бумаг Фанни и Фредди выступает правительство США.

Высокие доходы привлекли не только зарубежных инвесторов. Американские банки заняли большие суммы, превышающие их капитал, — практика, известная как леввередж² — и закупили ипотечные ценные бумаги. Самыми агрессивными инвесторами были новые гигантские финансовые обслуживающие компании. Многие воспользовались аннуляцией в 1999 году акта Гласа-Стигала, введенного в 1932 году и запрещавшего коммерческим банкам участвовать в инвестиционном бизнесе.

На пике жилищного роста домовладение достигло рекордного уровня в 70 %. Я поддерживал расширение домовладения, включая помощь малоимущим и первым покупателям при первом взносе. Меня радовало увеличение количества собственников. Но изобилие таило риск, лежащий в его основе. Глобальный котел наличных, доступная денежно-кредитная политика, развивающийся жилищный рынок, ненасытный аппетит на ипотеч-

¹ Соглашение, согласно которому в обмен на регулярные взносы покупателя продавец обязуется погасить кредит, выданный третьей стороне, в случае невозможности погашения кредита должником.

² Использование заемных средств в инвестировании, связанное с повышенным риском. (Прим. переводчика.)

ные ценные бумаги, сложность финансового инжиниринга Уолл-стрит и леввередж финансовых учреждений — все вместе это было не более чем картонным домиком. Эта шаткая структура разрушилась бы, стоило только вытянуть нижнюю карту — случился бы бесконечный рост пен на жилье. Теперь, оглядываясь назад, мы видим это. Но тогда немногие, включая меня, понимали предстоящую опасность.

В мае 2006 года Джош Болтен зашел в зал для переговоров с гостем, которому собирался предложить пост в администрации — главным исполнительным директором компании «Голдман Сакс» Генри Полсоном. Я надеялся убедить Хэнка занять должность министра финансов Джона Сноу. Джон активно поддерживал мой экономический план: от сокращения налогов до реформы социального страхования и свободной торговли. Он проделал большую работу, безупречно управляя отделом, и оставлял место в лучшем состоянии, чем оно было до него. Он находился на посту более трех лет, и мы оба: Джон и я — чувствовали, что пришло время для новых лиц.

Джош охарактеризовал Хэнка как трудягу — умного, энергичного и надежного в вопросах финансового рынка. Хэнк медленно поддавался на уговоры присоединиться к моему кабинету министров. Даже в случае, если бы он дал согласие на перспективную работу на Уолл-стрит, у него оставались сомнения, что можно добиться особых результатов за последние годы моего правления. Он дорожил своей безупречной репутацией и не хотел, чтобы его имя испачкали в политической грязи. Он активно защищал приходу, любил ловить рыбу на мух и наблюдать за птицами со своей женой Венди — интересы, на которые, возможно, он уже не сможет выкроить времени. Всю жизнь Хэнк был республиканцем, и при этом единственным представителем данной партии в семье. Венди дружила в колледже с Хиллари Клинтон и поддерживала ее. Их двое детей не питали иллюзий по поводу республиканской партии. Потом я узнал, что мать Хэнка не смогла сдержаться слез, услышав впервые о его работе в моем правительстве.

Настойчиво и спокойно Джош в конечном счете уговорил Хэнка побеседовать со мной в Белом доме. Хэнк излучал энергию и уверенность. Он жестикулировал, как будто дирижировал собственным оркестром. У него

была особенная манера говорить – его сложно было слушать. Говорили, что его мозг работал слишком быстро, чтобы рот успевал за ним угнаться. Но меня это не беспокоило. Люди упрекали меня в том же самом.

Хэнк разбирался в глобализации финансов, и его имя внушало уважение в стране и за рубежом. Когда я заверил его, что он будет моим первым советником и будет иметь неограниченный доступ, он принял предложение. Я был благодарен Венди и его семье за поддержку. В то время никто из нас не осознавал, что проверка его способностей в качестве министра финансов сделает его достойным соперником Генри Моргентау при Франклине Рузвельте или Александра Гамильтона в период основания страны.

Когда я пришел к власти, я стал четвертым президентом, сотрудничавшим с главой Федерального резерва Аланом Гриспеном. ФРС создан президентом Вудро Вильсоном в 1913 году и с тех пор регулирует кредитно-денежную политику и связь с другими центральными банками по всему миру. Его решения имеют широкомасштабное влияние: от стабильности доллара до процентной ставки на муниципальный заем. Хотя его глава и совет управляющих назначаются президентом и подтверждаются Сенатом, ФРС устанавливает монетарную политику независимо от Белого дома и Конгресса. Так и должно быть. Независимый федеральный резерв – это ключевой фактор стабильности финансовых рынков и инвесторов по всему миру.

Я регулярно приглашал Гриспена в Белый дом на обед. Дик Чейни, Энди Кард и я ели. Алан – отвечал на наши вопросы. У него была поразительная способность усваивать информацию. Когда я спрашивал его о направлении экономики в последующие месяцы, он оперировал данными относительно нефтяных, материально-технических ресурсов, изменения грузооборота в железнодорожной промышленности и т. д. Выпавшая пицца на одном дыхании, он хлопал левой рукой по запястью правой рукой, как будто высобиная новую информацию. Когда в 2004 году принималось решение о его смене на посту, я уже не рассматривал других кандидатов.

Как только Алан известил о своей отставке в начале 2006 года, мы начали поиск преемника. Нам все время попадались одно имя – Бен Бернанке.

Бен прослужил в совете управляющих три года и присоединился к моему правительству в качестве председателя Совета экономических экспертов в июне 2005 года. Я и коллеги уважали его. Он вырос в маленьком городке Южной Каролины и был скромным, практичным и открытым. Мы оба увлекались бейсболом, хотя его любимой командой были «Бостон Ред Сокс». Он мог объяснить сложные вещи понятными словами. В отличие от многих в Вашингтоне, профессор с поседевшей бородой не упивался звуком собственного голоса.

Я любил подразнить Бена в знак расположения. «Вы – экономист, поэтому каждое предложение начинаете фразой "на одной чаше весов... на другой чаше весов, – говорил я. – Слава богу, что еще не придумали весов с тремя чашами». Как-то в Овальном кабинете я в шутку пожурил его, что он носит коричневые носки с темным костюмом. На следующем совещании вся команда экономистов продемонстрировала коричневые носки в знак солидарности. «Ты только посмотри на них», – сказал я Дикю Чейни. Вице-президент медленно приподнял брючину. «И ты тоже!» – воскликнул я.

Бернанке феноменально знал историю. Он был известным профессор-экспертом по Великой депрессии. Под внешне безупречным поведением скрывалась стойкая решимость избежать ошибок 1930-х годов. Я надеялся, что Америка никогда не столкнется с подобным сценарием. Но если бы это произошло, я бы хотел, чтобы у руля ФРС находился Бен.

Будучи главой Федерального резерва, Бен близко общался с другими членами моей экономической команды, особенно с Хэнком Полсоном. Бен и Хэнк напоминали героев пьесы «Странная парочка»¹. Хэнк – напористый, Бен – спокойный. Хэнк – решительный деловой лидер, а Бен – вдумчивый аналитик, много времени проводящий в университете. Хэнк – рожденный оратор, Бен – внимательный слушатель.

Противоположность их характеров могла бы вызывать трения. Но Хэнк и Бен великолепно дополняли друг друга. Сейчас я думаю, что назначение первоклассного банкира по инвестициям и эксперта по Великой депрессии на две важнейшие экономические позиции страны было одним из моих важнейших решений.

Известия на Эриксон-парк Нато Саймона (Джек Бернанке)

Многие в Вашингтоне осудили этот шаг, назвав его «выкупом». Возможно, противоположное мнение было у работников «Бears», которые потеряли работу, или у акционеров, увидевших падение своих акций на 97 % менее чем за 2 недели. Мы не ставили перед собой цель вознаградить неправильные решения «Бears Стернз», мы хотели защитить народ от серьезного экономического удара. Пять месяцев казалось, что нам это удалось.

— Они знают, что случится, Хэнк?

— Господин президент, — ответил тот, — мы будем двигаться быстро и застигнем их врасплох. Первое, что они услышат — как полетят их собственные головы.

В начале сентября 2008 года Хэнк Полсон изложил план о передаче во внешнее управление правительства двух гигантских предприятий, спонсируемых государством: *Fannie Mae* и *Freddie Mac*.

Из всех первоочередных задач для правительства в 2008 году самой неприятной оказалось спасение Фанни и Фредди. Проблемы с этими компаниями были очевидны давно. Они заняли большую нишу, чем только обеспечение жильем — предприятия вели себя, как хеджевый фонд, собравший огромный капитал и сильно рискующий. В первом финансовом отчете я предупреждал, что рост Фанни и Фредди является «потенциальной проблемой», которая может «вызвать сильное влияние на финансовых рынках».

В 2003 году я предложил законопроект по ужесточению регулирования предприятий. Однако их приятели со связями в Вашингтоне блокировали проект. Много управляющих Фанни и Фредди раньше работали в правительстве. Они были тесно связаны с Конгрессом, особенно с влиятельными демократами вроде конгрессмена Барни Франка из Массачусетса и сенатора Крила Доула из Коннектикута. «*Fannie Mae* и *Freddie Mac* не тронут никакой финансовой кризис», — сказал тогда первый.

Спустя какое-то время его заявление показалось менее правдоподобным. В финансовом отчете за 2005 год я сделал более страшные предсказания: «Эти предприятия сильно рискуют, так как их капитал преуменьшен, а отчасти от подобных им по размеру финансовых учреждений — было указано в документе. — Принимая во внимание гигантский

размер предприятия, даже небольшая ошибка в оценке может привести к последствиям для всей экономики».

Тем летом мы попытались еще раз урегулировать в правильном направлении. Джон Сноу тесно сотрудничал с председателем банковского комитета Сената США Ричардом Шелби по законопроекту о реформе. Этот документ должен был создать новый вариант урегулирования, позволяющий сократить размер инвестиционных портфелей частично спонсируемых государством предприятий. Сенатор Шелби — умный, жесткий законодатель из Алабамы — продвинул законопроект в своем комитете, несмотря на единодушное противостояние демократического крыла. Но демократы блокировали голосование в Сенате. Я всегда удивляюсь, когда слышу от их партии, что финансовый кризис произошел из-за того, что республиканцы продвигали дерегуляцию.

К лету 2008 года я насчитал семнадцать публичных призывов к реформам предприятий, спонсируемых государством. Восемнадцатое, кажется, подействовало — потребовалась только перспектива глобальной финансовой катастрофы. В июле Конгресс принял закон о реформировании, повторяющий наше предложение пятилетней давности: жесткий контроль над спонсируемыми предприятиями. Документ также временно предоставлял секретарю министерства финансов полномочия вливать средства в Фанни и Фредди, если их финансовая состоятельность окажется под угрозой.

После принятия закона новое агентство по регулированию, возглавляемое моим другом бизнесменом Джимом Локхартом, иначе посмотрело на отчеты Фанни и Фредди. С помощью министерства финансов эксперты выяснили, что у предприятий вообще не было достаточного капитала. В начале августа обе компании объявили о масштабных квартальных убытках.

Последствия были ужасающими. От банков небольших городков до основных международных инвесторов, таких как Китай и Россия, — почти все, кто имел бумаги предприятий с государственным участием, полагаги, что их обеспечивало правительство Америки. Если предприятие объявляло о дефиците, то, согласно эффекту домино, терялось доверие в целом к финансовой системе.

Познакомившись с Хэнком, я решил, что единственный способ предотвращения катастрофы — взять Фанни и Фредди под внешнее управле-

Как будто этого было мало, — Американская Международная группа (AIG), крупнейшая страховая компания, тоже стояла на пороге краха. Компания выписывала полисы на страхование недвижимости и жизни и страховала муниципалитеты, пенсионные фонды, накопительные пенсионные счета 401k и другие механизмы инвестирования ежедневной жизни американцев. Все эти сферы процветали. Тем не менее фирма была на грани банкротства.

— Как это случилось? — спросил я Хэнка.

Ответ был таков: одно из отделений фирмы, оказывающее финансовые услуги AIG, застраховало множество облигаций с ипотечным покрытием и еще больше инвестировало. Так как рекордное количество заемщиков прекращало выполнять обязательства, фирму ожидали платежные требования на сумму около 85 млрд долларов, которых у нее не было. Если у компании немедленно не появились бы деньги, она бы рухнула, а за ней потянулись бы главные финансовые организации и с ними международные инвесторы.

ФРС Нью-Йорка попыталась решить проблему с помощью частного сектора. Но ни один банк не мог предоставить столь большую сумму за такой маленький срок. Оставался только один способ спасти фирму — необходимо было вмешательство федерального правительства. Бен Бернанке доложил, что AIG, в отличие от «Лемана», достаточно своего стабильного страхового бизнеса, чтобы претендовать на срочный заем у ФРС. Он обозначил условия: ФРС Нью-Йорка предоставит AIG кредит на 85 млрд долларов под залог стабильно приносящих прибыль дочерних страховых компаний. В обмен правительство получит 79,9 % акций AIG.

В сделке не было ничего привлекательного. Она практически являлась национализацией крупнейшей страховой компании Америки. 48 часов спустя последовало заявление «Лемана» о банкротстве, спасение AIG грозило острым конфликтом. Но это было намного лучше финансового краха.

Спасением AIG мы продлили финансовую агонию еще на три недели. С каждым днем новости ухудшались. Когда я уходил на совещание, индекс Доу поднимался на 200 пунктов, а когда выходил через тридцать минут —

падал на 300. Рынки колебались, и я тоже. Я чувствовал себя капитаном тонущего корабля. Министерство финансов, Федеральная резерв, моя команда в Белом доме — мы работали круглосуточно, но все наши действия походили на вычерпывание воды. Я решил, что больше так продолжаться не может — и лодку нужно латать.

18 сентября в четверг, через три дня после объявления «Лемана» о банкротстве, экономическая команда собралась в кабинете Рузвельта. Бен поднял вопрос о вероятности новой Великой депрессии. Затем Хэнк и председатель Комиссии по ценным бумагам Крис Кокс изложили план: гарантировать все депозиты финансового рынка, запустить новый механизм льготного кредитования, чтобы возобновить рынок облигаций, временно запретить короткую продажу ведущих финансовых акций и выкупить сотни миллиардов долларов ипотечных ссуд. Эта инициатива станет известна под названием «Правительственная программа по спасению проблемных активов» (TARP).

Стратегия беспрецедентно вмешивалась в свободный рынок. Она протекала вопреки всем моим предчувствиям. Но нужно было вытянуть страну из паники. Я решил, что единственный способ сохранить свободный рынок в долгосрочной перспективе — вмешаться как можно скорее.

— Рассчитывайте на мою стопроцентную поддержку, — сказал я команде. — Нельзя больше решать каждый отдельный случай. Мы пытались сопротивляться потоку, но проблема обширнее, чем мы думали. Затронут уже весь организм.

Разговор перешел на обсуждение всех сложностей, с которыми мы могли столкнуться в Кэпитол Хилл. «У нас нет времени беспокоиться о политике, — сказал я. — Давайте определим правильные решения и будем действовать».

Я решил — правительство США ставит все деньги.

Я обдумал предстоящее. За последние несколько недель мы стали свидетелями краха двух крупнейших ипотечных организаций, банкротства главного инвестиционного банка и продажи другого, национализации крупнейшей страховой компании, и теперь — самого радикального вмешательства в свободный рынок со времен президента Франклина Рузвельта. Одновременно Россия вторглась в пределы Грузии, на Техас обрушился ура-

ган «Айк» и шла война на двух фронтах: в Ираке и Афганистане. Отвратительное окончание правления.

Я не жалел себя. Я знал, что грядут тяжелые дни. Жалость к себе – унижительное чувство для лидера. Она деморализует команду и страну. Также меня успокаивало убеждение, что милостивый Господь не дал бы верующему ношу, которую он не способен нести.

После встречи я прошел по кабинету Рузвельта и поблагодарил всех. Я сказал, как был им признателен за тяжелый труд, и как повезло Америке, что они ей служат. В президентстве, как и в жизни, надо играть отведенную тебе роль. Это была не та роль, на которую мы рассчитывали, но будь мы прокляты, если не сыграем ее как можно лучше.

Хэнк и его команда в министерстве финансов активно убеждали Конгресс предоставить финансовое спасение. Мы предложили ассигнование в размере 700 млрд долларов или около 5 % ипотечного рынка – по нашему мнению, достаточно большое, чтобы добиться результата. Многие члены законодательных органов признавали необходимость решительных мер, но не могли справиться с шоком или злостью. Демократы жаловались, что исполнительные органы захватывают слишком много власти. Один республиканский сенатор заявил, что наш план перечеркнет свободный рынок и институт социализма в Америке.

В каком-то смысле я понимал критиков. Последнее, чего я хотел – это выручить Уолл-стрит. Я сказал Джошу Болтену: «Мои друзья в Мидленде спросят, что произошло с их знакомым парнем, который защищал свободный рынок. Они зададут вопрос, почему они тратят деньги на спасение фирм, виновных в возникновении кризиса».

Жаль, что нельзя было привлечь к ответственности частные фирмы, защищая стальную страну. Но каждый экономист, мнению которого я доверял, подтвердил, что это невозможно. Благополучие Мейн-стрит было напрямую связано с судьбой Уолл-стрит.

Если бы кредитные рынки остались замороженными, самое тяжелое бремя легло бы на плечи американских семей: перепады в суммах пенсионных счетов, массовая безработица и дальнейший упадок ВВП. 24 сентября в популярное вечернее время эфира я обратился к народу с объясне-

нием необходимости мер спасения. «Я понимаю нежелание ответственных американцев, которые вовремя выплачивают ипотеку, оставить неподготовленные декларации каждый год 15 апреля и у которых нет желания возмещать стоимость убытков на Уолл-стрит, – сказал я. – Но, принимая во внимание ситуацию, с которой мы столкнулись, отказ от законопроекта обойдется потом этим людям дороже».

За несколько часов до моего выхода в прямой эфир мой персональный помощник Джаред Вайнштейн сказал, что Джон Маккейн хотел срочно поговорить со мной. Я спросил мнение Джона о кампании, но он сразу заговорил о причине просьбы. Он хотел, чтобы в Белом доме прошло заседание по вопросу о пакете антикризисных мер.

«Дайте мне поговорить с Хэнком», – сказал я. Мне нужно было убедить, что собрание в Белом доме не сведет на нет усилия моего министра финансов по организации договора с Конгрессом. Джон сообщил, что собирался сделать заявление. Спустя несколько минут он вышел в эфир, где призвал к совещанию и объявил, что приостанавливает предвыборную кампанию, чтобы посвятить время законопроекту.

Я знал о сложном положении Джона. На избирательных участках он шел следом за сенатором Бараком Обамой из Иллинойса, который ошеломил Хиллари Клинтон на первичных выборах партии демократов. Несомненно, экономические трудности огорчали Джона. Наша партия контролировала Белый дом, поэтому мы, естественно, были объектом для обвинений. Однако я решил, что финансовый кризис дал Джону отличный шанс восстановить утраченные позиции. В период кризиса избиратели ценят опыт и суждения, а не юность и харизму. Улаживая проблему, как подобает государственному деятелю, Джон мог доказать, что он был лучшей кандидатурой в такие сложные времена.

Я прошел к Овальному кабинету, где Джош Болтен ждал со своим заместителем Джоэлом Капланом и канцлером Эдом Джиллеспеем. Никто не одобрил идею собрания. Джош сказал, что Хэнк против. Но как я мог отказать Джону в его просьбе? Я видел заголовки: «Даже Буш думает, что идея Маккейна безнадежна».

Мы известили спикера Нэнси Пелози и лидера партии большинства в Сенате Гарри Рейда, что собрание состоится на следующий день, в четверг 25 сентября. Я позвонил сенатору Бараку Обаме и выразил призна-

тельность за перерыв в расписании кампании. «Когда бы президент ни попросил, я сделаю это», — сказал он любезно. Я пригласил его на встречу и дал понять, что это не политическая ловушка. Он согласился прийти.

На следующий день около 15:30 участники начали прибывать. Хотя я не отважился припарковаться на узкой дорожке между Белым домом и Исполнительным офисным зданием, мне сказали, что именно там припарковались все джипы. До начала совещания я перемолвился словом с лидерами партий меньшинства в Сенате и в Палате законодательного собрания Митчемом Макконнеллом и Джоном Бознером. Мы серьезно обсуждали, как сложно будет достигнуть соглашения, которое бы получило поддержку республиканцев в палате представителей. Я сказал, что будет катастрофой, если республиканцы не примут законопроект TARP, и экономика рухнет.

Перед тем как пройти в Кабинетную комнату, я поговорил минутку со спикером Пелози, сообщив, что планирую обратиться к ней после того, как я и Хэнк скажем вступительные слова. Она явно заподозрила меня в желании задеть демократов. Как вулкан, готовый к извержению, она проговорила: «Нашим докладчиком будет Барак Обама».

Я сел во главе большого круглого стола, подаренного Белому дому Ричардом Никсоном. Хэнк Полсон, Дик Чейни, Джош Болтен и я представляли администрацию. Лидеры партии и председатели комитета представляли Конгресс. Кандидаты в президенты Маккейн и Обама заняли места на противоположных концах стола. Члены нашего персонала протиснулись в комнату. Никто не хотел пропустить событие чрезвычайной важности на политической сцене Вашингтона.

Я открыл совещание, подчеркнув безотлагательную срочность принятия закона. Мир наблюдал за реакцией Америки, и обе партии должны были принять вызов. Хэнк обозначил текущее положение дел на нестабильном рынке и повторил мою просьбу о немедленном принятии закона.

Я повернулся к спикеру. Верная своему обещанию, она предоставила слово Обаме. Сенатор был спокоен и говорил об общих деталях. Я подумал, что с его стороны было грамотным ходом упомянуть о том, что он находился в постоянной связи с Хэнком. Таким образом он показывал, что знал о ситуации, следил за ней и готовился помочь в принятии законопроекта.

Когда Обама закончил говорить, я повернулся к Джону Маккейну. Он отказался выступать. Я был ошарашен. Джон настаивал на этом собрании, и я предполагал, что он будет содействовать принятию закона.

Начавшись как драма, совещание быстро превратилось в фарс: обстановка накалялась, голоса становились громче, кто-то обменивался колкостями. Я наблюдал за словесными перепалками, которые казались бы смешными, если бы ставки не были столь высоки.

К концу собрания Джон наконец заговорил. В общих словах он высказался о сложности процесса голосования для республиканцев и выразил надежду, что мы сможем достигнуть консенсуса.

После того как все смогли дать выход эмоциям, я решил, что больше ничего сделать нельзя. Я напомнил кандидатам, что Белый дом — не место для выдвижения политических заявлений. Я призвал членов Конгресса осознать, что сейчас нам всеми силами нужно демонстрировать сплоченность. Затем я поднялся и вышел.

29 сентября рано утром в понедельник Палата представителей провела голосование по законопроекту о финансовой помощи. Предыдущие два дня мы пятью выходными подряд продолжали обсуждать финансовый кризис. Хэнк и его сотрудники министерства финансов, включая Дэна Мейера, моего хладнокровного начальника отдела по вопросам законодательства, и Кейта Хеннесси, неутомимого директора Национального экономического совета — ездили туда-обратно в Кэпитол Хилл, решая оставшиеся вопросы TARP. Поздно вечером в субботу спикер Пелози и Джон Боенер сказали мне, что у них готовы общие тезисы соглашения. В понедельник утром я ступил на Южную лужайку Белого дома, чтобы поздравить Конгресс и подтолкнуть его членов к скорому принятию документа.

Вернувшись в Овальный кабинет, я начал звонить членам республиканской палаты, чтобы обеспечить их поддержку.

«Нам очень нужен этот пакет», — говорил я одному конгрессмену за другим. У всех находились причины, почему они не могли голосовать за него. Цена была слишком высока — их избиратели были против.

«Я просто не могу выручить Уолл-стрит», — сказал мне один из них. — Я не собираюсь участвовать в разрушении свободного рынка».

«Неужели вы думаете, что мне это нравится? — выпалил я. — Уж поверьте, я бы не расстроился, если бы эти компании рухнули. Но на кону экономика целой страны. Чертова система обрушится, если мы не вмешаемся».

В 14:07 финальное голосование по законопроекту состоялось. Он не прошел, 228 против 205 голосов. Демократы поддержали закон с результатом 140 против 95 человек. Республиканцы его не приняли — 65 проголосовало «за» и 133 — «против».

Я знал, что голосование станет катастрофой. Моя партия сыграла лидирующую роль в уничтожении программы по освобождению от проблемных активов. Теперь республиканцы будут виноваты в последствиях.

В считанные минуты фондовый рынок начал стремительно рушиться. Индекс Доу упал на 777 пунктов — самое большое снижение за день за всю 112-летнюю историю. Индекс S&P500 упал на 8,8 % — самый большой убыток после Черного понедельника в 1987 году. «Эта паника... и страх порождают безумие, — написал один из аналитиков кабельного национального телеканала. — Прямо сейчас мы переживаем исторический момент краха финансовых рынков».

Сразу после голосования я встретился с Хэнком, Беном и остальными членами экономической команды в кабинете Рузвельта, чтобы определить, каковым будет наш следующий шаг. Нужно было второй раз попытаться принять законопроект.

Я надеялся, что оглушительная реакция рынка будет сигнальным звонком для членов Конгресса. Многие из тех, кто проголосовал против законопроекта, основывались на неприятии суммы в 700 млрд долларов. Затем они увидели, как рынки потеряли 1,2 млрд долларов меньше чем за 3 часа. Каждый избиратель с индивидуальным пенсионным счетом, субсидией или онлайн-счетом компании *Etrade* был бы в бешенстве.

Мы разработали стратегию под руководством Джоша Болтена: направить законопроект сначала в Сенат, а потом еще раз в Палату представителей. Гарри Рейд и Митч Макконнелл быстро продвинули законопроект, добавив несколько новых условий для получения большей поддержки, как-то: временное увеличение страховки Федеральной корпорации страхования депозитов, а также защита семей среднего класса от минималь-

ного альтернативного налога. Основная часть законопроекта — сумма в 700 млрд для поддержки банков и рамок регулирования кредитных рынков — осталась неизменной.

Сенат провел голосование в среду вечером. Законопроект получил 74 голоса против 25. Палата представителей голосовала через два дня, в пятницу 3 октября. Я сделал очередной ряд звонков сомневающимся членам. На этот раз моим предупреждениям о падающей системе поверили больше. Благодаря умелому руководству члена республиканской партии Роя Бланта и лидера демократического большинства Стени Хойера законопроект набрал 263 голоса против 171. «В понедельник я голосовал за рабочих, — сказал один из тех, кто изменил свою позицию. — Сегодня я собираюсь проголосовать за бюджетников, служащих и рабочих».

Через несколько дней после моего подписания TARP Хэнк порекомендовал поменять приоритеты в распределении 700 млрд долларов. Вместо выкупа «токсичных активов» он предложил, чтобы министерство финансов напрямую направило капитал в слабые банки, купив неголосу-ющие привилегированные акции.

Мне была неприятна мысль, что правительству принадлежат части банков. Я беспокоился, что Конгресс сочтет это ловушкой и предпочтет покупку «токсичных активов» иному направлению. Но мы должны были рискнуть. Схему TARPa нужно было изменить, так как финансовая ситуация быстро ухудшалась. Разработка стратегии покупки ипотечных ценных бумаг потребовала бы времени, которого у нас не было. Покупка долей в банках происходила быстрее и эффективнее. Покупка акционерных долей направит капитал — живительную кровь финансов — прямо в банковскую систему, не имеющую достаточных средств. Это уменьшит риск внезапного обвала и освободит больше денег для банковских займов.

Вложение капитала также предоставит выгодные условия налогообложения для владельцев. Банки выплатят пятипроцентный дивиденд за первые 5 лет. Постепенно дивиденд увеличится до 9 %, стимулируя финансовые учреждения привлекать менее дорогой частный капитал и выкупать на-

зад привилегированные акции с фиксированным дивидендом. Правительство также получит предьявительское свидетельство на акции, что даст нам право в будущем покупать акции по низким ценам. Все это указывает на то, что налогоплательщики, по всей вероятности, получают деньги назад.

13 октября, в День открытия Америки, Хэнк, Тим Гейтнер и Бен развернули план капитальной покупки. Они создали управляющих девяти главных финансовых фирм в министерство финансов и попросили их для блага нашей страны взять каждому по несколько миллиардов. Мы боялись, что более сильные банки отклонят это предложение и осудят тех, кто согласился. Но Хэнк умел убеждать. Деньги взяли все.

Осуществление плана носило психологический эффект, на который мы рассчитывали. В сочетании с гарантией Федеральной корпорации страхования банковских долговых обязательств программа четко сигнализировала, что мы не позволили бы американской финансовой системе пасть. Индекс Доу подскочил на 936 пунктов — максимальный подъем за один день в истории биржевого рынка.

TARP не положила конец финансовым проблемам. За следующие три месяца «Ситигруп» и Банк Америки попросили дополнительные правительственные средства. AIG продолжала испытывать трудности и в целом нуждалась еще приблизительно в 100 миллиардах. Фондовый рынок продолжал сильно колебаться.

Но с TARPом банки постепенно стали возобновлять кредитование. Компании стали находить ликвидность для финансирования операций. Паника, охватившая рынки, отступила. Хотя мы знали, что впереди жесткий кризис, стало понятно, что давление немного ослабло. Первые за месяц выходные прошли без безумных звонков о кризисе. Уверенность — основа сильной экономики — возвращалась.

Но финансовый кризис имел глобальные масштабы, и нужно было решать, как справиться с ним за рубежом. В момент, когда случился кризис, Франция являлась главой Европейского союза. Николя Саркози, активный французский президент, управляющий на проамериканских началах, попросил меня принять международный саммит. Идея мне понравилась. Нуж-

но было решить, какие страны пригласить. Я слышал, что некоторые европейские лидеры предпочли бы созвать страны «Большой семёрки». Но они представляли лишь около двух третей всеобщей экономики. Я решил пригласить на саммит «Большую двадцатку» — группу, включающую Китай, Россию, Бразилию, Мексику, Индию, Австралию, Южную Корею, Саудовскую Аравию и другие страны с развивающейся экономикой.

Я знал, что заключить соглашение между двадцатью лидерами будет не просто. Но упорным трудом и деликатным выкручиванием рук нам удалось достичь успеха¹. 15 ноября каждый лидер подписал совместный договор, в котором значилось: «В нашей работе мы разделяем и руководствуемся убеждением, что рыночные принципы, открытая торговля, систематическое инвестирование и эффективно регулируемые финансовые рынки стимулируют динамизм, инновации и предпринимательство, необходимые для экономического роста, трудоустройства и сокращения бедности».

Это послужило мощным толчком, заставившим страны, представляющие около 90 % мировой экономики, согласиться на эти условия для разрешения кризиса. В отличие от периода Великой депрессии, мир не отвернулся от этой проблемы. Рамки, которые мы очертили на саммите в Вашингтоне, продолжают направлять глобальное экономическое сотрудничество.

Экономический саммит был не самым важным событием в ноябре. 4 ноября во вторник сенатор Барак Обама был избран президентом Соединенных Штатов Америки.

Я бы предпочел Джона Маккейна. Я считал, что он лучше подготовлен ко входу в Овальный кабинет в условиях глобальной войны и финансового кризиса. Я не голосовал за него частично из-за того, что занимался экономическими проблемами, но в основном — потому что он не просил об этом.

¹ США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Канада. (Прим. автора.)

² Ответственность за планирование мероприятия пала на Дэна Прайса, настойчивого юриста и члена Совета Национальной безопасности, и Дейва Мак-Кормика, способного политического менеджера в сфере международных дел. (Прим. автора.)

Я понимал, что он должен проявить независимость, и подозревал, что он переживает за результаты голосования. Мне казалось, что его отдаление от меня было для Джона защитой, и я смог бы помочь ему доказать свою правоту. Но он принял решение. Мне жаль, что у меня не получилось помочь ему.

Против кандидата от республиканцев действовала не только экономика. Как отец в 1992-м и Боб Доул в 1996 году, Джон Маккейн был представителем политики другого поколения. Ему было семьдесят два, он был на десять лет старше меня и являлся одним из самых пожилых кандидатов в президенты за всю историю Америки. Избрать его — значило вернуться на поколение назад. Сорокасемилетний Барак Обама представлял собой полную противоположность ему и шаг на поколение вперед. Он нравился избирателям моложе пятидесяти и вел обдуманную, спланированную, высокотехнологичную предвыборную кампанию, привлекая на избирательные участки своих молодых сторонников.

Так как победа Обамы казалась все более вероятной, я задумался, что значило для афроамериканца стать президентом. За несколько дней до выборов я случайно получил некоторое представление об этом. Один афроамериканский член персонала Белого дома привел шестилетних сыновей-близнецов в Овальный кабинет, чтобы сфотографироваться на память. Один из мальчиков осмотрел комнату и выпалил: «А где Барак Обама?»

— Его еще здесь нет, — невозмутимо ответил я.

В ночь выборов лица чернокожих плачущих мужчин и женщин, которые я видел по телевизору, растрогали меня. Многие из них повторяли одну и ту же фразу: «Я никогда не думал, что доживу до этого дня».

Я позвонил Обаме с поздравлениями и Джону Маккейну — чтобы сказать, что он человек, сделавший лучший выстрел в этом состязании. Оба были приветливы. Избранному президенту я сказал, что с нетерпением жду нашей встречи в Белом доме.

Положив трубку, я помолился о благополучии во времена моего преемника и вспомнил одну из своих любимых фраз. Она из письма Джона Адамса своей жене Эбигейл: «Молю небеса даровать милостивейшее благословение этому дому и всем, кто отныне будет жить здесь. Пусть только честные и мудрые люди правят под этой крышей». Его слова вырезаны на каминной полке в Государственном обесцененном зале.

За несколько месяцев до выборов 2008 года я решил главным образом провести тщательную, организованную передачу дел. Первая смена власти с 11 сентября совпала с нестабильным периодом, и я чувствовал ответственность за то, чтобы предоставить своему преемнику спокойное вступление в Белый дом. Передача дел находилась под контролем Джона Болтена и одного из его заместителей, моего талантливого бывшего помощника Блейда Готтесмана. Они убедились, что новый президент и его команда получили брифинги, доступ к высшим членам администрации и офисное пространство в своих новых отделах.

Передача дел затрагивала экономическую политику. Финансовый кризис потребовал принятия решения относительно нестабильной американской автопромышленности. Три крупнейшие автомобильные корпорации: «Форд», «Крайслер» и «Дженерал Моторс» испытывали трудности на протяжении нескольких лет. За десятилетия последствия неэффективных решений по управлению отзывались для компаний огромными расходами на здравоохранение и пенсии. Они медленно поддавались рыночным изменениям. В результате иностранные производители вытеснили их на второй план по соотношению продукта и цены.

Когда экономика понесла потери, продажи автомобилей сократились. Затем замораживание на кредитных рынках остановило почти все займы на автомобили. Акции автокомпаний упали в результате краха фондовой биржи в сентябре и октябре. Их наличный баланс снизился до опасно низкого уровня. Оставалось мало надежды, что они получат деньги на частных рынках.

Осенью 2008 года управляющий «Дженерал Моторс» Рик Вагонер обратился за федеральной помощью. Он предупредил, что «Дженерал Моторс» может закрыться, и за ним последуют остальные компании. Не думаю, что предупреждения о банкротстве случайно совпали с предстоящими выборами. Я отказался принимать решение по автопромышленности раньше голосования.

Через шесть дней после выборов я встретился с избранным президентом Обамой в Овальном кабинете. Барак был вежлив и уверен в себе. Думаю, он испытывал то же чувство изумления, как и я за восемь лет до того,

Следующий год продемонстрировал смешанную картину. Фондовый рынок упал в течение первых двух месяцев 2009 года, но в конце года произошел подъем на 19 %. Так как банки изменили балансовые отчеты, они начали выкупать акции, принадлежащие государству. К осени 2010 года большая часть капитала, которую министерство финансов предоставило банкам, была выплачена. По мере того как экономика крепла, выплачивалось больше денег и дивидендов.

Я часто размышлял о том, куда бы мог пойти финансовый кризис. Кое-какие признаки кризиса нам удалось разглядеть в самом начале. Мы заметили опасность, возникшую из-за Фредди и Фанни, и неоднократно призывали Конгресс установить более строгий надзор и ограничить размер их портфелей. Мы также осознали необходимость нового подхода к регулированию. В начале 2008 года Хэнк предложил детальный план модернизации нормативной базы, усиливающий контроль за финансовым сектором и предоставляющий правительству больше власти, чтобы постепенно закрыть слабые фирмы. Однако моя администрация и эксперты недооценили объем рисков Уолл-стрит. Рейтинговые агентства создали ложное чувство безопасности, поощряя ненадежные активы. Финансовые фирмы использовали слишком много заемного капитала и скрывали фактическую задолженность с помощью балансовых отчетов. Многие новые продукты были настолько сложны, что даже их создатели не полностью поняли их. Из-за всего этого финансовый кризис, назревавший десятилетиями, атаковал нас с неожиданной стороны.

Один из вопросов, который мне чаще всего задают, — как избежать второго кризиса. Первый мой ответ — я не уверен, что мы уже выбрались из этого. Финансовые учреждения всего мира еще распутывают последствия левеирижей, и на правительство взваливается слишком много долгов. Для полного восстановления федеральное правительство должно укрепить долгосрочную финансовую позицию, уменьшив расходы, обращаясь к неоплаченному пассиву в социальном страховании и медицинском здравоохранении и создавая условия для частного сектора — особенно для малых предпринимателей — для возникновения новых рабочих мест.

Как только экономика твердо станет на ноги, Фанни и Фредди должны прекратиться в частные компании, которые конкурируют на ипотечном рынке,

играя на поле с другими фирмами. Необходимо, чтобы банки придерживались разумного объема капитала, во избежание чрезмерного вложения средств в ценные бумаги. Рейтинговые агентства по кредитованию должны пересмотреть модель анализа сложных финансовых активов. И совет директоров должен избавиться от компенсационных пакетов, создающих неверные стимулы и вознаграждающих исполнителей даже за их промахи.

В то же время мы должны быть осторожны и избегать сильной коррекции. Перерегулирование замедляет инвестиции, сдерживает инновации и подавляет предпринимательство. Правительство должно расширить влияние в банковской, автомобильной и страховой сферах. В вопросах финансового регулирования Конгресс не должен нарушать независимость ФРС в осуществлении кредитно-денежной политики. А финансовый кризис не должен способствовать увеличению налогов, что может подорвать экономический рост, необходимый для восстановления силы.

Более того, наша страна должна поддерживать веру в свободные рынки, свободное предпринимательство и свободную торговлю. Свободные рынки сделали Америку страной возможностей и постепенно помогли поднять уровень жизни для последующих поколений. За рубежом свободные рынки превратили борющиеся нации в экономические державы и вытащили сотни миллионов людей из бедности. Демократический капитализм, несмотря на его несовершенство и необходимость рационального присмотра, является намного более успешной экономической моделью из когда-либо изобретенных.

Быть президентом означает по сути, что ты не выбираешь проблемы, которые кладут перед тобой на стол. Но ты должен найти их решение. В последние дни правления я собрал своих помощников по знакомые на последний брифинг в Овальном кабинете. Я выбрал сильную, опытную команду, способную адаптироваться к неожиданностям и давать разумные советы. Мы сделали то, что считали необходимым, зная, что не всегда это получит одобрение. Для некоторых в стране притормозили освобождения от проблемных активов TARP стала срочной рутинностью. Я убежден, что она помогла оградить американцев от экономической катастрофы невероятных

масштабов. Правительство дало понять, что оно не позволит экономике рухнуть, и вторая Великая депрессия, о которой предупреждал Бен Бернанке, не случилась.

Когда я посмотрел на усталые лица мужчин и женщин моей экономической команды, я вспомнил весь период своего правления. Каждый день на протяжении восьми лет мы делали все, что могли. Мы отдали работе все силы. И, преодолевая каждое испытание, мы с честью служили нации, которую любим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторник 20 января 2009 года начался так же, как каждый день последние восемь лет: я прочитал Библию. Одним из отрывков в тот последний день был псалом 18:2: «Господь – твердыня моя и прибежище мое. Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое». Аминь.

Чуть раньше 7.00 я поднялся на лифте на первый этаж Белого дома, прошел по колоннаде и в последний раз открыл стеклянную дверь в Овальный кабинет. Джош Болтен ждал внутри. Он приветствовал меня ежедневными словами главы сотрудников: «Господин президент, благодарю вас за привилегию служить».

В обычное утро Западное крыло кишело помощниками. Но в этот последний день в здании стояла жутковатая тишина. Телефоны не звонили, по телевизорам не показывали новости, в приемных не было совещаний. Единственным звуком было случайное жужжание дрели рабочего, переделывающего офисы для новой команды.

Я оставил письмо на столе «Резолют». Согласно сложившейся президентской традиции, я поздравил своего преемника и пожелал ему успехов. Послание лежало в конверте из манильской бумаги с надписью «44»¹.

«Какой честью было приходить в этот офис каждый день», – сказал я Джошу. Потом я надел пальто, вышел из кабинета и в последний раз совершил круг по беговой дорожке на Южной лужайке, где Спот и я гуляли в то утро, когда я отдал приказ освободить Ирак.

Моя следующая остановка была в Восточной комнате, где собрался персонал Белого дома. Заполненное людьми помещение являло собой раз-

¹ Карлс (Обаме) – 44-й президент США. (Прим. переводчика.)

тельный контраст с пустотой Западного крыла. Там были почти все: флористы, ставившие свежие букеты в Овальном офисе каждое утро; дворцы и камердинеры, заботившиеся о комфорте нашей жизни; плотники и инженеры, поддерживавшие Белый дом в рабочем состоянии; шеф-повара, готовившие такие вкусные блюда, и, конечно, шеф-кондитер, баловавший меня десертами.

Многие из персонала служили в Белом доме не только последние восемь лет, но еще во времена президентства моего отца. «Вы были нам как семья, — сказал я собравшимся. Лора, Дженна и Барбара стояли рядом со мной. — Есть несколько вещей в Вашингтоне, по которым я не буду скучать, но вас мне будет сильно не хватать. Благодарю вас от всего сердца».

Барак и Мишель Обама прибыли к Северному портику к 10:00. Я и Лора пригласили их на чашечку кофе в Голубой комнате, как сделали восемь лет назад Билл и Хиллари Клинтон. Чета Обама была в хорошем настроении, они немного волновалась в связи с предстоящей поездкой. В то же время в Ситуационной комнате местные помощники по вопросам безопасности вели разведнаблюдение за террористической угрозой во время инаугурации. Это было суровым напоминанием того, что враги все еще хотят причинить зло нашей стране вне зависимости от того, кто именно является президентом.

После нашего визита мы сели в автомобили, чтобы совершить путь по Пенсильвания-авеню. Я вспомнил про поездку с Биллом Клинтонем восемь лет назад. В тот январский день 2001 года я даже не мог представить, что за беда развернется над моей головой во время правления. Я знал, что некоторые принятые мной решения не были популярны среди моих соотечественников. Но я доволен, что был готов принимать тяжелые решения, и не боялся делать то, что считал правильным.

В здании Конгресса я и Лора заняли свои места на инаугурации. Я наслаждался мирной передачей власти — одним из основных признаков демократии. Публика с нетерпением ждала приведения к присяге. Барак Обама построил свою предвыборную кампанию на том, что подарил надежду многим американцам.

Для нашего нового президента инаугурация стала волнительным моментом. Для меня и Лоры это был конец. Наступил период другого президента, и мне предстояло вернуться домой. После трогательной церемонии на авиабазе «Эндрюс» я и Лора сели в президентский самолет — теперь с позывным «Специальная воздушная миссия 28000». Мы приземлились прекрасным зимним днем в Западном Техасе в Мидленде и поехали на собрание в Сенттениал Плаза, где проходила церемония проводов восьми лет назад. Многие лица в толпе были теми же самыми, напоминая о верных друзьях, которые были с нами до политики, во время политики и после политики.

«Хорошо вернуться домой, — сказал я. — Я и Лора, возможно, уехали из Техаса, но Техас никогда не покидал нас... Когда я сегодня утром вышел из Белого дома, я ушел с теми же убеждениями, с какими пришел восемь лет назад. И когда я посмотрю в зеркало сегодня вечером, я не буду сожалеть о том, что увижу, — кроме, может быть, того, что волосы у меня седые».

Мы прилетели в Кроуфорд тем же вечером и проснулись на рассвете на следующее утро. Этот первый день Лора окрестила «жизнью после». Меня поразило спокойствие. Не нужно было идти на встречу Центрального разведывательного управления, не висели синие занавески в Ситуационной комнате. Мне казалось, что я снизил скорость со ста до десяти миль в час. Мне нужно было заставлять себя отдыхать. Я читал новости и думал, как на это ответить. Потом я вспоминал, что решение уже принимает кто-то другой.

У меня была масса дел. Я начал работать над строительством Президентского центра Буша в студенческом городке Южного методистского университета, который включает официальный правительственный архив, музей и институт политики, способствующий продвижению образовательной реформы, всеобщего здравоохранения, экономического роста и человеческих свобод, с особым акцентом на создании возможностей для женщин по всему миру. Мне повезло быть единственным президентом для женщин по всему миру. Мне повезло быть единственным президентом, ушедшим с поста, когда оба родителя живы, и я благодарен за возможность проводить больше времени с ними. В июне 2009 года я и Лора присоединились к нашей увеличившейся семье в Коннектикуте, чтобы отметить 85-летие отца, которое он отпраздновал, в очередной раз приг-

нув с парашютом. Мама сострила, что выбор места для приземления – епископальная церковь Святой Анны – стал актом стратегическим. Если бы прыжок получился неправильным, по крайней мере, кладбище было недалеко.

Иногда я вспоминаю, как сильно изменилась моя жизнь. Сразу после переезда в Даллас я пошел погулять с Барни по округе рано утром. Уже около десяти лет мы не делали ничего подобного. Да и Барни тоже – всю жизнь он провел в Белом доме, Кэмп-Дэвиде и Кроуфорде. Барни пометил соседскую лужайку и быстро занялся своими делами. И вот я, бывший президент США, с полиэтиленовым пакетом в руке, поднимаю то, от чего я последние восемь лет уклонялся.

Через день после ухода с поста я начал писать эту книгу. Работа над ней стала великолепной возможностью поразмыслить, и я надеюсь, что вам было приятно читать эти мысли так же, как мне было приятно писать их.

Когда я решил построить эту книгу вокруг ключевых моих решений, я знал, что должен буду исключить некоторые аспекты моего правления. Я не полностью освещаю достижения внешней политики, как, например, историческое гражданское ядерное соглашение с Индией или «Инициативу Мериды» по борьбе с наркотиками, подписанную с Мексикой. Я посвятил всего несколько слов своим заслугам в области энергетики и защиты окружающей среды и не описываю в деталях решение о создании крупнейшего морского заповедника в мире. Я также не упомянул о своих успехах в улучшении условий жизни ветеранов, уменьшении наркомафии среди подростков и сокращении количества бездомных. Все эти достижения – источники моей гордости, и я благодарен тем, кто помог реализовать их.

Вместо того чтобы писать о каждой проблеме, я попытался передать читателю ощущение последовательности событий, случившихся во время моего правления. Надеюсь, я дал понять, что верю: некоторые решения были правильными, а некоторые – нет. Но по каждой проблеме я делал то, что считал лучшим для интересов нашей страны.

Слишком рано говорить о том, каковы будут последствия каждого из моих решений. Будучи президентом, я имел честь восхищаться Джераль-

дом Фордом, Рональдом Рейганом, прощением президента Никсона президентом Фордом, когда-то считавшимся одной из самых глупых ошибок в президентской истории, а теперь признанным благородным поступком руководства. Это невероятно – слышать, как комментаторы, когда-то называвшие президента Рейгана тупицей и разжигателем войны, говорят, что Великий переговорщик выиграл холодную войну.

Надеюсь, спустя десятилетия люди будут вспоминать обо мне, как о президенте, определившем центральную проблему нашего времени и хранившем клятву защищать безопасность страны; следовавшем убеждениям без колебаний, но при необходимости менявшем курс; доверявшем другим людям делать выбор в жизни и использовавшем влияние Америки для распространения свободы. И я надеюсь, они решат, что я соответствовал должности, которую был удостоен чести занимать.

Каким бы ни был вердикт моему правлению, меня успокаивает тот факт, что я уже не услышу этого. Это решение вынесет только история.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Мне повезло: все члены моей семьи — авторы бестселлеров. Отец и мать написали отличные книги, моя сестра Дора тоже. В моей семье бестселлер написала Лора, и Дженна тоже, и потом они выпустили совместный труд. Даже собаки моих родителей, Фред и Милли, были авторами собственных работ.

Меня вдохновлял успех моих родных и, что более важно, меня поддерживала их любовь. Я благодарен Лоре за ее постоянную любовь и за то, что она разделила со мной события, сделавшие возможной появление этой книги. Я благодарю наших дочерей, Барбару и Дженну, за их объятия и смех. Я рад иметь такого зятя, как Генри Хэгер. Я ценю непоколебимую поддержку мамы и отца. И благодарю Джеба, Нила, Марвина и Дору за то, что они утешают своего брата.

Когда я решил написать эту книгу, я знал, что задача предстоит сложная. Я не осознавал, насколько приятной она будет — в основном благодаря сотрудничеству с Крисом Майклом. В конце правления Крис был моим главным спичрайтером. Он знал, как я говорю, и видел многое из того, что мы сделали. Его разнообразные таланты — от исследований до редактирования — позволили проекту книги спокойно развиваться. Его оптимизм был постоянным источником радости. Я буду скучать по нему, так как он уезжает в Йельскую юридическую школу.

Книга сделала первый шаг к публикации, когда я нанял Боба Барнетта. Боб — талантливый юрист с разумными суждениями, несравненным опытом и огромным терпением, которое он продемонстрировал, выдержав мои частые шутки о его расценках за час. Правда, Боб — лучший в своем деле, и он знает каждого имени.

Я не могу представить редактора лучше Шона Десмонда, уроженца Далласа в Техасе, учившегося в Гарварде. Шон знал, где добывать детали и убрать слово и как оживить мой рассказ. Он проявил терпение, профессионализм и отличное чувство юмора.

Я благодарен потрясающей команде *Crown Publishing*. Стив Рабин и Дженни Фрост демонстрировали веру в этот проект с самого начала. Майк Мевджи и Тина Констэбл слаженно помогали им до конца. Я благодарен ведущему редактору Эмми Бурштейн, техническому редактору Джейн Долан, творческому директору Уитни Кукман, младшему редактору Стефании Чен, рекламному директору Дэвиду Дрейку, производственному директору Лини Ноллмуеллеру, директору оформительского отдела Элизабет Рендфлейш и многим другим в издательствах *Crown* и *Random House*, кто помог мне выпустить в свет эту книгу.

Многие исследования для этой книги осуществил блестящий и неутомимый Питер Руф. Питер провел последние восемнадцать месяцев, раскапывая архивы, занимаясь поисками в Интернете и просеивая кучу бумаг. Его проницательность и находчивость улучшили эту книгу в бесчисленное количество раз. Он также при помощи четырех бывших членов моей команды по составлению речей: Стаси Уиллера, Майка Робинса, Майка Хассона и Мэтта Ларкина проверил все факты, а Габриель Джиллет, Пол Лангсдейл, Крис Пападжианис, Сара Кэтрин Перо, Керри Раштон, Сара Сендек, Джош Сильверштейн и другие помогли ему в серьезных поисках.

Я в вечном долгу перед профессионалами Управления национальных архивов и учетных документов за их помощь в написании книги. Я благодарен Алану Лоуву, директору Президентской библиотеки имени Джорджа Буша, и главному архивариусу Шэннону Джеррету за то, что они прежали этот проект в серьезное дело. Архивисты Брук Клемент, Мэтью Лоу и Джоди Стек отыскивали тысячи документов и фотографий, которые помогли освежить мою память и подтвердить некоторые детали в моем отчете. Сара Барка, Толли Фугейт, Питер Хангас, Нили Холм, Бобби Холт, Элизабет Лэннер, Дэвид Сабо и Кетина Тейлор также приняли участие в работе над книгой. Я также благодарю сотрудников отдела президентских материалов Национального архива Вашингтона — особенно Нэнси Смит, Джона Ластера и Стефани Орибуэр — оказавших мне помощь в получении доступа к весьма важным документам.

Много моих верных друзей внесли вклад в эту книгу. Особо я благодарен тем, кто пересматривала полную рукопись: Стиву Хэдли, Джошу Болтену, Энди Карду, Блейку Готтсману, Карен Хьюз, Конли Райс и Дане Перино, которая также дала мне массу бесценных советов. Пит Венер прочитал многое из этой книги на начальном этапе и сделал ценные комментарии. Брент Макинтош и Рауль Йенс тщательно читали конечный вариант. Многие другие вносили предложения об основных главах, включая Дэна Бартлетта, Райана Крокера, Марка Дибала, Гарри Эдсона, Питера Фивера, Джо Хэгина, Майка Хайдена, Кейт Хеннесси, Джоела Каплана, Эдди Лейзера, Джея Лефковица, Бретта Макгёрка и Хэнка Полсона. Они ответственны за многие сильные места в книге и ни за один недостаток.

Для публикации книги мне, как бывшему президенту, нужно было пройти проверку для исключения из классификации секретности. Мне повезло работать с тремя профессиональными юристами, помогавшими мне разобраться в процессе: Биллом Бёрком, Майком Скаддером и Тони Йангом. Я благодарен Биллу Лири и его великолепной команде в Совете Национальной безопасности, которые помогли мне быстро пройти процесс проверки. Я также благодарен преданным своему делу мужчинам и женщинам в Центральном разведывательном управлении, сумевшим проверить основные факты.

Те, кому понравились фотографии, могут поблагодарить Эмили Кропп Мишель, которая – вместе с командой Управления национальных архивов и учетных документов – рассортировала большую часть из четырех миллионов цифровых фотографий, хранящихся в архиве Президентской библиотеки Буша. Они получили их от Эрика Дрейпера, моего главного фотографа, бок о бок работавшего со мной в течение всех восьми лет, и от бывшего фотографа Белого дома Пола Морса.

Решения, о которых я пишу в этой книге, были бы невозможны без помощи людей, преданных мне на протяжении пятнадцати лет общественной службы. Я благодарю Дика и Линн Чейни за восьмилетнюю дружбу. Я ценю выдающихся, бескорыстных мужчин и женщин, работавших в моей администрации, и мой персонал в Белом доме, как и всех, кто был со мной рядом во время моих предвыборных кампаний и пока я был мэром Техаса. Я и Лора и всегда будем благодарны доблестным агентам Специальной служ-

бы, военным силам, которые были всегда на нашей стороне, невероятно радостному персоналу Белого дома, докторам и медицинскому персоналу отделения Белого дома, экипажам военно-воздушных сил Ворта № 1 и военно-морских сил *Marine One* и великолепной команде Кэмп-Дэвида. От лица Барни, Спота и Мисс Бизли я выражаю особую благодарность Дэйлу Хеней, Сэму Саттону, Роберту Фавеле, Синди Райт, Роберту Блоссману и Марии Гальван.

Мне повезло, что меня окружает великолепная команда в Далласе под руководством талантливого и способного начальника персонала Майка Миса. Я благодарен Блейку Готтсману и Джереду Вейнштейну, двум бывшим персональным помощникам, которые потратили месяцы жизни, чтобы помочь мне организовать офис. Все в офисе Джорджа Буша внесли свой вклад в эту книгу: Майк Мис, Брайан Коссибум, Логан Драйден, Фредди Форд, Эшли Хики, Кэролайн Хики, Кэролайн Нуджент, Дэвид Шерзер и Джустин Стёрлинг. Я также благодарен Черити Уоллес, Молли Сопер и Кейти Харпер за то, что они заботились о Лоре.

Помимо написания этой книги последние восемнадцать месяцев я работал над строительством своего президентского центра в Южном методистском университете в Далласе. Я благодарен Марку Лангдейлу за роль над предприятием, президенту университета Джеральду Тёрнеру за руковетное сотрудничество и Джиму Глассману и Стейси Синатл за их руководство институтом Дж. Буша. Я особенно благодарен Дону Эвансу, Рею Ханту и Джинн Джонсон Филипс за все, что они сделали, чтобы проект стал успешным.

Я откровенно признаюсь, что не скукаю по политике в Вашингтоне, но мне не хватает людей, бывших со мною рядом. Я благодарен своим соратникам в Конгрессе, друзьям из числа мировых лидеров и даже членам пресслужбы.

В заключение я хочу сказать спасибо мужчинам и женщинам армии Соединенных Штатов. Хотя я посвятил эту книгу Лоре, Барбаре и Дженне, никто не вдохновлял меня больше тех, кто носит военную форму нашей страны, и их семей. Для меня было огромной честью служить их главнокомандующим.

Джордж Буш

КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Ведущий редактор *Е. В. Демина*
Корректоры *О. В. Смушко, Е. П. Смирнова*
Оформление обложки *В. А. Манацкова*
Верстка *А. Б. Ирашин*

*Издательство выражает особую благодарность Байкулову Хазрету
и Склярской Оксане за помощь в подготовке данной книги.*

Подписано в печать 02.08.2011
Формат 70х100 1/16. Гарнитура «Times New Roman Cyr»
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл.-печ. л. 43,86. Уч.-изд. л. 30,0
Тираж 5000. Изд. № ОП-11-1025-ВИП
Заказ № 1112220.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, пом. I, ком. 5
Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26 км. автодороги «Балтия»,
Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3
www.olmamedia.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97